

Археологические вести

— 36 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

36
(2022)

Saint Petersburg
2022

Археологические вести

**36
(2022)**

Санкт-Петербург
2022

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвощинская (отв. редактор), П. А. Миляев

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 36 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2022. — 292 с.: ил.

Очередной выпуск журнала «Археологические вести» посвящен памяти Анатолия Николаевича Кирпичникова — крупнейшего специалиста в области археологии, истории и культуры Древней Руси. Особое место в его исследованиях занимала тема военного дела в эпоху средневековья, поэтому неслучайно в значительной части статей рассматриваются вопросы оружиеведения и крепостного строительства. Долгие годы А. Н. Кирпичников был руководителем Староладожской экспедиции ИИМК, в этой связи в журнале представлены результаты современных ландшафтно-археологических наблюдений на Земляном городище, а также дается анализ керамического комплекса горизонта E₃₋₃. В ряде статей обсуждаются различные аспекты изучения памятников Восточной Европы и отдельные категории археологических древностей. В разделе «История науки» к публикации подготовлен фотоматериал из семейного архива известных советских археологов Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Воронина.

Среди авторов журнала — ученые из различных центров России, Беларуси и Украины.

The present issue of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov — the largest specialist in the field of archeology, history and culture of Ancient Russia. A special place in his research was occupied by the topic of military affairs in the Middle Ages, so it is no coincidence that in a significant part of the articles the issues of weapons science and fortification are considered. For many years, A. N. Kirpichnikov was the head of the Staraya Ladoga expedition of the IHMC, in this regard, the journal presents the results of modern landscape and archaeological observations on the Zemlyanoy settlement, and also analyzes the ceramic complex of the E₃₋₃ horizon. A number of articles discuss various aspects of the study of the monuments of Eastern Europe and certain categories of archaeological antiquities. In the “History of Science” section, photographic material from the family archive of famous Soviet archaeologists G. F. Korzukhina and N. N. Voronin has been prepared for publication.

Among the authors of the journal are scientists from various centers in Russia, Belarus and Ukraine.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — деталь рукояти меча, Саксукалнс Сигулды (Siguldas Saksukalns), Латвия (*Tomsons*, 2019. Att. 35, 1)

First page of cover — part of sword hilts cast, Siguldas Saksukalns, Latvia (*Tomsons*, 2019. Att. 35, 1)

Четвертая страница обложки — деталь рукояти меча, Кулламаа Майдла (Kullamaa Maidla), Эстония (*Jets*, 2013. Joonis 29)

Forth page of cover — part of sword hilts cast, Kullamaa Maidla, Estonia (*Jets*, 2013. Joonis 29)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2022

Содержание

AD MEMORIAM

<i>В. А. Лапшин. А. Н. Кирпичников — историк военного дела средневековой Руси</i>	9
<i>А. Н. Кирпичников. Фотографии разных лет</i>	16
<i>П. П. Толочко. Кирпичников и Украина</i>	27

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. В. Курбатов. Кожаные предметы воинского снаряжения и вооружения эпохи раннего железа и римского времени в Европе</i>	35
<i>М. М. Казанский. Трапецевидные подвески в раннесредневековой Галлии: о ранних контактах балтов и славян с франками</i>	45
<i>Т. Б. Сениченкова. Керамика горизонта Е_{3,3} Старой Ладogi (по материалам раскопок Е. А. Рябина в 1973–1985 гг. на Земляном городище)</i>	60
<i>С. Ю. Каинов, В. В. Новиков. Шпоры из Гнёздова</i>	77
<i>С. С. Зозуля, С. Ю. Каинов. Мечи типа «W» на территории Древней Руси</i>	107
<i>А. Ю. Щедрина. Мечи особых типов из курганов Юго-Восточного Приладожья</i>	130
<i>С. И. Кочкуркина. Приладожская курганная культура (этапы формирования погребальной обрядности и особенности периода ее становления)</i>	141
<i>Н. А. Плавинский. Курганный могильник Новосёлки в контексте погребальных памятников Верхнего Повилья начала II тыс. н. э.</i>	151
<i>Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев. Комплекс памятников у деревни Сквородка. История исследования и современное состояние</i>	167
<i>А. А. Пескова, А. Ю. Кононович. Церковные осветительные приборы в древнерусском городе (по материалам из раскопок Большого Шепетовского городища)</i>	182
<i>Т. Н. Джаксон. «Финны» в «Саге о Кетиле Лососе»</i>	198
<i>Ю. А. Кулешов, О. М. Олейников, П. В. Усольцев, А. Н. Каменский. Еще раз о латных перчатках в комплексе вооружения древнерусского воина XIV–XV вв.</i>	205
<i>С. А. Салмин, Е. В. Салмина. «...а около полисадъ окладывали с обѣих сторон дерном»: археологическое изучение куртины земляной крепости 1700–1702 гг. в Пскове</i>	210
<i>А. И. Сакса. Кякисалми — Корела (Корельский город). Этапы истории</i>	220

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>О. В. Иов (†)</i> . Дискуссионные вопросы ранней истории Турова X — начала XI в.	233
<i>П. Е. Сорокин</i> . Крепость Ниеншанц в первой половине — середине XVII в.	244
<i>С. А. Васильев, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова, С. А. Семенов, К. В. Семенов</i> . Результаты ландшафтно-археологических наблюдений на территории Ладожского Земляного городища и перспективы дальнейших исследований	264

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>М. В. Медведева, Д. А. Кукина</i> . Страницы семейной хроники. Неизвестное фотографическое наследие Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Воронина	272
Список сокращений	291

Contents

AD MEMORIAM

<i>V. A. Lapshin</i> . A. N. Kirpichnikov — a historian of military science in mediaeval Rus	9
A. N. Kirpichnikov. Photos from different years	16
<i>P. P. Tolochko</i> . Kirpichnikov and Ukraine	27

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>A. V. Kurbatov</i> . Leather objects of military equipment and arms of the early Iron Age and Roman period in Europe.....	35
<i>M. M. Kazanski</i> . Trapezoid pendants in early medieval Gaul: on the early contacts of Balts and Slavs with Franks	45
<i>T. B. Senichenkova</i> . Pottery from horizon E _{3.3} of Staraya Ladoga (after materials from excavations by E. A. Ryabinin in 1973–1985 at Zemlyanoye Gorodishche).....	60
<i>S. Yu. Kainov</i> , <i>V. V. Novikov</i> . Spurs from Gnezdovo	77
<i>S. S. Zozulya</i> , <i>S. Yu. Kainov</i> . Swords of type W in the territory of Old Rus	107
<i>A. Yu. Shchedrina</i> . Swords of peculiar types from barrows of the South-Eastern Ladoga region	130
<i>S. I. Kochkurkina</i> . The Ladoga kurgan culture (stages of the formation of the burial rite)	141
<i>M. A. Plavinski</i> . Barrow cemetery Novoselki in the context of the burial monuments of the Upper Vilija Region of the beginning of the II millennium AD	151
<i>E. R. Mikhaylova</i> , <i>V. Yu. Sobolev</i> . Complex of archaeological sites near the village of Skovorodka. History of investigations and the present state	167
<i>A. A. Peskova</i> , <i>A. Yu. Kononovich</i> . Church lighting appliances in Old-Russian towns (after materials from excavations of the Large Fortified Settlement near Shepetovka).....	182
<i>T. N. Jackson</i> . “Finnar” in “Ketil Trout’s Saga”	198
<i>Yu. A. Kuleshov</i> , <i>O. M. Oleynikov</i> , <i>P. V. Usoltsev</i> , <i>A. N. Kamenskiy</i> . Once more on the gauntlets in the complex of weaponry of a Medieval Russian warrior in the 14 th –15 th cen.	205
<i>S. A. Salmin</i> , <i>E. V. Salmina</i> . “...and the palisade was faced with turf on both sides”: archaeological investigation of the curtain wall of the earthen fortress of 1700–1702 in Pskov.....	210
<i>A. I. Saksa</i> . Kyakisalmi — Korela (Korelian town). Stages of the history	220

CONTENTS

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>O. V. Iov (†)</i> . Arguable questions of the early history of Turov of the 10 th — early 11 th cen.	233
<i>P. E. Sorokin</i> . The fortress of Nyenskans in the first half/middle of the 17 th cen.	244
<i>S. A. Vasilyev, N. V. Grigoryeva, M. S. Pavlova, S. A. Semenov, K. V. Semenov</i> . Results of landscape-archaeological studies of the area of Staraya Ladoga Zemlyanoye Gorodishche and prospects of further investigations.....	264

HISTORY OF SCIENCE

<i>M. V. Medvedeva, D. A. Kukina</i> . Pages of the family chronicles. Unknown photographic heritage of G. F. Korzukhina and N. N. Voronin.....	272
List of abbreviations	291

AD MEMORIAM

А. Н. Кирпичников — историк военного дела средневековой Руси¹

В. А. Лапшин²

Аннотация. Статья посвящена научному вкладу крупнейшего отечественного исследователя-оружиеведа Анатолия Николаевича Кирпичникова (1929–2020) в изучение военного дела средневековой Руси. В его работах можно выделить несколько важнейших направлений: историю формирования холодного наступательного и защитного вооружения, включая снаряжение всадника; военное искусство — тактика ведения боя и осадная техника; клинковую эпиграфику; крепостное зодчество Северо-Запада Руси. Все эти темы получили глубокое осмысление в его фундаментальных трудах, в результате чего была создана оригинальная концепция развития русского военного дела эпохи средневековья.

Ключевые слова: средневековая Русь, оружие, клинковая эпиграфика, крепостное зодчество, Новгородская земля, Кирпичников.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-9-15

Можно сказать, что в искусстве ведения войны русские не переставали быть европейцами, но часто сражались, как азиаты.

Кирпичников, 1967. С. 92

Анатолий Николаевич Кирпичников (1929–2020) — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный гражданин Ленинградской области. Он один из ведущих и международно признанных специалистов в области изучения археологии, истории и культуры Древней Руси — России и сопредельных стран Северной Европы, автор более 700 научных трудов. Более всего он известен как историк военного дела средневековой Руси.

Анатолий Николаевич родился 25 июня 1929 г. в Ленинграде. Ребенком он чудом выжил в годы страшной ленинградской блокады 1941–1944 гг., потеряв при этом мать, убитую немецким снарядом. В 1948 г., закончив школу, поступил на кафедру археологии исторического

факультета Ленинградского государственного университета. В 1949 г. он впервые поехал в археологическую экспедицию профессора Михаила Константиновича Каргера, ставшего на многие годы его научным руководителем. В дальнейшем А. Н. Кирпичников участвовал в архитектурно-археологических экспедициях М. К. Каргера в Киеве, Переяславе-Хмельницком, Галиче, Владимире Вольнском, Полоцке и других городах. Своим становлением в качестве ученого А. Н. Кирпичников обязан в неменьшей степени лекциям блестящих историков и археологов — В. В. Мавродина, М. И. Артамонова, В. И. Равдоникаса и других преподавателей, работавших тогда на историческом факультете.

В 1953 г. А. Н. Кирпичников защитил дипломную работу «Древний Белгород (Киевский)», с отличием закончил Университет и был принят научным сотрудником в Артиллерийский исторический музей (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). Представленная в музее коллекция экспонатов, относящихся ко времени до огнестрельного оружия, возбудила интерес молодого исследователя к малоизученной тогда теме древнерусского

---

¹ Работа выполнена в рамках темы гос. задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru.

вооружения и древней военной техники. Недавно одним из директоров музея был выдающийся археолог конца XIX — начала XX в. Н. Е. Бранденбург. С его научным наследием Анатолию Николаевичу предстояло столкнуться 20 лет спустя, в связи с изучением Староладожской крепости (Кирпичников, 2003а). Пока же исследователя увлекла идея поисков в руинах Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря арсенала, известного по описи XVII в. На эти раскопки в 1953 г. Анатолий Николаевич получил свой первый Открытый лист. С тех пор ежегодные полевые исследования не прекращались в течение 65 лет. Первые поиски окончились неудачей — арсенал монастыря был расхищен еще в конце XVIII в. Но в процессе исследований сформировалась еще одна тема научных интересов, которую А. Н. Кирпичников пронес через всю жизнь, — оборонное зодчество Северо-Запада России.

В 1955 г. А. Н. Кирпичников поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры РАН). С этого момента его работа и жизнь оказались навсегда связаны с Институтом. Тема древнерусского оружия X–XIII вв., взятая им по совету Павла Александровича Раппопорта, казалась необъятной. В литературе, архивах, музеях были рассеяны сведения о тысячах археологических находок шлемов, мечей, топоров, доспехов, кольчуг, предметов снаряжения всадников и боевых коней. Срок аспирантуры закончился, а работа была далека от завершения. «Толя, ты не торопись», — говорил ему М. К. Каргер, и на подготовку диссертации ушло еще пять лет. Тогда появилась любимая присказка А. Н. Кирпичникова, которую он часто повторял: «Только каторжная работа нас спасет».

Наконец в 1963 г. Анатолием Николаевичем была успешно защищена кандидатская диссертация «Русское вооружение ближнего боя X–XIII вв.» (Кирпичников, 1963). Далеко не из каждой аспирантской работы получается книга, а из диссертации А. Н. Кирпичникова вышло целых четыре. С 1966 г. в серии «Свод археологических источников» стали выходить корпуса, посвященные древнерусскому вооружению (Кирпичников, 1966а; 1966б; 1971; 1973). В них были использованы материалы 1300 погребений и более 100 поселений. Всего учтено более 2000 единиц оружия ближнего боя — колющего, рубящего и ударного (копий, сулиц, боевых топоров, мечей, сабель, скрамасаксов, кинжалов, булав, кистеней),

а также боевых доспехов, предметов снаряжения коня и всадника. 37-летний ученый сразу стал классиком отечественной археологии. Фундаментальность трудов настолько не вязалась с возрастом автора, что не знавшие Анатолия Николаевича лично иногда путали его с Александром Ивановичем Кирпичниковым — филологом и искусствоведом, участником Археологических съездов, активно публиковавшимся в последней четверти XIX — начале XX в.

Среди предшественников-оружиеведов, на труды которых он опирался, А. Н. Кирпичников называет В. В. Висковатого, Н. Е. Бранденбурга, Э. Э. Ленца, В. В. Арндта, а также старших коллег — А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, Б. А. Колчина, А. Ф. Медведева и других (Кирпичников, 1963. С. 3). Материалы раскопок, особенно XIX в., Д. Я. Самоквасова, В. И. Сизова и др. потребовали специального источниковедческого разбора. В частности, А. Н. Кирпичников первым из археологов нашел в Отделе письменных источников Государственного исторического музея дневники раскопок «владимирских курганов» А. С. Уварова за 1851–1852 гг., опровергнув тем самым суждение А. С. Спицына, что таковые вовсе не велись (Кирпичников, 1966а. С. 10).

Глобальный охват находок вооружения на территории всей Древней Руси позволил прийти к обобщениям, которые остаются справедливыми и поныне, несмотря на то, что каждый полевой сезон прошедших десятилетий приносил и приносит новые археологические находки. Сформулирована общая периодизация военного дела домонгольской Руси, изложенная в заключительной главе 3-го тома «Исторические этапы и пути развития древнерусской военной техники» (Кирпичников, 1971. С. 70–79).

А. Н. Кирпичников на основе изучения всей массы археологического материала создал концепцию формирования комплекса вооружения Древней Руси как творческого синтеза западноевропейского и азиатско-кочевнического путей развития. «Киевская держава была одной из немногих европейских стран, где несходство и разнообразие в составе и подборе оружия были столь разительными и контрастными. На Руси освоили западный меч и восточную саблю, европейское ланцетовидное копье и кочевническую пику, восточный чекан и меровингский скрамасакс, азиатский сфероконический шлем и „викингские“ шпоры, ближневосточные кистени, булавы и северные ланцетовидные стрелы» (Кирпичников, 1967. С. 90).

«Русская военная техника создавалась в исключительно напряженной обстановке, вызванной крайностями ведения войны „на два фронта“. Киевской рати приходилось воевать на севере и северо-западе с тяжеловооруженным и относительно малоподвижным европейским противником и на юге и юго-востоке с быстрыми и маневренными конными степняками» (*Там же*. С. 92). Общий вывод лаконичен, как афоризм: «Можно сказать, что в искусстве ведения войны русские не переставали быть европейцами, но часто сражались, как азиаты» (*Там же*).

Процесс создания древнерусской оружейной культуры привел к возникновению неповторимого по своим особенностям комплекса военных средств. На территории от Волги до Прибалтики происходили военно-технические преобразования, имевшие общеевропейское значение. «Не без влияния русского клинкового производства во всей Северной и Центральной Европе произошла переработка франкского меча и распространились рукояти новых форм. Русь приняла участие в создании необходимых для конной рубки мечей с искривленным навершием и перекрестьем. Прямым воздействием традиций русского ремесла объясняется появление в Восточной Прибалтике с XI в. однолезвийных сабель-мечей, а в Волжской Болгарии с XII–XIII вв. — сабельных гард круговой защиты руки. В Киеве был выработан наконечник ножен меча с „восточной пальметкой“, перенятый затем всеми североевропейскими меченосцами. ... Русские дружинники ходили в золоченых сфероконических шлемах. Эту моду восприняли феодалы Венгрии, Польши и Самбии. Викинги усвоили чекан и конический шлем, которые они заимствовали в Киевском государстве» (*Там же*. С. 94).

Сухость насыщенных статистическими таблицами текстов сводов по древнерусскому оружию оживляют эпиграфы из летописей, которыми предваряются все главы. Они выдают скрытое за строгостью изложения трепетное, романтическое отношение автора к предмету своего исследования.

Новым направлением в изучении оружия стала клинковая эпиграфика — раскрытие на лезвиях мечей знаков и надписей, инкрустированных в металл дамаскированной проволокой. Клейма на мечах были известны давно, наиболее знамениты каролингские мечи с надписью «Ulfberht», которые изготавливались в мастерских на Нижнем Рейне и найдены в наибольшем количестве

в Северной Германии, Скандинавии и на Руси (*Кирпичников*, 1966а. С. 38–40). Обычно надписи обнаруживались при реставрации, их выявление носило случайный и поэтому выборочный характер. А. Н. Кирпичников впервые стал целенаправленно расчищать клейма: из 46 расчищенных клинков X — начала XI в., найденных на территории Руси, на 32 оказались надписи (21) или отдельные знаки (11) (*Там же*. С. 40). Впервые на нескольких раннесредневековых клинках были раскрыты русские именные надписи (*Кирпичников*, 1965; 1966а. С. 41, табл. XIV). В дальнейшем А. Н. Кирпичникову удалось расчистить и изучить более 300 клинков, хранящихся в музеях России, Украины, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии (*Кирпичников, Стальсберг*, 1995; *Кирпичников, Толин-Бергман*, 2000; *Кирпичников и др.*, 2001). Единственное, на что он постоянно жаловался, это то, что у сотрудников скандинавских музеев слишком короткий рабочий день, поэтому в командировках оказывается невыносимо много свободного времени.

Серию оружейведческих работ завершила монография, посвященная военному делу на Руси в XIII–XIV вв. (*Кирпичников*, 1976), как часть защищенной в 1975 г. докторской диссертации «Военное дело Руси IX–XV вв.» (*Кирпичников*, 1975). Помимо хронологического расширения предыдущих исследований диссертация включала новые темы: тактику боя и боевое использование военных средств; укрепления, тактику осады и обороны крепостей, осадную доогнестрельную технику; изучение начального этапа огнестрельного оружия.

В докторской диссертации нашло отражение второе направление научных интересов А. Н. Кирпичникова — изучение крепостей Северо-Западной Руси. С 1968 по 1981 г. им была проведена серия полевых исследований в Старой Ладоге, Орешке, Копорье, Ямгороде, Пскове, Порхове, Гдове, Новгороде, Велье, Кореле и Тиверском городке. Темп работ был весьма напряженным, часто на двух памятниках за один полевой сезон.

В исследованиях крепостей А. Н. Кирпичников опирался на работы и советы двух старших коллег — Павла Александровича Раппопорта и Владимира Владимировича Косточкина, о сотрудничестве с которыми он сохранил теплые воспоминания (*Кирпичников*, 1989; 1996г; *Вагнер и др.*, 1994). Новый цикл раскопок значительно уточнил историю становления древнерусского крепостного зодчества. В результате сформировалась детализированная картина двух этапов

формирования северо-западного крепостного щита Северной Руси — новгородского и московского.

Результаты исследований Ладоги, Орешка, Корелы, Тиверского городка, Копорья, Ямгорода, Порхова были опубликованы в фундаментальной книге «Каменные крепости Новгородской земли» (Кирпичников, 1984а). Ей предшествовали монографические исследования крепости Орешек (Кирпичников, Савков, 1966; Кирпичников, 1980а). Отдельные публикации были посвящены архитектурно-археологическому изучению укреплений Новгорода (Кирпичников, 1995а), Велья (Кирпичников, 1999б), Гдова (Кирпичников, 2000б), Кирилло-Белозерскому монастырю (Кирпичников, Хлопин, 1972). Пожалуй, только по укреплениям Пскова исследователь успел опубликовать всего несколько заметок (Кирпичников, 1981; 2003б), хотя собирал материалы всю жизнь. Объектом особого интереса для А. Н. Кирпичникова стала открытая им первоначальная каменная крепость в Ладоге, которую он отнес к концу IX — началу X в. (Кирпичников, 1977; 1980б; 1984а. С. 23–40; Кирпичников, Сарабьянов, 2012. С. 83).

Следует особо отметить небольшую статью А. Н. Кирпичникова, посвященную появлению в конце XVI в. в Московии крепостей бастионного типа, связанному с развитием артиллерии (Кирпичников, 1979а), открывшую новую главу в изучении позднесредневекового оборонного зодчества.

Из изучения северных крепостей логически вытекает еще одно направление научной деятельности А. Н. Кирпичникова — исследование и публикация позднесредневековых письменных и графических источников, касающихся городов Северной Руси. Это и писцовые книги Московского государства (Кирпичников, 1979б; 1985), и планы городов-крепостей Северо-Западной Руси и другие графические материалы из шведских архивов (Кирпичников, Кальюнди, 1966; 1975), и письменные свидетельства иностранцев о позднесредневековом Пскове, к которым исследователь неоднократно возвращался (Кирпичников, 1984б; 1986; 1988; 1994; 1995в; 1996в). В частности, под редакцией А. Н. Кирпичникова впервые опубликованы и прокомментированы дневники и рисунки Николааса Витсена — голландца, посетившего Московию в царствование Алексея Михайловича (Кирпичников, 1995б; 1996б). Добавим от себя, что много лет спустя именно Н. Витсен принимал в Голландии приехавшего в составе Великого посольства молодого Петра I и руководил его «культурной программой», наложившей

неизгладимый отпечаток на всю последующую историю России.

А. Н. Кирпичников много сделал для установления научных связей с коллегами из скандинавских стран и особенно Финляндии (Кирпичников и др., 2017), для возвращения в нашу научную жизнь скандинавских археологов, заклеянных советской пропагандой как «норманисты» (Кирпичников, 1969; 2005; Кирпичников, Тиханова, 1966; Кирпичников, Авдусин, 1968; Кирпичников, Мельникова, 1988).

Ему же принадлежит заслуга восстановления доброго имени Всеволода Викторовича Арндта (1887–1937), блестящего оружейоведа с мировым именем, сотрудника Артиллерийского музея, расстрелянного в 1937 г. (Кирпичников, 1996а; 1999а; 2000а; Кирпичников, Ефимов, 2007). Невольно думаешь, что если бы не это бессмысленное убийство, А. Н. Кирпичников, придя на работу в музей в 1953 г., вне всякого сомнения стал бы учеником 66-летнего В. В. Арндта, и его профессиональная судьба была бы еще более продуктивной и успешной, не пришлось бы до многого «доходить своим умом».

Исследования крепостной архитектуры тесно связаны с реставрацией памятников, поэтому научная деятельность Анатолия Николаевича логично сочеталась и находила продолжение в его общественной деятельности — привлечении внимания к прошлому нашей страны, борьбе за совершенствование охраны памятников ее истории и культуры. С 1978 г. он являлся заместителем председателя Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а в 1997–2020 гг. — его председателем и членом президиума центрального совета ВООПИК. В первую очередь благодаря его усилиям в 1984 г. в Старой Ладоге создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Не замыкаясь на архитектурно-археологической проблематике, близкой ему по научным интересам, Анатолий Николаевич болел душой за все культурное наследие нашей Родины.

Оружиеведческие труды А. Н. Кирпичникова и его просветительско-лекционная работа нашли продолжение в деятельности многочисленных молодежных клубов реконструкторов. На фестивалях, регулярно устраиваемых в исторических городах России, Беларуси и Украины, Анатолий Николаевич всегда был желанным гостем: реконструкторы по праву считали и считают его своим духовным отцом.

- Вагнер и др.*, 1994 — *Вагнер Г. К., Кирпичников А. Н., Айдаров С. С.* Памяти Владимира Владимировича Косточкина (1920–1992) // РА. 1994. № 1. С. 249–250.
- Кирпичников*, 1963 — *Кирпичников А. Н.* Русское оружие ближнего боя (X–XIII вв.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук — 07.00.06: Археология / АН СССР. Ин-т археологии, Ленингр. отд-ние. Л.: б. и., 1963. 17 с.
- Кирпичников*, 1965 — *Кирпичников А. Н.* Древнейший русский подписной меч // СА. 1965. № 3. С. 196–201.
- Кирпичников*, 1966а — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-36). 176 с.
- Кирпичников*, 1966б — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-36). 147 с.
- Кирпичников*, 1967 — О своеобразии и особенностях в развитии русского оружия IX–XII вв. (к проблеме культурных влияний в истории раннесредневековой техники) // Культура и искусство Древней Руси: Сб. ст. / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: ЛГУ, 1967. С. 90–95.
- Кирпичников*, 1969 — *Кирпичников А. Н.* Памяти Туре Арне // СА. 1969. № 2. С. 242–243.
- Кирпичников*, 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-36). 92 с.
- Кирпичников*, 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-36). 112 с.
- Кирпичников*, 1975 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело Руси IX–XV вв.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук — 07.00.06: Археология / Ин-т археологии АН СССР. М.: б. и., 1975. 35 с.
- Кирпичников*, 1976 — *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1976. 104 с.
- Кирпичников*, 1977 — *Кирпичников А. Н.* Ладога и Перяславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси // Памятники культуры. Новые открытия, 1976. М.: Наука, 1977. С. 417–434.
- Кирпичников*, 1979а — *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // ПКНО, 1978. М.: Наука, 1979. С. 471–499.
- Кирпичников*, 1979б — *Кирпичников А. Н.* Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV–XVII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11. С. 68–89.
- Кирпичников*, 1980а — *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек: историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука, 1980. 127 с.
- Кирпичников*, 1980б — *Кирпичников А. Н.* Новооткрытая ладожская каменная крепость IX–XI вв. // ПКНО, 1979. М.: Наука, 1980. С. 441–455.
- Кирпичников*, 1981 — *Кирпичников А. Н.* Стены древнего Пскова // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 13–14.
- Кирпичников*, 1984а — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.
- Кирпичников*, 1984б — *Кирпичников А. Н.* Сообщение Самуила Кихеля о Пскове (1586 г.) // АИППЗ. Псков: б. и., 1984. С. 17–18.
- Кирпичников*, 1985 — *Кирпичников А. Н.* Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 170–180.
- Кирпичников*, 1986 — *Кирпичников А. Н.* Осада Пскова шведскими войсками в 1615 г.: по новообнаруженным или малоизвестным графическим документам // АИППЗ. Псков: б. и., 1986. С. 12–13.
- Кирпичников*, 1988 — *Кирпичников А. Н.* Иностранцы о Пскове XVI в.: новые исследования // Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исследования. М.: Наука, 1988. С. 225–235.
- Кирпичников*, 1989 — *Кирпичников А. Н.* Памяти Павла Александровича Раппопорта // СА. 1989. № 3. С. 297–298.
- Кирпичников*, 1994 — *Кирпичников А. Н.* Иностранец о Пскове XVI в.: Сообщение Самуэля Кихеля // Труды Псковского музея-заповедника. Псков: б. и., 1994. Т. 1. С. 47–67.
- Кирпичников*, 1995а — *Кирпичников А. Н.* Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Вып. 5 (15). С. 76–99.
- Кирпичников*, 1995б — *Кирпичников А. Н.* Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: Славия, 1995. 206 с.
- Кирпичников*, 1995в — *Кирпичников А. Н.* Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г.: исследование и публикация источника // Славяно-русские древности. СПб.: СПбГУ, 1995. Вып. 3. С. 167–235.
- Кирпичников*, 1996а — *Кирпичников А. Н.* Всеволод Викторович Арндт: Трагическая судьба ученого //

- Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Отв. ред. В. М. Масон. СПб.: Госкомстат, 1996 (Археологические изыскания; Вып. 33). С. 558–662.
- Кирпичников, 1996б — Кирпичников А. Н. О рисунках Н. Витсена, созданных во время его путешествия в Россию в 1664–1666 гг. // Н. Витсен. Путешествие в Московию 1664–1666. СПб.: Симпозиум, 1996. С. 219–224.
- Кирпичников, 1996в — Кирпичников А. Н. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и новая Россия: Сб. ст. к 60-летию И. Я. Фроянова. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 424–450.
- Кирпичников, 1996г — Кирпичников А. Н. Творческий портрет Павла Александровича Раппопорта // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 3–7.
- Кирпичников, 1999а — Кирпичников А. Н. В. В. Арендт — историк оружия и военного дела // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 45–149.
- Кирпичников, 1999б — Кирпичников А. Н. Крепость древнего Велья // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Псков: Псковский ГМЗ, 1999. С. 127–142.
- Кирпичников, 2000а — Кирпичников А. Н. Допрос с пристрастием: Судьба историка оружия Всеволода Арендта // ΣΥΣΣΤΙΤΙΑ: Памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 399–404.
- Кирпичников, 2000б — Кирпичников А. Н. Крепость древнего Гдова. СПб.: ИПК «Вести», 2000. 56 с.
- Кирпичников, 2003а — Кирпичников А. Н. Николай Ефимович Бранденбург — выдающийся оружейвед, историк, археолог // Бранденбургские чтения 1. СПб.: б. и., 2003. С. 13–15.
- Кирпичников, 2003б — Кирпичников А. Н. Центральное укрепление древнерусских городов (на примере Новгорода и Пскова) и изучение крепостного зодчества // АИППЗ: Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. Псков: Изд-во Псковского областного центра народного творчества, 2003. С. 199–209.
- Кирпичников, 2005 — Кирпичников А. Н. Об авторе и его книге // Я. Петерсен. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. С. 5–19.
- Кирпичников, Авдусин, 1968 — Кирпичников А. Н., Авдусин Д. А. Памяти Яна Петерсена // СА. 1968. № 3. С. 306–307.
- Кирпичников, Ефимов, 2007 — Кирпичников А. Н., Ефимов С. В. Дело Всеволода Арендта: Возвращенная память // Ex Ungue Leonem: Сб. ст. к 90-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 93–104.
- Кирпичников, Кальюнди, 1966 — Кирпичников А. Н., Кальюнди Е. А. Планы из шведских архивов как источники для изучения замков и городов-крепостей Эстонии и Северо-Западной Руси // Тез. докл. VI Все-союз. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Таллин: б. и., 1973. Ч. 1. С. 123–125.
- Кирпичников, Кальюнди, 1975 — Кирпичников А. Н., Кальюнди Е. А. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Т. 20. С. 68–80.
- Кирпичников, Мельникова, 1988 — Кирпичников А. Н., Мельникова Е. А. Памяти Кнуда Рабека Шмидта // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Т. 31. С. 221–224.
- Кирпичников, Савков, 1966 — Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л.: Лениздат, 1972. 99 с.
- Кирпичников, Сарабьянов, 2012 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога — первая столица Руси. 4-е изд. СПб.: Славия, 2012. 215 с.
- Кирпичников, Стальсберг, 1995 — Кирпичников А. Н., Стальсберг А. Новые исследования мечей викингов (по материалам норвежских музеев) // АВ. 1995. Вып. 4. С. 171–180.
- Кирпичников, Тиханова, 1966 — Кирпичников А. Н., Тиханова М. А. Памяти Хольгера Арбмана // СА. 1969. № 1. С. 262–264.
- Кирпичников, Толин-Бергман, 2000 — Кирпичников А. Н., Толин-Бергман Л. Новые комплексные исследования мечей эпохи викингов из собрания Государственного исторического музея в Стокгольме // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб.: Нестор-История, 2000. С. 100–125.
- Кирпичников, Хлопин, 1972 — Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л.: Художник РСФСР, 1972. 254 с.
- Кирпичников и др., 2001 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И., Томантера Л. Новые исследования средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии // XIV конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Архангельск: Поморский ГУ, 2001. С. 140–141.
- Кирпичников и др., 2017 — Кирпичников А. Н., Уйно П., Носов Е. Н. Финляндско-российское научное сотрудничество в области археологии: Итоги пройденного пути. 1969–2014 гг. // АВ. 2017. Вып. 23. С. 404–409.

A. N. Kirpichnikov — a historian of military science in mediaeval Rus

V. A. Lapshin³

Keywords: mediaeval Rus, arms, blade epigraphy, fortification architecture, Novgorod Land, Kirpichnikov.

This paper is devoted to the scientific contribution of the most prominent national researcher and connoisseur of arms Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov (1929–2020) to the studies of the military science in mediaeval Rus. In his works, several most important directions can be distinguished: history of the formation of the cold offensive and defensive arms including rider's equipment, military science — the tactics of fighting and siege matériel, blade epigraphy, fortification architecture in North-Western Rus. All these subjects have received a deep interpretation in his fundamental works resulting in the creation of an original concept on the development of Russian military science in the Middle Ages.

---

³ Vladimir A. Lapshin — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru.

А. Н. Кирпичников. Фотографии разных лет

Рис. 1. На раскопках Тиверского городка, 1957 г. (1); в качестве персонажа дружеского шаржа, 1965 г. (2)
Fig. 1. At the excavation of Tiversky Gorodok, 1957 (1); in a friendly caricature, 1965 (2)

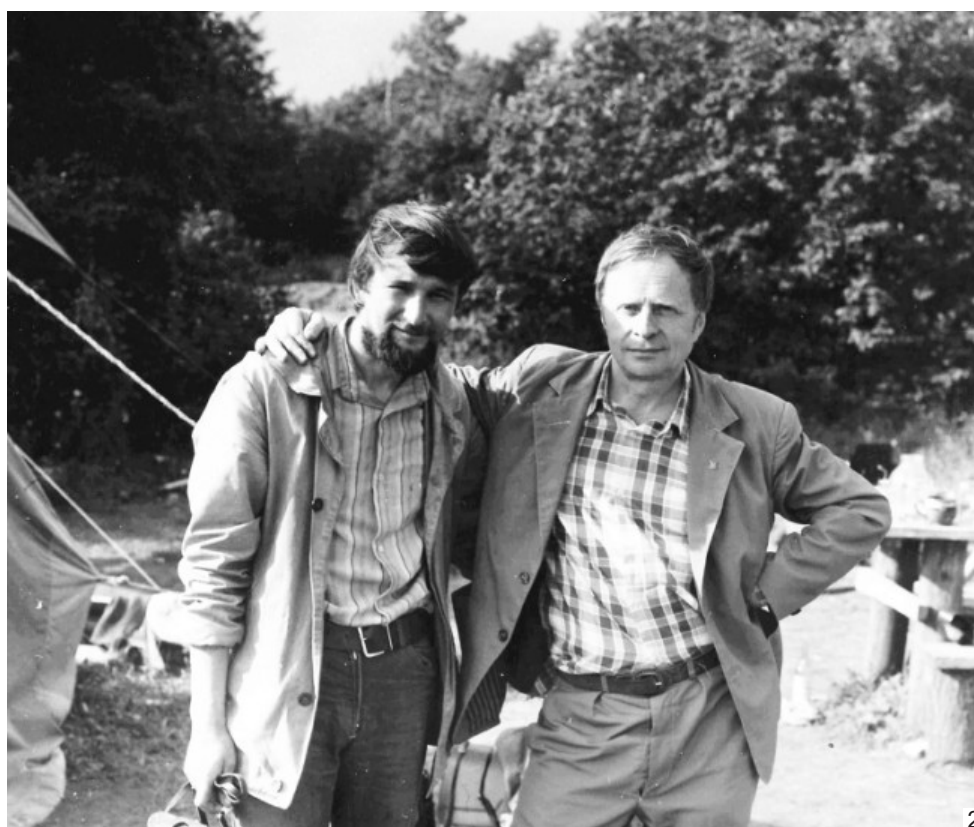

Рис. 2. На раскопках крепости Орешек, 1970 г. (1); вместе с Е. А. Рябининым (слева) в Лашковицах, 1979 г. (2)
Fig. 2. At the excavation of the fortress of Oreshek, 1970 (1); together with E. A. Ryabinin in Lashkovitsy, 1979 (2)

Рис. 3. Вместе с В. А. Назаренко, Л. Г. Хрушковой, А. А. Песковой, Псков, 1983 г. (1); вместе с Г. С. Лебедевым, В. А. Булкиным в составе экзаменационной комиссии исторического факультета ЛГУ, май 1985 г. (2); в директорском кабинете ЛОИА РАН во время советско-финского симпозиума «Древности славян и финно-угров», рядом О. А. Щеглова (у окна) и А. И. Сакса, май 1986 г. (3)

Fig. 3. Together with V. A. Nazarenko, L. G. Khrushkova and A. A. Peskova, Pskov, 1983 (1); together with G. S. Lebedev and V. A. Bulkin among the examining board of the Historical Faculty of the Leningrad State University, May, 1985 (2); in Director's office of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA) RAS during the Soviet-Finnish symposium "Antiquities of Slavs and Finno-Ugrians", near by are O. A. Shcheglova (near the window) and A. I. Saksa, May 1986 (3)

Рис. 4. Старая Ладога, Земляное городище, 1985 г.:
1 — практика студентов ЛГУ (в шляпе — С. Л. Кузьмин); 2 — вместе с П. Уино

Fig. 4. Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche, 1985:
1 — practical training of students of the Leningrad State University (S. L. Kuzmin in a hat); 2 — together with P. Uino

1

2

Рис. 5. Вместе с П. Шульцем, А. И. Саксой, Е. А. Рябининым и В. А. Назаренко на раскопках П. Шульца в Варикониemi, 7 июля 1989 г., Хямеенлинна (1); в Староладожской крепости, 1989 г. (2)

Fig. 5. Together with P. N. Schultz, A. I. Saksa, E. A. Ryabinin and V. A. Nazarenko at the excavations by P. N. Schultz in Varikoniemi, July 7, 1989, Hämeenlinna (1); in the Staraya Ladoga fortress, 1989 (2)

1

2

Рис. 6. На симпозиуме в Польше, 19–29 сентября 1988 г. (1); на защите диссертации П. Уино, Хельсинки, 1997 г. (2)

Fig. 6. At a symposium in Poland, September 19–29, 1988 (1); at the dissertation defence of P. Uino, Helsinki, 1997 (2)

Рис. 7. Вместе с С. В. Белецким (слева) и И. Янссоном (справа) в кабинете Славяно-финского сектора ИИМК РАН, 1998 г. (1); в Смоленском музее, 1998 г. (2)
Fig. 7. Together with S. V. Beletskiy and I. Jansson in the cabinet of the Department of Slavic-Finnish Archaeology at IHMC RAS, 1998 (1); in the Smolensk Museum, 1998 (2)

Рис. 8. Староладожская археологическая экспедиция. На ступенях камералки. Наверху слева: А. Дубашинский, Сергей (рабочий), А. Волковицкий; слева сверху вниз: И. Спельман, М. Шарыгина, Н. В. Григорьева; посередине сверху вниз: В. И. Кильдюшевский, А. Н. Кирпичников; справа сверху вниз: И. Федоров, С. Косенков, Я. В. Френкель, О. А. Щеглова, Старая Ладога, 2003 г.

Fig. 8. Old Ladoga archaeological expedition. On the steps of the chamber. Top left: A. Dubashinsky, Sergey (worker), A. Volkovitsky; from top to bottom: I. Spelman, M. Sharygina, N. V. Grigoryeva; in the middle from top to bottom: V. I. Kildyushevsky, A. N. Kirpichnikov; from top to bottom: I. Fedorov, S. Kosenkov, Ya. V. Frenkel, O. A. Shcheglova, Staraya Ladoga, 2003

1

2

Рис. 9. Вместе с Е. Н. Носовым, М. Д. Полубояриновой, В. Л. Яниным и Е. Н. Рыбиной, Новгород, 2005 г. (1); с О. М. Иоаннисяном на раскопках Е. Р. Михайловой на о-ве Новая Голландия, Санкт-Петербург, 2007 г. (2)

Fig. 9. Together with E. N. Nosov, M. D. Poluboyarinoва, V. L. Yanin and E. N. Rybina. Novgorod, 2005 (1); with O. M. Ioannisyana at excavations by E. R. Mikhaylova on the New Holland Island, Saint Petersburg, 2007 (2)

Рис. 10. Вместе с Ю. М. Лесманом и О. В. Шаровым, ИИМК РАН, 2009/2010 гг. (1);
с П. Е. Сорокиным на раскопках на Охтинском мысу, Санкт-Петербург, 2009/2010 гг. (2)

Fig. 10. Together with Yu. M. Lesman and O. V. Sharov, IHMC RAS, 2009/2010 (1); together with P. E. Sorokin at the excavation on the Okhta Promontory, Saint Petersburg, 2009/2010 (2)

Рис. 11. Вместе с Л. А. Соколовой и Н. В. Григорьевой, Старая Ладога, 2013 г. (1); в Марьино, 2011 г. (2); во время празднования 90-летнего юбилея в ИИМК РАН, 26 мая 2019 г. (3)

Fig. 11. Together with L. A. Sokolova and N. V. Grigoryeva, Staraya Ladoga, 2013 (1); in Maryino, 2011 (2); during the celebration of the 90-year anniversary in IHMC RAS, May 26, 2019 (3)

Кирпичников и Украина¹

П. П. Толочко²

Аннотация. Автор статьи делится своими воспоминаниями и впечатлениями об Анатолии Николаевиче Кирпичникове, с которым он познакомился в 1969 г., и с тех пор они стали большими друзьями на долгие годы. Становление А. Н. Кирпичникова как ученого началось в 1949 г. именно на Украине в составе экспедиции М. К. Каргера, и он на всю жизнь сохранил особую привязанность к украинскому научному сообществу и археологическим памятникам Украины.

Ключевые слова: военное дело Руси, Старая Ладога, выдающийся оружейвед.

Во время моей последней встречи с А. Н. Кирпичниковым, состоявшейся в первых числах ноября 2019 г., он мне сказал: «Петр, мы с тобой вечные друзья». Меня эти слова тронули до слез. «Жаль только, вечность у нас не вечная», — ответил я. Сейчас, когда Анатолий Николаевич уже ушел в эту вечность, я ощутил щемящую истинность его слов. Конечно же, вечные (рис. 1).

Начало нашей вечной дружбы приходится на 1969 г., когда Анатолий Николаевич спасал меня от «карающей десницы» заведующего ЛОИА АН СССР М. К. Каргера, учинившего настоящий разгром моему докладу на Пленуме Института археологии АН СССР. Так сложилось, что Михаил Константинович ревниво относился к моим занятиям древним Киевом, полагая, что после выхода в свет его фундаментального двухтомника «Древний Киев» (1959, 1961) тема эта на долгие годы исчерпана.

К моему несчастью, я привез в Ленинград доклад о раскопках остатков небольшого храма XII — начала XIII в., обнаруженного в Копыревом конце древнего города. М. К. Каргер был крупнейшим специалистом в области древнерусской архитектуры, и я, разумеется, очень волновался. Мое положение неожиданно осложнилось тем, что юный ассистент Сергей Белецкий (ныне известный российский археолог), который должен был показывать слайды, рассыпал их на пол. Показывал

в том порядке, в котором в спешке собрал. Стоит ли говорить, что доклад получился сбивчивым и нескладным. М. К. Каргер не мог скрыть своего удовлетворения и разнес его в пух и прах. В конце обратился к залу со словами: «Кто еще хочет сделать замечания по докладу Толочко?». Затем быстро поправился: «Кто еще хочет принять участие в обсуждении доклада Толочко?».

Конечно, я был уничтожен. Очень переживал свой провал. Первым, кто подошел ко мне после заседания с утешением, был Анатолий Николаевич. Сказал, чтобы я не слишком расстраивался: «Нас Михаил Константинович критикует не мягче, такой у него жесткий характер». А. Н. Кирпичников к тому времени был уже известным археологом, что называется, с именем, и его поддержка для меня много значила.

Читая сообщения, появившиеся в связи с кончиной А. Н. Кирпичникова, я обратил внимание на утверждения, что делом всей его жизни была Старая Ладога. Разумеется, это литературный штамп, но не формальный, а глубоко сущностный. Более 40 лет он исследовал этот древнейший русский город. Можно сказать, сжился и сроднился с его древней историей, которую он справедливо считал началом Русского государства. И неслучайно удостоился светлого титула «Певец Старой Ладоги».

Я имел счастье наблюдать его трепетное отношение к этому городу, когда он 3 ноября 2019 г. проводил экскурсию для участников Первого Международного Петербургского исторического

¹ Статья поступила в редакцию 26.11.2021 г.

² Институт археологии НАН Украины; пр. Героев Сталинграда, д. 12, Киев, 04210, Украина.

Рис. 1. Вечные друзья: А. В. Кирпичников (слева) и П. П. Толочко

Fig. 1. Eternal friends: A. V. Kirpichnikov (left) and P. P. Tolochko

форума, собранного Санкт-Петербургским государственным университетом. Она состояла из доклада в здании Староладожского музея и собственно экскурсионного осмотра памятников города. Делал все это он с заразительной увлеченностью, создавая у слушателей иллюзию их собственной причастности к его открытиям древних ладожских улиц, усадеб, ремесленных мастерских.

По окончании этого выездного заседания, имевшего название «Где рождалась Русь» и завершившегося овацией участников, Анатолий Николаевич сказал мне: «Пусть они едут, а мы с тобой еще немного побудем здесь». Было такое впечатление, что ему не хотелось покидать родной город. «Тут есть одно уютное местечко, — сказал он, хитро улыбнувшись, — где мы можем с тобой немного поговорить».

Задержались мы в Ладоге еще как минимум на час. В уютном кафе, за чашкой кофе и бокалом коньяка Анатолий Николаевич рассказал мне долгую историю создания музея-заповедника «Старая Ладога». Эта идея возникла у него в 1980-е гг. О ней он говорил практически на всех конференциях, археологических и охранительных, писал письма во все правительственные инстанции, заручался поддержкой родственных институций. Вспомнил, что посильную помощь получил и от Института археологии Академии наук СССР. По решению Киевской археологической конференции в марте 1982 г. было составлено

обращение на имя зампреда Совета министров РСФСР В. И. Качемасова, которое должен был подписать и отправить директор Института И. И. Артеменко. Через какое-то время Анатолий Николаевич выяснил, что до адресата оно не дошло. В письме ко мне он просил напомнить И. И. Артеменко об этом. «Теперь, когда хлопоты по юбилею (1500-летию Киева. — П. Т.) позади, не мог бы ты помочь в отправке этого письма в Москву. Был бы благодарен». Разумеется, мы очень быстро исправили свою оплошность.

В 1984 г. стараниями А. Н. Кирпичникова, поддержанными всем сообществом археологов-русистов Советского Союза, в Старой Ладоге был открыт историко-архитектурный и археологический музей-заповедник республиканского значения.

Будучи выдающимся археологом и историком-русистом, А. Н. Кирпичников имел еще одно «дело всей жизни». Это изучение оружия Древней Руси. Здесь он был и остался непревзойденным знатоком, оставившим огромное научное наследие, состоящее из сотен статей и монографий, посвященных всем видам оружия, а также крепостному строительству Новгородской земли IX–XVII вв. Работы А. Н. Кирпичникова стали хрестоматийными в оружейведческой проблематике, без обращения к которым не может обойтись ни один оружейвед восточнославянского мира. Да и европейского тоже.

Ярким подтверждением всевосточнославянской известности А. Н. Кирпичникова были периодические фестивали военного искусства времен Древней Руси, происходившие в парке «Киевская Русь» в селе Копачев под Киевом (рис. 2). На фоне натурной реконструкции центральной части Киева времен Владимира Святославича выстраивались отряды конников, лучников и копейщиков из разных регионов бывшего СССР, готовившиеся к турнирным схваткам. Несколько лет подряд на эти действия директор парка В. В. Янченко приглашал меня и А. Н. Кирпичникова. Мы с ним их и открывали. Буквально первые его фразы вызывали бурю эмоций реконструкторов, восторженно скандировавших здравицу Кирпичникову. И неслучайно. Все, что они показывали зрителям, было изготовлено по образцам и чертежам, находящимся в книгах А. Н. Кирпичникова. По окончании турнира реконструкторы долго не выпускали его из своих объятий, задавали вопросы, стремились пожать руку. Казалось, что они только затем и приезжали, чтобы увидеть и поговорить со своим кумиром.

Здесь уместно будет сказать, что приезды А. Н. Кирпичникова на Украину, как и поддержание дружественных связей с украинскими археологами-русистами, можно отнести к еще одному (уже третьему) «делу всей его жизни». Первая поездка, связанная с раскопками в Переяславле Русском, имела место в 1949 г., а последняя — в 2010 г., когда А. Н. Кирпичников принял участие в Международной конференции «Владимир Великий и его место в отечественной истории». Когда я приглашал Анатолия Николаевича на эту конференцию, он сказал: «Приеду при одном условии: если поедем в Переяславль».

О том, какое место занимал Переяславль в жизни А. Н. Кирпичникова, мы узнали на конференции, проходившей в этом древнейшем русском городе в 2004 г. (рис. 3). Оказалось, что именно здесь состоялось археологическое крещение Анатолия Николаевича. И было это в 1949 г., когда он, студент истфака Ленинградского государственного университета, принимал участие в работе археологической экспедиции М. К. Каргера. Поразительно, но и через много лет в его памяти хорошо сохранилось представление об исторической топографии Переяславля и местах тех давних раскопок. Во время экскурсии он безошибочно показал, где была обнаружена кладка из сырцового кирпича, служившая основой

земляного вала X в. детинца, а также рассказал, как им удалось обнаружить в околном городе остатки небольшой Спасской церкви XI в., служившей княжеской усыпальницей. В связи с празднованием 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией в 1954 г. над этими остатками было сооружено здание, которое стало археологическим музеем. Рассказывая о том, как он расчищал древние фундаменты, Анатолий Николаевич с присущим ему чувством юмора заметил, что эти камни еще хранят тепло его рук. Трудно сказать, так ли это, но то, что тепло этих камней на всю жизнь сохранил он, несомненно.

В 2010 г., как и было условлено, мы вновь отправились в Переяславль. Эту поездку организовал руководитель представительства Россотрудничества в Украине К. П. Воробьев, личным гостем которого был А. Н. Кирпичников. Он и жил в гостиничном номере Россотрудничества на Борисоглебской улице, 2. Мы вновь посетили места давней «археологической славы» Анатолия Николаевича в самом Переяславле, а также знаменитый вал, носящий название «Змиев», который находится в нескольких километрах к югу от города.

Кроме Переяславля археологическое становление А. Н. Кирпичникова проходило в Киеве, Галиче, Владимире Волынском, в с. Городище, отождествленном М. К. Каргером с древним Изяславлем, в Белгороде. Этому древнему пригороду Киева была посвящена его дипломная работа (1953 г.). Впоследствии, когда Г. Г. Мезенцева обратилась к археологическому исследованию Белгорода, она пригласила в качестве консультанта А. Н. Кирпичникова. Можно сказать, что Белгород был его «второй археологической любовью» на Украине, и он спешил туда всякий раз, как только появлялась возможность.

Привязанность А. Н. Кирпичникова к южно-русским древностям обусловила его дружественное отношение и к их исследователям, то есть киевским археологам-русистам. Особо теплое отношение у него было к заведующему отделом древнерусской археологии Института археологии АН УССР В. И. Довженко. У них были общие научные интересы, связанные с исследованием военного дела Руси. Узнав о болезни В. И. Довженко, Анатолий Николаевич в письме ко мне от 23 августа 1976 г. просил передать ему «его давнюю к нему любовь».

По существу благодаря В. И. Довженко я и познакомился с А. Н. Кирпичниковым. Было это,

Рис. 2. На турнире реконструкторов в парке «Киевская Русь» под Киевом: 1 — стоят слева направо: П. П. Толочко, ведущая праздника, А. Н. Кирпичников, директор парка В. В. Янченко; 2 — приветственное слово А. Н. Кирпичникова; 3, 4 — А. Н. Кирпичников с участниками турнира

Fig. 2. At a tournament of reenactors in the park “Kievan Rus” near Kiev: 1 — standing, from left to right: P. P. Tolochko, the host of the festival, A. N. Kirpichnikov, the director of the park V. V. Yanchenko; 2 — welcoming address of A. N. Kirpichnikov; 3, 4 — A. N. Kirpichnikov with participants of the tournament

кажется, в 1963 г., когда он работал в Киевском историческом музее над расчисткой древнерусских мечей. Этой работой Кирпичников занимался давно и к тому времени исследовал уже около 100 клинков. Большинство их имели клейма оружейников рейнских мастерских: Ulfberht, Inqelred и др. Скандинавские археологи Х. Арбман, Т. Арне полагали, что какая-то часть неклеяемых мечей имеет местное (скандинавское) происхождение. А вот в том, что их могли делать и славянские мастера, сомневались. Т. Арне вопрошал: «Имеются ли вообще доказательства того, что отдельные мечи типов викингского времени изготавливались восточнославянскими кузнецами?». Он не отрицал, что эти кузнецы могли делать простые железные предметы, однако не видел выкованных ими мечей.

Вывод Б. А. Колчина, крупнейшего советского специалиста в области технологии изделий из

черного металла, что некоторые из исследованных им 10 клинков были изготовлены в одном из промышленных районов Древней Руси, не получил всеобщего признания. Не могли служить доказательством местного производства клинков и рукояти мечей, украшение которых напоминало орнаменты Софии Киевской. Б. А. Рыбаков полагал, что некоторые из них могли монтироваться где-то в Среднем Поднепровье.

А. Н. Кирпичников признавался, что в своем упорстве по расчистке лезвий он был ведом надеждой увидеть русскую надпись, русское клеймо. Его труды были вознаграждены сторицей. На мече, найденном у деревни Хвощеватая на Полтавщине в начале XX в. и считавшемся типично скандинавским, он обнаружил русскую надпись. На одной стороне клинка читается имя Людота, на другой — прозвище Коваль. С этим

Рис. 3. Переяслав: 1 — под валом детинца, слева направо: В. В. Седов, А. Н. Кирпичников, Н. А. Макаров, П. П. Толочко; 2— на валу окольного города, слева направо: Н. А. Макаров, П. П. Толочко, А. Н. Кирпичников; 3 — Археологический музей, слева направо: А. Н. Кирпичников, П. П. Толочко, В. В. Седов; 4 — Археологический музей, слева направо: Н. А. Макаров, С. В. Колыбенко, П. П. Толочко, А. Н. Кирпичников

Fig. 3. Pereyaslav: 1 — under the rampart of the Detinets, from left to right: V. V. Sedov, A. N. Kirpichnikov, N. A. Makarov, P. P. Tolochko; 2— on the rampart of the Okolny Gorod, from left to right: N. A. Makarov, P. P. Tolochko, A. N. Kirpichnikov; 3 — Archaeological Museum, from left to right: A. N. Kirpichnikov, P. P. Tolochko, V. V. Sedov; 4 — Archaeological Museum, from left to right: N. A. Makarov, S. V. Kolybenko, P. P. Tolochko, A. N. Kirpichnikov

известием Анатолий Николаевич пришел к Довженко, а затем повел нас в Исторический музей показывать свое сенсационное открытие. К тому времени оно уже было зафиксировано фотографически сотрудниками Киевского института судебной экспертизы. Нужно ли подтверждать, сколь значимой для древнерусской археологии оказалась находка Кирпичникова? Она явилась убедительнейшим ответом на риторическое вопрошание Т. Арне о том, где доказательства, что отдельные мечи викингского времени изготовлялись и восточнославянскими кузнецами. Первая публикация клейма русского мастера была выполнена А. Н. Кирпичниковым в № 3 журнала «Советская археология» за 1965 г., что сделало его открытие достоянием не только советской, но и европейской археологии.

Перечитывая письма А. Н. Кирпичникова, я наткнулся на еще один любопытный эпизод наших с ним отношений. В одном из них (от 15 июня 1975 г.) он поблагодарил нас с В. И. Довженко за отзыв на его докторскую диссертацию, при этом отметил, что, к сожалению, пользы от него ему не было никакой, так как пришел он с опозданием и не был принят во внимание защитным Советом. Разумеется, мы были огорчены этим обстоятельством, поскольку искренне хотели поддержать Анатолия Николаевича.

Но, как это нередко бывает, оказалось, что труд наш не был напрасным. Всесоюзная аттестационная комиссия, практиковавшая отсылку диссертаций на «черные» рецензии, направила работу Кирпичникова «Военное дело Руси IX–XIV вв.» в Институт археологии АН УССР. Через

М. В. Малевскую я сообщил об этом А. Н. Кирпичникову, а он срочно переслал нам два экземпляра нашего с В. И. Довженко отзыва, объяснив это тем, «чтобы Вам снова не думать на старую тему». Думать нам, точнее мне, так как Василий Иосифович был уже болен, все равно пришлось, причем, в том числе, по просьбе самого Анатолия Николаевича. В письме от 23 августа 1976 г. он подсказал ряд сюжетов по IX–XIII вв., которые следовало бы расширить (снаряжение коня и всадника, доспех, клинковые надписи и др.), которые значительно увеличили первоначальный текст.

Наш «черный» отзыв, судя по тому что Кирпичников вскоре получил докторскую степень, вполне удовлетворил ВАК СССР.

Еще одну поддержку А. Н. Кирпичникову Институт археологии АН УССР оказал в связи с выдвижением его кандидатуры на почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». Это была целиком наша инициатива, которую я согласовал с номинантом. Анатолий Николаевич с благодарностью принял мое предложение. В письме от 19 мая 1989 г. попросил только особо отметить, что он последовательно «выступает за русско-украинские научные связи в области археологии, истории, охраны памятников». Вряд ли эта констатация была существенной для комиссии, рассматривавшей его дело. Речь ведь шла о деятеле науки России. Но она была важной для самого Анатолия Николаевича, поскольку отражала его постоянное стремление к тесному сотрудничеству с украинскими археологами.

Трогательным свидетельством этому стала научная конференция 2009 г. в Чернигове, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Довженко. Анатолий Николаевич не просто принял в ней участие, но, по существу, был одним из ее инициаторов. В письме он напомнил мне о предстоящем юбилее Довженко, «который достоин нашей памяти». На конференции считал своим долгом поделиться с участниками воспоминаниями о крупном украинском археологе и историке, у которого многому научился сам. Это была своеобразная передача «археологической эстафетной палочки» от поколения ушедшего поколения будущему.

В один из дней произошел случай, о котором я хотел бы вспомнить. Жили археологи в роскошной гостинице на берегу Десны, бывшей обкомовской. Ожидая в ресторане своей очереди на ужин, мы увидели, как из лифта, в окружении нескольких молодых людей, вышла красивая женщина

в белом платье. Это была Ю. В. Тимошенко — премьер-министр Украины. Не успели мы и глазом моргнуть, как Анатолий Николаевич уже стоял возле Юлии Владимировны и целовал ей ручку. Их милая беседа длилась несколько минут и, судя по улыбающимся лицам, обоим была приятна. Позже Анатолий Николаевич рассказал нам, что своей собеседнице представился как профессор из Санкт-Петербурга и объяснил, с какой целью он и его коллеги собрались в Чернигове. Успел замолвить слово за украинскую археологию и пригласить Юлию Владимировну в Старую Ладугу. При этом напомнил, что ее российский коллега В. В. Путин уже дважды посетил этот древнейший русский город. В свою очередь Ю. В. Тимошенко пожелала Кирпичникову и всем нам успешной работы конференции.

Благодаря А. Н. Кирпичникову установились дружеские отношения между сотрудниками руководимого им Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и сотрудниками Отдела археологии Киева НАН Украины. Может быть, не самым важным, но, бесспорно, существенным показателем особо теплых отношений между нашими научными коллективами являлись взаимные поздравления. О том, какими они были, показывает новогодняя открытка 1987 г., в которой пожелания «счастливого и благополучного Нового Года на берега Днепра» засвидетельствовали своими подписями вместе с Анатолием Николаевичем и все его сотрудники (рис. 4).

Будучи частым и желанным участником различных конференций в Киеве, Чернигове, Переяславле, А. Н. Кирпичников старался отвечать взаимностью, приглашая киевских археологов на конференции и симпозиумы, организованные его Отделом. Для меня памятным является Международный Российско-Финляндский симпозиум «Славяне и финно-угры. Археология, история, культура», приглашение на который я получил от Анатолия Николаевича. Рассказав в своем письме о времени и месте работы симпозиума, а это были Пушкинские Горы в Псковской области, он подчеркнул, что меня ожидает еще и культурная программа — экскурсия по памятным местам А. С. Пушкина. Отказаться от такого предложения я, разумеется, не мог.

Получил я от А. Н. Кирпичникова также приглашение на участие в симпозиуме «Функции укрепленных поселений в Балтийском регионе 900–1500», который должен был состояться

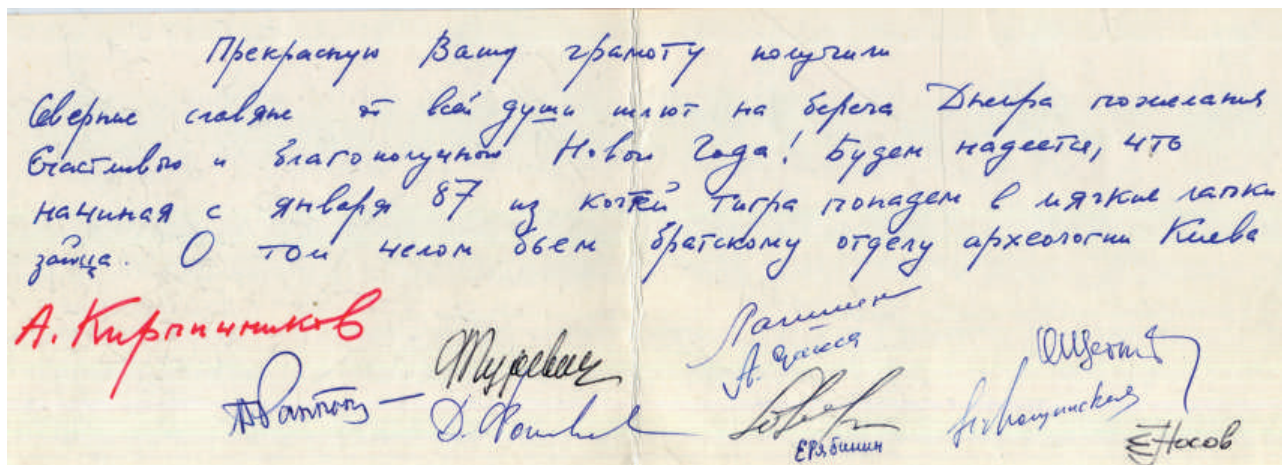

Рис. 4. Новогоднее приветственное послание археологов-русистов Ленинграда киевским археологам
 Fig. 4. The New Year greeting address of archaeologists of Russian studies to Kievan archaeologists

в г. Ничепинг в Швеции. Объяснив, куда надо отослать заявку и уточнив, чтобы я сослался на него как куратора симпозиумов в СНГ, он прибавил: «Так что осваивай новую страну». К сожалению, этой любезностью А. Н. Кирпичникова я так и не воспользовался, Швецию не «освоил».

Следует сказать, что А. Н. Кирпичников принимал активное участие в подготовке в Украине специалистов-археологов высшей квалификации, как посредством консультативной помощи, так и в качестве оппонента на защите кандидатских и докторских диссертаций в научном совете Института археологии АН Украины. Причем это было не только в советский период, но и когда Украина обрела суверенную государственность. И даже тогда, когда научные контакты с учеными России, мягко говоря, не приветствовались официальными инстанциями Украины.

Последний раз А. Н. Кирпичников оппонировал докторскую диссертацию Ф. А. Андрощука «Мечи викингов» в 2014 г. Время это, как известно, было непростое. В результате длительного мятежа и государственного переворота к власти в Украине пришли радикальные националисты. Отношения с Россией стали не просто недружественными, но откровенно враждебными. Зная это, Анатолий Николаевич в телефонном разговоре со мной поинтересовался, не вызовет ли его приезд в Киев каких-либо нежелательных последствий. На мое шутовское замечание о несвойственной ему осторожности, ответил, что боится не за себя, а за меня: «Я тебе не хочу неприятностей».

Как стало известно, эту тему он затрагивал и в разговоре с Ф. А. Андрощуком. И также в пла-

не возможных неприятностей для меня. Но все обошлось как нельзя лучше. Научный защитный диспут прошел на высоком уровне и, безусловно, благодаря участию в нем А. Н. Кирпичникова — лучшего знатока военного дела европейского средневековья. Благословение А. Н. Кирпичникова в большую науку в Украине получила добрая дюжина соискателей научных званий кандидата и доктора исторических наук.

Начиная с 2007 по 2019 г. мои встречи с Анатолием Николаевичем стали ежегодными. И все благодаря ректору Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов А. С. Запесоцкому, от которого я регулярно получал приглашения на Международные Лихачевские чтения. Один день, с согласия Александра Сергеевича, я резервировал для встречи с А. Н. Кирпичниковым. Происходили они и в его эркерном кабинете на Дворцовой набережной, но чаще — в кафе гостиницы «Рэдиссон» на Невском проспекте, где я всякий раз останавливался. За столиком на двоих, у окна, выходящем на Владимирский проспект, мы нередко засиживались по несколько часов. Тем для разговора было великое множество, поскольку оба уже являлись старейшинами нашего археологического цеха. Иногда к нам присоединялся известный историк древнерусской архитектуры, сотрудник Эрмитажа О. М. Иоаннисян.

Предметом наших застольных дискуссий чаще всего была начальная Русь. Мой «южный» взгляд на проблему ее становления не во всем совпадал с «северным» взглядом Анатолия Николаевича. Он последовательно отстаивал ладожское начало в сложении государства Русь, я, естественно, —

киевское. Это относилось и к государственности, и к ее названию. Ознакомившись с моей книгой «Откуда пошла Русская земля» (Киев, 2016), Анатолий Николаевич предложил такое решение нашего спора: «Название „Русь“ имеет южное происхождение, а государственность — северное!».

Во время последней «рэдиссонской» встречи А. Н. Кирпичников спросил меня, чем занимается мой сын Алексей. Я рассказал, что он вместе с сотрудниками центра Киевской Руси Института истории НАН Украины готовит к публикации научный текстологический анализ Галицко-Волынской летописи. «Грандиозно!» — воскликнул Анатолий Николаевич. И тут же задал следующий вопрос: «А на каком языке?». Получив ответ, что на украинском, огорчился: «Это плохо. Вы заведомо ограничиваете число пользователей этой нужной всем русистам работой». Я объяснил, что такие сегодня порядки в Украине, и Институт истории не может их нарушить. «Хочешь, — неожиданно заявил он, — я напишу письмо в Российскую академию наук, чтобы это исследование было издано в России на русском языке?». Я ему ответил, что это хорошая идея, но надо подождать, когда книга выйдет на Украине. К сожалению, Анатолий Николаевич не дожил до этого времени.

Еще одна встреча с А. Н. Кирпичниковым произошла неожиданно для меня в Санкт-Петербургском государственном университете профсоюзов, ставшем для меня родным. 30 ноября 2018 г. я был приглашен в университет для участия в презентации моей книги «Украина между Россией и Западом», подготовленной

по просьбе ректора А. С. Запесоцкого и изданной университетским издательством. Когда я зашел в читальный зал библиотеки, увидел родные лица — А. Н. Кирпичникова, В. А. Лапшина. Т. В. Рождественскую, М. В. Рождественскую, — это был приятный для меня сюрприз.

Выступая на презентации, Анатолий Николаевич затронул тему языка. Содержательно она не отличалась от сказанного им за рэдиссонским столиком. «Это хорошо, — заявил он, — что Петр Петрович стремится издавать книги на русском языке. Это правильный путь, открывающий его труды для широкой аудитории». Произнес он еще одну фразу, на которую я тогда не обратил особого внимания, а теперь мучаюсь над ее смыслом: «Петр Петрович, вы знаете, что кроме любимых вами Лаврентьевской, Новгородской, Ипатьевской летописей есть еще одна, написанная мною, киевским летописцем, восходящая к нашему времени и охватывающая не одно десятилетие».

Что имел в виду Анатолий Николаевич? Летопись его дел на Украине, запечатленную в научных трудах, или же некую рукопись личных воспоминаний о его многолетних связях с Украиной? Как было бы славно, если бы такая рукопись действительно оказалась в его архиве. Но даже если она и не будет найдена, мы, на Украине, будем постоянно обращаться к «киевской летописи» Кирпичникова, которую он создал своим участием в развитии украинской археологии. След его в ней очень заметен, и благодарность ему за это от украинских археологов вечная.

Kirpichnikov and Ukraine

P. P. Tolochko³

Keywords: military science in Rus, Staraya Ladoga, prominent connoisseur of arms.

The author of this paper shares his reminiscences about Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov of whom he made the acquaintance in 1969. They became close friends for many years. A. N. Kirpichnikov's formation as a scientist began in 1949 precisely in Ukraine among the staff of M. K. Karger's expedition and for all his life he retained a special attachment towards the Ukrainian scientific community and the archaeological monuments of Ukraine.

³ Petr P. Tolochko — Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 12 Heroes of Stalingrad av., Kiev, 04210, Ukraine.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Кожаные предметы воинского снаряжения и вооружения эпохи раннего железа и римского времени в Европе¹

А. В. Курбатов²

Аннотация. Необычайная широта использования кожаного материала в древности и средневековье находит свое отражение в применении его в военном деле. Прошлые и будущие археологические раскопки, а также специальные технологические анализы находок позволят в дальнейшем лучше представить эту сторону материального оснащения воинов в древности. Также это поможет прояснить вопросы развития и совершенствования технических приемов выделки кожи у разных народов в эпоху железа и во времена Римской империи.

Ключевые слова: кожаные изделия, выделка кож, ранний железный век, Римская империя, воинская амуниция, оружие.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-35-44

Кожа — это особый материал по своим физико-механическим и химическим свойствам. Достаточно отметить ее эластичность, прочность на разрыв, способность сохранять любую придаваемую форму, пригодность к обработке легкодоступными способами, с помощью сырья и минералов, находимых в любой местности. Кожаные изделия хорошо защищают организм человека от нежелательных воздействий окружающей среды, имеют красивый внешний вид и небольшой вес. Особенности кожаного сырья открывают возможность широкого использования вещей из него в качестве теплой, эластичной и влагопроницаемой одежды и обуви, создания удобных емкостей для хранения еды и питья, мобильных жилищ и др. Хорошо жирующая кожа долгое время может сохраняться во влажной среде, не теряя своих качеств и не гнивая. Это определило ее использование в качестве непромокаемой

одежды для моряков и рыбаков, тары для грузов на судах, прочных веревок и ремней. После специальной обработки кожа может стать и очень жестким материалом, пригодным для изготовления защитного вооружения — шлемов, щитов, панцирей. Особая обработка шкур позволяет получать прекрасный писчий материал — пергамен, по-видимому, известный уже в Древнем Египте (Лурье, 1931. С. 1, 2). Эти качества определяют широчайший спектр применения кожи в древности. Широкий состав таких изделий в средневековой Европе известен по письменным источникам (Курбатов, 2012. С. 321–323).

Значительно беднее выглядит ассортимент кожаных изделий, найденных в археологических комплексах. А такие специфические детали, как предметы воинского снаряжения и вооружения, представлены, как правило, единичными образцами. Самый ранний кожаный предмет вооружения — это находка в погребении 2 сабатиновского периода эпохи бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.), открытом в кургане 3 у с. Борисовка Одесской области. Здесь встречена часть деревянного щита, обтянутого кожей и скрепленного с основой бронзовыми заклепками (Черняков, 1985). К неопределенному времени относится находка остатков защитного панциря, сплетенного из кожаных ремней, покрытых бронзовыми

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: alkurba@rambler.ru.

кружками и бляшками, в погребении 6 могильника Головино в Армении. Общая датировка могильника — от конца II тыс. до н. э. до конца I тыс. до н. э. Панцирь автор раскопок датировал концом II — началом I тыс. до н. э. (*Мнацаканян*, 1952. С. 68, 69, рис. 18). К древнейшим находкам колчанов можно отнести и два предмета из необработанной шкуры, встреченные в соляных горных выработках эпохи Гальштата на территории Австрии (*Barth*, 1992. S. 121–127).

Кожаные изделия в материалах эпохи раннего железного века на сегодня немногочисленны, и предметов вооружения среди них единицы. Все они связаны с памятниками скифской эпохи в Северном Причерноморье. Следует отметить, что небольшие куски кожи от неопределенных предметов в погребениях скифской эпохи не являются особой редкостью. Они неоднократно отмечались в отчетах о раскопках и в публикациях материалов. По оценке Б. А. Шрамко, в коллекциях сохранились около 50 кожаных фрагментов разных изделий этого времени (*Шрамко*, 1987. С. 91). Но в основном исследователи затруднялись отнести их к какому-то определенному виду изделий, а тем более реконструировать их. Сегодня можно говорить о наиболее полном представлении по единичным находкам о кожаных изделиях трех видов — боевых поясах, панцирях и колчанах.

Скифские боевые пояса исследователи считают одним из наиболее распространенных видов защитных доспехов скифского времени (рис. 1, 1–4). На территории Скифии к началу 1960-х гг. их было известно более 70. Самыми популярными были широкие пояса, покрытые металлическими пластинами. Известна и небольшая группа поясов, покрытых длинными пластинами и бляхами с украшениями в зверином стиле. Эти пояса служили дополнением к короткому панцирю. Считается, что боевые пояса с металлическим набором возникли на территории Северного Причерноморья в конце VII — VI в. и исчезли в конце II — начале I в. до н. э. (*Манцевич*, 1941. С. 19 и сл.; *Черненко*, 1964. С. 27 и сл.).

Кожаные панцири считаются одним из наиболее распространенных типов защитного вооружения скифского времени. Они представляли собой короткую безрукавную рубаху с оплечьями или без них. Для удобства одевания на боку или на груди делался разрез. Для усиления верхней части панциря на него пришивались крупные металлические пластины (одна или две) или целый пластинчатый набор из мелких

деталей. Оба варианта хорошо прослеживаются по изображениям на стелах, фресках, предметах декоративно-прикладного искусства скифского времени.

Панцирь с металлическим пластинчатым набором можно представить по изображению скифского воина на золотом гребне из кургана Солоха. Фрагменты такого панциря с кожаной основой были найдены в кургане, раскопанном С. А. Мазараки около с. Волковцы в 1897–1898 гг. (*Черненко*, 1964. С. 150, рис. 6; 7). Из описаний следует, что железные пластины были нашиты на толстую кожу (рис. 1, 5, 6), а сохранившийся первоначальный край панциря имел и кожаную обшивку. Также отмечены фрагменты кожаного панциря из Толстой Могилы на окраине г. Орджоникидзе (совр. Владикавказ) (*Черненко*, 1975). В том, что остатки кожи на панцирях сохраняются достаточно редко, А. И. Мелюкова объясняла возможным использованием для основы холста, а не кожи (*Мелюкова*, 1964. С. 70).

О кожаных колчанах и горитах известно очень мало в силу их плохой сохранности. Можно указать только на упоминание Н. И. Веселовским находки двух кожаных колчанов в кургане у станции Костромской, из которых один был вышит мелкими голубыми бусами (*Там же*. С. 34).

Попытка осветить технические приемы выделки кож скифами изложена в работе Б. А. Шрамко (*Шрамко*, 1984. С. 142–156). Кроме визуального изучения автор предпринял микроскопическое исследование воинского пояса из кургана у с. Аксютинцы, кожаной основы панциря из кургана у с. Каменское, фрагментов колчана из кургана у с. Волковцы и деталей из кургана у хут. Шумейко. Из этих захоронений, а также из других памятников были взяты и кожаные фрагменты для химического анализа кожи. Эту работу выполнили в аналитической лаборатории в ЦНИИ кожевенно-обувной промышленности (г. Киев). Удалось установить выделку скифами сыромятной и краснотубной кож из разных пород животных. Для воинского снаряжения использовали толстые бычьи шкуры и прочные конские. Были зафиксированы случаи намеренной окраски лицевой поверхности кож в розовый цвет киноварью (сернистая ртуть), а в Толстой Могиле — и дополнительной инкрустации такой кожи золотой фольгой. Микроскопическое изучение кожаных образцов позволило установить даже участки шкуры, использованные при изготовлении определенных изделий. Так, для воинского пояса из кургана у с. Аксютинцы и кожаной основы панциря из кургана у с. Каменского

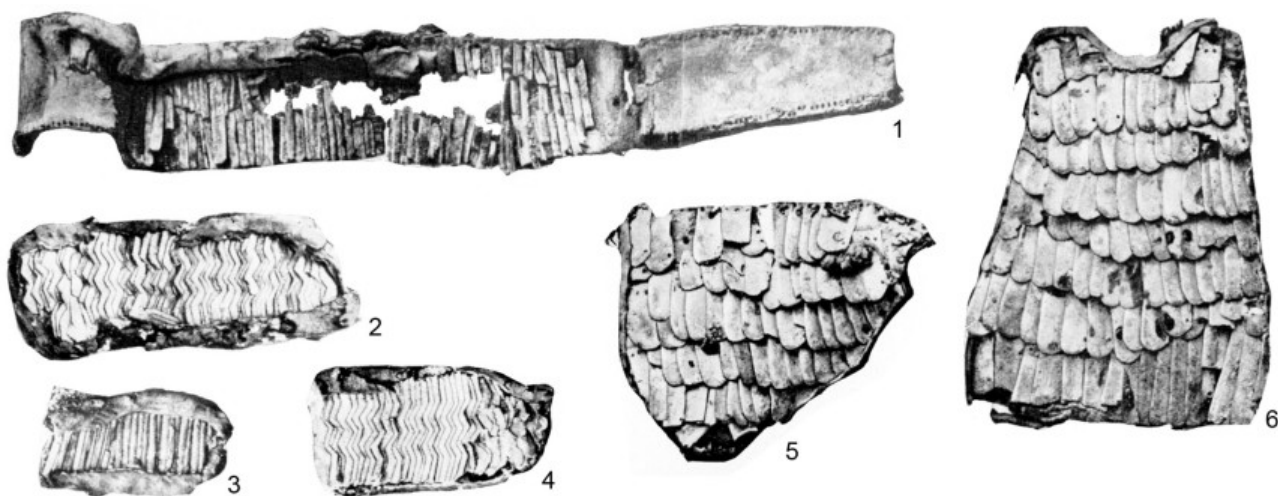

Рис. 1. Фрагменты воинских доспехов: 1–4 — остатки пояса из бронзовых чешуек, урочище Галушино; 5, 6 — части панциря, с. Волковцы (Мелюкова, 1964. Табл. 11)

Fig. 1. Fragments of warrior's armour: 1–4 — remains of a belt composed of bronze scales, urochishche of Galushchino; 5, 6 — parts of an armour, v. Volkovtsy (Мелюкова, 1964. Табл. 11)

использовали кожу со спины крупного рогатого скота, а для колчана из кургана у с. Волковцы — из полы шкур этого вида домашних животных.

Тема древнего и средневекового оружия и вооружения как особое направление в историко-археологических исследованиях давно нашла широкое отражение в работах специалистов многих стран Европы. Особое место занимает изучение кожаной продукции. Кожаные детали профессионального вооружения римского времени, когда отмечался достаточно широкий диапазон использования кожаных изделий и приспособлений, начали исследовать ранее других. Мы знаем описания и археологические находки римских кавалерийских седел (Connolly, Driel-Murray, 1991. P. 33–50), а также другой кожаной амуниции кавалеристов (Dixon, Southern, 2000. P. 42–49, 68–75). В частности, кожу использовали в качестве основы ламеллярных доспехов, катафракты, обтяжки щитов, покрытия боевых коней и другой конской амуниции.

Известны и кожаные понтоны для преодоления водных преград (Munteanu, 2013. P. 545–552). Находки деревянных деталей таких приспособлений в 1938 г. в Страсбурге—Кёнигсхофене (Strasbourg—Königshofen) позволили реконструировать настоящие деревянные настилы-понтонны, в которых были задействованы 48 деревянных брусьев, поддерживаемых 28 воздушными мешками из шкур, в результате чего получалась поверхность более 200 кв. м. Сведения

о понтонах отражены в римских письменных и изобразительных источниках, в частности на колонне Траяна. А раскопки римского лагеря Кунзинг-Квинтана дали серию находок железных штырей, которые определены как клинья для кожаных армейских палаток (Herrmann, 1972). Для позднеримского времени описаны находки кожаной портупей римского legionera IV в. н. э. из торфяников в Вимозе (Nagy, 2005. Abb. 33).

Серии кожаных деталей воинского снаряжения найдены в римском лагере Зальбург (Busch, 1965) и в других местах размещения воинских контингентов в Европе и на Переднем Востоке. Ряд работ посвятил изучению кожаных изделий воинского назначения К. ван Дриель-Муррай (Driel-Murray, 1985a; 1985b; 1988; 1989a; 1989b; 1990).

Современные исследователи римского военного дела подробно описывают предметы вооружения и амуниции, основываясь на всем комплексе различных источников — исторических описаниях, изобразительном материале и данных археологии. Практически все воинские атрибуты — шлемы, чешуйчатые панцири, ножны мечей, рубахи и другое — в той или иной степени содержат кожаные детали (Банников, 2011. С. 72, 73, 76, 86, 92 и сл.). Отдельные предметы вооружения несли даже расширенные функции. Так, по сообщению Аммиана, римские щиты были широкими и выпуклыми. Они обтягивались кожей, благодаря чему солдаты могли использовать их при переправе через опасные реки (Там же. С. 78).

Хорошо известно, что все вооружение и амуниция в римской армии были строго унифицированы, возможно в рамках отдельных легионов. Например, овальные щиты, найденные в Дура-Европосе, имели слегка выгнутую форму, длину 1,07–1,18 м и ширину 0,92–0,97 м. Они изготавливались из 12–15 деревянных планок толщиной 8–12 мм. Щиты покрывались с обеих сторон кожей, после чего на них наносился рисунок, позволяющий определить часть, в которой служил воин (Там же. С. 66). Существовали и кожаные чехлы для щитов, предохранявшие их от сырости. На этих чехлах также вырезали надписи, отражавшие принадлежность к определенному отряду (Негин, 2014. С. 101, рис. 18).

Для римских легионеров были свойственны характерные кожаные сандалии с подошвами, подбитыми железными гвоздями (Connolly, 1991. P. 234; Bishop, Coulston, 1992. P. 100, fig. 61). По оценке А. В. Банникова, «знаменитые римские калиги — военные сандалии, подбитые гвоздями, исчезают, как кажется, во второй половине III в. Археологические находки позволяют предположить, что в период Поздней империи произошел отказ от стандартизации, и в армии использовалась обувь самых различных стилей, зависевших от местных условий. Широкое распространение получили кампаги (сапраги), или сокки (соци), как предпочитает называть солдатскую обувь Аноним. Они представляли собой кожаные башмаки с ремненной шнуровкой. Кампаги могли быть полуоткрытыми или полностью закрытыми, напоминающими высокие (до уровня лодыжек) ботинки. Они имели толстую подошву из трех слоев кожи, подбитую гвоздями. Чтобы защитить ноги от соприкосновения с обувью, надевали носки. Несколько экземпляров подобного элемента военного костюма было обнаружено в Египте. Они сделаны из шерсти, окрашенной в голубой, красный, оранжевый и зеленый цвета» (Банников, 2011. С. 91).

Можно считать, что калиги, подбитые железными гвоздями с крупными выпуклыми шляпками, в археологических комплексах прямо указывают на присутствие здесь римских военнослужащих, а также датируют комплексы в пределах I — середины III в. н. э. Это справедливо и в тех случаях, когда сама кожаная обувь отсутствует. Здесь можно привести набор из 23 сандальных гвоздей, найденных вместе с фрагментами бронзовых поясных деталей в могиле 15/1909 херсонесского некрополя, датируемой второй половиной II в.

(Костромичёв, 2005. С. 99, рис. 2, 9; 2011. С. 106). В этой связи следует отметить следы римских калиг, подбитых гвоздями, оставленные на участках вскрытых римских дорог в разных местах Европы (Gaitzsch, 1988), а также на фрагментах черепицы, найденных в Пантикапее и других местах. Такие находки позволяют уточнять дислокацию римских военных отрядов (Журавлев, 2007. С. 112–120). Например, известно, что I Италийский легион имел лагерь на территории современного г. Нове (уезд Свиштов, Болгария). Проводившиеся там в 1974 г. археологические раскопки дали в руки исследователей керамическую плиту 42 × 37 × 0,6 см с оттиском подошвы воинской сандалии, усиленной железными гвоздями по всей подошве и знаками, указывающими на I Италийский легион. Дата слоя с находкой — II–III вв. н. э. (Biernacki, 1977. С. 133–136). Дополнительным источником информации о римской военной обуви можно считать металлические и глиняные римские светильники в виде стопы человека в такой обуви (Ушаков, Дорошко, 2013. С. 171 и сл.).

В работе А. Е. Негина (Негин, 2014) отдельный раздел посвящен описанию использования кожи, ткани и других материалов для изготовления снаряжения римской армии: «Кожа использовалась не только для изготовления собственно щитов, но из нее делали чехлы на щиты и шлемы, защищавшие их от воздействия сырости. Кожаными были поддоспешники, воинские портупей и военная обувь (калиги), седла и конская узда. О востребованности кожаных доспехов в римской армии до сих пор ведутся бурные дискуссии... Многочисленные находки металлических доспехов убеждают в том, что римская армия была экипирована ими в достаточной степени, и легионеры, по-видимому, отдавали им свое предпочтение. В то же время источники свидетельствуют и об использовании кожаных изделий. На основании анализа письменных источников считают, что термин *galea* обозначал кожаный шлем (Smith, 1875. P. 565, 566; Reinach, 1896. P. 1429). Именно так называли древнейшие римские шлемы, которые, согласно литературной традиции, считались кожаными или сшитыми из шкур, о чем говорят такие определения, как *galea lupine* и *galea hirsute*, которые, видимо, обозначают боевые наголовья, сшитые из волчьих шкур.

То, что шлемы позднеереспубликанского времени и эпохи принципата могли хотя бы частично изготавливаться из кожи, подтверждают иконографические источники и данные археологии.

«Большинство шлемов типа Монтефортино, широко распространенного в позднеимператорский период, найдено без нащечников, а немногочисленные находки с сохранившимися нащечниками относятся либо к наиболее ранним, либо наиболее поздним модификациям» (Негин, 2014. С. 101).

А. Е. Негин приводит археологические находки описанных им доспехов. При раскопках крепости Виндонисса были найдены кожаные нащечники, остатки кожаных рубах, иногда именуемые поддоспешниками, и фрагменты, называемые кожаными доспехами, а также кожаные набедренники (Gansser-Burckhardt, 1942. Fig. 28; D'Amato, Sumner, 2009. P. 137, 138, 146). Один фрагмент кожаных доспехов происходит из римского слоя крепости Каср-Ибрим, Египет (*Ibid.* P. 144, fig. 191). Он изготовлен из куска кожи, как будто нарезанной горизонтальными полосами, связывавшимися спереди при помощи пропущенного через них шнура. Этот предмет напоминает некоторые иконографические воспроизведения ламинарного доспеха (*lorica segmentata*). Р. Амато предполагает их широкое распространение среди римских военных.

Снабжение легионов кожевенным сырьем римляне старались возложить на местное население. Тацит упоминал, что Друз наложил на фризов обязанность поставлять кожи для военных нужд. Такие поставки должны быть очень значительными. Можно отметить, что на изготовление каждого чехла для щита требовалось полторы-две козьи шкуры (Driel-Murray, 1985b. P. 46). Чтобы оснастить только один легион могло потребоваться около 54 000 телячьих шкур (Petrikovits, 1976. P. 598). Изготовлением кожаного снаряжения могли заниматься непосредственно в легионных мастерских. На одной из табличек из Виндоланды в числе работников мастерских упомянуты изготовители обуви (*sutores*). Кроме обуви в местах дислокации легионов было удобно делать и другое кожаное снаряжение. А. Е. Негин упоминает трактат анонимного реформатора «О военном деле» (Лазарев, 1999. С. 102–117), в котором отмечены войлочный поддоспешник и хорошо обработанная ливийская кожа, которой следует покрыть доспех во время дождя. А в описании противостояния Цезаря и Помпея под Диррахием говорится о кожаных, войлочных и тряпичных рубахах, которые делали сами солдаты для защиты от стрел. При раскопках Помпей был обнаружен цех по выделке войлока (Негин, 2014. С. 102–105).

Из работы А. Е. Негина следует, что кроме оружейных мастерских на армию работали и особые кожевники. С этим не соглашается А. Н. Банников, отметивший, что «о поставках обуви и другого снаряжения из кожи сведений почти не сохранилось. *Notitia* (*Notitia Dignitatum* — положения о военной реформе Диоклетиана. — А. К.) не упоминает государственных сапожных фабрик. Их отсутствие подтверждается также и тем, что уже к концу III в. специальной обуви военного образца, по-видимому, не было. В этом случае обувь могла поступать из обычных обувных мастерских» (Банников, 2011. С. 152).

На скудость документальных сведений о римском кожевенном деле указывал Дж. Ветерер в разделе о коже «Истории технологии»: «Эпоха преуспеяния и роста Римской империи имеет дефицит прямых свидетельств о кожевенном ремесле. Поэтому мы можем, с малыми изменениями, в теме обработки или использования кожи идти от методов, уже установленных для раннего времени» (перевод мой. — А. К.) (Waterer, 1957. P. 169). А учитывая фрагментарность и археологических данных, можно объективно считать современные знания о кожаных изделиях в римской армии неполными.

Например, остается под вопросом использование легионерами пращи, а также конструкция и форма этого вида оружия. Хотя об этом упоминают отдельные исследователи (Bondoc, 2009), конкретных данных явно недостаточно. Между тем праща была древним и широко распространенным оружием, использование которого в отдельных регионах Европы сохранялось и в средние века. Есть единичное упоминание о славянских пращниках при штурме Фессалоники в 586 г. (Свод..., 1995. С. 159).

Едва ли не единственным свидетельством существования такого оружия могут считаться находки на археологических памятниках пращевых ядер или шаров. Например, условные «пращевые шары» отмечены на памятниках майкопской культуры, датируемых концом IV тыс. до н. э. (Бронзовый век..., 2013. Кат. 24.1.12.; 24.2.8). Скифские каменные ядра для пращи отмечены в Киевском Поднепровье на поселениях и в погребениях, в частности, на Хотовском городище (Максимов, Петровская, 2008. С. 41). Подобные находки встречены в погребении раннескифского времени в Прикубанье (Пьянков и др., 2019. С. 221–223, рис. 12, 1). Много камней для пращи отмечено на поселении Кой-Крылган-кала в древнем Хорезме

IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Кой-Крылган-кала..., 1967. С. 137–139, рис. 55).

В средневековых городах отмечены кожаные основы для пращи (Курбатов, 2019. С. 251–253). В древнерусских городах сегодня выделено три таких предмета в Тверском кремле (Курбатов, 2004. С. 57, 58) и три — в Великом Новгороде, где они зафиксированы на Кировском, Космодемьянском 1974 г. и Нутном раскопах в слоях конца XII — первой половины XIII в. (Осипов, 2013. С. 144, 145, рис. 8). Подобные предметы отмечены в ряде средневековых городов Западной Европы — в Свендборге, Йорке, Саутгемптоне, Дублине, Стокгольме, Гервилите (Geervliet) (Groenman-van Waateringe, 1988. Р. 121, 122; Helgeandsholmen..., 1983) — и на раннегородских поселениях Елисенхоф и Хедебю (Groenman-van Waateringe, 1984. Р. 40, 41; Grenander-Nyberg, 1985. Р. 244, taf. 67, 1).

Пращи иной конструкции найдены в Гданьске. Предмет из слоев конца X в. сохранился полностью. Основой было кожаное или деревянное кольцо, обшитое кожей, с двух сторон которого привязывались два кожаных ремешка. Вторая находка, вырезанная из одного куска кожи, вероятно, относится к XV в. Она имеет расширенную среднюю часть с отверстием посередине и узкими длинными концами, один из которых привязывается петлей к деревянной ручке (Gradowski, 1975. Рис. 2; 3).

О назначении средневековой пращи имеются разные суждения. По мнению автора и Д. О. Осипова, средневековая праща, скорее всего, использовалась для охоты на дичь или пушного зверя, а также служила своего рода обучающей детской игрушкой (Осипов, 2014. С. 95). Напротив, В. Гроенман-ван Ваатеринге считал, что кроме игрушек или простых и доступных орудий для охоты на птиц и мелких зверей они могли быть и оружием (Groenman-van Waateringe, 1988. Р. 121). Его мнение разделяют специалисты Болгарии (Рабовянов, 2009) и Польши (Nadolska, 1998. Р. 117–119).

М. В. Горелик описывал пращу как древнее оружие на Востоке: «Праща является древнейшим метательным оружием дальнего боя, исключительно простым в изготовлении, дешевым и потому повсеместно распространенным. Пращевые ядра, каменные и глиняные, диаметром от 3 до 6–8 см, сотнями находят в развалинах древневосточных городов, а также в могилах степных кочевников... Устройство обычных пращей примерно одинаково, как и пользование ими.

Праща представляет собой веревку или ремень, куда вкладывают камень, чаще всего в специальный закрытый „гамачок“ в середине, и, накрепко зацепив за большой палец один конец и придерживая остальными второй, пращу раскручивают. После придания достаточной инерционной силы, отпускают свободный конец, и ядро летит в цель.

Реальные пращи и их изображения особенно часто находят в Египте. Там же встречаются изображения не совсем обычного вида — пращи-„ложки“. Это оружие давно было выделено в древнеегипетской иконографии времени Нового царства (с середины II тыс. до н. э.) как один из основных элементов вооружения фараонов и богов... Но до самого недавнего времени оно всегда трактовалось только как своеобразная булава, комбинированная с клинком секиры... И лишь на примере с пращой Давида было доказано, что в большинстве случаев здесь можно говорить о метательном орудии, использовавшем силу рычага-удлинителя руки» (Горелик, 2003. С. 56, 57).

А. М. Газов-Гинзберг (1966. С. 54–59) описал пращу-ложку при рассмотрении библейского сюжета единоборства мальчика-пастуха Давида с филистимлянским богатырем Голиафом. Давид метнул камень из пращи и насмерть поразил Голиафа ударом в лоб. Автор рассматривает самые примитивные варианты пращи в виде палки с раздвоенным концом, куда вкладывается камень. Такая праща позволяет выпускать камень при вертикальном размахе. Но кожаной основы здесь нет.

К сожалению, до сих пор нет точных экспериментальных данных относительно поражающего эффекта пращи, хотя ею кое-где еще пользуются до сих пор: на всем Ближнем Востоке мальчики с её помощью охраняют созревающие злаки от птиц. Не приходится сомневаться, что праща была достаточно мощным оружием. По свидетельству Ксенофонта, персидские пращевые ядра диаметром с руку причиняли серьезные раны и контузии греческим наемникам, защищенным панцирями и щитами. Битва при Сфактерии показала силу пращей, ядрами которых наряду с дротиками фактически была перебита закованная в доспехи спартанская фаланга (Разин, 1955. С. 168).

Для средневековья имеется описание пращи в швейцарских кантонах: «У нас нет сколь-нибудь надежных сведений об использовании конфедератами пращи-бича (нем. Stockschleuder), хотя это

древнее оружие до начала нового времени применяли по всей Европе, что подтверждается данными иконографии. С помощью пращи металлы не только камни, но и горящие шары, которые снабжались железными шипами, или чуть большие глиняные пули. Праща-бич (иначе „рычажная праща“) состояла из палки (длиной около 1,25 м), к которой крепилась — на кожаном ремне или пеньковой веревке — небольшое сетчатое ложе. Благодаря увеличившемуся рычагу такая праща по сравнению с обычной имела большую дальность броска и поражающую силу. Для создания простейших вариантов пращи было достаточно полосы кожи или ткани с незначительным расширением, в которое помещался снаряд. С древних времен праща являлась оружием крестьян и пастухов, к числу которых принадлежало большинство жителей швейцарского региона. Это оружие было дешево, малочувствительно к погодным условиям и без труда обеспечивалось боеприпасами. С другой стороны, боец, использовавший пращу, нуждался в свободном пространстве, ее эффективность также существенно снижалась,

если противник был защищен металлическими доспехами (недостаток, который пытались исправить, применяя тяжелые свинцовые снаряды). Наконец, хорошее владение пращой требовало очень долгих и упорных тренировок» (Давыдов и др., 2012. С. 167).

Дискуссионным остается и вопрос о кожаных доспехах у римлян, называемых также «мышечными доспехами», поскольку находки таких вещей достоверно неизвестны (Курбатов, Матехина, 2004. С. 354; Cameron, 1998. P. 51).

Необычайная широта использования кожаного материала в древности и средневековье отражается, кроме всего, в использовании этого материала в военном деле. Прошлые и будущие археологические раскопки, а также специальные технологические анализы находок позволят в дальнейшем лучше представить эту сторону материального оснащения воинов в древности. Кроме того, возможно также прояснить вопросы развития и совершенствования технических приемов выделки кожи у разных народов в эпоху железа и в Римской империи.

Банников, 2011 — Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб.: Нестор-История, 2011. 264 с.

Бронзовый век..., 2013 — Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое–первое тысячелетия до н. э.: Каталог выставки. Гос. Эрмитаж, ГИМ. СПб.: Чистый лист, 2013. 647 с.

Газов-Гинзберг, 1966 — Газов-Гинзберг А. М. Секрет пращи Давида // Палестинский сборник. М.; Л.: АН СССР; Православное палестинское общество, 1966. Вып. 15/73. С. 54–59.

Горелик, 2003 — Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. СПб.: Атлант, 2003. 336 с.

Давыдов и др., 2012 — Давыдов А. Г., Карабед И. К., Маслов А. Н. Воинские традиции швейцарского Средневековья: очерки исторического развития, вопросы реконструкции материальной культуры: Научно-популярное издание. Нижний Новгород: Тип. «Поволжье», 2012. 312 с.

Журавлев, 2007 — Журавлев Д. В. Фрагмент черепицы с отпечатком римской сандали из Пантикапея // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. XVII. С. 112–120.

Кой-Крылган-кала..., 1967 — Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. / Отв. ред. С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М.: Наука, 1967. 348 с.

Костромичёв, 2005 — Костромичёв Д. А. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. 11. С. 94–118.

Костромичёв, 2011 — Костромичёв Д. А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии) // Stratum plus. 2011. № 4: Европейская Сарматия и Херсонес. С. 15–164.

Курбатов, 2004 — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.

Курбатов, 2012 — Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в городах средневековой Руси: современное состояние изучения // Stratum plus 2012. № 5: Другая Русь: чужд, мера и инии языци. С. 319–350.

Курбатов, 2019 — Курбатов А. В. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным // Земля наша велика и обильна... 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается: Сб. ст. / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Книжная Типография. С. 245–257.

Курбатов, Матехина, 2004 — Курбатов А. В., Матехина Т. С. Мех и кожа в средневековой

- Европе: Рецензия на сб.: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. Edited by Esther Cameron. London. 1998 // *AB*. 2004. Вып. 11. С. 350–357.
- Лазарев, 1999 — Лазарев С. А. Трактат анонимного реформатора «О военном деле» // *Уржумка*. Челябинск, 1999. № 1. С. 102–117.
- Лурье, 1931 — Лурье И. М. Обработка кожи в древнем Египте. Л.: АН СССР, 1931. 47 с. (*Известия ГАИМК*. Т. 7, вып. 1).
- Максимов, Петровская, 2008 — Максимов Е. В., Петровская Е. А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья. Полтава: Институт археологии (Киев), 2008. 126 с.
- Манцевич, 1941 — Манцевич А. П. О скифских поясах // *СА*. М.; Л., 1941. Т. 7. С. 19–30.
- Мелюкова, 1964 — Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д1-4). 91 с.
- Мнацаканян, 1952 — Мнацаканян А. О. О раскопках могильников у села Головино (Армения) // *КСИИМК*. М., 1952. Вып. XLVI. С. 62–71.
- Негин, 2014 — Негин А. Е. Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения // *Stratum plus*. 2014. № 4: Римские орлы и сарматские драконы. С. 15–138.
- Осинов, 2013 — Осинов Д. О. Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы) // *РА*. 2013. № 1. С. 141–145.
- Осинов, 2014 — Осинов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Изд. дом «АКТЕОН», 2014. 269 с.
- Пьянков и др., 2019 — Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // *AB*. 2019. Вып. 25. С. 206–228.
- Рабовянов, 2009 — Рабовянов Д. За употребата на прашката като оръжие в средновековна България // *LAUREA*. In honorem Megaritae Vaklinova. София, 2009. Кн. II. С. 263–269.
- Разин, 1955 — Разин Е. А. История военного искусства. М.: Воениздат, 1955. Т. 1: XXXI в. до н. э. — VI в. н. э. 560 с.
- Свод..., 1995 — Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. Т. 2. 588 с.
- Ушаков, Дорошко, 2013 — Ушаков С. В., Дорошко В. В. Новая находка из Херсонеса: светильник в виде римского военного сапога-кальцея // *Stratum plus*. 2013. № 4: В поисках оюма. «Пути народов». С. 171–177.
- Черненко, 1964 — Черненко Е. В. Скифські бойові пояси // *Археологія*. Київ: Наукова думка, 1964. Т. 16. С. 27–48.
- Черненко, 1975 — Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы // *Скифский мир*: Сб. ст. / Отв. ред. А. И. Треножкин. Киев: Наукова думка, 1975. С. 152–174.
- Черняков, 1985 — Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наукова думка, 1985. 171 с.
- Шрамко, 1984 — Шрамко Б. А. Обработка кожи в Скифии // *Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н. э.* Днепропетровск: Днепропетровский ГУ, 1984. С. 142–156.
- Шрамко, 1987 — Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 180 с.
- Barth, 1992 — Barth E. Prähistorisches Schuhwerk den Salzbergwerken Hallstatt und Dürrnberg / Hallein // *Universitäts for schungen zur Prähistorischen Archäologie*. Bonn, 1992. Bd. 8. P. 25–35.
- Biernacki, 1977 — Biernacki A. Abdruck einer schuhsohle auf der keramischen platte aus Novae // *Archeologia*. Rocznik IHKM PAN. 1977. T. XXVII (1976). S. 133–136.
- Bishop, Coulston, 1992 — Bishop M., Coulston J. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London: Batsford, 1992. 224 p.
- Bondoc, 2009 — Bondoc D. The Roman rule to the north of the Lower Danube. Ciuj-Napoca: MEGA publishing house, 2009. 254 p.
- Busch, 1965 — Busch A.-L. Die römerzeitlichen Schuh- und Lederfunde der Kastele Saalburg, Zugmantel und Kleiner Feldberg // *Saalburg-Jahrbuch*. Berlin, 1965. Bd. XXII. P. 158–210.
- Cameron, 1998 — Cameron E. Pre-conquest Leather on English Book-bindings, Arms and Armour, AD 400–1100 // *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology* / Red. E. Cameron. London: Archetype Publications for the Archaeological Leather Group, 1998. P. 45–56.
- Connolly, 1991 — Connolly P. The Roman Fort. Oxford: Oxford University Press, 1991. 32 p.

- Connolly, Driel-Murray*, 1991 — *Connolly P., Driel-Murray C.* The Roman Cavalry Saddle // *Britannia*. 1991. Vol. XXII. P. 33–50.
- D'Amato, Sumner*, 2009 — *D'Amato R., Sumner G.* Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier: From Marius to Commodus, 112 BC — AD 192. London: Frontline Books, 2009. 320 p.
- Dixon, Southern*, 2000 — *Dixon K., Southern P.* The Roman Cavalry from the First to the Third Century A. D. New York: Barnes & Noble, 2000. 256 p.
- Driel-Murray*, 1985a — *Driel-Murray C.* Leatherwork in the roman army // *Exercitus*. 1985. Vol. 2, no. 2. S. 1–6.
- Driel-Murray*, 1985b — *Driel-Murray C.* The production and supply of military leatherwork in the first and second centuries A. D.: a review of the archaeological evidence // *The Production and Distribution of Roman Military Equipment*. Oxford: British Archaeological Reports, 1985 (BAR, International Series; Vol. 275). S. 43–81.
- Driel-Murray*, 1988 — *Driel-Murray C.* A fragmentary shield cover from Caerleon // *Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers: Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference* / Ed. J. C. Coulston. Oxford, 1988 (BAR, International Series; Vol. 394). P. 51–66.
- Driel-Murray*, 1989a — *Driel-Murray C.* The Vindolanda chamfrons and miscellaneous item of leather horse gear // *Roman Military Equipment: the Sources of Evidence*. Oxford, 1989 (BAR, International Series; Vol. 476). P. 281–318.
- Driel-Murray*, 1989b — *Driel-Murray C.* A Circular Shield Cover and the Reconstruction of the Accompanying Shield // *Exercitus. The Bulletin of Ermine Street Guard*. 1989, Winter. Vol. 2, no. 7. S. 132–134.
- Driel-Murray*, 1990 — *Driel-Murray C.* New light on old tents // *Journal of Roman military equipment studies*. 1990. Vol. 1. S. 109–137.
- Gaitzsch*, 1988 — *Gaitzsch W.* Laufen und Fahren — Römische Spuren // *Archäologische Informationen*. Köln, 1988. Bd. 11, nr. 2. S. 188–196.
- Gansser-Burckhardt*, 1942 — *Gansser-Burckhardt A.* Das Leder und seine Verarbeitung im römischen Legionslager Vindonissa. Basel: Gesellschaft Pro Vindonissa, 1942. 134 s.
- Gradowski*, 1975 — *Gradowski M.* Proca. Kilka uwag o konstrukcji i zasadach działania // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. 1975. R. XXIII, z. 3. S. 433–437.
- Grenander-Nyberg*, 1985 — *Grenander-Nyberg G.* Die Lederfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1985 (Serie A, Elisenhof; Bd. 5: Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins). 266 s.
- Groenman-van Waateringe*, 1984 — *Groenman-van Waateringe W.* Die Lederfunde von Haithabu. Neumünster: K. Wachholtz, 1984 (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu; Bd. 21). 70 s.
- Groenman-van Waateringe*, 1988 — *Groenman-van Waateringe W.* Leather from medieval Svendborg. Odense: Odense University Press, 1988 (The archaeology of Svendborg, Denmark; Vol. 5). 130 p.
- Helgeandsholmen...*, 1983 — *Helgeandsholmen: 1000 år i Stockholms ström* / Ed. G. Dahlbäck. Stockholm: Borås, 1983. 504 s.
- Herrmann*, 1972 — *Herrmann F.-R.* Die Ausgrabungen in dem Kastell Künzing / Quintana. Stuttgart: Gesellschaft der Vor- und Frühgeschichte in Württemberg und Hohenzollern e.V., 1972 (Kleine Schriften zur Kenntnis der römischen Besetzungsgeschichte Südwestdeutschlands; Hf. 8). 100 S.
- Munteanu*, 2013 — *Munteanu C.* Roman military pontoons sustained on inflated animal skins // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2013. Vol. 43. P. 545–552.
- Nadolska*, 1998 — *Nadolska K.* Czy proca znaleziona w Gdańsku jest zabawka? // *Acta universitatis Łódziesis. Folia Archaeologica*. Łódz: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. Nr. 22. S. 117–119.
- Nagy*, 2005 — *Nagy M.* Zwei spätrömerzeitliche waffengräber am Westrand der canabae von Aquincum // *Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Vol. 56. P. 403–486.
- Petrikovits*, 1976 — *Petrikovits H.* Beiträge zur römischen Geschichte und Archäologie. 1931 bis 1974. Bonn: Rheinland-Verlag: in Kommission R. Habelt, 1976 (Beihefte der Bonner Jahrbücher; Bd. 36). 667 s.
- Reinach*, 1896 — *Reinach S.* Galea // *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux moeurs, aux institutions, à la religion, et en general à la vie publique et privée des anciens* / Eds. Ch. Daremberg, E. Saglio. Paris: Hachette, 1896. T. II, p. 2. S. 1429–1451.
- Smith*, 1875 — *Smith W.* A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. London: John Murray, 1875. 1294 p.
- Waterer*, 1957 — *Waterer J.* Leather // *A history of technology* / Eds. Ch. Singer, E. J. Holmyard, A. R. Hall, T. I. Williams. Oxford: Oxford University Press, 1957. Vol. II: The Mediterranean civilizations and the Middle Ages (700 B.C.–A.D. 1500). P. 147–187.

Leather objects of military equipment and arms of the early Iron Age and Roman period in Europe

A. V. Kurbatov³

Keywords: leather objects, leather working, early Iron Age, Roman Empire, military equipment, arms.

Leather is a peculiar material in terms of its physico-mechanical and chemical properties. Suffice it to note its elasticity, its tensile strength, the ability to retain any imparted form, applicability for its treatment by easily accessible techniques using raw materials and minerals available in any locality. In addition, leathern objects reliably protect the human organism against undesirable effects of the surrounding environment, have a fine appearance and small weight. A well stuffed greased leather is able to be preserved for a long time losing no its qualities and without decay-ing in a moist environment. These facts determined its use as waterproof clothes for sailors and fishers, containers for ship cargos, and as strong ropes and belts. After a special treatment, leather can also become a very hard material suitable for making protective armour, helmets and shields.

The spectrum of leather articles found in archaeological complexes seems much narrower. Moreover, such spe-cific items as objects of military equipment and armament now are represented only by single examples.

This work considers some known finds of leather objects related to arms, equipment and outfit of warriors in the early Iron Age and Roman period.

---

³ Alexander V. Kurbatov — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: alkurba@rambler.ru.

Трапецевидные подвески в раннесредневековой Галлии: о ранних контактах балтов и славян с франками

М. М. Казанский¹

Аннотация. В Северной Галлии на могильниках Бюль, Врон и Арси-Сент-Реститю (Пикардия) найдено несколько бронзовых трапецевидных подвесок со штампованным декором V–VIII вв. Они имеют восточноевропейское происхождение и, вероятно, попадают в Галлию в результате морских контактов через Балтику и Северное море.

Ключевые слова: трапецевидные подвески, меровингское время, Северная Галлия, лесная зона Восточной Европы, смоленские длинные курганы, Ладога, морской путь.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-45-59

Прямые контакты славян с франками засвидетельствованы письменными источниками с первой половины VII в. — это всем известная история франкского купца Само, ставшего славянским лидером в борьбе с аварами, а затем и с франками. По археологическим данным отдельные группы славян расселяются в зоне меровингского военнополитического доминирования уже во второй половине VI в., это показывает могильник пражской культуры в Регенсбурге (Regensburg-Grossprüfnig), в Баварии. Здесь обнаружено 22 погребения по обряду кремации, содержащих, в частности, и меровингские вещи. Предполагается, что этот памятник связан с переселением сюда какой-то группы славян, скорее всего связанных с элитарной воинской культурой, имевшем место около 568 г., под давлением аварской экспансии и произошедшем явно с согласия баварского герцога (Losert, 2011; Плетерский, 2015. С. 244, рис. 12). Однако в западной части меровингского мира, в Галлии, вещи, которые можно так или иначе связать со славянами, практически отсутствуют. Поэтому особое внимание привлекают единичные находки малых трапецевидных подвесок с тисненым декором, хорошо известных в славянском мире и крайне редких на Западе. О них здесь и пойдет речь.

В Северной Галлии на сегодняшний день найдено несколько таких подвесок. Они происходят, прежде всего, из погребальных комплексов и делятся на две хронологические группы.

Наиболее ранние подвески встречены в захоронениях с женским убором на меровингских могильниках в Пикардии (северо-восточная часть Галлии, выходящая к Ла-Маншу) — Бюль (Bulles, деп. Уаза) и Врон (Vron, деп. Сомма) (Legoux, 2011. Vol. 1. P. 79, fig. 107, pl. 9) (рис. 1, А, 1–12). Все эти погребения по сопровождающему инвентарю относятся к протомеровингскому времени (440/450–470/480 гг.) (о хронологии меровингского времени на территории Галлии см.: Legoux et alii, 2009). Они представляют собой небольшие пластины, вся поверхность которых покрыта тиснеными точками, в одном случае (Врон, погребение 159А) тисненый декор нанесен лишь по краю.

Некрополь Бюль раскопан широкой площадью и полностью опубликован. Здесь малые трапецевидные подвески с тисненым декором (рис. 1, А, 1–6) обнаружены в детском погребении 748. В нем также было найдено кольцо из стеклянных бус, включавшее бронзовые пронизки и подвески, две бронзовые дисковидные фибулы англо-саксонской традиции и стеклянную колбу (рис. 1, Б) (Legoux, 2011. Vol. 2. P. 173, pl. 283).

Могильник Врон недалеко от побережья Ла-Манша также подвергался широкомасштабным

¹ Centre National de la Recherche Scientifique; UMR 8167 “Orient et Mediterranee” 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

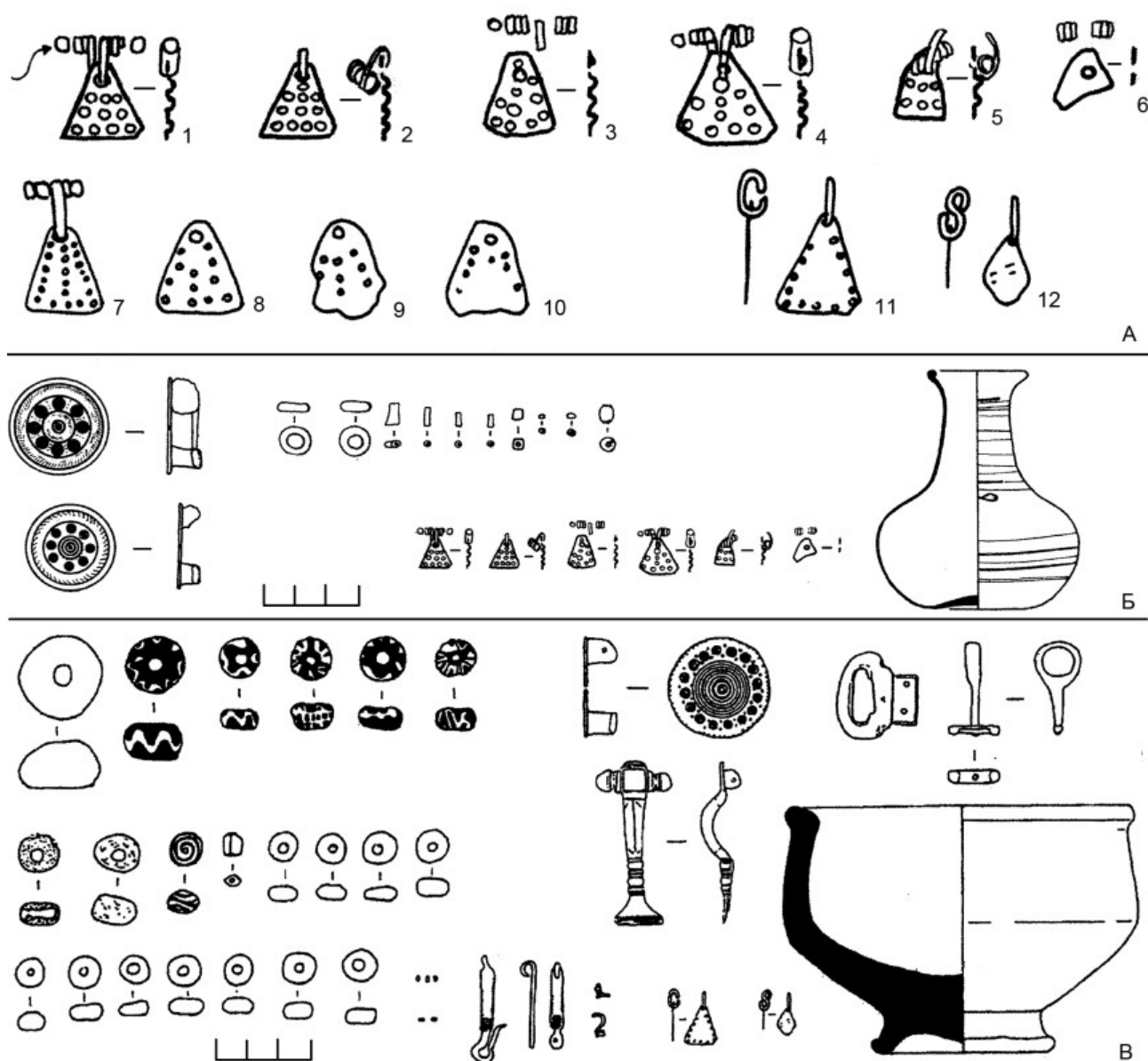

Рис. 1. Трапециевидные подвески протомеровингского времени из Северной Галлии и их контекст: А — подвески из женских захоронений могильников в Пикардии: 1-6 — Бюль, погребение 748, 7-10 — Врон, погребение 31А, 11, 12 — Врон, погребение 159А. 1-12 — бронза (Legoux, 2011. Vol. 1, Pl. 9); Б — комплекс вещей из погребения 748 могильника Бюль (*Ibid.* Vol. 2. Pl. 283); В — комплекс вещей из погребения 159А могильника Врон (Soulat, 2009. Fig. 98)

Fig. 1. Trapezoid pendants from North Gaul of the proto-Merovingian period and their context: A — pendants from female burials in Picardy: 1-6 — Bulles, burial 748, 7-10 — Vron, burial 31A, 11, 12 — Vron, burial 159A. 1-12 — bronze (Legoux, 2011. Vol. 1, Pl. 9); Б — assemblage of grave goods from burial 748 at the cemetery of Bulles (*Ibid.* Vol. 2. Pl. 283); В — assemblage of grave goods from burial 159A at the cemetery of Vron (Soulat, 2009. Fig. 98)

раскопкам, но его материалы известны только по предварительным публикациям (Seillier, 1983; 1992; 1993; 2001; 2006). Ясно, однако, что памятник существовал как в позднеримское, так и в меровингское время, при этом в его материале

хорошо заметен англо-саксонский культурный компонент. Бронзовые трапециевидные подвески в составе ожерелья со стеклянными бусами вместе с металлическими пронизками были обнаружены в погребении 31А (рис. 1, 7-10), которое

остается неопубликованным (*Legoux*, 2011. Vol. 1. P. 79, pl. 9). В погребении 99А найдены две англо-саксонские дисковидные фибулы, две пальчатые фибулы, кольцо из бус и керамика. О наличии там интересующих нас подвесок упоминает Р. Легу, но в предварительной публикации погребального инвентаря они отсутствуют (*Seillier*, 1989. P. 625, fig. 18; *Soulat*, 2009. P. 175, no. 80, 9; *Legoux*, 2011. Vol. 1. P. 79). Наконец, в погребении 159А были обнаружены крестообразная бронзовая фибула англо-саксонской традиции, также англо-саксонская дисковидная бронзовая фибула, кольцо из стеклянных бус, включавшее и бронзовую трапециевидную подвеску, бронзовая пряжка (рис. 1, В) (*Seillier*, 1983; *Soulat*, 2009. P. 135, fig. 98).

Можно заметить, что тисненый декор на этих подвесках распадается на две группы: пуансонные точки занимают всю поверхность пластины, обычно образуя три продольные линии вдоль длинных краев и в центре пластины (Бюль, погребение 748; Врон, погребение 31А) (рис. 1, А, 1–10), или же размещаются по краю (Врон, погребение 159А) (рис. 1, А, 11, 12).

Поиск параллелей этим подвескам представляет определенные трудности. Их практически нет в раннемеровингском или саксонском «континентальном» уборе, неизвестны они мне и в англо-саксонском материале Британских островов, хотя в Пикардии эти украшения явно увязываются с погребениями, содержащими вещи англо-саксонской традиции. Исключение составляет, пожалуй, трапециевидная повеска из тюрингского погребения 30 Северного некрополя в Веймаре (*Weimar-Nordfriedhof*) (*Schmidt*, 1961. Taf. 42, 1). Она имеет несколько рядов пуансонных точек, однако по размерам она больше пикардийских (рис. 2, 2).

Аналогии этим подвескам известны в Центральной и Восточной Европе, в частности, в регионах к югу и востоку от Балтийского моря². Так, в Северной Мазовии подвеска с декором, занимающим всю поверхность пластины, исходит из пшеворского могильника Каменчик (*Kamienczyk*), погребение 99, датированного перио-

дом В2 (приблизительно 70/80–160/170 гг.) соответственно хронологии европейского Барбарикума (рис. 2, 1). Данная подвеска вместе с металлическими пронизками, скорее всего, была в составе ожерелья, как и в Пикардии (*Legoux*, 2011. Vol. 1. P. 79; *Dąbrowska*, 1997. S. 180, taf. L). По мнению Я. Анджейовского, подвески, вроде найденной в Каменчике, характерны для восточной окраины пшеворской культуры, точнее для Восточной Мазовии, прежде всего, судя по опубликованной им карте, для бассейна Западного Буга. Как полагает исследователь, распространение подобных подвесок может быть связано с балтскими импульсами или же с реминисценциями зарубинецкого и постзарубинецкого культурного влияния (*Andrzejowski*, 2001. S. 68–70, рис. 9)³. По времени подвески из Мазовии явно предшествуют пикардийским, поскольку верхняя дата пшеворской культуры приходится на начало — первую половину V в. (*Mączyńska*, 1999).

В погребениях западнобалтской ольштынской группы эпохи переселения народов и начала средневековья трапециевидные подвески различных типов входят в состав кольца (см., например: *Jakobson*, 2009. Taf. 67). Среди них встречены экземпляры с тиснеными точками по краю. Это находка в погребении 23 могильника Келары (*Kellaren*) (*Ibid.* Taf. 129) (рис. 2, 22). Судя по перекладчатой фибуле и наконечнику ремня данное захоронение относится к периоду E2 в западнобалтской хронологии, то есть к 570–610/625 гг., что значительно позднее даты подвесок в Галлии⁴. Для ольштынской группы находки трапециевидных подвесок рассматриваются как свидетельство контактов со славянами в VI–VII вв. (*Rudnicki*, 2010; *Рудницкий*, 2014. С. 98–100).

В Юго-Восточной Прибалтике, на территории Литвы, трапециевидные подвески с точечным декором встречены в могильнике Марвеле (*Marvelė*)

³ Пользуюсь случаем поблагодарить Магдалену Мончиньску за любезные консультации и указания на польские публикации.

⁴ Еще одна подвеска с несколько более сложным декором по краю, происходит из погребения 70 того же могильника (*Jakobson*, 2009. Taf. 160). Трудно сказать, относятся ли к данной группе трапециевидные подвески из могильника ольштынской группы Лелешки (*Lelechken*), погребение 24, украшенные линиями по краю, поскольку по опубликованным изображениям сложно определить технику декора (*Кулаков*, 1989. Рис. 24, 1; *Археологические...*, 2008. Табл. XLVIII).

² Помимо изделий с пуансонным точечным декором в этих регионах известны и довольно многочисленные трапециевидные подвески с другими типами декора (в частности, двух- или трехрядными линиями точечного декора по краям) или же без орнамента. Они здесь не рассматриваются.

(рис. 2, 23). В погребении 248, эпохи переселения народов, такая подвеска украшена тремя продольными линиями (Bertašius, 2005. Taf. XCV, 1)⁵. Присутствие в могиле браслета с расширенными концами и граненым стержнем указывает на принадлежность этого захоронения к периоду E1 балтской хронологии — 450/470–520 гг. (ср.: *Bluijjené*, 2013. S. 362, 363 pav.), то есть по времени данная находка соответствует галльским трапециевидным украшениям. Еще одна подвеска с пуансонным декором по краю происходит из могильника Юодонис (Juodonis) VII–X вв. (Sėilai, 2007. No. 600) (рис. 2, 26). Необходимо отметить, что у восточных балтов на территории Литвы трапециевидные подвески входили в состав не только женских украшений, но и конского убора (см., например: *Куликаускаене*, 1953. Рис. 4).

В Восточной Прибалтике, на территории современной Латвии, в качестве параллелей можно назвать подвеску с многослойного городища Асоте (Asote) (рис. 2, 21) с рядами точек по длинным краям и гравированным геометрическим декором между ними (*Шноре*, 1961. Табл. V, 37)⁶. На территории Юго-Восточной Эстонии, одна трапециевидная подвеска с пуансонным декором по краю была найдена на раннесредневековом городище Отепя (Otepää) (рис. 2, 24) (*Аун*, 1992. Табл. 29, 9).

Неожиданно много параллелей трапециевидным подвескам, вся поверхность которых украшена точечным декором, в том числе в виде продольных линий, оказалось в древностях римского времени лесной и лесостепной зоны Восточной Европы, о чем свидетельствует, в частности, сводка, представленная А. А. Красноперовым. Такие подвески известны в поздне- и постзарубинецких древностях (Хотомель-2⁷, Оболонь, Велемичи I,

⁵ В погребении 327 более позднего времени (эпоха викингов) точечный декор нанесен по двум краям, а в центре пластины имеется гравированный орнамент (Bertašius, 2005. Taf. CLVIII, 9). Стоит также указать на подвеску несколько иной, «секировидной», формы из Норейшай (Noreišiai) с точечным гравированным (?) декором по краям (*Moora*, 1938. S. 246, abb. 31, 6).

⁶ Кроме того, на многослойном поселении Кентескалнс (Kente) была найдена подтреугольная подвеска с отверстиями по краям (*Stubavs*, 1976. IV, tab. 4), а в погребении 24 кургана III могильника Боки (Boķi) — серия подтреугольных подвесок с тремя гравированными линиями по краю и в центре пластины (*Ciglis*, 2001. Fig. 5, 5).

⁷ В данном случае подвеска была найдена около черепа коня в «сакральном объекте» (Бялицкая, 2016.

Велемичи II, Рябцы) (рис. 2, 3–5, 8–10) (Бялицкая, 2016. Мал. 15, 1; Красноперов, 2020. Рис. 2, 9, 19, 38, 40, 56), в культуре штрихованной керамики (Мысли, Збаровичи) (рис. 2, 6, 7) (Егорейченко, 2006. Табл. 65, 22; Красноперов, 2020. Рис. 2, 21, 28) и даже в Приуралье (Тураево) (рис. 2, 13) (Там же. Рис. 2, 12).

В том же ареале в римское время встречаются и трапециевидные подвески с тисненым декором в виде точечных линий по краям. Они есть в поздне- и постзарубинецких древностях (Брянский клад..., 2018, Велемичи II) (рис. 2, 11, 12) (Там же. Рис. 2, 38, 49, 60), в зоне культуры штрихованной керамики (Лабенщина, Ивань, Мысли, Тарилово) (рис. 2, 15–19) (Егорейченко, 2006. Табл. 65, 12; 145, 18, 23, 24; Красноперов, 2020. Рис. 2, 22, 27, 32, 33) и, кроме того, в Приуралье (Тураево) (рис. 2, 14) (Красноперов, 2020. Рис. 2, 11).

В раннем средневековье подвески с тиснеными точками по краю встречены в составе антскогоклада Хацки, принадлежавшего горизонту Мартыновка (время формирования — вторая половина VI — первая половина VII в.) (рис. 2, 20), соотносимого с населением пеньковской культуры (*Корзухина*, 1996. Табл. 22, 20, 21; Красноперов, 2020. рис. 2, 53), а также на пеньковском поселении Остров Сурской (рис. 2, 25) (*Приходнюк*, 1998. Рис. 19, 17, 22)⁸. В раннем средневековье имеются интересующие нас подвески с точеным тисненым декором по краю и в лесной зоне Восточной Европы, например на могильнике восточнолитовских курганов Засвирь (рис. 2, 27) (*Звяруга*, 2005. Мал. 31, 2), хотя в данной зоне в это время всё же доминируют трапециевидные подвески с другим декором (многочисленные примеры — *Гавритухин*, 1997; см. также: *Медведев*, 2011. С. 227, 229, 232; *Казанский*, 2020. С. 264, 265, рис. 3, 8–10, 11–22, 25–27).

Как полагает А. А. Красноперов, эти подвески распространяются вместе с украшениями круга «варварских» эмалей в позднеимское время и, видимо, отражают, как и весь набор эмалевых украшений, какой-то южнобалтийский импульс (Красноперов, 2020. С. 130, 132). Связь

С. 481, мал. 14), что напоминает находки трапециевидных подвесок в конском уборе на территории Литвы.

⁸ Впрочем, в пеньковском ареале преобладают несколько иные трапециевидные подвески, более крупные, с многорядным декором по краям, выпуклыми выступами на пластине и скругленной верхней частью.

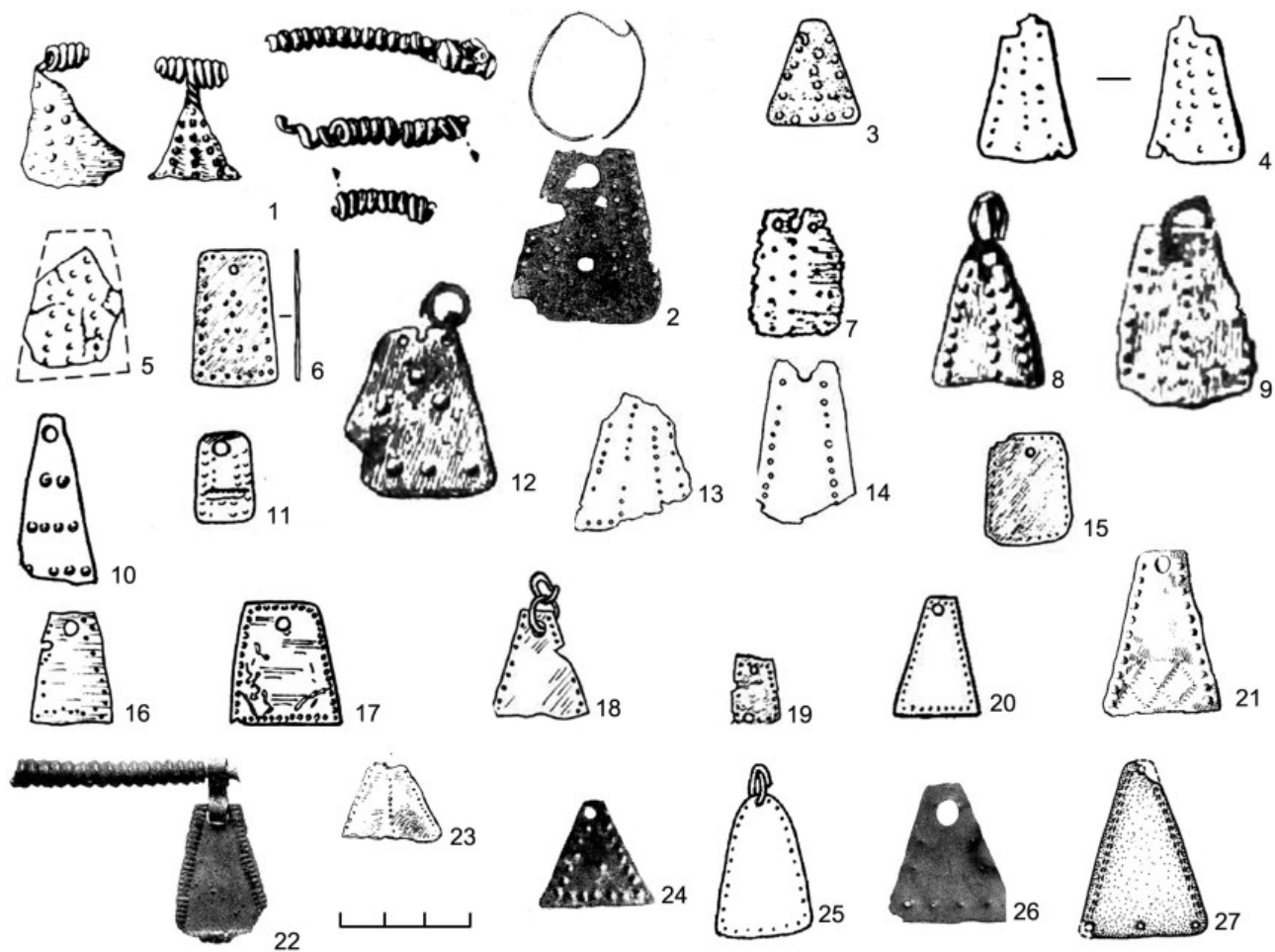

Рис. 2. Трапециевидные подвески в Восточной и Центральной Европе: 1 — Каменчик (Legoux, 2011. Vol. 1, pl. 9); 2 — Веймар (Schmidt, 1961. Taf. 42, I); 3 — Хотомель-2 (Бялицкая, 2016. Мал. 15, 1); 4, 5 — Оболонь (Красноперов, 2020. Рис. 2, 9, 19); 6, 15, 19 — Мысли (Там же. Рис. 2, 20, 21, 33); 7 — Збаровичи (Там же. Рис. 2, 28); 8 — Велеми-чи I (Там же. Рис. 2, 38); 9, 11, 12 — Велемичи II (Красноперов, 2020. Рис. 2, 39, 40, 49); 10 — Рябцы (Там же. Рис. 2, 56); 13, 14 — Тураево (Там же. Рис. 2, 11, 12); 16 — Лабенщина (Там же. Рис. 2, 22); 17 — Ивань (Там же. Рис. 2, 27); 18 — Тарилово (Там же. Рис. 2, 32); 20 — Хацки (Там же. Рис. 2, 53); 21 — Асоте (Шноре, 1961. Табл. V, 37); 22 — Келары (Jakobson, 2009. Taf. 216, e); 23 — Марвеле (Bertašius, 2005. Taf. XCV, 1); 24 — Отепя (Аун, 1992. Табл. 29, 9); 25 — Остров Сурской (Приходнюк, 1998. Рис. 19, 22); 26 — Юодонис (Griciuvienė, 2007, № 600); 27 — Засвирь (Звяруга, 2005. Мал. 31, 2). Бронза. 1, 2, 22, 24, 26 — без масштаба

Fig. 2. Trapezoid pendants in Eastern and Central Europe: 1 — Kamenchik (Legoux, 2011. Vol. 1, pl. 9); 2 — Weimar (Schmidt, 1961. Taf. 42, I); 3 — Khotomel-2 (Бялицкая, 2016. Мал. 15, 1); 4, 5 — Obolon (Красноперов, 2020. Рис. 2, 9, 19); 6, 15, 19 — Mysli (Там же. Рис. 2, 20, 21, 33); 7 — Zbarovichi (Там же. Рис. 2, 28); 8 — Velemichi I (Там же. Рис. 2, 38); 9, 11, 12 — Velemichi II (Красноперов, 2020. Рис. 2, 39, 40, 49); 10 — Ryabtsy (Там же. Рис. 2, 56); 13, 14 — Turaevo (Там же. Рис. 2, 11, 12); 16 — Labenshchina (Там же. Рис. 2, 22); 17 — Ivan (Там же. Рис. 2, 27); 18 — Tarilovo (Там же. Рис. 2, 32); 20 — Hatski (Там же. Рис. 2, 53); 21 — Asote (Шноре, 1961. Табл. V, 37); 22 — Kielary (Jakobson, 2009. Taf. 216, e); 23 — Marvelė (Bertašius, 2005. Taf. XCV, 1); 24 — Odenpäh (Аун, 1992. Табл. 29, 9); 25 — Ostrov Surskoj (Приходнюк, 1998. Рис. 19, 22); 26 — Juodonys (Griciuvienė, 2007, № 600); 27 — Zasvir (Звяруга, 2005. Мал. 31, 2). Bronze. 1, 2, 22, 24, 26 — without scale

данных подвесок именно с кругом «варварских» эмалей не представляется бесспорной, поскольку в закрытых комплексах с эмалью доминируют трапециевидные подвески несколько иного типа, более крупные, других пропорций, с тисненым декором из рельефных линий и с «глазчатым» орнаментом (см., например: Корзухина, 1978. Табл. 30, 1; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 154, 2–7; Брянский клад..., 2018. Рис. 23, 1). Наконец, южнобалтийские культурные импульсы в римское время в лесной зоне не ограничивались диффузией эмалей, вспомним хотя бы распространение известных глазчатых фибул «прусской серии» в период В2 по хронологии европейского Барбарикума (70/80–160/170 гг.) (Амброз, 1966. С. 35, 36; Белевец, 2014). Впрочем, уже давно высказано мнение, что трапециевидные подвески возникают в южной части лесной зоны, в зарубинецком ареале, откуда они распространяются в Центральную Европу (Comşa, 1984; Szmoniewski, 2017. P. 283, там же библиография).

Итак, если резюмировать вышесказанное, малые трапециевидные подвески с точечным тисненым декором по краям или по всей поверхности пластины хорошо зафиксированы в Восточной и Центральной Европе уже в римское время, при этом в Поднепровье у антов и в лесной зоне у балтов они доживают до раннего средневековья. Вряд ли эти подвески могли попасть из Восточной Европы в Пикардию в результате каких-то прямых контактов. Находки в Прибалтике и Пикардии могут скорее свидетельствовать о функционировании морского каботажного пути вдоль берегов Балтийского и Северного морей. Этот трансевропейский «Северный морской путь», существовавший уже в эпоху переселения народов, проходил по Балтийскому и Северному морям, либо через датские проливы, либо через Ютландию, с перевалочным пунктом у основания Ютландского перешейка (Vierck, 1981. S. 65, Abb. 1; Казанский, 2010. С. 44–46; Казанский, Мастыкова, 2013; Neumayer, Nüsse, 2016). Эту дорогу маркируют, в частности, находки англо-саксонского происхождения, известные от Финляндии до Гаскони (Vierck, 1967; 1970). Контакты по этому пути продолжали осуществляться и в меровингское время, чему свидетельством являются, например, меровингские поясные гарнитуры в могильниках эльблонгской группы близ устья Вислы (Kontry, Pietrzak, 2013), некоторые типы фибул, известные на территории Восточной Пруссии и побережье

Северного моря (Kazanski, 2018), западные стеклянные кубки типа Снартемо (Казанский, Мастыкова, 2013. С. 99–101) или некоторые виды «парадного» вооружения (мечи, шлемы и пр.) (Almgren, 1983; Quast, 2004; Kazanski, 2019), которые и формируют в позднем V — раннем VI в. циркумбалтийскую «княжескую» моду.

Вероятно, к историческим славянам данные подвески не имеют отношения. Стоит напомнить, что наиболее древние славянские памятники на северо-восточном рубеже меровингского мира, в бассейне Эльбы–Заале, относятся к концу VI в., как свидетельствуют хронологические данные по ¹⁴C с поселений Дессау-Мозигкау (Dessau-Mosigkau), жилище 6, — 590±80 г. и Босау-Бишофсвардер (Bosau-Bischofswarder) — 599±53 г. (Русанова, 1976. С. 144, 145; Dulnicz, 2006. S. 52, tabl. 6), а также дендродаты на поселении Суков (Sukow) — около 591 г. (Dulnicz, 2006. S. 44, tabl. 2). Самые ранние датирующие вещи на славянских поселениях бассейна Эльбы–Заале относятся также к аварскому времени. Иными словами, в прото- и раннемеровингское время прямого контакта славян с франками не было, он устанавливается несколько позднее (см. ранее).

Вторую хронологическую группу составляет, собственно, одна находка — височное кольцо с четырьмя трапециевидными подвесками из меровингского могильника Арси-Сент-Рестию (Arcy-Sainte-Restitue, деп. Эн), также в Пикардии (рис. 3, 1) (Moreau, Moreau, 1878–1893. Vol. II, pl. 45, 14; Kazanski, 1991. P. 8–10, fig. 7, 1). В отличие от предыдущих находок здесь трапециевидные подвески не входят в кольцо, а подвешены к височному (?) кольцу. Кольцо имеет расширенную нижнюю часть с завитком на конце, с перфорацией, куда прикреплены подвески. Они декорированы линиями из штампованных точек по краю и, насколько можно судить по опубликованному изображению, в медианной части. Точный контекст находки неизвестен, ясно лишь, что вещь происходит из масштабных и недостаточно документированных раскопок, проводимых в 1870–1880-х гг. Ф. Моро (1798–1898 гг.), когда им были раскрыты тысячи могил позднеримского и меровингского времен.

Подобные украшения в Западной и Центральной Европе мне неизвестны. В целом трапециевидные подвески хорошо представлены в славянских культурах VI–IX вв., у балтов, в частности, в ольштынской группе, а также в аварских древностях Среднего Дуная (Гавритухин, 1997;

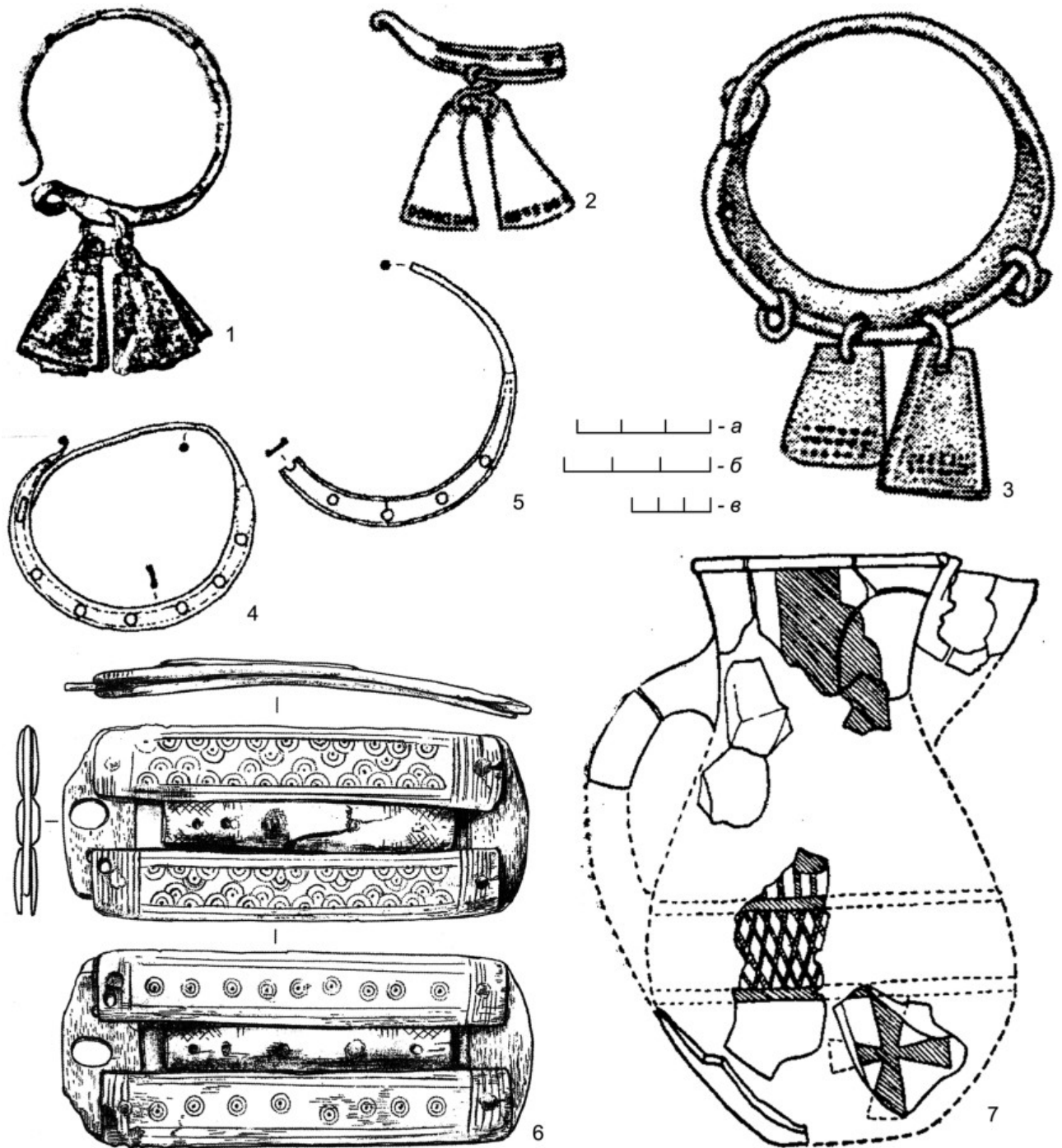

Рис. 3. Серповидные височные кольца с трапециевидными подвесками (1-5) и примеры западного импорта в Ладоге (6, 7): 1 — Арси-Сент-Реститю (Moreau, Moreau, 1878-1893. Pl. 45, 14); 2 — Бескатово (Казанский, 2020. Рис. 3, 15); 3 — Цурковка (Там же. Рис. 3, 23); 4, 6 — Ладога (4 — Нефёдов, 2003. Рис. 1, 1; 6 — Кирпичников, Курбатов, 2014. Рис. 2); 5 — Акатово (Нефёдов, 2003. Рис. 1, 2); 7 — Плакун (Корзухина 1971. Рис. 18, 1). 1-5 — бронза; 6 — рог; 7 — керамика. Масштаб: без масштаба — 1, 2; а — для 3-5; б — для 6; в — для 7

Fig. 3. Sickle-shaped temple rings with trapezoid pendants (1-5) and examples of western imports in Ladoga (6, 7): 1 — Arcy-Sainte-Restitue (Moreau, Moreau, 1878-1893. Pl. 45, 14); 2 — Beskatovo (Казанский, 2020. Рис. 3, 15); 3 — Tsurkovka (Там же. Рис. 3, 23); 4, 6 — Ladoga (4 — Нефёдов, 2003. Рис. 1, 1; 6 — Кирпичников, Курбатов, 2014. Рис. 2); 5 — Akatovo (Нефёдов, 2003. Рис. 1, 2); 7 — Plakun (Корзухина 1971. Рис. 18, 1). 1-5 — bronze; 6 — horn; 7 — ceramics. Scale: without scale — 1, 2; a — to 3-5; б — to 6; в — to 7

Klanica, 2008. S. 207–217, obr. 120; *Rudnicki*, 2010; *Profantová*, 2013. S. 161–170; *Михайлова*, 2014. С. 100–102; *Szmoniewski*, 2017. P. 283, 284, fig. 7), в позднемеровингское время попадают они и к аламаннам (Andernach, Horkheim) (*von Freeden*, 1979. Taf. 80, 2, 5; *Klanica*, 2008. S. 214, 215)⁹. Однако в Центральной Европе у славян, балтов и авар трапециевидные пластины не входят в состав височных колец, здесь их использовали, часто на волютообразной проволочной подвеске, вместе с металлическими пронизьями как элементы ожерелий или подвесок к головным венчикам. Кроме того, на центрально- и восточноевропейских подвесках тисненый декор чаще всего занимает нижнюю часть пластины, в виде двух линий из точек, или же расположен по краям пластины, но в два-три ряда (многочисленные примеры: *Гавритухин*, 1997; *Profantová*, 2013; *Рудницкий*, 2014; *Григорьева*, 2015).

Зато височные кольца с расширенной нижней частью и трапециевидными подвесками в VIII–IX вв. хорошо известны в Восточной Европе, в бассейне Верхнего Днепра, в древностях смоленских длинных курганов (Цурковка, Акатово, Бескатово) (рис. 3, 2, 3, 5) (*Kazanski*, 1991. P. 9, fig. 7, 2–5; *Казанский*, 2020, С. 265, рис. 3, 15, 23; там же библиография находок). Разумеется, смоленские кольца и пикардийская находка отличаются по отдельным элементам, но пока это самая близкая аналогия, которую мне удалось найти. В любом случае ясно, что речь идет о группе родственных украшений.

Культуру смоленских длинных курганов однозначно соотносят с кривичами (*Седов*, 1974; *Енуков*, 1990; *Шмидт*, 2012). Здесь серповидные кольца с трапециевидными подвесками составляют тип 2 (*Шмидт*, 2012. С. 48, 49, рис. 23). Е. А. Шмидт, исходя из морфологии этих украшений, относит их к балтской культурной традиции (*Там же*. С. 49). Впрочем, Е. А. Шмидт не называет конкретных параллелей в балтских древностях, мне они также неизвестны.

Помимо верхнеднепровского региона элементы таких украшений, а именно перфорированные

серповидные кольца с завитком на конце, зафиксированы в Старой Ладоге в контексте находок второй половины VIII в. (первый ярус поселения, около 750–760 гг.) (рис. 3, 4). Исследователи полагают, что данное кольцо в культурном отношении принадлежит к украшениям смоленских длинных курганов, о которых шла речь (*Рябинин*, 1985. С. 67, рис. 23, 9; *Давидан*, 1994. С. 156, рис. 1, 19; *Нефёдов*, 2003. С. 60, рис. 1, 1, там же библиография). В Старой Ладоге эта находка рассматривается как одно из доказательств присутствия здесь славян (*Кирпичников*, *Сарабьянов*, 2013. С. 55; *Григорьева*, 2015. С. 123). Кстати, в Ладоге, в слоях с конца IX в., обнаружено и большое количество трапециевидных подвесок с тисненым орнаментом (*Григорьева*, 2015. С. 123–125, рис. 1, 11–29).

Ладожская находка может объяснить попадание такого рода украшений в Северную Галлию, поскольку в это время продолжает функционировать уже упоминавшийся каботажный морской путь через Балтику и Северное море, объединяющий теперь в единую систему эмпории от Ладоги на Волхове до Квентовика и Руана на Ла-Манше (рис. 4, 1) (*Vierck*, 1983; *Херрман*, 1986. С. 57–63; *Hodges*, *Whitehouse*, 1996. P. 95–103; *Лебедев*, 2005. С. 222–228; *Brisbane*, 2013). Кстати, «западные» вещи отчетливо представлены в Ладоге — это известный фризский кувшин IX в. из кургана 7 могильника Плакун (рис. 3, 7) (*Корзухина*, 1971. С. 61, 62, рис. 18, 1; *Херрман*, 1986. С. 104, рис. 43), фрисландские резные гребни (*Давидан*, 1994. С. 160, 161, рис. 3, 1, 2; *Херрман*, 1986. С. 115, рис. 46; *Кирпичников*, 2002. С. 247, рис. 22) и сравнительно недавно найденный меровингский двухсторонний гребень 470/480–630/640 гг. (рис. 3, 6) (*Кирпичников*, *Курбатов*, 2014. С. 132, рис. 2). Поэтому давно высказанная гипотеза о попадании височного кольца в Северную Францию по морскому пути (*Kazanski*, 1991. P. 10) остается в силе.

Каким образом обладательница кривичского височного кольца оказалась в позднемеровингской / раннекаролингской Галлии? На первый взгляд, заманчиво увидеть здесь археологическое доказательство работоторговли, о которой в раннесредневековой Северной Европе написано немало (подробнее см.: *Херрман*, 1986. С. 110–114; *Lebecq*, 2011. P. 41–45; *Jouffret*, 2012). Сомнительно, однако, чтобы невольницы могли владеть недешевыми для того времени украшениями

⁹ Не исключено, что прототипами раннесредневековых трапециевидных украшений могли послужить роскошные инкрустированные подвески из Средиземноморья, такие как в кладе в Доманьяно (Domagnano) (*von Freeden*, 1979. S. 334; *Klanica*, 2008. S. 214; подвески из Доманьяно см.: *Bierbrauer*, 1975. Taf. XX, 1–9).

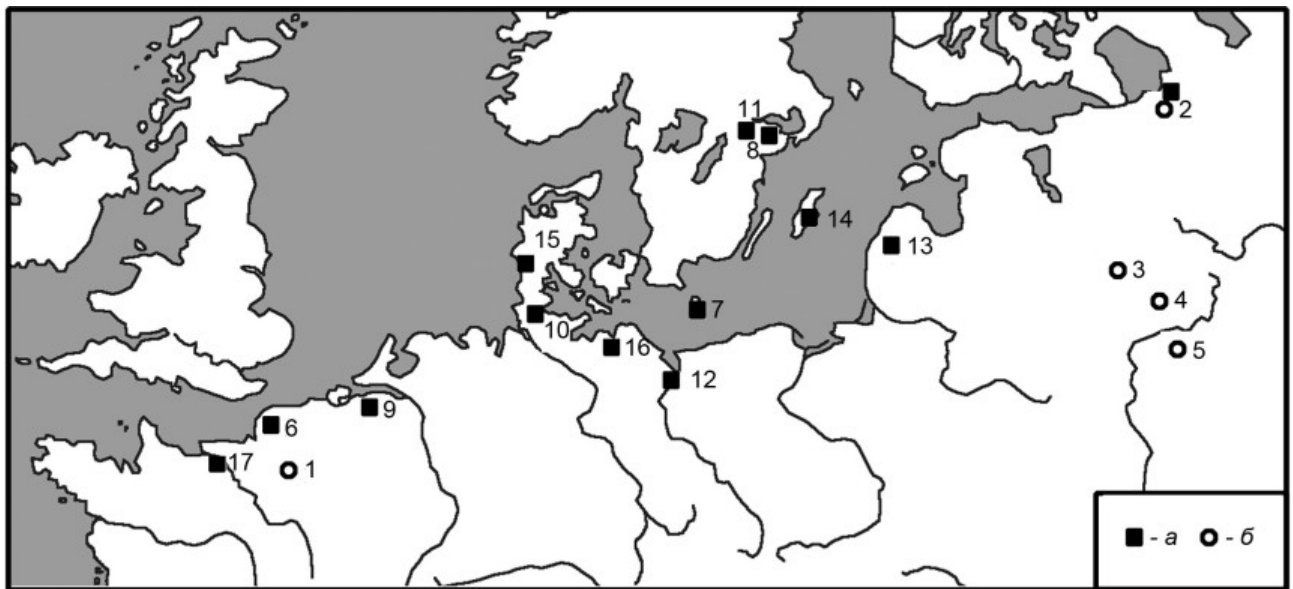

Рис. 4. Основные эмпории / торговые центры на Балтийско-Северноморском пути VIII — раннего IX в. (а) и распространение серповидных височных колец с трапециевидными подвесками (б): 1 — Арси-Сент-Реститю; 2 — Ладога; 3 — Бескатово; 4 — Акатово; 5 — Цурковка; 6 — Квентовик; 7 — Рибе; 8 — Хельгё; 9 — Дорестад; 10 — Хёдебю; 11 — Бирка; 12 — Волин; 13 — Гробине; 14 — Павикен; 15 — Рибе; 16 — Рерик; 17 — Руан. Ввиду масштаба карты локализация памятников приближительна

Fig. 4. The main emporia / trading centres on the Baltic – North Sea route of the 8th – early 9th century (a) and distribution of sickle-shaped temple rings with trapezoid pendants (b): 1 — Arcy-Sainte-Resstitut; 2 — Ladoga; 3 — Beskatovo; 4 — Akatovo; 5 — Tsurkovka; 6 — Quentovic; 7 — Ribe; 8 — Helgö; 9 — Dorestad; 10 — Hedebru; 11 — Birka; 12 — Wolin; 13 — Grobine; 14 — Paviken; 15 — Ribe; 16 — Rerik; 17 — Rouen. Because of the map scale the localization of the sites is approximate

из цветных металлов¹⁰. Кроме того, само значение работорговли в морской северо-европейской торговле раннего средневековья кажется сильно преувеличенным (подробнее: *Jouffret*, 2012). Разумеется, морскую транспортировку невольников, военнопленных, заложников и пр. отрицать не приходится. Об этом однозначно свидетельствует рассказ Св. Ансгария о пленных христианах в окопах, которых около 870 г. он наблюдал в Шлезвиге (*Херрман*, 1986. С. 110–112), они сюда могли попасть, вероятнее всего, по морю.

¹⁰ На первый взгляд, такому утверждению противоречит один эпизод, произошедший на похоронах знатного руса, рассказанный Ибн-Фадланом. Девушка, добровольно вызвавшаяся сопровождать покойного в могилу, «сняла два браслета, бывшие при ней, и отдала их оба той женщине-старухе, называемой ангел смерти, которая её убьет» (цит. по: *Калинина*, 2009. С. 75). Мы, однако, ничего не знаем ни о статусе этой девушки (рабыня? свободная?), ни о том, являлась ли она владелицей этих украшений или же надела их исключительно для выполнения обряда.

Первые сведения о перевозке рабов морским транспортом, в частности купцами-фризонами, восходят к 678 г. Но при этом количество перевозимых рабов было крайне ограниченным, и работорговля не играла самостоятельной роли в северо-европейской экономике. Считается, что в это время основным источником поставки «живого товара» был Британский архипелаг (подробнее см.: *Jouffret*, 2012, там же библиография).

Надо учитывать, что по чисто техническим причинам перевозка значительного количества рабов (иногда говорят о десятках тысяч людей) морским, да и речным транспортом представляется затруднительной. В самом деле, при небольшом размере беспалубных грузовых судов (длине 8,0–17,5 и ширине 2,2–4,6 м) (рис. 5), где нельзя запереть невольников в трюмах, при экипаже не более 5–10 человек и длительных сроках мореплавания (подробнее о морских и речных судах того времени см.: *Херрман*, 1986. С. 92–97), транспортировка большого количества даже закованных людей элементарно опасна для работорговцев,

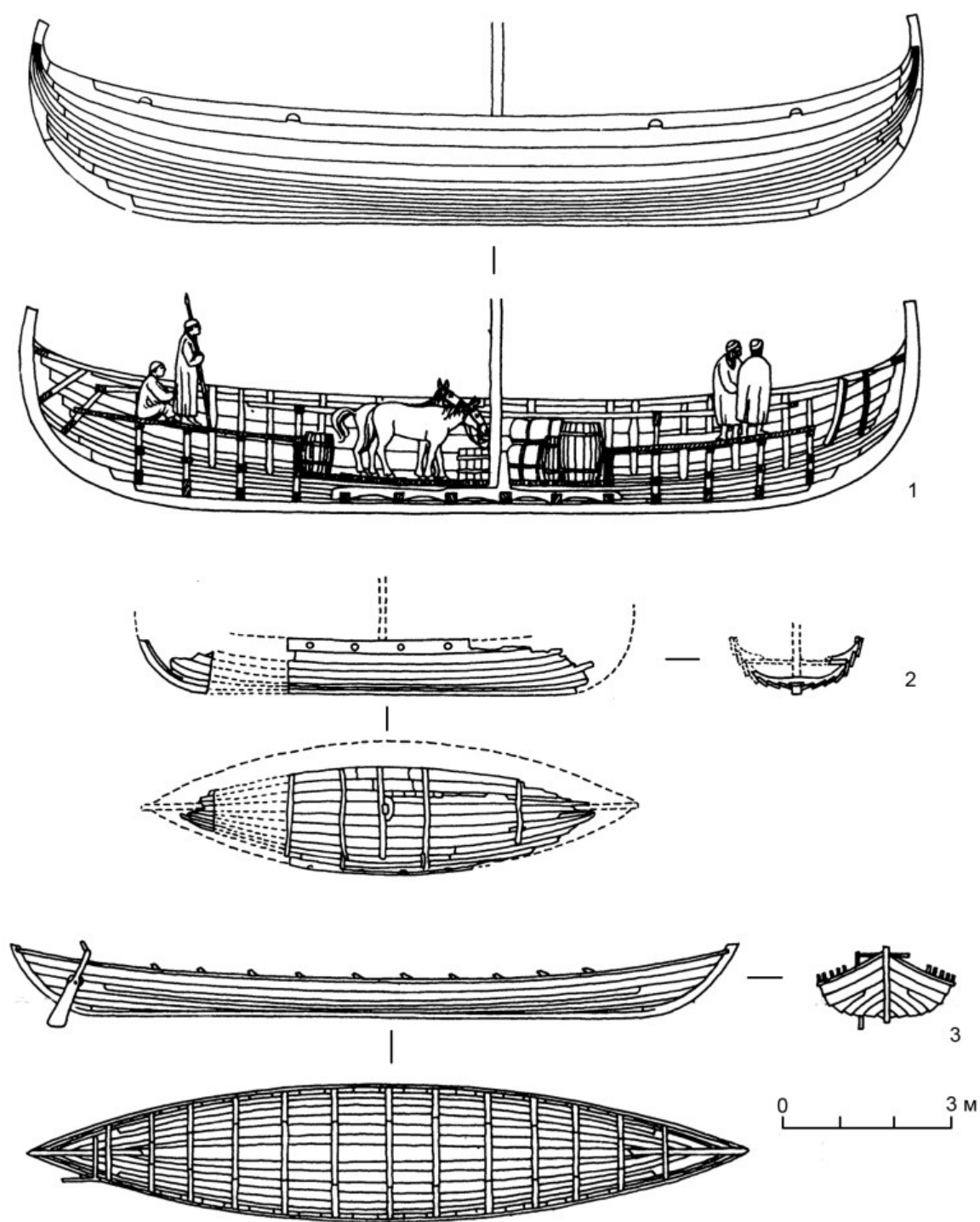

Рис. 5. Примеры археологически изученных грузовых судов Северной Европы эпохи викингов:
 1 — Скульделёв-1, X–XI вв.; 2 — Ральсвик, IX–X вв.; 3 — Гданьск, IX–XI вв. (Херрман, 1986. Рис. 39, 1, 2; 40)
 Fig. 5. Examples of archaeologically investigated cargo ships from North Europe of the Viking Age: 1 — Skuldelev-1,
 10th–11th cen.; 2 — Ralswiek, 9th–10th cen.; 3 — Gdansk, 9th–11th cen. (Херрман, 1986. Рис. 39, 1, 2; 40)

а кроме того, просто нерентабельна (рабов надо хотя бы минимально кормить и поить пресной водой). Скорее всего, таким образом перевозили лишь «штучный товар», особо «ценных» невольников.

Со второй половины VIII и особенно в IX в. в связи с растущим спросом на рабов в мусульманском мире работорговля принимает более значимые размеры, при этом славянские невольники «сакалиба» занимали в ней очень важное место (Verlinden, 1955. P. 211–225, 709–711, 731; Lombard, 1971. P. 214–217; Devroey, Brouwer, 2000; Мишин, 2002. С. 137–153; Venco, 2018). Однако предметом купли-продажи на Западе были в первую очередь пленники, захваченные не в Восточной Европе (последних продавали в основном на мусульманский Восток: Мишин, 2002. С. 176–184), а в центрально-европейском регионе, где интересующие нас кривичские височные кольца не найдены. При этом расцвет работорговли, засвидетельствованный

письменными источниками, приходится на более позднее время, начиная со второй трети IX в., когда, в частности, функционирует известный рынок рабов в Вердене (Verlinden, 1955. P. 211–214, 709–711; Lombard, 1972. P. 76, 80, 81; McCormick, 2001. P. 761; Мишин, 2002. С. 139, 140; Jouffret, 2012; Venco, 2018. P. 6–8).

В археологии, в том числе в циркумбалтийском регионе, уже давно для одиночных находок «этнографических» женских украшений за пределами их основного ареала предлагаются иные объяснения (захват воинской добычи, экзогамные браки, институт заложников, переселения небольших групп людей и даже отдельных семей и индивидумов и пр.) (Werner, 1970; Петрухин, 1983. С. 175, 176; Стальсберг, 1994. С. 197, 198; Bitner-Wroblewska, 2001. P. 124, 125). Видимо, двигаясь в этом направлении, и следует искать причину появления восточнославянского височного кольца в Пикардии.

Амброз, 1966 — Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966 (САИ; Вып. Д1-30). 112 с., табл.

Археологические..., 2008 — Археологические инвентарные книги бывшего музея «Пруссия» / Ред. А. Bitner-Wróblewska. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie, 2008. 448 s.

Аун, 1992 — Аун М. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: Олион, 1992. 192 с., табл.

Белевец, 2014 — Белевец Г. В. О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь // Stratum plus. 2014. № 4: Римские орлы и сарматские драконы. С. 159–177.

Брянский клад..., 2018 — Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; Вологда: ИА РАН, Древности Севера, 2018 (Раннеславянский мир; Вып. 18). 560 с.

Бяліцкая, 2016 — Бяліцкая Г. М. Праблемы вывучэння позназарубінецкіх комплексаў у Прыпяцкім Палессі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: Сб. ст. / Науч. ред. О. Н. Левко, В. Г. Белевец. Мінск: Беларуская навука, 2016. Кн. 1. С. 451–503.

Гавритухин, 1997 — Гавритухин И. О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю // Гістарычна-

Археалагічны Зборнік. Мінск: Беларуская навука, 1997. Вып. 12. С. 43–58.

Григорьева, 2015 — Григорьева Н. В. Вещи славянской культуры в материалах Ладожского поселения последней четверти IX в. (из раскопок Южной части Земляного городища) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Междунар. конф. молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 123–125.

Давидан, 1994 — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // Петербургский археологический вестник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж, 1994. Вып. 9. С. 156–167.

Егорейченко, 2006 — Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

Енуков, 1990 — Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.: Курский пед. ин-т, 1990. 262 с.

Звяруга, 2005 — Звяруга Я. Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэднявекюі. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005. 174 с.

Казанский, 2010 — Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum Plus. 2010. № 4: Рим и варвары: от Августа до Августула. С. 17–130.

Казанский, 2020 — Казанский М. М. О расселении славян в лесной зоне Восточной Европы: предметы раннесредневекового убора дунайского

- происхождения (VI–IX вв.) // АВ. 2020. Вып. 28. С. 258–271.
- Казанский, Мастыкова, 2013 — Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мастыковой, А. Н. Хохлова. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–112.
- Калинина, 2009 — Калинина Т. М. I.5. Арабские путешественники по Восточной и Центральной Европе. I.5.1. Ибн-Фадлан // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. III: Восточные источники / Ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. С. 65–80.
- Кирпичников, 2002 — Кирпичников А. Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладogi // Ладога и её соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. 2002. С. 227–250.
- Кирпичников, Курбатов, 2014 — Кирпичников А. Н., Курбатов А. В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // Stratum plus. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 129–136.
- Кирпичников, Сарабьянов, 2013 — Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник; Славия, 2013. 216 с.
- Корзухина, 1971 — Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладogi // КСИА. 1971. Вып. 125: Памятники славяно-русской археологии. С. 59–64.
- Корзухина, 1978 — Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Е6-43). 124 с.
- Корзухина, 1996 — Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1996. Вып. V. С. 352–435, 586–705.
- Красноперов, 2020 — Красноперов А. А. Пластинчатые подвески из погребения 73 Тураевского могильника // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 3 (29). С. 128–141.
- Кулаков, 1989 — Кулаков В. И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — VIII в. (по материалам раскопок 1878—1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa, 1989. С. 149–275.
- Куликаускене, 1953 — Куликаускене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев // СА. 1953. Вып. XVII. С. 211–222.
- Лебедев, 2005 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Медведев, 2011 — Медведев А. М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье. Минск: Беларуская навука, 2011. 350 с.
- Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 428 с.
- Мишин, 2002 — Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2002. 368 с.
- Нефёдов, 2003 — Нефёдов В. С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладoge // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: VII чтения памяти Анны Мачинской / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 58–67.
- Обломский, Терпиловский, 2007 — Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 113–141.
- Петрухин, 1983 — Петрухин В. Я. Об особенностях славяно-скандинавских отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 г. / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1983. С. 174–181.
- Плетерский, 2015 — Плетерский А. Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // Stratum plus. 2015. № 5: Славяне на Дунае. Обретение Родины. С. 227–248.
- Приходнюк, 1998 — Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж: Воронежский университет, 1998. 170 с.
- Рудницкий, 2014 — Рудницкий М. Контакты между западными балтами и славянами в VI–VII вв.: археологические данные // Stratum plus. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 91–117.
- Русанова, 1976 — Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.
- Рябинин, 1985 — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога.

- Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Седов*, 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974 (САИ; Вып. Е1-8). 68 с., табл.
- Стальсберг*, 1994 — *Стальсберг А.* Проблема культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим данным) // *АВ*. 1994. Вып. 3. С. 192–202.
- Херрман*, 1986 — *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // *Славяне и скандинавы* / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Прогресс, 1986. С. 8–128.
- Шмидт*, 2012 — *Шмидт Е. А.* Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Смоленский ГУ, 2012. 168 с.
- Шноре*, 1961 — *Шноре Э. А.* Асотское городище. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Т. II). 236 с.
- Almgren*, 1983 — *Almgren B.* Helmets, crowns and warriors dress — from the Roman emperors to the chieftains of Uppland // *Vendel Period Studies* / Eds. J. P. Lamm, H.-Å Nordström. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. P. 11–16.
- Andrzejowski*, 2001 — *Andrzejowski J.* Wschodnia strefa kultury przeworskiej — próba definicji // *Wiadomości Archeologiczne*. 2001. T. LIV. S. 59–87.
- Bertašius*, 2005 — *Bertašius M.* Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. I Band. Vidurio Lietuvos aukštaičių II–XII a. kapinynas. Vilnius: Kauno technologijos universitetas, 2005. 296 p.
- Bierbrauer*, 1975 — *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 368 S., Taf.
- Bitner-Wroblewska*, 2001 — *Bitner-Wroblewska A.* From Samland to Rogaland: East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 256 p.
- Bliujienė*, 2013 — *Bliujienė A.* Roėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2013. 752 p.
- Brisbane*, 2013 — *Brisbane M.* Early trading centres of the Baltic: a view from the english coast // *Археология Балтийского региона* / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мастыковой, А. Н. Хохлова. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 161–166.
- Ciglis*, 2001 — *Ciglis J.* Some notes on the chronology of Latgalian and Selonina artefacts in the Middle Iron Age // *Archaeologia Lituana*. 2001. 2. P. 48–64.
- Comşa*, 1984 — *Comşa M.* Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Awaren und Slawen im 6.–7. Jahrhundert // *Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.–10. Jahrhundert* / Ed. B. Chropovský. Nitra: Archeologický ústav SAV, 1984. S. 63–74.
- Dąbrowska*, 1997 — *Dąbrowska T.* Kamienczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków: Wydawnictwo i Drukarnia “Seesja”, 1997. 334 s.
- Devroey, Brouwer*, 2000 — *Devroey J.-P., Brouwer C.* La participation des Juifs au commerce dans le monde franc (VIe–Xe siècles) // *Voyages et voyageurs à Byzance et en Occident du VIe au XIe siècle* / Dir. A. Dierkens, J.-M. Sansterre. Genève: Droz, 2000. P. 339–373.
- Dulnicz*, 2006 — *Dulnicz M.* Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Eine archäologische Studie. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2006. 432 S.
- von Freeden*, 1979 — *von Freeden U.* Untersuchungen zu merowingerzeitlichen Ohrringen bei den Alamannen // *Bericht der Römisch — Germanischen Kommission*. Bd. 60. 1979. S. 225–442.
- Hodges, Whitehouse*, 1996 — *Hodges R., Whitehouse D.* Mahomet, Charlemagne et les origines de l'Europe. Paris: P. Lethielleux, 1996. 190 p.
- Jakobson*, 2009 — *Jakobson F.* Die Bradgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Neumünster: Wachholtz, 2009 (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; Bd. 9). Bd. 1. 422 S.
- Jouffret*, 2012 — *Jouffret F.* Le commerce d'esclaves dans les mers du Nord au haut Moyen Âge: un bilan historiographique // *De la mer du Nord à la mer Baltique. Identités, contacts et communications au Moyen Âge* / Dir. A. Gautier, S. Rossignol. Lille: Publications de l'Institut de recherches. P. 91–104. Nouvelle édition — 2020 (en ligne). Available at: <http://books.openedition.org/irhis/2803> (accessed: 12.08.2021).
- Kazanski*, 1991 — *Kazanski M.* Quelques objets baltes trouvés en Gaule datés entre la fin du IVe siècle et le VIIIe siècle. A propos des contacts entre l'Occident et le rivage oriental de la mer Baltique // *Archéologie Médiévale*. 1991. T. XXI. P. 1–20.
- Kazanski*, 2018 — *Kazanski M.* Some Types of fibulae in the Southwestern Baltic Area and their Western Parallels // *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag* / Hrsg. J. Drauschke et alii. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2018. P. 193–198.

- Kazanski*, 2019 — *Kazanski M.* Les élites guerrières baltiques à l'époque mérovingienne ancienne et les voies maritimes // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 2019. No. 43. P. 15–17.
- Klanica*, 2008 — *Klanica Z.* Mutěnice — Zbrod. Zaniklé slovanské sídliště ze 7–10 sroletí. Brno: Archeologický ústav AV ČR, 2008. 302 s.
- Kontny, Pietrzak*, 2013 — *Kontny B., Pietrzak M.* Merovingian belt on the Vidivarian waist? Unexpected import from Elblag Group cemetery at Nowinka, Tolkemicko com // Археология Балтийского региона / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Мاستыковой, А. Н. Хохлова. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. P. 122–133.
- Lebecq*, 2011 — *Lebecq S.* Hommes, mers et terres du Nord au début du Moyen Âge. Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 2011. Vol. 2. 326 p.
- Legoux*, 2011 — *Legoux R.* La nécropole mérovingienne de Bulles (Oise). Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2011. Vol. 1, 2. 428 et 500 p.
- Legoux et alii*, 2009 — *Legoux R., Périn P., Vallet F.* Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009. 72 p.
- Lombard*, 1971 — *Lombard M.* L'Islam dans sa première grandeur (VIIIe–XIe siècles). Paris: Flammarion, 1971. 245 p.
- Lombard*, 1972 — *Lombard M.* La route de la Meuse et les relations lointaines des pays mosans entre le VIIIe et le XIe siècle // Lombard M. Espaces et réseaux du haut Moyen Âge. Paris; La Haye: Mouton, 1972. P. 73–94.
- Losert*, 2011 — *Losert H.* Das Brandgräberfeld von Regensburg-Grossprüfnig und die frühen Slaven in Pannonien // Keszthely-Fenekpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia / Hrsg. O. Heinrich-Tomáska. Rahden: Leidorf, 2011. P. 475–489.
- Mańczyńska*, 1999 — *Mańczyńska M.* La fin de la culture de Przeworsk // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations / Dir. J. Tejral, C. Pilet, M. Kazanski. Brno: Archeologický ústav AV ČR, Brno, 1999. P. 141–170.
- McCormick*, 2001 — *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communication and Commerce A. D. 300–900. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1100 p.
- Moora*, 1938 — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. II. Teil: Analyse. Chr. Tartu: Õpetatud Eesti Selts, 1938 (Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused; Vol. XXIX). 750 leil.
- Moreau, Moreau*, 1878–1893 — *Moreau F., Moreau E.-F.* Album Caranda. Saint-Quentin: Impr. de C. Poette, 1978. Vol. I–III. 484 p.
- Neumayer, Nüsse*, 2016 — *Neumayer H., Nüsse H.-J.* Das Land des Bernsteins im frühen Mittelalter: merowingerzeitliche Funde aus Ostpreussen und der Handel mit Bernstein zwischen Donau und Atlantik // Des fleuves et des hommes à l'époque mérovingienne: territoire fluvial et société au Premier Moyen Âge (Ve–XIIe siècle) / Dir. E. Peytremann. Dijon: ARTEHIS Éditions, 2016 (Suppléments à la Revue archéologique de l'Est; Vol. 42). S. 367–389.
- Profantová*, 2013 — *Profantová N.* Náhrdelníky byzantského (?) původu a bronzové kruhové ozdoby ve slovanském prostředí 6–7. století. K interkulturním vztahům // Památky archeologické. 2013. T. CIV. S. 149–182.
- Quast*, 2004 — *Quast D.* Ein scandinavisches Spathascheidenmundlech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Pölvamaa, Estland) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 2004. Jg. 51. S. 243–279.
- Rudnicki*, 2010 — *Rudnicki M.* Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej — świadectwo kontaktów ze Słowianami? // Archeológia barbarov 2009: Hospodárstvo Germánov / Eds. J. Beljak, G. Březinová, V. Varsik. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2010. S. 669–686.
- Schmidt*, 1961 — *Schmidt B.* Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle: Verlag Max Neymyer, 1961. 236 S., Taf.
- Sėilai*, 2007 — *Sėilai.* The Selonians / Ed. E. Gričiuviėnė. Vilnius; Riga: Lietuvos nacionalinis muziejus, Latvijas Naionālis vēstures muzejs, 2007. 280 p.
- Seillier*, 1983 — *Seillier C.* 16. Tombe de femme // Le Nord de la France de Théodose à Charles Martel. Lille: Association des Conservateurs de la Région Nord-Pas-de-Calais, 1983. P. 40.
- Seillier*, 1989 — *Seillier C.* Les tombes de transition du cimetière germanique de Vron (Somme) // Jahrbuch des Römisch — Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1989. Jg. 36. S. 599–634.
- Seillier*, 1992 — *Seillier C.* Les migrations anglo-saxonnes en Boulonnais et en Ponthieu // Les Barbares et la Mer. Les migrations des peuples du nord-ouest de l'Europe du Ve au Xe siècle. Caen: Musée de Normandie, 1992 (Publications du Musée de Normandie; Vol. 10). P. 97–109.
- Seillier*, 1993 — *Seillier C.* Les Germains dans l'armée romaine tardive en Gaule septentrionale. Le témoignage de l'archéologie // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-

- Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1993. P. 187–199.
- Seillier*, 2001 — *Seillier C.* Le cimetière germanique de Vron. Essai d'interprétation historique et sociale // Bulletin de la Société d'émulation d'Abbeville. 2001. T. XXIX, fasc. 1. P. 65–75.
- Seillier*, 2006 — *Seillier C.* Le cimetière germanique de Vron (Somme): essai de reconstitution historique et sociale // D l'Age du Fer au haut Moyen Age. Archéologie funéraire, princes et élites guerrières / Dir. X. Delestre, M. Kazanski, P. Périn. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2006. P. 159–168.
- Soulat*, 2009 — *Soulat J.* Le matériel archéologique du type saxon et anglo-saxon en Gaule mérovingienne. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009. 226 p.
- Stubavs*, 1976 — *Stubavs A.* Kentes pilskalns un apmene. Riga: Zinātne, 1976. 144 p.
- Szmoniewski*, 2017 — *Szmoniewski B. S.* Un moule d'orfèvre de la période romano-byzantine découvert à la cité de Tropaeum Traiani (Adamclisi, dép. Constanța) // Pontica. 2017. T. L. P. 279–305.
- Venco*, 2018 — *Venco C.* Par-delà la frontière: marchands et commerce d'esclaves entre la Gaule carolingienne et al-Andalus (VIIIe–Xe siècles) // Las fronteras pirenaicas en la Edad Media (siglos VI–XV) = Les frontières pyrénéennes au Moyen Âge (VIe–XVe siècles) / Dir. S. Gasc, P. Sénac, C. Venco. Zaragoza: Prensas de la Universidad de Zaragoza, 2018. P. 125–167.
- Verlinden*, 1955 — *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale. Bruges: Rijksuniversiteit te Gent, 1955. Vol. 1. 930 p.
- Vierck*, 1967 — *Vierck H.* Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsächsischer Beziehungen im sechsten Jahrhundert // Suomen Museo. 1967. Vol. 74. S. 54–63.
- Vierck*, 1970 — *Vierck H.* Zum Fernverkehr über See im 6. Jahrhundert angesichts angelsächsischer Fibelsätze in Thüringen. Eine Problemskizze // Hauck K. Goldbrakteaten aus Sievern, München: Wilhelm Fink, 1970. S. 355–395.
- Vierck*, 1981 — *Vierck H.* Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) / Dir. R. Zeitler. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1981. S. 64–113.
- Vierck*, 1983 — *Vierck H.* Ein Schmiedelplatz aus Alt-Ladoga und der praurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit // Münstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. 1983. Bd. II. S. 3–64
- Werner*, 1970 — *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt — Wanderhanfwerk — Handel — Familienverbindung) // Early Medieval Studies. 1970. 1. (Antikvariskt Arkiv; Vol. 38). S. 65–81.

Trapezoid pendants in early medieval Gaul: on the early contacts of Balts and Slavs with Franks

M. M. Kazanski¹¹

Keywords: trapezoidal pendants, Merovingian time, Northern Gaul, forest zone of Eastern Europe, Smolensk long mounds, Ladoga, sea route.

In northern Gaul, at the Bulles and Vron (Picardy) burial grounds, several bronze trapezoidal pendants with stamped decor were found. The earliest of them come from female burials of the Protomerovingian Period (440/450–470/480); these decorations probably have nothing to do with the Slavs. The temporal ring with trapezoidal pendants from the Arcy-Saint-Restitut burial ground, also in Picardy, is of particular interest. These pendants are well represented in the Slavic cultures of the 5th–9th centuries, and in the Avar antiquities of the Middle Danube. However, in Central Europe, such pendants are not part of the temporal rings. But similar temporal rings in the 8th — early 9th centuries, well known in the burials of the Smolensk long mounds (Tsurkovka, Akatovo, Beskatovo), as well as in Staraya Ladoga. The latter find may explain the entry of such a earring into Northern Gaul, since at this time the Northern Sea Route operates through the Baltic and the North Sea, uniting into a single system of emporia from Ladoga to Quentovic on the Channel.

¹¹ Michel Kazanski — Centre National de la Recherche Scientifique; UMR 8167 “Orient et Méditerranée” 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

Керамика горизонта E₃₋₃ Старой Ладоги (по материалам раскопок Е. А. Рябина в 1973–1985 гг. на Земляном городище)

Т. Б. Сениченкова¹

Аннотация. В статье публикуется керамика горизонта E₃₋₃ Земляного городища Старой Ладоги из раскопок Е. А. Рябина 1973–1985 гг. Эти артефакты уже в процессе раскопок были соотнесены с нижним горизонтом культурного слоя, обозначенным по полевой номенклатуре как «бурый гумус II» и предматерик. Анализ керамического материала позволил вновь обратиться к нерешенным пока вопросам об этапности заселения территории при впадении Ладожки в Волхов, о начальной дате раннесредневекового поселения.

Ключевые слова: Старая Ладога, ранний железный век, раннее средневековье, керамика.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-60-76

Изучение Ладоги насчитывает уже более 100 лет, но многие вопросы ее истории еще не нашли окончательного решения. А. Н. Кирпичников в одной из своих работ (Кирпичников, 1985. С. 4) образно назвал древнюю Ладогу своеобразным средневековым Вавилоном. Действительно, в материальной культуре памятника встречены находки, говорящие о широких международных связях ладожан, что позволило исследователям считать культуру Ладоги VIII–X вв. полиэтничной (Кирпичников и др., 1985. С. 49; Давидан, 1995). Ладога — памятник, материалы которого постоянно привлекаются для решения целого ряда проблем раннесредневековой истории Руси и Балтийского региона в целом. Между тем каждый новый этап исследований приносит открытия, заставляющие кардинально пересматривать, казалось бы, устоявшиеся взгляды. Широко известно, как менялись со временем представления о характере ладожского домостроительства от схемы В. И. Равдоникаса к работам Е. Н. Носова, Е. А. Рябина, С. Л. Кузьмина, А. Н. Кирпичникова, А. И. Волковицкого, А. А. Селина (Равдоникас, 1950; Носов, 1977; Рябинин, 1985. С. 74;

Кузьмин, 1987. С. 24, 25; 1989. С. 35; Кирпичников, 2004. С. 36; Волковицкий, Селин, 2012).

Ведутся дискуссии о происхождении первых ладожан. Непреходящее значение здесь имеют работы О. И. Давидан — многолетнего хранителя ладожской коллекции, которая выделила в материальной культуре памятника различные культурные составляющие (Давидан, 1981; 1986; 1995). Исследователи высказывали разные точки зрения: от поселения местных финских племен, поселка славянской общины, открытого торгово-ремесленного поселения, колонии скандинавов, возникшей еще до начала эпохи викингов, до первой столицы формирующейся «империи Рюриковичей» (обзор существующих точек зрения см., например, Кирпичников, 1985. С. 3–5; Новое в археологии..., 2018. С. 7–13).

Подвергается пересмотру и начальная дата Ладожского поселения, установленная методом дендрохронологии (Рябинин, Черных, 1988). Исследователи давно обратили внимание, что в самой Ладоге и ее ближайшей округе выявляется целая серия находок, относящихся к более раннему времени, чем датируется нижний горизонт E₃₋₃ (обзор см., например: Петренко, 1984; Кирпичников, Курбатов, 2014. С. 130, 131; Лапшин, 2019). К сожалению, их контекст не всегда можно однозначно определить. Эти факты, тем не менее,

¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: sentb@mail.ru.

позволяют предполагать более раннюю дату возникновения поселения (*Кирпичников, Курбатов, 2014. С. 130, 131; Лапшин, 2019*).

Благодаря сотрудничеству археологов с геоморфологами и почвоведом в раскопах на Земляном городище в 2005–2013 гг. (раскопы 3–5 А. Н. Кирпичникова) под культурным слоем в погребенной почве удалось зафиксировать следы пашни. Радиоуглеродные даты, полученные из пахотного горизонта, относятся ко второй половине VII — первой половине VIII в. (*Кирпичников, Курбатов, 2014. С. 131; Александровский и др., 2010. С. 54*) либо лежат в интервале V–VIII вв. (или даже более широко) (*Платонова, 2021*). Отнесение начальной даты Ладоги к середине — третьей четверти I тыс. н. э. получает дополнительную аргументацию.

Сейчас остро стоит вопрос о необходимости обобщения и осмысления всего имеющегося материала, полученного в результате многолетних исследований Ладоги, в первую очередь стратиграфической увязки раскопов разных лет на Земляном городище. В последние десятилетия разными исследователями высказывались критические замечания к научной обоснованности ладожской стратиграфии и следующих из нее культурно-исторических выводов (см., например, *Кузьмин, Волковицкий, 2004; Новое в археологии..., 2018. С. 45–65; Носов, 2019*). Культурный слой Ладоги на протяжении 100 лет раскапывался разными исследователями, что обусловило разный уровень фиксации материала. Со временем методика полевых исследований совершенствовалась, и знания о характере культурных напластований постепенно детализировались. Наиболее скрупулезно и тщательно работы проводились Е. А. Рябининым в 1970–1980-е гг. (*Рябинин, 1985; Рябинин, Черных, 1988*). Ему впервые в поле удалось разделить горизонт E₃ на три микрогоризонта, что совпало с выводами Г. Ф. Корзухиной и О. И. Давидан, полученными в кабинетных условиях на материалах работ экспедиции В. И. Равдоникаса (*Корзухина, 1961. С. 83; 1966; Давидан, 1976. С. 116*).

В работе 1998 г. (*Сениченкова, 1998*) мною при подсчетах типов керамики древнейшего горизонта E₃ были использованы, в том числе, материалы раскопок В. И. Равдоникаса с учетом наблюдений О. И. Давидан по разделению его на три микрогоризонта (*Давидан, 1976*) и С. Л. Кузьмина, предложившего так называемую ярусную стратиграфию Земляного городища (*Кузьмин, 1997а*). Коллеги справедливо высказывали скептическое отноше-

ние к возможности разделить материал в кабинетных условиях, опираясь только на нивелировочные отметки, особенно на тех участках, где не зафиксированы остатки построек (*Давидан, 1976. С. 102; Рябинин, Черных, 1988. С. 80–81*), и «привязать» его к микрогоризонтам или ярусам, которых «при полевых работах никто не видел» (*Новое в археологии..., 2018. С. 60; Носов, 2019. С. 162*).

В этой ситуации я считаю полезным опубликовать керамику микрогоризонта E_{3.3} из раскопок Е. А. Рябининой в 1973–1975 гг. и 1981–1985 гг. («бурый гумус-II» и предматерик, по полевой номенклатуре)² отдельно (рис. 1–7).

Эти артефакты были уже в полевых условиях соотнесены с выделенными в процессе работ микрогоризонтами. Площадь раскопов этих лет составила около 325 кв. м. Керамики, относящейся к древнейшему микрогоризонту, не очень много, так как начальный этап жизни на этом участке поселения связан с производственной деятельностью жителей Ладоги (*Рябинин, Черных, 1988. С. 73–75*). На публикуемых рисунках представлены наиболее крупные фрагменты и многочисленные целые формы. Керамика по качеству теста различается: наряду с плотным хорошо промешанным тестом с мелкими примесями дресвы встречены сосуды довольно грубой выделки из рыхлого теста с крупными примесями дресвы. Если сравнить их с таблицей типов верхних частей сосудов (рис. 8)³, то видно, что практически все выделенные типы встречаются уже в микрогоризонте E_{3.3}. Очевидно также, что там нет типа б, который часто в литературе называют «скандинавским», что, на мой взгляд, не всегда правомерно (см.: *Сениченкова, 1998*).

Е. А. Рябинин рассматривал остатки сооружений, обнаруженные в слое «бурый гумус II» и в предматерике, совместно, справедливо отмечая, что разделить их даже в полевых условиях было достаточно сложно. Кроме того, характер культурного слоя таков, что проследить, с какого уровня были вырыты ямы, нижние части

² Рисунки керамики из раскопок 1973–1975 гг. сделаны Е. А. Рябининым и автором, из раскопок 1981–1985 гг. — автором. Инвентарные номера даны по полевому описанию. Приношу искреннюю благодарность лаборанту ОАВЕС ГЭ И. Ж. Тутяевой за помощь в подготовке иллюстраций.

³ Я не привожу здесь описание типов из-за недостатка места, его можно посмотреть в работе: *Сениченкова, 2014. С. 351*.

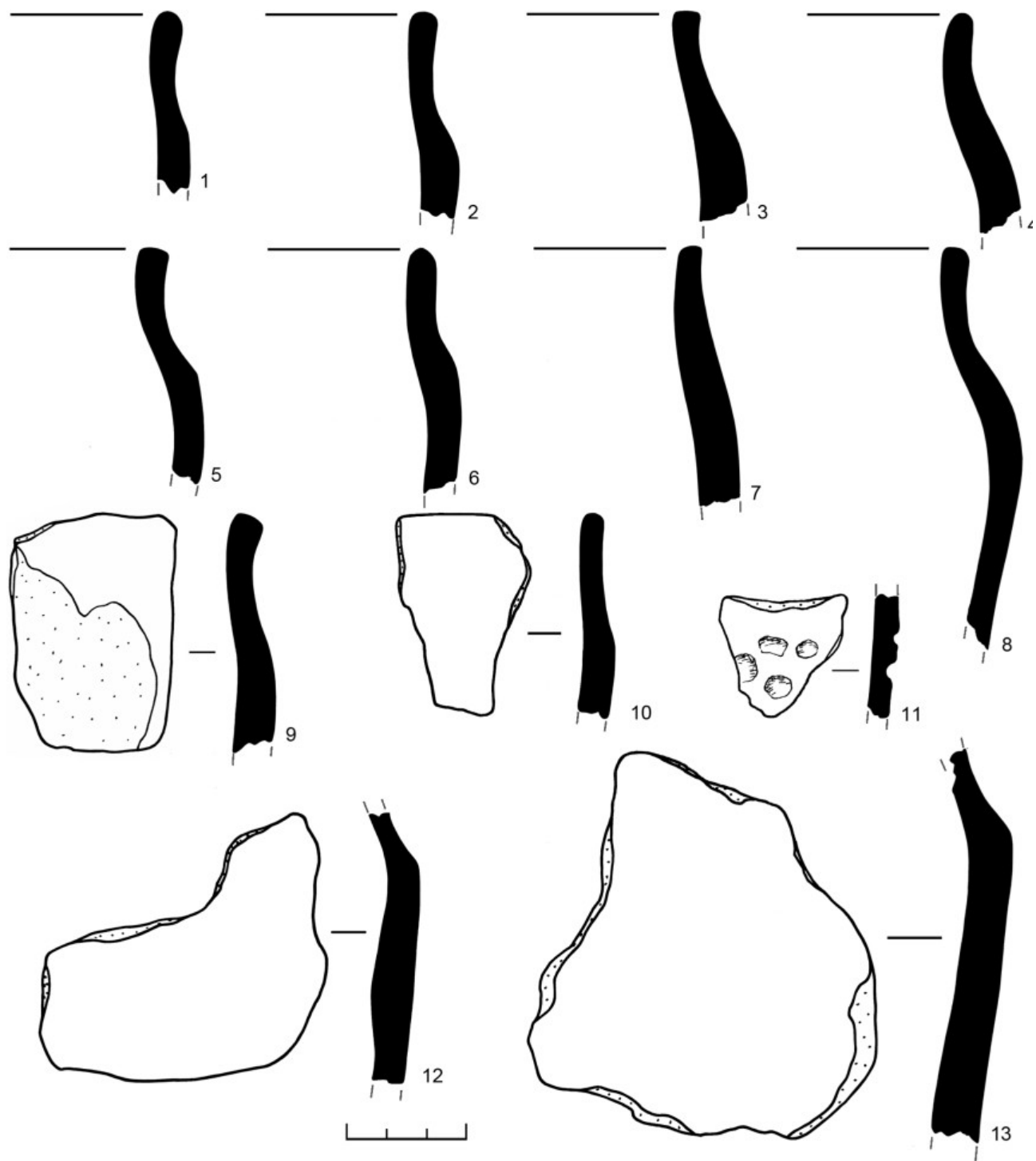

Рис. 1. Керамика из горизонта $E_{3.3}$ («бурый гумус II», по полевой номенклатуре): 1 — СЛАЭ-75/ЗГ-1355; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1123; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1190; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1439; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1422; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1369; 7 — СЛАЭ-75/ЗГ-1259; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1317; 9 — ИЭ-84/ЗГ-991; 10 — ИЭ-84/ЗГ-264; 11 — ИЭ-85/ЗГ-46; 12 — ИЭ-84/ЗГ-892; 13 — ИЭ-84/ЗГ-1019

Fig. 1. Pottery from horizon $E_{3.3}$ ("brown humus II" after the field nomenclature): 1 — СЛАЭ-75/ЗГ-1355; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1123; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1190; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1439; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1422; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1369; 7 — СЛАЭ-75/ЗГ-1259; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1317; 9 — ИЭ-84/ЗГ-991; 10 — ИЭ-84/ЗГ-264; 11 — ИЭ-85/ЗГ-46; 12 — ИЭ-84/ЗГ-892; 13 — ИЭ-84/ЗГ-1019

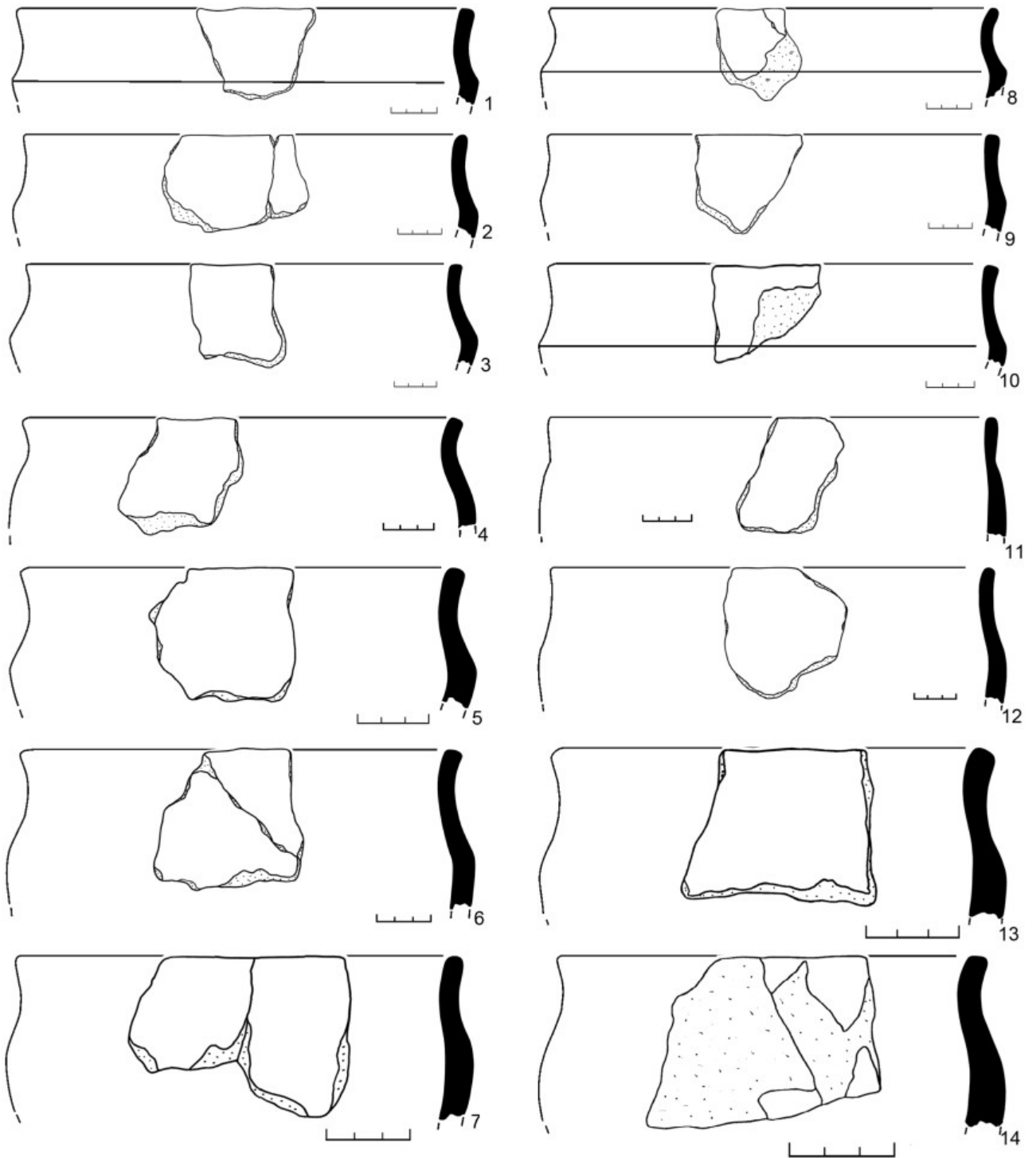

Рис. 2. Керамика из горизонта $E_{3.3}$ («бурый гумус II», по полевой номенклатуре): 1— ИЭ-85/ЗГ-1; 2 — ИЭ-85/ЗГ-32, 33; 3 — ИЭ-85/ЗГ-70; 4 — ИЭ-84/ЗГ-915; 5 — ИЭ-85/ЗГ-117; 6 — ИЭ-84/ЗГ-793; 7 — ИЭ-84/ЗГ-843, 844; 8 — ИЭ-84/ЗГ-984; 9 — ИЭ-85/ЗГ-31; 10 — ИЭ-84/ЗГ-791; 11 — ИЭ-84/ЗГ-432; 12 — ИЭ-84/ЗГ-255; 13 — ИЭ-84/ЗГ-989; 14 — ИЭ-84/ЗГ-407

Fig. 2. Pottery from horizon $E_{3.3}$ ("brown humus II" after the field nomenclature): 1— ИЭ-85/ЗГ-1; 2 — ИЭ-85/ЗГ-32, 33; 3 — ИЭ-85/ЗГ-70; 4 — ИЭ-84/ЗГ-915; 5 — ИЭ-85/ЗГ-117; 6 — ИЭ-84/ЗГ-793; 7 — ИЭ-84/ЗГ-843, 844; 8 — ИЭ-84/ЗГ-984; 9 — ИЭ-85/ЗГ-31; 10 — ИЭ-84/ЗГ-791; 11 — ИЭ-84/ЗГ-432; 12 — ИЭ-84/ЗГ-255; 13 — ИЭ-84/ЗГ-989; 14 — ИЭ-84/ЗГ-407

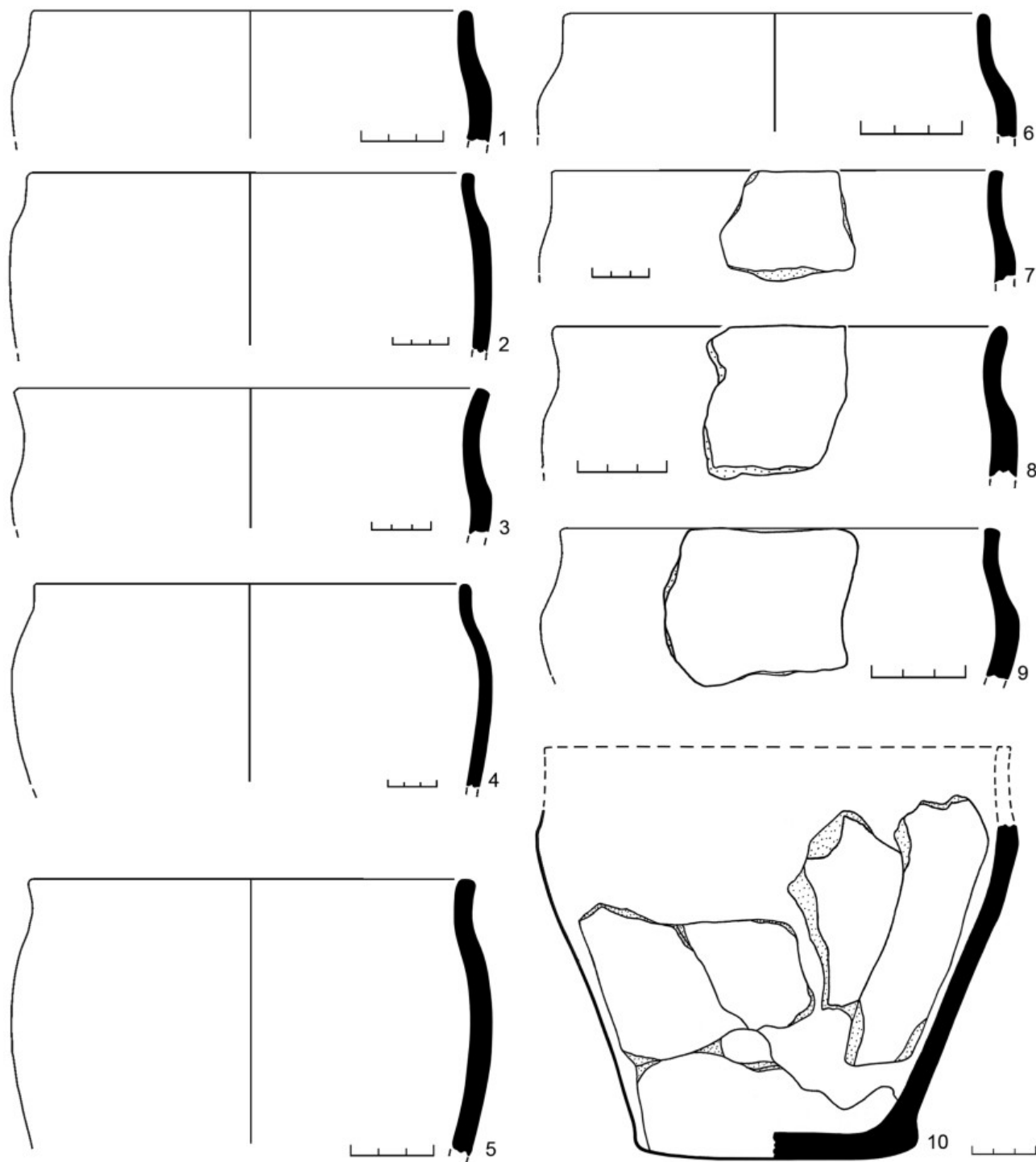

Рис. 3. Керамика из горизонта $E_{3.3}$ («бурый гумус II», по полевой номенклатуре): 1 — СЛАЭ-75/ЗГ-1308; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1207; 3 — ИЭ-82/ЗГ-958, 964; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1242, 1243, 1253, 1254; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1421; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1228; 7 — ИЭ-84/ЗГ-415, 419; 8 — ИЭ-84/ЗГ-461; 9 — ИЭ-85/ЗГ-110; 10 — ИЭ-85/ЗГ-129

Fig. 3. Pottery from horizon $E_{3.3}$ ("brown humus II" after the field nomenclature): 1 — СЛАЭ-75/ЗГ-1308; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1207; 3 — ИЭ-82/ЗГ-958, 964; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1242, 1243, 1253, 1254; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1421; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1228; 7 — ИЭ-84/ЗГ-415, 419; 8 — ИЭ-84/ЗГ-461; 9 — ИЭ-85/ЗГ-110; 10 — ИЭ-85/ЗГ-129

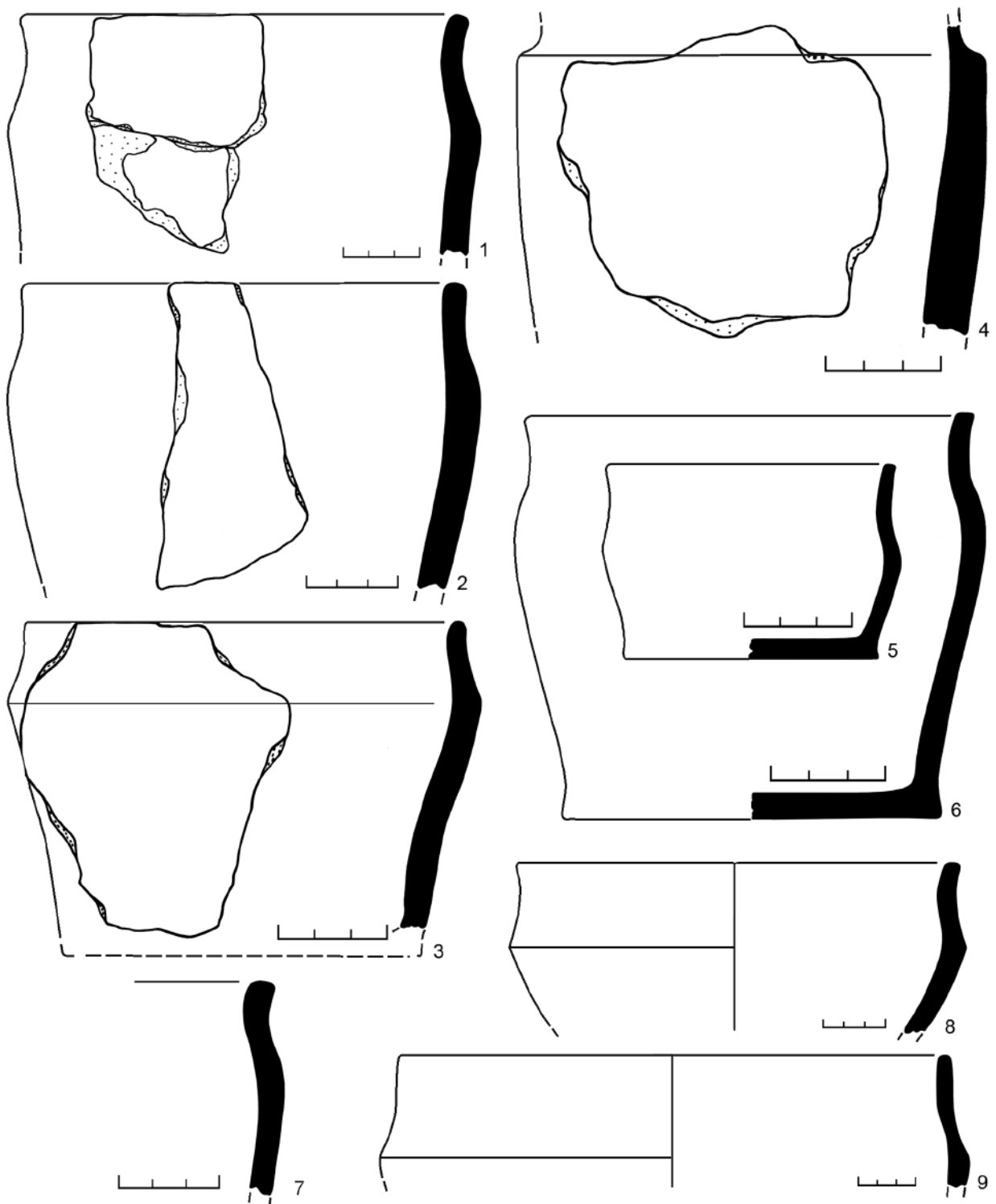

Рис. 4. Керамика из горизонта $E_{3.3}$ («бурый гумус II», по полевой номенклатуре; 7-9 — из развала металлоплавильной печи): 1 — ИЭ-85/ЗГ-76, 78; 2 — ИЭ-85/ЗГ-130; 3 — ИЭ-84/ЗГ-468; 4 — ИЭ-84/ЗГ-1022; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1480; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1210, 1211, 1217, 1225, 1226; 7 — СЛАЭ-75/ЗГ-1537; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1538; 9 — СЛАЭ-75/ЗГ-1539

Fig. 4. Pottery from horizon $E_{3.3}$ ("brown humus II" after the field nomenclature; 7-9 — from a collapsed metal smelting oven): 1 — ИЭ-85/ЗГ-76, 78; 2 — ИЭ-85/ЗГ-130; 3 — ИЭ-84/ЗГ-468; 4 — ИЭ-84/ЗГ-1022; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1480; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1210, 1211, 1217, 1225, 1226; 7 — СЛАЭ-75/ЗГ-1537; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1538; 9 — СЛАЭ-75/ЗГ-1539

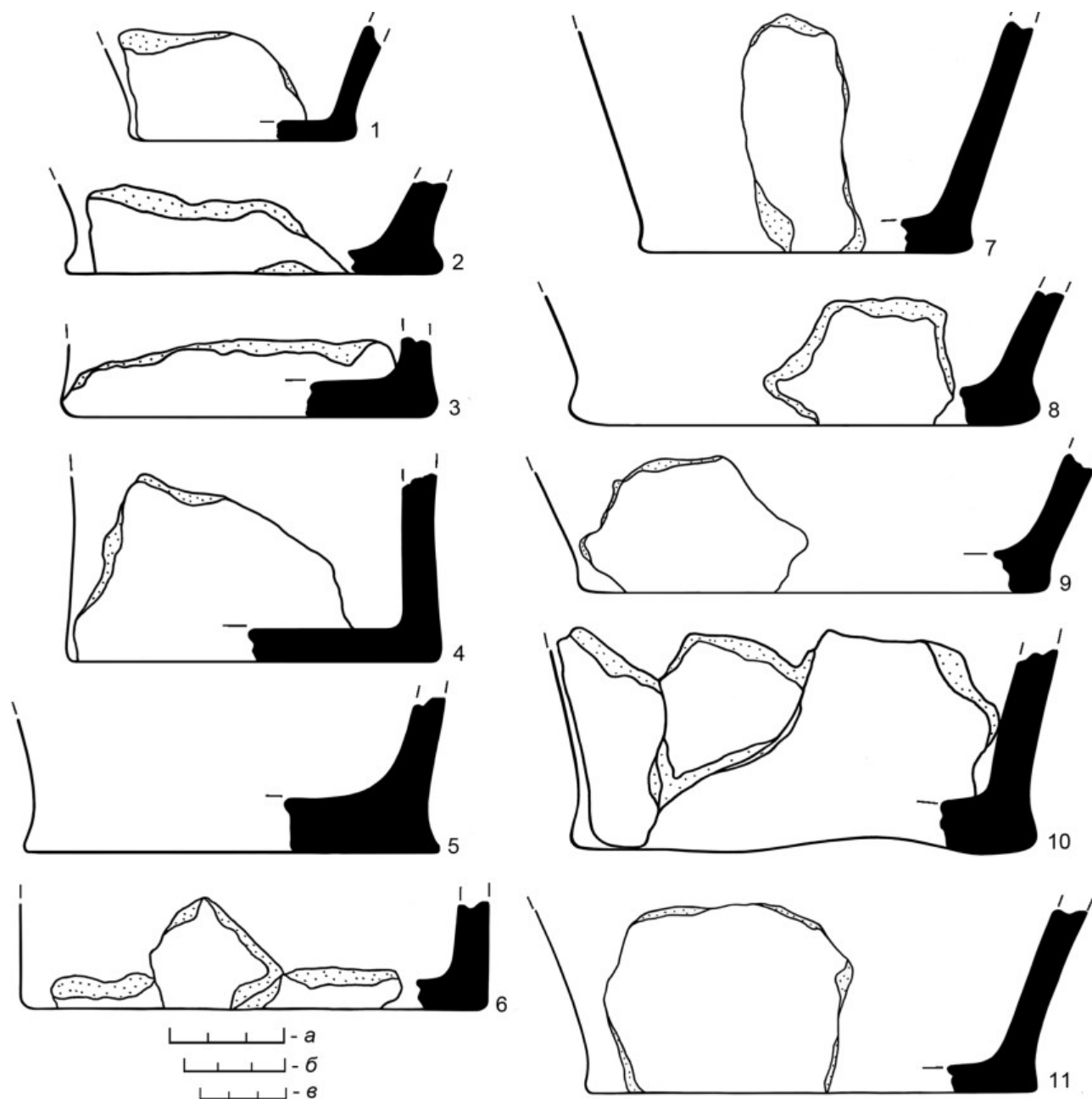
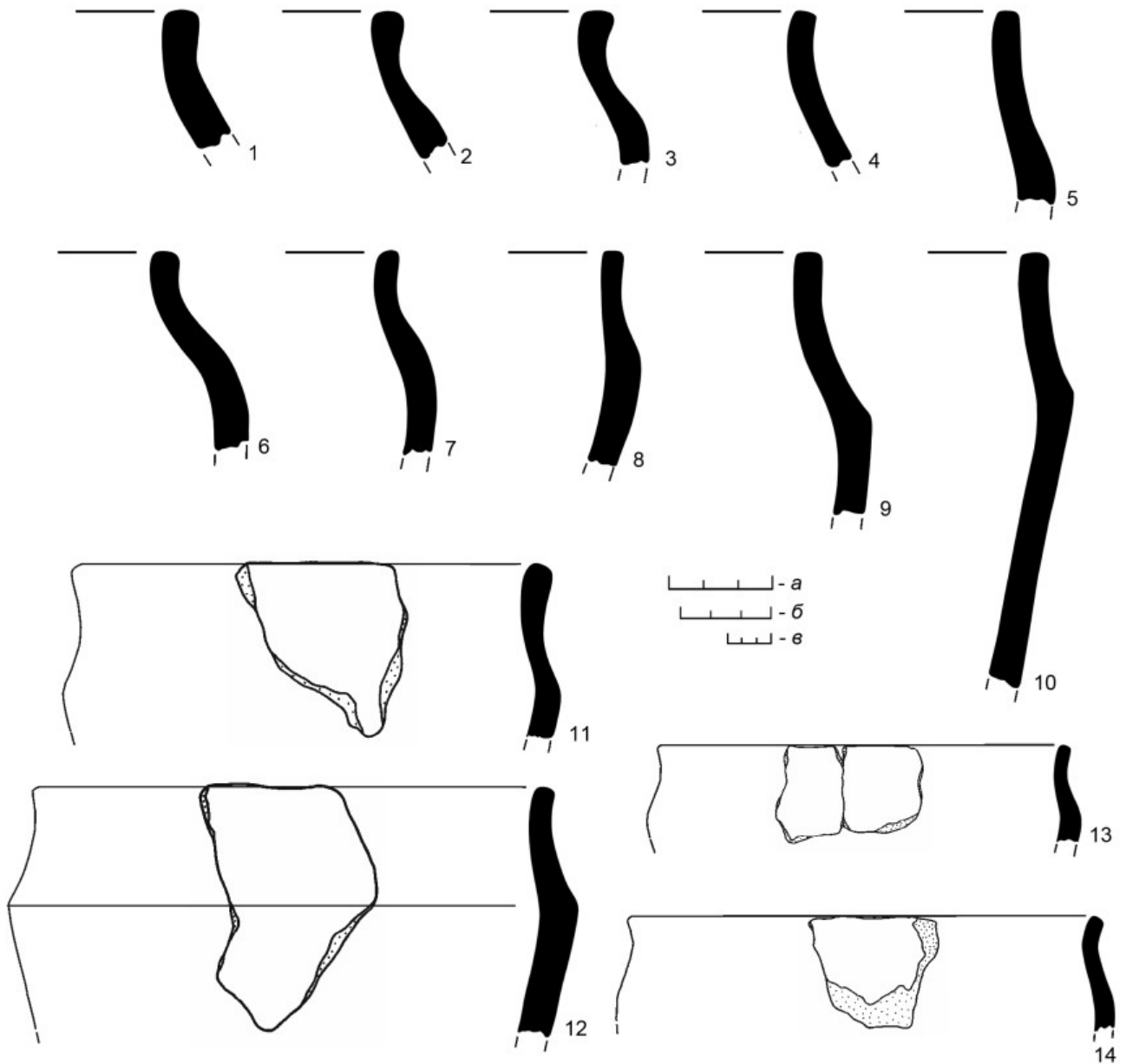

Рис. 5. Керамика из горизонта $E_{3.3}$ («бурый гумус II», полевой номенклатуре): 1 — ИЭ-84/ЗГ-1050; 2 — ИЭ-85/ЗГ-2; 3 — ИЭ-84/ЗГ-1067; 4 — ИЭ-84/ЗГ-929; 5 — ИЭ-84/ЗГ-837; 6 — ИЭ-85/ЗГ-57, 58, 59; 7 — ИЭ-84/ЗГ-975; 8 — ИЭ-84/ЗГ-994; 9 — ИЭ-84/ЗГ-1014; 10 — ИЭ-84/ЗГ-1016, 1017, 1018, 1037; 11 — ИЭ-85/ЗГ-118.

Масштаб: а — для 1-5; б — для 6-10; в — для 11

Fig. 5. Pottery from horizon $E_{3.3}$ ("brown humus II" after the field nomenclature): 1 — ИЭ-84/ЗГ-1050; 2 — ИЭ-85/ЗГ-2; 3 — ИЭ-84/ЗГ-1067; 4 — ИЭ-84/ЗГ-929; 5 — ИЭ-84/ЗГ-837; 6 — ИЭ-85/ЗГ-57, 58, 59; 7 — ИЭ-84/ЗГ-975; 8 — ИЭ-84/ЗГ-994; 9 — ИЭ-84/ЗГ-1014; 10 — ИЭ-84/ЗГ-1016, 1017, 1018, 1037; 11 — ИЭ-85/ЗГ-118.

Scale: а — to 1-5; б — to 6-10; в — to 11

Рис. 6. Керамика из горизонта $E_{3.3}$ (предматерик и ямы, по полевой номенклатуре): 1 — СЛАЭ-75/ЗГ-1548; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1525; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1485; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1489; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1471; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1544; 7 — СЛАЭ-75/ЗГ-1546; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1484; 9 — СЛАЭ-75/ЗГ-1524; 10 — СЛАЭ-75/ЗГ-1510; 11 — ИЭ-84/ЗГ-967; 12 — ИЭ-84/ЗГ-971; 13 — ИЭ-84/ЗГ-968, 970; 14 — ИЭ-84/ЗГ-847. Масштаб: а — для 1-10; б — для 11, 12; в — для 13, 14

Fig. 6. Pottery from horizon $E_{3.3}$ (layer immediately above the virgin soil and from a pit, after the field nomenclature): 1 — СЛАЭ-75/ЗГ-1548; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1525; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1485; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1489; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-1471; 6 — СЛАЭ-75/ЗГ-1544; 7 — СЛАЭ-75/ЗГ-1546; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1484; 9 — СЛАЭ-75/ЗГ-1524; 10 — СЛАЭ-75/ЗГ-1510; 11 — ИЭ-84/ЗГ-967; 12 — ИЭ-84/ЗГ-971; 13 — ИЭ-84/ЗГ-968, 970; 14 — ИЭ-84/ЗГ-847.

Scale: а — to 1-10; б — to 11, 12; в — to 13, 14

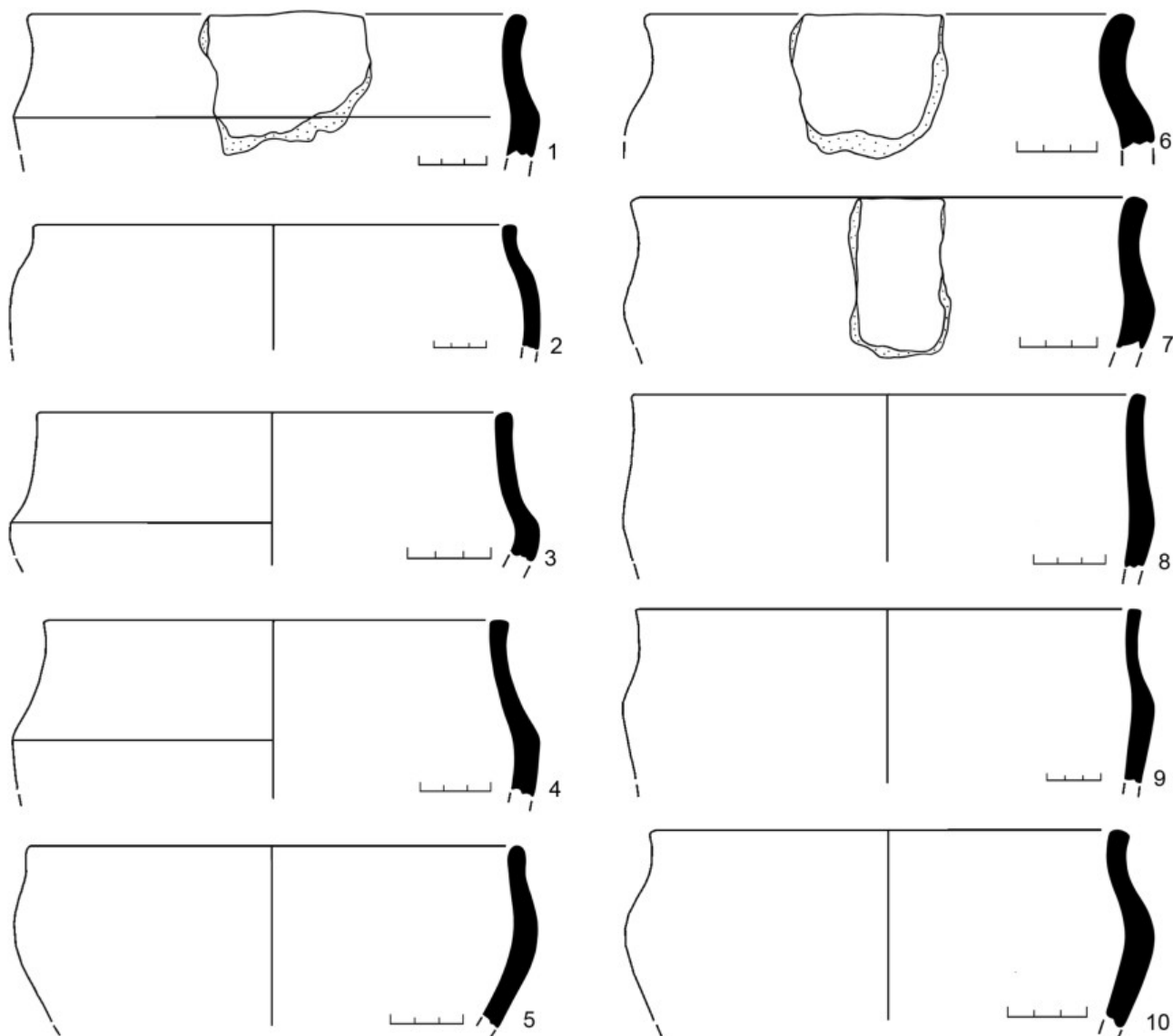

Рис. 7. Керамика из горизонта $E_{3,3}$ (предматерик и ямы, по полевой номенклатуре): 1 — ИЭ-84/ЗГ-792; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1487; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1528; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1552; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-без номера; 6 — ИЭ-85/ЗГ-128; 7 — ИЭ-84/ЗГ-99; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1526; 9 — СЛАЭ-75/ЗГ-без номера; 10 — СЛАЭ-75/ЗГ-1486

Fig. 7. Pottery from horizon $E_{3,3}$ (layer immediately above the virgin soil and from a pit, after the field nomenclature): 1 — ИЭ-84/ЗГ-792; 2 — СЛАЭ-75/ЗГ-1487; 3 — СЛАЭ-75/ЗГ-1528; 4 — СЛАЭ-75/ЗГ-1552; 5 — СЛАЭ-75/ЗГ-without num.; 6 — ИЭ-85/ЗГ-128; 7 — ИЭ-84/ЗГ-99; 8 — СЛАЭ-75/ЗГ-1526; 9 — СЛАЭ-75/ЗГ-без номера; 10 — СЛАЭ-75/ЗГ-1486

которых зафиксированы в материке, не всегда представляется возможным. Автор отметил, что заполнение ям не отличается по своим характеристикам от выделенного слоя «бурый гумус II» (Рябинин, Черных, 1988. С. 74). В данной публикации керамика разделена на найденную в предматерике и ямах и в слое «бурый гумус II» согласно тому, как это зафиксировано в полевой описи. Выделено несколько фрагментов, обнаруженных при разборке скопления камней (рис. 4, 7–9), интерпретированного Е. А. Рябининым как остатки

металлоплавильной печи (Там же. С. 75, 76, рис. 2, кв. Ч₁–Ч₂).

Интересно проследить, как распределяются фрагменты керамики в горизонте $E_{3,3}$ (рис. 9). Здесь был обнаружен обширный ремесленный комплекс, состоящий из наземной постройки (постройка 8)⁴, служившей мастерской, вымостки

⁴ Нумерация построек соответствует той, что дана в сводной публикации материалов раскопок (Рябинин, Черных, 1988).

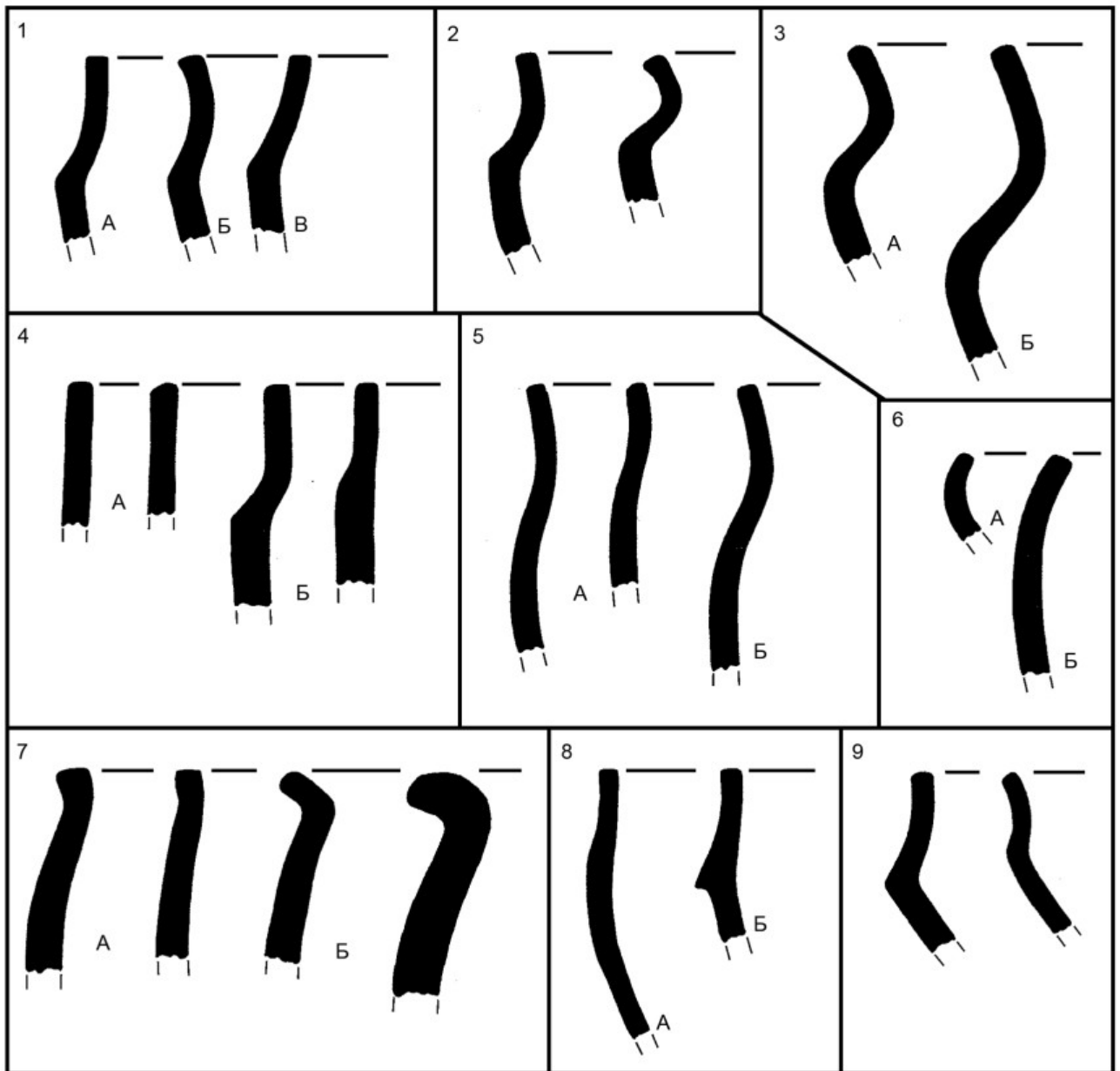

Рис. 8. Типы верхних частей сосудов

Fig. 8. Types of the upper body of the vessels

из плитнякового камня, представлявшей собой остатки металлоплавильной печи, жилища (постройка 2В) с примыкающим к нему амбаром «на стульях» и настила в южной части раскопа. Рядом с этими сооружениями располагались канавообразные углубления и ямы, имевшие, видимо, производственное или дренажное назначение (Там же. С. 75–80).

По мнению Е. А. Рябина, первоначально постройка 2В не имела пристройки «на стульях». При возведении жилища была сделана подсыпка под его основание и вырыты канавы, предназна-

ченные для осушения площадки для строительства. Позже появилась пристройка «на стульях», при сооружении которой западная дренажная канава была засыпана (Там же. С. 80). Именно в ней сконцентрирована большая часть фрагментов керамики.

Другое скопление керамики зафиксировано в расположенной рядом с металлоплавильной печью яме (кв. Ч₂₋₃–Ш₂₋₃), которая использовалась, вероятно, в производственных целях (Там же. С. 76). Планиграфическое распределение керамики показывает, что наибольшее

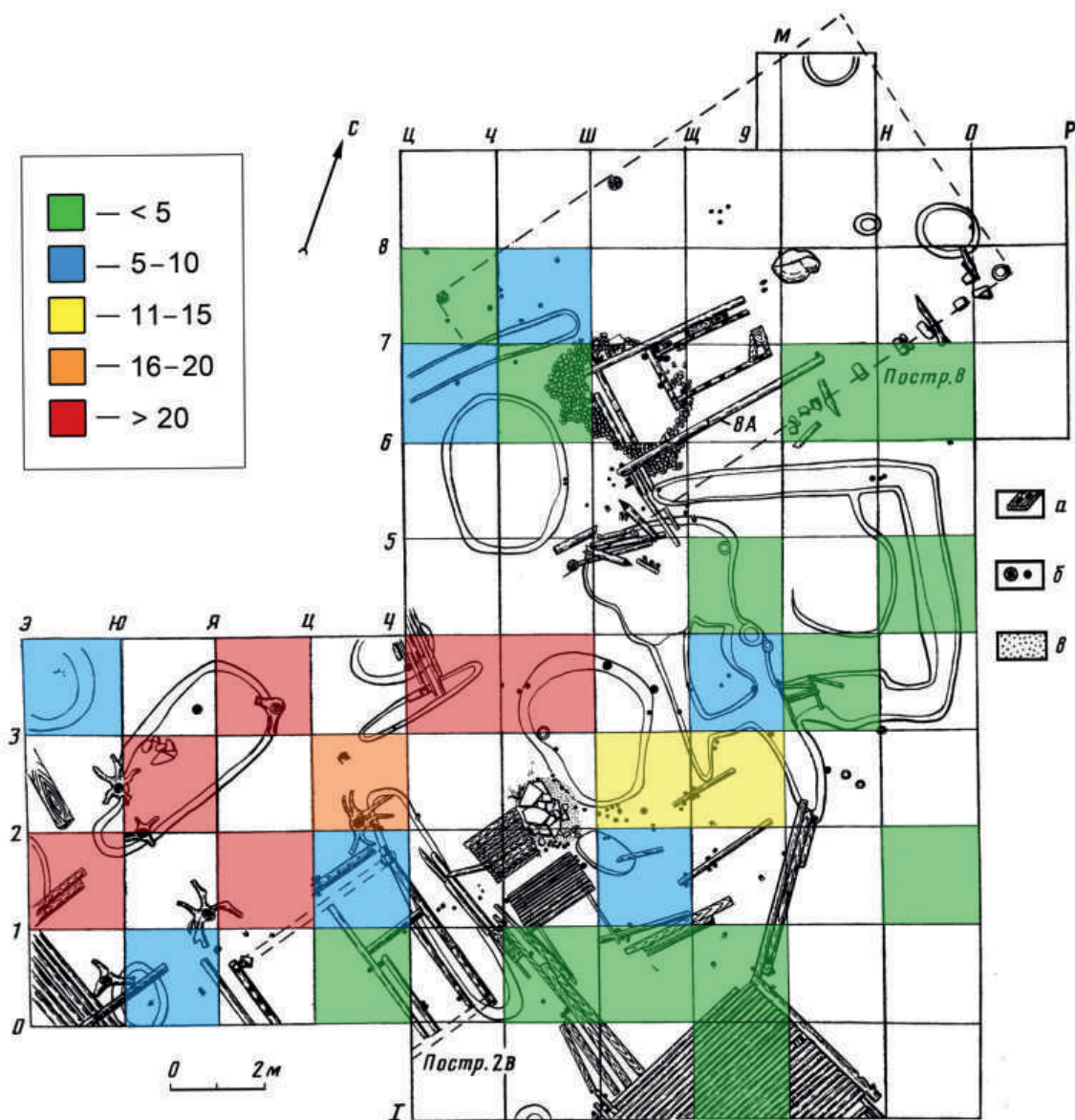

Рис. 9. Планиграфическое распределение керамики в горизонте E_{3.3} (план: Рябинин, Черных, 1988. С. 75, рис. 2, с дополнениями, показывающими количество фрагментов керамики, найденных в квадрате).

Условные обозначения: а — обугленное дерево; б — столбы и колья; в — песок

Fig. 9. Planigraphic distribution of the pottery in horizon E_{3.3} (plan: Рябинин, Черных, 1988. С. 75, рис. 2, with supplements indicating the numbers of ceramic fragments found in an excavation square).

Keys: а — charred wood; б — pillars and stakes; в — sand

ее количество в основном фиксируется в заполнении ям.

К сожалению, проследить распределение керамики из вышележащих горизонтов Земляного городища не всегда представляется возможным. Характер культурного слоя, его общее понижение в юго-западном направлении, по уровню материка достигающее примерно 1 м (Давидан, 1976. С. 102), отсутствие закрытых комплексов затрудняют

такую попытку. Только в исключительных случаях наблюдения за нахождением керамики в слое (рассеивание фрагментов одного сосуда, скопление керамики, развалы отдельных сосудов и др.) могут служить подтверждением вывода, сделанного на материале древнейшего горизонта: битые горшки вместе со строительным мусором (щепой, плахами и т. п.) служили для засыпки низменных участков поселения, ям, канав и подсыпки

под различные сооружения⁵. Выравнивание площадки произошло примерно в период функционирования построек горизонта E₁ — 860–920-е гг. (Рябинин, 1985. С. 48). Наблюдения за распределением керамики косвенно подтверждают предположение В. А. Назаренко о больших планировочно-нивелировочных работах, проводимых в древности на территории поселения (Назаренко, 1997).

Определить происхождение древнейшего комплекса керамики Ладоги довольно сложно. Характер материала позволяет приводить достаточно широкие аналогии. Технологические приемы изготовления керамики, а также тенденция их изменения лежат в русле традиций, известных в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Технология гончарства, формы посуды и способы обработки поверхности находят параллели в памятниках железного века и раннего средневековья на обширной территории от верховьев Днепра и Западной Двины до Верхневолжья: в дьяковской культуре, культуре штрихованной керамики, памятниках удомельского типа, культуре псковских длинных курганов, культуре сопки и некоторых других. Набор типов с середины VIII до середины X в. — времени появления круговой керамики — практически не меняется. Наблюдается только более или менее четко выраженная тенденция изменения пропорций некоторых типов сосудов (Сениченкова, 2011. С. 213–216). Характер ладожского керамического комплекса позволил высказать предположение, что он сложился не в последней четверти I тыс. н. э., а несколько ранее (Сениченкова, 2011. С. 222; 2014. С. 359).

Изучение ладожской керамики дает дополнительную информацию для реконструкции этапов заселенности Нижнего Поволжья.

⁵ Я. В. Станкевич пришла к таким же выводам, рассматривая большую постройку горизонта E₂: «скопления битых сосудов самых разнообразных типов и форм были отмечены как на задворках двора, так и под мостками, ведущими к... жилому дому, и в закоулках, представляющих, очевидно, места, куда выбрасывалась вышедшая из употребления посуда» (Станкевич, 1951. С. 226, 227).

Скорее всего, чисто утилитарное значение имела выемка из обломков примерно 10 сосудов, уложенных в два яруса и разделенных прослойкой щепы и навоза, обнаруженная в 1959 г. рядом с северной пристройкой к сооружению, открытому Н. И. Репниковым в 1913 г. (так называемый горизонт давленных сосудов, по полевому отчету: Равдоникас, 1959).

О. И. Давидан, изучая материалы раннесредневековой Ладоги, пришла к выводу, что Ладожское поселение возникло на необитаемом месте (Давидан, 1995. С. 165). Это заключение верно в том смысле, что мы до сих пор не знаем пласта памятников предшествующего времени. Однако найденные на Северо-Западе и непосредственно в районе Старой Ладоги артефакты все настойчивее подводят к выводу о заселенности этой территории в более раннее время (Лебедев, Седых, 1985).

Как показывают последние изыскания, люди освоили территорию при впадении Ладожки в Волхов еще в неолите: следы неолитических стоянок зафиксированы на крепостном мысу, на левом берегу Ладожки, на Земляном городище (Тимофеев, Стеценко, 1997; Стеценко, 1997. С. 174; Новое в археологии..., 2018. С. 135–161).

На территории Земляного городища в горизонте E_{3.3} («бурый гумус II», раскопки Е. А. Рябинина) был найден маленький фрагмент керамики, орнаментированный ямочными вдавлениями (рис. 1, 11). Несколько фрагментов такой керамики найдено в каменной крепости (Юшкова, 2011а. Альбом, рис. 67, 1–6), известны подобные находки на территории Никольского монастыря и прилегающем к нему поле (Бессарабова, 1995; 1998). М. А. Юшкова (Раззак) относит подобную керамику к памятникам волховского типа — выделенной ею группе памятников конца эпохи бронзы — начала раннего железного века — и датирует в интервале IX–VI вв. до н. э. Керамика, характерная для этой группы, выходит из употребления, по ее мнению, не позднее III в. до н. э. (Юшкова, 2011б. С. 13).

В раскопе В. И. Равдоникаса 1947 г. в горизонте E₃ был найден фрагмент керамики с примесью асбеста и талька, аналогии которому Я. В. Станкевич указывала в культурах энеолита и бронзы в Прикамье и Западном Приуралье, а также на территории Карелии, Скандинавского полуострова и Польши (Станкевич, 1950. С. 195, рис. 4, 7). А. М. Жульников считает, что распространение асбеста, который мог использоваться в качестве примеси к тесту сосудов, на Севере европейской части России совпадает с границей Балтийского щита, хотя керамика с такой примесью встречается и за его пределами (Жульников, 2006. С. 330). М. А. Юшкова (Раззак) относит такую керамику к культуре лууконсаари (Юшкова, 2011а. Альбом, рис. 87, 16). Памятники этой культуры на территории Карелии и Финляндии не выходят за рамки

V в. н. э., а в Приильменье и Поволхове либо синхронны памятникам волховского типа, либо продолжают существовать и в позднем периоде раннего железного века, верхней границей которого, по мнению исследовательницы, являются III–IV вв. н. э. (*Там же*. С. 14, 15).

Многолетними исследованиями установлено, что раннесредневековые памятники в Нижнем Поволхове часто расположены на тех местах, где фиксируются материалы раннего железного века (см., например, Орлов, 1982; Петренко, 1984). Такая же картина наблюдается и в Приильменье (Носов, 1991. С. 8–9; Плохов, 1987. С. 8; 1988. С. 10; Носов, Плохов, 2005. С. 122–154). В. П. Петренко, отмечая этот факт, а также неразработанность хронологии раннего железного века на Северо-Западе, предположил, что разрыв между памятниками, относящимися к нему, и раннесредневековыми не мог быть слишком большим (Петренко, 1984. С. 88–90). К сожалению, хронологическая лакуна существует до сих пор.

Исследователи (Петренко, 1977; Носов, 2000. С. 166–168) неоднократно отмечали, что топография ладожского раннесредневекового поселения кардинально отличается от топографии поселений раннего железного века в Нижнем Поволхове. Последние обычно располагаются на крутых берегах, на возвышенных участках ландшафта. Ладога же возникает на низменном, затопляемом во время паводков берегу при впадении Ладожки в Волхов, в очень удобном месте для стоянки и ремонта судов. Эта топографическая особенность послужила одним из аргументов для определения характера первоначального поселения как перевалочного пункта на трансъевропейском торговом пути. Находки здесь керамики раннего железного века, казалось бы, противоречат устоявшимся представлениям. Однако если обратиться к топографии поселений в районе истока Волхова, то мы увидим, что это противоречие снимается.

Раннесредневековые поселения в Поозерье располагались на пологих песчаных холмах при

впадении в озеро маленьких речек с небольшой, заливаемой во время весенних паводков поймой. Эти всхолмления были окружены заболоченными низинами, которые также заливались весной и превращали поселки в острова. Характер расселения был тесно связан с гидрологическим режимом озера Ильмень и сохранился в течение веков. На этих всхолмлениях обнаружены следы поселений раннего железного века, раннего и позднего средневековья (Носов, Плохов, 2005. С. 122, 123). Что привлекало сюда первых поселенцев? Может быть, периодически заливаемая пойма, пригодная для земледелия (ср.: Еремеев, Дзюба, 2010. С. 47, 63)?

Геоморфологические исследования Ладоги только начаты. К сожалению, пока специалисты не могут прийти к единому мнению о причинах изменения гидрологического режима, о времени и характере Ладожской трансгрессии, об этапах и характере формирования палеопочв (Алещук и др., 2003; Шитов и др., 2004; Шитов и др., 2005; Александровский и др., 2009; Платонова и др., 2020). Остро стоит вопрос о выяснении особенностей палеоландшафта на первой террасе Волхова, где расположены Земляное городище и крепость. С. Л. Кузьмин сделал такую попытку: по его мнению, в древности вдоль берега Волхова имелись три возвышения-останца, занимавшие территории будущих каменной крепости, Земляного городища и Никольского монастыря (Кузьмин, 1997б. С. 229). Именно на этих местах найдены пока очень невыразительные материалы раннего железного века. Накопление информации, несомненно, приблизит к пониманию этапности заселения этой территории. На мой взгляд, анализируя данные геоморфологов и почвоведов, надо иметь в виду, что появление «островков жизни» на территории вокруг устья реки Ладожки и возникновение собственно раннесредневекового поселения могут не совпадать. Возможно, в истории заселения этого места можно будет выделить еще один этап. Пазл пока не складывается, каков будет результат — покажет время.

Александровский и др., 2009 — Александровский А. Л., Арсланов Х. А., Давыдова Н. Н., Долуханов П. М., Зайцева Г. И., Кирпичников А. Н., Кузнецов Д. Д., Лавенто М., Лудикова А. В., Носов Е. Н., Савельева Л. А., Сапелко Т. В., Субетто Д. А. Новые данные относительно трансгрессии Ладожского озера, образования реки Невы и земледельческого

освоения Северо-Запада России // Доклады РАН. М.: Изд-во РАН, 2009. Т. 424, № 5. С. 682–687.

Александровский и др., 2010 — Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефедов В. С. Исследование почв и отложений под культурным слоем Земляного городища Старой Ладоги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России

- и сопредельных стран: Сб. к 80-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 43–61.
- Алещук и др.*, 2003 — *Алещук Л. В., Рябинин Е. А., Шитов М. В.* Палеопочвы Любши — свидетельство ландшафтно-геохимических условий Нижнего Поволжья в раннем средневековье // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 52–63.
- Бессарабова*, 1995 — *Бессарабова З. Д.* Новые сведения о древнем Ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI) // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 1995. Вып. 9. С. 54–65.
- Бессарабова*, 1998 — *Бессарабова З. Д.* Итоги археологического досмотра водопроводной траншеи VII на территории Никольского монастыря в 1982 г. // Староладожский сборник / Ред. А. А. Селин. СПб.; Старая Ладога: б. и., 1998. С. 50–60.
- Волковицкий, Селин*, 2012 — *Волковицкий А. И., Селин А. А.* Большие дома Старой Ладоги. Предварительные наблюдения // Староладожский сборник / Ред. А. А. Селин. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 172–187.
- Давидан*, 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Л.: Аврора, 1976. Вып. 17: Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы / Ред. М. Б. Щукин. С. 101–118.
- Давидан*, 1981 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–XIII вв. (по материалам Земляного городища) // Контакты и взаимодействие древних культур: Краткие тез. докл. науч. конф. отдела истории первобытной культуры (к 50-летию отдела) (27–30 октября 1981 г.) / Ред. Я. В. Доманский, И. П. Засецкая, М. Б. Щукин. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1981. С. 25–26.
- Давидан*, 1986 — *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги в VIII–IX вв. // АСГЭ. Л.: Искусство, 1986. Вып. 27: Материалы и исследования по археологии СССР / Ред. Я. В. Доманский. С. 99–105.
- Давидан*, 1995 — *Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1995. № 9: Сб. памяти А. М. Микляева / Ред. Б. С. Короткевич, А. Н. Мазуркевич. С. 156–167.
- Жульников*, 2006 — *Жульников А. М.* Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып. 6, т. I. С. 330–333.
- Еремеев, Дзюба*, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Кирпичников*, 1985 — *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования (К V Междунар. конгрессу славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.) / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 3–26.
- Кирпичников*, 2004 — *Кирпичников А. Н.* Археологические неожиданности в Старой Ладоге // Новгородские археологические чтения-2: Материалы науч. конф., посв. 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского / Ред. В. Л. Янин и др. Великий Новгород: б. и., 2004. С. 94–98.
- Кирпичников, Курбатов*, 2014 — *Кирпичников А. Н., Курбатов А. В.* Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволжье // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 129–136.
- Кирпичников и др.*, 1985 — *Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., Петренко В. П.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Ред. В. М. Массон. Л., 1985. С. 48–51.
- Корзухина*, 1961 — *Корзухина Г. Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. 1961. № 3. С. 76–84.
- Корзухина*, 1966 — *Корзухина Г. Ф.* К уточнению датировки древнейших слоев Ладоги // Тез. докл. 3-й науч. конф. по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту: б. и., 1966. С. 61–63.
- Кузьмин*, 1987 — *Кузьмин С. Л.* Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье // История и археология Новгородской земли: Тез. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгородская правда, 1987. С. 23–25.
- Кузьмин*, 1989 — *Кузьмин С. Л.* Малые дома Старой Ладоги VIII–IX вв. (культурная принадлежность домостроительной традиции) // АИППЗ. 1988: Тез. докл. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: б. и., 1989. С. 34–35.
- Кузьмин*, 1997а — *Кузьмин С. Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища //

- Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков: Невельская типография, 1997. Т. I. С. 343–358.
- Кузьмин, 1997б — Кузьмин С. Л. Первые десятилетия истории Ладожского поселения // *Stratum + Петербургский археологический вестник* / Ред. В. Ю. Зуев и др. СПб.; Кишинев: ВАШ, 1997. С. 228–235.
- Кузьмин, Волковицкий, 2004 — Кузьмин С. Л., Волковицкий А. И. Археологическое изучение Ладоги (проблемы, задачи, перспективы) // *Ладога и Глеб Лебедев. VIII чтения памяти А. Мачинской* / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 151–156.
- Лапшин, 2019 — Лапшин В. А. Ладога до Ладоги // *Записки ИИМК РАН*. 2019. № 20. С. 112–120.
- Лебедев, Седых, 1985 — Лебедев Г. С., Седых В. Н. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей // *Вестник ЛГУ. Серия История*. № 9. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 15–25.
- Назаренко, 1997 — Назаренко В. А. Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII–X вв. (по материалам Земляного городища) // *Ладога и религиозное сознание. III чтения памяти А. Мачинской* / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: б. и., 1997. С. 112–114.
- Новое в археологии..., 2018 — Новое в археологии Старой Ладоги. Материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская книжная типография, 2018 (Тр. ИИМК РАН; Вып. LIII). 536 с.
- Носов, 1977 — Носов Е. Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // *КСИА*. 1977. Вып. 150: Средневековые древности. С. 10–17.
- Носов, 1991 — Носов Е. Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990* / Ред. В. Л. Янин и др. М.; [Новгород]: Новгород. археол. экспедиция, 1991. С. 5–37.
- Носов, 2000 — Носов Е. Н. К вопросу о типологии городов Поволховья // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы)* / Ред. А. Н. Кирпичников и др. СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 162–171.
- Носов, 2019 — Носов Е. Н. О культурно-хронологическом разделении слоев Старой Ладоги // *НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ*, 2019. Вып. 32. С. 157–166.
- Носов, Плохов, 2005 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. *Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования)* / СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). С. 122–154.
- Орлов, 1982 — Орлов С. Н. Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине р. Волхова // *Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб.* / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: ЛГУ, 1982. С. 94–98.
- Петренко, 1977 — Петренко В. П. Топография Староладожского поселения // *Древние города: Материалы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья»* / Ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 73–74.
- Петренко, 1984 — Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // *Новое в археологии СССР и Финляндии: Докл. Третьего Сов.-финлянд. симпозиум по вопросам археологии (11–15 мая 1981 г.)* / Ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1984. С. 83–90.
- Платонова, 2021 — Платонова Н. И. О хронологии древнейших культурных отложений Ладоги // *Disablót: Сб. ст. коллег и учеников к юбилею Е. А. Мельниковой* / Отв. ред. Т. В. Гимон. М.: Квадрига, 2021. С. 223–231.
- Платонова и др., 2020 — Платонова Н. И., Левковская Г. М., Брицкий Д. А., Карцева Л. А., Лапшин В. А., Григорьева Н. В., Миляев П. А., Збукова Д. А. СЭМ-исследования растительных остатков из палеопочв, разделенных отложениями Ладожской трансгрессии. Новые материалы и старые проблемы // *АВ*. 2020. Вып. 30. С. 163–199.
- Плохов, 1987 — Плохов А. В. Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом городище под Новгородом // *История и археология Новгородской земли: Тез. науч.-практ. конф.* / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород: Новгородская правда, 1987. С. 8–10.
- Плохов, 1988 — Плохов А. В. Памятники II — I-й половины I тыс. до н. э. в Центральных районах Приильменья // *НиНЗИиА. Новгород: б. и.*, 1988. С. 9–11.
- Равдоникас, 1950 — Равдоникас В. И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.). Ч. 2 // *СА*. 1950. Вып. XII. С. 7–40.
- Равдоникас, 1959 — Равдоникас В. И. Отчет Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР о раскопках в Старой Ладоге в 1959 г. // *НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. № 45*.

- Рябинин*, 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.). // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования (К V Междунар. конгрессу славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.) / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин, Черных*, 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.
- Сениченкова*, 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Рукопись дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. — Археология / ИИМК РАН. СПб., 1998. 328 с. // Рос. гос. библиотека. Отдел диссертаций.
- Сениченкова*, 2011 — *Сениченкова Т. Б.* Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII — начало X в.) // АИППЗ. Вып. 26: Материалы 56-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. И. К. Лабутина. М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 211–228.
- Сениченкова*, 2014 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси // Русь в IX–XII вв. Общество. Государство. Культура: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 346–362.
- Станкевич*, 1950 — *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. 1950. Вып. XIV. С. 187–216.
- Станкевич*, 1951 — *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. 1951. Вып. XV. С. 219–246.
- Стеценко*, 1997 — *Стеценко Н. К.* История ладожской крепости и проблемы ее изучения // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 168–176.
- Тимофеев, Стеценко*, 1997 — *Тимофеев В. И., Стеценко Н. К.* Староладожская неолитическая стоянка // Памятники Старины. Концепции. Открытия. Версии: Сб. памяти В. Д. Белецкого / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1997. Т. II. С. 331–334.
- Шитов и др.*, 2004 — *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плещивцева Э. С.* Природная среда и человек Нижнего Поволжья на финальной стадии Ладожской трансгрессии // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 3–15.
- Шитов и др.*, 2005 — *Шитов М. В., Бискэ Ю. С., Плещивцева Э. С., Марakov А. Я.* Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги // Вестник СПбГУ. Серия 7. Геология. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 3–16.
- Юшкова*, 2011а — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Рукопись дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / ИИМК РАН. СПб., 2011. 386 с. // ГРБ ОД.
- Юшкова*, 2011б — *Юшкова М. А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 2011. 24 с.

Pottery from horizon E_{3.3} of Staraya Ladoga (after materials from excavations by E. A. Ryabinin in 1973–1985 at Zemlyanoye Gorodishche)

T. B. Senichenkova⁶

Keywords: Staraya Ladoga, Early Iron Age, Early Middle Ages, pottery.

This paper publishes pottery from horizon E_{3.3} at Zemlyanoye Gorodishche (*Earthen Hillfort*) from E. A. Ryabinin's excavations of 1973–1985 at Staraya Ladoga. These artefacts already in the process of excavations were attributed to the lower horizon of the cultural layer marked in the field nomenclature as “brown humus II” and the layer immediately above the virgin soil. It was dated by the method of dendrochronology to the 750s AD. The technology of the pottery manufacture, the forms of the ware and methods of the treatment of the surface of the vessels have parallels at sites of the Iron Age and early Middle Ages: Dyakovo culture, the culture of the hatched ware, at sites of

⁶ Tatyana B. Senichenkova — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: sentb@mail.ru.

the Udomel type, Culture of Pskov Long Barrows, culture of sopkas and some other. It is rather difficult to identify exactly the origin of the earliest complex of pottery from Ladoga. Some types are encountered at synchronous and earlier sites throughout a vast territory from the upper reaches of the Dnieper and Western Dvina to as far as the Upper Volga region.

Examination of the distribution of fragments of pottery in horizon E₃₋₃ shows that they, together with building debris, were used for filling pits, gutters and lowland areas contributing to the gradual levelling of the territory of the early mediaeval settlement.

The initial date of Ladoga lately is being reviewed. The researchers have long ago noticed that among its materials and in the closest surroundings there was an entire series of finds belonging to an earlier period than that to which the lower horizon E₃₋₃ is dated. Unfortunately it is not always possible to identify their context. At A. N. Kirpichnikov's excavation of 2005–2013 at Zemlyanoye Gorodishche, traces of a ploughed field have been revealed in the buried soil under the cultural layer. The radiocarbon dates of the arable horizon indicate the second half of the 7th — first half of the 8th century or are distributed over a wider range. These facts allow the researchers to propose a more ancient date for the early mediaeval settlement.

Single finds of fragments of pottery dated to the Early Iron Age from the area of Zemlyanoye Gorodishche and the Stone Fortress possibly will allow us, with the further accumulation of the materials in future and reconstruction of the palaeolandscape, to distinguish another stage in the history of settlement in this territory.

Шпоры из Гнёздова

С. Ю. Каинов, В. В. Новиков¹

Аннотация. Шпоры в материалах древнерусских памятников раннегосударственного периода встречены крайне редко. На этом фоне выделяется Гнёздовский археологический комплекс, где найдено не менее четырех шпор, датируемых последними веками I тыс. н. э. и относящихся к разным типам шпор, имевшим распространение в более западных регионах. Уникальной является находка каролингской шпоры, датируемой рубежом VIII–IX вв. К редким находкам относятся шпоры с зацепами, загнутыми внутрь, большинство аналогий которых относят к VIII–IX вв.

Ключевые слова: шпора, Гнёздово, Древняя Русь, Каролингская империя, Центральная Европа.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-77-106

Шпоры, найденные на территории Гнёздовского археологического комплекса, одного из ключевых памятников эпохи образования древнерусского государства, еще не стали объектом пристального внимания. Единственное исключение представляет шпора, обнаруженная при случайных обстоятельствах в западной части Центрального поселения Гнёздова и относящаяся к эпохе великого переселения народов (Радюш, 2021). В то же время небольшая, но представительная коллекция гнёздовских шпор позволяет затронуть тему, касающуюся как хронологии и внешних связей памятника, участия разных этнических групп в формировании элиты гнёздовского общества, так и в целом поставить вопрос о проникновении и ранней истории шпор на территории Древней Руси.

Всего на данный момент собрана информация о находке на территории памятника пяти шпор. Одна из них, датируемая второй–четвертой четвертями V в., исчерпывающе опубликована О. А. Радюшем и, видимо, маркирует существование

гнёздовского поселения в середине I тыс. н. э., на что ранее указывал Е. А. Шмидт (Шмидт, 1974. С. 153–157), и связана с событиями раннего этапа эпохи переселения народов (Радюш, 2021. С. 312).

Остальные четыре шпоры, обнаруженные как при археологических работах (3 экз.), так и при случайных обстоятельствах (1 экз.), полноценно еще не введены в научный оборот или же опубликованы не достаточно подробно (Авдусин, 1952. С. 102, рис. 29, 3; Ширинский, 1997; Каинов, 2014. С. 43, рис. 10, 4).

Шпоры VII–IX вв. — редкое явление для территории Восточной Европы. Малочисленность находок и их бесспорно импортный характер позволяют не предпринимать попыток построения локальных типологий, а дают возможность рассматривать эти шпоры в рамках классификаций, уже разработанных для центральноевропейского материала.

Шпора с петлей или площадкой для крепления ремней

Уникальными находками из Гнёздова являются фрагменты литой шпоры (рис. 1). Один фрагмент изогнутой формы, длиной 40 мм и весом 19 г, в сечении имеет D-образную форму (11 × 6 мм)² (рис. 1, 1, 4). Д. А. Авдусин и С. С. Ширинский

¹ Каинов С. Ю. — Отдел археологических памятников, Государственный исторический музей; Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: skainov@mail.ru. Новиков В. В. — Департамент археологии и специальных работ ЭТ «Энерготранспроект», Институт этнологии и антропологии РАН, Саввинская наб., 15, Москва, 119435, Россия; e-mail: vasily.novikov@gmail.com.

² Предмет хранится в фондах Смоленского государственного музея-заповедника, СОМ 7122/1498.

Рис. 1. Фрагменты шпоры из кургана Л-47/1950, 1-5 — серебро (?), позолота, чернь.

1-3 — фото С. Ю. Каинова, В. В. Новикова; 4, 5 — рисунок А. С. Деметьевой

Fig. 1. Fragments of a spur from barrow Л-47/1950, 1-5 — silver (?), gilding, niello.

1-3 — photo by S. Yu. Kainov and V. V. Novikov; 4, 5 — drawing by A. S. Demytyeva

указывали, что предмет изготовлен из серебра и позолочен (Авдусин, 1952. С. 102; Ширинский, 1997). Тем не менее пока данное утверждение не подтверждено качественным анализом. Выступающая внешняя сторона украшена декором в виде виноградной лозы, выполненным в технике углубленного рельефа (рис. 1, 3). Изображение симметрично, осью симметрии является выступающая часть дужки, которая одновременно служит стволом лозы. От ствола в две стороны расходятся побеги, каждый из которых оканчивается тремя круглыми «плодами» — виноградными гроздьями. Углубленные участки фона покрыты позолотой. Утолщения ствола и «плоды» орнаментированы черневыми вставками круглой формы. В утолщениях ствола вставки сгруппированы по четыре в виде ромба, в «плодах» расположено по одной вставке. Таким образом, использование техник золочения и чернения создавали на внешней поверхности шпору эффект полихромной орнаментации — на золотом фоне серебряная (?) растительная орнаментация с темно-серыми черневыми вставками. На одном конце обломка фрагментарно сохранился канал, посредством которого на дугу шпору крепился шип (вероятно, железный). Отверстие (диаметром не менее 4 мм) для шипа на внешней стороне расположено в центре квадратной уплощенной площадки, отделенной от частей, покрытых орнаментом, выступающей линией.

Второй обломок шпору — фрагмент, расположенный ближе к концу дуги, где находилась петля или площадка для крепления шпору к ремням³ (рис. 1, 2, 5). Это стержневидный предмет, длиной 50 мм, весом 20 г и D-образный в сечении. Один его конец обломан, второй оплавлен. В полевой описи предмет обозначен как серебряный, что подтверждается пока только визуальными наблюдениями.

Оба фрагмента происходят из кургана Л-47, раскопанного в 1950 г. в центральной части Лесной курганной группы гнёздовского некрополя⁴

³ Предмет хранится в фондах Смоленского государственного музея-заповедника, шифр СОМ 7122/594. Авторы благодарят заведующую отделом археологии Смоленского государственного музея-заповедника Т. В. Столярову за оказанную помощь в ознакомлении с предметом.

⁴ Раскопки Смоленской экспедиции Московского государственного университета под руководством Д. А. Авдусина.

(Авдусин, 1952. Рис. 26, 2; 28, 1, 3; 29, 1–3, 13, 14; 1957. С. 120–126). Погребальная насыпь, возможно, имела четырехугольную форму основания⁵, что выделяет ее из подавляющего большинства гнёздовских курганов с круглым основанием⁶. Высота насыпи — 1,2 м, поперечник по линии север–юг — 13 м, поперечник по линии запад–восток — 13,5 м. Курган, вероятно, содержал парное (мужчина + женщина⁷) погребение по обряду трупосожжения на месте, совершенное, видимо, в лодке, о чем может свидетельствовать находка более 270 железных заклепок. Погребенных сопровождал богатый инвентарь — питьевой рог с серебряными оковками (рис. 2, 1–3), железная гривна с так называемыми молоточками Тора, набор игральные шашки из рога, амулет-подвеска в виде железного меча на серебряном кольце (рис. 2, 8), широкосердинный перстень с завязанными концами, изготовленный из медного сплава (рис. 2, 6), перстень со стеклянной вставкой, золотая монета-подвеска изготовленная из солида императора Феофила (829–842 гг.) (рис. 2, 4), серебряная фигурная орнаментированная пластина (рис. 2, 5), две пряжки из медного сплава (рис. 2, 7), предмет из медного сплава, ошибочно интерпретированный как скоба для подвеса меча (рис. 2, 9), большое количество каменных и стеклянных бус, а также ряд оплавленных и сломанных вещей из цветных и черного металлов.

⁵ При раскопках гнёздовских курганов долгое время не исследовались окружающие насыпь ровики, расположение которых и определяет форму основания насыпи. Поэтому вопрос о форме кургана Л-47/1950 остается открытым до проведения работ по вскрытию его ровика. Подобные работы были проведены в 2018 г. в отношении кургана Л-38/1949, подтвердившие предположения о квадратной форме основания насыпи этого кургана.

⁶ Этот курган, учитывая размеры и богатство погребального инвентаря, несомненно, насыпан над представителем элиты Гнёздова. Насыпь, наряду с расположенными по соседству курганами Л-13/1949, Л-35/1949, Л-38/1949, Л-210/2018 и др., входила в зону ранних элитарных погребений, расположенной в центральной части Лесной курганной группы.

⁷ Антропологическое определение кальцинированных костных останков из этого кургана не производилось. Предположение о парном погребении исходит из состава погребального инвентаря.

Рис. 2. Часть погребального инвентаря кургана Л-47/1950: 1-3 — детали оковки питьевого рога; 4 — монета-подвеска; 5 — пластина (?); 6 — широкосерединный перстень с завязанными концами; 7 — пряжка; 8 — подвеска-амулет; 9 — подвесной крюк (?). 1-3 — серебро; 4 — золото; 5, 6, 9 — медный сплав; 8 — серебро, медный сплав. 1-3, 5-9 — фото С. Ю. Каинова, В. В. Новикова

Fig. 2. Some grave goods from barrow Л-47/1950: 1-3 — parts of the binding of a drinking horn; 4 — coin pendant; 5 — plate (?); 6 — signet ring with a widened middle part and tied ends; 7 — buckle; 8 — amulet pendant; 9 — suspension hook (?). 1-3, 6 — silver; 4 — gold; 5, 6, 9 — copper alloy; 8 — silver, copper alloy.

1-3, 5-9 — photo by S. Yu. Kainov and V. V. Novikov

Хронологический аспект

По поводу времени сооружения кургана были высказаны две основные точки зрения, предлагающие «раннюю» и «позднюю» хронологические локализации этого погребального комплекса. Д. А. Авдусин считал, что курган Л-47/1950 «нельзя относить к более раннему времени, чем начало X в.» (Авдусин, 1991. С. 19). К сожалению, каких-либо обоснований этой даты предложено не было, и, видимо, исследователь исходил из своих

общих представлений о датировке гнёздовского некрополя. Г. С. Лебедев на основании находки в комплексе солида-подвески византийского императора Феофила (829–842 гг.) предположил, что данная монета является свидетельством установления контактов между Русью и Византией «не позднее второй трети IX в.», и первый указал на возможную связь погребенного в кургане Л-47/1950 с русами из посольства византийского императора Феофила к императору Людовику

Благочестивому, упомянутом «Бертинскими анналами» под 839 г. (Лебедев, 1985. С. 233; *Кирпичников и др.*, 1986. С. 224). С. С. Ширинский поддержал предположение о ранней датировке этого погребального комплекса, в пользу чего свидетельствуют «портупейная скоба»⁸, орнаментация которой, по мнению исследователя, имеет аналогии в каролингском и позднеаварском искусстве, и фрагменты шпоры, по оформлению близкой шпорам из погребения 50 у двухапсидной ротонды в Миккульчицах (Mikulčice, Чехия)⁹. С. С. Ширинский согласился с мнением Г. С. Лебедева, что погребенный в кургане Л-47/1950 мужчина мог быть членом посольства русов в Ингельгейм, и считал, что время сооружения кургана «соответствует осени 839 или весне 840 г.» (Ширинский, 1997. С. 199). В свою очередь Г. С. Лебедев в работе, опубликованной в 2005 г., подтвердив, что в кургане Л-47/1950 погребен один «их ведущих участников „посольства руссов“», предложил не настаивать на «жесткой» датировке возведения кургана осенью 839 — весной 840 г., а расширил хронологические рамки сооружения кургана до в целом второй половины IX в. (Лебедев, 2005. С. 430).

Один из авторов настоящей статьи оспорил предложенную Г. С. Лебедевым и С. С. Ширинским раннюю датировку комплекса, обратив внимание на входившие в состав погребального инвентаря фрагменты гребня группы II, по типологии О. И. Давидан, и изготовленный из медного сплава широкосерединый перстень с завязанными

концами, что, по мнению исследователя, не позволяло датировать комплекс ранее второй четверти — середины X в. (Каинов, 2001. С. 60, 61). В настоящее время можно поставить вопрос об отказе привлечения гребней группы II для обоснования «поздней» датировки как этого комплекса, так и ряда других. В материалах Старой Ладogi гребни группы II встречены не только в горизонте Д Земляного городища, но и в слоях рубежа IX–X вв. в раскопе на Варяжской улице (Иванова И., Иванова Н., 2012. С. 128). Более того, высказанная Е. Н. Носовым критика как процедуры выделения стратиграфических горизонтов и строительных ярусов Старой Ладogi, так и разделения по ним археологического материала, заставляет с большой осторожностью привлекать ладожский материал (в том числе бусы) для хронологической локализации гнёздовских комплексов (Носов, 2018. С. 58–64). В то же время «позднюю» хронологическую позицию в инвентаре этого комплекса продолжает занимать широкосерединый перстень с завязанными концами. Пока нет очевидных доказательств бытования подобных предметов ранее середины X в.

Тем не менее для более обоснованного определения хронологии комплекса кургана Л-47/1950 необходимо как полное изучение всего погребального инвентаря, так и более детальное рассмотрение хронологии предметов, входящих в его состав, в том числе широкосерединого перстня с завязанными концами¹⁰.

Стилистические особенности декора и его параллели

Возвращаясь к найденной в погребении кургана Л-47/1950 шпоре, необходимо отметить, что ближайшие стилистические аналогии узору, украшающему один из фрагментов, можно найти на предметах, выполненных в каролингском растительном стиле, притом в его самых ранних проявлениях, характерных для начального этапа Каролингского возрождения и отличающихся высокой степенью реализма. Примером может послужить серебряная чашечка из Рибе (Ribe) (рис. 3, 1)

⁸ В. И. Сизов высказал предположение, что морфологически схожий предмет, также найденный в Гнёздове, «треугольной пластинкой, очевидно, прикреплялся к ремню пояса и служил, быть может, для привешивания меча или ножа посредством кольца на ножнах» (Сизов, 1902. С. 56). Интерпретации этих предметов в качестве элемента подвеса противоречит как отсутствие мечей в погребениях с «крюками», так и отсутствие колец на ножнах мечей этого периода. К настоящему времени собрана информация о находках не менее шести подобных предметов, происходящих с территории Древней Руси. Их публикация и разбор версий функциональной нагрузки данной категории предметов ожидаются в ближайшее время.

⁹ Шпоры из погребения 50 в Миккульчицах датируются серединой IX в. Типология не позволяет относить их к более раннему времени. Они могут быть отнесены к группе каролингских парадных шпор, хотя это, скорее, моравское изделие.

¹⁰ Учитывая хронологический разрыв примерно в 100 лет между временем производства шпоры и временем ее попадания в захоронение, можно предположить, что каролингская шпора хранилась, например, как семейной сокровище или же циркулировала как предмет торговли и в конце концов попала в захоронение в Гнёздове.

(*Wamers*, 1991. Abb. 23; 2005b. S. 90). Ее главным декоративным мотивом является аналогичным образом изображенная виноградная лоза, стебли которой украшены почками и побегами, а оканчиваются листьями. Узор, выполненный в технике углубленного рельефа, был дополнительно украшен нанесением черни или позолоты, что создавало контрастный эффект на серебряном фоне.

Конечно, характер предмета и его размер обуславливают большую точность изображения растительного орнамента на чашечке из Риббе, нежели на шпоре из Гнёздова. Орнамент этот, впрочем, является частью масштабного иконографического мотива, представляющего райский сад с арочным сводом, в котором спиралевидно вьющаяся лоза изображает древо жизни (*Wamers*, 1991. S. 130–132). В своем полном, но очень похожем виде мы можем найти его, например, в иллюминациях, украшающих так называемое Евангелие Годескалька (781–783 гг.), которое является одним из самых ранних (вероятно, и самым ранним) и поистине образцовым примером искусства Каролингского возрождения (*Wamers*, 2008. S. 48). Похожие мотивы можно найти и в других произведениях придворной школы Карла Великого, например, в «Псалтыре Дагульфа» (ок. 795 г.) и многих других, среди прочего и тех, которые были связаны с так называемой группой Ады (*Mütherrich*, 1965). Растительные мотивы, которые начали доминировать в каролингском искусстве на рубеже VIII и IX вв., будут господствовать, меняя свою форму, на протяжении еще почти 100 лет. Первоначально появляясь исключительно в произведениях высокого искусства, со временем они были освоены и в мелком художественном ремесле, обычно в виде отдельных и часто упрощенных элементов.

Эти элементы, хотя они и кажутся вырванными из более широкого контекста, все-таки были ясны и понятны современникам, ежедневно сталкивавшимся с полными формами такой иконографии. Характерный мотив виноградной лозы остается одной из основных отличительных черт каролингского растительного стиля (*Pawelec*, 1990. S. 57–89; *Wamers*, 2008. S. 48). При этом следует добавить, что мотив виноградной лозы с крючковидно завитыми побегами (и сами крючковидные волюты) можно найти также на предметах, украшенных в стиле чаши герцога Тассилона, выполненный, однако, в характерной для этого

стиля геометризированной манере (*Wamers*, 1991. S. 124–126). Следовательно, можно утверждать, что этот мотив был, в некотором роде, стилистическим топосом эпохи.

Таким образом, два декоративных элемента, представленных на фрагменте шпоры из Гнёздова, — растительные побеги, заканчивающиеся листьями или гроздьями, и крючковидно выгнутые стебли — являются стандартными формами, украшающими каролингские изделия с конца VIII в. до конца второй трети IX в., особенно в его первой трети. В настоящее время нам известны десятки примеров их использования (ср.: *Lennartsson*, 1997–1998. Taf. 1–26; *Robak*, 2014. Tab. LXXXIV–CVIII). Среди них можно найти как безупречно выполненные орнаменты, так и упрощенные формы, в которых мастер использовал схематичные мотивы. Очень характерным для этого периода является также использование при создании орнамента ранее известной техники углубленного рельефа (*chip-carving*, *Kerbschnitt*), столь распространенной среди предметов, украшенных в стиле чаши герцога Тассилона. Среди наиболее близких по стилю изделий, на которых использован самостоятельный мотив S-образного побега, следует упомянуть шпоры из погребения 1205 в Дуцове (*Ducové*, Словакия). Вместе со шпорами был обнаружен комплект ременных накладок (рис. 3, 6, 7) (*Ruttkay*, 1998. Abb. 7). Этот набор, судя как по манере исполнения, так и по типологии предметов, может быть датирован первой половиной IX в. (вероятнее всего, второй четвертью IX в.), а попал в захоронение примерно в середине IX в. (*Ruttkay*, 1975. S. 140–142; *Robak*, 2013. S. 67).

Другие предметы, при украшении которых был использован очень похожий орнаментальный мотив, — это группа каролингских мечей типа «К», по типологии Я. Петерсена, с клеймами «VLFBERT» и надписями на перекрестиях «HARTOLFR» и «HILTIPRECHT». Перекрестие и основание навершия этих мечей украшены линейным мотивом виноградной лозы, выполненным при помощи инкрустации серебряной проволокой. Мечи датируются периодом между концом VIII и концом первой половины IX в. (рис. 3, 4, 5) (*Müller-Wille*, 1982. S. 137–149; *Bilogrić*, 2009). К числу предметов, украшенных подобным мотивом, относится также вток знамени из княжеского погребения 55 в Стара Коуржим (*Stará Kouřim*, Чехия) (рис. 3, 2) (*Šolle*, 1966. Tab. XXIII),

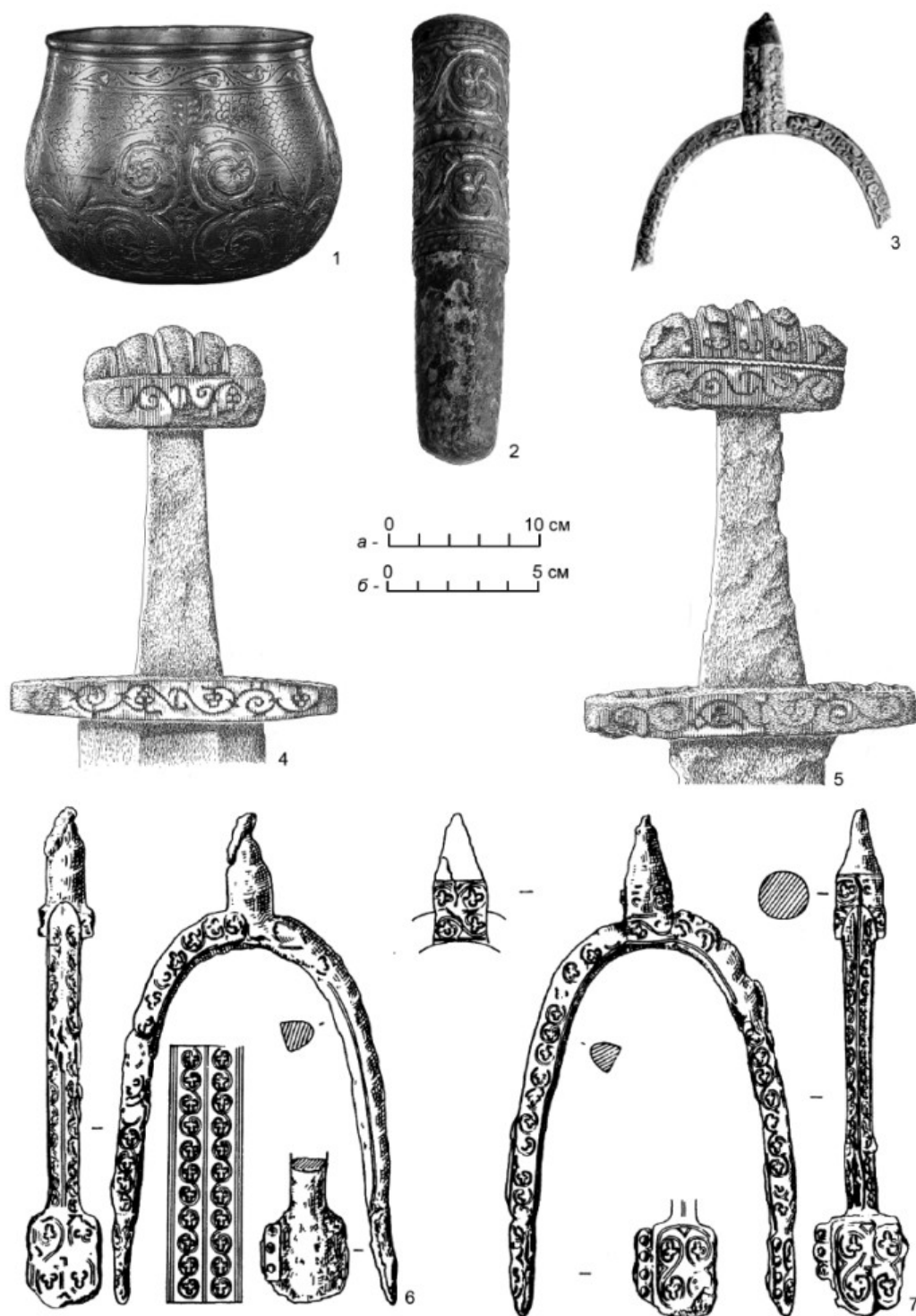

Рис. 3. Стилистические аналогии мотива, украшающего фрагмент шпоры из кургана Л-47/1950: 1 — Риббе, Дания (Wamers, 2005b); 2 — Стара Коуржим, Чешская Республика (Wamers, 2005a); 3 — Бахрах, Германия (Werner, 1969); 4 — Баллиндери, Ирландия (Müller-Wille, 1982); 5 — Килмейнем, Ирландия (Ibid.); 6, 7 — Дуцове, Словакия (Ruttkay, 1998). Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3–7

Fig. 3. Stylistic parallels to the motif decorating a fragment of the spur from barrow Л-47/1950: 1 — Ribe, Denmark (Wamers, 2005b); 2 — Stará Kouřim, Czech Republic (Wamers, 2005a); 3 — Bacharach, Germany (Werner, 1969); 4 — Ballinderry, Ireland (Müller-Wille, 1982); 5 — Kilmainham, Ireland (Ibid.); 6, 7 — Ducové, Slovakia (Ruttkay, 1998). Scale: a — to 1, 2; б — to 3–7

изготовленный, вероятно, еще около 800 г., и разрозненный набор накладок, украшавших подвес меча позднекаролингского типа, найденный в развалинах монастыря Сан-Винченцо-аль-Вольтурно (San Vincenzo al Volturno, Италия) (Mitchell, 1994). Его создание, опираясь на последние данные о типологии деталей, входящих в его состав, можно датировать не ранее второй четверти IX в. (Robak, 2013. S. 142, 143). Как орнамент, украшающий фрагмент каролингской шпору из Гнёздова, так и техника ее выполнения позволяют датировать этот предмет периодом между концом VIII в. и концом первой половины IX в., с указанием на раннюю фазу этого периода (около 800 г.).

Находки позолоченных или посеребренных каролингских шпор, выполненных из бронзы (или бронзы с серебром), не так уж редки: коллекция насчитывает около 20 экземпляров, большинство из которых, однако, выполнены в так называемом стиле чаши герцога Тассилона или родственной ему манере. Тем не менее эти предметы датируются, как и шпора из Гнёздова, последней третью VIII и первой третью IX в. (Robak, 2016). Преобладающее большинство из них — это шпору с дугами, оканчивающимися петлями, однако среди стилистически более поздних попадаются и шпору, оканчивающиеся площадками с заклепками. Среди них можно найти также и образцы с недекорированной средней частью дужки (Ibid. Tab. LXXII, 1; LXXVII, 2). Отличительной особенностью таких шпор является их уникальный характер. Они изготавливались для элиты, иногда по специальному заказу, обычно с комплектами украшенных ремней для крепления шпор. Иногда такие парадные наборы были королевскими подарками, предназначенными для важных персон (Wamers, 1994. S. 32–34). Таким образом, не существует двух идентичных экземпляров, кроме возможной второй шпору из пары. Уникальными являются бронзовые каролингские шпору, украшенные рельефным растительным орнаментом. До сих пор был известен всего один частично сохранившийся образец из Бахарача (Bacharach, Германия) (рис. 3, 3) (Werner, 1969; Wamers, 2005a. S. 60, 61). Судя по растительному орнаменту, основанному на мотиве стебля аканта, шпору из Бахарача можно датировать второй третью IX в. В то же время это самый поздний из известных образцов бронзовой каролингской шпору с рельефным орнаментом, сильно отличающийся по стилю и времени создания от всей группы

подобных ему артефактов. Шпора из Гнёздова по особенностям своего декора частично заполняет стилистический разрыв между образцом из Бахарача и предметами, украшенными в стиле чаши герцога Тассилона. Как, когда и в каком состоянии она попала на территорию Руси, еще предстоит выяснить.

Шпору с зацепами, загнутыми наружу

Еще одна шпора из Гнёздова была найдена в 2020 г. на участке Центрального поселения Гнёздова, расположенном рядом с Лесной курганной группой и перекрывающем разрушенный курганный могильник (раскоп ЦС-XXIII)¹¹ (Новиков и др., 2020). Предмет происходит из заполнения ямы 2, размерами 4,5 × 2,0 м и глубиной около 1 м. Видимо, яма представляет собой углубленную часть жилой постройки. В заполнении найдена почти исключительно круговая керамика (98,7 %), а также более 80 индивидуальных находок. Датировочными маркерами для ямы 2 служат два дирхама, которые были отчеканены в период правления династии Саманидов. Первый дирхам — правитель Нух ибн Наср, место чеканки обломано, год обломан — был обнаружен на границе пахотного горизонта в контактной зоне с непотревоженной границей ямы 2 и относится к 943–956 гг.¹² Второй дирхам — правитель Мансур ибн Нух, место чеканки обломано, год обломан — обнаружен при разборе непосредственного заполнения ямы (выше места находки шпору) и относится к 961–976 гг. Монетные находки, развитые формы керамического материала, а также набор бус¹³ позволяют отнести время бытования ямы в целом ко второй половине, а наиболее вероятно — к последней четверти X в.

Шпора изготовлена из пластинчатой железной заготовки шириной около 1 см и толщиной около 1,5–2,0 мм (рис. 4). Одна дужка шпору обломана. Общая высота шпору — 126 мм, высота дуги — около 115 мм. В центральной части место сгиба расковано в шип с квадратным основанием и круглым в сечении острием. Окончание сохранившейся дужки загнуто наружу, образуя петлю. Длина загнутой части — 3 см. В целом предмет

¹¹ Работы экспедиции Гнёздовского музея-заповедника под руководством канд. ист. наук В. В. Новикова.

¹² Определение монет В. С. Кулешова.

¹³ Определение О. П. Добровой (Центр палеоантропологических исследований, Москва).

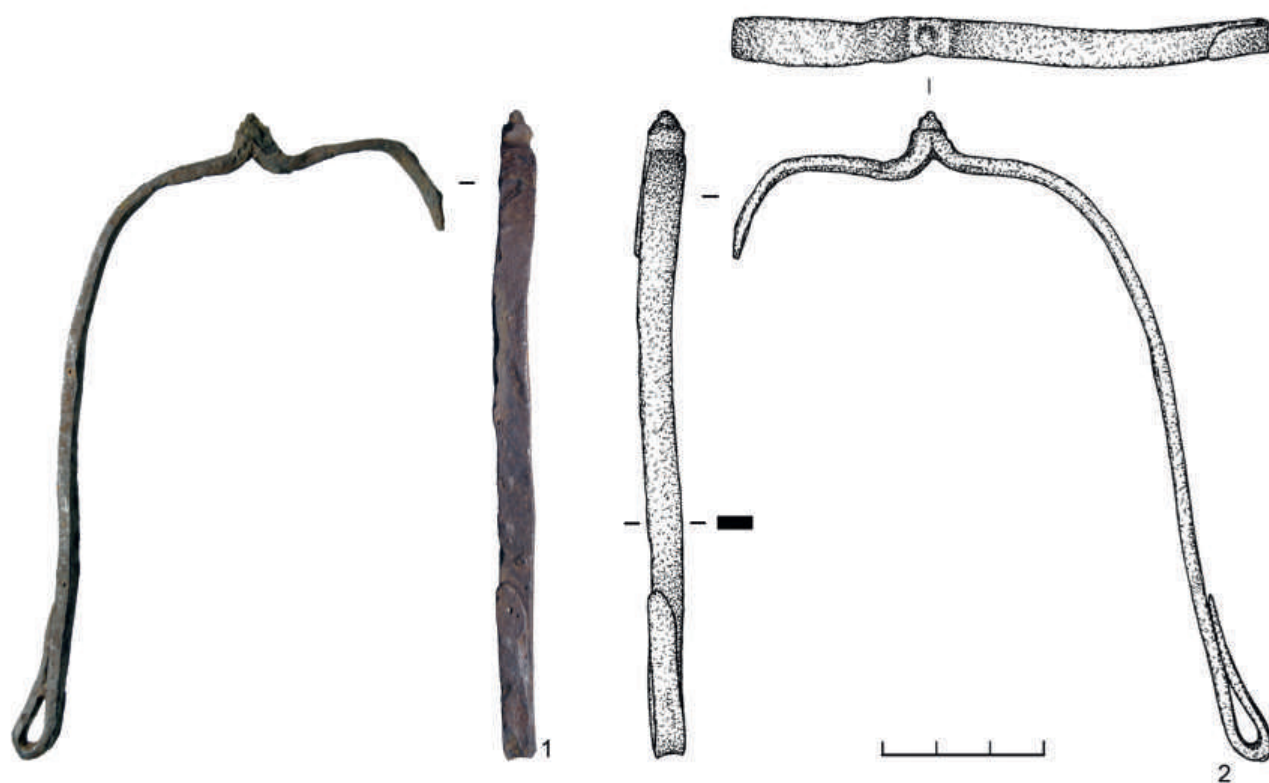

Рис. 4. Пластинчатая шпора с псевдопетлей из раскопа ЦС-XXIII, 1, 2 — железо. 1 — фото С. Ю. Каинова; 2 — рисунок А. С. Дементьевой

Fig. 4. Lamellar spur with a false loop from excavation ЦС-XXIII, 1, 2 — iron. 1 — photo by S. Yu. Kainov; 2 — drawing by A. S. Dementyeva

оставляет впечатление довольно грубого изделия, что сильно контрастирует с подавляющим большинством средневековых шпор, представляющих предметы с качественной финальной обработкой, и которые, несомненно, входили в состав снаряжения воинов-всадников. Грубое исполнение позволяет предполагать местное производство по образцам высококачественных изделий, хотя, учитывая аналогии, нельзя отрицать и возможность импортного характера этой шпоры.

Типологический аспект

Типологически предмет относится к группе шпор с крючкообразными окончаниями, отогнутыми наружу. Шпоры этого типа бытовали в широких хронологических рамках. На территории Центральной и Восточной Европы самые ранние из них датируются периодом римского влияния времен переселения народов, а позднейшие варианты бытуют вплоть до поздних этапов раннего средневековья, до X в. включительно (Žak, 1959; Перхавко, 1978. С. 122, 123, рис. 2, 8–9, 13;

Parczewski, 1988. S. 101; Wachowski, 1988. S. 55; 1992. S. 34, 35; Henning, 1997. Abb. 5, 2; Profantová, 2016. S. 26, 27, 29). Интерес к этим шпорам возник более 100 лет назад, но первая полная монография, посвященная им, авторства Я. Жака (Jan Žak) появилась в 1959 г. Исследователь пришел к выводу, что такие шпоры произошли от образцов с пуговицеобразными окончаниями периода римского влияния и во времена раннего средневековья распространились в центральноевропейских областях, непосредственно продолжая традиции более раннего периода. Предполагалось, что оттуда они проникли в Западную Европу (Žak, 1959. S. 101–104). Однако в настоящее время считается, что направление этих влияний было обратным и что такие шпоры впервые появились в Центральной Европе в эпоху переселения народов на балтских землях в результате контактов с франками (Rudnicki, 2006. S. 351, 355). Но все еще невыясненным остается вопрос о появлении подобных шпор на территории Восточной Европы, где известны образцы потенциально еще более раннего времени (Перхавко, 1978. С. 122, рис. 3).

Более подробным рассмотрением раннесредневековых образцов таких шпор на западнославянских землях занялся К. Ваховский (Krzysztof Wachowski). Исследователь также предпринял попытку классифицировать эту категорию шпор, используя модифицированные типологические установки Я. Жака для шпор с крючкообразными окончаниями (зацепами), загнутыми внутрь. Он выделил формы с короткими (варианты «А» и «В-С»), средними (вариант «D») и длинными (варианты «Е» и «F») дужками, длина которых предположительно увеличивалась со временем (Wachowski, 1991. S. 86, 87).

Шпоры с зацепами, отогнутыми наружу, бытовали в раннем средневековье на обширной территории, охватывающей области, находившиеся под влиянием Меровингов (Koch, 1982. S. 66, Abb. 2, 1–2; Rettner, 1997. Abb. 3, 14, 24–25; Schlemmer, 2004), а также Центральную (Žak, 1959. Рис. 2, h; 3, a–c; Henning, 1997. S. 27, Abb. 5, 2; Strzyż, 2006. S. 109–111, рис. 28, 5–12; Cosma, 2013. Pl. 3, 1–3; Profantová, 2016. S. 26, 27, 29, Obr. 11, I.2a–b; 2019. S. 269, 271, Abb. 12, 1; Kouřil, Gryc, 2019. Fig. 24, 10) и Восточную Европу (Кирпичников, 1973. С. 57, кат. № 14, рис. 34, 4; Перхавко, 1978. С. 122, 123, рис. 2, 13; Musianowicz, 1979. S. 179, 180, tab. IV, 6; Михайлова, 2014. С. 74, 75, рис. 1, 3–4; Терський, 2015а. С. 95, рис. 10, 1, 8; 2015б. С. 103, рис. 3, 4). Несколько экземпляров найдено на юго-востоке Европы (Žak, 1959. Рис. 3, d; Йотов, 2004. С. 162, 163, табл. LXXVII, 808, 810) и на Британских островах (Ottaway, 1992. S. 701).

Типологически шпору из Гнёздова стоило бы рассматривать как образец варианта «Е» шпор с зацепами, отогнутыми наружу, по классификации К. Ваховского, который характеризуется длинной дужкой и относительно коротким шипом (Wachowski, 1991. Рис. 1), хотя размеры шпоры превышают установленную исследователем границу (74–100 мм)¹⁴. К. Ваховский считал, что

¹⁴ Данный пример показывает, что построение типологий артефактов на основе конкретных метрических диапазонов может быть ненадежным. Видимо, при создании подобных классификаций следовало бы принимать во внимание другие параметры. В случае с обсуждаемым типом шпор — например, пропорции между шириной плеч и длиной дужки, что было предложено, впрочем, еще Я. Жаком. Подобный принцип был использован, например, в типологии раннесредневековых топоров с польских территорий (Kotowicz, 2018. S. 43–45).

шпоры этого типа появились на западнославянских землях в конце VIII в. как имитации каролингских шпор с петлями и могли быть в употреблении примерно до третьей четверти IX в. Кроме того, они не имеют никакой генетической связи с более древними вариантами «А-С» (Ibid. S. 89, 99, рис. 6). Более поздние находки, кажется, подтверждают эти заключения, хотя граница, определяющая конец их использования, вероятно, недостаточно точна и может быть отодвинута, по крайней мере, до рубежа IX и X вв. аналогично образцам шпор с зацепами, загнутыми внутрь (Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 94; Dulnicz, 2001. S. 100–102; Brzostowicz, 2002. S. 57).

Наблюдение К. Ваховского (Wachowski, 1991. S. 89, 92, 98, 99), что шпоры с длинными дужками и отогнутыми наружу зацепами были упрощенными копиями каролингских шпор с петлями, кажется в целом верным, как и то, что образцы с зацепами, загнутыми наружу и внутрь, следует рассматривать как одну группу (Ibid. S. 86). В зависимости от тщательности изготовления это будут или просто шпоры с зацепами, или образцы с псевдопетлями. Направление выгиба концов не представляется здесь особенно важным.

Хронологический аспект

До сих пор было обнаружено немного образцов шпор варианта «Е», хронологию которых хорошо бы мог подкрепить археологический контекст. Концом VIII — серединой IX в. датируется артефакт с городища в Вино (Vino, Силезия, Чешская Республика) (Kouřil, Gryc, 2019. S. 120, fig. 24, 10). Приблизительно также датируется изделие, обнаруженное в руинах постройки раннесредневекового поселения в Ернута (Iernut, Румыния) (рис. 5, 2) (Cosma, 2013. S. 80, 84–86, pl. 3, 1–2; 6), а также случайная находка из пещеры в Пештера (Peștera, Румыния) (рис. 5, 4) (Ibid. S. 81, 84–86, pl. 3, 2; 6). Шпора, найденная на территории раннесредневекового поселения Тынец (Tyniec) в Нижней Силезии (Польша), которая является ближайшим формальным аналогом образца из Гнёздова, типологически датируется примерно 800 г. (рис. 5, 7) (Žak, 1959. S. 95, рис. 2, h; Wachowski, 2001. S. 153, рис. 6, e). Шпора с зацепами, загнутыми наружу, была обнаружена также в Косьцелисках (Kościełiska) в Верхней Силезии, в последнее время ее принято относить к эпохе Великой Моравии (Wachowski, 1997. Рис. 32, b). Единичные экземпляры шпор с длинными дужками

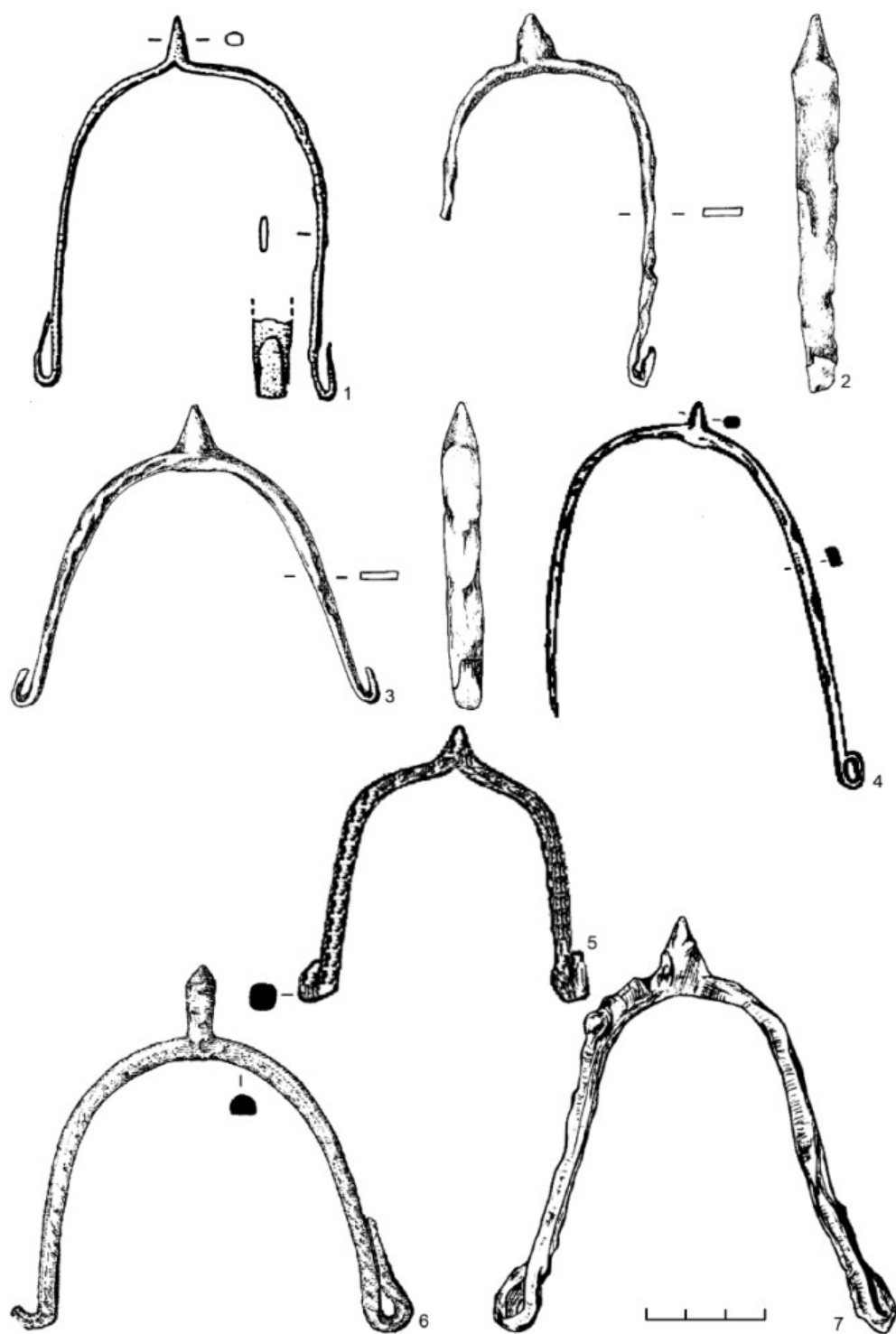

Рис. 5. Шпоры с зацепами, отогнутыми наружу, и шпоры с псевдопетлей: 1 — Тренчянске Богуславице, Словакия (Turčan, 2002); 2 — Ернут, Румыния (Cosma, 2013); 3 — Секержице, Чешская Республика (Profantová, 2016); 4 — Пештера, Румыния (Ibid.); 5 — Пересопница, Украина (Терський, 2015а); 6 — Брно-Старе Замки, Чешская Республика (Kalčík, 2015); 7 — Тынец, Польша (Wachowski, 2001). 1-7 — железо

Fig. 5. Spurs with outturned hitches and spurs with a false loop: 1 — Trenčianske Bohuslavice, Slovakia (Turčan, 2002); 2 — Iernut, Romania (Cosma, 2013); 3 — Sekeřice, Czech Republic (Profantová, 2016); 4 — Peștera, Romania (Ibid.); 5 — Peresopnitsa, Ukraine (Терський, 2015а); 6 — Brno / Staré Zámky, Czech Republic (Kalčík, 2015); 7 — Tyniec, Poland (Wachowski, 2001). 1-7 — iron

и отогнутыми наружу зацепами известны также с территорий Моравии и Западной Словакии, то есть центральных областей Великой Моравии. Один из них происходит, вероятно, из Тренчьянске Богуславице (Trenčianske Bohuslavice) в Словакии (рис. 5, 1) (Turčan, 2002. S. 60, obr. 8, 8). Этот образец довольно похож на шпору из Гнёздова. К сожалению, обстоятельства его обнаружения неизвестны. Вторая шпора была найдена в яме на моравском городище Брно-Старе Замки (Brno-Staré Zámky) (рис. 5, 6) (Kalčík, 2015. Obr. 28, 14), существовавшем с конца VIII до середины XI в. Однако она отличается от остальных шпор этого типа, поскольку была изготовлена из полукруглого в сечении прута и имеет относительно длинный (по сравнению с остальными) шип. Эта шпора в целом, за исключением зацепов, напоминает типичные великоморавские шпоры, дуги которых оканчиваются площадками с заклепками.

Территориально ближайшая находка шпоры, аналогичной образцу из Гнёздова, происходит из кургана 15 в Пересопнице (Украина), датированного довольно широко — X–XI вв. (рис. 5, 5) (Кирпичников, 1973. С. 57, кат. 14, рис. 34, 4; Терський, 2015а. С. 95, рис. 10, 8), и, похоже, указывает на то, что такие экземпляры могли просуществовать в Восточной Европе гораздо дольше. Подтвердить это может также находка шпоры с петлями (или их имитацией) с профилированным шипом, обнаруженная на городище в Дорогобуже (Украина) в горизонте поселения, датированном второй половиной XI — первой половиной XII в. (Прищепя, Никольченко, 1996. С. 112, рис. 68, 2; Прищепя, 2011. С. 43, 54, рис. 48, 3). Конечно, не следует исключать, что шпора попала в столь поздний контекст из переложенных слоев.

Большинство известных шпор с длинной дужкой и зацепами, загнутыми наружу, — это экземпляры с дужкой, изготовленной из цельного плоского железного прута, которому придали форму шпоры с шипом, позволяющую удерживаться на стопе. Изготовление такого предмета было под силу обычному ремесленнику. Только образец из Брно-Старе Замки кажется несколько более искусно выполненным, но он заметно выделяется в представленной коллекции по другим признакам. Можно задать вопрос: действительно ли в остальных случаях мы имеем дело с отдельным типом шпор или, может быть, изготовитель выгнул концы дужки именно наружу

случайно или вынужденно? Взаимное сходство шпор обуславливается простотой их изготовления, но по сути все из упомянутых здесь образцов выглядят по-разному: они отличаются размерами и формами дужек, у одних закрытые петли, у других — явно зацепы и т. д. Географический разброс находок очень широк, в то время как их число относительно невелико, и ни в одном месте не было обнаружено более одного артефакта. Это приводит к выводу, что между отдельными образцами с длинной дужкой, скорее всего, нет типологической связи и что они не происходят из одного источника, а являются результатом отдельных попыток создания шпоры с креплением в форме, напоминающей петлю, или просто с зацепами. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что спорадическое изготовление шпор с зацепами, отогнутыми наружу, происходило параллельно с изготовлением других типов шпор и что их формы и размеры просто повторяли формы и размеры широко используемых в то время типов — будь то с зацепами, с петлями или даже с площадками и заклепками.

Шпоры с зацепами, загнутыми внутрь

Следующие два артефакта, обнаруженные в Гнёздове, представляют собой два разных типа шпор с зацепами, загнутыми внутрь (рис. 6). Гнёздовские находки до сих пор не получили подробного рассмотрения в литературе. Изображение одной из них вместе с кратким упоминанием об обоих образцах было представлено в статье С. Ю. Каинова, посвященной находкам деталей рукоятей ранних типов мечей из Гнёздова (Каинов, 2014. С. 43, рис. 10, 4). Обе шпоры упоминаются также в статье, посвященной похожим артефактам, обнаруженным на городище в Удуже (Udórz, Силезия, Польша), в которой авторы относят образцы из Гнёздова к VIII–IX вв. (Bugaj et al., 2020. S. 184, not. 7). Перед тем как перейти к рассмотрению конкретных находок из Гнёздова, коснемся некоторых общих вопросов, связанных со шпорами с зацепами, загнутыми внутрь.

Проблемы распространения, типологии, хронологии и происхождения шпор с зацепами, загнутыми внутрь

Проблематика, связанная с группой шпор с зацепами, загнутыми внутрь, уже много лет вызывает особый интерес исследователей (главным образом из Центральной Европы), занимающихся

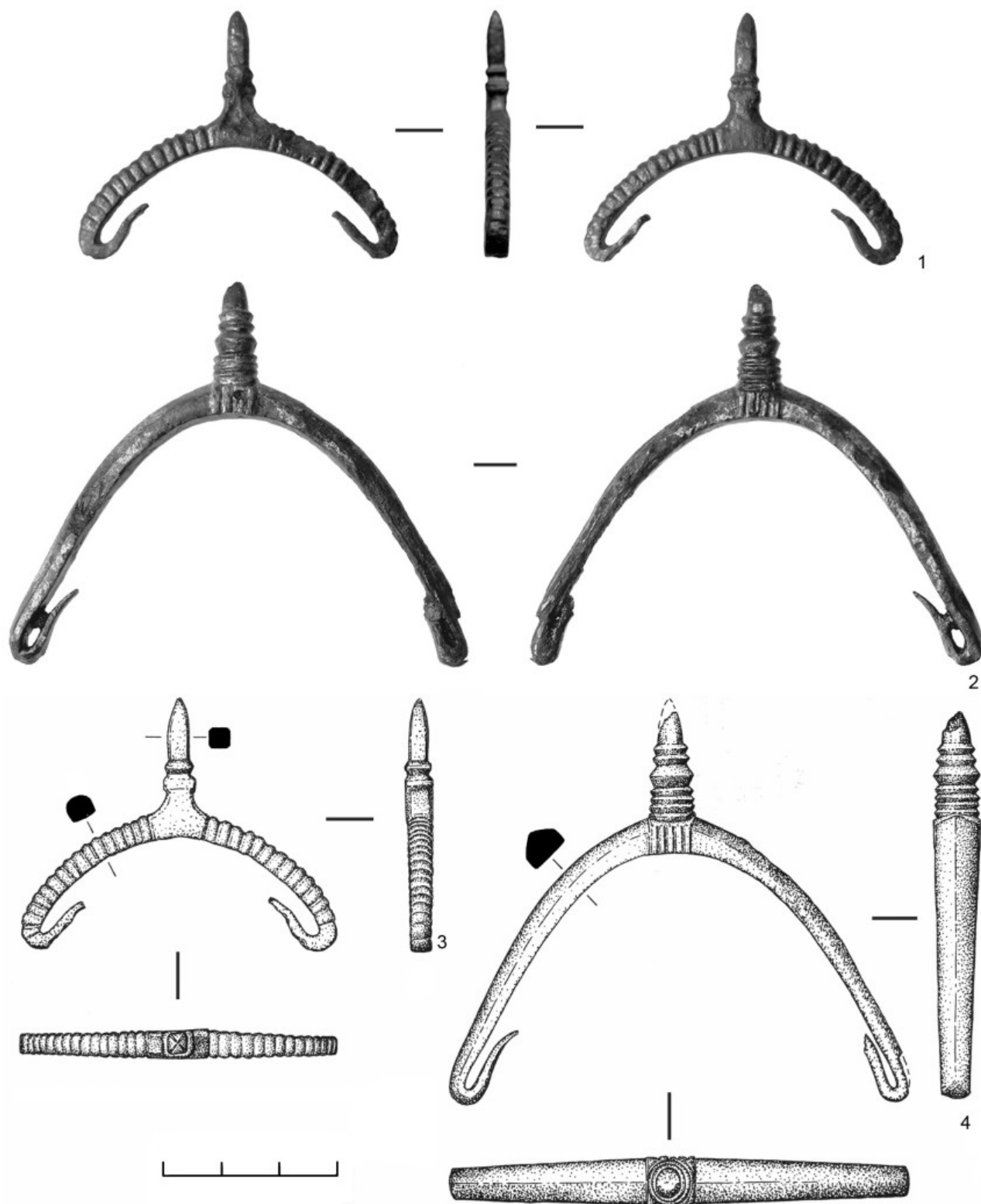

Рис. 6. Шпоры с зацепами, загнутыми внутрь: 1, 3 — случайная находка на территории западной части Центрального поселения Гнёздова; 2, 4 — Центральное Гнёздовское городище. 1, 2 — железо. 1, 2 — фото С. Ю. Каинова; 3, 4 — рисунок А. С. Дементьевой

Fig. 6. Spurs with hitches hook-bent inward: 1, 3 — stray find from the western area of the Central Gnezdovo Settlement; 2, 4 — Central Gnezdovo Settlement. 1, 2 — iron. 1, 2 — photo by S. Yu. Kainov; 3, 4 — drawing by A. S. Demynteyeva

начальными фазами раннего средневековья. Эта относительно многочисленная категория артефактов стала предметом исследования двух монографий (*Žak, 1959; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988*) и многих научных работ, в которых представлены различные подходы к вопросу как происхождения шпор, так и их хронологии. Повышенный интерес исследователей был вызван не только постоянно растущей источниковой базой этой категории артефактов, но и противоречиями, которые касаются, прежде всего, времени и места возникновения этих шпор.

Шпоры с зацепами, загнутыми внутрь, распространены преимущественно на обширной территории Центральной Европы: от берегов Эльбы на западе до бассейна реки Буг на востоке и от южных берегов Балтийского моря на севере до бассейна Среднего Дуная на юге. За пределами этой территории они встречаются гораздо реже (см.: *Žak, 1959; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988; Wachowski, 1991; Profantová, 1994; 2016; Dulnicz, 2001. S. 99, 100; Kouřil, 2017. S. 58–60; 2019; Biermann, 2019*)¹⁵.

В 1959 г. Я. Жак опубликовал первую крупную монографию, посвященную этой группе шпор. В ней он классифицировал шпоры на основании внутренней высоты их дужки в пределах шести вариантов («А-Ф»), которые, по его мнению, образовывали эволюционную последовательность, бытуя в короткие, не накладывающиеся друг на друга временные отрезки, начиная с VI и заканчивая X в. Он также разделил известные ему шпоры на три технологические группы: I — шпоры, отлитые целиком из бронзы; II — шпоры с отделяемым шипом, прикрепляемым к дужке; III — шпоры, выкованные целиком из одного куска железа (*Žak, 1959. S. 45*). Такое представление о бытовании этой группы шпор в течение следующих 25 лет влияло на заключения относительно датировки обнаруживаемых артефактов, которые некритично принимались за очень точные хронологические детерминанты (см.: *Kavánová, 1976. S. 10–16; Bialeková, 1977. S. 118, 120–123*). Постоянно расширяющаяся источниковая база этой

категории находок побудила Я. Жака (совместно с Л. Мачковьяк-Котковской (*L. Maćkowiak-Kotkowska*)) обновить свои наработки. Новая монография о шпорах с зацепами, загнутыми внутрь, была завершена в 1982 г., но опубликована только в 1988 г. Однако исследователь принципиально не изменил своих взглядов, а лишь модифицировал типологию. Три выделенные ранее технологические группы (I–III) он назвал технотипами и дополнительно разделил каждый из них на две разновидности. Разновидность I объединяла шпоры, дужки которых были изготовлены из железной полоски, а разновидность II — образцы, изготовленные из прута. Исследователь также несколько модифицировал предложенные ранее метрические диапазоны, принятые для отдельных вариантов, и дополнительно выделил из варианта «F» новый вариант «G», характеризующийся сходными пропорциями, но заметно более длинным цилиндрическим шипом (*Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988*). В 1991 г. была опубликована статья К. Ваховского, в которой автор несколько модифицировал типологию Я. Жака 1959 г. Кроме изменения метрических диапазонов отдельных вариантов автор решил объединить два из них («B» и «C») и создал вариант «B-C» (*Wachowski, 1991. S. 87 и гус. 1*) (рис. 7).

Однако начиная с 1980-х гг. беспокойство у ряда исследователей вызывала довольно ненадежная основа датировки образцов с низкими дужками варианта «А», которые относили к начальным фазам раннего средневековья. Повторный анализ этих образцов показал необоснованность их датировки VI в. (*Gabriel, 1984. S. 123–126; 1988. S. 113–116; Szymański, 1987. S. 350–359; Parczewski, 1988. S. 96–101; Wachowski, 1991. S. 91*). В дальнейшем исследователи сдвигали время появления шпор с загнутыми внутрь зацепами на первую половину VII в. (*Szymański, 1987. S. 358, 359*), вторую половину VII в. (*Parczewski, 1988. S. 101*), начало VIII в. (*Wachowski, 1991. S. 91, 92, гус. 6*) и даже на вторую половину VIII в. (*Gabriel, 1988. S. 110*). Но критика не заставила Я. Жака изменить свою позицию (*Žak, 1990. S. 161*), однако более поздние исследования показали, что она была ошибочной (см.: *Profantová, 1994. S. 60–74; 2016. S. 23, not. 9; Poleski, 1992. S. 20–24; 2000. S. 424; 2013. S. 126, not. 86; Szymański, 2000. S. 358, not. 2; Dulnicz, 2001. S. 99, 100; Strzyż, 2006. S. 104; Kara, 2009. S. 214, 215; Galuška, 2013. S. 93; Janowski, 2017; Wadył, 2018; Biermann, 2019; Kouřil, 2019*).

¹⁵ Помимо рассмотренных ниже находок с восточнославянских земель к ним относятся, например, самая северная на сегодняшний день находка железного образца варианта «А», обнаруженная во Фреслунде (Fröslanda, Швеция) (см.: *Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 339, kat. 127*), и самая южная находка шпоры варианта «D» из Гельшесигета (Gelsesziget, Венгрия) (*Szőke, 1996. S. 169, 170, taf. 53, 2*).

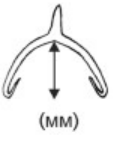

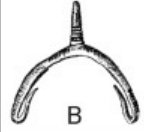
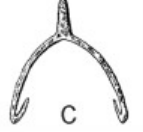

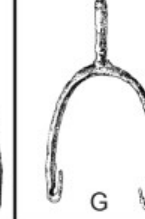
Жак, 1988	12-39	40-50	51-60	60-75	78-83	90-107	84-111
							
Ваховски, 1991	10-35	37-60		61-83	74-100	84-111	

Рис. 7. Типологии шпор с зацепами, загнутыми внутрь, Я. Жака (*Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988*) и К. Ваховского (*Wachowski, 1991*)

Fig. 7. Typologies of spurs with hitches hook-bent inward, after Jan *Žak* (*Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988*) and K. *Wachowski* (*Wachowski, 1991*)

В настоящее время нет никаких оснований достоверно датировать ранее обнаруженные артефакты VI и VII вв. На западнославянских территориях достоверно датируемые образцы появляются лишь в начале VIII в. (*Wachowski, 1991. S. 91, 92; Poleski, 2013. S. 126; Profantová, 2016. S. 23*), а в Моравии еще позже (*Galuška, 2013. S. 93, 94*). Однако недавно был выдвинут интересный тезис, согласно которому эти шпоры были известны несколько раньше — во второй половине VII в. — на западнобалтских территориях — в ольштынской группе¹⁶ (*Wadył, 2018. S. 15*). Шпоры с крючками — преимущественно с длинными дужками — просуществовали на обеих территориях вплоть до X в. (см.: *Dulinicz, 2001. S. 100; Kara, 2009. S. 215, рис. 67, 3; 75, 4; 76, 5; Wadył, 2018. S. 9–10, рис. 2, b, c*). Проверен был также тезис о предполагаемой эволюции шпор, заключающейся в постепенном удлинении их дужек (см.: *Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Рис. 3*). Сейчас можно утверждать, что большинство типов шпор с зацепами и короткими дужками бытовали в одно и то же время, преимущественно в VIII и IX вв. (*Janowski, 2017. S. 185, 187, 188*).

Как уже отмечалось, вопрос происхождения обсуждаемой группы шпор также является достаточно спорным. Исследователи в целом сходятся во мнении, что распространились они в основном

¹⁶ Это заключение основано пока только на материалах одного могильника ольштынской культуры в Вульке-Прусиновской (*Wólka Prusinowska*), который прекратил свое существование на рубеже VII и VIII вв. или в начале VIII в. (*Wadył, 2018. S. 15*).

в местной среде — западнославянской и западнобалтской. Разница же во мнениях касается в определении источников вдохновения, легших в основу их изготовления. По мнению Я. Жака, прообразами для них послужили известные еще в римскую эпоху шпоры с окончаниями, отогнутыми наружу (*Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 287, 288, 294*). Между тем более поздние исследования явно указывают на западноевропейское влияние. Считается, что шпоры с зацепами могли быть местным ответом на бытовавшие на франкских и каролингских территориях шпоры с петлями (*Wadył, 2018. S. 15, 16*), среди которых есть также образцы (с разной длиной дужек), которые вполне можно отнести к шпорам с зацепами (см.: *Žak, 1959. Tabl. III, 5; Parczewski, 1988. S. 98; Rettner, 1997. Abb. 3, 18b; 9, 2; Walter, 2008. Taf. 101, 15; 153, 7*). Некоторые из них датируются гораздо более ранним временем (даже концом V — началом VI в.), нежели артефакты со славянских территорий (*Lagne, 2010a. S. 90; 2010b. Pl. 14, 1, 2*). Войцех Шиманьский (*Wojciech Szymański*) выдвинул тезис о том, что идея изготавливать шпоры на славянских землях могла появиться в придунайском государстве Само (623/624–658/659), которое поддерживало оживленные контакты с франкской провинцией (*Szymański, 1987. S. 358, 359*), но археологических доказательств этому пока нет. Не исключено, что прав С. Вадыль (*Sławomir Wadył*), который указывает, что самые ранние из известных образцов появились на западнобалтских территориях в пределах так называемой ольштынской культуры, представители которой

также установили тесные контакты с Западной Европой, о чем свидетельствуют обнаруженные в погребальных комплексах в Вульке-Прусиновской меровингские фибулы (Wadyl, 2018. S. 18, 19).

Расхождения касаются также места изготовления шпор с загнутыми внутрь зацепами, обнаруженных на территории Центральной Европы. В своей последней работе Я. Жак писал, что «почти все шпоры были изготовлены местным кузнецом или литейщиком, а именно западнобалтским ... и славянским» в районах их обнаружения (Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 241). Другие исследователи считают, что Я. Жак переоценивал уровень мастерства славян и балтов того времени и что цельные железные образцы (технотип III), но характеризующиеся тщательно выделанным зацепом (принимающим уже почти форму ушка) и богатой орнаментацией (мотив звериной маски, рифление и мотив волути), следовало бы расценивать как импорт с Запада. Аналогично должна была бы обстоять ситуация с бронзовыми (технотип I) и двусоставными (технотип II) шпорами (Gabriel, 1984. S. 125; 1988. S. 113–116; Dulnicz, 2001. S. 101). В настоящее время более точной кажется точка зрения С. Вадыля, который утверждает, что шпоры, изготовленные из цельного куска железа (технотип III), — это, скорее, местное явление (славянское и западнобалтское), так как они очень редки среди западноевропейских экземпляров. Двусоставные шпоры технотипа II, вероятно, следует связывать с меровингской культурой (Wadyl, 2018. S. 17, 18), тогда как вопрос о месте изготовления шпор технотипа I (из медных сплавов) все еще остается невыясненным (см.: Janowski, 2017), хотя почти нет сомнений, что одним из центров их изготовления была Моравия (Kouřil, 2019)¹⁷.

Шпоры из Гнэздова — не единственные находки шпор с зацепами, загнутыми внутрь, на территории Восточной Европы, но такие артефакты обнаруживаются здесь нечасто. К настоящему времени собраны данные о 15 образцах, представляющих различные варианты по классификации Я. Жака, в основном с короткой дужкой, обнаруженных на территории Беларуси и Украины (рис. 8).

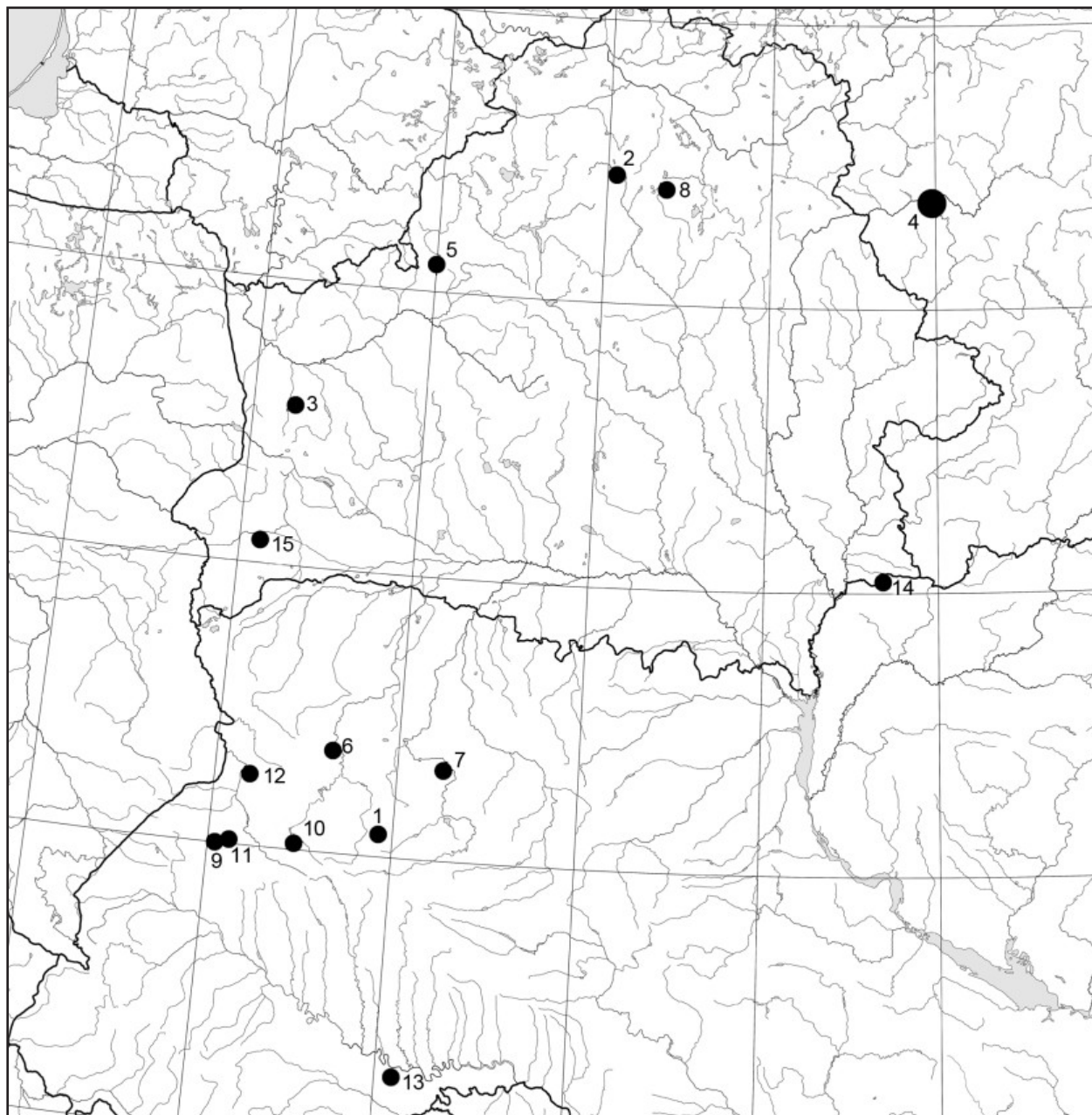
¹⁷ Стоит также упомянуть о находке неудавшейся отливки шипа такой шпоры с городища Клатова Нова Вес (Klátova Nová Ves) на западе Словакии (Pieta, Rožbak, 2019. Fig. 4, e).

Еще в 1950-е гг. на территории Западной Украины были найдены четыре железных (технотип III) артефакта. Один из них (вариант «А») происходит с городища Плиснеск в Подгорцах Бродовского района Львовской области (рис. 9, б) (Кучера, 1962. С. 34, рис. 13, 2; Кирпичников, 1973. С. 56, 57, 103, № 15, рис. 34, 3; Перхавко, 1978. С. 124, рис. 2, 12; 4, 7; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 340, kat. 129, tabl. IV, 8). Два других (варианты «А» и «С») были обнаружены на поселении в Репневе Бусского района Львовской области (рис. 9, 7, 8) (Захарук, Ратич, 1955. С. 45, табл. I, 6; Аулих, 1963. С. 377, 379, рис. 9, 1, 3; Кирпичников, 1973. С. 56, 57, 103, № 16; Перхавко, 1978. С. 123, 124, рис. 2, 11; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 340, 341, kat. 130, 131, tabl. I, 2; X, 4). Последний из них (вариант «В») был обнаружен на поселении в Ромоше Сокальского района Львовской области (рис. 9, 9) (Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 341, kat. 132, tabl. VI, 4). В 1952 г. в яме, расположенной перед валом городища Чаплин Гомельской области в Беларуси, была найдена биметаллическая шпора варианта «Е»¹⁸ (рис. 9, 11) (Кухаренко, 1959. С. 163, рис. 2; Кирпичников, 1973. С. 56, 57, 103, № 13; Перхавко, 1978. С. 124, рис. 3; 1985. С. 29, рис. 1, 2; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 340, kat. 128, tabl. XVII, 4).

В 1967 г. была обнаружена еще одна такая шпора на территории Беларуси. Железный образец варианта «А» был найден в полуземлянке на городище в Волковыске Гродненской области (рис. 9, 3) (Зверуго, 1975. С. 112, рис. 34, 1; Кирпичников, 1973. С. 57, 103, № 4; Перхавко, 1978.

¹⁸ Этот образец отличается от других экземпляров шпор с крючками, загнутыми внутрь, массивным биметаллическим шипом. По этой причине он был включен Т. Киндой в группу шпор «типа Менцлин» (Kind, 2002. S. 292, Abb. 3, 13, 14), обнаруженных главным образом в южной части бассейна Балтийского моря и на Британских островах (здесь, однако, с пряжкообразными окончаниями). В последнее время их относят к X в. (см.: Błoński, 2003. S. 110; Kotowicz, 2006. S. 25), хотя образец, обнаруженный в датированном монетами погребении 4 на могильнике Удрай II на севере России, указывает на то, что они могли быть в употреблении и в начале XI в. (Платонова, 1998; Kotowicz, 2006. S. 25–26; Engel, 2020. S. 63). Потому ближе к истине был А. Н. Кирпичников, который датировал образец из Чаплина более широко — X–XI вв. (Кирпичников, 1973. С. 56, 57, 103, № 13), нежели исследователи, которые приписывали шпоре более раннюю хронологию, преимущественно IX в. (Перхавко, 1978. С. 124; 1985. С. 29; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 340, kat. 128).

Рис. 8. Распространение восточноевропейских шпор с зацепами, загнутыми внутрь: 1 — Антоновцы, Тернопольская область; 2 — Бирули, Витебская область; 3 — Волковыск, Гродненская область; 4 — Гнёздово, Смоленская область; 5 — Гольшаны, Гродненская область; 6 — Городок, Волынская область; 7 — Дорогобуж, Ровненская область; 8 — Лепель, Витебская область; 9 — Неслухов, Львовская область; 10 — Подгорцы, Львовская область; 11 — Репнев, Львовская область; 12 — Ромош, Львовская область; 13 — Рухотин, Черновицкая область; 14 — Чаплин, Гомельская область; 15 — Черевачицы, Брестская область. 1, 6, 7, 9–13 — Украина; 2, 3, 5, 8, 14, 15 — Беларусь; 4 — Россия. Карта составлена П. Н. Котовичем

Fig. 8. Distribution of East European spurs with hitches hook-bent inward: 1 — Antonovtsy, Ternopol Oblast; 2 — Biruli, Vitebsk Oblast; 3 — Volkovysk, Grodno Oblast; 4 — Gnezdovo, Smolensk Oblast; 5 — Golshany, Grodno Oblast; 6 — Gorodok, Volyn Oblast; 7 — Dorogobuzh, Rovno Oblast; 8 — Lepel, Vitebsk Oblast; 9 — Neslukhov, Lvov/Lviv Oblast; 10 — Podgortsy, Lviv Oblast; 11 — Repnev, Lviv Oblast; 12 — Romosh, Lviv Oblast; 13 — Rukhotin, Chernovtsy Oblast; 14 — Chaplin, Gomel Oblast; 15 — Cherevachitsy, Brest Oblast. 1, 6, 7, 9–13 — Ukraine; 2, 3, 5, 8, 14, 15 — Belarus; 4 — Russia. The map is compiled by P. N. Kotovich

Рис. 9. Восточноевропейские шпоры с зацепами, загнутыми внутрь: 1–2 — Антоновцы, Тернопольская область, Украина (Гаврилюк, 2003. Рис. 7, 7; 10, 2); 3 — Волковыск, Гродненская область, Беларусь (Зверуго, 1975. С. 112, рис. 34, 1); 4 — Городок, Волынская область, Украина (Козак и др., 1999. Рис. 76, 12); 5 — Дорогобуж, Ровненская область, Украина (Прищепя, Никольченко, 1996. Рис. 68, 1); 6 — Подгорцы, Львовская область, Украина (Кучера, 1962. Рис. 13, 2); 7, 8 — Репнев, Львовская область, Украина (Аулих, 1963. Рис. 9, 1, 3); 9 — Ромош, Львовская область, Украина (Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Tabl. VI, 4); 10 — Рухотин, Черновицкая область, Украина (Михайлина, 2007. Рис. 57, 3); 11 — Чаплин, Гомельская область, Беларусь (Кухаренко, 1959. Рис. 2); 12 — Черевачицы, Брестская область, Беларусь; 13 — Лепель, Витебская обл., Беларусь; 14 — Гольшаны, Гродненская область, Беларусь; 15 — Бирули, Витебская область, Беларусь. 1–10, 12–15 — железо; 11 — железо, медный сплав

Fig. 9. East European spurs with hitches hook-bent inward: 1–2 — Antonovtsy, Ternopol Oblast, Ukraine (Гаврилюк, 2003. Рис. 7, 7; 10, 2); 3 — Volkovysk, Grodno Oblast, Belarus (Зверуго, 1975. С. 112, Рис. 34, 1); 4 — Gorodok, Volyn Oblast, Ukraine (Козак и др., 1999. Рис. 76, 12); 5 — Dorogobuzh, Rovno Oblast, Ukraine (Прищепя, Никольченко, 1996. Рис. 68, 1); 6 — Podgortsy, Lviv Oblast, Ukraine (Кучера, 1962. Рис. 13, 2); 7, 8 — Repnev, Lviv Oblast, Ukraine (Аулих, 1963. Рис. 9, 1, 3); 9 — Romosh, Lviv Oblast, Ukraine (Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Tabl. VI, 4); 10 — Rukhotin, Chernovtsy Oblast, Ukraine (Михайлина, 2007. Рис. 57, 3); 11 — Chaplin, Gomel Oblast, Belarus (Кухаренко, 1959. Рис. 2); 12 — Cherevachitsy, Brest Oblast, Belarus; 13 — Lepel, Vitebsk Oblast, Belarus; 14 — Golshany, Grodno Oblast, Belarus; 15 — Biruli, Vitebsk Oblast, Belarus. 1–10, 12–15 — iron; 11 — iron, copper alloy

С. 123, рис. 2, 15; 1985. С. 29, рис. 1, 1; Žak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 344, kat. 138, tabl. II, 9).

Следующих находок подобных шпор пришлось ждать несколько десятилетий. В 1990–1992 гг. проводились исследования в многослойном поселении в Городке Луцкого района Волынской области (Украина), где в культурном слое была найдена железная шпора варианта «С» (рис. 9, 4) (Козак и др., 1999. С. 109, 110, рис. 76, 12).

За последние два десятилетия было опубликовано еще несколько новых находок, сделанных на территории Западной Украины. Три шпоры были обнаружены на городище Уняс в Антоновцах Шумского района Тернопольской области. Одна из них (вариант «А») была найдена в слое хозяйственного комплекса № 1, остальные (вариант «А» и неопределенная) — на слое каменного мощения (рис. 9, 1, 2) (Гаврилюк, 2003. С. 50, 55, 56, рис. 7, 7; 10, 2). Единичный образец варианта «В» известен из раскопок на городище Рухотин Черновицкой области (рис. 9, 10) (Михайлина, 2007. Рис. 57, 3; Пивоваров и др., 2020. С. 144, 145, рис. 1, 3), датирован VIII–X вв. (Калініченко, Пивоваров, 2014. С. 256). Такая шпора была найдена также во время исследований в летописном Дорогобуже Ровненской области. Она происходит из предметного культурного слоя (рис. 9, 5) (Прищепя, Никольченко, 1996. С. 112, 113, рис. 68, 1; Прищепя, 2011. С. 38, рис. 26, 3; 2016. Рис. 31, 1)¹⁹.

¹⁹ Еще одна такая шпора предположительно была обнаружена в Неслухове (Каменка-Бугский район Львовской области, Украина). К сожалению,

В последние годы на территории Беларуси были обнаружены еще четыре железные шпоры с зацепами, загнутыми внутрь, — две в результате систематических археологических исследований, две — в ходе несанкционированных кладоискательских работ²⁰. Первая находка обнаружена в 2009 г. в ходе археологических раскопок на селище Гольшаны (Ошмянский район Гродненской области), где найдены материалы V–VII и X–XIV вв. (Кенько, 2011. С. 44, 50, 55, ил. 4, 9). Данный образец относится к технотипу III:2 варианта «С», по Я. Жаку (варианту «В-С», по К. Ваховскому) (рис. 9, 14). Вторая, железная, поврежденная шпора, найденная в ходе археологических работ П. М. Кенько в 2010 г. на селище Бирули Докшицкого района Витебской области, вероятно, относится к варианту «А», по Я. Жаку, и «В-С», по К. Ваховскому (рис. 9, 15)²¹. Третья шпора найдена около дер. Черевачицы Кобринского района Брестской области²². Эта шпора общей длиной 73 мм, длиной дужки 42 мм, длиной шипа 31 мм и внутренней высотой дужки 37 мм была изготовлена из железного прута (технотип III:2)

об обстоятельствах ее обнаружения и датировке ничего неизвестно (см.: Петегирич, 2007. С. 110).

²⁰ Благодарим Е. В. Власовца, предоставившего информацию о находках подобных шпор на территории Беларуси.

²¹ Благодарим за информацию науч. сотрудника Института истории НАН Республики Беларусь П. М. Кенько.

²² Шпора хранится в фондах музея исторического факультета Белорусского ГУ.

и относится к варианту «А», по классификации Я. Жака, но в типологии К. Ваховского ее следовало бы отнести к вариантам «В-С» (рис. 9, 12). Еще одна шпора обнаружена в ходе несанкционированных работ на острове, расположенном на озере около г. Лепель Лепельского района Витебской области²³. Она относится к технотипу III:2 варианта «А», по Я. Жаку и К. Ваховскому (рис. 9, 13).

Существуют различные мнения относительно датировки некоторых восточноевропейских образцов. Я. Жак считал, что образцы вариантов «А» и «В» с территории Западной Украины и Беларуси изготавливались преимущественно в VIII в., в свою очередь артефакт из Чаплина предположительно был привезен с территории Мазурии и датируется началом второй половины IX в. (*Żak, Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. S. 145, 147). На еще более короткий период их использования указывал К. Ваховский, по мнению которого образцы с территории бассейна Среднего Буга были в употреблении во второй четверти VIII в. (*Wachowski*, 1991. Рис. 13). Несколько более осторожное мнение об экземплярах с короткими дужками высказывал В. Б. Перхавко, считавший, что они бытовали преимущественно в VIII–IX вв. (*Перхавко*, 1978. С. 123, 124). Однако археологический контекст нескольких находок может указывать на то, что подобные образцы сохранялись на этих территориях гораздо дольше, о чем уже, впрочем, упоминал, например, В. Аулих (*Аулих*, 1963. С. 377). Отметим, что шпора из Волковыска была обнаружена в комплексе, датируемом концом X — началом XI в. (*Кирпичников*, 1973. С. 56, 57, 103, № 4; *Зверуго*, 1975. С. 112; *Перхавко*, 1985. С. 29; *Żak, Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. S. 344, кат. 138), а шпоры из Репнева — в ямах, в которых был найден керамический материал как VII–VIII, так и X–XI вв. (*Аулих*, 1963. С. 379; см. также: *Кирпичников*, 1973. С. 56, 57, 103, № 16).

Более поздние находки вызывают аналогичные опасения. Образец из Дорогобужа был найден на площадке городища в слое, датируемом по фрагментам керамики серединой X — первой половиной XI в. (*Прищепя, Никольченко*, 1996. С. 113), в свою очередь образец варианта «А», обнаруженный в слое хозяйственного комплекса № 1 на городище в Антоновцах, следует датировать концом XI в. (*Гаврилюк*, 2003. С. 55, 56).

Эта закономерность уже настолько настораживает, что невозможно безоговорочно принять господствующее мнение о том, что все эти шпоры найдены в переотложенном слое (*Перхавко*, 1985. С. 29; *Żak, Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. S. 340, кат. 138).

Шпоры с зацепами, загнутыми внутрь, из Гнёздова и их европейский контекст

После этого длинного вступления рассмотрим два образца, обнаруженных в Гнёздове. В 2008 г. в фонды кафедры археологии МГУ жителем дер. Гнёздово была передана железная шпора, по его словам, найденная на территории западной части Центрального Гнёздовского поселения²⁴. Отсутствие археологического контекста не позволяет датировать находку.

Шпора полностью изготовлена из железа (рис. 6, 1, 3). Ее длина — 55 мм, общая высота — 43 мм, высота дуги — 19 мм. Дуги шпоры орнаментированы валиками, которые отсутствуют на их тыльной стороне. Шип, длиной 20 мм, в сечении четырехугольный, украшен двумя валиками. Загнутые внутрь концы дуг формируют зацепы длиной 12–14 мм, посредством которых шпора крепилась к ремням, удерживающим ее на ноге. Ширина просветов между дугами и загнутыми концами — 2–3 мм.

Данный образец представляет собой вариант «А» технотипа III:2, по классификации Я. Жака и К. Ваховского, характеризующийся низкой высотой дужки — 12–39 мм (по Я. Жаку) или 10–35 мм (по К. Ваховскому). Как уже упоминалось выше, Я. Жак считал, что такие шпоры появились на славянских и западнобалтских землях уже в VI в. (см.: *Żak, Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. Кат. 7, 8, 54, 67, 70, 71, 79, 103, 104, 115, 116, 119–121, 123, 135, 136), однако критический анализ образцов (как бронзовых, так и железных), предположительно относящихся к столь раннему времени, показывает, что на самом деле эти шпоры можно датировать не ранее второй половины VII или даже начала VIII в. (*Szymański*, 1987. S. 350–359; *Poleski*, 1992. S. 21; 2004. S. 384, 385; *Profantová*, 1994. S. 61; *Kara*, 2009. S. 214, 215, 225; *Michalak*, 2016. S. 120, 122; *Janowski*, 2017. S. 187, 188; *Wadył*, 2018. S. 8–10; *Bojarski, Banasiak*, 2019. S. 127). К. Ваховский считал, что славяне изготавливали

²³ Шпора хранится в фондах музея Института истории НАН РБ.

²⁴ Шпора хранится в фондах кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

железные шпоры этого варианта на протяжении первых трех четвертей VIII в. (Wachowski, 1991. S. 90, 91, рис. 6), так как некоторые из них имеют украшения, характерные для меровингских изделий первой половины того века. Сторонниками этого тезиса косвенно являются М. Блоньский (Mariusz Błoński) и М. Кара (Michał Kara), которые считают, что такие шпоры неизвестны (по крайней мере, если речь идет о польских территориях) по археологическим комплексам, достоверно датированным IX в. (Błoński, 2000. S. 56; Kara, 2009. S. 215). С их точки зрения, образцы технотипа III варианта «А» следует датировать прежде всего VIII в. Этот тезис, похоже, подтверждается рядом достоверно датированных (в том числе на основе дендрохронологии) объектов с аналогичными образцами (см.: Żak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Tabl. I, 4; III, 9; Dulnicz, 2001. S. 100; Świątkiewicz, 2002. S. 79–81, tabl. X, 4–5; XVIII, 3, 5, 8; Pawlak, 2013. S. 206–208, fot. 11; 2016. S. 158, 159, рис. 27). Недавно вопросом хронологии бронзовых шпор (технотип I) этого варианта занялся А. Яновский (Andrzej Janowski), который считает, что они могли быть еще в употреблении в центрально-европейских областях в IX в. (Janowski, 2017. S. 187, 188; см. также: Wadył, 2018. S. 10–12). Стоит также обратить внимание на находки, принадлежащие к обоим технотипам, обнаруженные, как упоминалось выше, в археологических контекстах X и даже XI вв. (Перхавко, 1985. S. 29; Zawadzka-Antosik, 1987. S. 119; Żak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. S. 340, kat. 138; Błoński, 2000. S. 55–57, рис. 1, 2; Гаврилюк, 2003. С. 55, 56; Janowski, 2010. S. 173; 2017. S. 187, 188). Хотя авторы предполагают, что это, вероятно, переотложенные находки, анализ могильного комплекса в Моховом (ранее Вискиаутен) показывает, что обнаруженная в нем пара шпор была, вероятнее всего, захоронена вместе с умершим не ранее X в. (Kotowicz, 2008. S. 369; Janowski, 2017. S. 188; Wadył, 2018. S. 8–10). Следовательно, мы не можем исключить их более длительное использование, особенно на периферии их бытования.

Элементом, позволяющим теоретически сузить хронологию рассматриваемой шпоры, является орнамент в виде поперечных валиков, покрывающий ее дуги. По мнению К. Ваховского, такой тип орнаментации был характерен, прежде всего, для меровингских шпор первой половины VIII в., хотя мог встречаться и во второй половине этого века (Wachowski, 1991. S. 90,

рис. 13). Этот тезис может быть подтвержден, в частности, образцом с городища в Бониково (Bonikowo, Польша), обнаруженным в насыпи вала II, относящегося к первой фазе существования городища, которая датируется второй половиной VIII — первой половиной IX в., хотя М. Кара считает, что шпора была переотложена (Kara, 2009. S. 93, рис. 11, 5). В целом VIII в. датируется также фаза 3.1 существования городища в Подеблоце (Podębłocie, Польша), из которой происходит шпора варианта III:2-A с дугами, украшенными валиками (Barford, Marczak, 1994. S. 157, 165, рис. 7, 7; 9). Поперечными валиками также орнаментирована бронзовая шпора (технотип I:2-A), найденная в яме на поселении в Герке (Görke, Германия) (Żak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Kat. 44, tabl. I, 4), которая в настоящее время датируется не раньше второй–третьей четвертей VIII в. (Dulnicz, 2001. S. 100), и железный образец, украшенный поперечными валиками, обнаруженный вместе с керамикой фельдбергского типа в песчаном карьере на территории немецкого Дахмена (Dahmen). Этот артефакт датируется первой половиной VIII в. (Schoknecht, 1963. S. 263, Abb. 167, e; Żak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Kat. 41, tabl. II, 5). Шпора, на которой были зафиксированы следы поперечных валиков, обнаружена также на поселении в Быдгоще-Замчиско (Bydgoszcz-Zamczysko, Польша), датированном широко — второй половиной VII — IX в. (Żak, Maćkowiak-Kotkowska, 1988. Kat. 119, tabl. II, 4), а железный образец этого варианта был найден также на объекте 1745 в Быткуве (Bytków, Польша), датированном VIII в. (Pawlak, 2016. S. 162, рис. 27). Но уже шпора из Чеканова (Czekanów, Польша) была обнаружена в полуземлянке, датированной X — первой половиной XI в. (Zawadzka-Antosik, 1987. S. 119, рис. 2).

Наиболее близкой аналогией, как по форме, так и территориально, для образца варианта «А» из Гнёздова является шпора, обнаруженная в ходе несанкционированных работ около Лепеля (Беларусь). Также схожая шпора обнаружена на городище Уняс в вышеупомянутых Антоновцах (Украина). Этот артефакт был найден в слое хозяйственного комплекса № 1, датированного концом XI в. (Гаврилюк, 2003. С. 55, 56, рис. 7, 7).

Вторая шпора с зацепами, загнутыми внутрь (рис. 6, 2, 4), была найдена в 1953 г. при археологических раскопках вала Центрального Гнёздовского

городища²⁵ в перемешанном слое, что не позволяет датировать находку по археологическому контексту²⁶. Вал (или заполнение деревянных городен, формирующих крепостную стену), вероятно, состоял в том числе и из культурного слоя, взятого на площадке городища. Центральное Гнёздовское городище принято датировать второй четвертью — концом X в. (см., например: *Пушкина*, 2012. С. 208, 209). Тем не менее находки, относящиеся к более раннему времени, оставляют открытым вопрос о начале жизни на этой части поселения (*Каинов*, 2014).

Поверхность шпору повреждена коррозией, отсутствуют кончик шипа и часть одного зацепа. Длина шпору — 79 мм, общая высота — не менее 70 мм, высота дуги — 43 мм. Длина шипа — не менее 20 мм. Сечение дуг пятигранное с четко выделенным осевым ребром на фронтальной поверхности. Шип составляет одно целое с дугами и оформлен несколькими валиками разной ширины. Приостренное окончание шипа длиной не менее 6 мм гладкое, круглое в сечении. В месте примыкания основания шипа к дугам расположены четыре валика, ориентированные вдоль оси шипа. Длина сохранившегося полностью зацепа — 16 мм. Ширина просвета между дугой и загнутым концом — 2 мм. На поверхности шипа и дуг при реставрации был выявлен фрагментарно сохранившийся слой покрытия серебристого цвета. Проведенный рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) определил, что покрытие представляет собой лужение²⁷. Шпору покрыта почти чистым оловом (Sn — 98,5 %). Вероятно, данный прием предохранял поверхность шпору от коррозии и создавал впечатление предмета, изготовленного из серебра.

Анализ новых находок из Богемии и Моравии Моржинка (Mořinka), Секержице (Sekeřice), Брно-Старе Замки показывает, что лужение железных шпор могло быть очень распространено в раннем средневековье, хотя только широкое применение современных методов исследования, таких как РФА, позволит утверждать это

с уверенностью (*Wachowski*, 1991. S. 90; *Profantová*, 2016). В более ранней литературе лужение иногда неправильно описывали как серебрение. В каталоге Я. Жака и Л. Мачковьяк-Котковской мы находим несколько экземпляров, которые, по мнению авторов, были украшены серебром (*Žak, Mačkowiak-Kotkowska*, 1988. S. 19), но без специализированных экспертиз нельзя исключить, что некоторые из них были лужеными (*Ibid.* S. 19, kat. 59, 63, 72, 107). На одной из шпор, обнаруженных на городище в Удуже (Udórz, Польша), были найдены бесспорные следы лужения (*Bugaj et al.*, 2020. S. 181).

Рассматриваемая шпору из Гнёздова представляет собой вариант «В» технотипа III:2 по классификации Я. Жака и «В-С» в типологии К. Ваховского. Я. Жак включил в эту группу образцы, имеющие высоту дужки от 40 до 50 мм, тогда как составной вариант К. Ваховского объединяет шпору, высота дужки которых от 37 до 60 мм. Как и в случае со шпорами варианта «А», Я. Жак считал, что образцы варианта «В» появились на славянских и западнобалтских территориях довольно рано — примерно в середине VI в. (*Žak, Mačkowiak-Kotkowska*, 1988. Kat. 74, 96, 104, 105, 118, 339), а в VII в. они были уже распространенной формой, о чем могли свидетельствовать хотя бы находки из Микульчице в Моравии (*Ibid.* Kat. 9–18).

Более поздние открытия не позволяют подерживать точку зрения об их ранней хронологии, относящейся к VI в. Из коллекции, проанализированной Я. Жаком (состоящей в основном из случайных находок), самой древней в настоящее время считается бронзовая, привезенная с запада шпору из балтского погребения 41 в Вульке-Прусиновской (Польша), которая достаточно убедительно датируется второй половиной VII — началом VIII в. (*Wadył*, 2018. S. 8, рис. 2, *h-h1*). Однако образец, обнаруженный до Второй мировой войны в ингумации (?) в Мнишках (Mniszki, Польша) (*Parczewski*, 1988. S. 101; *Poleski*, 1992. S. 23), артефакт из Вышемборка (Wyszembork, Польша) (*Wadył*, 2018. S. 14), а также из Фреслунды (Швеция) (*Szymański*, 1987. S. 353–356) имеют неопределенную хронологию. Время археологизации образца с городища в Полупине (Połupin, Польша) в свете последних открытий следует отнести к концу VIII — началу IX в. (*Michalak*, 2016. S. 120). Не подтвердилась и хронология VII в. для шпор из Микульчиц в Моравии, которые в настоящее время относят

²⁵ Раскопки Смоленской экспедиции Московского государственного университета под руководством Д. А. Авдусина. Раскоп ЦГ-III, пл. 17, кв. 20, № 1431.

²⁶ Шпору хранится в фондах кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

²⁷ Анализ выполнен на спектрометре M1 Mistral (Bruker).

ко второй половине VIII — началу IX в. (см.: *Profantová*, 1994. S. 61; *Galuška*, 2013. S. 92, 93; *Kouřil*, 2020. S. 268). Также более поздние находки, подкрепленные археологическим контекстом, показывают, что шпоры этого типа следует датировать преимущественно VIII–IX вв. (*Krzyszowski*, 2008. S. 411, 412, 415, рис. 5, 6; *Kara*, 2009. Рис. 67; *Wadył*, 2018. S. 12, рис. 3, f). Однако, как справедливо отмечает М. Кара, шпоры варианта «В» использовались на польских территориях вплоть до середины X в. (*Kara*, 2009. S. 215). На это указывают находки с великопольских городищ в Брущеве (*Bruszczewo*) и Сплаве (*Spławie*), точно датированные концом IX — первыми десятилетиями X в. (*Dulinicz*, 2001. S. 100; *Brzostowicz*, 2002. S. 56, 57, рис. 25, 7; 2003. S. 13, 14, рис. 5, 1; *Brzostowicz*, *Krąpiec*, 2016. S. 32; *Kara*, 2009. Рис. 67). Этот факт подтверждает также шпора с городища в Миттенвальде (*Mittenwalde*, Бранденбург, Германия), дендрохронологически датированная второй половиной IX — первой третью X в. (*Żak*, *Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. Tabl. VII, 7; *Dulinicz*, 2001. S. 100).

Орнамент, покрывающий шпору, мало помогает в определении ее хронологии. Он включает поперечные опоясывающие валики на шипе и отделенное основание шипа, покрытое вертикальными валиками. К. Ваховский связывает подобно орнаментированные шипы с меровингском стилем, характерным для первой половины VIII в. (*Wachowski*, 1991. S. 89, рис. 5). Украшение частыми валиками почти всей поверхности шипа является характерным приемом, используемым для этого типа шпор (как железных, так и бронзовых) в VIII и IX в. (см.: *Żak*, *Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. Tabl. V, 1; VI, 9; VII, 3; IX, 3, 8; *Dulinicz*, 2001. Рис. 47, 4; *Kara*, 2009. Рис. 67, 1, 4; *Kouřil*, *Gryc*, 2019. Fig. 23, 4, 9; 24, 7, 9), который, однако, встречается и на шпорах начала X в. Наиболее схожа с образцом из Гнёздова с точки зрения орнамента шипа шпора, обнаруженная в Уйсьце (*Ujście*, Польша) и датированная началом IX в. (*Żak*, *Maćkowiak-Kotkowska*, 1988. S. 335, tabl. IX, 7).

Заключение

Таким образом, в Гнёздове обнаружено не менее пяти шпор, относящихся к двум историческим периодам. Ранее опубликованная О. А. Радюшем шпора эпохи переселения народов, вероятно, связана с процессами, нашедшими отражение в материалах расположенного всего в нескольких

километрах городища Демидовка, в последнее время интерпретируемого как региональный центр власти, где прослеживаются предположительно славянские и германские культурные традиции (*Кренке и др.*, 2021. С. 113–115).

Шпоры последней четверти I тыс. н. э. представлены четырьмя находками. Уникальной для Гнёздова и в целом для территории Древней Руси выглядит каролингская шпора, изготовленная, вероятно, на рубеже VIII и IX вв. или в начале IX в. Погребальный инвентарь, в состав которого входила шпора, не позволяет датировать время совершения погребения временем ее изготовления, в том числе считать погребенного в кургане Л-47/1950 членом посольства росов к императору Феофилу в 839 г. Вопрос о датировке этого кургана остается пока открытым, но вряд ли можно говорить о времени ранее X в.

Две гнёздовские шпоры с загнутыми внутрь зацепами относятся хотя и к редким находкам, но подобные экземпляры все же встречаются на восточноевропейской территории. И если в Центральной Европе схожие шпоры в основном датируются VIII (вариант «А» технотипа III:2) и IX (вариант «В» технотипа III:2) веками, то в Восточной Европе они могут происходить и из более позднего контекста. Тем не менее выявленный на гнёздовском поселении культурный слой конца VIII — IX в. наряду с обнаружением ранней, разрушенной, части курганного могильника позволяет не исключать, что предметы попали на территорию Гнёздова в VIII–IX вв. (*Мурашева и др.*, 2018. С. 339; 2020. С. 82; *Новиков*, *Зазовская*, 2021. С. 289).

Пластинчатая, грубо изготовленная шпора из археологического контекста второй половины X в. может быть как импортным изделием, так и продукцией местного мастера, изготовленной в подражание качественным шпорам.

Вопросы, откуда, когда и при каких обстоятельствах могли попасть в Гнёздово шпоры, аналогии которым в большинстве своем находятся значительно западнее, еще не стали темой отдельного исследования. Стоит отметить, что в материальной культуре Гнёздова в контекстах первой половины — третьей четверти X в. фиксируются вещи западнославянского (моравского?) происхождения — шлем, несколько топов, лунничные и гроздевидные височные кольца, форма для отливки колец нитранского типа, некоторые формы раннегончарной керамики.

Это позволяет если не предполагать непосредственное появление в Гнёздове западнославянского населения, то видеть в этом отражение дальних связей этого раннегородского центра. Нельзя исключать, что и шпоры появились в Верхнем Поднепровье в результате торговой активности, хотя, несомненно, возможны и другие предположения.

На территории Древней Руси шпоры становятся заметным явлением в материальной культуре не ранее XI в. Гнёздовская коллекция шпор конца I тыс. н. э. — самая многочисленная и представительная и отражает начальный этап проникновения этой категории всаднического снаряжения на древнерусскую территорию.

- Авдусин, 1952 — Авдусин Д. А. Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. М.; Л.: АН СССР, 1952. Вып. XLIV. С. 93–103.
- Авдусин, 1957 — Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнёздовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) // Материалы по изучению Смоленской области. 1957. Вып. 2. С. 113–183.
- Авдусин, 1991 — Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города): Сб. ст. / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 3–20.
- Аулих, 1963 — Аулих В. В. Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области // Славяне накануне образования Киевской Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1963 (МИА; № 108). С. 366–381.
- Гаврилюк, 2003 — Гаврилюк О. Давньоруське городище Уніас IX–XIII ст. // Наукові записки. 2003. № III. С. 43–71.
- Захарук, Ратич, 1955 — Захарук Ю. М., Ратич О. О. Слов'янське поселення біля с. Ріпнів, Львівської області // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 1955. Т. 5. С. 40–46.
- Зверуго, 1975 — Зверуго Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: Наука и техника, 1975. 141 с.
- Иванова И., Иванова Н., 2012 — Иванова И. В., Иванова Н. Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. 2012. Вып. 18. С. 124–144.
- Йотов, 2004 — Йотов В. Вьоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна: Зограф-Абагар, 2004. 354 с.
- Каинов, 2001 — Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника: Труды конф. / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 124). С. 54–63.
- Каинов, 2014 — Каинов С. Ю. Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура: Сб. ст. / Ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 34–46.
- Калініченко, Пивоваров, 2014 — Калініченко В., Пивоваров С. Середньовічні предмети озброєння дальнього бою з Рухотинського городища (уроч. Корнєшти) // Археологічні студії. 2014. № 5. С. 254–277.
- Кенько, 2011 — Кенько П. Археологические исследования в Гольшанах в 2007–2009 гг. // Ашмяншчына: праблемы рэгіянальнай гісторыі Беларусі / Рэд. А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларус. навука, 2011. С. 38–55.
- Кирпичников, 1973 — Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1–36). 140 с.
- Кирпичников и др., 1986 — Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и Варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. С. 189–297.
- Козак и др., 1999 — Козак Д., Опрыск В., Шкоронад В. Пам'ятки давньої історії Волині у с. Городок. Київ: Наукова думка, 1999. 128 с.
- Кренке и др., 2021 — Кренке Н. А., Казанский М. М., Лопатин Н. В., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Модестов Ф. Э., Раева В. А. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // РА. 2021. № 1. С. 102–121.
- Кухаренко, 1959 — Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник // Памятники зарубинецкой культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, Лен. отд., 1959 (МИА; № 70). С. 154–180.
- Кучера, 1962 — Кучера М. П. Древний Пліснеськ // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962. № XII. С. 3–31.
- Лебедев, 1985 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.
- Лебедев, 2005 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.

- Михайлина, 2007 — Михайлина Л. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ: Інститут археології НАН України, 2007. 300 с.
- Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Snаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // *Stratum Plus*. 2014. № 6: Время войны. Победители и побежденные. С. 73–82.
- Мурашева и др., 2018 — Мурашева В. В., Мальшева Н. Н., Френкель Я. В. Исследования прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018 (Труды ГИМ; Вып. 210). С. 286–339.
- Мурашева и др., 2020 — Мурашева В. В., Панин А. В., Шевицов А. О., Малышева Н. Н., Зазовская Э. П., Зарецкая Н. Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2020. № 4. С. 70–86.
- Новиков, Зазовская, 2021 — Новиков В. В., Зазовская Э. П. Новый погребальный комплекс и его хронология по материалам работ 2017–2018 годов на территории северо-восточной части Центрального поселения (предварительные этапы исследований) // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). С. 284–292.
- Новиков и др., 2020 — Новиков В. В., Сергеев К. С., Каинов С. Ю., Бобачев А. А., Белоусов А. В., Горин А. Д., Туренина А. В. Изучение культурного слоя центрального селища Гнёздовского археологического комплекса. Предварительные результаты геофизических исследований и археологических раскопок // Геофизика. 2020. № 6. С. 82–88.
- Носов, 2018 — Носов Е. Н. Стратиграфия Земляного городища Старой Ладogi: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2018 (Труды ИИМК РАН; Т. LIII). С. 45–65.
- Перхавко, 1978 — Перхавко В. Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА. 1978. № 3. С. 113–126.
- Перхавко, 1985 — Перхавко В. Б. Западнославянские элементы в раннесредневековой культуре междуречья Днепра и Немана // КСИА. 1985. № 187: Славяно-русские древности. С. 28–35.
- Петегирич, 2007 — Петегирич В. Поселенські структури V/VI–X ст. Верхньої Надбужанщини як підоснова формування Белзької та Червенської земель // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2007. № 11. С. 101–120.
- Пивоваров и др., 2020 — Пивоваров С., Калініченко В., Котовіч П. Н. Залізні шпори з Рухотинського городища (уроч. Корнешти): попереднє повідомлення // IV Міжнародний науковий семінар археологія Буковини: здобутки та перспективи: Тези доповідей. Чернівці: Технодрук, 2020. С. 143–146.
- Платонова, 1998 — Платонова Н. И. Камерные погребения XI — начала XII в. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян / Ред. В. В. Седов. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 372–380.
- Прищепка, 2011 — Прищепка Б. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с.
- Прищепка, 2016 — Прищепка Б. Погоринські міста в X–XIII ст. Рівне: Дятлик М., 2016. 296 с.
- Прищепка, Нікольченко, 1996 — Прищепка Б. А., Нікольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. До історії населення Західної Волині в X–XIII століттях. Рівне: Державне ред.-вид. Підприємство, 1996. 248 с.
- Пушкина, 2012 — Пушкина Т. А. Центральное гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы междунар. конф., посв. 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968). СПб.: СОЛО, 2012. С. 206–209.
- Радюш, 2021 — Радюш О. А. Шпора эпохи Великого переселения народов из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). С. 299–314.
- Сизов, 1902 — Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902. № 28. 136 с., 14 л. ил.
- Терський, 2015а — Терський С. Спорядження вершника та коня на Волині в X–XIV століттях // Культура і мистецтво західноукраїнських земель 2009–2010 / Ред. В. Александрович. Львів: НАН України, Ін-т українознавства ім. Ів. Крип'якевича, 2015. С. 71–114.
- Терський, 2015б — Терський С. Середньовічні археологічні пам'ятки у Судовій Вишні на

- Львівщині: історія та перспективи дослідження // *Historical and Cultural Studies*. 2015. Vol. 2, no. 1. С. 97–104.
- Ширинский, 1997 — Ширинский С. С. О времени сооружения кургана 47, исследованного у д. Гнёздово в 1950 г. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск: Петрозаводский ГУ, 1997. С. 198–199.
- Шмидт, 1974 — Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // *Материалы по изучению Смоленской области*. Смоленск: Смоленское кн. изд-во, 1974. Вып. VIII. С. 150–164.
- Barford, Marczak, 1994 — Barford P. M., Marczak E. The Settlement Complex ad Podebłocie, gm. Trojanow, an Interim Report of Investigations 1981–1992 // *Światowit*. 1994. Vol. 37. S. 147–167.
- Bialeková, 1977 — Bialeková D. Sporen von slavischen Fundplätzen in Pobedim (Typologie und Datierung) // *Slovenská archeológia*. 1977. Vol. 25, no. 1. S. 103–160.
- Biermann, 2019 — Biermann F. Reitersporen aus Feldberger Burgen im nordwestslawischen Gebiet // *Bewaffnung und Reiterausrüstung des 8. bis 10. Jahrhunderts in Mitteleuropa*. Internationale Tagungen in Mikulčice. Vol. IX / Hrsg. L. Poláček, P. Kouřil. Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, 2019. S. 23–36.
- Bilogriović, 2009 — Bilogrivić G. Karolinški mačevi tipa K // *Opuscula archaeologica*. 2009. Vol. 33. S. 125–182.
- Błoński, 2000 — Błoński M. Średniowieczne ostrogi z grodziska na Zawodziu w Kaliszu // *Archeologia Polska*. 2000. Vol. 45, nos. 1–2. S. 53–91.
- Błoński, 2003 — Błoński M. Ostroga z Radachówki nad Świdrem // *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu* / Red. M. Dulinicz. Warszawa; Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2003. S. 109–114.
- Bojarski, Banasiak, 2019 — Bojarski J., Banasiak P. Bydgoszcz-Zamczysko (stanowisko 70) // *Wczesnośredniowieczne grodziska w Polsce*. Vol. 1. Powiat bydgoski. Województwo kujawsko-pomorskie / Reds. W. Chudziak, J. Bojarski. Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii polskiej Akademii Nauk, 2019. S. 109–129.
- Brzostowicz, 2002 — Brzostowicz M. Bruszczewski zespół osadniczy we wczesnym średniowieczu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2002. 343 s.
- Brzostowicz, 2003 — Brzostowicz M. Gród przedpiastowski w Sławiu-Wodzisku. Poznań; Września: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu, 2003. 250 s.
- Brzostowicz, Krąpiec, 2016 — Brzostowicz M., Krąpiec M. Podstawy datowania grodu // *Grodzisko wczesnośredniowieczne w Sławiu, woj. wielkopolskie. Wyniki badań archeologicznych*. Bibliotheca Fontes Archaeologici Posnanienses. Poznań: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu, 2016. Vol. 17. S. 30–48.
- Bugaj et al., 2020 — Bugaj M., Zdaniewicz R., Liwoch R. Ostrogi z doby plemiennej z Udorza // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2020. Vol. XVI. S. 179–189.
- Cosma, 2013 — Cosma C. Early Medieval Spurs in Transylvania (7th–10th Centuries AD) // *Ephemeris Napocensis*. 2013. Vol. XXIII. S. 79–102.
- Dulinicz, 2001 — Dulinicz M. Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2001. 323 s.
- Engel, 2020 — Engel M. „Kraina konnych wojowników”? Przegląd uzbrojenia i oporządzenia jeździeckiego na terenach jaćwieskich od schyłku IX do XIII w. // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2020. Vol. XVI. S. 57–87.
- Gabriel, 1984 — Gabriel I. Chronologie der Reitersporen // *Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien I. Stratigraphie und Chronologie (Archäologische Ausgrabungen 1973–1982)*. Neumünster: Wachholtz, 1984 (Offa-Bücher; Vol. 52). S. 117–157.
- Gabriel, 1988 — Gabriel I. Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs- und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigrad/Oldenburg // *Oldenburg-Wolin-Staraja Ladoga-Novgorod-Kiev. Handel und Handelsverbindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters*. Frankfurt: Philipp von Zabern, 1988 (Bericht der Römisch-Germanischen Kommission; Vol. 69). S. 103–291.
- Galuška, 2013 — Galuška L. Hledání původu. Od avarských bronzů ke zlatu Velké Moravy. Brno: Moravské zemské muzeum, 2013. 279 s.
- Henning, 1997 — Henning J. Ringwallburgen und Reiterkrieger. Zum Wandel der Militärstrategie im ostslawischen Raum an der Wende vom 9. zum 10. Jahrhunderts // *Military Studies in Medieval Europe: Papers of the “Medieval Europe Brugge 1997” Conference*. Vol. 11 / Eds. G. De Boe, F. Verhaeghe. Zellik: Instituut voor het Archeologisch Patrimonium, 1997. S. 21–31.
- Janowski, 2010 — Janowski A. Dwie ostrogi z zaczepami haczykowato zagiętymi do wnętrza z miejscowości Pień na ziemi chełmińskiej // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2010. Vol. VI. S. 173–183.
- Janowski, 2017 — Janowski A. Chronology and evolution of Early Medieval hooked spurs in the light of new finds and analyses // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. 2017. Vol. XXX. S. 181–191.

- Kalčík*, 2015 — *Kalčík L.* Povelkomoravské osídlení hradiska Staré Zámky u Líšně // Přehled výzkumů. 2015. Vol. 56, no. 2. S. 127–200.
- Kara*, 2009 — *Kara M.* Najstarsze państwo Piastów — rezultat przełomu czy kontynuacji? Studium archeologiczne. Poznań: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2009. 407 s.
- Kavánová*, 1976 — *Kavánová B.* Slovanské ostruhy na území Československa. Praha: Academia, 1976. 128 s.
- Kind*, 2002 — *Kind T.* Archäologische Funde von Teilen der Reitausrüstung aus Europa und ihr Beitrag zur Kultur- und Sozialgeschichte der Ottonenzeit // Europa im 10. Jahrhundert. Archäologie einer Aufbruchzeit / Hrsg. J. Henning. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2002. S. 283–299.
- Koch*, 1982 — *Koch R.* Stachelsporen des frühen und hohen Mittelalters // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1982. Vol. 10. S. 63–83.
- Kotowicz*, 2006 — *Kotowicz P. N.* Przemiany w uzbrojeniu plemiennym i wczesnopaństwowym (VI — poł. XIII w.) w polskiej części dawnych księstw ruskich — wybrane przykłady // Держава та Армія. Вісник Національного Університету «Львівська Політехніка». Львів, 2006. Vol. 571. С. 18–47.
- Kotowicz*, 2008 — *Kotowicz P. N.* „...wszystką jego broń umieścili obok niego...” Pochówki wojowników (?) na wczesnośredniowiecznych, ciałopalnych cmentarzyskach kurhanowych z terenu Polski // Funeralia Lednickie. Vol. 10 / Red. W. Dzieduszycki, J. Wrzesiński. Poznań: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 2008. S. 363–383.
- Kotowicz*, 2018 — *Kotowicz P. N.* Early Medieval Axes from Territory of Poland. Moravia Magna, Seria Polona V. Polish Academy of Arts and Sciences. Krakow, 2018. 268 s.
- Kouřil*, 2017 — *Kouřil P.* Metallfunde aus dem Burgwall Víno bei Slezské Rudoltice (Schlesien) und ihre Bedeutung // Archäologische Studien zum frühen Mittelalter, Archaeologica Slovaca Monographiae. Communicationes. Vol. XIX / Hrsg. G. Fusek. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2017. S. 53–80.
- Kouřil*, 2019 — *Kouřil P.* Frühmittelalterliche bronzene Hakensporen mit nach innen umgeschlagenen Enden aus Mähren // Bewaffnung und Reiterausrüstung des 8. bis 10. Jahrhunderts in Mitteleuropa. Internationale Tagungen in Mikulčice. Vol. IX / Hrsg. L. Poláček, P. Kouřil. Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky, Brno, v. v. i., 2019. S. 181–200.
- Kouřil*, 2020 — *Kouřil P.* Spurs and the Central-European Slavs // Great Moravian Elites From Mikulčice / Red. L. Poláček et al. Brno: Czech Academy of Sciences, Institute of Archaeology Brno, 2020. S. 268.
- Kouřil, Gryc*, 2019 — *Kouřil P., Gryc J.* Czech Silesia in the Early Middle Ages // Přehled výzkumů. 2019. Vol. 60, no. 2. S. 93–143.
- Krzyszowski*, 2008 — *Krzyszowski A.* Ostroga z VII–VIII wieku w Niepruszewie, gmina Buk, w województwie wielkopolskim // Ad Oderam fluvium. Księga dedykowana pamięci Edwarda Dąbrowskiego / Ed. B. Gruszka. Zielona Góra: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich, 2008. S. 405–420.
- Michalak*, 2016 — *Michalak A.* Zabytki metalowe z badań grodziska w Połupinie // Wczesnośredniowieczny gród w Połupinie, stan. 2. Nowe analizy i interpretacje źródeł archeologicznych i przyrodniczych / Red. B. Gruszka. Zielona Góra: Wydawnictwo Fundacji Archeologicznej w Zielonej Górze, 2016. S. 119–130.
- Musianowicz*, 1979 — *Musianowicz K.* Zespół osadniczy z Gorodka obwód rówieński (USRR) w świetle wczesnośredniowiecznego osadnictwa Wołynia // Wiadomości Archeologiczne. 1979. Vol. XLIV, no. 2. S. 168–205.
- Lagne*, 2010a — *Lagne C.* Les éperons à pointe en Europe non méditerranéenne du VI au XII siècle, vol. 1, Texte. Poitiers. 2010. 157 p. (unpublished MA thesis in Université de Poitiers).
- Lagne*, 2010b — *Lagne C.* Les éperons à pointe en Europe non méditerranéenne du VI au XII siècle, vol. 2, Annexes, Poitiers. 2010. 72 p. (unpublished MA thesis in Université de Poitiers).
- Lennartsson*, 1997–1998 — *Lennartsson M.* Karolinische Metallarbeiten mit Pflanzenornamentik // Offa. 1997–1998. Vols. 54–55. S. 431–619.
- Mitchell*, 1994 — *Mitchell J.* Fashion in Metal: A Set of Sword-belt Mounts and Bridle Furniture from San Vincenzo al Volturno // Studies in medieval Art and Architecture presented to Peter Lasko / Eds. D. Buckton, T. A. Heslop. London: Alan Sutton Publishing, 1994. P. 127–156.
- Müller-Wille*, 1982 — *Müller-Wille M.* Zwei karolinische Schwerter aus Mittelnorwegen // Studien zur Sachsenforschung. 1982. Vol. 3. S. 101–167.
- Mütherich*, 1965 — *Mütherich F.* Die Buchmalerei am Hofe Karls des Großen // Karolingische Kunst. Karl der Große. Lebenswerk und Nachleben. Vol. III / Hrsg. W. Braunsfels, H. Schnitzler. Düsseldorf: Verlag L. Schwann, 1965. S. 9–53.
- Ottaway*, 1992 — *Ottaway P.* Anglo-Scandinavian Ironwork from Coppergate 16–22. London: Council for British Archaeology. 1992 (The Archaeology of York; Vol. 17, fasc. 6). 282 p.
- Parczewski*, 1988 — *Parczewski M.* Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i dato-

- wanie źródeł archeologicznych. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1988 (Prace Komisji Archeologicznej. Vol. 27). 299 s.
- Pawelec*, 1990 — *Pawelec K.* Aachener Bronzegitter. Studien zur karolingischen Ornamentik um 800. Köln: Rheinland-Verlag, 1990. 200 s.
- Pawlak*, 2013 — *Pawlak P.* Ku początkom Poznania — nowo odkryta osada z zarania wczesnego średniowiecza nad jeziorem Maltańskim // *Slavia Antiqua*. 2013. Vol. LIV. S. 143–219.
- Pawlak*, 2016 — *Pawlak E.* Wczesnośredniowieczna osada w Bytkowie pod Poznaniem // *Raport*. 2016. Vol. 11. S. 123–165.
- Pieta, Robak*, 2019 — *Pieta K., Robak Z.* The military finds from Bojná III and Klátova Nová Ves, near Topoľčany, Slovakia // *Bewaffnung und Reiterausrüstung des 8. bis 10. Jahrhunderts in Mitteleuropa*. Vol. IX / Hrsg. L. Poláček, P. Kouřil. Brno: Internationale Tagungen in Mikulčice Brno, 2019. S. 441–451.
- Poleski*, 1992 — *Poleski J.* Podstawy i metody datowania okresu wczesnośredniowiecznego w Małopolsce. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1992 (Prace Archeologiczne; Vol. 52). 171 s.
- Poleski*, 2000 — *Poleski J.* Chronologia i periodyzacja wczesnego średniowiecza w Polsce — osiągnięcia i porażki // *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu* / Red. M. Kobusiewicz, S. Kurnatowski. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2000. S. 423–432.
- Poleski*, 2004 — *Poleski J.* Wczesnośredniowieczne grody w dorzeczu Dunajca. Kraków: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004. 508 s.
- Poleski*, 2013 — *Poleski J.* Małopolska w VI–X wieku. Studium archeologiczne // *Opera Archaeologiae Iagellonicae*. Vol. III / Ed. P. Kaczanowski. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2013. 399 s.
- Profantová*, 1994 — *Profantová N.* K nálezům ostruh z konce 7.–9. stol. v Čechách // *Mediaevalia Archaeologica Bohemica*. 1994. Vol. 1993. S. 60–85.
- Profantová*, 2016 — *Profantová N.* Ostruhy jako doklady přítomnosti elity v 8. a 9. století v Čechách // *Archaeologia historica*. 2016. Vol. 41, no. 2. S. 7–40.
- Profantová*, 2019 — *Profantová N.* Neue Waffen- und Reiterausrüstungsfunde aus Mittel- und Ostböhmen // *Bewaffnung und Reiterausrüstung des 8. bis 10. Jahrhunderts in Mitteleuropa* / Hrsg. L. Poláček, P. Kouřil. Brno: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 2019. S. 263–282.
- Rettner*, 1997 — *Rettner A.* Sporen der Älteren Merowingerzeit // *Germania*. 1997. Vol. 75, no. 1. S. 133–157.
- Robak*, 2013 — *Robak Z.* Studia nad okuciami rzemieni w typie karolińskim. Część I. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2013. 245 s.
- Robak*, 2014 — *Robak Z.* Studia nad okuciami rzemieni w typie karolińskim. Część II. Nitra: Archeologický ústav SAV, 2014. 224 s.
- Robak*, 2016 — *Robak Z.* Items Decorated with the Tassilo Chalice Style in the Western Slavic Territories // *Slovenská archeológia*. 2016. Vol. 63, no. 2. S. 309–338.
- Rudnicki*, 2006 — *Rudnicki M.* Ostrogi z haczykowatymi zaczepami odgiętymi na zewnątrz z obszaru grupy olsztyńskiej w świetle źródeł archiwalnych. Próba nowego spojrzenia // *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archeologicznych* / Red. W. Nowakowski, A. Szela. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2006 (Światowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages; XIV). S. 349–362.
- Ruttikay*, 1975 — *Ruttikay A.* Waffen und Reiterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (I) // *Slovenská archeológia*. 1975. Vol. 23, no. 1. S. 119–216.
- Ruttikay*, 1998 — *Ruttikay A.* Zur frühmittelalterlichen Hof-, Curtis- und Curia regalis-Frage in der Slowakei // *Frühmittelalterliche Burgenbau in Mittel- und Osteuropa*. Tagung Nitra vom 7. bis 10. Oktober 1996 / Eds. J. Henning, A. T. Ruttikay. Bonn: Habelt, 1998. S. 405–417.
- Schlemmer*, 2004 — *Schlemmer P.* Der Bügelsporn der Jüngeren Merowingerzeit. Überlegungen zu seiner Herkunft und zur Sitte der Sporenbeigabe auf alamanischem und bajuwarischem Stammesgebiet // *Hüben und Drüben — Räume und Grenzen in der Archäologie des Frühmittelalters*. Festschrift für Prof. Max Martin zu seinem fünfundsiebzigsten Geburtstag / Hrsg. G. Graenert et al. Liestal: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Baselland, 2004 (Archäologie und Museum; Vol. 48). S. 91–109.
- Schoknecht*, 1963 — *Schoknecht U.* Einige bemerkenswerte frühgeschichtliche Neufunde aus Görke im Kreise Anklam // *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg*. Schwerin, 1963. S. 263–269.
- Strzyż*, 2006 — *Strzyż P.* Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe. 2006 (Acta Archaeologica Lodziensia; Vol. 52). 272 s.
- Szöke*, 1996 — *Szöke B. M.* Siedlungsreste und Gräber aus dem frühen Mittelalter von Gelsesziget, Börzönce

- und Hahót-Cseresznyés // Archäologie und Siedlungsgeschichte im Hahóter, Becken, Südwest-Ungarn. Von der Völkerwanderungszeit bis zum Mittelalter / Hrsg. B. M. Szőke. Antaeus. Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1996. Vol. 23. S. 167–181.
- Szymański*, 1987 — *Szymański W.* Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego średniowiecza w Szeligach, woj. płockie // *Archeologia Polski*. Vol 32, no. 2. S. 349–376.
- Szymański*, 2000 — *Szymański W.* Trudne problemy w poznawaniu starszych faz wczesnego średniowiecza na ziemiach polskich // *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu* / Red. M. Kobusiewicz, S. Kurnatowski. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2000. S. 353–379.
- Świątkiewicz*, 2002 — *Świątkiewicz P.* Uzbrojenie wczesnośredniowieczne z Pomorza Zachodniego. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 2002 (*Acta Archaeologica Lodziensia*; Vol. 48). 184 s.
- Šolle*, 1966 — *Šolle M.* Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha: Akademia, 1966. 336 s.
- Turčan*, 2002 — *Turčan V.* Niekoľko menších včasnostredovekých nálezov z juhozápadného Slovenska // *Zborník slovenského národného múzea*. Vol. XCVI. *Archeológia*. Vol. 12. 2002. S. 45–62.
- Wachowski*, 1988 — *Wachowski K.* Merowingische und karolingische Sporen auf dem Kontinent. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. R. 14/15. 1986/87. S. 49–79.
- Wachowski*, 1991 — *Wachowski K.* Oddziaływania zachodnie na wytwórczość ostróg haczykowatych u Słowian // *Przegląd Archeologiczny*. 1991. Vol. 38. S. 85–107.
- Wachowski*, 1992 — *Wachowski K.* Kultura karolinska a słowiańszczyzna zachodnia. Wrocław: Wyd-wo Uniw. Wrocławskiego, 1992 (*Acta Universitatis Wratislaviensis*; № 1382; *Studia archeologiczne*; 23). 126 s.
- Wachowski*, 1997 — *Wachowski K.* Śląsk w dobie przedpiastowskiej. Studium archeologiczne. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Politechniki Wrocławskiej, 1997. 118 s.
- Wachowski*, 2001 — *Wachowski K.* Elementy rodzime i obce w uzbrojeniu wczesnośredniowiecznym na Śląsku // *Folia Archaeologica*. 2001. Vol. 23. S. 153–176.
- Wadyl*, 2018 — *Wadyl S.* Ostrogi z haczykowatymi zaczepami zagiętymi do wnętrza z kręgu zachodniobałtyjskiego. “Nowe” źródło do studiów nad początkami wczesnego średniowiecza // *Acta Militaria Mediaevalia*. 2018. Vol. XIV. S. 7–27.
- Walter*, 2008 — *Walter S.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Mengen, München (Kr. Breisgau-Hochschwarzwald). München, 2008. 792 p. (unpublished PhD thesis in Ludwig-Maximilians-Universität München).
- Wamers*, 1991 — *Wamers E.* Pyxides imaginatae. Zur Ikonographie und Funktion karolingischer Silberbecher // *Germania*. 1991. Vol. 69. S. 97–152.
- Wamers*, 1994 — *Wamers E.* König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby // *Acta Archaeologica*. 1994. Vol 65. S. 1–56.
- Wamers*, 2005a — *Wamers E.* Insignien der Macht // *Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden* / Hrsg. E. Wamers, M. Brandt. Regensburg: Schnell&Steiner, 2005. S. 35–72.
- Wamers*, 2005b — *Wamers E.* Silber für Gottesdienst // *Die Macht des Silbers. Karolingische Schätze im Norden* / Hrsg. E. Wamers, M. Brandt. Regensburg: Schnell&Steiner, 2005. S. 83–103.
- Wamers*, 2008 — *Wamers E.* Glaubensboten. “Aristokratische” Kunststile des 8. bis 10. Jahrhunderts n. Chr. // *Eine Welt in Bewegung: unterwegs zu Zentren des frühen Mittelalters. Begleitbuch der Gemeinschaftsausstellung* / Hrsg. G. Eggenstein et al. München: Deutscher Kunstverlag, 2008. S. 37–50.
- Werner*, 1969 — *Werner J.* Sporn von Bacharach und Seeheimer Schmuckstück: Bemerkungen zu zwei Denkmälern des 9. Jahrhunderts vom Mittelrhein // *Siedlung, Burg und Stadt. Studien zu ihren Anfängen* / Hrsg. K.-H. Otto, J. Herrmann. Berlin: Akademie Verlag, 1969. S. 498–506.
- Zawadzka-Antosik*, 1987 — *Zawadzka-Antosik B.* Dwie ostrogi z VI–VII wieku z Czekanowa woj. siedleckie // *Wiadomości Archeologiczne*. 1987. Vol. 48, no. 1. S. 119–120.
- Żak*, 1959 — *Żak J.* Najstarsze ostrogi zachodniosłowiańskie (wczesnośredniowieczne ostrogi o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza). Warszawa; Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1959. 171 s.
- Żak*, 1990 — *Żak J.* O chronologii ostróg o zaczepach haczykowatych zagiętych do wnętrza // *Archeologia Polski*. 1990. Vol. 35, no. 1. S. 161–162.
- Żak, Maćkowiak-Kotkowska*, 1988 — *Żak J., Maćkowiak-Kotkowska L.* Studia nad uzbrojeniem środkowoeuropejskim VI–X wieku. Zachodniobałtyjskie i słowiańskie ostrogi o zaczepach haczykowatych zagiętych do wnętrza. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1988. 419 s.

Spurs from Gnezdovo

S. Yu. Kainov, V. V. Novikov²⁸

Keywords: spur, Gnezdovo, Old Rus, Carolingian Empire, Central Europe.

This paper publishes items of horsemen's spurs rare in the territory of Rus of the late 1st millennium AD. These examples were found in the area of the Gnezdovo archaeological complex situated at the upper reaches of the Dnieper where in the 10th century there was the largest early urban centre in Rus. Here, at least five spurs have been found of which four are dated to the last quarter of the 1st millennium AD. A find of a Carolingian spur manufactured at the turn of the 8th/9th centuries is a unique one in the 10th century context. The circumstance and the time of the occurrence of this prestigious object in Rus still are unclear. Of Western origin are also two spurs with a hook end bent inwards. Unfortunately, in one case the context of the finding is unclear while in the second case it does not allow us to date narrowly the item. The majority of parallels of similar spurs are dated to the 8th–9th centuries although some examples come from younger associations. Considering the imported character of the abovementioned spurs it cannot be ruled out that also the fourth find from Gnezdovo also was an imported one. It was revealed among an association of the second half of the 10th century and is marked by roughness of its manufacture. The Gnezdovo collection of spurs of the late 1st millennium AD is the most numerous and representative reflecting the initial period of the penetration by this category of rider's equipment to the territory of Rus where spurs became widespread in the material culture only in the 11th century.

---

²⁸ Sergey Yu. Kainov — State Historical Museum; 1 Red Square, Moscow, 109012, Russia; e-mail: skainov@mail.ru. Vasily V. Novikov — Institute of Ethnology and Anthropology RAS; 15 Savvinskaya nab., Moscow, 119435, Russia; e-mail: vasily.novikov@gmail.com.

Мечи типа «W» на территории Древней Руси

С. С. Зозуля, С. Ю. Каинов¹

Аннотация. Мечи типа «W» по типологии Я. Петерсена относятся к достаточно редким находкам, особенно на территории Восточной Европы. Картографирование материала подтверждает предположение Я. Петерсена о норвежском происхождении мечей этого типа, однако их обнаружение в камерных ингумационных захоронениях в Большом Тимерёво и Шестовице, сопровождавшихся большим разнообразием погребального инвентаря, позволяет пересмотреть предложенную хронологическую локализацию мечей типа «W» для территории Древней Руси.

Ключевые слова: меч, эпоха викингов, Древняя Русь, Большое Тимерёво, Шестовица.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-107-129

Среди всего типового многообразия мечей «эпохи викингов» особняком стоят мечи типа «W». Если для подавляющего количества мечей этого периода характерны навершия и перекрестья, изготовленные из железа, то использование для этих целей цветного металла (серебро, медный сплав) в процентном отношении встречается значительно реже.

Я. Петерсен, предложивший в 1919 г. актуальную до сих пор типологию мечей, отмечал, что для мечей типа «W» характерны детали рукояти, отлитые из сплава на основе меди. Морфологию и орнаментацию мечей этого типа Я. Петерсен определял следующим образом. Навершие полукруглой формы односоставное, украшенное горизонтальными параллельными бороздками, имитирующими деление на две части. В ряде случаев прослежено деление тремя параллельными бороздками головки навершия на три части².

¹ Зозуля С. С., Каинов С. Ю. — Отдел археологических памятников, Государственный исторический музей; Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com; skainov@mail.ru.

² Я. Петерсен указывает, что среди восьми норвежских мечей типа «W» трехчастное деление головки навершия отмечено только у двух экземпляров (Петерсен, 2005. С. 185). Это не соответствует действительности — на навершиях шести мечей (Хюнстад (С16699), Сёрь-Брауд (S2453), Эскендал (B998), Унсёйен (Т305), Брейвол (Т3107), Рюгге (Т208)), отнесенных исследователем

Орнамент на фронтальных поверхностях навершия и перекрестья может быть различным: «в ёлочку»; кружочки, соединенные линиями; короткие поперечные полосы; переплетающиеся линии. В своей монографии автор рассмотрел восемь находок мечей типа «W» с территории Норвегии и один меч из Швеции. На основании картографирования находок (Западная Норвегия и пограничные бюгды Трёнделага) Я. Петерсен предполагал средне- и западнонорвежское происхождение мечей типа «W» (Петерсен, 2005. С. 185).

М. Якобссон в работе 1992 г. учел 13 находок: 9 — в Норвегии, 1 — в Швеции, 1 — в Украине, 2 — в Великобритании (Jakobsson, 1992. S. 213). Вызывает сомнение корректность включения в эту выборку двух мечей, найденных на территории Великобритании³. Наиболее актуальной на настоящее время является сводка мечей типа «W»,

к типу «W» и изображения которых доступны, фиксируется деление головки навершия на три части.

³ По ссылкам в работе Х. Шетелига на с. 21, 22 указан меч (Workington, Lake District, Cumberland), скорее всего, относящийся к типу «X», а на с. 58 упомянуты мечи типов «Y» и «O» (Jakobsson, 1992. P. 213; Shetelig, 1940. P. 21, 22, 58). Нельзя согласиться и с предположением Г. Жабиньского о принадлежности меча, найденного в могильнике Килдоннан на о-ве Эгг (Внутренние Гибриды, Великобритания) к типу «W» (Żabiński, 2007. S. 49, 50, fig. 14). Навершие этого меча двусоставное и изготовлено из железа.

подготовленная Т. Власатым, в которую включено 18 мечей: 9 — в Норвегии, 3 — в Швеции, 1 — в Германии, 2 — в России, 2 — в Украине, 1 — в Литве (*Vlasatý*, 2018)⁴. В эту сводку необходимо добавить еще один меч из Норвегии, найденный в могильнике Кроссдал⁵. Также есть сомнения в правильном типологическом определении обломка навершия из Форсбю (Швеция) (*Андрощук*, 2013. С. 74, 324, табл. 143, b).

Мечи типа «W» обладают схожими технологическими (пустотелое литье) и морфологическими (полукруглое навершие и прямое перекрестие) особенностями деталей рукояти. Навершие одноставное, тремя полукруглыми в сечении валиками, оконтуренными канавками, разделено на две части. По два аналогичных валика расположено на головке навершия, разделяя ее на три части. Один валик расположен по нижнему краю основания навершия и по два валика (иногда по одному) — на нижнем и верхнем краях перекрестия. В ряде случаев на валиках фиксируются вертикальные или наклонные насечки. С нашей точки зрения подобная морфология деталей рукояти и их разделение имитируют более сложные в изготовлении и, соответственно, более дорогие инкрустированные железные детали мечей типа «V» по типологии Я. Петерсена (*Петерсен*, 2005. С. 183, 184, табл. III; *Kainov*, 2012. Fig. 33–36, 39).

Исходя из особенностей орнамента, можно предварительно выделить два *основных* варианта мечей типа «W». Для *варианта 1* характерна орнаментация поверхности деталей в виде горизонтально расположенных зигзагообразных линий (так называемый орнамент «в ёлочку»), нанесенных инструментом типа чекана с рабочим краем в виде пяти маленьких квадратов, расположенных в линию (рис. 1, 1; 2, 1, 1а, 2, 4). Также отличается этот вариант более массивными деталями и более коротким и высоким перекрестием. В основе орнамента *варианта 2* — циркульный орнамент (рис. 1, 2; 2, 7). Как демонстрирует наиболее хорошо сохранившийся меч этого варианта из Сёрь-Брауд (Норвегия) (рис. 1, 2), на фронтальных поверхностях перекрестия и основания навершия циркульный орнамент сгруппирован в чередующиеся пары и одиночные окружности.

⁴ URL: <http://sagy.vikingove.cz/mece-petersenova-typu-w> (дата обращения: 07.12.2021).

⁵ Каталог unimus.no B7154. URL: <https://digitaltmuseum.no/021029832754/sverd> (дата обращения: 08.12.2021).

Окружности между собой соединены гравированной зигзагообразной линией таким образом, что образуются ромбовидные фигуры с окружностями по углам. Циркульный орнамент расположен и на головке навершия. Меч типа «W» из Брейволл (Норвегия), описанный Я. Петерсеном как орнаментированный короткими поперечными полосками можно рассматривать как отдельный вариант, особенно если удастся выявить наличие декора в виде вертикальных, редко расположенных полос, сформированных чеканным орнаментом «волчий зуб».

Меч из Хюннстад (Норвегия), отнесенный Я. Петерсеном к типу «W», по нашему мнению, является самостоятельным типом, возможно, родственным типу «W» (рис. 3, 4). Основное его отличие состоит в ленточной орнаментации в скандинавском стиле Борре, покрывающей все фронтальные поверхности навершия и перекрестия. Детали мечей, украшенные ленточным плетением, различной зооморфной, геометрической и растительной орнаментацией, известны в материалах Балтийского региона (рис. 3, 1–3). Иногда их относят к мечам типа «W», основываясь на общей морфологии и материале изготовления (например: *Tomsons*, 2019. P. 69, 70), что, с нашей точки зрения, ошибочно, и эти экземпляры стоит рассматривать в качестве самостоятельных типов в рамках региональных типологий.

Оригинальная орнаментация деталей мечей типа «W», а также более простая технология их изготовления оказали влияние на поиск новых решений при производстве и декорировании деталей рукоятей других типов мечей. Так, к сожалению, из несанкционированных раскопок на территории Украины происходит навершие, по форме и делению на части валиками повторяющее классические навершия мечей типа «W» (рис. 4, 4). Однако фронтальная поверхность полукруглой детали навершия орнаментирована небольшими точками, сгруппированными на его основании в горизонтально расположенные ромбы. Ромбовидная фигура из точек нанесена и на центральную часть головки. Подобное орнаментальное решение полностью совпадает с декором навершия мечей варианта 4 типа «E» по типологии Я. Петерсена (*Каинов*, 2001. С. 57, 58; *Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 224, 2; 225, 1).

Также примером переосмысления технологических и орнаментальных решений, реализованных

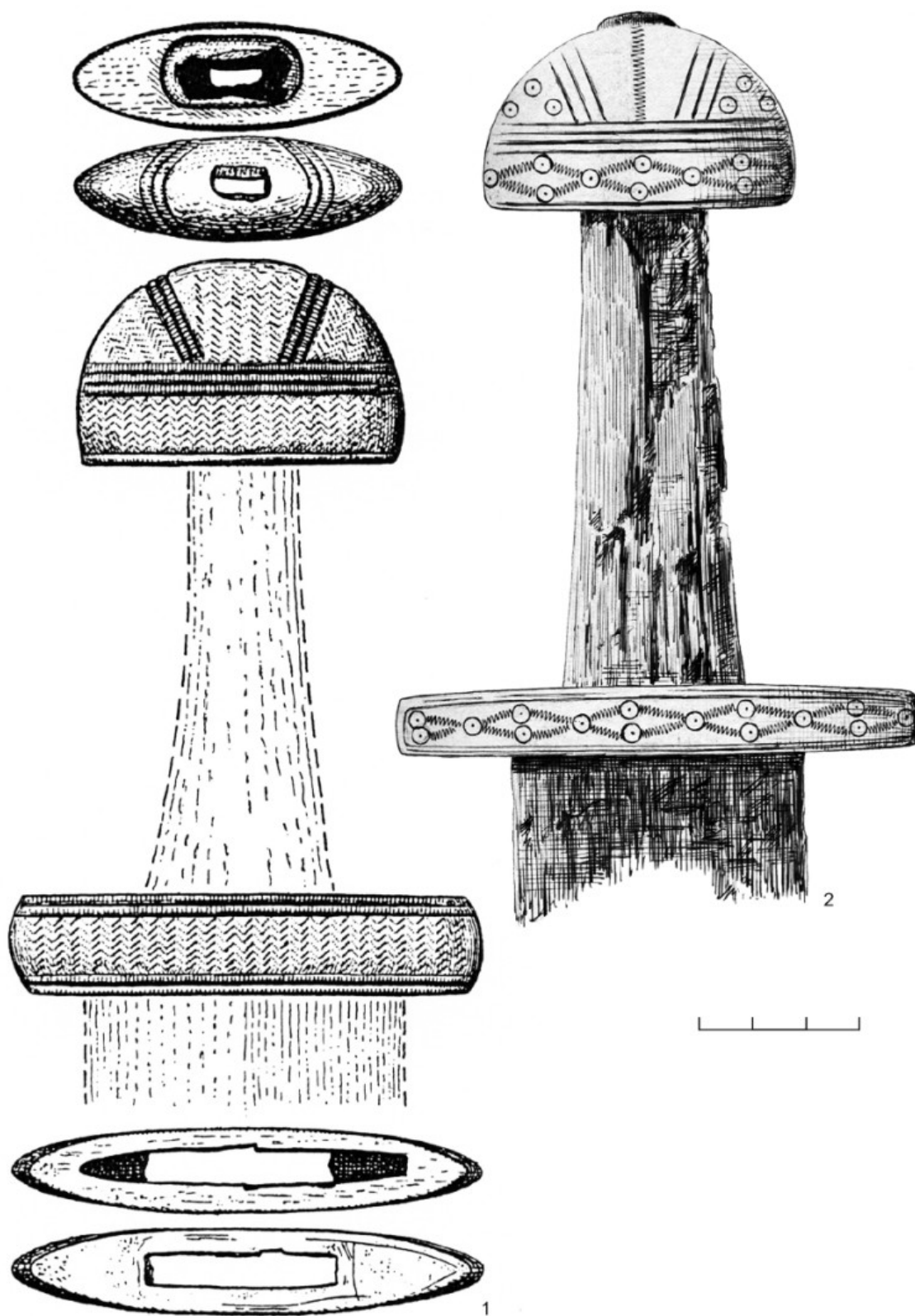

Рис. 1. Основные варианты типа «W»: 1 — вариант 1, Шлезвиг, Германия (*La Vaute*, 1954. Abb. 1); 2 — вариант 2, Сёр-Брауд, Норвегия (портал unimus.no). 1 — цветной металл; 2 — цветной металл, железо, дерево

Fig. 1. Main variants of type W swords: 1 — variant 1, Schleswig, Germany (*La Vaute*, 1954. Abb. 1); 2 — variant 2, Sør Braud, Norway (portal unimus.no). 1 — nonferrous metal; 2 — nonferrous metal, iron, wood

в типе «W», является меч из Бене Кайдзюкрогс (Bēnes Kaijokrogs) (Латвия) (Tomsons, 2019. P. 46, att. 10, 7) (рис. 4, 3). По форме перекрестие и двусоставное навершие полностью идентичны деталям рукоятей мечей типа «I» (родственного типу «H»), но изготовлены из медного сплава (Петерсен, 2005. С. 125–135). Верхний и нижний края перекрестия оконтурены двойными валиками, проработанными косой насечкой. Один валик с насечками расположен и на верхнем крае основания навершия. Такие валики, представляя собой имитацию жгутика, скрученного из двух проволок, как уже отмечено, характерны для мечей типа «W». Поверхность перекрестия и навершия покрыта Г-образными «галочками», обращенными углом вверх. Подобная орнаментация очень напоминает декор поверхности мечей варианта 1 типа «W», хотя выполнена значительно более грубо. Фрагмент основания навершия подобного меча известен из раскопок великоморавского городища Поганьско (Чехия), еще один фрагмент основания происходит из несанкционированных раскопок на территории России (?) (Kosta i in., 2019. S. 215, 216, obr. 57, 58) (рис. 4. 1, 2). Зигзагообразный орнамент на поверхности последней детали аналогичен орнаментации мечей варианта 1 типа «W» и выполнен при помощи чекана с рабочим краем в виде пяти квадратиков. Рентгенофлуоресцентный анализ выявил, что обе детали были отлиты из многокомпонентной бронзы (оловянно-свинцовая бронза с примесью цинка), что может свидетельствовать об изготовлении в одной мастерской (Ibid. S. 215)⁶.

Таким образом, по уточненным данным к настоящему моменту к типу «W», по нашему мнению,

⁶ Результаты анализа детали, предположительно происходящей с территории России: Cu — 65,07 %, Pb — 24,79 %, Sn — 5,95 %, Zn — 3,51 %. Анализ выполнен на спектрометре M1 Mistral (Bruker).

Рис. 2. Мечи типа «W»: 1 — Шлезвиг, Германия (1a — чеканный орнамент на поверхности перекрестия); 2 — Вамбейм, Норвегия; 3 — Брейволл, Норвегия; 4 — Эксендал, Норвегия; 5 — Эстерьетланд, Швеция; 6 — Рюгге, Норвегия; 7 — Унсёйен, Норвегия (1 — Müller-Wille, 1977. Abb. 19, 1, 2; 2 — портал unimus.no; 3, 6, 7 — фото Ole Bjørn Pedersen, портал unimus.no; 4 — фото Svein Skare, портал unimus.no; 5 — портал Шведского Исторического музея, URL: <http://kulturarvsdata.se/shm/object/html/603126> (дата обращения: 10.12.2021). 1–2, 4–6 — цветной металл; 3, 7 — цветной металл, железо

Fig. 2. Type “W” swords: 1 — Schleswig, Germany (1a — embossed design on the surface of the guard); 2 — Vambeim, Norway; 3 — Breivoll, Norway; 4 — Øksendal, Norway; 5 — Östergötland, Sweden; 6 — Rygge, Norway; 7 — Onsøyen, Norway (1 — Müller-Wille, 1977. Abb. 19, 1, 2; 2 — portal unimus.no; 3, 6, 7 — photo by Ole Bjørn Pedersen, portal unimus.no; 4 — photo by Svein Skare, portal unimus.no; 5 — portal of the Swedish Historical Museum, URL: <http://kulturarvsdata.se/shm/object/html/603126> (accessed 10.12.2021). 1–2, 4–6 — nonferrous metal; 3, 7 — nonferrous metal, iron

стоит относить 17 находок: 9 — в Норвегии, 2 — в Швеции, 1 — в Германии, 2 — в России, 2 — в Украине, 1 — в Литве⁷ (рис. 5). Орнаментальные особенности позволяют выделить два основных варианта этого типа: вариант 1 с зигзагообразным узором, вариант 2 — с циркульным. Отметим, что не все известные мечи укладываются в эти два варианта. Дальнейшее изучение в первую очередь норвежского материала, возможно, позволит выделить еще несколько разновидностей. Мечи типа «W» повлияли на появление гибридных образцов рукоятей мечей — «W/E»⁸ (1 — в Украине) и «I/W»⁹ (1 — в Латвии, 1 — в России (?), 1 — в Чехии). Также нельзя исключать, что общая морфология и технология изготовления послужили основой для возникновения новых типов рукоятей мечей, украшенных плетеным, геометрическим и зооморфным орнаментами.

Затрагивая проблему хронологической локализации мечей типа «W», Я. Петерсен отмечал, что «у нас очень мало материала для разрешения хронологического вопроса». Опираясь на предложенную им самим датировку наконечников копий типа I первой половиной X в., а также декора «в ёлочку», аналогичного, по мнению исследователя,

⁷ З. Вински ошибочно относил к типу «W» меч из Нови-Бечей (Сербия), детали рукояти которого изготовлены из железа и отличаются по форме (Vinski, 1983. S. 11, 16, tab. II, 1).

⁸ От типа «W» — форма и деление на части, от типа «E» — орнаментация. Это навершие интересно и с точки зрения хронологии. Как уже отмечалось, орнаментация навершия схожа с декором самого позднего варианта типа «E-4». Видимо, мастер, изготавливавший мечи типа «W», видел мечи варианта «E-4». К сожалению, предложить узкую дату для этого варианта в настоящий момент не представляется возможным.

⁹ От типа «I» — форма и двухчастная структура, от типа «W» — орнаментация.

Рис. 3. Детали рукояти мечей, отлитые из медного сплава: 1 — Саксукалнс Сигулды (Siguldas Saksukalns), Латвия (Tomsons, 2019. Att. 35, 1); 2 — Сильмалциемс Ужавы (Užavas Silmalciems), Латвия (Tomsons, 2019. Att. 61, 1); 3 — Кулламаа Майдла (Kullamaa Maidla), Эстония (Jets, 2013. Joonis 29); 4 — Хюннстад, Норвегия (Olav Heggø, портал unimus.no). 1-3 — цветной металл; 4 — цветной металл, железо

Fig. 3. Parts of sword hilts cast from a copper alloy: 1 — Siguldas Saksukalns, Latvia (Tomsons, 2019. Att. 35, 1); 2 — Užavas Silmalciems, Latvia (Tomsons, 2019. Att. 61, 1); 3 — Kullamaa Maidla, Estonia (Jets, 2013. Joonis 29); 4 — Hundstad, Norway (Olav Heggø, portal unimus.no). 1-3 — nonferrous metal; 4 — nonferrous metal, iron

Рис. 4. Гибридные варианты: 1–3 — тип «I/W» (1 — Поганьско, Чехия (*Košta i in.*, 2019. Obr. 57, 8); 2 — территория России (?) (фото С. Ю. Каинова); 3 — Бене Кайдзюкрогс (Bēnes Kaijukrog), Латвия (*Tomsons*, 2019. Att. 10, 7)); 4 — тип «W/E» (территория Украины). 1, 2, 4 — цветной металл; 3 — цветной металл, железо

Fig. 4. Hybrid variants: 1–3 — type “I/W” (1 — Pohansko, Czechia (*Košta i in.*, 2019. Obr. 57, 8); 2 — territory of Russia (?) (photo by S. Yu. Kainov); 3 — Bēnes Kaijukrog, Latvia (*Tomsons*, 2019. Att. 10, 7)); 4 — type “W/E” (territory of Ukraine). 1, 2, 4 — nonferrous metal; 3 — nonferrous metal, iron

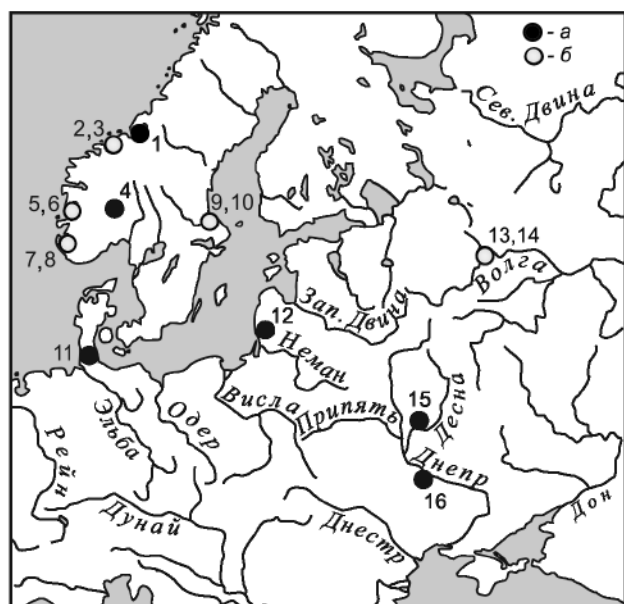

Рис. 5. Находки мечей типа «W» (Jakobsson, 1992. S. 28, с дополнениями): 1 — Фроста (Frosta); 2 — Бувикен (Buviken); 3 — Афьорд (Aafjorden); 4 — Ульвик (Ulvik); 5 — Хозангер (Hosanger); 6 — Кроссдаль (Krossdalu); 7 — Клепп (Klepp); 8 — Лунде Нордре (Lunde Nordre); 9 — Остведа (Östveda); 10 — Форсби (Forsby); 11 — Шлезвиг (Schleswig); 12 — Бикавенай (Bikavénai); 13, 14 — Большое Тимерёво; 15 — Шестовица; 16 — Черкассы. Условные обозначения: а — один экземпляр; б — два экземпляра

Fig. 5. Finds of type “W” swords (Jakobsson, 1992. S. 228, with additions): 1 — Frosta; 2 — Buviken; 3 — Aafjorden; 4 — Ulvik; 5 — Hosanger; 6 — Krossdalu; 7 — Klepp; 8 — Lunde Nordre; 9 — Östveda; 10 — Forsby; 11 — Schleswig; 12 — Bikavénai; 13–14 — Bolshoye Timerevo; 15 — Shestovitsa; 16 — Cherkassy. Keys: a — one item; б — two items

орнаментике одного из мечей типа «Р», некоторых мечей типа «I» и наконечников копий типа «К», Я. Петерсен относит мечи типа «W» «прежде всего к первой половине X века», тем самым не исключая и более позднюю датировку (Петерсен, 2005. С. 186). Б. Солберг, подробно изучив норвежские наконечники копий, пришла к выводу, что вариант наконечников копий типа «I» с «коротким пером и компактной втулкой» существует и во второй половине X в. (Solberg, 1984. P. 95).

М. Якобссон относит мечи типа «W» к первой половине X в., вероятно, просто повторяя датировку, предложенную Я. Петерсеном (Jakobsson, 1992. P. 213). Погребение 86 литовского могильника Бикавенай, в котором найден меч

типа «W», датируется широко — в пределах всего X в. (Kazakevičius, 1996. С. 157).

С учетом отмеченной Я. Петерсеном слабости доказательной базы хронологической локализации типа «W», важное значение имеют находки мечей этого типа на территории Древней Руси, в большинстве своем происходящие из закрытых комплексов, многочисленный инвентарь которых позволяет более обоснованно говорить о хронологии.

В настоящей статье актуализируется информация о находках мечей типа «W», сделанных на территории современных России и Украины. Известно четыре экземпляра мечей этого типа. Один меч происходит из кургана 42 могильника Шестовица (Черниговская обл., Украина), еще два найдены в курганах 100 и 287 Тимерёвского могильника (Ярославская обл., Россия), меч с навершием типа «W» обнаружен в р. Днепр в районе г. Черкассы (Черкасская обл., Украина).

Курган 42 в Шестовице раскопан в 1925 г. П. И. Смоличевым (курган X по нумерации автора раскопок). Размеры кургана составляли 1,8 м в высоту и 13,5 м в диаметре. Под насыпью найдено парное камерное ингумационное погребение мужчины и женщины, сопровождавшееся захоронением коня, богатым и разнообразным инвентарем. Меч в ножнах, снабженный наконечником, располагался в головах покойных (Блифельд, 1977. С. 138–141, 200, 201; Черненко, 2007. С. 58, 59, рис. 39, 3; 40, 1–3, 7; 41, 42; 43, 1–6, 12; 44, 1; 45, 3–4; 2009; Андросчук, Зоценко, 2012. С. 206–212; Михайлов, 2016. С. 217; Меч и златник, 2012. С. 99, 100; Arne, 1931). Пышный обряд и неординарный инвентарь погребения не раз описывались авторами как в общих работах (Медведев, 1966. С. 38, № 81; Кирпичников, 1973. С. 35, 36; Андросчук, 1999; Комар, 2012. С. 345–347, рис. 9, 12, 13¹⁰), так и в посвященных более узким темам (Савин, Семёнов, 1992; Скороход, 2012; Терещенко, 2012).

Общая длина меча на момент находки составляла 88¹¹ см (в настоящее время — 79,6 см)

¹⁰ Оригинальная гипотеза была предложена В. И. Кулаковым, который высказал мнение, что в кургане 42 похоронен вождь-жрец, выходец с берегов Балтики или из земли пруссов. Меч с деталями из медного сплава исследователь с нашей точки зрения ошибочно считал не боевым оружием, а предметом, имевшим ритуальное значение (Кулаков, 1990. С. 112–115).

¹¹ Длина меча 88 см и ширина 5,5 см указана в описи находок, подготовленной автором раскопок

(рис. 6). Длина клинка — 73,5 см (в настоящее время — около 65 см). Ширина клинка у перекрестия — 60 мм. Длина рукояти (расстояние между перекрестием и навершием) — 87 мм. Перекрестие: длина — 88 мм, высота — 18 мм, толщина — 14 мм. Длина навершия — 62 мм, высота — 39 мм, толщина — 17 мм¹².

Детали рукояти относятся к варианту 1 типа «W». Навершие меча тремя валиками, подчеркнутыми канавками, разделено на основание и головку; последняя, в свою очередь, разделена парными валиками на центральную и две боковые части. Поверхность перекрестия, основания навершия и частично головки покрыта чеканным зигзагообразным орнаментом¹³ (Блифельд, 1977. С. 139, 140). Нижний край основания навершия оконтурен выступающим валиком. По два таких валика расположено по нижнему и верхнему краям перекрестия.

Меч был найден в деревянных ножнах, снабженных наконечником (Там же. Рис. 20). Он относится к группе наконечников с мотивом «человеческой фигуры», варианту с «зооморфной личиной»¹⁴ по типологии С. Ю. Каинова, разработанной на основе находок наконечников ножен мечей из Гнёздова (Каинов, 2009. С. 97–101). В своем исследовании ажурных наконечников ножен Н. В. Ениосова приходит к выводу, что наконечники этого типа изготавливались в Скандинавии во второй половине X в. (Ениосова, 1994. С. 106).

Курган 100 Тимерёвского могильника раскопан Ярославской экспедицией ГИМ под руководством М. В. Фехнер в 1974 г. Камерный обряд погребения и представительный состав инвентаря заставляет исследователей регулярно привлекать материалы погребения к решению самых разнообразных вопросов (Фехнер, Янина, 1978; Недошивина, Фехнер, 1985. С. 108; Фехнер, Недошивина,

П. И. Смоличевым, а также в монографии Д. И. Блифельда (Черненко, 2009. С. 102; Блифельд, 1977. С. 139). В каталоге А. Н. Кирпичникова длина меча — 89 см, а ширина — 6 см (Кирпичников, 1966. С. 82).

¹² Меч хранится в Черниговском областном историческом музее им. В. Тарновского (Инв. № А(3-24)/3).

¹³ Орнамент нанесен чеканом, с рабочим краем в виде пяти маленьких квадратов, расположенных в линию.

¹⁴ Что соответствует группе «наконечников со звериным мотивом балтийского региона» (II.3), по П. Паульсен, и типу А-I-1, по Н. В. Ениосовой (Paulsen, 1953. С. 49, 52; Ениосова, 1994. С. 114).

Рис. 6. Меч типа «W» из кургана 42 Шестовицкого могильника: 1 — общий вид; 2 — рукоять; 2a — макроснимок орнамента навершия (Черниговский областной исторический музей им. В. В. Тарановского, фото А. В. Терещенко). 1, 2 — железо, цветной металл

Fig. 6. Sword of type “W” from barrow 42 of the Shestovitsa cemetery: 1 — general view; 2 — hilt; 2a — macro photo of the design of the pommel (V. V. Taranovskiy Chernigov Oblast Historical Museum, photo by A. V. Tereshchenko). 1, 2 — iron, nonferrous metal

1987. С. 70, рис. 1; 2; 5; Недошивина, 1991; Дубов, Седых, 1993; Дубов, 1999; Седых, 2006; Зозуля, 2007; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 183, 184, рис. 3–6; Михайлов, 2016. С. 222, 223; Зозуля, 2014а; 2014б; 2018). Курган диаметром 13–14 м и высотой 1 м, кроме остатков впускного погребения, нарушенного любительскими (?) раскопками, содержал парное камерное погребение с двумя конями и богатым сопутствующим инвентарем. По мнению М. В. Фехнер, обнаружение шести ладейных заклепок и обгорелых плах в насыпи кургана позволяет предполагать, что погребение сопровождалось сожжением ладьи или ее части (Зозуля, 2014б. С. 235).

Сохранившийся целиком меч в ножнах, вероятно, лежал вдоль правого плеча погребенного мужчины. Общая длина меча — 94,2 см, высота рукояти — 14,2 см¹⁵ (рис. 7, 1).

Детали рукояти относятся к варианту 2 типа «W». Длина навершия — 5,9 см, высота — 3,3 см, ширина — 1,8 см (рис. 7, 2). Навершие четырьмя гравированными линиями разделено на основание и головку, в свою очередь, также орнаментально разделенную на три части (рис. 7, 3–5). Навершие крепится на черене клинка, который проходил сквозь него и расклепывался. Под расклеп, вероятно, была подложена железная подкладка прямоугольной формы размерами 17 × 8 мм. В верхней части навершия есть отверстие, которое, скорее всего, образовалось в результате некачественного пролива металла при изготовлении этой детали, или же это результат долгого использования меча. В отверстие видно, что навершие пустотелое (рис. 7, 4). Перекрестие прямое, в плане ладьевидной формы (рис. 7, 6). Длина перекрестия — 9,5 см, высота — 1,3 см, ширина — 2,2 см. В боковой части детали фиксируется «раковина» от непролива.

На перекрестии и основании навершия расположен циркульный орнамент (рис. 7, 7). Насколько позволяет судить плохая сохранность поверхности деталей, декор перекрестия и основания схож — чередующиеся пары и одиночные окружности. Диаметр окружностей — около 3,5 мм, диаметр центральной точки — 1 мм. Две очень плохо сохранившиеся симметрично расположенные окружности различимы на центральной части головки навершия, что позволяет предполагать, что орнаментальная композиция на деталях рукояти была более сложной, чем фиксируемая в настоящее время. Рисунок на одной стороне деталей рукояти сохранился более отчетливо. Стертость орнамента на обратной стороне

свидетельствует как о том, что именно эта сторона меча прилегалась к одежде владельца, так и о длительном использовании меча.

Расстояние между навершием и перекрестием — 9,5 см. На черене клинка фрагментарно сохранилось дерево от обкладок рукояти (рис. 8, 1). В сечении хват рукояти был овальной формы. Его параметры сечения около навершия — 1,2 × 3,0 см, около перекрестия — 1,7 × 3,5 см. Предположительно дерево рукояти было обтянуто кожей.

Как уже отмечалось, меч был найден в ножнах (рис. 8, 2). Длина ножен — около 80 см, ширина у перекрестия — около 6,5 см. Ножны изготовлены из дерева, возможно, были покрыты кожей, незначительные фрагменты которой сохранились у перекрестия. Никаких слоев меха, как, например, в ножнах некоторых мечей из Гнёздова, не выявлено (Kainov, 2012. S. 53).

А. Н. Кирпичниковым на одной стороне клинка было расчищено клеймо в виде латинской буквы «С», на другой — «по-видимому, крест» (Кирпичников, 1992. С. 80). С нашей точки зрения, плохая сохранность клинка позволяет не исключать изначально более сложное клеймо (рис. 9).

Курган 287 раскопан в 1975 г. силами учащихся ярославских средней школы и техникума, а также пожарников Нефтеперегонного завода под руководством М. В. Фехнер (см. приложение). Высота насыпи составляла 1,3 м при диаметре 9,45–10,1 м. Погребальный инвентарь и антропологические определения позволяют заключить, что в кургане были кремированы взрослый человек (мужчина?) и подросток/ребенок. Погребения людей сопровождало сожжение лошади и птицы.

При частичной публикации инвентаря этого погребения было указано, что оно содержало только фрагменты навершия меча типа «W» (Недошивина, 1991. С. 166). Среди оплавленных фрагментов изделий¹⁶ авторам настоящей статьи

¹⁵ Меч хранится в собрании отдела археологических памятников Государственного исторического музея (ГИМ 103390. Оп. В 2129/146).

¹⁶ Всего в коллекции представлено 86 фрагментов оплавленных изделий из цветного металла общим весом 31,93 г.

Рис. 7. Меч типа «W» из кургана 100 Тимерёвского могильника: 1 — общий вид; 2 — рукоять (ГИМ, фото С. Ю. Каинова, С. С. Зозули); 3 — рукоять (рисунок А. С. Деметьевой); 4 — навершие; 5 — макроснимок орнаментации навершия; 6 — перекрестие; 7 — макроснимок орнаментации перекрестия. Макроснимки выполнены на стереомикроскопе Carl Zeiss Stemi 2000C. 1–3 — железо, цветной металл, дерево; 4–7 — цветной металл

Fig. 7. Sword of type “W” from barrow 100 of the Timerevo cemetery: 1 — general view; 2 — hilt (State Historical Museum, photo by S. Yu. Kainov and S. S. Zozulya); 3 — hilt (drawing by A. S. Demytyeva); 4 — pommel; 5 — macro photo of the design of the pommel; 6 — guard; 7 — macro photo of the design of the guard. The macro photos were taken using a stereo microscope Carl Zeiss Stemi 2000C. 1–3 — iron, nonferrous metal, wood; 4–7 — nonferrous metal

Рис. 8. Меч типа «W» из кургана 100 Тимерёвского могильника: 1 — фрагменты дерева на рукояти; 2 — фрагменты дерева на клинке (ГИМ, фото С. Ю. Каинова). 1, 2 — железо, цветной металл, дерево

Fig. 8. Sword of type “W” from barrow 100 of the Timerevo cemetery: 1 — wooden fragments on the hilt; 2 — wooden fragments on the blade (State Historical Museum, photo by S. Yu. Kainov). 1, 2 — iron, nonferrous metal, wood

удалось выявить перекрестие меча, ранее ошибочно интерпретированное как фрагмент скорлупообразной фибулы.

Навершие и перекрестие отлиты из свинцовой латуни¹⁷ (табл. 1). Навершие сильно оплавлено, тем не менее сохранность позволяет зафиксировать большинство морфологических и орнаментальных особенностей (рис. 10, 1, 2).

¹⁷ Фрагменты деталей меча хранятся в собрании отдела археологических памятников Государственного исторического музея (ГИМ 103676. Оп. В 2284/99, 107).

Реконструируемые длина — 6 см, высота — 3,8 см, ширина по основанию — 1,8 см, вес составляет 27,87 г. Деталь пустотелая, с толщиной стенок 1,5–2,5 мм. Три выступающими валиками навершие разделено на основание и головку, в свою очередь головка парами валиков разделена на три части. На валиках нанесены косые насечки (рис. 10, 1а), видимо, имитирующие скрученную проволоку, которая помещалась между основанием и головкой навершия, а также в канавки, делящие головку на три части, например, у мечей типа «V» и др. Выступающий валик расположен и по краю основания навершия. Поверхность основания навершия покрыта зигзагообразным чеканным орнаментом. Причем зигзагообразные линии ориентированы вертикально, а не горизонтально, как на деталях мечей варианта 1 (рис. 10, 1б). Чеканный (или гравированный) узор нанесен на центральную и боковые части головки навершия. На центральной части головки также фиксируется циркульный орнамент — четыре (?) расположенные попарно окружности диаметром 5 мм. Орнаментирована и торцевая сторона навершия — по периметру расположен зигзагообразный чеканный (или гравированный¹⁸) орнамент, дополненный циркульным.

Перекрестие сохранилось в виде нескольких очень сильно оплавленных и деформированных фрагментов весом 3 г (рис. 10, 3, 4). Восстанавливается только высота детали — 1,5 см. Верхний и нижний края изделия подчеркнуты выступающими валиками. Лицевая поверхность украшена чеканным зигзагообразным узором, аналогичным орнаменту на навершии.

Детали рукояти, исходя из вертикальной зигзагообразной орнаментации поверхности, нельзя отнести к варианту 1 типа «W». Подобный рисунок сближает тимерёвскую находку с мечом из Брейволл, хотя есть и очевидные различия (более плотное расположение орнамента, наличие циркульного декора). Более результативный поиск аналогий станет возможен после полной публикации норвежских мечей этого типа.

Н. Г. Недошивина предполагала, что умерший был сожжен с целым мечом, а потом клинок вместе с другим инвентарем был вынут и «по широко распространенному» (?) в то время обычаю был зарыт в верхней части насыпи, разрушенной предыдущими раскопками (Недошивина, 1991. С. 166, 167). Несколько иного мнения придерживался

¹⁸ Выяснить это не позволяет сохранность сильно поврежденной огнем поверхности деталей.

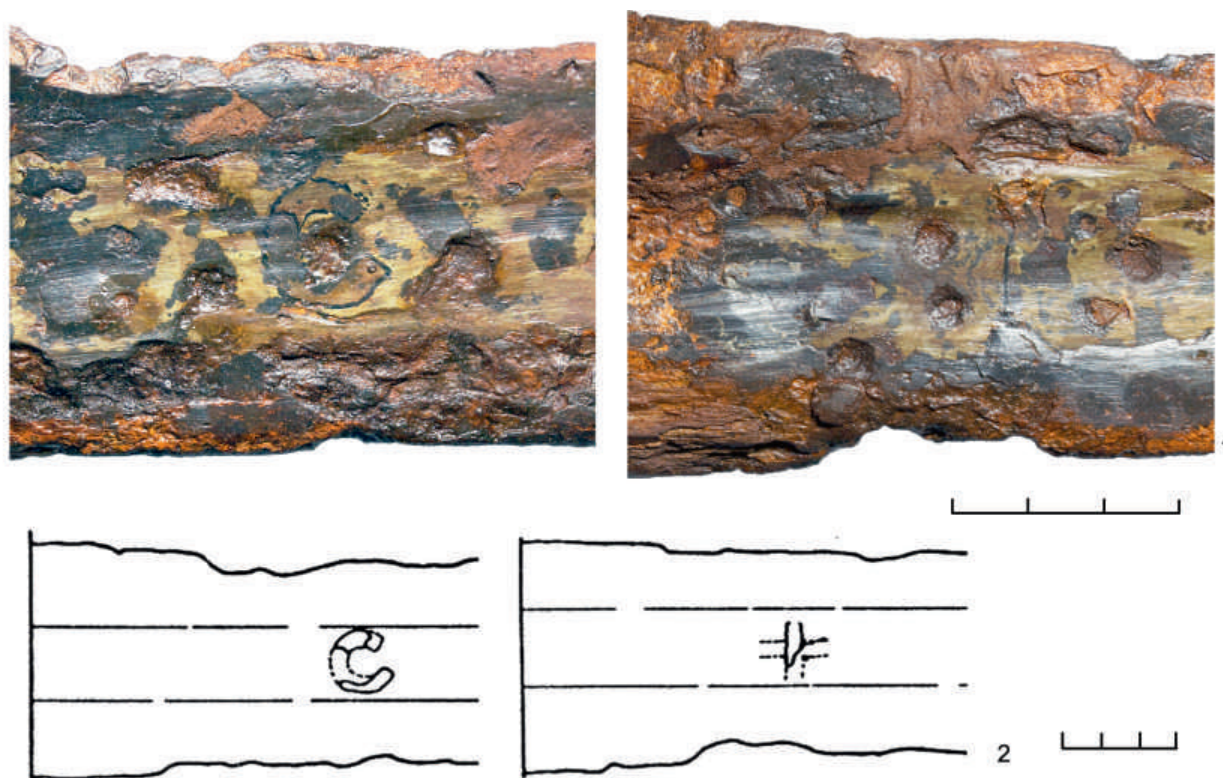

Рис. 9. Меч типа «W» из кургана 100 Тимерёвского могильника: 1 — клейма на клинке (ГИМ, фото С. Ю. Каинова); 2 — клейма на клинке, прорисовка (Кирпичников, 1992). 1, 2 — железо

Fig. 9. Sword of type “W” from barrow 100 of the Timerevo cemetery: 1 — stamps on the blade (State Historical Museum, photo by S. Yu. Kainov); 2 — stamps on the blade, drawing (Кирпичников, 1992). 1, 2 — iron

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа навершия и перекрестия меча из кургана 287 Большого Тимерёва (рис. 10, 5, 6)*

Table 1. Results of X-Ray fluorescent analysis of the pommel and cross-guard of the sword from barrow 287 at Bolshoye Timerevo

Часть меча	Содержание металла, %									
	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	Fe	Ni	Hg
Навершие	78,22	0,39	18,66	1,24	0,08	0,28	0,06	1,07	–	–
Перекрестие	86,23	0,31	10,94	1,23	0,05	0,23	0,04	0,93	0,02	0,03

* Анализы выполнены А. О. Шевцовым на спектрометре M1 Mistral (Bruker).

Я. Петерсен. Три из восьми норвежских мечей типа «W» сохранились вместе с клинками, еще в трех случаях в погребениях обнаружены только навершия, в одном случае — перекрестие¹⁹. Такая комплектность деталей мечей позволила Я. Петерсену сделать предположение, что в погребениях могли помещать отдельные части данного

¹⁹ Вероятно, Я. Петерсен не учитывал меч под номером T1830, место находки которого неизвестно, так как в тексте описывается только семь мечей, а в каталоге находок — восемь.

холодного оружия (Петерсен, 2005. С. 185). Нельзя исключать, что с аналогичным случаем мы сталкиваемся и на примере кургана 287.

В 1966 г. в Днепре, во время работы земснаряда в районе Черкасского сахарорафинадного завода, был обнаружен сохранившийся целиком меч²⁰. Его общая длина — 91,7 см, длина клинка — 77 см, ширина клинка — 5 см, длина черена рукояти — 8,7 см. Длина навершия — 4,7 см, длина

²⁰ Меч хранится в Черкасском краеведческом музее (А-682).

перекрестия — 10 см, высота перекрестия — 1,1 см, толщина — 2,1 см (рис. 11). На перекрестии сохранилась инкрустация. находка была опубликована в каталоге скандинавских древностей с территории Украины, составленным Ф. Андрощуком и В. Зоценко (Андрощук, Зоценко, 2012. С. 120, 121, рис. 84, а, б). Тип меча исследователями был определен как «V» по типологии Я. Петерсена. Это определение, по крайней мере в отношении навершия меча, ошибочно. На фотографиях отчетливо видно, что деталь пустотелая и изготовлена из цветного металла (рис. 11, 2). Орнаментально навершие разделено на основание и головку, которая, в свою очередь, делится на три части. Один валик, сверху оконтуренный канавкой, фиксируется на нижнем крае основания навершия. Морфология, материал изготовления и орнаментальное решение позволяют отнести навершие меча к типу «W». Вариант определить в данном случае затруднительно, необходимо визуальное обследование меча.

Одной из основных задач данной статьи является уточнение хронологии мечей типа «W» на территории Древней Руси. А. Н. Кирпичников, у которого на момент написания монографии в распоряжении была информация только об одном мече этого типа (Шестовицы, курган 42), относил бытование мечей типа «W» на древнерусской территории в целом к X в. (Кирпичников, 1966. С. 33).

Богатый погребальный инвентарь захоронений в курганах 100 из Тимерёва и 42 из Шестовицы позволяет исследователям датировать их с разной степенью точности. Ко второй половине X в. относил погребение один из самых авторитетных исследователей шестовицкого комплекса — Д. И. Блифельд (Блифельд, 1977. С. 62). Опираясь на датировки ряда находок «Балтийского субрегиона», В. И. Кулаков датировал сооружение кургана 42 второй половиной X — рубежом X/XI вв. (Кулаков, 1990, С. 115). Ф. А. Андрощук считал, что курган 42 воздвигнут в 950–960-х гг. (Андрощук, 1999. С. 54). В недавно вышедшей обобщающей монографии, посвященной погребениям

в деревянных камерах, К. А. Михайлов пришел к выводу, что «по совокупности всех находок комплекс может датироваться не ранее 960–970-х гг.» (Михайлов, 2016. С. 151). В Тимерёвском кургане 100 обнаружены шесть целых и одна половинка дирхема. Младшей монетой является дирхем 976 г., отчеканенный в аш-Шаше при правлении эмира Мансура ибн-Нуха (Фехнер, Янина, 1978. С. 189, 192). Следовательно, захоронение можно отнести к последней четверти X в.²¹

Оснований для узкой датировки захоронения 287 Тимерёвского некрополя по материалам погребального обряда (рис. 12²²) и инвентаря немного, и они противоречивы (рис. 13). Наконечник стрелы, найденный в погребении (рис. 13, 13), относится к варианту 2 типа 15 по типологии А. Ф. Медведева (Медведев, 1966. С. 59). Этот вариант исследователь относил к IX — началу X в. Надо подчеркнуть, что эта дата предложена на основании датировки всего трех наконечников. Тем не менее один из них найден в расположенном недалеко от Большого Тимерёва Петровском могильнике, в кургане 73, в составе погребального инвентаря которого присутствовала овальная односкорлупная фибула типа 37 по типологии Я. Петерсена²³. Датировка таких фибул тяготеет к IX в., но на территории Древней Руси известна как минимум одна находка фибулы типа 37 в комплексе первой половины — середины X в. —

²¹ В историографии встречаются несколько разнящиеся точки зрения на датировку комплекса, в целом не противоречащие друг другу (Зозуля, 2017. С. 82).

²² Оригинал чертежа из собрания НВА ГИМ перебелен с помощью компьютерной программы Corel DRAW Graphics Suite 2018.

²³ На конференции, посвященной 50-летию музея-заповедника «Старая Ладога», проходившей 23–24 октября 2021 г., прозвучал доклад В. Н. Седых и Я. В. Френкеля «Каменные бусы Тимерёвского кургана раскопок 1990 г.: хронологический аспект», в котором авторы пришли к выводу о том, что находки фибул типа 37, по Я. Петерсену, на древнерусской территории не являются основанием для датировки захоронений IX в.

Рис. 10. Меч типа «W» из кургана 287 Тимерёвского могильника: 1 — навершие (фото); 1а — макроснимок валиков, разделяющих навершие; 1б — макроснимок зигзагообразного орнамента на основании навершия; 2 — навершие (рисунок); 3 — перекрестие (фото); 4 — перекрестие (рисунок); 5, 6 — результаты рентгенофлуоресцентного анализа. 1, 3 — ГИМ, фото С. С. Зозули; 2, 4 — рисунок А. С. Дементьевой. 1–4 — цветной металл
Fig. 10. Sword of type «W» from barrow 287 of the Timerevo cemetery: 1 — pommel (photo); 1a — macro photo of the cylinders dividing the pommel; 1b — macro photo of the zigzag design at the base of the pommel; 2 — pommel (drawing); 3 — guard (photo); 4 — guard (drawing); 5, 6 — results of X-ray fluorescent analysis. 1, 3 — State Historical Museum, photo by S. S. Zozulya; 2, 4 — drawing by A. S. Dementyeva. 1–4 — nonferrous metal

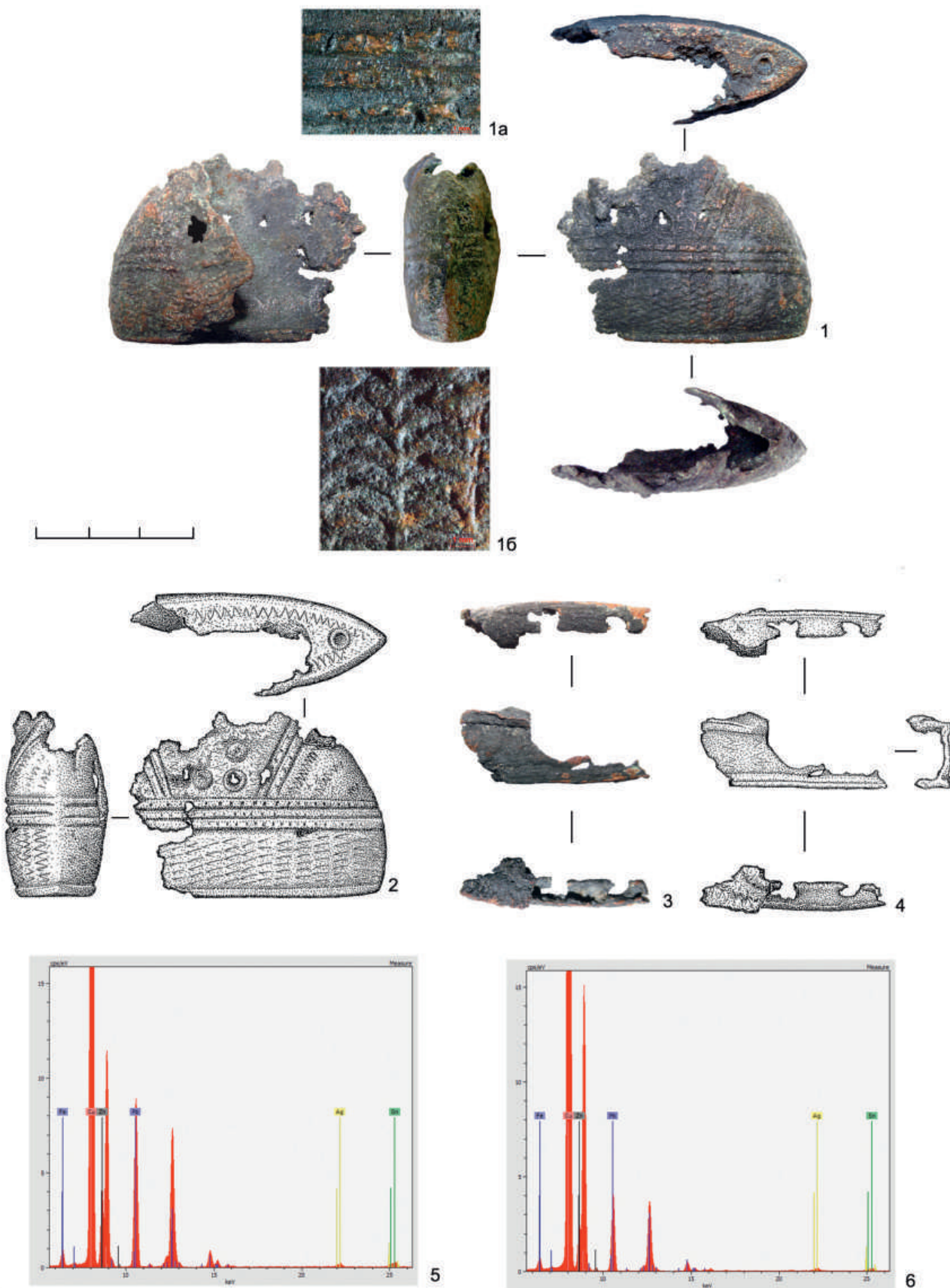

Рис. 11. Меч с навершием типа «W», найденный в р. Днепр в г. Черкассы: 1 — рукоять; 2 — вид навершия снизу (Черкасский краеведческий музей, фото А. Ю. Щедриной). 1, 2 — железо, цветной металл

Fig. 11. Sword with type “W” pommel found in the Dnieper River at the city of Cherkassy: 1 — hilt; 2 — view of the pommel from below (Cherkassy Museum of Local Lore, photo by A. Yu. Shchedrina). 1, 2 — iron, nonferrous metal

курган Лб-1/1987 Гнёздовского могильника²⁴ (Ярославское Поволжье..., 1963. С. 82; Пушкина, 1993. С. 114; Каинов, 2018. С. 228, 229). При определении хронологии тимерёвского кургана 287 стоит отметить, что набор пуговиц в количестве шести штук дает возможность предполагать, что погребенный мог быть одет в кафтан. Насколько позволяют судить материалы так называемых дружинных некрополей, этот вид распашной одежды входит в моду среди древнерусской элиты во второй половине X в. Пуговицы относятся к двум типам: полые шаровидные тисненые из двух половинок (2 экз.) и биконические цельнолитые (4 экз.), две из которых орнаментированы

²⁴ Нижнюю хронологическую границу комплекса определяет находка фрагментов овальной фибулы типа 2 по типологии Я. Петерсена.

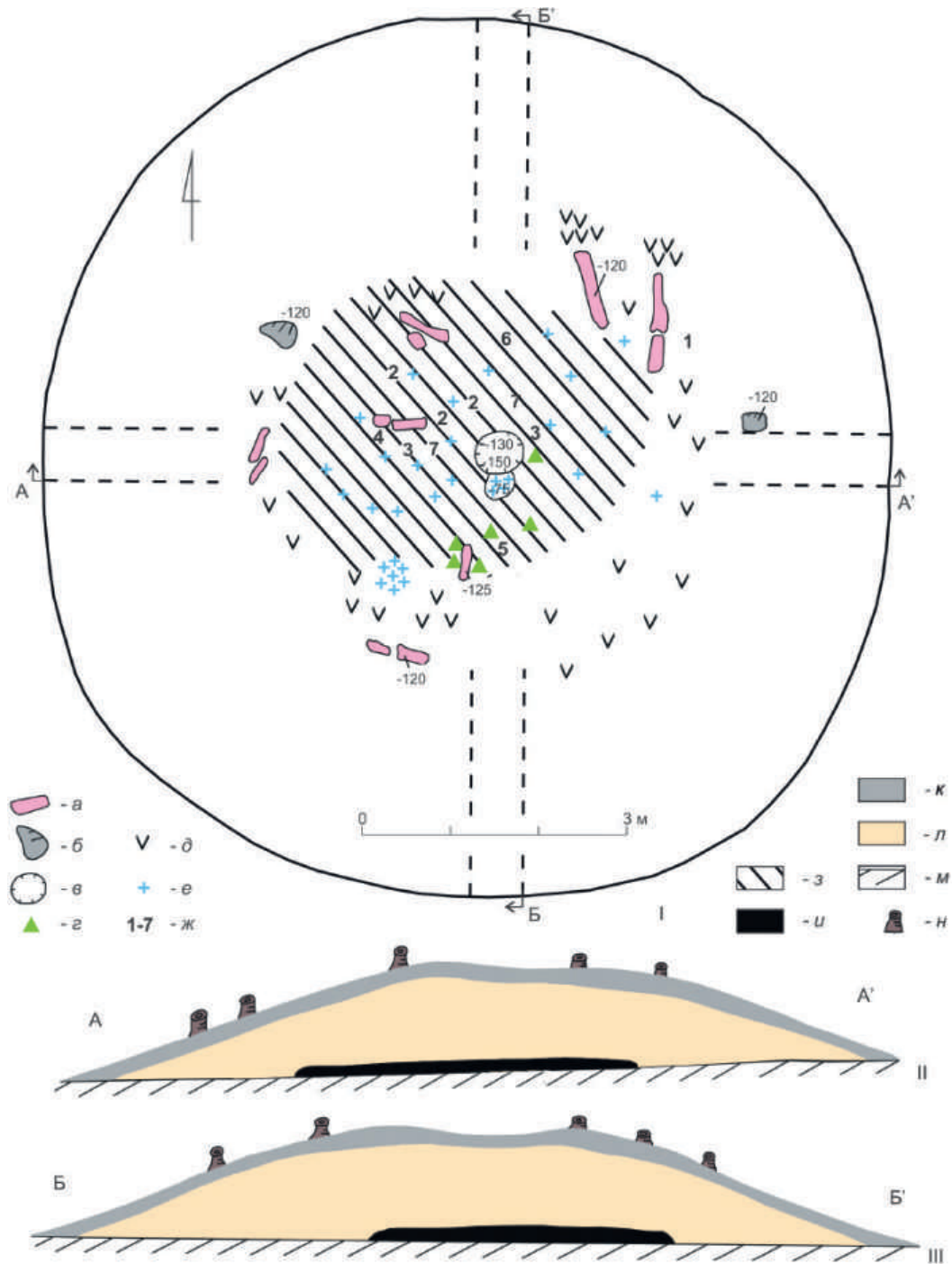
(орнамент небрежный, читается слабо) (рис. 13, 1). Среди находок из цветного металла в комплексе обнаружены два фрагмента подковообразной фибулы с дугой ромбовидного сечения со спирально закрученными головками диаметром около 5 см и игла от нее (рис. 13, 7), цепочка из одиночных овальных разомкнутых звеньев (рис. 13, 3). Предметы из черного металла, кроме наконечника стрелы (рис. 13, 13), представлены фрагментами фитильной трубки (?) (рис. 13, 6), «ледоходным» шипом (рис. 13, 5), ленточной (ластильной, лодочной) скобой (рис. 13, 8), небольшим гвоздем (рис. 13, 9), плоской прямоугольной пластиной с приостренными краями (рис. 13, 11). Костяные находки представлены фрагментом спинки гребня II группы, по О. И. Давидан (что позволяет предполагать датировку комплекса не ранее начала X в.) (рис. 13, 2), односоставным неорнаментированным фрагментом рукояти (рис. 13, 10) и обломком трубчатой косточки (рис. 13, 4). Изделия из глины ограничиваются «лапой» (рис. 13, 12) и фрагментами нескольких лепных сосудов²⁵.

Таким образом, вопрос хронологической локализации кургана 287 Тимерёва остаётся открытым. Определение этнической принадлежности похороненных может опираться исключительно на наличие в погребальном инвентаре глиняной «лапы», по наиболее вероятной гипотезе связанной с ритуальными практиками выходцев с Аландских островов (Кураев, 2000).

В кургане 100 Тимерёва и 42 Шестовицы обнаружены восковая свеча и кусочек воска. Поиск аналогий заставляет обратить внимание на древности Дании и Норвегии эпохи викингов, а также на Гнёздовский археологический комплекс. В Швеции употребление свечей в погребальном обряде не зафиксировано. Т. А. Пушкина, проанализировав древнерусские погребения со свечами или кусочками воска, пришла к выводу, что датировать эти захоронения можно второй половиной X в., возможно, большинство из них, и более узко —

²⁵ Количество керамических сосудов в погребении дискуссионно. В коллекции представлены 14 фрагментов лепной керамики: 11 венчиков, два донца и стенка. При всей сложности определения диаметра горла лепных сосудов, подвергшихся температурному воздействию, диаметр венчиков составляет от 13 до 34 см. В значительной степени разнятся профилировка сосудов и цвет теста. Общий вес фрагментов керамики составляет 415,65 г, из которых вес 11 венчиков — 337,48 г, что может свидетельствовать о наличии в погребении не одного, а нескольких сосудов.

Рис. 12. Тимерёвский могильник, курган 287: I — план кремации (1-7 — индивидуальные находки: 1 — нежженные кости животных; 2 — пуговицы; 3 — оплавленные бронзовые вещи; 4 — фибула; 5 — глиняная лапа; 6 — на-
 верхние меча; 7 — костяной гребень), НВА ГИМ; II — бровка А-А' (запад-восток, южный фас); III — бровка Б-Б' (север-юг, восточный фас).
 Условные обозначения: а — обгоревшие плахи; б — камни; в — яма; г — керамика; д — угли; е — жженные кости; ж — индивидуальные находки; з — кострище кремации в плане; и — кострище кремации в разрезе; к — дерн; л — суглинистый грунт насыпи; м — материк; н — пеня

Fig. 12. Plan of barrow 287 at the Timerevo cemetery: I — plan of the cremation area (individual finds: 1 — unburned animal bones, 2 — buttons, 3 — partly melted bronze objects, 4 — brooch, 5 — clay paw, 6 — sword pommel, 7 — bone comb), State Historical Museum. II — edge A-A' (west-east, south face); III — edge B-B' (north-south, east face). Keys: a — burnt wooden blocks; б — stones; в — pit; г — pottery; д — pieces of charcoal; е — burnt bones; ж — individual finds; з — tree stump; и — turf; к — loam; л — bonfire site; м — virgin soil; н — stump

70–80-ми гг. X в. В этих погребениях были похоронены представители дружинной среды, этнические скандинавы, в походах и торговых поездках на Запад и в Византию принявшие крещение. Вызывает интерес и тот факт, что дендродата знаменитого датского «королевского» кургана Маммена, также содержавшего в своем инвентаре свечи, — 970–971 гг. (Пушкина, 1997. С. 126–128).

Как сам камерный обряд погребения (в случае кургана 42 Шестовиц и кургана 100 из Тимерёво), так и инвентарь захоронений ставят вопрос об этносоциальном положении погребенных. Присоединимся к мнению К. А. Михайлова, считавшего, что в деревянных камерах похоронены представители социокультурной общности, которая складывалась «в первую очередь вокруг городов и первых древнерусских князей, к которым примыкали выходцы из самых различных племенных и родовых групп», при наиболее заметном влиянии носителей северо-европейских «культурных, религиозных и погребальных традиций» (Михайлов, 2016. С. 181).

Более ста лет, прошедших со времени выхода книги Я. Петерсена, не изменили картину значительного преобладания находок мечей типа «W» именно на территории Норвегии, что, с нашей точки зрения, подтверждает предположение исследователя: тип «W» — норвежский по происхождению²⁶. Не исключено, что именно с выходцами

из Норвегии можно связать попадание части мечей этого типа на территорию Древней Руси. Находка в кургане 287 Тимерёва вместе с деталями меча типа «W» глиняной лапы не исключает возможности того, что распространение подобных мечей на древнерусской территории происходило и при участии выходцев с Аландских островов.

Возвращаясь к хронологии, можно констатировать, что все три контекстные находки мечей типа «W» на территории Древней Руси можно датировать X в. Набор погребального инвентаря в шестовицком погребении, нумизматическая дата кургана 100 Большого Тимерёва позволяют относить эти два погребения к последней четверти X в. Несомненно, нельзя исключать, что мечи на территории Древней Руси, отдаленной от центров их массового производства, бытовали более продолжительное время по сравнению, например, с территорией Скандинавии. На это указывает сильно стертая поверхность деталей меча из кургана 100 Тимерёва. Тем не менее, с нашей точки зрения, древнерусский материал как минимум позволяет поставить вопрос о корректности предложенной Я. Петерсеном датировки этого типа в рамках первой половины X в.

Приложение

*Курган 287*²⁷ (рис. 12, 13). Находится в центральной части памятника. На его поверхности — следы небольшой с заплывшими краями ямы. Размеры кургана: высота — 130 см, диаметр по линии север-юг — 10,1 м, запад-восток — 9,45 м. Насыпь состоит из суглинка.

В северо-восточном секторе в насыпи на глубине 55 см находились нежженные кости крупного рогатого скота, а в центральной части — груды чистых, то есть без золы и угля, человеческих кальцинированных костей: куски крышки черепа, таза, позвонков, ребер, крестца, лучевой кости, бедренной головки.

²⁷ Текст отчета дается по копиям, хранящимся в НВА ГИМ в составе личного фонда М. В. Фехнер.

²⁶ В статье чешских исследователей было высказано предположение, что мастерская, где производились детали рукоятей мечей типа «W», могла существовать на территории Южной Балтии, между Данией, где найдено большое количество мечей типа «V» (упрощенем которого является тип «W»), и территорией расселения балтов (*Košta i in.*, 2019. S. 215, 216). С нашей точки зрения, этому противоречит география находок. Существование южнобалтийской мастерской должно было бы отразиться в большем количестве находок мечей типа «W» как на территории балтийских племен, так и в Дании и Германии. Однако в указанных регионах известно всего две находки.

Рис. 13. Инвентарь захоронения 287 Тимерёвского могильника: 1 — пуговицы; 2 — гребень (три обломка); 3 — цепочка (2 обломка); 4 — обожженная трубчатая кость; 5 — шип «ледоходный»; 6 — трубка фитильная (3 обломка); 7 — фибула подковообразная (3 обломка); 8 — скоба; 9 — гвоздь; 10 — рукоять (?); 11 — пластина с заостренными краями; 12 — лапа; 13 — наконечник стрелы (ГИМ, фото С. С. Зозули; рисунок С. Ю. Каинова). 1, 3, 7 — цветной металл; 2, 4, 10 — кость/рог; 5, 6, 8, 9, 11, 13 — железо; 12 — глина

Fig. 13. Grave goods from burial 287 of the Timerevo cemetery: 1 — buttons; 2 — comb (3 fragments); 3 — small chain (2 fragments); 4 — burnt tubular bone; 5 — stud for “ice-going”; 6 — matchlock tube (3 fragments); 7 — horseshoe brooch (3 fragments); 8 — cramp; 9 — nail; 10 — hilt (?); 11 — plate with sharpened edges; 12 — paw; 13 — arrowhead (State Historical Museum, photo by S. S. Zozulya; drawing by S. Yu. Kainov). 1, 3, 7 — nonferrous metal; 2, 4, 10 — bone/horn; 5, 6, 8, 9, 11, 13 — iron; 12 — clay

По заключению Е. Г. Андреевой, это останки взрослого среднего строения человека.

На глубине 110–115 см в центральной части насыпи четко обозначилось кострище с кальцинированными костями и обгорелыми плахами. Округлых очертаний, несколько вытянутых с запада на восток, оно занимало площадь $4,25 \times 3,35$ м²⁸ и расположено было непосредственно на материке. По краям зольно-угольного слоя лежали обгорелые плахи (на глубине 120 см), за которыми этот слой далее не прослеживался. Толщина кострища в центральной его части достигала 15 см, а по краям — 10 см.

По всей площади кострища лежали кальцинированные человеческие кости и отдельные жженые кости лошади. Наибольшее количество костей находилось в северо-западном секторе. У Е. Г. Андреевой, определившей эти костные останки, сложилось впечатление, что здесь совершено сожжение двух трупов — взрослого и подростка или ребенка. В этом же секторе на краю кострища лежали компактной кучкой жженые кости лошади, собаки и птицы. Здесь же обнаружены сильно деформированные от огня обломки лепного сосуда, два фрагмента этого же сосуда лежали в юго-восточном секторе близ бровки.

При расчистке кострища в разных местах обнаружены следующие вещи: шесть бронзовых шаровидных с массивными ушками пуговиц-бубенчиков; обломки бронзовых сплавившихся предметов, среди них фрагмент скорлупообразной фибулы²⁹; маленькие петли и гвоздики от деревянной шкапулки; два фрагмента подковообразной фибулы; прекрасной сохранности глиняная передняя лапа бобра, обломана только пятка; бронзовое орнаментированное навершие меча; орнаментированные

²⁸ Таким образом, площадь кострища составляла 14,24 кв. м.

²⁹ Ошибочное определение фрагмента перекрестия меча.

накладки костяного одностороннего гребня. Под бровкой еще найдены сердоликовая бусина³⁰, от воздействия огня белого цвета; обломки железного зажима для фитиля; железный наконечник трехлопастной черешковой стрелы.

Под самым центром кострища выявлена яма диаметром 50 см, которая была углублена в материк на 20 см. Она оказалась пустой.

Итак, курган 287 содержал, очевидно, парное трупопожжение на месте. Возможно, кальцинированные кости в насыпи являются остатками захоронения, совершенного по обряду кремации на стороне.

Определение костей Е. Г. Андреевой из раскопок М. В. Фехнер 1975 г.:

Курган 287, кальцинированные кости.

1. Северная бровка. Много разной величины фрагментов, много трудноопределимых костей.

Человек: куски крышки черепа и глазницы, ребер, головки плечевой, трубчатых (малой берцовой и др.), пястных и фаланги, корни зубов.

Впечатление, что фрагменты не одного человека: от взрослого человека и подростка (?).

Лошадь: куски стенок трубчатых костей, головок и суставов, грифельной косточки, фаланг, суставных, хвостовой позвонков. Фрагмент некальцинированной плечевой кости — стенки.

2. Западная бровка — много осколков разной величины, малоопределимых фрагментов.

Человек: куски тел позвонков и отростков, куски крышки черепа /тонкие/, головки трубчатых костей, астрагала, головки метаподий, корни зубов. Явно ребенок или подросток.

Лошадь: куски трубчатых костей, фаланг, головки плечевой, суставных, стенок челюстей, зубы передние.

Птица: кусочки тонких трубчатых костей.

³⁰ Ошибочное определение. Фрагмент обожженной трубчатой кости.

Андрощук, 1999 — Андрощук Ф. О. Нормани и слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя). Київ: Товариство археології та антропології, 1999. 140 с.

Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Киев: ВД «Простір», 2013. 712 с.: ил.

Андрощук, Зоценко, 2012 — Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавські старожитності Південної Русі. Каталог. Париж: ІА НАН України, 2012. 368 с.

Бліфельд, 1977 — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наукова думка, 1977. 235 с.

Дубов, 1999 — Дубов И. В. Погребения с мечами в Ярославских могильниках (к этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 26–34.

Дубов, Седых, 1993 — Дубов И. В., Седых В. Н. Каменные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография. СПб., 1993. Вып. 4. С. 143–152.

Ениосова, 1994 — Ениосова Н. В. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция

- древних вещей: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Л. Шапова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 100–121.
- Зозуля, 2007 — Зозуля С. С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 337–340.
- Зозуля, 2014а — Зозуля С. С. Плеть из Тимерёва // АВ. 2014. Вып. 20. С. 217–224.
- Зозуля, 2014б — Зозуля С. С. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимерёвского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения: Материалы науч. конф. / Отв. ред. И. Ю. Шустрова, Ю. Г. Салова. Ярославль: ИД «Канцлер», 2014. С. 233–243.
- Зозуля, 2017 — Зозуля С. С. Кривое зеркало нумизматики (несколько замечаний к датировке курганов Ярославского Поволжья с монетами) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 74–86.
- Зозуля, 2018 — Зозуля С. С. Наконечники стрел редких типов из кургана 100 Тимерёвского некрополя // Военная археология: Сб. материалов науч. семинара / Отв. ред. О. В. Двуречинский. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 4. С. 43–50.
- Каинов, 2001 — Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: Изд-во ГИМ, 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124). С. 54–63.
- Каинов, 2009 — Каинов С. Ю. Наконечники ножен мечей из Гнездова // Acta Militaria Mediaevalia. Krakow; Sanok: Komisja Prehistorii Karpat PAU, 2009. Vol. V. S. 79–110.
- Каинов, 2018 — Каинов С. Ю. Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; Вып. 210). С. 211–240.
- Кирпичников, 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). Вып. 1: Мечи и сабли. 107 с.: ил.
- Кирпичников, 1973 — Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, Лен. отд., 1973 (САИ; Вып. Е1-366). 140 с.: ил.
- Кирпичников, 1992 — Кирпичников А. Н. Новобнаруженные клейма раннесредневековых мечей // Fasciculi Archaeologiae historicae. Lodz: Inst. archeologii i etnologii PAN, 1992. FASC. V. С. 61–81.
- Комар, 2012 — Комар А. В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 334–365.
- Кулаков, 1990 — Кулаков В. И. Ирзикапинис и Шестовицы // Проблемы археологии Южной Руси. Киев: Наукова думка, 1990. С. 111–116.
- Кураев, 2000 — Кураев И. В. Погребения с глиняными лапами и кольцами из Ярославского Поволжья // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: ГИМ, 2000 (Тр. ГИМ; Вып. 122). С. 157–164.
- Медведев, 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 180 с.: ил.
- Меч и златник, 2012 — Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки / Отв. ред. Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева. М.: Кучково поле; Мастерская Зарубина, 2012. 320 с., ил.
- Михайлов, 2016 — Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североамериканских аналогий / Отв. ред. Е. Н. Носов, Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2016. 272 с.
- Недошивина, 1991 — Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси / Отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА РАН, 1991. С. 165–181.
- Недошивина, Зозуля, 2012 — Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 178–193.
- Недошивина, Фехнер, 1985 — Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 70–89.
- Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов / Пер. с норвеж. К. Вешнякова. СПб.: Альфарет, 2005. 335 с.: ил.
- Пушкина, 1993 — Пушкина Т. А. Раскопки Гнездова Левобережного // XII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.: ИРИ, 1993. Ч. 1. С. 113–115.
- Пушкина, 1997 — Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник. Погребальный обряд / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93). С. 122–133.

- Савин, Семёнов, 1992 — Савин А. М., Семёнов А. И. Реконструкция Шестовицкого лука // Архитектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів: Севірянська думка, 1992. С. 62–66.
- Седых, 2006 — Седых В. Н. Вооружение населения Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья по материалам Ярославских могильников // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. М.: Мин-во обороны РФ, 2006. С. 142–150.
- Скоруход, 2012 — Скоруход В. М. Кістяні накладки для оздоблення луки сідла з шестовицького некрополя // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 19–22 липня 2012 р.). Чернігів: ЧНПУ ім. Т. Г. Шевченка, 2012. С. 282–286.
- Терещенко, 2012 — Терещенко О. В. Набірний пояс з 42-го кургану шестовицького некрополя: варіант реконструкції // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 19–22 липня 2012 р.). Чернігів: ЧНПУ ім. Т. Г. Шевченка, 2012. С. 299–307.
- Фехнер, Недошивина, 1987 — Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребально-го инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.
- Фехнер, Янина, 1978 — Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерёва // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 184–192.
- Черненко, 2007 — Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського (1896–1948). Чернігів: Чернігівський історичний музей ім. В. В. Тарновського, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2007 (Скарбниця української культури: Збірник наукових праць; Вип. 9, спецвип. 1). 136 с.: ил.
- Черненко, 2009 — Черненко О. Археологічні дослідження кургану X Шестовицького могильника // Село над Десною — Шестовиця: збірник статей і матеріалів / Відп. ред. О. Б. Коваленко та ін. Ніжин: Видавництво «Аспект-Полграф», 2009. С. 95–105.
- Ярославское Поволжье..., 1963 — Ярославское Поволжье в X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ, 1963. 144 с.
- Arne, 1931 — Arne T. J. Skandinavische Holzkammer-graberaus der Wilkinggerzeit in der Ukraine // Acta Archaeologica. Kobenhagen, 1931. T. II, bp. 3. S. 235–302.
- Jakobsson, 1992 — Jakobsson M. Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi. Stockholm: Stockholms Universitet, 1992 (Stockholm. Studies of Archaeology; Vol. 11). 240 s.
- Jets, 2013 — Jets I. Lahingumaod. Skandinaavia 9.–11. sajandi kunstistiilid Eesti arheoloogilistel leidudel. Tallinn: Tallinna Ülikool, 2013. 333 L.
- Kainov, 2012 — Kainov S. Yu. Swords from Gnězdovo // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2012. Vol. VIII. S. 7–68.
- Kazakevičius, 1996 — Kazakevičius V. IX–XIII a. Baltų Kalavijai. Vilnius: Alma Littera, 1996. 175 p.
- Košta i in., 2019 — Košta J., Hošek J., Dresler P., Macháček J., Přichystalová R. Velkomoravské meče z Pohanskau Břeclaviaokolí — nova revize // Památky archeologické. CX. Praha, 2019. S. 173–235.
- La Baume, 1954 — La Baume P. Ein Wikingerschwert aus der Schlei bei Schleswig // Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte. Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. Neumünster, 1954. Bd. 13. S. 83–86.
- Müller-Wille, 1977 — Müller-Wille M. Krieger und Reiter im Spiegel früh- und hochmittelalterlicher Funde Schleswig-Holsteins // Offa: Berichte und Mitteilungen zur Archäologie. Schleswig, 1977. S. 40–74.
- Paulsen, 1953 — Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1953. 196 s.
- Shetelig, 1940 — Shetelig H. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Oslo: H. Aschehoug, 1940. P. IV: Viking Antiquities in England. 134 p.
- Solberg, 1984 — Solberg B. Norwegian Spear-heads from Merovingian and Viking Periods. Bergen: Universitetet i Bergen, 1984. 237 s.
- Thunmark-Nylén, 1998 — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm, 1998. T. II: Typentafeln, 18 pp. + 316 Pl.
- Tomsons, 2019 — Tomsons A. Zobenī Latvijas teritorijā 7.–16.gs. Rīga, 2018. 348 p.
- Vinski, 1983 — Vinski Z. Razmatranja o poslijekarolinškim mačevima 10. i 11. Stoljeća u Jugoslaviji // Starohrvatska prosvjeta. 1983. Vol. III, br. 13. Str. 7–64.
- Vlasatý, 2018 — Vlasatý T. Meče Petersenova typu W // Projekt Forlog: Reenactment a věda [online]. Available at: <http://sagy.vikingove.cz/mece-petersenova-typu-w> (accessed 07.12.2021).
- Žabiński, 2007 — Žabiński G. Viking Age Swords from Scotland // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Sanok, 2007. Vol. III. S. 29–84.

Swords of type W in the territory of Old Rus

S. S. Zozulya, S. Yu. Kainov³¹

Keywords: sword, Viking Age, Old Rus, Bolshoye Timerevo, Shestovitsa.

By now, 17 finds of type W swords after the typology of Jan Petersen are known throughout the territory of North and East Europe. The ornamental features allow the researchers to distinguish two major variants of type W swords: variant 1 with a zigzag decoration and variant 2 with a circular pattern. It is of note that not all of the known swords correspond to these two variants. The further treatment (firstly of the Norwegian material) possibly will allow us to identify still several other types. Swords of type W had influenced the emergence of hybrid examples of the sword hilts — “W/E” and “I/W”. Perhaps the general morphology and technology of the manufacture of type W swords were the basis for emergence of the new types of the sword grips decorated with a guilloche, geometric and zoomorphic patterns. Within the territory of what is now Russia and Ukraine, four finds of type W swords are known. Two items (Timerevo — barrow 100 and Shestovitsa — barrow 42) are represented by complete swords, one (Timerevo, barrow 287) by the pommel and the guard, and still another one (Cherkassy) by a pommel attached to a blade with a guard of another type. Some items of grave goods, the numismatic evidence and the inhumation rite in wooden chambers suggest the most probable date of burials in barrow 100 of Timerevo and barrow 42 at Shestovitsa within the limits of the last quarter of the 10th century. This fact, in turn, raises the question as to the correctness of the proposed by Jan Petersen dating of this type to only the first half of the 10th century.

---

³¹ Sergey S. Zozulya, Sergey Yu. Kainov — Archaeological Department, State Historical Museum; 1 Red Square, Moscow, 109012, Russia; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com; skainov@mail.ru.

Мечи особых типов из курганов Юго-Восточного Приладожья

А. Ю. Щедрина¹

Аннотация. Статья посвящена трем раннесредневековым мечам особых типов из курганов Юго-Восточного Приладожья. Подробно рассматриваются их морфологические особенности. Обсуждаются аналоги, хронология, возможное происхождение и место этих мечей в типологии европейского оружия.

Ключевые слова: Юго-Восточное Приладожье, раннее средневековье, эпоха викингов, мечи, типология.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-130-140

Погребальные памятники IX–XII вв., расположенные вдоль больших и малых рек к юго-востоку от Ладожского озера (в бассейнах рек Сясь, Паша, Оять, Свирь и др.), относятся к так называемой Приладожской курганной культуре, сформировавшейся во взаимодействии местных финских племен и выходцев из Скандинавии. История археологических исследований в Юго-Восточном Приладожье насчитывает уже более полутора веков. За это время собрана впечатляющая вещевая коллекция, в том числе значительное количество предметов вооружения, включая 26 мечей. Большинство из них — 20 экземпляров — относятся к классическим «скандинавским» типам и хорошо классифицируются по типологии Я. Петерсена² (Petersen, 1919; Петерсен, 2005), использованной и А. Н. Кирпичниковым для мечей IX–XI вв. с территории Древней Руси (Кирпичников, 1966а). Тип трех приладожских мечей невозможно установить из-за их неполной сохранности. Еще три экземпляра относятся к редким вариантам, не укладывающимся в традиционную типологию Я. Петерсена. Два из них были выделены А. Н. Кирпичниковым в «особые» типы, один не был известен исследователю и не вошел в его каталог. Ввиду появления новых данных

о европейских и древнерусских мечах синхронного времени кажется целесообразным обратиться к более детальному рассмотрению этих предметов.

Меч из кургана XLV у дер. Щуковщина

Первый меч с рукоятью необычной формы был найден при раскопках Н. Е. Бранденбурга 1878–1886 гг. в кургане XLV у дер. Щуковщина на р. Сязнеге, притоке р. Паши. Помимо меча мужское трупосожжение (комплекс 1) содержало богатый погребальный инвентарь, в том числе предметы вооружения: два наконечника копий (типов I и III)³, два топора (типа V), два наконечника стрел и умбон щита, а также бытовые предметы: ножи, оселок, кресало, подковообразную фибулу, фрагменты бронзовых и железных оковок (Бранденбург, 1895. С. 107, 108). Меч лежал у северного края скопления кальцинированных костей, его навершие было отломано и вместе с одним из топоров положено на середину клинка.

Долгое время общий вид меча из Щуковщины был известен только по рисунку, опубликованному Н. Е. Бранденбургом (рис. 1, 1), где он изображен целиком — с двухчастным навершием, перекрестием и клинком, имеющим разломы (Там же. Табл. 11, 3). В коллекции вещей из раскопок Н. Е. Бранденбурга в Государственном Историческом музее хранился только фрагмент клинка с перекрестием и обломанным череном

¹ Кафедра археологии, исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., 27, кор. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: shedr.aleks@gmail.com.

² Тип «В» — 1 шт., тип «Е» — 1 шт., тип «Н» — 3 шт., тип «S» — 3 шт., тип «Т-2» — 3 шт., тип «V» — 4 шт., тип «X» — 2 шт., тип «Y» — 2 шт., тип «Z» — 1 шт.

³ Здесь и далее типы копий и топоров — по классификации А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966б).

рукояти⁴. Этот клинок исследовался Б. А. Колчинным, для чего на нем был сделан поперечный срез недалеко от места слома (Колчин, 1953. С. 132, рис. 105, 4). В то же время в другой коллекции музея хранились депаспортизованные фрагменты меча — навершие с небольшим фрагментом черена клинка, а также нижняя часть клинка. Эти детали вошли в каталог мечей из коллекции музея, составленный В. В. Арендтом (Каинов, 2008. С. 146, 149, рис. 5, 18а). В качестве единственного комментария к данному мечу было сокращенно указано место находки: «Новгор.» — Новгород или Новгородская губерния. А. Н. Кирпичников учел это навершие в своем каталоге древнерусских мечей и отнес его к тому же особому типу, что и меч из Шуковщины, но в качестве места находки указал Рюриково городище (Кирпичников, 1966а. С. 82, № 80)⁵. Впоследствии это предположение утвердилось в литературе (Носов, 1990. С. 155, рис. 61; Каинов, 2019, С. 133, рис. 6). Однако сопоставление деталей меча из разных коллекций ГИМ не оставило никаких сомнений, что они относятся к одному предмету, а именно — к мечу из кургана XLV в Шуковщине, некогда поступившему в музей в целом виде. Судьба меча с Рюрикова городища, описанного Т. Арне, пока неизвестна.

Итак, по обновленной информации меч сохранился в трех частях: навершие с фрагментом черена клинка, верхняя часть клинка с перекрестием и нижняя часть клинка (рис. 1, 2). Н. Е. Бранденбург отметил его малые по сравнению с другими мечами размеры: общая длина на момент находки составляла около 80 см, длина клинка — 67 см, однако он сохранился не полностью (Бранденбург, 1895. С. 59). Длина хвата рукояти при сложении фрагментов составляет всего 7,1 см, что не соответствует размеру кисти взрослого мужчины⁶. Впрочем, надо учесть, что при порче меча перекрестие могло быть сбито

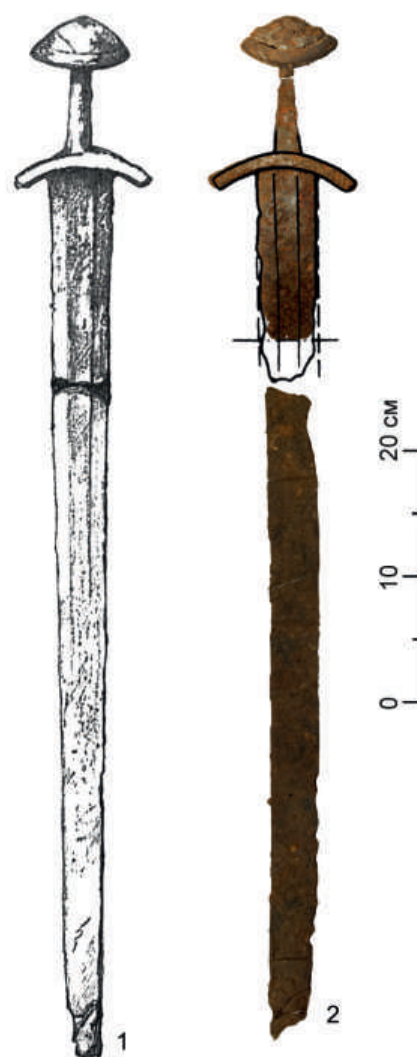

Рис. 1. Меч из кургана XLV у дер. Шуковщина: 1 — рисунок Н. Е. Бранденбурга; 2 — современное состояние
Fig. 1. Sword from barrow XLV near v. Shchukovshchina: 1 — drawing by N. E. Brandenburg; 2 — modern condition

в сторону рукояти и скрыть еще до 1 см черена клинка. Кроме того, изогнутые перекрестие и основание навершия дают дополнительное пространство для удержания меча в руке по сравнению с прямыми деталями.

Детали рукояти представлены двухсоставным навершием и перекрестием, изготовленными из железа (рис. 2). Черен клинка проходит насквозь через перекрестие и основание навершия и расклепан на его верхнем торце. Головка навершия закреплена при помощи двух впаянных внутрь нее штифтов или одной дугообразной скобы, нижние концы которой проходят через отверстия в основании навершия и расклепаны на его нижнем

⁴ Инвентарный номер Оп. В 1600/11. Благодарю В. В. Мурашеву и С. Ю. Каинова за возможность ознакомиться с предметом и содействие в исследованиях.

⁵ Видимо, А. Н. Кирпичников соотнес депаспортизованные фрагменты меча из ГИМ с рукоятью меча, осмотренного Т. Арне в музее Пскова (Arne, 1914. S. 33, 34). Согласно его описанию, меч имел изогнутое перекрестие и близкое к ромбовидному навершие и происходил с Рюрикова городища.

⁶ Из 140 измеренных мечей эпохи викингов из Швеции лишь пять имели длину рукояти до 7,5 см включительно (Андрощук, 2013. С. 98, 99).

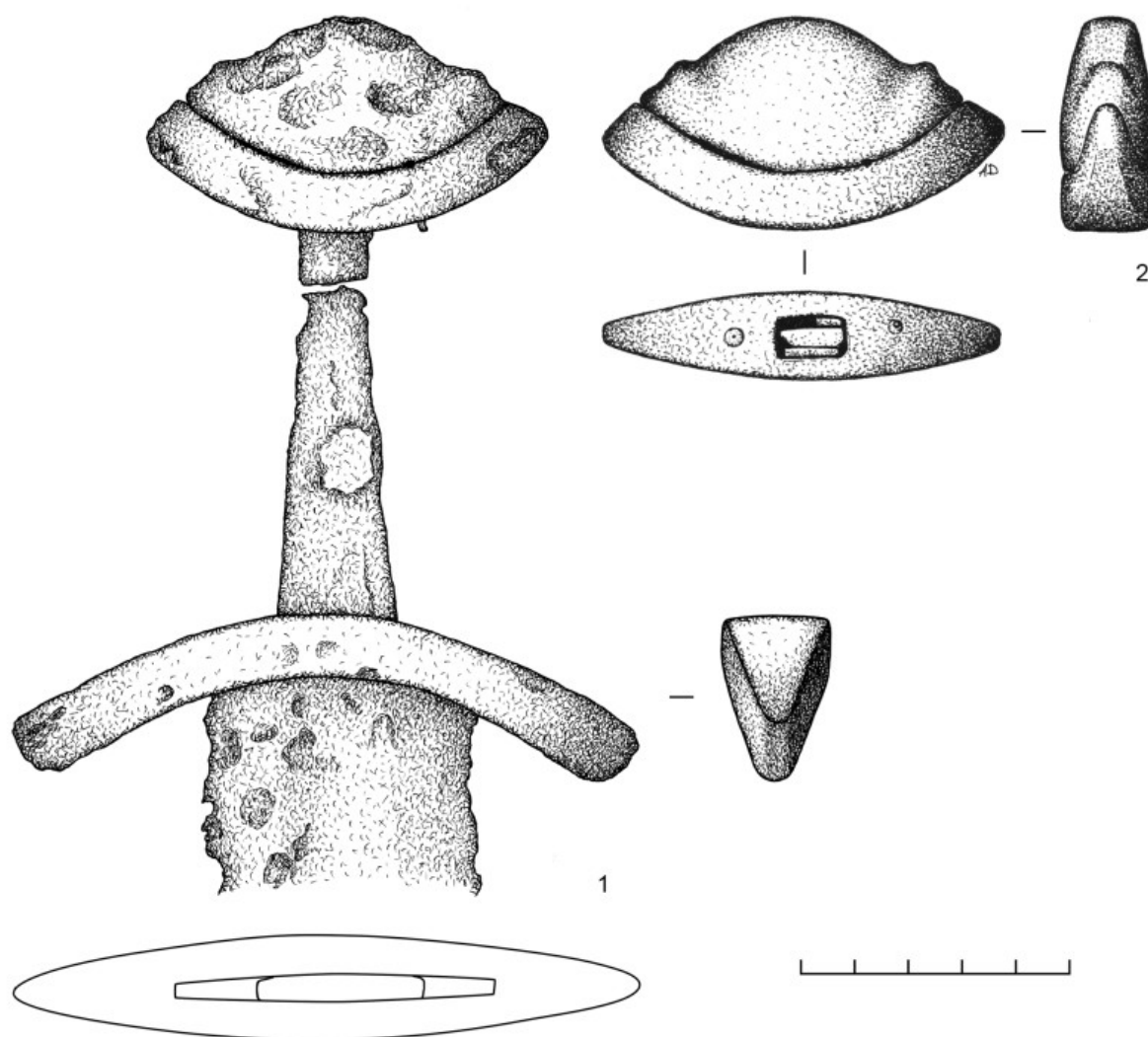

Рис. 2. Рукоять меча из кургана XLV у дер. Шуковщина: 1 — современное состояние; 2 — реконструкция навершия (рисунок А. С. Деметьевой; Каинов, 2019). Железо

Fig. 2. Sword hilt from barrow XLV near v. Shchukovshchina: 1 — modern condition; 2 — reconstruction of the pommel (drawing by A. S. Demytyeva; Каинов, 2019). Iron

торце. Размеры деталей следующие: длина перекрестия — 11,8 см, толщина — 2 см, высота по центру — 1,2 см; длина основания навершия — 7,5 см, толщина — 1,8 см, высота — 1,1 см; длина головки навершия — 6,0 см, толщина — 1,7 см, высота — 2,9 см. Перекрестие и основание навершия изогнутые и незначительно (примерно на 1 мм) расширяются к краям. В плане детали имеют ладьевидную форму. Головка навершия рельефно разделена на три части: большую центральную и меньшие по размеру боковые.

А. Н. Кирпичников отнес меч из Шуковщины к выделенному им типу «Z-особый» (Кирпичников,

1966а. С. 34). Единственным известным его аналогом, найденным на древнерусской территории, на сегодняшний день остается один из мечей из кургана Черная могила в Чернигове, подвергшийся расчистке и обнаруживший не линзовидную, а трехчастную форму головки навершия (Каинов, 2019). С. Ю. Каинов отметил морфологическое и орнаментальное сходство этого предмета с небольшой, но яркой группой мечей, преимущественно происходящих из Великобритании и названных В. Эвисон типом Wallingford по месту находки одного из аналогов (Evison, 1967). Этот тип, вероятно, является дальнейшим развитием

Таблица. 1. Морфологические особенности мечей типов «Z», Wallingford и промежуточных вариантов
Table 1. Morphological features of swords of types “Z”, Wallingford and intermediate variants

Морфологический признак	Тип «Z»	Промежуточные варианты	Тип Wallingford
Перекрестие, основание навершия	Толстые, с «переломом» и парными канавками	Толстые, со слабым изгибом или «переломом»	Тонкие, с сильным дугообразным изгибом
Головка навершия	Пятичастная или трехчастная, с ярко выраженным разделением на части	Обычно трехчастная, с ярко выраженным разделением на части	Трехчастная, со слабо выраженным разделением на части
Профиль деталей	Выпуклый, с округлыми поверхностями	Различный	Плоский, с ровными поверхностями

англо-саксонского типа «L», но при этом он также родственен скандинавскому типу «Z», с которым имеет ряд промежуточных вариантов (табл. 1; рис. 3), особенно распространенных на Британских островах (в том числе — на наш взгляд — таковыми являются и некоторые из мечей, отнесенные В. Эвисон непосредственно к типу Wallingford). Действительно близкими по морфологии аналогами мечей из кургана XLV в Щуковщине и из кургана Черная могила являются только пять мечей из опубликованных В. Эвисон, а также один норвежский меч, не вошедший в ее список (рис. 3, III). Три меча имеют полихромную инкрустацию растительным орнаментом из проволоки, уложенной на сетку из насечек (рис. 3, 8–10); один — геометрический орнамент из ромбов, созданный тем же способом (рис. 3, 11). Меч из Финляндии (рис. 3, 14) инкрустирован в другой технике: на некоторых участках поверхности фиксировались поперечные канавки с остатками серебряной проволоки (Moilanen, 2015. P. 261, 262, 365). Два норвежских меча (рис. 3, 12, 13) происходят из погребений по обряду кремации и не сохранили отделку цветными металлами; говорить о наличии или отсутствии на них канавок или насечек без детального осмотра не представляется возможным. На мече из Щуковщины не удалось выявить ни саму инкрустацию, ни следы подготовки поверхности под ее укладку. Несмотря на это, круг аналогий говорит о том, что этот меч, несомненно, являлся очень редким и качественным импортным изделием и, возможно, также имеет англо-саксонское происхождение. На его клинке выявлены знаки в виде остатков букв на одной стороне и перекрещенных полос на другой (Киртичников, 1966а. С. 34). Металлографический анализ показал наличие сердечника из малоуглеродистой стали и закаленных стальных кромок (Колчин, 1953. С. 244, рис. 106, 11).

В. Эвисон датировала английские мечи типа Wallingford в рамках X–XI вв. (Evison, 1967. P. 186). Находки из Норвегии и Финляндии также сделаны вне контекста и не могут быть узко датированы. Наиболее точную датировку имеет меч из кургана Черная могила — по данным радиоуглеродного анализа, погребение было совершено в интервале 980–1025 гг. (Шишлина и др., 2017. С. 399). Таким образом, можно предполагать, что меч из кургана XLV в Щуковщине также датируется концом X — началом XI в. Надо отметить, что такая датировка противоречит предложенной О. И. Богуславским ранней периодизации комплекса, отнесенного им к периоду D1 — 890–920 гг. (Богуславский, 1991. Рис. 2, 135). С. И. Кочкуркина датировала погребение более поздним временем — второй половиной X в. (Кочкуркина, 1989. С. 131, 132).

Меч из разрушенного кургана у дер. Ручьи

Второй меч особого типа происходит из разрушенного кургана на берегу р. Свирь. Летом 1899 г. в Императорскую археологическую комиссию поступила коллекция древних предметов, найденных крестьянином из дер. Ручьи Заостровской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии Прокопием Пахомовым (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1899. Д. 183). В число переданных предметов входил меч, ланцетовидный наконечник копья, два топора (типа «V»), очажная лопатка, круглая сковорода и детали весов (рис. 4). Коллекция вещей была выкуплена Археологической комиссией: меч передан в Эрмитаж⁷, а остальные предметы отправлены в Российский Исторический музей. Из описания обстоятельств находки неясно, относились ли предметы вооружения и

⁷ Меч хранится в отделе «Арсенал», инвентарный номер З.О. 6492. Благодарю Ю. Г. Ефимова и А. Е. Богданова за возможность ознакомиться с предметом.

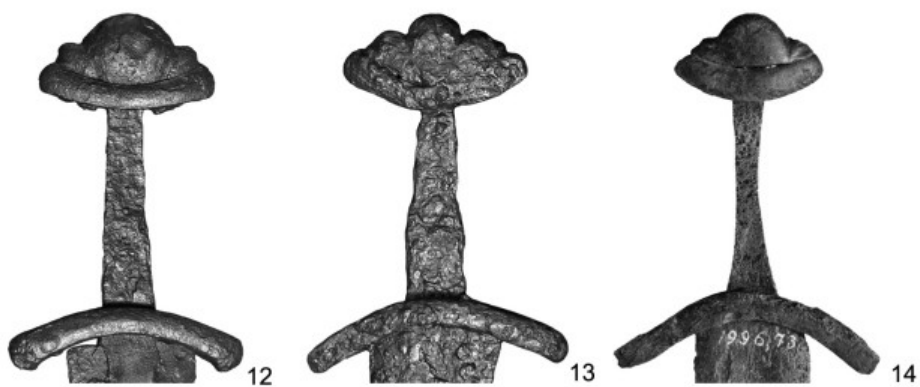
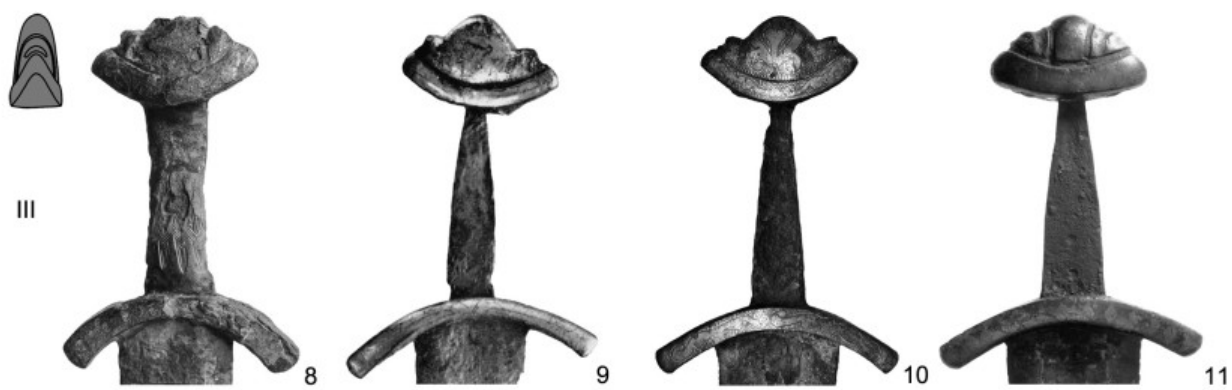
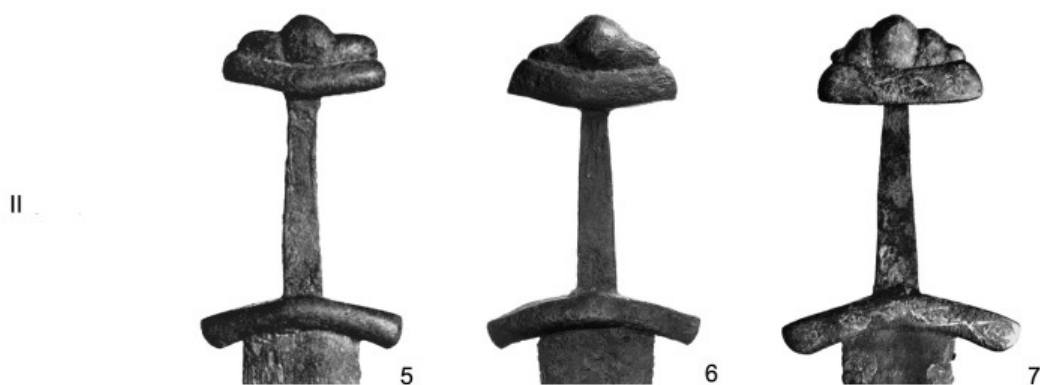
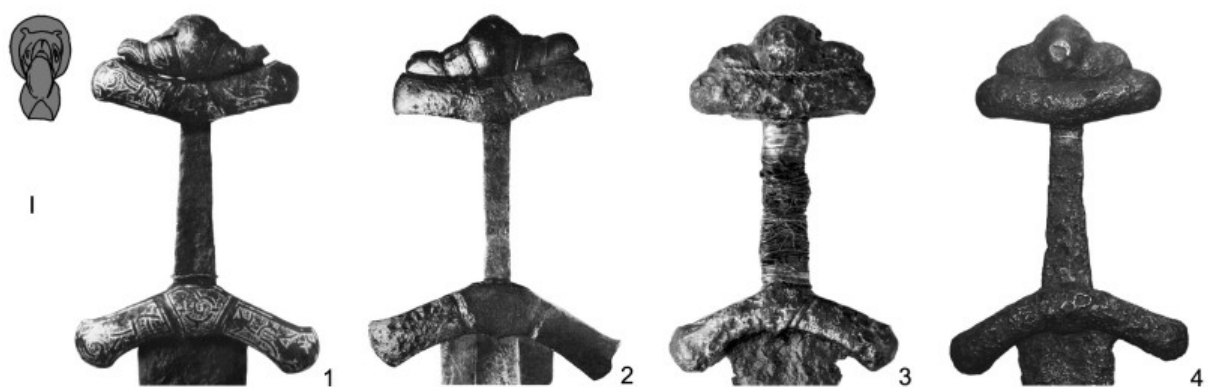

Рис. 3. Мечи: I — тип «Z»; II — промежуточные варианты; III — тип Wallingford; 1 — Бенгтсарвет (Bengtsarvet), Швеция; 2 — Весилаhti (Vesilahti), Финляндия; 3 — Лёкен (Løken), Норвегия; 4 — из коллекции Д. Я. Самоквасова; 5, 6 — из р. Темзы, Лондон, Англия; 7 — Шиффорд (Shifford), Англия; 8 — Чёрная могила, Чернигов, Украина; 9 — из р. Темзы, у моста Уоллингфорд (Wallingford), Англия; 10 — из р. Темзы (1840), Англия; 11 — Линкольн (Lincoln), Англия; 12 — Раке (Rake), Норвегия; 13 — Хенден Индре (Henden Indre), Норвегия; 14 — Лемпяля (Lempäälä), Финляндия. Без масштаба

Fig. 3. Swords: I — type “Z”; II — intermediate variants; III — type Wallingford; 1 — Bengtsarvet, Sweden; 2 — Vesilahti, Finland; 3 — Løken, Norway; 4 — from D. Ya. Samokvasov’s collection; 5, 6 — from the Thames River, London, England; 7 — Shifford, England; 8 — Chernaya Mogila, Chernigov, Ukraine; 9 — from the Thames River, near Wallingford Bridge, England; 10 — from the Thames River (1840), England; 11 — Lincoln, England; 12 — Rake, Norway; 13 — Henden Indre, Norway; 14 — Lempäälä, Finland. Without scale

весы к единому погребальному комплексу, однако происходили они из одного кургана.

Меч сохранился целиком (рис. 5, 1), его общая длина составляет 93 см, из которых 77,5 см приходится на клинок, максимальная ширина клинка — 5,7 см. Вес меча в настоящее время составляет 1004 г, точка баланса клинка находится в 18 см ниже перекрестия. Длина хвата рукояти составляет 9,6 см, общая длина рукояти — 15,2 см.

Рукоять меча состоит из двухсоставного навершия, головка которого крепится к основанию на штифты или скобу, и перекрестия (рис. 5, 2). Необычную, выпуклую форму имеет головка навершия, полукруглая с фронтальной стороны и практически овальная сбоку. Ее длина составляет 7,1 см, толщина — 2,8 см, высота — 3 см. Остальные детали рукояти значительно тоньше: толщина основания навершия — 2,2 см, длина — 7,7 см; толщина перекрестия — 2,0 см, длина — 10,7 см. Основание навершия и перекрестие прямые, без изгиба, причем основание навершия слегка сужается к краям (высота в центре — 1,1 см, по краям — 0,9–1,0 см), а перекрестие, напротив, слегка расширяется (высота в центре — 1,5 см, по краям — 1,7–1,8 см), что придает общему виду рукояти некоторую несуразность. Тем не менее в плане детали рукояти имеют одинаковую и достаточно изящную форму — ладьевидную с усеченными краями — и оставляют впечатление одновременных и качественно подогнанных друг к другу и к клинку. В перекрестии имеется паз под клинок размером 5,8 × 0,8 см. Все детали изготовлены из железа и не содержат следов декора.

Сочетание всех указанных характеристик деталей рукояти меча уникально и не находит прямых аналогий ни в европейском, ни в древнерусском материале. А. Н. Кирпичников при рассмотрении меча из дер. Ручьи выделил его в отдельный тип, который он назвал «U-особый» (Кирпичников, 1966а. С. 32). После появления качественного перевода работы Яна Петерсена на русский язык

невозможно согласиться с утверждением, что этот меч по форме своей рукоятки приближается к типу «U», поскольку, по определению норвежского исследователя, у мечей данного типа «головка навершия трехчастная < ... > и без утолщения в середине» (Петерсен, 2005. С. 181).

Двухчастные навершия с головкой полукруглой формы и отсутствие орнаментации

Рис. 4. Находки из разрушенных курганов у дер. Ручьи. Архивный снимок (Арсенал Гос. Эрмитажа)

Fig. 4. Finds from disturbed barrows near the Ruchyi. Archive photograph (State Hermitage Armoury Chamber)

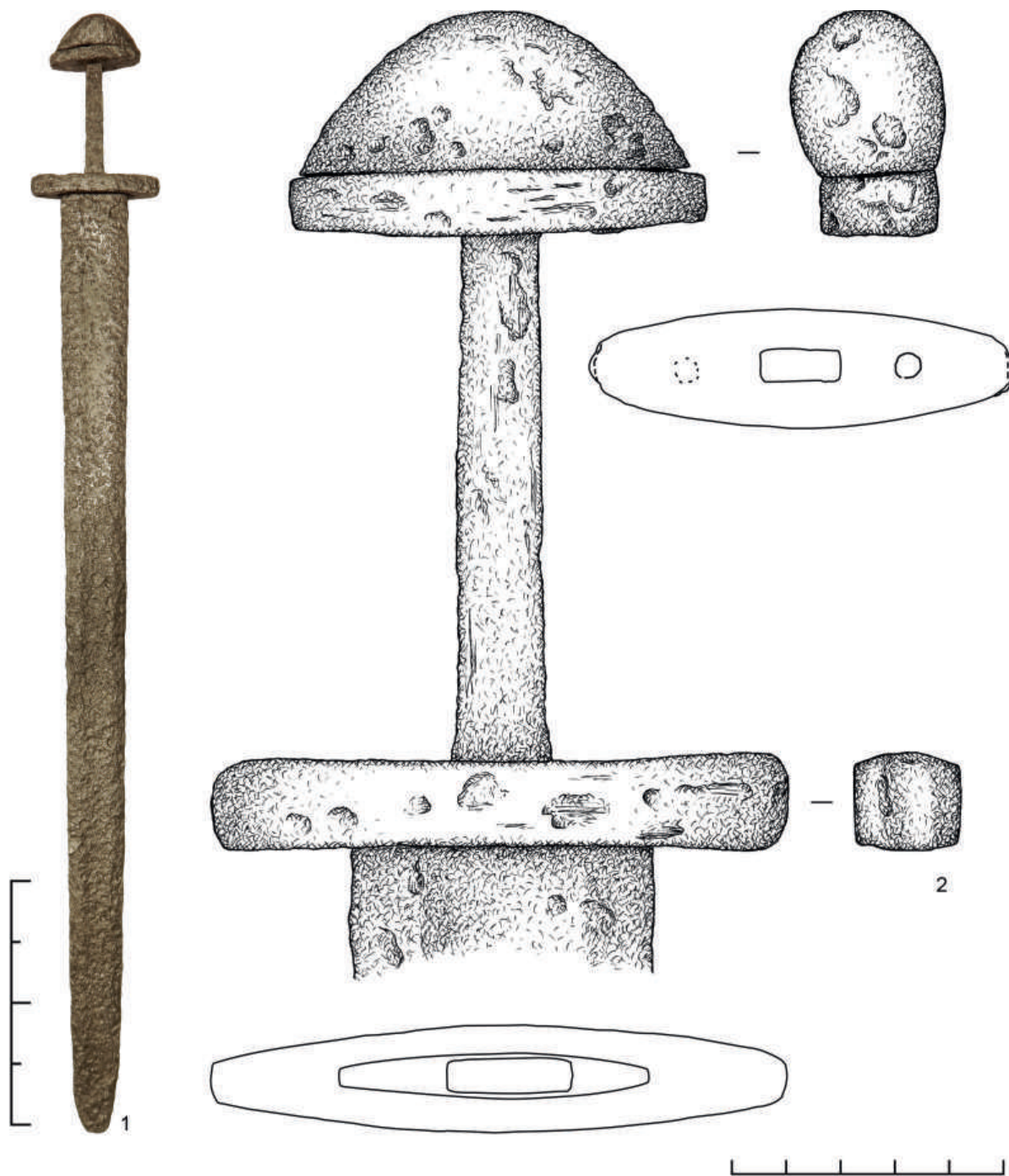

Рис. 5. Меч из разрушенного кургана у дер. Ручьи: 1 — общий вид; 2 — рукоять. Железо
 Fig. 5. Sword from a disturbed barrow near the village of Ruchy: 1 — general view; 2 — hilt. Iron

характерны для мечей типа «N», по Я. Петерсену, однако по своим пропорциям мечи этого типа значительно отличаются от рассматриваемого образца. Они всегда имеют плоскую головку навершия, обычно плавно переходящую в основание.

На подавляющем большинстве мечей эпохи викингов, навершия которых имеют двухчастную

конструкцию, толщина головки навершия не превосходит толщину своего основания, а меньше или равна ей. Исключение составляет группа из трех родственных типов поздней эпохи викингов: «R», «S» и «Z», для которых характерна выпуклая, овального профиля головка навершия, толщина которой, как и на мече из Ручьев, заметно

превышает толщину основания. Однако головки наверший у мечей этих типов имеют не округлую, а трех- или пятичастную форму с выраженным разделением на части, дополнительно подчеркнутым глубокими канавками, по которым протягивалась проволока из цветного металла. Кроме того, детали рукоятей всех классических мечей этих типов инкрустированы цветными металлами, и лишь изредка встречаются упрощенные неорнаментированные подражания. Вероятно, идея создания выпуклой верхней детали на мече из Ручьев тоже заимствована у этой группы типов. При этом форма остальных его деталей весьма оригинальна и самобытна. Расширение перекрестия к концам также могло быть сделано под влиянием мечей типа «S» — единственного типа мечей с таким геометрическим решением. Однако перекрестие меча из Ручьев расширяется к краям незначительно и не копирует образцы этого типа — оно имеет существенно меньшие размеры и собственные изящные пропорции.

Стоит отметить, что наибольшая вариативность, упрощение и развитие поздних типов мечей эпохи викингов характерны для территории Восточной Балтики. Нельзя исключать возможность происхождения рассматриваемого меча не из Скандинавии, а из данного региона. Помимо необычной формы деталей рукояти местное изготовление меча вне крупных скандинавских мастерских, копирующих и сохраняющих западноевропейские производственные традиции, может косвенно подтверждаться отсутствием клейма на его клинке. Что касается датировки меча из кургана у дер. Ручьи, то можно предположить его синхронность мечам выше упомянутых типов, особенно типа «S», который появился в середине X в. и получил наибольшее распространение во второй половине X — начале XI в. (Андрощук, 2013. С. 70; Košta, 2020). Эта датировка не противоречит времени бытования в Юго-Восточном Приладожье типов других предметов, найденных в кургане с мечом и, возможно, происходящих из одного комплекса с ним.

Меч из раскопок А. М. Линевского

Третий меч с деталями рукояти нетипичной формы был обнаружен в коллекции Национального музея Республики Карелия⁸. Его точное

⁸ Инвентарный номер КГМ-71330. Благодарю Т. А. Сенченко и А. Э. Затрутину за возможность ознакомиться с предметом.

место находки неизвестно. Исходя из имеющейся документации⁹ можно уверенно утверждать лишь то, что меч поступил в музей вместе с другими вещами из раскопок А. М. Линевского в Юго-Восточном Приладожье в 1947–1949 гг. Поскольку какие-либо упоминания данного меча среди инвентаря исследованных курганов в отчетах А. М. Линевского отсутствуют¹⁰, кажется сомнительным, что меч был найден непосредственно в ходе его полевых работ. Можно предположить, что во время экспедиций он был выкуплен у местных жителей, на большую страсть которых к кладоискательству А. М. Линевский неоднократно сетовал в своих дневниках и отчетах. Таким образом, вероятнее всего, меч происходит из одного из разрушенных приладожских курганов на р. Оять.

Меч сохранился в виде двух частей: рукояти с верхней частью клинка общей длиной 22 см и отдельного фрагмента клинка длиной 19,3 см (рис. 6).

Детали рукояти представлены цельным одночастным навершием и прямым перекрестием, смонтированными на черен клинка, проходящий через них насквозь и расклепанный на вершине навершия. Черен слегка согнут. Общая длина рукояти составляет 15 см, длина хвата — 8,5 см. Все элементы изготовлены из железа, покрытие цветными металлами на них отсутствует. Навершие меча уплощенное, слегка утолщается кверху. Посередине боковых сторон имеются вогнутые «ступеньки», придающие навершию двухъярусную форму. Верхний и боковые края навершия закруглены, нижний торец имеет овальную форму. Вся деталь несколько асимметрична, отверстие для черена смещено в сторону. Высота навершия составляет 4,7 см, максимальная длина — 6,9 см, длина по нижнему краю — 6,6 см, максимальная толщина — 1,8 см, толщина по нижнему краю — 1,5 см. Перекрестие меча прямоугольное, в плане имеет форму эллипса. Его длина составляет 11,8 см, высота — 1,7 см, максимальная толщина — 1,9 см. Паз на нижней стороне перекрестия выполнен четко под размер клинка без видимого зазора.

Клинок меча сохранился особенно плохо и представляет собой бесформенные куски

⁹ Книга поступлений музейных предметов основного фонда № 154. С. 85, 86, № 71330; Акт приема на постоянное хранение № 2 от 2010 г. Перевод с шифра «Е» (том 2).

¹⁰ Отчеты хранятся в Научном архиве ИА РАН, дела № 154, 258, 400.

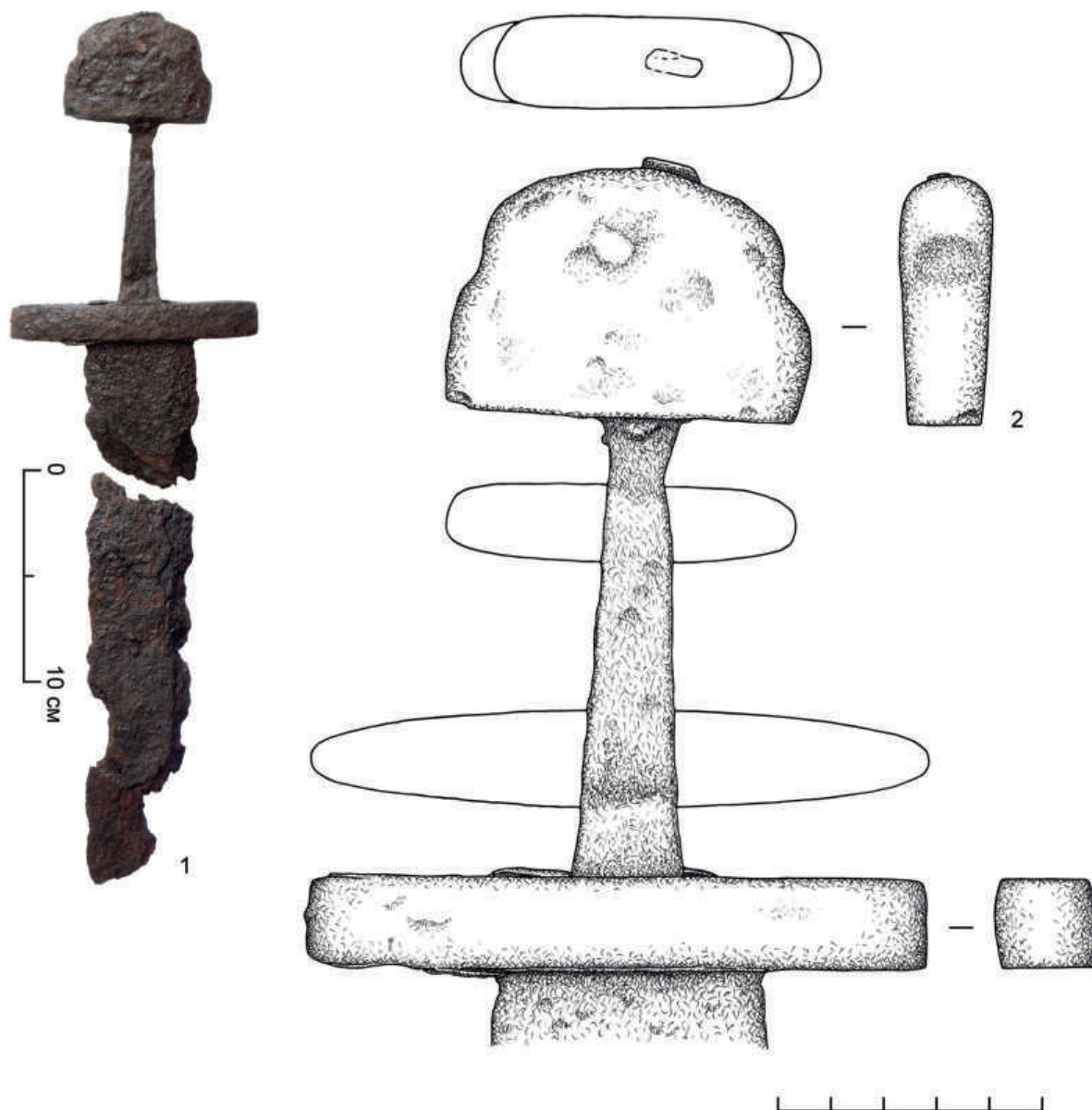

Рис. 6. Меч из коллекции А. М. Линевского: 1 — общий вид; 2 — рукоять. Железо
 Fig. 6. Sword from A. M. Linevskiy's collection: 1 — general view; 2 — hilt. Iron

расслоившегося корродированного металла. Сохранившаяся ширина клинка вблизи перекрестья — 5,2 см.

Меч из коллекции А. М. Линевского не имеет прямых аналогов ни в европейских, ни в древнерусских материалах. Этот факт, а также общая простота и асимметричность деталей говорят о том, что изготовивший его кузнец не специализировался на производстве клинкового оружия. С точки зрения технологии изготовления (одночастное навершие со сквозным креплением, отсутствие инкрустации) меч сопоставим с самыми простыми и достаточно широко

распространенными в Европе типами мечей «Х» и «У». По своей морфологии наибольшим сходством он обладает с мечами типа «Х», имеющими уплощенное полукруглое навершие и прямое перекрестье. Главным отличием описываемого экземпляра от мечей типа «Х» является наличие на навершии своеобразных выемок — «ступенек». Имитация двухчастной конструкции цельного навершия встречается на различных типах мечей, однако обычно этот эффект достигался нанесением в месте имитируемого стыка основания и головки навершия неглубокой канавки. Интересно, что имитация многочастного строения навершия

при помощи вырезанных на нем «ступенек» характерна для детских деревянных мечей, копирующих настоящие образцы и наиболее широко представленных в материалах новгородских раскопов (Сингх, Степанов, 2020).

Вполне возможно, что рассматриваемый меч (по крайней мере, детали его рукояти) также был изготовлен местным мастером по мотивам дорогостоящих импортных аналогов. Из-за отсутствия детализации установить его конкретный прототип невозможно. Судя по общей округлости формы наверху и довольно изящному, эллипсоидному в плане прямому перекрестию, на его создании могло сказаться присутствие в Юго-Восточном Приладожье мечей типов «V» и «Т-2», встреченных в курганах по меньшей мере семь раз. Однако очевидно, что имело место не копирование, а лишь заимствование определенных представлений о «правильном» оформлении статусного оружия, которое привело к созданию мастером собственной оригинальной формы. Исходя из

датировок упомянутых типов мечей, обнаруживающих с ним те или иные сходства (Андрощук, 2013. С. 159), меч из коллекции А. М. Линевского можно датировать серединой X — началом XI в.

Несмотря на то что все три меча особых типов имеют железные детали рукояти без орнаментации, они несомненно имели разную ценность, качество и происхождение. Столь разнообразны находки мечей свидетельствуют об активности торговых отношений Приладожья и высокой степени военизованности местного общества. География находок мечей особых типов хорошо соответствует распределению другого профессионального оружия в регионе. Самый простой меч, вероятно являющийся местным подражанием, происходит с р. Ояти, где доля погребений с дорогостоящим оружием невелика. Наиболее ценный меч типа Wallingford, напротив, найден в среднем течении р. Паши — районе наивысшей концентрации элитарных воинских погребений.

Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Київ: Простір, 2013. 709 с.

Богуславский, 1991 — Богуславский О. И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII веков // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: Сб. тр. молодых ученых / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л.: б. и., 1991 (Археологические изыскания, ЛОИА АН СССР; Вып. 3). С. 99–114.

Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Гл. упр. делов, 1895 (МАР; № 18). 156 с.

Каинов, 2008 — Каинов С. Ю. Каталог мечей из собрания Государственного исторического музея, составленный В. В. Арентом // Военная археология / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: Квадрига, 2008. Вып. 1: Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. С. 145–155.

Каинов, 2019 — Каинов С. Ю. «Большой» меч из Черной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) // Земля наша велика и обильна: Сб. ст., посв. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 125–139.

Кирпичников, 1966а — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. 181 с.

Кирпичников, 1966б — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ;

Вып. Е1-36). Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. 147 с.

Колчин, 1953 — Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР, 1953 (МИА; № 32). 261 с.

Кочуркина, 1989 — Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия, 1989. 347 с.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1899. Д. 183: О находке древностей на берегу р. Свири, у деревни Ручьев, в Лодейнопольском уезде, Олонецкой губ.

Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 214 с.

Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 335 с.

Сингх, Степанов, 2020 — Сингх В. К., Степанов А. М. Деревянные игрушки — имитации предметов вооружения из раскопок средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // АВ. 2020. Вып. 28. С. 182–193.

Шишлина и др., 2017 — Шишлина Н. И., Плихт Й., Севастьянов В. С., Кузнецова О. В., Мурашева В. В., Панин А. В., Каинов С. Ю., Зозуля С. С., Шевцов А. О. Радиоуглеродное AMS-датирование экспонатов Исторического музея: результат и обсуждение // Известия Самарского НЦ РАН. Самара, 2017. Т. 19, № 3 (2). С. 196–202.

- Arne*, 1914 — *Arne T. J.* La Suède et l'Orient: études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: [K.W. Appelberg], 1914 (Archives d'études orientales; Vol. 8). 241 p.
- Evison*, 1967 — *Evison V. I.* A sword from the Thames at Wallingford bridge // *Archaeological Journal*. 1967. Vol. 124, no. 1. P. 160–189.
- Košta*, 2020 — *Košta J.* Meče typu S a zrod nové Evropy // *Příběh meče. Výjimečný archeologický náález z Lázní Toušeně, Čelákovice* / Eds. J. Hergesell, P. Snítily. Čelákovice: Městské muzeum v Čelákovících, 2020. P. 37–43.
- Moilanen*, 2015 — *Moilanen M.* Marks of Fire, Value and Faith. Swords with Ferrous Inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku: Suomen Keskiajan Arkeologian Seura, 2015. 463 p.
- Petersen*, 1919 — *Petersen J.* De Norske Vikingsverd en typologisk-kronologisk Studie over vikingetidens vaaben. Kristiania: I kommission hos J. Dybwad, 1919. 228 p.

Swords of peculiar types from barrows of the South-Eastern Ladoga region

A. Yu. Shchedrina¹¹

Keywords: South-Eastern Ladoga region, Early Middle Ages, Viking Age, swords, typology.

Kurgans of the South-Eastern Ladoga region have yielded a large collection of items of armament of the 9th–11th century including at least 26 swords. Three of the latter belong to rare and peculiar types exceeding the bounds of the traditional typology by Jan Petersen. These swords are dated to within the range from the mid-10th to early 11th century. They all have iron parts of the grip without a finish with nonferrous metals.

The first sword was found by N. E. Brandenburg in kurgan XLV near the village of Shchukovshchina on the Syaznega River (Fig. 1; 2). Previously the pommel of that sword was erroneously mentioned as presumably coming from Rurik Gorodishche. This sword belongs to the type of “Z-special” after A. N. Kirpichnikov or type Wallingford after V. Evison — similar swords are related to types “L” and “Z” according to Jan Petersen (Fig. 3). Possibly, this sword is of Anglo-Saxon provenance. The second sword comes from a disturbed barrow near the village of Ruchy on the Svir River (Fig. 4; 5). It is rather peculiar but according to some features (a salient head of the pommel and the guard slightly widening towards the edges) it is related with type “S” after Jan Petersen. The third sword comes from the collection obtained in the course of excavations by A. M. Linevskiy on the Oyat River (Fig. 6). It has an unusual pommel with an imitation of a two-part construction using peculiar “steps” and evidently is a simplified local product.

¹¹ Alexandra Yu. Shchedrina — Lomonosov Moscow State University; 27, building 4, Lomonosovsky pr., Moscow, 119192, Russia; e-mail: shedr.aleks@gmail.com.

Приладожская курганная культура (этапы формирования погребальной обрядности и особенности периода ее становления)

С. И. Кочкуркина¹

Аннотация. Рассматриваются хронологические этапы формирования Приладожской курганной культуры: первый (конец IX — начало XI в.) — период становления погребальной обрядности; второй (XI–XII вв.) — формирование прибалтийско-финской культуры, третий — затухание курганной погребальной традиции. В предлагаемой статье автор более подробно рассматривает особенности материальной культуры периода становления и развития Приладожской курганной культуры.

Ключевые слова: Приладожье, курганная культура, хронологические этапы, ювелирные изделия.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-141-150

В Юго-Восточном Приладожье (Ленинградская область), Онежско-Ладожском водоразделе (южная часть Карелии) и на северном побережье Онежского озера археологические памятники представлены курганами рубежа I–II тыс. н. э., оставленными в основном прибалтийско-финскими народами (предками вепсов, карелов-ливвиков и людиков), славянами, в значительно меньшей степени скандинавами.

Древности X–XIII вв. в Юго-Восточном Приладожье, за исключением поселения на р. Сяси и селищ, кладов монет, однородны и представлены курганами. Памятники эпохи железа и I тыс. н. э. редки и почти не изучены. Предположения о предшествующих курганам «домиках мертвых» и грунтовых могильниках (Рябинин, 1997. С. 86) до сих пор остаются предположениями, не подкрепленными полевыми данными. Прямые связи этих памятников с последующей ярко выраженной и своеобразной курганной культурой пока не устанавливаются.

Ареал Приладожской курганной культуры на рубеже I–II тыс. н. э. включал Юго-Восточное Приладожье и район Прионежья с бассейнами рек Сяси, Тихвинки, Воронезки, Паши, Капши, Ояти, Свири, Олонки, Тулоксы, Видлицы

и северное побережье Онежского озера. Начиная с 70-х гг. XIX в. и на протяжении более 100 лет курганы исследовались как отечественными, так и зарубежными археологами (подробнее см.: Кочкуркина, 2017. С. 76, 77).

В курганной культуре можно выделить три этапа. Первый, охватывающий конец IX — начало XI в., — период становления погребальной обрядности; второй — XI–XII вв. — формирование прибалтийско-финской культуры; третий характеризуется затуханием курганной погребальной традиции, славяно-русским освоением региона и христианизацией населения. В ранних, как правило, крупных по размерам насыпях, в основном X — начала XI в., расположенных в центральной части Приладожья, умершие в подавляющем большинстве погребены по обряду сожжения. Синхронные им труположения немногочисленны и ориентированы по всем странам света. В нескольких случаях захоронения сделаны в два яруса. Отмечены два погребения в ладье, зафиксированы остатки бересты на погребениях, очаги и кострища с бытовым инвентарем, захоронения сожженных лошадей, погребение собаки. В северной группе (Чёлмужи) появляются первые погребения в срубах. К скандинавским и финско-скандинавским отнесены 30 погребений.

В многочисленной группе курганов XI–XII вв., занимающей большую по сравнению с предыдущей группой территорию, еще встречаются

¹ ИЯЛИ Карельского НЦ РАН; ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

погребения по обряду сожжения, что свидетельствует о сохранении более ранней обрядности, однако преобладают труположения с южной ориентировкой умерших. Появляются могильные ямы. Срубы, гробы, следы от деревянных могильных сооружений отмечены в славянских насыпях на южной границе ареала Приладожской культуры, а также на р. Сязнеге и Олонецком перешейке. Очаги и кострища редки. Лишь одно погребение на р. Паше этого времени можно признать скандинавским.

Курганы в южной части Карелии по рекам Олонке, Тулоксе и Видлице, а также некоторые насыпи на р. Ояти отличаются своеобразием погребальной обрядности, что позволило в свое время В. И. Равдоникасу выделить особый видлицкий тип. В невысоких расплывчатых насыпях располагались своеобразной формы срубы, гробовища с выступающими концами: северные и южные бревна длиннее западных и восточных. В одних случаях могильные сооружения сделаны из досок, в других — из балок, иногда с деревянными крышками. Умершие укладывались головой на юг с некоторым отклонением к западу или востоку.

О затухании курганной погребальной обрядности свидетельствуют малочисленные группы курганов XII–XIII вв. на Олонецком перешейке. Умершие погребены в могильных ямах и деревянных сооружениях: гробовищах, срубах, колодах и ориентированы на запад и восток. В XIII в. курганы как форма погребальных памятников прекращают свое существование.

В предлагаемой статье автор хотела бы более подробно остановиться на особенностях материальной культуры населения, оставившего Приладожскую курганную культуру в период ее формирования и развития, которые отразились в характере погребального инвентаря.

Продукция ювелирного ремесла разнообразна и многочисленна. Большею частью она представлена женскими украшениями. В X — начале XI в. бытовали западноевропейского производства гривны из бронзы, реже серебра и железа. Разнообразные глазчатые бусы встречались на всей территории Приладожской культуры, но особенно их много в курганах на р. Ояти. Вопрос о производстве бус пока не решен, но исследователи склонны считать, что бусы X в. в основном привозные. Бронзовые бусы-«флаконики», наоборот, не являются предметом импорта, они

наиболее характерны для населения берегов р. Ояти.

Овально-выпуклые фибулы X в. скандинавского происхождения (типы 27, 48, 51, 55, 56 по Я. Петерсену) получили широкое распространение не только среди населения Скандинавии, Финляндии, Прибалтики, Центральной Европы, но и на территории России, в том числе и в памятниках Приладожья. К нагрудным украшениям относятся трилистная и круглая фибулы (типы 89, 90, 116, 117, 120). Традиция носить парные фибулы сохранилась у населения Приладожья даже тогда, когда скандинавские фибулы вышли из употребления. На их смену пришли простые спиралекопечные застёжки, использовавшиеся на всем протяжении существования курганной культуры.

Самые ранние из браслетов, тоже северо-европейского происхождения, датируются X — началом XI в. Позднее их сменили изделия древнерусских образцов.

В ранних курганах появляются железные и бронзовые игольники с вертикальной петлей для подвешивания. Они не были местным изобретением. Бытовали в памятниках Швеции, Норвегии, Латвии, Эстонии. В XI–XIII вв. применялись горизонтальные игольники с ажурными подтреугольными щитками.

Н. В. Ениосова подвергла тщательному анализу ювелирные изделия из курганов р. Ояти и селища Чёлмужи. По ее мнению, изделия X — начала XI в. включают скандинавские фибулы и местные прибалтийско-финские украшения и отражают абсолютное доминирование медно-цинковых сплавов, характерное для эпохи викингов в Скандинавии, Прибалтике, Северо-Западной и Западной Руси. Среди украшений, выполненных из латуни, самым качественным является овальная фибула из погребения Шангеничи-лес-7: она выполнена умелым мастером, владевшим «всеми приемами элитарного ювелирного искусства» (Ениосова, 2017. С. 121, 122). Весьма ценно наблюдение исследовательницы, что находки массовых типов украшений на территории Приладожья «с дефектами литья и нечетким орнаментом не могут свидетельствовать об их местном производстве — такие украшения характерны и для территории Скандинавии» (Там же).

Предметы вооружения представлены мечами IX и X вв. западноевропейского производства. Лезвия большинства изделий имеют дамаскированные узоры, на некоторых сохранились именные

клейма. Мечей с надписью ULFBERHT в Приладожье четыре. На одном из них клеймо выложено отрезками железной проволоки в стальной основе клинка. Несмотря на некоторые технические особенности надписи (соединенные первые две буквы, перевернутую T, неказистую R, разную величину букв), — это высокого качества оружие, изготовленное в районе Рейна. По количеству найденных мечей Юго-Восточное Приладожье занимает первое место среди отечественных синхронных памятников. Полагают, что поставщиком оружия была Ладога, откуда в результате разносторонних торговых связей они попали в Приладожье (*Кирпичников, Назаренко, 1989. С. 336–338*). Кроме того, встречены типичные для североевропейских стран умбоны от щитов.

В X — начале XI в. в набор воина входили втульчатые наконечники копий западноевропейского производства. Два железных вертела, найденные в Приладожье, имеют аналогии в норвежских памятниках времен викингов. Боевые топоры представлены древнерусскими и североевропейскими формами.

Недавние исследования А. Ю. Щедриной предметов боевого и охотничьего вооружения из коллекции ИЯЛИ КарНЦ РАН показали, что население, проживавшее на р. Ояти, было значительно менее военизированным, чем население более южных районов Юго-Восточного Приладожья. Если специальные боевые орудия редки, то часто встречаются универсальные инструменты: топоры, охотничье вооружение. Иными словами, погребения с оружием не имеют отношения к военной дружине. Тем не менее, считает А. Ю. Щедрина, в оятских курганах были не только яркие импортные экземпляры, но и самобытные изделия (*Щедрина, 2021. С. 251–294*).

Возвращаясь к ювелирным изделиям, остановимся на оригинальных бронзовых бусах-«флакончиках». Они встречены в 20 женских погребениях X — начала XI в., за исключением женского погребения Вихмязь (курган 69), исследованного Н. Е. Бранденбургом (приложение, № 4).

Бусы из тонкого бронзового листа с двумя суживающимися шейками делались на глиняной основе. Иногда их называли дутыми бусами или «флакончиками». Данный тип концентрируется на определенной территории, в отличие от стеклянных бус, ареал которых довольно широк не только в Юго-Восточном Приладожье, но и далеко за его пределами. Наибольшая концентрация

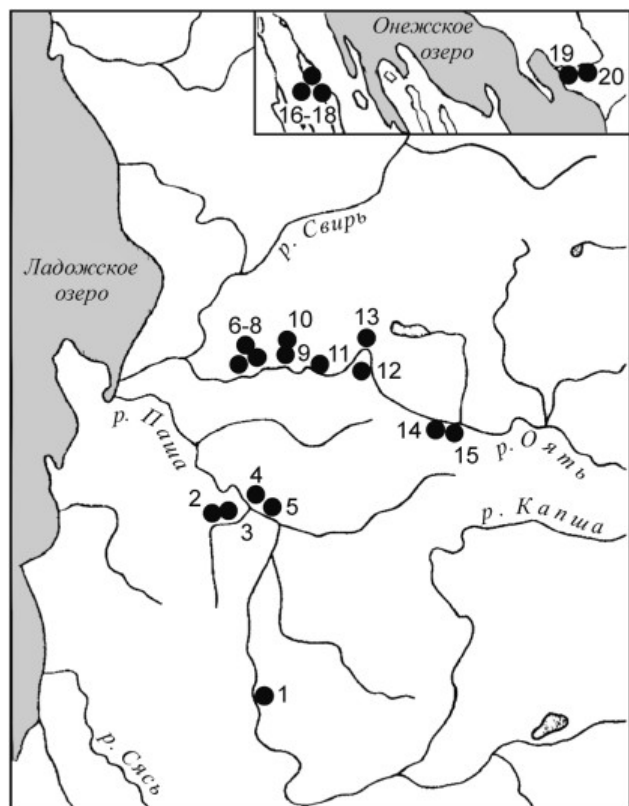
бронзовых бус отмечена в курганах на р. Ояти (рис. 1). В курганах на р. Сязнеге длина одинарных флакончиков — 1,3–1,6, иногда 1,7 см, ширина — 1,2–1,4 см. В курганах Шангеничи-лес длина одинарных флакончиков — 1,5–1,9 см, ширина — 1,4–1,6 см. Есть крупные бусины длиной 2 см и шириной 1,8 см. В курганах Нюбиничи длина одинарных бус 1,5–1,8 см, ширина — 1,3–1,4 см. У двойных бус из Гайгово длина 2,2–2,5 см, ширина 1,0–1,2 см.

Время применения бус — X — начало XI в. — подтверждается встречаемостью их в одних погребальных комплексах с хорошо датированными предметами и монетами. Поэтому этот тип бус можно считать твердым хронологическим критерием при датировании погребальных комплексов. Естественно, возникает вопрос о месте производства бус. Были предположения о находках аналогичных бус в курганах Ярославского Поволжья (*Мальм, 1963. С. 38*), но пока эта информация не подтвердилась. Ранее было высказано мнение о местном, то есть в бассейне р. Ояти, производстве этих изделий (*Кочкуркина, 1973. С. 27*).

«К типичным украшениям местного населения относятся еще три предмета из группы свинцовых латуней. Три бусины-флакончика были прикреплены кожаным ремешком к игле подковообразной фибулы из женского трупосожжения Гайгово-1 начала XI в. Они сделаны из сплава с высоким содержанием свинца и концентрацией цинка, не превышающей 3 % <...> Отсутствие литейных швов и тонкие стенки изделий указывают на литье по выплавляемой восковой модели <...> Массовость находок бусин-флакончиков свидетельствует в пользу серийного производства восковых моделей в многоцветных разъемных формах» (*Енисосова, 2017. С. 127*).

На основе анализа глины в бусине одного из кургана на р. Ояти высказано предположение о местном происхождении глины, но для такого утверждения требуется серия анализов. Более убедительным, на мой взгляд, является предположение о производстве бус в Ладоге — первом торгово-культурном и ремесленном центре Древней Руси. В конце IX — начале XI в. Ладога — общепризнанный международный торговый и ремесленный центр. Из ювелирных ладожских мастерских изделия вместе с их владельцами осваивали территории Приладожской курганной культуры, где они обрели вечный покой.

Рис. 1. Карта курганов с бусами- «флакончиками»: 1 — Вахрушево, курган 116; 2 — Сязнега, курган 51; 3 — Сязнега, курган 9; 4 — Вихмязь, курган 69; 5 — Вихмязь, курган 71; 6 — Карлуха, курган 6; 7, 8 — Карлуха, курган 7; 9 — Шангеничи-лес, курган 7; 10 — Шангеничи-село, курган 1; 11 — Мергино, курган 10; 12 — Яровщина, курган 4; 13 — Гайгово, курган 1; 14 — Ньюбиничи, курган 1; 15 — Ньюбиничи, курган 2; 16 — Кокорино, случайные находки; 17 — Кокорино, курган 2; 18 — Кокорино, курган 5; 19 — Чёлмужи, курган 1; 20 — Чёлмужи, курган 5

Fig. 1. Map of barrows with “phial”-beads: 1 — Vakhrush-evo, barrow 116; 2 — Syaznega, barrow 51; 3 — Syaznega, barrow 9; 4 — Vikhmyaz, barrow 69; 5 — Vikhmyaz, barrow 71; 6 — Karlukha, barrow 6; 7, 8 — Karlukha, barrow 7; 9 — Shangenichi-les, barrow 7; 10 — Shangenichiselo, barrow 1; 11 — Mergino, barrow 10; 12 — Yarovshchina, barrow 4; 13 — Gaygovo, barrow 1; 14 — Nyubinichi, barrow 1; 15 — Nyubinichi, barrow 2; 16 — Kokorino, stray finds; 17 — Kokorino, barrow 2; 18 — Kokorino, barrow 5; 19 — Chyolmuzhi, barrow 1; 20 — Chyolmuzhi, barrow 5

Приложение
Каталог погребальных комплексов X —
начала XI в. с бусами-«флакончиками»
(рис. 1)

1. *Вахрушево, курган 116*, исследован Н. Е. Бранденбургом. Женское трупосожжение сопровождали следующие предметы: медвежьи когтевые фаланги; фибула типа 55 или 56 с обрывками цепочки; бронзовый трубчатый игольник; четыре пластинчатые подвески-«уточки»; костяной гребень; обломок застежки; три бусины-«флакончика»; бубенчик; два ширококонечных с желобками на концах браслета; фрагмент перстня; спирали; две подвески; полу-расплавленная монетообразная серебряная подвеска; бронзовое колечко; спиралеконечная застежка; фрагмент тонкой бронзовой гривны, один конец которой загнут крючком; стеклянные бусы; обрывки бронзовой цепочки; кусок пчелиного воска (40 г). X — начало XI в. (Кочкуркина, 1989. С. 178–180).

2. *Сязнега, курган 51*, исследован Н. Е. Бранденбургом. Содержал три труположения и трупосожжение. В женском трупосожжении сохранились овальная фибула карельского типа; одна бутылкообразная пронизка и две поменьше; бусина-«флакончик»; горизонтальный бронзовый трубчатый игольник посередине с петлей для подвешивания; маленькая застежка (?); бубенчик; два обломка спиралей; трехбусинное височное кольцо на бронзовом стержне. X — начало XI в. (Там же. С. 138, 139).

3. *Сязнега, курган 9*, исследован С. И. Кочкуркиной. Вмещал два трупосожжения. Анализ костей одного из трупосожжений, сделанный Н. К. Верещагиным, показал, что пережженные кости принадлежали подростку 8–12 лет (выявлено также небольшое количество костей копытного животного). Вещи: гривна глазовского типа, один конец которой заканчивается головкой с четырьмя шипами; трубчатый игольник; фрагменты бронзовой цепочки; бусы-«флакончики» (36 шт.); две фибулы типа 51; круглая фибула с крестообразной фигурой в центре; два браслета; бусы стеклянные — синие и желтые зонные, «лимонки», золото- и серебростеклянные (372 экз.); куски расплавленных и деформированных глазчатых пастовых бусин, бронзовых изделий; четыре лепных горшка на расстоянии 2,0–2,3 м от погребения. X — начало XI в. (Кочкуркина, Сумманен, 2021. С. 15, 16).

4. *Вихмязь, курган 69*, исследован Н. Е. Бранденбургом. Остатки четырех мужских и женского трупосожжений. Женское: обломок гривны глазовского типа; две фибулы типа 51; два массивных браслета; три бусины-«флакончика»; подковообразная

застежка; фрагменты оплавленных бронзовых изделий; нож. X в., то есть изделия как скандинавского, так и прибалтийско-финского происхождения (Кочкуркина, 1989. С. 152, 153).

5. *Вихмязь, курган 71*, исследован Н. Е. Бранденбургом. Три трупосожжения. При женском найдены три бусины-«флакончика»; две подковообразные фибулы с головками с шипами. X — начало XI в. (Там же. С. 153, 154).

6. *Карлуха, курган 6*, исследован В. И. Равдоникасом. Два трупосожжения и два труположения. Женское погребение: завернутые в бересту предметы почти без кальцинированных костей — пять прорезных подвесок-уточек (одна орнаментирована насечками и кружковым орнаментом); подвеска-«всадница» (превращена в фибулу); 23 бубенчика; украшение из рубчатой трубочки с тремя треугольными привесками (на них имеются бронзовые шарики); спиралеконечная фибула; другая такая же, но меньших размеров; 16 спиралек; узкий пластинчатый браслет; проволочное колечко; проволочная обмотка от рукояти ножа (все из бронзы); среди бус четыре двойных «флакончика»; нож с рукояткой, обмотанной бронзовой проволокой; гривна (один конец обломан, другой заканчивается петлей). X–XI вв. (Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 20, 21).

7. *Карлуха, курган 7*, погребение 1, исследовано В. И. Равдоникасом. Женское трупосожжение сопровождалось фибулой типа 55; одним литым массивным браслетом и вторым, с несомкнутыми концами; фрагментами цепочек; спиралями; стеклянными бусами; семью «флакончиками»; железной гривной; ножом с серебряной обмоткой; саманидским дирхемом с ушком 958/959. X — начало XI в. (Там же. С. 21, 22).

8. *Карлуха, курган 7*, погребение 2, исследовано В. И. Равдоникасом. Женское трупосожжение с вещами: фибулы — одна типа 116, две — типа 56; два литых массивных браслета; подковообразная фибула; фрагмент фибулы типа 55; четыре прорезные подвески-«уточки» четыре колоколообразные привески; «флакончики»; монета 934/935 и одна — Хаманилы; железная гривна и другие изделия. X — начало XI в. (Там же. С. 21, 22).

9. *Шангеничи-лес, курган 7* (рис. 2), исследован А. М. Линеvским. Пустая могильная яма и трупосожжение, произведенное, видимо, на месте. Скопление кальцинированных костей и сложенные в кучу предметы-украшения, а также три ожерелья, одно из которых состояло из 18 крупных и одной поменьше глазчатых черных бусин, в другом были желтые с выпуклыми голубыми, черными, красными глазками бусины (37 шт.), в третьем — аналогичные желтые и голубые (39 шт.). Две овальные

ажурные фибулы типа 51; два массивных браслета с ажурными накладками, снабжены замками; крупный бубенчик с крестообразной прорезью; полая трубочка; фрагмент гривны с винтовой нарезкой и орнаментированным крючком; бронзовые бусы-«флакончики» (43 шт.); костяное пряслице; нож. Сохранились фрагменты двух лепных сосудов. X — начало XI в. (Кочкуркина, Сумманен, 2021. С. 25, 26).

10. *Шангеничи-село, курган 1*, с трупосожжением и труположением, исследован А. М. Линеvским. В слое кальцинированных костей найдены: бронзовая гривна из круглого в сечении дрота с косой насечкой и заходящими концами, внутри нее два массивных браслета со свободными незамкнутыми концами; равноплечая фибула типа 70–73 (по Я. Петерсену); две подковообразные фибулы с гранчатыми головками (у одной они соединены перекладиной); полая орнаментированная прочерченными линиями бронзовая трубка (игольник?); нож. Под этими изделиями находились бусы-«флакончики» (14 шт.), черные глазчатые с белыми полосами. В центре располагалась лепная толстостенная круглодонная чаша. X в. (Там же. С. 34, 35).

11. *Мергино, курган 10*, исследован А. М. Линеvским. В женском погребении кургана 106, ориентированном на запад, выявлены три ряда бус длиной 101 см, включавшие нанизанные вперемешку сердоликовые, стеклянные посеребренные, хрустальные, бусы-«лимонки». На груди помещались четыре подковообразные фибулы, еще ниже — 29 округлых и шесть грушевидных одинакового размера бубенчиков, прикрепленных к кожаной тесьме, продетой в спираль (около 50 фр.); двойные бронзовые пронизки, крепившиеся к крученой нити, продетой в спираль. С левой стороны пояса находились крупный нож и железное изделие, по-видимому, тоже нож, с остатками дерева на одном конце. На руках — витые из бронзовой проволоки браслеты с завязанными концами, орнаментированный пластинчатый перстень и железный горизонтальный с двумя петлями игольник.

В юго-западном секторе кургана 10в на нуле зафиксированы два скопления кальцинированных костей с вещами: одно у самого края кургана (погребение 4), другое — в 1 м к востоку (погребение 5). Погребение 4, занимавшее площадь 0,6 × 0,5 м, состояло из слоя жженных костных остатков толщиной до 0,05 м. Собраны двойные желтые пронизки (3 экз.); одинарная бусина; «флакончики» (7 экз., три из них сильно обгорели); спиралеконечная застежка с круглым сечением дуги; бронзовая цепочка длиной 12 см; три бубенчика; железный игольник с сохранившейся металлической иглой внутри;

Рис. 2. Шангеничи, курган 7: 1, 2 — бусы; 3 — бусы-«флакончики»; 4 — гривна
Fig. 2. Shangenichi, barrow 7: 1, 2 — beads; 3 — “phial”-beads; 4 — neck ring

пластинчатое кресало с ушком; два ножа (13 и 14 см); один фрагмент с приставшими к нему двумя расплавленными бусинами.

Погребение 5 в виде пятна кальцинированных костей и перемешанного инвентаря: бусы-«флакончики» (13 экз., один с удлиненными концами, от других сохранилась глиняная основа); три фрагмента расплавившихся бус; несколько витков бронзовой проволоки; рукоять кресала из бронзы с центральным ромбическим отверстием (само кресало отсутствует); фрагмент железного изделия длиной 13 см; один конец которого в форме лопаточки; обломок деформированной от воздействия огня фибулы; два кусочка бронзы с сохранившейся по краям мелкой насечкой (один из них от конца вышеназванной спиралеконечной застежки-фибулы). Трупосожжения датируются X — началом XI в., труположения — XI–XII вв. (*Кочкуркина, Сумманен, 2021. С. 43–45*).

12. *Яровщина, курган 4*, исследован В. И. Равдоникасом. Женское трупосожжение сопровождали следующие предметы: бронзовая гривна с четырьмя шипами на одном конце; две фибулы типа 51; два орнаментированных браслета; декорированный трубчатый игольник; подвеска-«собачка»; фрагменты цепочек, спиралек; бронзовые бусины (восемь двойных, 21 одинарная); фрагменты ножей и железных изделий. X — начало XI в. (*Кочкуркина, Линевский, 1985. С. 102*).

13. *Гайгово, курган 1* (рис. 3), исследован А. М. Линевским. Женское трупосожжение, скорее всего, подростка, сопровождалось большим количеством хорошо датированных предметов, среди которых: сердоликовые и стеклянные бусы; браслеты; пластинчатые подвески-«уточки»; подковообразные застежки; три чешские монеты X в.; копоушка; изделия из железа; лепные сосуды. В берестяном свертке с остатками ткани сохранилось ожерелье длиной 130 см из бронзовых двойных бусин (49 шт.), прикреплявшееся ремешками к двум нагрудным застежкам. Начало XI в. (*Кочкуркина, Сумманен, 2021. С. 61–63*).

14. *Нюбиничи, курган 1* с трупосожжением и труположением, исследован А. М. Линевским. В свертке из бересты были кальцинированные кости и вещи: трилистная фибула; восточная монета с отверстием (916/917); литой орнаментированный браслет; пластинчатый браслет с двумя парами ушек и вдетыми в них кольцами; трубчатый игольник; нож; 430 стеклянных бусин; просверленная раковина каури. Здесь же собраны четыре обгоревших «флакончика» и основа для них, мелкие бронзовые бусы. X в. (*Там же. С. 67, 68*).

15. *Нюбиничи, курган 2* (рис. 4) с тремя труположениями, исследован А. М. Линевским. Сопровождающий женское погребение инвентарь содержал три ряда бус (102 экз.) из сердоликовых, разноцветных стеклянных бусин; гривну; восточную монету; круглую со следами позолоты фибулу (тип 116) с фрагментами бронзовой цепочки; подковообразную фибулу, от которой свисала нить длиной 118 см из бус-«флакончиков» (73 одинарных, два двойных); спиралеконечную застежку; подвеску-«собачку»; полулю подвеску-«уточку». На правом предплечье находились бронзовые ножны с отпечатками тонкого полотна, на левом — трубчатый бронзовый игольник, полая подвеска-«уточка» и бубенчик, на правой руке — массивный с ажурной вставкой браслет с замком и овальный, с несомкнутыми орнаментированными концами; на левой — идентичный изделие на правой руке массивный браслет с замком. X — начало XI в. (*Там же. С. 68–70*).

16. *Кокорино*. Случайные находки из курганов: две фибулы типа 51; три подвески «всадницы на змее»; гривна глазовского типа; обломок плетеной гривны; железная гривна; два ложновитых завязанных браслета; литой браслет; фрагмент пластинчатого браслета; пять спиралеконечных застежек; два бубенчика; пять бутылкообразных пронизок; кусочки бронзовой пластинки; пастовые и стеклянные бусы; бусина-«флакончик»; украшение из бронзового кольца с тремя цепочками, заканчивающимися кольцом, пробойником и обоймой. X–XI вв. (*Там же. С. 97, 98*).

17. *Кокорино, курган 2*, исследован А. М. Спиридоновым. Содержал два погребения (женское и мужское), очаг и очажок. Женское трупосожжение разрушено. В выбросе встречены мелкие кальцинированные кости и вещи: два бронзовых крестопререзных бубенчика; двойная бусина-«флакончик»; три обломка спиралек; фрагменты орнаментированных накладок рогового гребня; оплавившиеся и спекшиеся бусы. X — начало XI в. (*Там же. С. 98, 99*).

18. *Кокорино, курган 5* с трупосожжением (женское) и труположением (?), исследован А. М. Спиридоновым. От женского трупосожжения сохранились 14 бусин-«флакончиков»; крестопререзной бубенчик; спиральные пронизки; стеклянные бусы; фрагменты лепного сосуда. X — начало XI в. (*Там же. С. 83–85*).

19. *Чёлмужи, курган 1* с двумя трупосожжениями и кострищем, исследован Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным. Трупосожжение женщины сопровождалось бусиной-«флакончиком», пряслицем, двумя лепными сосудами. Во втором трупосожжении находились сплавленные бусы; бусина-«флакончик»; массивная подковообразная фибула

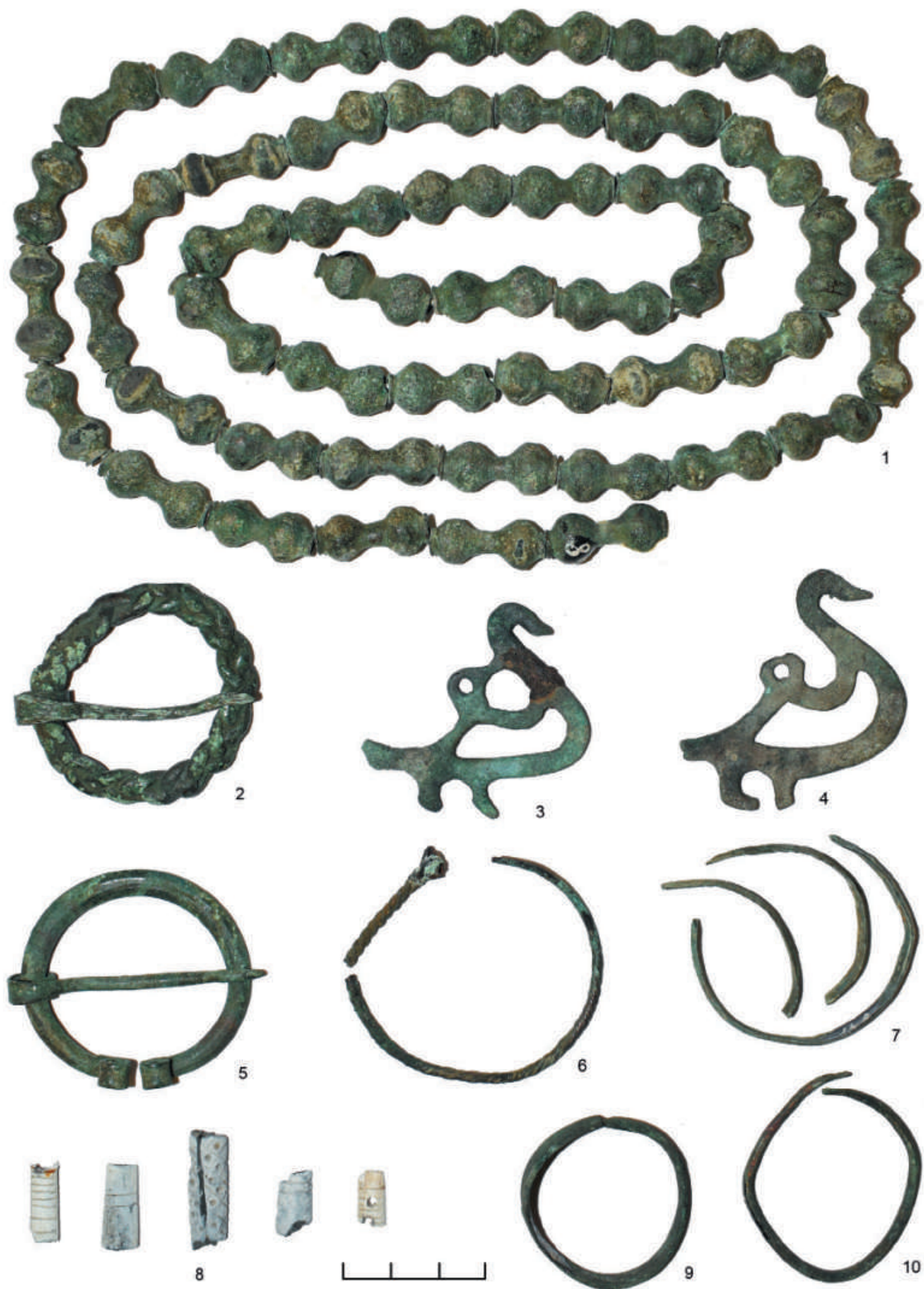

Рис. 3. Гайгово, курган 1: 1 — двойные бусы-«флаконики»; 2, 5 — застёжки; 3, 4 — подвески-«уточки»; 6, 7, 9, 10 — браслеты; 8 — фрагменты костяных накладок

Fig. 3. Gaygovo, barrow 1: 1 — double “phial”-beads; 2, 5 — clasps; 3, 4 — pendants-“ducks”; 6, 7, 9, 10 — bracelets; 8 — fragments of bone mounts

Рис. 4. Nyubinichi, курган 2: 1, 2 — бусы-«флаккончики»; 3а, 3б — круглая фибула (3а — лицевая сторона, 3б — оборотная сторона в масштабе 50 %)

Fig. 4. Nyubinichi, barrow 2: 1, 2 — “phial”-beads; 3a, 3b — a globular brooch (3a — obverse, 3b — reverse at the scale of 50 percent)

с соединенными многогранными концами и железной иглой для застегивания; фрагмент бронзовой орнаментированной бляшки; оплавленная подвеска в виде объемной уточки. X — начало XI в. (*Кочкуркина*, 2017. С. 183).

20. *Чёлмужи, курган 5* с мужским, женским и детским погребениями, исследован Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным. Женское и детское погребения находились в срубе. Многочисленный инвентарь сопровождал оба погребения: в женском были два ромбо-щитковых височных кольца; ожерелье из 159 сердоликовых, стеклянных, пастовых бусин, а

также шести монет X–XI вв. На груди — сложное украшение, состоящее из орнаментированной фибулы с шишкообразными головками, трех цепочек, на концах которых висели крестовидные подвески. Третья цепочка заканчивалась бронзовой подвеской в виде всадника на коне. Выявлены и другие оригинальные украшения. Детское погребение также сопровождалось низкой из 112 сердоликовых и стеклянных бусин, бисера. Найдено височное кольцо с тремя полыми шарообразными бусинами. Видимо, бусины-«флакончики» принадлежали женскому погребению. XI в. (*Там же*. С. 186, 187).

Енисова, 2017 — *Енисова Н. В.* Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 121–122.

Кирпичников, Назаренко, 1989 — *Кирпичников А. Н., Назаренко В. А.* Меч с именованным клеймом из Юго-Восточного Приладожья // *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 336–338.

Кочкуркина, 1973 — *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.

Кочкуркина, 1989 — *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. 247 с.

Кочкуркина, 2017 — *Кочкуркина С. И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 277 с.

Кочкуркина, Линевский, 1985 — *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Кочкуркина, Сумманен, 2021 — *Кочкуркина С. И., Сумманен И. М.* Средневековые древности: Каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. 293 с.

Мальм, 1963 — *Мальм В. А.* Изделия ювелирно-литейного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Советская Россия, 1963. С. 36–38.

Рябинин, 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: СПбГУ, 1997. 259 с.

Щедрина, 2021 — *Щедрина А. Ю.* Предметы вооружения из коллекции курганных древностей Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // *Кочкуркина С. И., Сумманен И. М.* Средневековые древности: Каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. С. 251–296.

The Ladoga kurgan culture (stages of the formation of the burial rite)

S. I. Kochkurkina²

Keywords: Ladoga region, kurgan cult, chronological stages, jewellery.

The article discusses the chronological stages of the formation of the Ladoga burial culture: the period from the end of the 9th century to the beginning of the 11th century is a time of formation of funeral rituals; the second period during 11th–12th centuries is a period of the formation of the Baltic-Finnish culture; the third period is characterized by the decay of the mound burial tradition, the Slavic-Russian development of the region and the Christianization of the population. The grave goods of the first chronological group of monuments are characterized by artefacts of the North European cultural tradition: oval-convex brooches, neck rings, bracelets and jewellery. This paper considers in detail original bronze beads encountered mostly in barrows on the Oyat River. An assumption is made about the production of bronze beads in Ladoga which was the first trade, cultural and craft centre of Ancient Russia.

² Svetlana I. Kochkurkina — Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; 11 Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russia; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

Курганный могильник Новосёлки в контексте погребальных памятников Верхнего Повиля начала II тыс. н. э.

Н. А. Плавинский¹

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследований курганного могильника Новосёлки Мядельского района Минской области Республики Беларусь, проводившихся в 1961–1962 и 1988–1990 гг. В функционировании некрополя выделяются два культурно-хронологических горизонта, наиболее поздний из которых датируется XI — первой половиной XII в. и связан с процессом распространения в регионе Верхнего Повиля древнерусской системы управления.

Ключевые слова: погребальные памятники, курганный могильник, Верхнее Повилье, Древняя Русь.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-151-166

Расположение и история изучения курганного могильника Новосёлки

Курганный могильник Новосёлки Мядельского района Минской области Республики Беларусь (рис. 1, 1) уже давно и достаточно хорошо освещен в научной литературе. Впервые о наличии курганов у бывшей деревни Новосёлки упоминает Ф. В. Покровский (*Покровский*, 1893. С. 34). Местное название памятника, который находится в лесу, в 1 км на восток от северо-восточной окраины города Мяделя, — «французские могилы». Всего в некрополе насчитывается 169 курганов диаметром от 4 до 12 м и высотой 0,5–2,3 м (*Збор...*, 1987. С. 67).

Практически все курганы, особенно самые большие по размерам, сильно повреждены разновременными перекопами и кладоискательскими ямами. Причем достоверная информация об их разрушении имеется в нашем распоряжении начиная со времени до 1925 г., когда, по сведениям местных жителей, которые были получены в 1961 г. Ю. И. Драгуном, «раскопки» курганов осуществлялись под руководством войта Мяделя Доморацко-го (*Драгун*, 1962. С. 1). К счастью, собранные при

этих работах материалы поступили на хранение в Государственный археологический музей в Варшаве (рис. 2) (*Andrzejowski et al.*, 2005. S. 146–151).

Первые научные исследования некрополя были проведены в 1961 г. под руководством Ю. И. Драгуна, который раскопал в Новосёлках четыре кургана (*Драгун*, 1962). В 1962 г. изучение могильника было продолжено И. М. Тюриной, вскрывшей восемь насыпей (*Тюрина*, 1963). В 1988–1990 гг. раскопки памятника проводили В. Н. Рябцевич и А. Н. Плавинский, которые за три года исследовали 23 кургана (*Рябцевич, Плавинский*, 1988; 1989; 1990).

Часть материалов раскопок некрополя в Новосёлках уже публиковалась. Специальные статьи были посвящены введению в научный оборот результатов работ 1961–1962 гг. (*Плавинські М., Плавинські А.*, 2002) и отдельных погребальных комплексов (*Плавинский*, 2013. С. 67–70; *Макоўская*, 2021), публикации керамической коллекции (*Плавинські А., Плавинські М.*, 2003), результатов анализа коллекции бус (*Степанова, Плавинский*, 2018. С. 275–287) и изучения элементного состава изделий из цветных металлов из раскопок 1962 г. (*Ермалицкая, Плавинский*, 2018. С. 291–293).

Разные исследователи неоднократно упоминали курганный могильник Новосёлки в своих работах и обращались к интерпретации его материалов. Автор первых раскопок некрополя

¹ Отдел археологии Полоцкой земли и сопредельных территорий, Институт истории Национальной академии наук Беларуси; ул. Академическая, 1, Минск, 220072, Минск, Республика Беларусь; e-mail: plavinsky_arc@mail.ru; plavinski.arc@gmail.com.

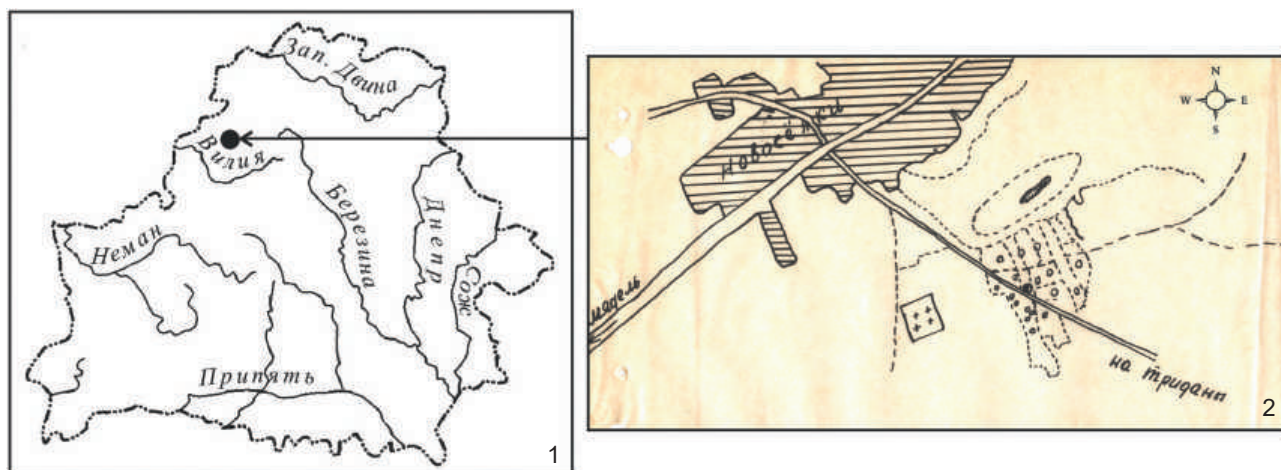

Рис. 1. Курганный могильник Новосёлки: 1 — его место на карте Беларуси; 2 — ситуационный план (съемка Г. Л. Котикова, 1961 г.)

Fig. 1. Novoselki barrow cemetery: 1 — on the map of Belarus; 2 — the situational plan of the cemetery, made in 1961 by G. L. Kotikov

Ю. И. Драгун считал, что исследованные им курганы принадлежали славянскому населению и датируются XI в. (Драгун, 1962. С. 6). И. М. Тюрина полагала, что славянская принадлежность могильника не вызывает сомнений и относила его к X–XI вв., склоняясь к XI в. (Тюрина, 1963. С. 9). Ф. Д. Гуревич определила время существования некрополя XI–XII вв. (Гуревич, 1962. С. 219). Г. В. Штыхов, ссылаясь на Ю. И. Драгуна, приурочивал исследованные им курганы к X–XI вв. и считал их кривичскими (Штыхов, 1971. С. 196; Штыхаў, 1992. С. 196). По мнению П. Ф. Лысенко, некрополь был дреговичским (Лысенко, 1991. С. 212). Я. Г. Зверуго полагал, что курганы в Новосёлках оставило смешанное славяно-балтское население и датировал его XI–XIII вв. (Звяруга, 1998. С. 53). Аналогичного мнения придерживался и А. К. Кравцевич, при этом датируя некрополь X–XI вв. (Краўцэвіч, 2000. С. 212). К этому же периоду относил время функционирования могильника и А. В. Войтехович (Войтехович, 2019. С. 123).

При публикации материалов раскопок 1961, 1962 и 1988–1990 гг. используется сквозная нумерация курганов (табл. 1), принятая в предыдущих статьях, посвященных памятнику (Плавінскі М., Плавінскі А., 2002; Плавінскі А., Плавінскі М., 2003; Плавинский, 2013. С. 67–70; Макоўская, 2021). Следует отметить, что методики раскопок насыпей и фиксации процесса их исследований на каждом этапе изучения некрополя в Новосёлках отличались, что не всегда позволяет в полной мере соотнести полученные разными авторами сведения и сравнить их наблюдения. Это, в свою очередь, определенным образом влияет на возможности анализа в процессе изучения погребального обряда некрополя и реконструкции процесса возведения курганов. Кроме того, никто из исследователей не снял полноценного плана памятника. В 1961 г. один из сотрудников экспедиции Ю. И. Драгуна составил ситуационный план могильника (рис. 1, 2), которым в дальнейшем воспользовалась И. М. Тюрина (Тюрина, 1963. С. 1). В 1988 г. А. Н. Плавинский снял ситуационный план раскопанных курганов, дополнявшийся

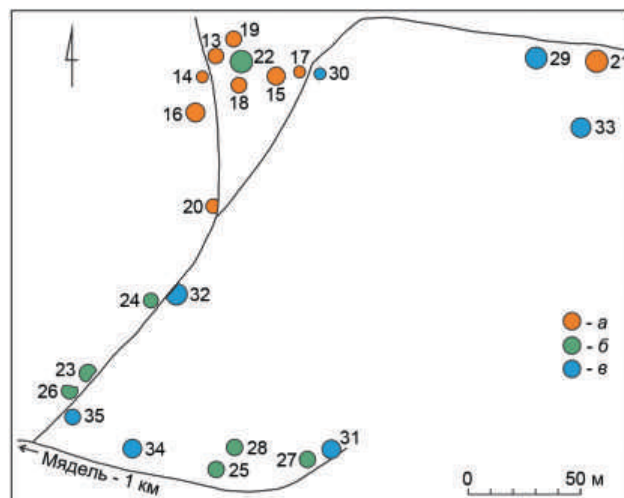

Рис. 3. Курганный могильник Новосёлки. Ситуационный план курганов, исследованных в 1988–1990 гг. (а — 1988 г.; б — 1989 г.; в — 1990 г.), рис. А. Н. Плавинского с доработкой Н. А. Плавинского
Fig. 3. Novoselki barrow cemetery. The situational plan of the barrows excavated in 1988–1990 (a — 1988; б — 1989; в — 1990), drawn by A. M. Plavinski with revision by M. A. Plavinski

в 1989–1990 гг. (рис. 3). Отсутствие единого плана некрополя, несомненно, серьезно ограничило возможности его планиграфического анализа.

Основные результаты изучения курганного могильника Новосёлки

Тот факт, что за годы изучения некрополя в Новосёлках было раскопано 35 курганов из 169 (около 20,7 % от общего числа насыпей), позволяет относительно подробно и с достаточной степенью надежности охарактеризовать его погребальный обряд. Погребения выявлены в 33 курганах (за исключением курганов 10/6 и 30/18) (табл. 1), которые можно отнести к двум культурно-хронологическим горизонтам.

К первому культурно-хронологическому горизонту могут быть отнесены две насыпи — 26/14 и 35/23 (рис. 4), возведенные над погребениями по обряду кремации (табл. 1), который совершался за пределами курганов. Данные захоронения уже

Рис. 2. Курганный могильник Новосёлки. Материалы, поступившие в 1925 г. в собрание Государственного археологического музея в Варшаве: 1 — топор; 2–4 — браслеты; 5 — фибула; 6 — височное кольцо; 7, 8 — перстни; 9, 10 — круговые горшки; 11 — роговая емкость (Andrzejowski et al., 2005. Tabl. 20, 21)

Fig. 2. Novoselki barrow cemetery. Materials received in 1925 in the collection of the State Archaeological Museum in Warsaw: 1 — ax; 2–4 — bracelets; 5 — fibula; 6 — temple ring; 7, 8 — rings; 9, 10 — wheeled pots; 11 — horn container (Andrzejowski et al., 2005. Tabl. 20, 21)

Таблица 1. Погребальный обряд, половозрастная структура погребенных и хронология погребальных комплексов курганного могильника Новосёлки

Table 1. Burial rite, sex and age composition of the buried and the chronology of funerary complexes of the barrow cemetery of Novoselki

Номер кургана в сводной нумерации	Автор и год раскопок, номер кургана в авторской нумерации	Обряд погребения	Ориентировка погребения по обряду ингумации	Пол	Возраст	Дата, в.	Культурно-хронологический горизонт	Этап второго культурно-хронологического горизонта
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
1	Драгун Ю. И., 1961, № 1	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI	II	2
2	Драгун Ю. И., 1961, № 2	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI	II	2
3	Драгун Ю. И., 1961, № 3	Ингумация на основании	Запад	М	-	2-я пол. XI	II	3
4	Драгун Ю. И., 1961, № 4	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI	II	2
5/1	Тюрина И. М., 1962, № 1	Ингумация на основании	Запад-юго-запад	М	-	XI	II	3
6/2	Тюрина И. М., 1962, № 2	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI (XI-XII?)	II	2
7/3	Тюрина И. М., 1962, № 3	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI	II	2
8/4	Тюрина И. М., 1962, № 4	Ингумация на основании	Запад	Ж	-	Кон. XI — нач. XII	II	3
9/5	Тюрина И. М., 1962, № 5	Ингумация на основании	Юго-запад	Ж	-	2-я пол. — серед. XI	II	1
10/6	Тюрина И. М., 1962, № 6	-	-	-	-	-	-	-
11/7	Тюрина И. М., 1962, № 7	Ингумация на основании	?	?	-	-	II	-
12/8	Тюрина И. М., 1962, № 8	Ингумация на основании	Северо-запад	М	-	1-я пол. XI	II	1
13/1	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 1	Ингумация на основании	Запад	М	30-35	2-я пол. XI — серед. XII	II	3
14/2	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 2	Ингумация на основании	Запад	Ж	-	Посл. четв. XI — нач. XII	II	3
15/3	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 3	Ингумация на подсыпке	Запад-юго-запад	Ж	-	2-я четв. — кон. XI	II	2

Таблица 1, продолжение

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
16/4	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 4	Ингумация на основании	Юго-запад	Ж	-	2-я четв. — кон. XI	II	2
17/5	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 5	Ингумация на основании	Запад	Ж (?)	-	2-я пол. XI — нач. XII	II	3
18/6	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 6	Ингумация на основании	Восток	Ж	-	XI — нач. XII	II	2
19/7	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 7	Ингумация на основании	Запад	М	20–25	2-я пол. XI	II	3
20/8	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 8	Ингумация на основании	Запад	Ж	-	XI — серед. XII	II	3
21/9	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1988, № 9	Ингумация в подкурган- ной яме	Восток	М	30–35	XI — нач. XII	II	2
22/10	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 10	Ингумация на основании	Северо-запад	М	55–60	2-я пол. XI	II	3
23/11	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 11	Кремация, размещенная на основании внутри дере- вянной кон- струкции	-	-	-	?	-	-
24/12	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 12	Парная ингумация на основании	Юго-запад	Ж (погр. 1), не определен (ребенок) (погр. 2)	16–17 3–5	XI	II	Вероятно, 1
25/13	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 13	Ингумация на основании	Запад	М	35–40	XI	II	Вероятно, 1
26/14	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 14	Кремация, помещенная на основании	-	-	Не менее 13	3-я четв. I тыс.	I	
27/15	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 15	Ингумация на основании	Запад	-	-	-	II	-
28/16	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1989, № 16	Ингумация на основании	Запад	М	45–50	XI	II	Вероятно, 1
29/17	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 17	Парная ингумация на основании	Запад (погр. 1), северо-запад (погр. 2)	Ж М	Под- росток	XI	II	2
30/18	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 18	-	-	-	-	-	-	-
31/19	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 19	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI	II	2

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
32/20	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 20	Ингумация на основании	Запад (погр. 1), запад или юго- запад (погр. 2)	М Ж	-	1-я пол. XI	II	1
33/21	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 21	Ингумация на основании	Запад	М	-	Послед. четв. XI— XII	II	3
34/22	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 22	Ингумация на основании	Запад	М	-	XI	II	Вероятно, 1
35/23	Рябцевич В. Н., Плавинский А. Н., 1990, № 23	Кремация, помещенная в горшок, поставленный в подкурган- ную яму	-	-	-	3-я четв. I тыс.	I	

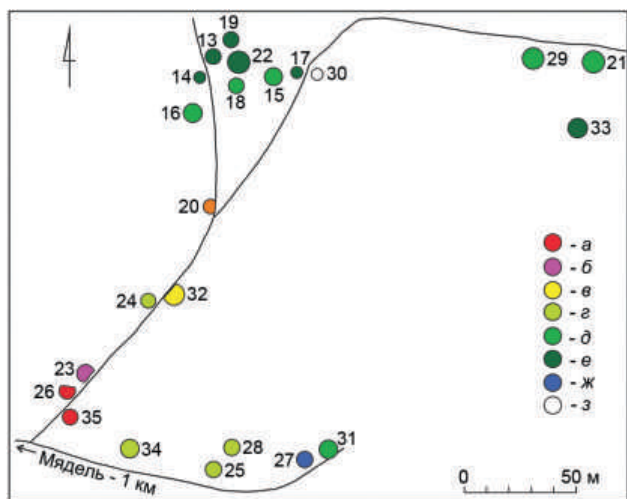

Рис. 4. Курганный могильник Новосёлки. Ситуационный план курганов, исследованных в 1988–1990 гг. Хронологические группы погребений: а — курганы первого культурно-хронологического горизонта; б — курган с погребением по обряду кремации и лепным горшком с «плечиком»; в–ж — курганы второго культурно-хронологического горизонта (в — этап 1; г — вероятные курганы этапа 1; д — этап 2; е — этап 3; ж — недатированные курганы второго культурно-хронологического горизонта); з — курган без погребения (рисунок Н. А. Плавинского)

Fig. 4. Novoselki barrow cemetery. Situational plan of barrows excavated in 1988–1990. Chronological groups of burials: а — barrows of the first cultural-chronological horizon; б — barrow with a cremation burial and a pot from the “shoulder”; в–ж — of the second cultural-chronological horizon (в — barrows of stage 1; г — probable barrows of stage 1; д — barrows of stage 2; е — barrows of stage 3; ж — undated barrows); з — barrow without burial (drawn by M. A. Plavinski)

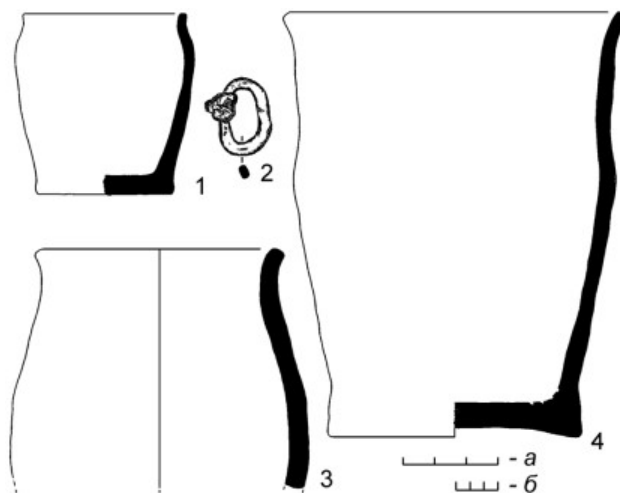

Рис. 5. Курганный могильник Новосёлки. Первый культурно-хронологический горизонт. Погребальный инвентарь: 1, 3, 4 — лепные сосуды; 2 — железная пряжка. 1, 3, 4 — из кургана 26/14; 2, 4 — из кургана 35/23 (1, 3, 4 — рисунки Н. А. Плавинского; 2 — рисунок Ю. П. Латушковой). Масштаб: а — для 2; б — для 1, 3, 4

Fig. 5. Novoselki barrow cemetery. Grave goods from the barrows of the first cultural-chronological horizon: 1, 3, 4 — hand-made pots; 2 — iron buckle (1, 3 — from barrow 26/14; 2, 4 — from barrow 35/23). 1, 3, 4 — drawn by M. A. Plavinski; 2 — drawn by Yu. P. Latushkova. Scale: а — for 2; б — for 1, 3, 4

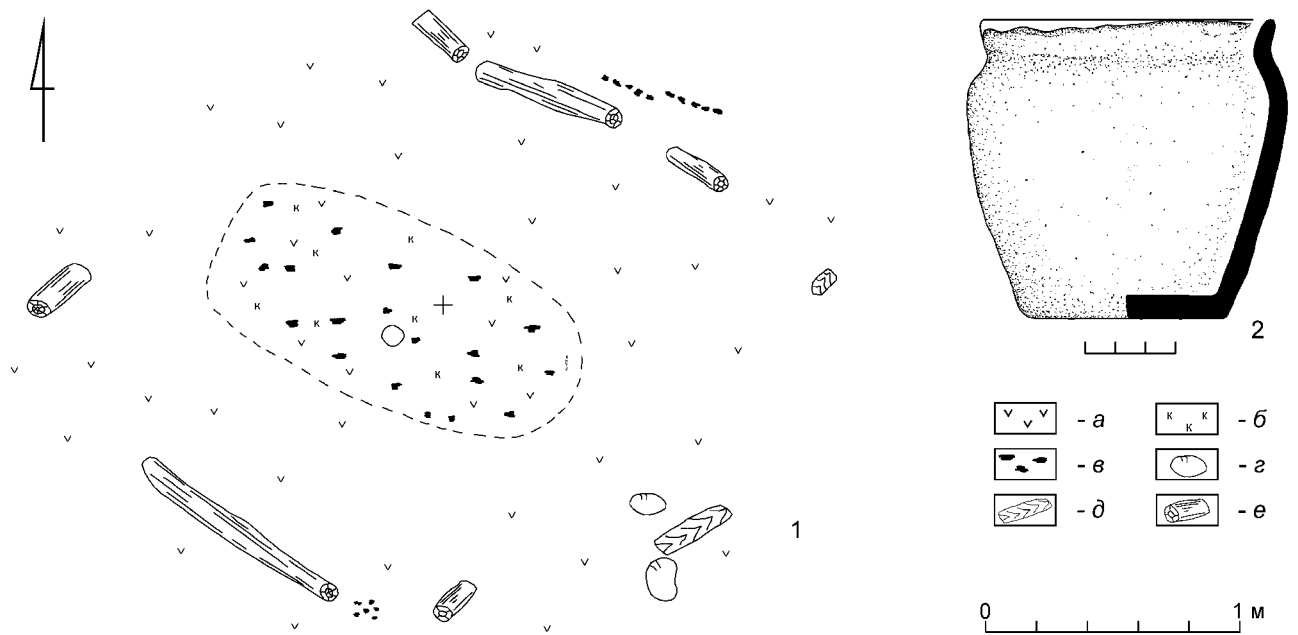

Рис. 6. Курганный могильник Новосёлки. Погребение по обряду кремации из кургана 23/11: 1 — план (рисунок А. Н. Плавинского); 2 — сосуд (рисунок Н. А. Плавинского). Условные обозначения: а — пепел; б — кальцинированные кости; в — уголь; г — камень; д — доска; е — бревно

Fig. 6. Novoselki barrow cemetery. The cremation burial of barrow 23/11: 1 — plan (1 — drawn by A. M. Plavinski; 2 — drawn by M. A. Plavinski). Keys: a — ashes; б — calcified bones; в — coal; г — stone; д — board; e — log

рассматривались в отдельной статье в контексте синхронных погребальных памятников междуречья Западной Двины и Вилии (Плавинский, 2013), что позволяет опустить их подробное описание и анализ и привести только основные сведения об обряде, инвентаре и датировке.

Погребение в кургане 26/14 размещалось на основании насыпи. Среди кальцинированных костей выявлена нижняя челюсть с зубами, по которой был определен возраст погребенного индивида — не младше 13 лет — и фрагменты двух лепных горшков (рис. 5, 1, 3) типа 3, по Н. В. Лопатину (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 36).

В кургане 35/23 кальцинированные кости с углем были помещены в лепной горшок (рис. 5, 4), поставленный в подкурганную яму. Кроме остатков трупосожжения в заполнении горшка, относящегося к типу 2, по Н. В. Лопатину (Там же. С. 36), выявлена железная пряжка с рамкой, близкой по форме к овальной (рис. 5, 2), датировка которой может быть определена в рамках V–VII вв. (Михайлова, 2014. С. 28). Таким образом, оба кургана, относящихся к первому культурно-хронологическому горизонту могильника Новосёлки, могут быть датированы третьей четвертью I тыс. н. э. (Плавинский, 2013. С. 68, 69).

Особое место на хронологической шкале изученных в Новосёлках погребений занимает курган 23/11, где остатки трупосожжения, совершенного на стороне, были помещены внутри деревянной конструкции, возможно, сруба, ориентированной углами по сторонам света и размещенной на основании насыпи (рис. 6, 1). Единственным предметом инвентаря, найденным при погребении, является типичный для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее КСПДК) лепной горшок «с плечиком» (рис. 6, 2), что не дает оснований для датировки захоронения периодом, более узким, чем время существования культуры в западной части ее ареала, — VIII — началом или первой половиной XI в. Учитывая этот факт, а также то, что в некрополе Навры II бескурганные погребения КСПДК соседствуют с насыпями третьей четверти I тыс. н. э. (Плавинский, Тарасевич, 2021. С. 320–322), на данном этапе исследований наиболее целесообразным представляется воздержаться от отнесения кургана 23/11 к первому или ко второму культурно-хронологическому горизонту некрополя. Его скорее следует рассматривать как отражение определенного переходного этапа в существовании могильника. Примечательно, что курган 23/11 находится

в непосредственной близости от насыпей первого культурно-хронологического горизонта в юго-западной части ситуационного плана исследованных в 1988–1990 гг. курганов некрополя (рис. 4).

Ко второму культурно-хронологическому горизонту функционирования могильника в Новосёлках принадлежат 30 курганов (рис. 4), в которых были выявлены захоронения по обряду ингумации (табл. 1). Датировка этого горизонта может быть определена на основании анализа хронологии отдельных погребальных комплексов. Из 30 курганов, принадлежащих ко второму культурно-хронологическому горизонту, достаточно надежную датировку имеют 28 насыпей. В свою очередь два кургана с ингумациями, поврежденные перекопами, или не содержали инвентаря, пригодного для сколько-нибудь узкого датирования (курган 11/7), или были безынвентарными (курган 27/15).

Второй культурно-хронологический горизонт функционирования могильника в Новосёлках можно уверенно определить в рамках XI — начала, возможно, середины XII в. (табл. 1). Из общей хронологии, на первый взгляд, выделяется курган 33/21, датированный последней четвертью XI — XII в., однако относительно немногочисленный инвентарь, сопровождавший погребение, позволяет надежно определить только его нижнюю хронологическую границу. Наличие целого ряда относительно узко датированных погребальных комплексов дает возможность попытаться разработать в рамках второго культурно-хронологического горизонта более детальную хронологическую шкалу, в которой выделяются три этапа.

К *этапу 1* можно уверенно отнести три погребальные насыпи (курганы 9/5, 12/8, 32/22), датировка которых укладывается в рамки первой половины — середины XI в. (табл. 1). Вероятно, к нему же могут также принадлежать и все ингумации, сопровождавшиеся лепной посудой: курганы 24/12, 25/13, 28/16, 34/22. Правильность такого допущения подтверждается и местом, которое они занимают на ситуационном плане курганов, исследованных в 1988–1990 гг. На плане видно, что и хорошо датированная насыпь 32/22, и все погребения с лепной керамикой размещаются в близости от курганов с кремациями, к востоку от них, на юго-западной и южной окраинах исследованного участка некрополя (рис. 4).

К *этапу 2*, который охватывает XI — начало XII в., иначе говоря, практически весь период функционирования второго культурно-

хронологического горизонта некрополя, можно отнести 11 курганов (табл. 1). В эту группу попадают все широко датированные погребения.

Наконец, к *этапу 3* следует приурочить курганы, которые относятся ко второй половине XI — первой половине XII в., таковых насчитывается 10 (табл. 1).

Конечно, выделенные этапы имеют условные границы и пересекаются друг с другом. Однако аналитическая полезность предложенной хронологической схемы хорошо продемонстрирована на ситуационном плане курганов, исследованных в 1988–1990 гг. (рис. 4). Несмотря на ограниченные возможности использования такого плана, где нанесены только раскопанные насыпи, всё же определенные выводы можно сделать достаточно уверенно. Скорее всего, древнейшая часть некрополя располагается на юго-западе исследованного участка, где были выявлены все курганы с погребениями по обряду кремации. В дальнейшем территория могильника разрасталась в восточном и северном направлениях. Примечательно, что курганы *этапа 1* второго культурно-хронологического горизонта и насыпи, отнесенные к нему на основании выявления в погребениях лепной посуды, размещены в близости от насыпей с кремациями. Наконец, не менее показательным, что определенная концентрация курганов *этапа 3* наблюдается на самой северной окраине исследованного в 1988–1990 гг. участка. Таким образом, соотнесение выделенных этапов в функционировании некрополя с ситуационным планом курганов, раскопанных в 1988–1990 гг., с одной стороны, позволяет реконструировать планиграфическое развитие некрополя, а с другой — подтверждает правильность выделения самих этапов.

Погребальный обряд второго культурно-хронологического горизонта могильника в Новосёлках выглядит достаточно стандартизированным и однообразным (рис. 7; 8, 1; 9, 1, 2). В 27 курганах из 30 тела умерших были уложены головами на запад с отклонениями к северу и югу (табл. 1). В кургане 11/7 определить ориентировку не удалось по причине его повреждения перекопом. И только в двух случаях — в курганах 18/6 и 21/9 — тела погребенных были уложены головами на восток. Очевидно, что коллектив, который использовал некрополь в Новосёлках в качестве своего кладбища на протяжении XI — первой половины XII в., имел вполне определенное представление об ориентации тел умерших. Не менее

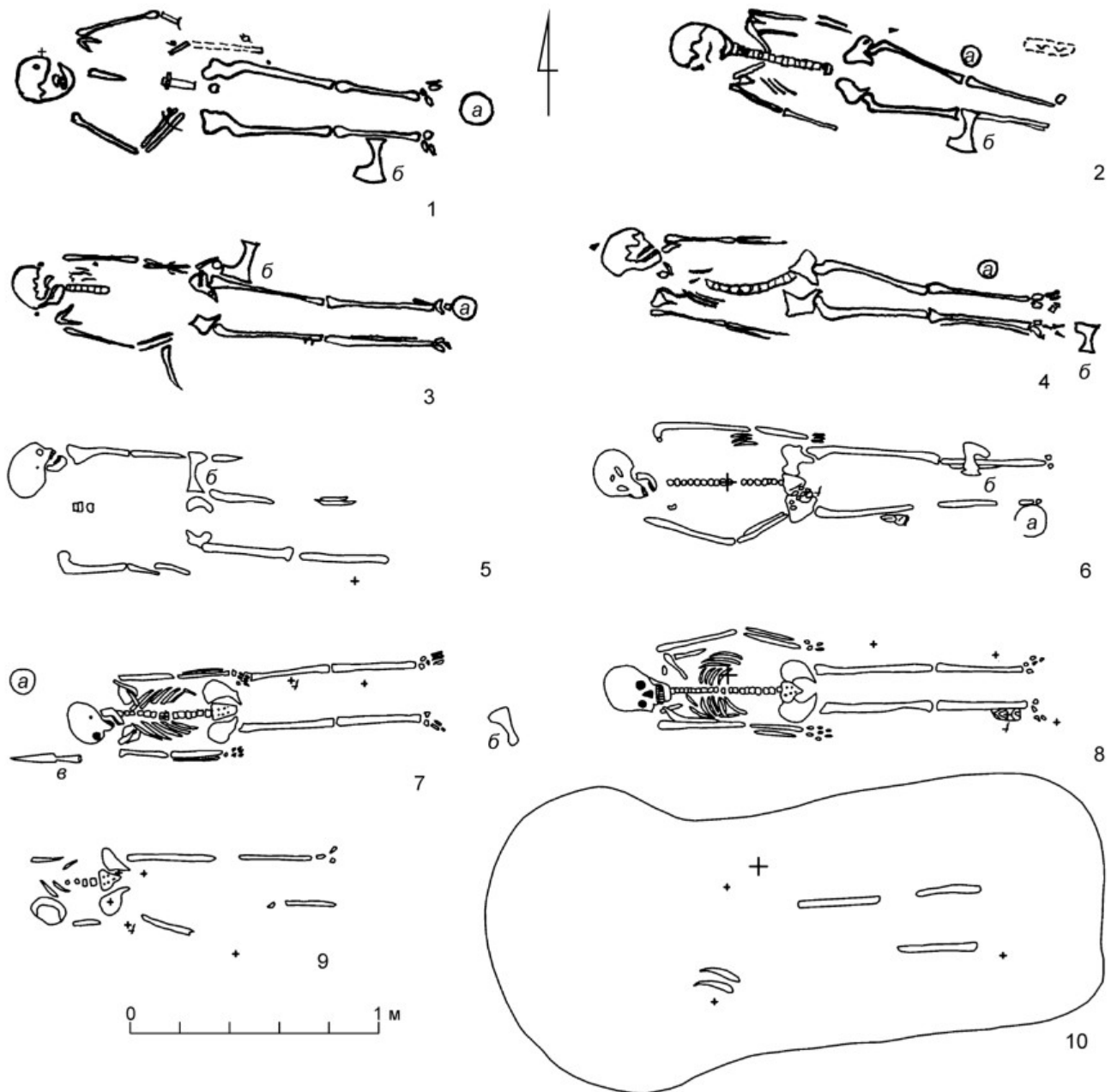

Рис. 7. Курганный могильник Новосёлки. Второй культурно-хронологический горизонт. Мужские погребения с предметами вооружения, планы (а — сосуд; б — топор; в — копье): 1 — курган 1; 2 — курган 2; 3 — курган 3; 4 — курган 4; 5 — курган 13/1; 6 — курган 19/7; 7 — курган 28/16; 8 — курган 34/22; 9 — курган 33/21; 10 — курган 31/19 (1-4 — рисунки Ю. И. Драгуна; 5-10 — рисунки А. Н. Плавинского)

Fig. 7. Novoselki barrow cemetery. Plans of male burials with weapons of the second cultural-chronological horizon (a — vessel; б — ax; в — spear): 1 — barrow 1; 2 — barrow 2; 3 — barrow 3; 4 — barrow 4; 5 — barrow 13/1; 6 — barrow 19/7; 7 — barrow 28/16; 8 — barrow 34/22; 9 — barrow 33/21; 10 — barrow 31/19 (1-4 — drawn by Yu. I. Drahun; 5-10 — drawn by A. M. Plavinski)

устойчивыми были и их взгляды о надлежащем месте останков усопшего под курганом. В 28 случаях из 30 умершие были уложены на дневную поверхность на основании будущей насыпи (табл. 1). И только два погребения (курганы 21/9

и 31/19) были выявлены в подкурганных ямах (рис. 7, 10). Оба они относятся к этапу 2, хотя в планиграфической структуре некрополя и занимают «крайнее» положение (рис. 4), что свидетельствует о достаточно позднем времени их

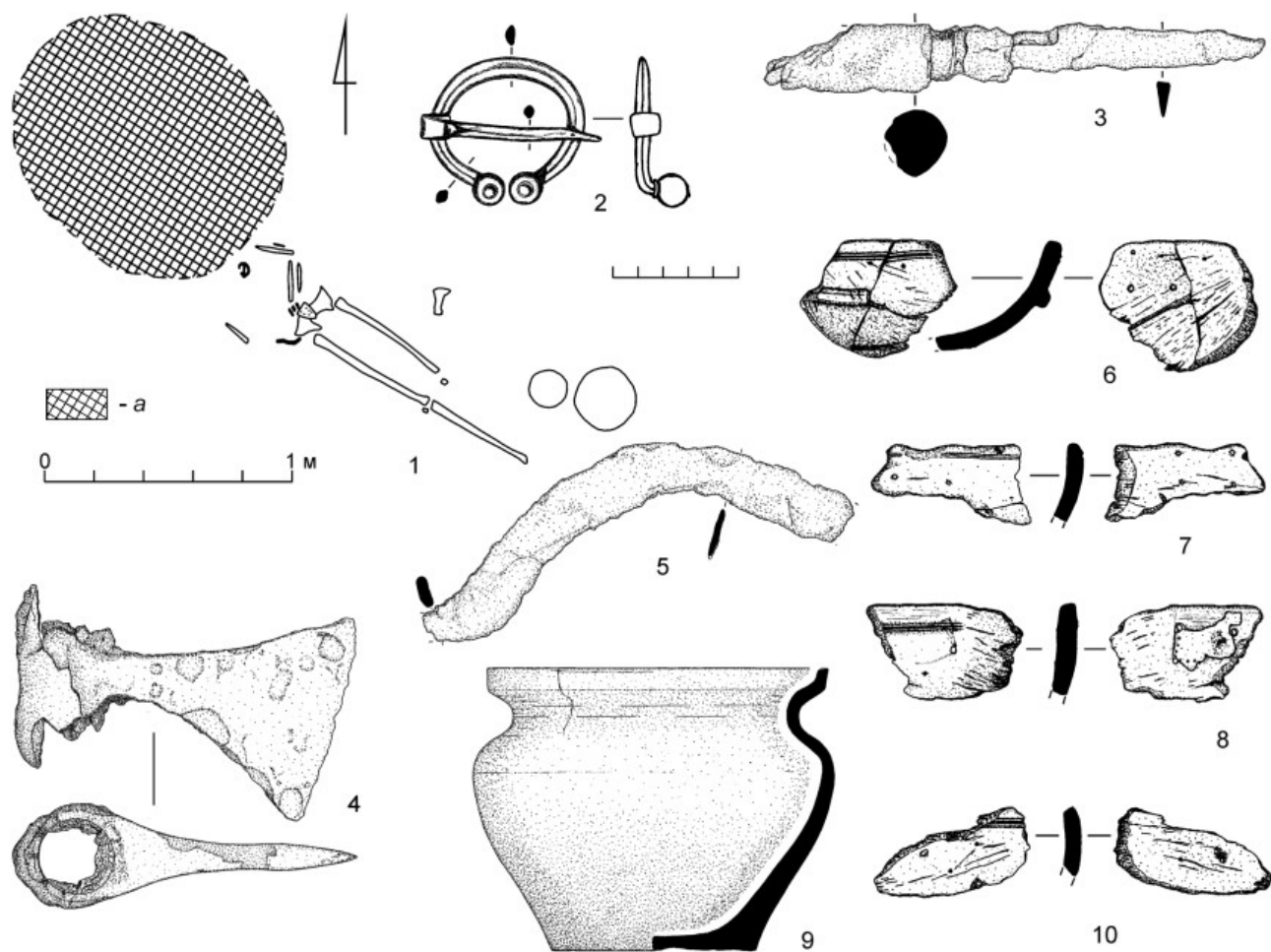

Рис. 8. Курганный могильник Новосёлки. Курган 22/10: 1 — план погребения (*a* — перекоп); 2 — фибула; 3 — нож; 4 — топор; 5 — серп; 6–8, 10 — фрагменты деревянной резной чаши; 9 — гончарный сосуд; (1 — рисунок А. Н. Плавинского; 2, 4–10 — рисунки Н. А. Плавинского; 3 — рисунок Ю. П. Латушковой)

Fig. 8. Burial mound Novoselki. Barrow 22/10: 1 — burial plan (*a* — perekop); 2 — fibula; 3 — knife; 4 — ax; 5 — sickle; 6–8, 10 — fragments of a carved wooden bowl; 9 — pottery vessel (1 — drawing by A. M. Plavinski; 2, 4–10 — drawings by M. A. Plavinski; 3 — drawing by Yu. P. Latushkova)

возведения. Особенно это касается кургана 21/9, который вообще можно назвать самым «нестандартным» погребением второго культурно-хронологического горизонта, где тело умершего было помещено в подкурганную яму и ориентировано головой на восток.

Следует остановиться еще на некоторых чертах погребального обряда второго культурно-хронологического горизонта могильника Новосёлки. В курганах 3, 24/12, 25/13, 34/22 тела умерших были помещены в некие деревянные конструкции, охарактеризовать которые из-за скудости имеющейся в отчетной документации информации не представляется возможным. Примечательно, что насыпи 24/12, 25/13, 34/22 принадлежат к числу вероятных курганов этапа 1,

что позволяет полагать, что традиция помещения тел умерших в деревянные конструкции существовала в Новосёлках с самого начала функционирования второго культурно-хронологического горизонта.

Из 30 курганов второго культурно-хронологического горизонта пол погребенных с большей или меньшей степенью уверенности определяется в 28 насыпях, причем в трех из них были выявлены парные захоронения (в кургане 24/12 — женщины и ребёнка; в курганах 29/17 и 32/20 — мужчины и женщины) (рис. 9, 1, 2). Пол определен для 30 индивидов (пол ребёнка из погребения 2 кургана 24/12 остался неизвестен): 19 мужчин и 11 женщин. Такое половое распределение, а именно значительный, почти в два раза, перевес

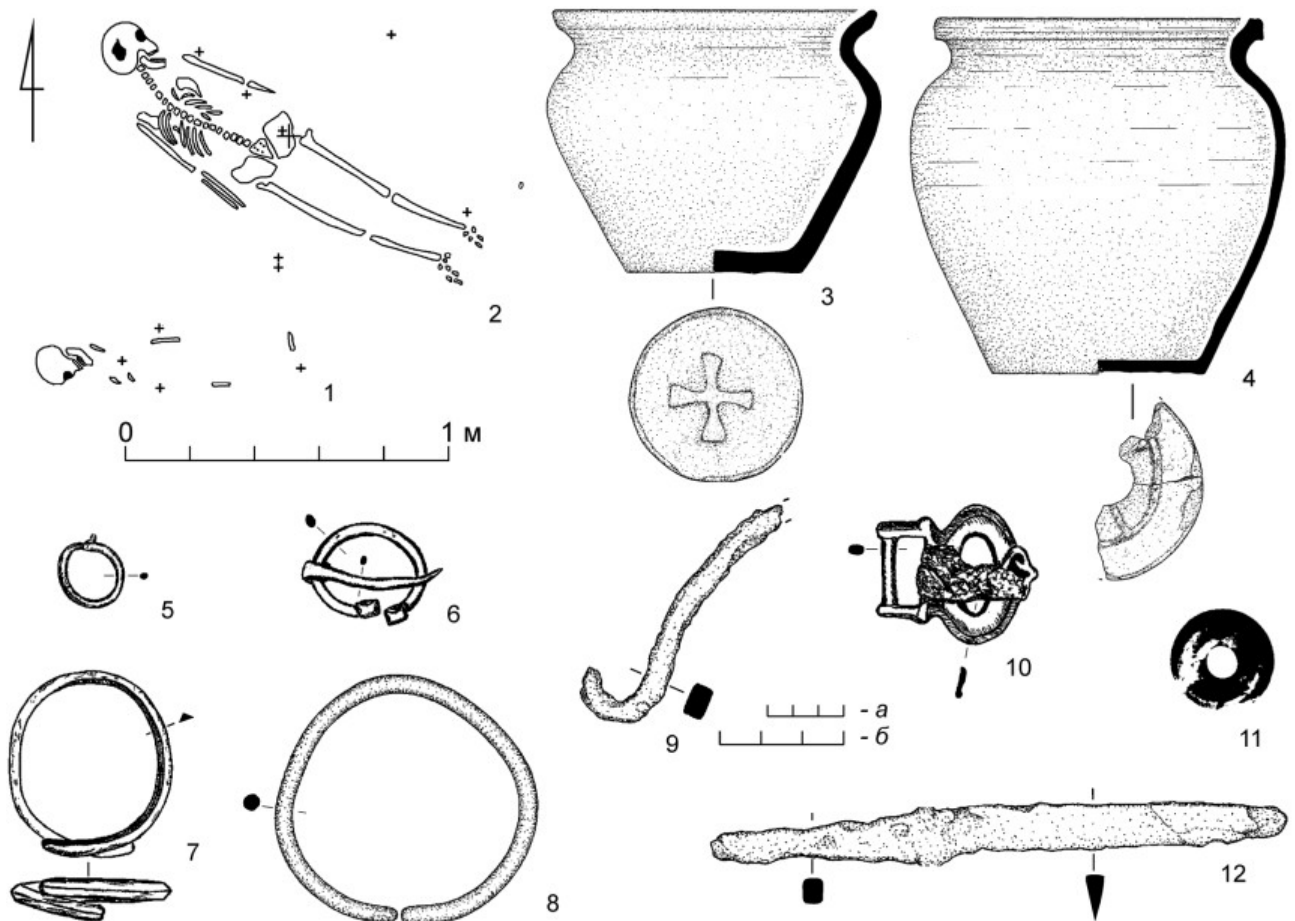

Рис. 9. Курганный могильник Новосёлки. Парное погребение в кургане 29/17: 1 — погребение 1, план; 2 — погребение 2, план; 3, 4 — гончарные сосуды; 5 — кольцо; 6 — фибула; 7, 8 — браслеты; 9 — фрагмент дужки от ведра; 10 — пряжка; 11 — шиферное пряслице; 12 — нож. 3, 5–7 — погребение 1; 4, 8–12 — погребение 2. (1, 2, 11 — рисунок и фото А. Н. Плавинского; 3, 4, 8, 9, 12 — рисунки Н. А. Плавинского; 5–7, 10 — рисунки Ю. П. Латусковой). Масштаб: а — для 3, 4; б — для 5–12

Fig. 9. Novoselki barrow cemetery. Paired burial in barrow 29/17: 1 — the burial 1, plan; 2 — the burial 2, plan; 3, 4 — wheeled pots; 5 — ring; 6 — fibula; 7, 8 — bracelets; 9 — fragment of the bow from the bucket; 10 — buckle; 11 — slate spindle wool; 12 — knife. 3, 5–7 — burial 1; 4, 8–12 — burial 2 (1, 2, 11 — drawn and photo by A. M. Plavinski; 3, 4, 8, 9, 12 — drawn by M. A. Plavinski; 5–7, 10 — Yu. P. Latushkova). Scale: a — for 3, 4; b — for 5–12

мужских захоронений, выглядит необычно. Известно, что для сельских некрополей Полоцкой земли древнерусского времени характерно примерно равное соотношение мужчин и женщин (Емельянич, 2013. С. 79, табл. 4.1).

Еще одной нетипичной чертой погребально-го обряда второго культурно-хронологического горизонта некрополя в Новосёлках является исключительное количество выявленных в погребениях предметов вооружения. Они были найдены в 17 из 19 мужских захоронений, причем в 15 курганах ингумации сопровождалась топорами, в одном — копьем, еще в одном — копьем и топором одновременно (рис. 8, 4; 10; табл. 2).

Естественно, причислять все найденные топоры к специально боевым не следует из-за больших размеров и значительного веса некоторых из них. По мнению А. Н. Кирпичникова, вес древнерусских боевых топоров обычно не превышал 450 г, в то время как некоторые экземпляры из Новосёлок весят от 672 до 786 г (курганы 29/17, 31/19, 33/21, 34/22), что полностью соответствует весу рабочих инструментов, определяемому в рамках 600–800 г (Кирпичников, 1966. С. 28). Вместе с тем нельзя отрицать, что наличие топора (пусть и полифункционального или рабочего) в погребении должно было символизировать «вооруженность» умершего и отражать таким образом

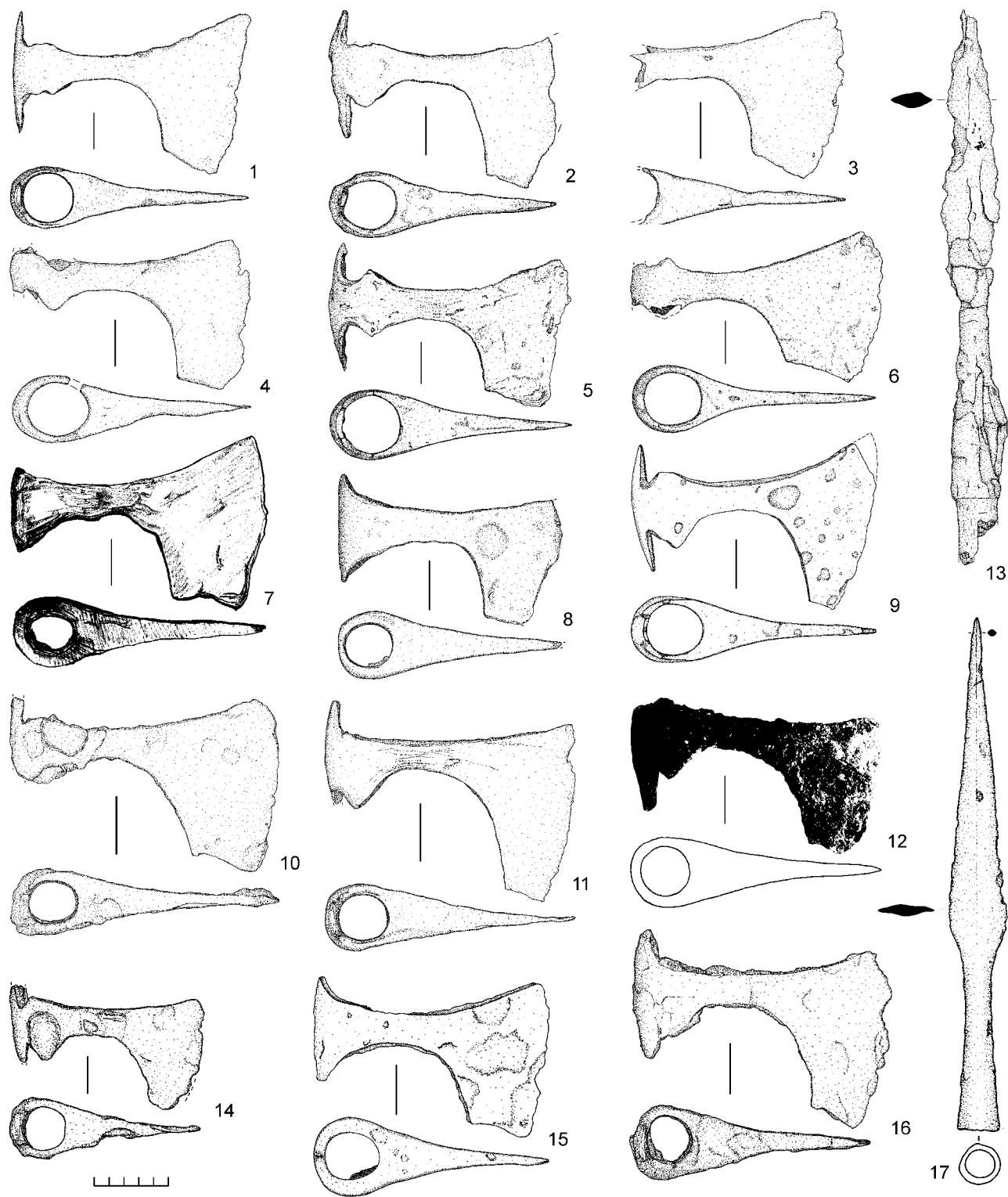

Рис. 10. Курганный могильник Новосёлки. Топоры и копья из мужских погребений с предметами вооружения второго культурно-хронологического горизонта: 1 — курган 1; 2–4 — курганы 2–4; 5 — курган 5/1; 6 — курган 6/2; 7 — курган 7/3; 8 — курган 13/1; 9 — курган 19/7; 10 — курган 28/16; 11 — курган 29/17; 12 — курган 31/19; 13 — курган 12/8; 14 — курган 32/20; 15 — курган 33/21; 16 — курган 34/22; 17 — курган 28/16 (1–6, 8–11, 13–17 — рисунки Н. А. Плавинского; 7 — рисунок И. М. Тюриной; 12 — рисунок и фото А. Н. Плавинского)

Таблица 2. Курганный могильник Новосёлки.
Мужские погребения второго культурно-хронологического горизонта с оружием

Table 2. Barrow cemetery of Novoselki.
Male burials with weaponry from the second cultural and chronological horizon

Номер кургана в сводной нумерации	Тип топора, по А. Н. Кирпичникову	Тип копья, по А. Н. Кирпичникову	Примечания
1	IV	–	–
2	IV	–	–
3	IV	–	–
4	IV	–	–
5/1	IV	–	–
6/2	IV	–	–
7/3	IVA	–	–
12/8	–	III	–
13/1	IVA	–	–
19/7	IV	–	–
22/10	III	–	–
28/16	IV	III	–
29/17	IV	–	Сопровождалось погребением девочки-подростка
31/19	IV	–	–
32/20	IV	–	Сопровождалось погребением женщины
33/21	IVA	–	–
34/22	IV	–	–

его социальный статус и положение в обществе. Соответственно в Новосёлках «вооруженными» на тот свет отправлялись 84,5 % мужчин.

Кроме исключительной милитаризованности можно отметить и некоторые другие элементы обряда мужских погребений, которые выделяют их из общей массы сельских могильников и позволяют говорить об определенной элитарности (естественно, в сравнении с рядовыми некрополями сельского населения Полоцкой земли). К числу таких элементов можно отнести наличие в них серпа (курган 22/10) (рис. 8, 5) и фрагмент дужки от ведра (курган 29/17) (рис. 9, 9). Кроме того, в качестве элитарных можно рассматривать и парные ингумации в курганах 29/17 и 32/20, где мужские погребения сопровождалось женскими (рис. 9, 1, 2), которые в определенном смысле могут быть интерпретированы в том числе и как отдельная категория инвентаря.

Курганный могильник Новосёлки в контексте синхронных погребальных памятников Верхнего Повиля начала II тыс. н. э.

Таким образом, можно полагать, что члены древнерусского коллектива, оставившего курганы второго культурно-хронологического горизонта некрополя в Новосёлках, на протяжении всего времени его функционирования имели устойчивые представления о нормах погребения умерших. Основными из них были помещение тела умершего на основании будущей насыпи и его ориентировка головой на запад. Отклонения от этой традиции редки: некоторые захороненные погребены головами на восток или помещены в подкурганных ямах. Причем появление единичных ямных ингумаций в Новосёлках произошло, вероятно, не ранее середины или, скорее, второй половины XI в.

Fig. 10. Burial mound Novoselki. Axes and spears from male burials with weapons of the second cultural and chronological horizon: 1 — kurgan 1; 2–4 — mounds 2–4; 5 — barrow 5/1; 6 — barrow 6/2; 7 — barrow 7/3; 8 — barrow 13/1; 9 — barrow 19/7; 10 — barrow 28/16; 11 — barrow 29/17; 12 — barrow 31/19; 13 — barrow 12/8; 14 — barrow 32/20; 15 — barrow 33/21; 16 — barrow 34/22; 17 — mound 28/16 (1–6, 8–11, 13–17 — drawings by M. A. Plavinski; 7 — drawing by I. M. Tyurina; 12 — drawing and photo by A. M. Plavinski)

Характерной особенностью могильника является очевидное преобладание мужских погребений над женскими, что может свидетельствовать об определенных диспропорциях в составе коллектива. При этом для мужских погребений на протяжении всего периода существования некрополя характерны почти всеобщая вооруженность и наличие в инвентаре отдельных умерших элитарных (по меркам погребального обряда региона) элементов.

Для того чтобы адекватно интерпретировать отмеченные особенности в обряде и инвентаре могильника в Новосёлках, следует рассматривать его в контексте других погребальных памятников славянского населения Верхнего Повилья начала II тыс. н. э. В данном регионе известны еще два крупных некрополя — Избище и Навры I, материалы которых во многом близки к новосёлковским.

В курганном могильнике Избище, который размещается на левом берегу р. Двиносы (левого притока Вилии в ее верхнем течении), насчитывалось не менее 120 насыпей, из которых 114 было раскопано в 1987–1991 гг. Семь из них содержали кремации; в пяти курганах были выявлены одновременно и кремации, и ингумации; 17 насыпей не содержали следов погребений или были сильно повреждены. В остальных случаях были выявлены ингумации (Штыхаў, 2008), часть из которых была совершена в подкурганных ямах больших размеров, что позволяет отнести их к категории квазикамерных погребений. Из 33 мужских захоронений по обряду ингумации предметы вооружения были выявлены в 27 (около 82 % от общего числа). Г. В. Штыхов датировал время функционирования некрополя в Избище серединой X — XII в. (Там же. С. 51). Вместе с тем М. И. Латышева (Степанова) в результате анализа найденного в могильнике бусинного материала заключила, что только одна кремация может быть датирована второй половиной — концом X в., в то время как все ингумации с бусами были совершены на протяжении XI — начала XII в. (Сцяпанова, 2011).

Курганный могильник Навры I является частью комплекса археологических памятников Навры, который размещается на левом берегу Узлянки, впадающей в р. Нароч (Нарочанку),

левый приток Вилии. Первоначально в некрополе насчитывалось не менее 117 насыпей, из которых в 1934, 1987, 2021, 2015–2017 гг. было исследовано 45. Материалы этих раскопок позволяют полагать, что некрополь функционировал на протяжении XI–XII вв. Обращает на себя внимание достаточно стандартизированный погребальный обряд могильника. Практически во всех курганах погребения были совершены на уровне дневной поверхности и ориентированы головами на запад с небольшими отклонениями, обычно к северо-западу (Плавинский, 2017; 2019). Из 17 неразрушенных мужских захоронений предметы вооружения были найдены в 11 (около 65 % от общего числа).

Очевидно, что в Верхнем Повилье в конце X — начале XI в. возникает ряд достаточно крупных могильников, для которых характерны погребение умерших по обряду ингумации, значительная степень милитаризованности мужских погребений и отдельные признаки элитарности в погребальной обрядности. Вероятно, древнейшим из этих некрополей является Избище, размещенное в самых верховьях Вилии и возникшее в конце X в. Могильники Навры I и Новосёлки начинают функционировать в XI в. Их, кроме всего прочего, сближает и практически стандартизированный погребальный обряд — помещение покойных на основаниях курганов головами на запад. Всё это позволяет полагать, что члены коллективов, оставивших эти некрополи, имели определенное представление о христианской погребальной обрядности.

Можно предположить, что и Избище, и Новосёлки, и Навры I маркируют распространение в регионе Верхнего Повилья древнерусской системы управления. Соответственно эти могильники могут рассматриваться в качестве некрополей локальных административных центров, жители которых осуществляли контроль над местным населением на западном пограничье Полоцкой земли. При этом не исключено, что несколько более позднее возникновение некрополей Навры I и Новосёлки (XI в.) по сравнению с Избищем (предположительно конец X в.) может отражать процесс утверждения в Верхнем Повилье древнерусской княжеской власти.

- Войтехович*, 2019 — *Войтехович А. В.* Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. Минск: Беларуская навука, 2019. 269 с.
- Гуревич*, 1962 — *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 222 с.
- Драгун*, 1962 — *Драгун Ю. И.* Отчет о работе археологической экспедиции Минского областного краеведческого музея за 1961 г. // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Оп. 1. Д. № 133а. Минск, 1962.
- Емельянчик*, 2013 — *Емельянчик О. А.* Формирование антропологических особенностей населения Беларуси XI–XIX вв. по данным краниологии. Дис. ... канд. биол. наук — 03.03.02 / Антропология. Минск, 2013. 152 с.
- Ермалицкая, Плавинский*, 2018 — *Ермалицкая К. Ф., Плавинский Н. А.* Предварительные результаты изучения элементного состава изделий из цветных металлов из курганных могильников западных регионов Полоцкой земли // АИППЗ. Вып. 33: Материалы 62-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2018. С. 288–294.
- Збор...*, 1987 — *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі.* Мінская вобласць. Кн. 2. Минск: БелСЭ, 1987. 308 с.
- Звяруга*, 1998 — *Звяруга Я. Г.* Помнікі археалогіі // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мядзельскага раёна / Рэдкал. Г. П. Пашкоў і інш. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1998. С. 47–57.
- Кирпичников*, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1–36). 181 с.
- Краўцэвіч*, 2000 — *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Rzeszów: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej; Filia, 2000. 238 с.
- Лопатин, Фурасьев*, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 252 с.
- Лысенко*, 1991 — *Лысенко П. Ф.* Дреговичи. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 244 с.
- Макоўская*, 2021 — *Макоўская В. А.* Асаблівасці дзіцячых пахаванняў Верхняга Павілля канца X–XII стст. // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага / Уклад. і навук рэд. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. Мінск: Колорград, 2021. С. 253–265.
- Михайлова*, 2014 — *Михайлова Е. Р.* Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2014. 427 с.
- Плавінскі А., Плавінскі М.*, 2003 — *Плавінскі А. М., Плавінскі М. А.* Кераміка курганнага могільніка Навасёлкі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк: НППКМЗ, 2003. С. 194–206.
- Плавінскі М., Плавінскі А.*, 2002 — *Плавінскі М. А., Плавінскі А. М.* Курганны могільнік Навасёлкі Мядзельскага раёна (1. Даследаванні 1961, 1962 гг.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2002. № 5. С. 179–191.
- Плавинский*, 2013 — *Плавинский Н. А.* К вопросу о погребальной обрядности населения междуречья Западной Двины и Вилии в третьей четверти I тыс. н. э. // Stratum plus. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. С. 63–72.
- Плавинский*, 2017 — *Плавинский Н. А.* Курганный могильник Навры в Верховьях Вилии (по материалам раскопок 2012 и 2015 годов) // АИППЗ. Вып. 32: Материалы 62-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. В. Н. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2017. С. 320–340.
- Плавинский*, 2019 — *Плавинский Н. А.* Раскопки курганного некрополя Навры I в 2017 году // АИППЗ. Вып. 34: Материалы 64-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. В. Н. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2019. С. 286–299.
- Плавинский, Тарасевич*, 2021 — *Плавинский Н. А., Тарасевич В. Н.* Предварительные результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н. э. Навры II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов Республики Беларусь // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 298–326.
- Покровский*, 1893 — *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. 163 с.
- Рябцевич, Плавинский*, 1988 — *Рябцевич В. Н., Плавинский Н. А.* Отчёт о раскопках курганного могильника Новосёлки Мядельского района Минской области археологической экспедицией БГУ им. В. И. Ленина в июле 1988 года // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Оп. 1. Д. № 1186. Минск, 1988.

- Рябцевич, Плавинский*, 1989 — *Рябцевич В. Н., Плавинский Н. А.* Отчёт о раскопках курганного могильника у деревни Новосёлки Мядельского района Минской области археологической экспедицией БГУ им. В. И. Ленина // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Оп. 1. Д. № 1229. Минск, 1989.
- Рябцевич, Плавинский*, 1990 — *Рябцевич В. Н., Плавинский Н. А.* Отчёт о раскопках курганного могильника у деревни Новосёлки Мядельского района Минской области археологической экспедицией БГУ им. В. И. Ленина // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Оп. 1. Д. № 1246. Минск, 1990.
- Степанова, Плавинский*, 2018 — *Степанова М. И., Плавинский Н. А.* К вопросу о месте бус в погребальном костюме населения Верхнего Повиля в конце X–XII в. // АИППЗ. Вып. 33: Материалы 63-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2018. С. 275–287.
- Сцяпанова*, 2011 — *Сцяпанова М. І.* Пацэрки курганнага могільніка Ізбішча // Сб. работ 68-й науч. конф. студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. В 3 ч. Минск: БГУ, 2011. Ч. 2. С. 63–69.
- Тюрина*, 1963 — *Тюрина И. М.* Отчет о раскопках курганов у дер. Новосёлки Мядельского р-на, Минской обл. // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси. Оп. 1. Д. № 133. Минск, 1963.
- Штыхаў*, 1992 — *Штыхаў Г. В.* Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.
- Штыхаў*, 2008 — *Штыхаў Г. В.* Могільнік Ізбішча-Дзвінаса. Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2008 (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; Вып. 16). 248 с.
- Штыхов*, 1971 — *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Минск: Полымя, 1971. Вып. 2: Памятники железного века и эпохи феодализма. 276 с.
- Andrzejowski et al.*, 2005 — *Andrzejowski J., Engel M., Piotrowski A., Ruszkowska M., Shewczuk U., Wójcik A.* Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Museum Archeologicznego w Warszawie. Warszawa: DEKA, 2005. 263 s.

Barrow cemetery Novoselki in the context of the burial monuments of the Upper Vilija Region of the beginning of the II millennium AD

M. A. Plavinski²

Keywords: burial monuments, barrow cemetery, Upper Vilija Region, Old Rus.

The article discusses the results of studies of the Novoselki barrow cemetery, Miadziel District, Minsk Region of the Republic of Belarus, carried out in 1961–1962 and 1988–1990. As a result, 35 barrows were excavated, which belong to two cultural-chronological horizons, the first of which is represented by two barrows and dates back to the third quarter of the 1st millennium AD. The second cultural-chronological horizon dates back to the 11th — first half of the 12th century.

The members of the Old Rusian collective, which left the barrows of the second cultural-chronological horizon of the necropolis in Novoselki, from the very beginning had stable ideas about the norms of burial of the dead, which remained unchanged throughout the entire period of its functioning. The main of these norms were the placement of the body of the deceased on the basis of the future burial mound and its orientation with its head to the west. A characteristic feature of the barrow cemetery is the obvious predominance of male burials over female ones. At the same time, for male burials throughout the entire period of the existence of the necropolis, almost universal equipment with weapons was characteristic.

There is every reason to believe that the emergence of the second cultural-chronological horizon of the Novoselki barrow cemetery marks the process of the spread of the Old Rusian administration in the Upper Vilija Region.

² Mikolai A. Plavinski — Department of Archeology of Polack Land and adjacent territories of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1 Akademicheskaya ul., Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: plavinsky_arc@mail.ru; plavinski.arc@gmail.com

Комплекс памятников у деревни Сквородка. История исследования и современное состояние

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев¹

Аннотация. Статья посвящена комплексу раннесредневековых археологических памятников, открытых у дер. Сквородка (Струго-Красненский район Псковской области). Рассмотрены история изучения памятников комплекса, его топография и сделанные находки. Высказано предположение, что, несмотря на топографическую близость, в Сквородский комплекс оказались объединены две не вполне синхронные группы памятников.

Ключевые слова: средневековье, Новгородская земля, Сквородка, комплекс памятников, городище, поселение, погребальные памятники.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-167-181

История изучения

Археологические памятники на берегу Барского озера (или Плотишно, Сквородкинское) к северо-западу от дер. Сквородка Лужского уезда (ныне Струго-Красненского района Псковской области) (рис. 1) попали в поле внимания исследователей в начале XX столетия. Впервые они были зафиксированы и частично раскопаны во время экскурсии Московского археологического института (МАИ) в 1909 г.: работы проходили под общим руководством В. А. Городцова, непосредственно составлением маршрута экскурсии и выбором памятников руководил студент III курса МАИ К. Д. Трофимов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909 г. Д. 31; Соболев, 2019). В начале июня 1909 г. группа студентов МАИ в течение четырех дней вела исследования комплекса памятников у дер. Сквородка. За это время был выполнен схематичный план (рис. 2) и раскопаны небольшая сопка и две жальничные могилы.

На плане 1909 г. комплекс памятников включает в себя городище, группу из двух сопки к востоку от него (в вершине одной из них показана большая яма), два больших кургана, находящихся

юго-восточнее городища и отстоящих на расстояние около 30 м друг от друга, и жальничный могильник на подболоченном берегу ручья к северо-востоку от городища. Описание городища, составленное участниками экскурсии, полное и профессиональное: «Городище расположено на хребте характерного озового образования, идущего, вдоль оз. Плотишна, в виде насыпи железной дороги. Городище с двух сторон защищается крутыми и высокими скатами оза, с третьей стороны — земляным валом и с четвертой — оврагом, называемым Протоком, промытым или искусственно прорезанным поперек оза. Весьма правдоподобно, что в древности по дну оврага протекала вода, отчего он и мог получить свое имя. Но теперь дно его сухо. <...> Площадь городища имеет в длину 45, в ширину 20 шагов. Поверхность его покрыта лесом. Обнажений культурного слоя не видно» (Городцов, 1911. С. 65, 66). Шурфовка или раскопки на самом городище студентами МАИ не проводились.

Исследованная широкая — 8 × 8 аршин (почти 6 × 6 м) — колодезь сопки имела высоту 6 аршин (около 4,0–4,5 м) при диаметре до 24 аршин (17,5 м) и была сооружена из песка. В ее насыпи были прослежены дерновые прослойки, вероятно, отражавшие технологические приемы строительства и/или этапы возведения насыпи, и отдельные камни, не образывавшие конструкций.

¹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, 191060, Россия; e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com.

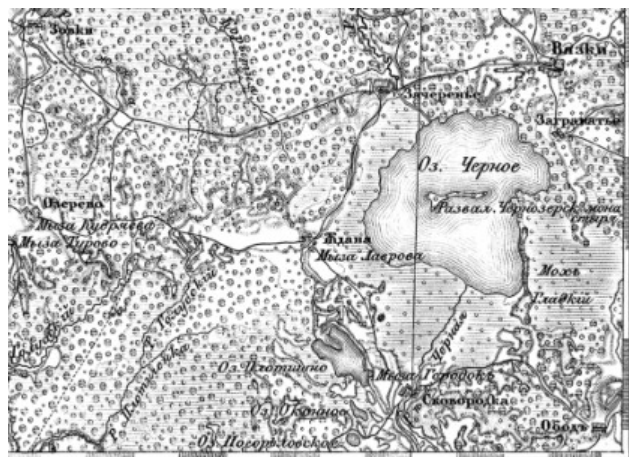

Рис. 1. Деревня Сквородка у оз. Плотишно. Фрагмент карты-трехверстки конца XIX в.
Fig. 1. Village of Skovorodka near Lake Plotishno. Fragment of a three-verst map of the late 19th cen.

Рис. 2. План комплекса памятников на берегу оз. Плотишно. 1909 г. (Городцов, 1911. С. 66)
Fig. 2. Plan of the complex of archaeological sites on the bank of Lake Plotishno. 1909 (Городцов, 1911. С. 66)

В полуаршине от уровня древней дневной поверхности были зафиксированы фрагменты кальцинированных костей, попадавшиеся «в незначительном количестве», а на слое погребенного дерна было открыто кострище, состоящее «из золы, мелкого угля и множества жженных костей». Посреди кострища был найден раздавленный глиняный горшочек, внутри которого «были рыбьи кости, наполнявшие не менее трети всего сосуда» (Там же. С. 66, 67). В стороне от горшка была найдена железная сковорода.

Исследованные жальники имели круглую в плане форму, диаметр около 3 м, кольцо валунов по основанию и невысокую — ниже уровня камней — насыпь (Там же. Рис. 1). В одной из них, в могиле глубиной до 1 м (1¾ аршин, вероятно, от уровня дерна), был открыт скелет, лежавший головой на запад-северо-запад, находки в погребении отсутствовали. Вторая могила оказалась раскопанной ранее, в верхней части ее засыпки были найдены фрагменты керамических сосудов (Там же. С. 67, 68).

Почти через 20 лет, летом 1927 г., комплекс памятников на берегу Барского озера был осмотрен сотрудниками экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 107. Л. 39, 40). Они составили описание комплекса, зарисовали одну из сопочных насыпей (Там же. 1931. Д. 101. Л. 15) и сняли глазомерный план, несколько отличающийся от описанного выше (рис. 3; 4) (Там же. Л. 14). Наиболее странным является отсутствие

на плане 1927 г. городища, вал которого принят за расположенную насыпь сопки. Показанный на плане 1909 г. севернее сопки на берегу ручья жальник на плане 1927 г. отсутствует: вероятно, за прошедшие годы он был разрушен, камни обкладок разобраны крестьянами на постройки. Восточнее оза отмечены три курганные насыпи (обозначены на плане номерами 2, 3 и 4), еще одна насыпь (1) показана южнее. Далее к югу отмечены разрушенный жальник севернее сада мызы Городок и две курганные насыпи (5 и 6) к юго-западу от построек имения. По словам крестьян, раскопки жальника и сопки проводились владельцем земли «в давнее время» Срезневским².

Несколько подробнее стоит остановиться на картографических материалах первой половины XX в. На трехверстной карте (ряд V, лист 7), изданной в 1880–1890-х гг., показана длинная озовая гряда, тянущаяся с юго-востока на северо-запад вдоль восточного берега озера Плотишно и загибающаяся на запад по северному берегу озера (рис. 1). На этой гряде, на южном берегу озера, указана мыза Городок. Дорога, проходящая сейчас из дер. Сквородка на север по западному скату оза, на трехверстной карте отсутствует, показана только дорога из Сквородки на северо-запад,

² В дореволюционной литературе удалось найти только упоминание об этих раскопках. Их могли проводить владелец земли известный филолог-славист, этнограф, палеограф И. И. Срезневский и один из его наследников — Всеволод Измаилович или Вячеслав Измаилович (Соболев, 2016. С. 244).

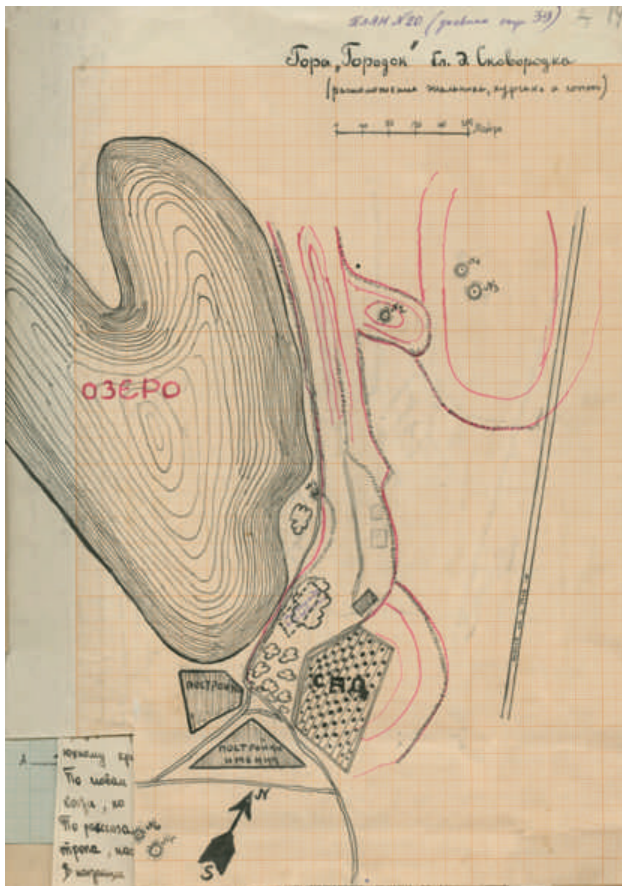

Рис. 3. План комплекса памятников на берегу оз. Плотишно. 1927 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1931. Д. 101. Л. 14)

Fig. 3. Plan of the complex of archaeological sites on the bank of Lake Plotishno. 1927 (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1931. F. 101. Sh. 14)

в дер. Ждани и далее. Важно, что дорога показана проходящей по восточному краю перешейка, отделяющего озеро Плотишно от заболоченной низменности вдоль юго-западного берега озера Черного. Данный источник весьма точно отражает топографическую ситуацию, дорога из Сквородки в Ждани и сейчас иногда используется местными жителями. Также необходимо отметить, что оз в центральной части не имеет разрыва, названного К. Д. Трофимовым «протокой».

На карте, изданной Генеральным штабом Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в 1938 г. и отражающей состояние местности на 1938 г. (рис. 5), сделанной на основе карт Северного пояса Западного пограничного пространства, создание которых было начато еще перед Первой мировой войной, уже отмечена дорога, идущая по краю восточного берега озера Плотишно на север, к льняному заводу. Карта 1938 г. сохранила

Рис. 4. Курган на земле крестьянина Павла Быкова (Бычкова?) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1931. Д. 101. Л. 15)

Fig. 4. A barrow in the farmland of Pavel Bykov (or Bychkov?) (SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 35. In. 1. 1931. F. 101. Sh. 15)

местный топоним «Миложи» — название небольшой деревни к северу от рассматриваемого комплекса археологических памятников (рис. 5); на Черном озере локализуется дер. Милож, упомянутая в Писцовой книге 1498/1501 гг. (Андряшев, 1914. С. 59). При озере Плотишно и реке Сквородке та же Писцовая книга помещает сельцо Городок с деревней Сквородкой.

Данная карта точно отражает изменения, произошедшие, видимо, в первой трети XX в. На ней озовая гряда показана не единым массивом, а имеет разрыв именно в том месте, где мы и сейчас фиксируем «протоку», по которой проходила дорожка от хутора к берегу озера. Весьма вероятно, что данная «протока» имеет рукотворное происхождение (напомним, что и сейчас оба ее края представляют собой небольшие зарастающие карьеры) и появилась в интервале между 1890-ми гг. и 1909 г.

В 1986 г. С. Л. Кузьмин провел разведочное обследование комплекса памятников на берегу Барского озера, зафиксировал для урочища, где расположен комплекс, местный топоним «Миложь»³, снял новый глазомерный план и, в соответствии с принятой методикой, ввел нумерацию отдельных памятников комплекса. В составе комплекса были учтены городище, две группы сопок, грунтовый могильник XII–XVI вв. (остатки жальника, частично исследованного в 1909 г.) и

³ С. Л. Кузьмин указал, что топоним «Миложь» известен по новгородским Писцовым книгам, и предположил, что название могло возникнуть еще в раннем средневековье и восходить к славянскому имени.

Рис. 5. Деревня Сковородка у оз. Плотишно. Фрагмент карты Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, 1938 г.

Fig. 5. Village of Skovorodka near Lake Plotishno. Fragment of a Worker-Peasant Red Army General Staff map, 1938

жальничный могильник на северной окраине деревни (Кузьмин, 1986; 1989. Л. 10–12; Кадастр..., 1997. С. 146). Помимо перечисленных ранее известных объектов непосредственно к северо-востоку от городища было открыто селище. По наблюдениям С. Л. Кузьмина, выходы культурного слоя были отчетливо видны на распаханной поверхности. Основное, наиболее крупное, пятно культурного слоя прослеживалось на небольшой возвышенности у северо-восточного подножия городища и имело вид широкого кольца — возможно, застройка этой части поселения была кольцевой. Еще два, меньших по размеру, пятна культурного слоя отмечены далее к северо-востоку, по обоим берегам узкой топкой низины.

В 1988 г. С. Л. Кузьмин раскопал обе сопки в группе Сковородка II и заложил два небольших разведочных раскопа на селище (Кузьмин, 1989. Л. 34–39). Результаты раскопок кратко опубликованы автором (Кузьмин, 2001).

Раскоп 1 размером 6 × 2 м был заложен на краю упомянутой низины. Культурный слой представлял собой аморфный черный гумусированный

песок мощностью 25–45 см, в котором встречены мелкие фрагменты гончарной керамики, крицы, шлаки и обломки тиглей. Индивидуальные находки представлены фрагментом многочастной пронизки синего стекла (рис. 6, 1) и железным предметом. По мнению автора раскопок, характер находок и расположение на окраине поселения, у заболоченной низины (ручья), позволяют трактовать эту часть поселения как зону, связанную с металлообработкой.

Раскоп 2 размером 4 × 4 м был заложен в северо-западной части кольцевого пятна культурного слоя (предположительно, жилой зоны). Верхняя часть слоя оказалась распахана и представляла собой аморфный темно-серый суглинок мощностью 20–40 см. В этом слое были найдены фрагменты лепной и круговой керамики.

Ниже слоя пахоты залегал непотревоженный черный гумусированный песок. В этом слое был расчищен развал обожженного валунного камня, занимавший большую часть раскопа. Среди камней был найден фрагмент бусины из глухого коричневатого-красного стекла с темно-зеленым глазком в желтой ободке (рис. 6, 5). Развал камней не разбирали и был законсервирован, раскоп был доведен до материка лишь в своей южной части. Общая мощность культурного слоя составляла 45 см.

В слое черного песка были встречены фрагменты лепной и круговой керамики, а также многочисленные индивидуальные находки: небольшая призматическая сердоликовая⁴ бусина (рис. 6, 4), экземпляр рубленого бисера из светло-зеленого стекла (рис. 6, 3) и фрагмент желтой лимоновидной бусины (рис. 6, 2), черешковый листовидный наконечник копья (рис. 6, 12), крупная подковообразная фибула с гранеными головками (рис. 6, 10), сланцевый оселок (рис. 6, 11), несколько железных предметов.

Завершают коллекцию находок 1988 г. с селища несколько бусин, найденных на поле: четырехгранная призматическая из глухого красного стекла (рис. 6, 8), две желтые лимоновидные (рис. 6, 6, 7) и поврежденная огнем «фаянсовая» (рис. 6, 9).

Две раскопанные С. Л. Кузьминым сопки, располагавшиеся южнее городища и составлявшие группу Сковородка II, представляют значительный интерес. Некоторые детали их устройства соответствуют результатам работ 1909 г.

⁴ В тексте отчета описана как бусина из глушеного красного стекла.

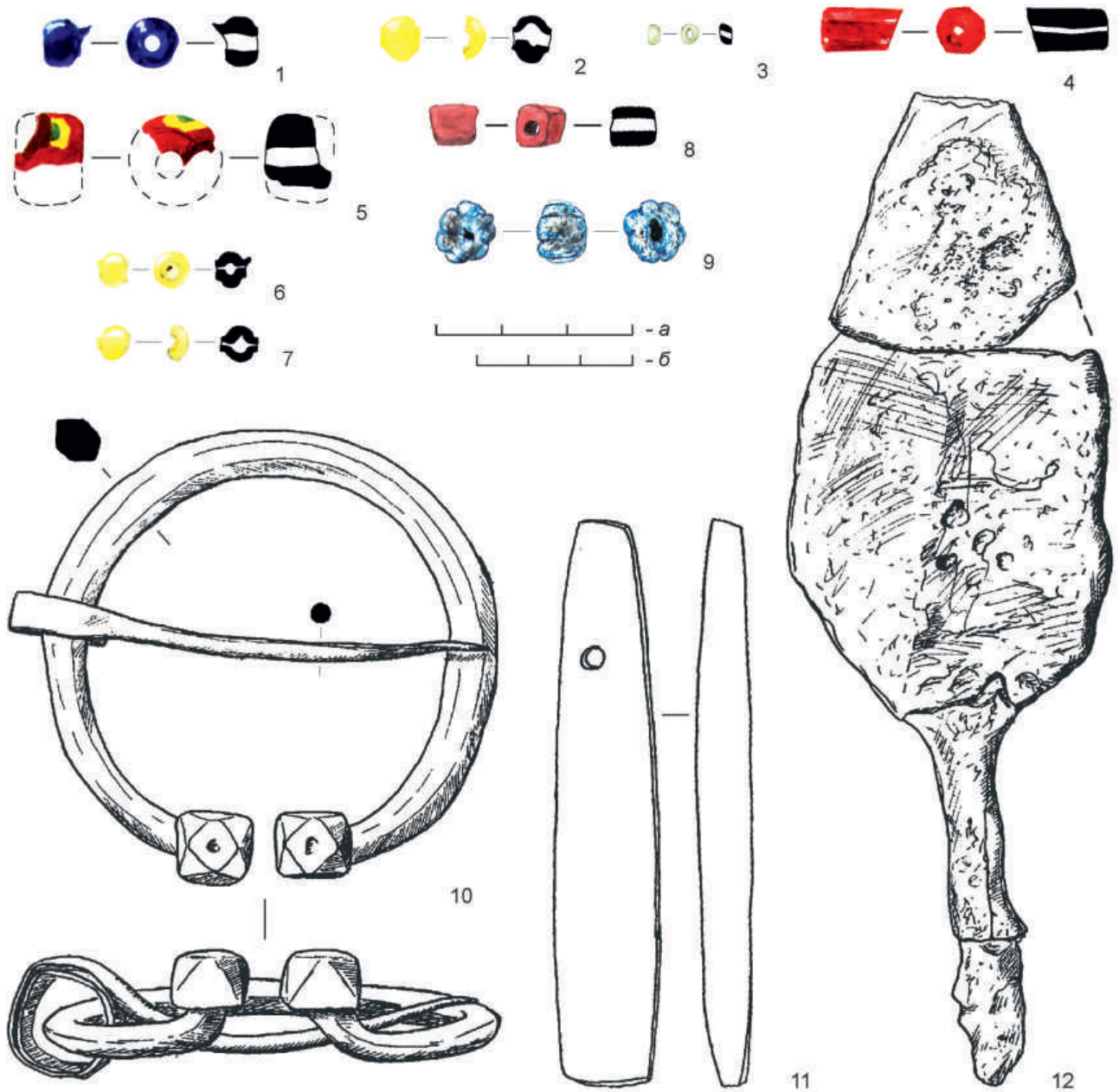

Рис. 6. Селище у дер. Сквородка. Находки из раскопок 1988 г.: 1-9 — бусы; 10 — подковообразная фибула с гранеными головками; 11 — оселок; 12 — наконечник копья. 1 — раскоп 1, слой черного песка; 2-4, 10-12 — раскоп 2, пахотный слой; 5 — раскоп 2, в развале камней; 6-9 — подъемный материал (рисунок Е. Р. Михайловой). 1-3, 5-8 — стекло; 4 — сердолик; 9 — фаянс; 10 — бронза; 11 — сланец; 12 — железо. Масштаб: а — для 1-9; б — для 10-12

Fig. 6. Settlement site near the village of Skovorodka. Finds from excavations of 1988: 1-9 — beads; 10 — penannular brooch; 11 — touchstone; 12 — spearhead. 1 — excavation 1, layer of black sand; 2-4, 10-12 — excavation 2, tillage layer; 5 — excavation 2, from a collapse of stones; 6-9 — surface finds (drawing by E. R. Mikhailova). 1-3, 5-8 — glass; 4 — cornelian; 9 — faience; 10 — bronze; 11 — chert; 12 — iron. Scale: a — to 1-9; б — to 10-12

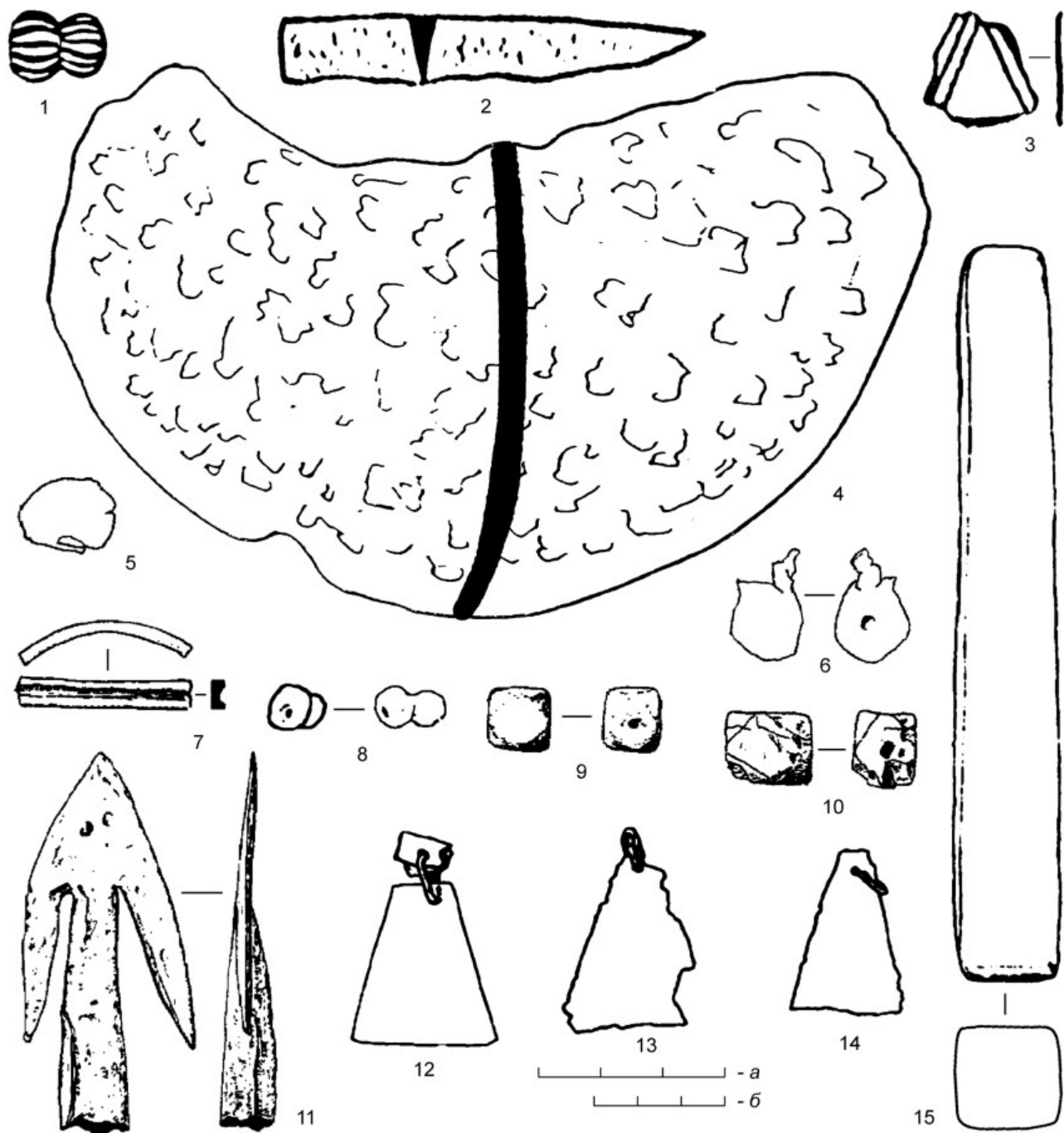

Рис. 7. Группа сопка Сквородка II. Находки: 1, 6, 8-10 — бусы; 2 — обломок ножа; 3, 12-14 — трапециевидные подвески; 4 — фрагмент сковородки; 5 — оплавленный обломок бронзового предмета; 7 — фрагмент браслета; 11 — наконечник стрелы; 15 — оселок. 1-3 — сопка 1, погребение; 4 — сопка 2, кострище; 5-15 — сопка 2, в деревянном «ящике» (1-4 — Кузьмин, 1989. Табл. 86; 5-15 — рисунок Е. Р. Михайловой). 1 — белое и темное стекло; 2, 4, 11 — железо; 3, 7, 12-14 — бронза; 5, 6, 8 — желтое стекло; 9 — глина; 10 — сердолик (обожжен); 15 — сланец. Масштаб: а — для 1-3, 5-15; б — для 4

Fig. 7. Group of sopkas (burial mounds) of Skovorodka II. Finds: 1, 6, 8-10 — beads; 2 — a fragment of a knife; 3, 12-14 — trapezoidal pendants; 4 — a fragment of a frying pan; 5 — melted fragment of a bronze object; 7 — fragment of a bracelet; 11 — arrowhead; 15 — donkey. 1-3 — sopka 1, burial; 4 — sopka 2, bonfire site; 5-15 — sopka 2, a wooden "box" (1-4 — Кузьмин, 1989. Табл. 86; 5-15 — drawing by E. R. Mikhaylova). 1 — white and dark glass; 2, 4, 11 — iron; 3, 7, 12-14 — bronze; 5, 6, 8 — yellow glass; 9 — clay, 10 — cornelian (burnt), 15 — chert. Scale: a — to 1-3, 5-15; б — to 4

В основании сопки 1 было расчищено четырехугольное пятно угля размером около 4 × 5 м и мощностью до 0,12 м, в юго-восточной части которого было встречено плотное скопление кальцинированных костей (погребение 1), среди которых найдены два фрагмента лепной керамики, две спекшиеся полосатые бусины (рис. 7, 1), фрагментированная трапециевидная привеска с пресованным орнаментом (рис. 7, 3) и обломок ножа (рис. 7, 2). Автор раскопок интерпретировал объект как сожжение на месте. У юго-западного угла угольного пятна был расчищен «очажок» из трех параллельно уложенных плах, на котором стояла железная сковорода (рис. 7, 4).

В основании сопки 2 также отмечено кострище (несколько небольших плах, первоначально установленных «шалашиком»), перекрытое низкой насыпью из суглинка и моренного щебня. На указанной насыпи из принесенных со стороны нарезанных кусков дерна была сложена четырехгранная пирамида с усеченной вершиной. Общая высота сооружения достигала 3 м. На вершине дерновой пирамиды был установлен дубовый «ящик» — квадратная в плане конструкция с низкими стенками и полом из бересты, заполненная кальцинированными костями от многих захоронений (общий вес костей составлял около 15 кг) и предметами, побывавшими в огне (рис. 7, 5–15). Конструкция еще в древности была сброшена со своего места: в ходе раскопок она была обнаружена на склоне пирамиды. Деревянные плашки и кости рассыпались из «ящика» вниз по северному и восточному склонам насыпи.

На основании сделанных находок и присутствия круговой керамики в слое селища и среди костей из деревянной конструкции в сопке 2 (рис. 8) исследователь датировал раскопанные объекты и комплекс в целом серединой X — XI в. В этот временной промежуток укладывается и радиоуглеродная дата древесины «дубового ящика» — 995–1020 гг.

Наличие в составе комплекса городища-убежища и примыкающего к нему селища и двух групп сопки, по мнению С. Л. Кузьмина, отражало продвижение на запад носителей ранней древнерусской культуры (*resp.* культуры сопки), возможно, сопровождавшееся вооруженными конфликтами с местным населением. Само городище в урочище Миложь, по его мысли, замыкало цепочку локальных центров, протянувшуюся от Верхней Луги через Врево-Черемнецкое поозерье в верховья Плюсы.

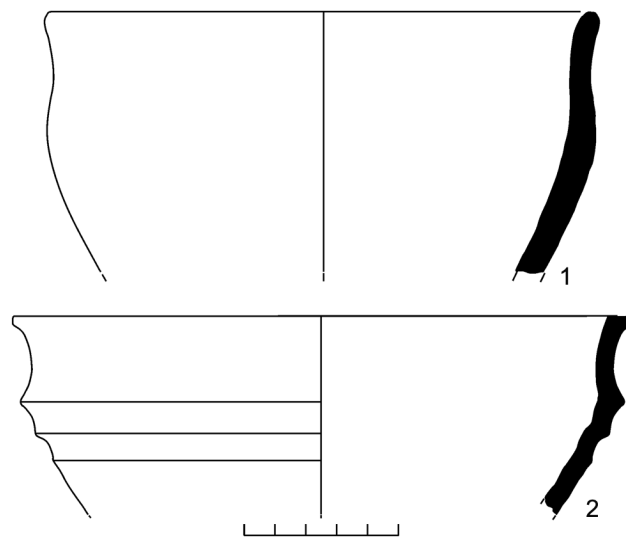

Рис. 8. Группа сопки Сковородка II, сопка 1. Реконструкция лепных сосудов из погребения (рисунок Е. Р. Михайловой)

Fig. 8. Group of sopkas Skovorodka II, sopka 1. Reconstruction of handmade pottery from the burial (drawing by E. R. Mikhaylova)

Современное состояние

В 2019 г. в ходе обследования группы памятников у дер. Сковородка под руководством В. Ю. Соболева был снят единый инструментальный план всего комплекса (рис. 9), состоящего из городища, селища и сохранившейся сопочной группы; жальник (грунтовый могильник), не имеющий в настоящее время никаких наземных признаков, локализуется лишь очень приблизительно (Соболев, 2020. С. 10, 11). Весь комплекс располагается на узком перешейке между восточным берегом Барского озера и обширным болотом, идущим на северо-восток до южного берега Черного озера. Болото, несомненно, в древности являлось мелководной частью Черного озера, но определить время заболачивания без целенаправленных исследований вряд ли возможно. Ширина перешейка не превышает 400–500 м.

Городище занимает участок возвышенной части оза, проходящего вдоль восточного берега озера. С севера оно ограничено «протоком», разрезавшим возвышенность, с юга — остатками оборонительной стены, сохранившейся в виде вала высотой со стороны «площадки» до 1 м, а с юга — до 5 м. Восточный и западный склоны оза сохранили природную форму, следы эскарпированности или других фортификационных работ отсутствуют. Северный край городища разрушен

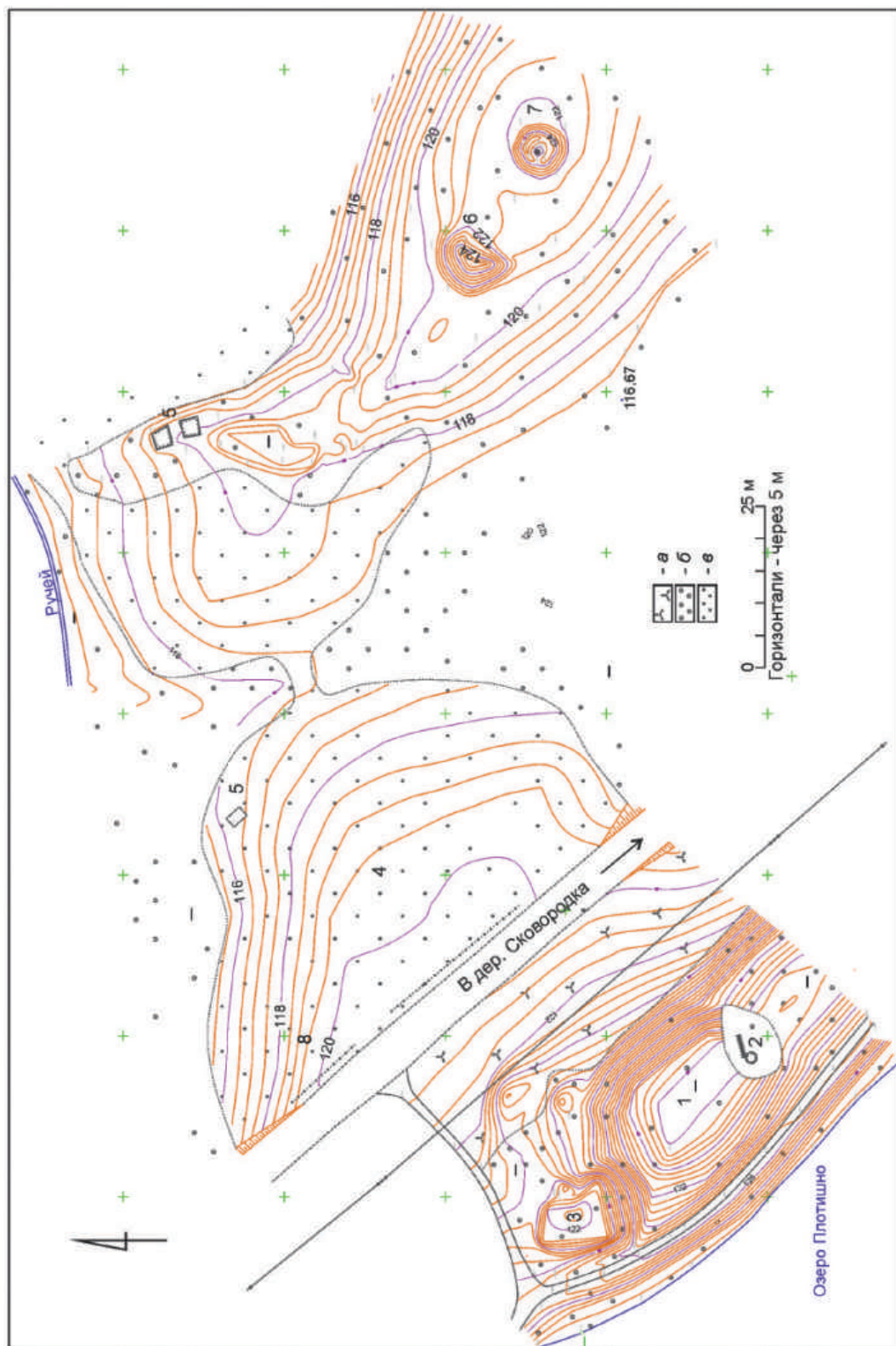

Рис. 9. Комплекс памятников на берегу оз. Плотишно. 2019 г., план: 1 — городище; 2 — вал городища; 3 — карьер; 4 — селище; 5 — современные постройки и остатки хутора; 6 — сопка 2; 7 — сопка 1; 8 — предполагаемое место разрушенного жальника. Условные обозначения: а — кустарник; б — лес; в — сенокос

Fig. 9. Sites on the bank of Lake Plotishno. 2019, plan: 1 — fortified site; 2 — rampart of the fortified settlement; 3 — quarry; 4 — unfortified settlement; 5 — modern buildings and remains of a farmstead; 6 — сопка 2; 7 — сопка 1; 8 — presumed place of a disturbed zhalknik grave. Keys: а — bushes; б — forest; в — hayfield

небольшим карьером, впервые зафиксированным на съемке 1986 г., противоположный берег «протока» также срезан карьером. Размеры площадки городища — 60 × 46 м, превышение площадки над гладью озера составляет 14 м, над селищем — около 30 м. Шурфовка на городище не проводилась, однако осмотр обнажений и зачистка стенки карьера показали отсутствие культурного слоя на площадке. Селище в настоящее время хорошо задерновано, хотя направление и ритм борозд старой распашки еще заметны.

Группа сопки Сквородка 1 находится в 500 м к востоку от устья «протока», на вершине небольшой возвышенности, поросшей смешанным лесом. Обе сопки сильно разрушены. От первой из них сохранилось около половины северной части насыпи, ее реконструируемый диаметр составлял не менее 40 м, сохранившаяся высота — около 5,5 м. В обрыве полуразрушенной насыпи видны многочисленные уложенные друг на друга слои погребенного дерна — вероятно, внутреннее устройство этой сопки аналогично устройству сопки 2 в группе Сквородка II. Вторая сопка, сохранившаяся немного лучше, имеет диаметр 33,0 м и высоту 3,7 м, в ее вершине вырыта яма размерами 5,5 × 4,5 м и глубиной более 1,5 м.

Некоторые находки и их аналогии

Рассмотрим подробнее некоторые из находок, сделанных в разные годы в комплексе памятников у дер. Сквородка.

Ближайшие аналогии найденным предметам, действительно, можно найти в материалах ранних древнерусских памятников, расположенных далее к востоку. Наиболее показательны здесь глубокая миска с горизонтально оттянутым краем венчика и горизонтальной каннелюрой по плечу, найденная в сопке 1 (рис. 8, 2), и трапециевидная привеска, привешенная к пятиугольной обоймице, из сопки 2 (рис. 7, 12).

Керамика с широкой каннелюрой по плечу в незначительном количестве представлена на многих памятниках Северо-Запада: Земляном городище в Старой Ладоге, Новгородском (Рюриковом) городище, поселении Холопий городок, Передольском погосте, Псковском городище, Изборском (Труворовом) городище, городище Камно и др. (Белецкий, 1983. С. 52, рис. 7, 1, 2, 4, 6; 1996, рис. 5, 4; 26, 2; 30, 3; Сениченкова, 1998. Рис. 1, Ф III; 3, Ф 1; Носов, Плохов, 2005. Табл. 178, 6; 181, 7; 183, 12; Плохов, 2005. Табл. 56, 11;

Платонова и др., 2007. С. 167, рис. 10, 3). Наиболее многочисленны они в Городце под Лугой, в связи с чем Г. С. Лебедев даже предлагал выделить каннелированные сосуды в «городецкий тип» (Ефимова, 1977. Рис. 2), а также в материалах поселения Которский погост и связанных с ним могильниках (Михайлова, 2014. С. 327; Mikhaylova, 2014. С. 229, 230). Характерное оформление венчика каннелированной миски из сопки у дер. Сквородка соответствует оформлению венчиков прежде всего которской керамики.

Найденные в сопке 2 и разведочных раскопах на селище остатки женских украшений (рис. 6; 7, 1, 3, 5–10, 12–14) типичны для X в. Большинство из них находит свои аналогии на Которском селище и в могильниках с рассыпными кремациями в том же комплексе памятников (Кузьмин и др., 2000; Михайлова, 2014; Соболев, 2015). Наибольший интерес представляют пятиугольные обоймицы (Кузьмин и др., 2000. Рис. 3, 4; 9, 1; 11, 2, 5, 6; 12, 1, 2), к которым привешены на проволочных колечках трапециевидные привески, — они представляют собой локальный тип украшений, характерный преимущественно для верховьев Плюсы и Верхнего Полужья (Михайлова, 2019. С. 103, 104). Наибольшее количество таких обоймиц также встречено в памятниках Которского погоста, что отчасти объясняется объемом проводившихся здесь раскопок.

Наиболее выразительной и хронологически значимой находкой являются бусы. В настоящее время для конца I — начала II тыс. наиболее подробно опубликованы и проанализированы три крупные коллекции бус — с Земляного городища, с Неревского раскопа Новгорода и из Мининского археологического комплекса (Щапова, 1956; Львова, 1968; 1970; Захаров, Кузина, 2008). Во всех перечисленных коллекциях содержатся хорошие аналогии находкам из комплекса у дер. Сквородка.

Многочастные лимоновидные пронизки и их (одночастные) фрагменты — одна из наиболее частых находок на древнерусских памятниках конца I — начала II тыс. Желтые лимоновидные бусы (одинарные, а также двух- и трехчастные пронизки) появляются в X в. и окончательно выходят из употребления в начале XII в. (Щапова, 1956. С. 173, 174; Львова, 1968. С. 88, 89; Лесман, 1984. С. 140, № 95; Захаров, Кузина, 2008. С. 196). Лимоновидная бусина синего стекла (рис. 6, 1) относится к той же технологической группе бус, что и желтые «лимонки», но датируется несколько уже — до третьей четверти или даже конца XI в. (Лесман, 1984.

С. 140, № 97); *Платонова и др.*, 2007. С. 182; *Френкель*, 2007. С. 101, 102; ср. также: *Львова*, 1968. С. 88, 89; *Щапова*, 1956. С. 174, 175).

Единственный найденный экземпляр бисера представляет собой рубленый бисер и изготовлен из полупрозрачного зеленоватого стекла (рис. 6, 3). Рубленый бисер в основном датируется X — первой половиной XI в., хотя известны и отдельные более поздние находки (*Щапова*, 1956. С. 173; *Львова*, 1968. С. 86–88; *Лесман*, 1984. С. 139, № 93; *Захаров, Кузина*, 2008. С. 196).

Навитая призматическая бусина из темно-красного глухого стекла (рис. 6, 8) датируется в пределах X–XI вв. (*Захаров, Кузина*, 2008. С. 196). Интересно отметить, что аналогичные призматические бусины, но с накладными желтыми полосками, были встречены в погребении середины — второй половины XI в. древнерусского курганного кладбища Березицы III, расположенного примерно в 10 км от Сковородки (*Михайлова*, 2017. Рис. 4, 25, 26).

Призматические бусы из сердолика, восьмигранные в поперечном сечении, характерны для памятников эпохи викингов как в Северной Европе (см., например: *Arbman*, 1940. Taf. 116ff; *Petré*, 1984. S. 45, 152; *Müller*, 1970. S. 55, abb. 1, 1, 2; 2, 1, 2; *Kivikoski*, 1973. S. 111, abb. 817), так и в Северо-Западной Руси. В Ладогe они появляются с 840-х гг. (горизонт E₂ Земляного городища) и широко представлены в слое Д и позднее (*Рябинин*, 1995. С. 58; *Кирпичников*, 2007. Табл. 1, 2), в курганах могильника в урочище Плакун (*Назаренко*, 1985. С. 167, 168, рис. 6, 4, 6). Призматические сердоликовые бусы встречены в так называемом черном слое с материалами X в. в заполнении рва Рюрикова городища (*Носов и др.*, 2017. С. 97). В Новгороде М. Д. Полубояринова датирует такие бусы второй четвертью X — первой четвертью XI в., отмечая их единичные находки в течение всего домонгольского периода (*Полубояринова*, 1994. С. 75). По-видимому, самый поздний экземпляр обнаружен в кургане-жальнике 3 могильника Лашковицы I на Ижорском плато, датирующемся XIV в. (*Рябинин*, 2001. С. 62). Применительно к комплексу у дер. Сковородка важно указать также находки призматических сердоликовых бусин в погребениях в ордежских сопках (вместе с круговой керамикой) (*Кузьмин*, 2010. Рис. 4, 20; 6, 3, 5) и в комплексе памятников у дер. Которск (*Михайлова*, 2014. С. 326).

Ребристая «фаянсовая» бусина (рис. 6, 9) представляет собой сравнительно редкий тип, датирующийся серединой — второй половиной X в.

Аналогичные бусы известны в Новгороде, на Ладожском посаде, в погребальных памятниках и пойменной части поселения в Гнёздово (*Френкель*, 2007. С. 98, 99). Более поздним временем следует датировать аналогичную бусину из погребения в кургане 4 древнерусского курганного кладбища Рапти–Наволоок III⁵. По комплексу вещей указанное погребение может быть датировано концом XI — началом XII в., однако других столь же поздних находок «фаянсовых» бус авторам неизвестно.

Две спекшиеся продольно-полосатые лимонovidные бусины с темными и белыми полосками (рис. 7, 1) найдены на кострище под сопкой 1, раскопанной С. Л. Кузьминым. Продольно-полосатые лимонovidные бусы с полосками различных цветов в целом бытовали в VIII–XI вв., однако бусины с чередующимися светлыми и темными полосками относятся к наиболее поздней разновидности и датируются X — первой четвертью или первой половиной XI в. (*Щапова*, 1956. С. 175; *Львова*, 1968. С. 85, 86; *Лесман*, 1984. С. 140, № 98; *Френкель*, 2007. С. 101; *Захаров, Кузина*, 2008. С. 196; ср.: *Платонова и др.*, 2007. С. 183).

Двушипный втульчатый наконечник стрелы (рис. 7, 11) был найден среди костей в деревянном вместилище в сопке 2. Он относится к типу 2 по А. Ф. Медведеву, датируемому широким интервалом — VIII–XIII вв. — и распространенному в основном вдоль западных границ Руси. По мнению А. Ф. Медведева, данный тип был заимствован у западных соседей (*Медведев*, 1966. С. 56). Так, на территории Западной Беларуси В. А. Плавинским учтено 32 экземпляра двушипных втульчатых наконечников стрел, происходящих преимущественно из городских слоев X–XI вв. Двушипные втульчатые наконечники являются здесь одним из самых массовых типов X–XI вв., количественно уступая только ланцетовидным (*Плавинский*, 2017). Встречаются аналогичные наконечники и в землях западных славян (например: *Biermann et al.*, 2020. Abb. 4, 1).

Листовидный черешковый наконечник копья или дротика, обнаруженный в раскопе 2 (рис. 6, 12), вероятно, должен быть отнесен к орудиям охоты и в целом аналогичен наконечникам, найденным на селище и городище Рыуге в Эстонии (*Аун*, 1992. С. 74, табл. XXXII, 2, 5).

Летом 2019 г. на берегу ручья, разделяющего селище, случайно был обнаружен фрагмент топора, большая часть лезвия которого утрачена

⁵ Раскопки Е. Р. Михайловой, 1997 г.

(рис. 10). Он изготовлен из железной пластины методом кузнечной сварки, форма проушины каплевидная, верхняя грань прямая, щекавицы практически отсутствуют. Топор имел узкое лезвие и скорее являлся оружием, чем рабочим орудием; он схож с типом V по А. Н. Кирпичникову — с ранней разновидностью топоров данного типа, так как именно для нее характерна тщательность изготовления и овальная или треугольная форма втулки. Наибольшее скопление этих топоров отмечается на севере Руси, их происхождение связывается с севером Европы. Общая датировка типа — домонгольское время, однако, по мнению А. Н. Кирпичникова, датировка боевых образцов охватывает только X и XI в., в более позднее время они не встречаются (Кирпичников, 1966. С. 36, 37). Общая форма напоминает также польские топоры типа I варианта ПВ, по П. Котовичу. Данный тип также может быть датирован X–XI вв. (Kotowicz, 2018. С. 47)⁶.

Круг вещевых и керамических находок из комплекса у дер. Сковородка, таким образом, находит свои ближайшие соответствия в ранних древнерусских поселениях и сопках, в том числе в ближайшем регионе, включающем территорию в бассейнах рек Плюсы и Верхней Луги. Там же обнаруживаются и многие аналогии внутреннему устройству сопок, раскопанных у Барского озера.

Ближние аналогии деревянному вместилищу костей на вершине сопки 2 известны только в высоких курганах у дер. Ерусалимской в низовьях р. Великой (Соколов, 1879; Кузьмин, 2001. С. 60). Однако коллективные или неоднократные погребения, приуроченные к вершинам сопок, известны. Можно указать, например, поставленные друг на друга урны с пережженными костями внутри каменной конструкции в Новых Дубовиках на Волхове (Кузьмин, 1992. С. 54), пристроенные друг к другу каменные «ячейки» в Заполье на Верхней Луге (Платонова, 2002. С. 188–191).

В бассейне Верхней Луги близ дер. Репьи Г. С. Лебедевым была раскопана очень своеобразная высокая насыпь. Сооруженная первоначально как крупный курган культуры псковских длинных курганов, на следующем этапе своего существования насыпь приобрела «сопочные» черты: была досыпана в высоту мощным слоем серого песка, став высокой (до 3 м) и крутобокой. В основании слоя серого песка был расчищен

Рис. 10. Селище у дер. Сковородка. Топор. Случайная находка

Fig. 10. Unfortified settlement near the village of Skovorodka. Axe. Stray find

комплекс, обозначенный Г. С. Лебедевым как «погребение 2». Это угольное пятно размером 4 × 2 м на юго-восточном склоне насыпи, на котором было выявлено несколько скоплений пережженных костей. С «погребением 2» связаны находки трапецевидной привески, прикрепленной к пятиугольной обоймице, еще одной пятиугольной обоймицы и фрагментов тонкой бронзовой или биллоновой пластины. Рядом с кострищем, выше по склону, найдены черепки лепного сосуда и железная сковорода, аналогичная найденной в сопке у дер. Сковородка (Михайлова, 2013. С. 338–340).

В дер. Полосы недалеко от Которского погоста С. Л. Кузьмин в 1990 г. раскопал сопку, внутреннее строение которой напоминало сопки у дер. Сковородка. Ядро насыпи сопки в Полосах также составляла усеченная пирамида, сложенная из кусков дерна и перекрытая слоем песка. В основании дерновой пирамиды было расчищено кострище из нескольких плах (Кузьмин, 1990).

Однако не все черты памятников на озере Плотишно находят свои аналогии в Полужье и Поплюсье. Расположение и устройство городища близ дер. Сковородка нехарактерно для этих регионов. «Сопочные» городища на Верхней Луге и Верхней Плюссе расположены на высоких плоских останцах на речных берегах либо представляют собой типичные мысовые городища приблизительно треугольной формы и обладают существенно более широкими оборонительными возможностями. Традиция же сооружения городищ на озовых грядах, пересеченных насыпными валами, хорошо известна западнее, на территории Эстонии. Городища на узких высоких грядах, ограниченные валами по узким сторонам

⁶ Хотим поблагодарить С. Ю. Каинова за любезные консультации.

площадки (так называемые ложа Калевипоэга), сравнительно многочисленны на территории Эстонии, составляя II тип городищ по Э. Тыниссону (Tõnisson, 2008. L. 52–55).

Наиболее известно и полно раскопано городище Рыуге в Выруском уезде (*Шмидехельм*, 1959; *Аун*, 1992. С. 25–32). Городище расположено на узком западном конце длинной гряды, протянувшейся с запада на восток между долиной Ээбикуорг и низиной оз. Лийнярв. Площадка городища размером 70 × 12–19 м ограничена с напольной (восточной) стороны сопковидным валом высотой до 3 м. На узком западном конце площадки также имелся невысокий вал. Как и в Сквородке, склоны гряды имеют разную высоту: высота северного склона достигает 12 м, южного (обращенного к озеру) — 9 м. С востока к городищу примыкает селище площадью около 7000 кв. м. Отметим, что в материалах городища и селища Рыуге встречены фрагменты каннелированной керамики (*Белецкий*, 1996. С. 46,

рис. 26, 2) и несколько черешковых листовидных наконечников копий, аналогичных найденному на селище Сквородка (*Аун*, 1992. С. 74).

Контакты между людьми, жившими в бассейне р. Плюссы и на территории Эстонии, безусловно, существовали и, скорее всего, осуществлялись через Восточное Причудье. Одним из свидетельств таких контактов, вероятно, являются клады серебряных гривен, найденные у дер. Узьмино (чуть северо-западнее дер. Сквородка) и у дер. Горка (недалеко от Передольского погоста) (*Хвоцинская*, 2018).

Вместе с тем можно предположить, что, несмотря на топографическую близость, в Сквородский комплекс оказались объединены две не вполне синхронные группы памятников: «озовое» городище, имеющее аналогии в Восточной Эстонии, и селище и погребальные памятники, связанные с распространением в регионе древнерусской культуры.

Андряшев, 1914 — *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М.: Изд. Имп. Общ-ва истории и древностей российских при Московском университете, 1914. Ч. 1: Списки селений; Ч. 2: Карты погостов. Карт. Зав. Ю. Ю. Гаш, 1913. 552 с., 13 ил.

Аун, 1992 — *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН, 1992. 200 с.

Белецкий, 1983 — *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова / Ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1983. С. 46–80.

Белецкий, 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с.

Городцов, 1911 — *Городцов В. А.* Дневник раскопок, произведенных слушателями Московского Археологического Института, под руководством В. А. Городцова, в С.-Петербургской губернии, в Лужском (1) и Гдовском (2–6) уездах 1909 г. // Отчет о состоянии Московского Археологического Института в 1909–1910 академическом году. М., 1911. С. 65–89.

Ефимова, 1977 — *Ефимова Н. А.* Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 98–101.

Захаров, *Кузина*, 2008 — *Захаров С. Д., Кузина И. Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. М.: Наука, 2008. Т. 2: Материальная культура и хронология. С. 142–214.

Кадастр..., 1997 — *Кадастр.* Достопримечательные, природные и историко-культурные объекты Псковской области. Псков: б. и., 1997. 731 с.

Кирпичников, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 182 с.

Кирпичников, 2007 — *Кирпичников А. Н.* Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 195–220.

Кузьмин, 1986 — *Кузьмин С. Л.* Отчет о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1986 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 11486, 11486а.

Кузьмин, 1989 — *Кузьмин С. Л.* Отчет о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской Областной Экспедиции ЛОИА РАН СССР в 1988 году. СПб., 1989 // НОА ИА РАН. Р-1. № 2896.

Кузьмин, 1990 — *Кузьмин С. Л.* Отчет о полевых исследованиях Плюсского отряда Ленинградской

- Областной Экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. № 15849–15851.
- Кузьмин, 1992 — Кузьмин С. Л. Сопка у д. Новые Дубовики // АИППЗ: Материалы семинара 1991 г. Псков: б. и., 1992. С. 52–55.
- Кузьмин, 2001 — Кузьмин С. Л. Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Серия Исторические науки; Вып. 1. Специальный выпуск: Археология. [СПб.]: б. и., 2001. С. 56–64.
- Кузьмин, 2010 — Кузьмин С. Л. Оредежские сопки // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 119–132.
- Кузьмин и др., 2000 — Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // *Stratum Plus*. 2000. № 5. С. 70–82.
- Лесман, 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. / Под ред. Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Львова, 1968 — Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л.: Сов. художник, 1968. Вып. 10. С. 64–94.
- Львова, 1970 — Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II: Происхождение бус // АСГЭ. Л.: Аврора, 1968. Вып. 12. С. 89–111.
- Медведев, 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 184 с.
- Михайлова, 2013 — Михайлова Е. Р. Насыпь у дер. Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э. // АИППЗ. Вып. 28: Материалы 58-го заседания Семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2013. С. 335–345.
- Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: Общество, государство, культура / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Михайлова, 2017 — Михайлова Е. Р. Два древнерусских комплекса с украшениями из олова на западе Новгородской земли // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 327–334.
- Михайлова, 2019 — Михайлова Е. Р. Два локальных типа раннесредневековых украшений, или О значении неброских находок // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 101–108.
- Назаренко, 1985 — Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука, 1985. С. 156–169.
- Носов, Плохов, 2005 — Носов Е. Н., Плохов А. В. Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг. // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 33–66.
- Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрия Буланин, 2017. 285 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1909 г. Д. 31: О раскопках Московского Археологического Института в Гдовском и Лужском у.у. С.-Петербургской губ и в Керчи.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 107: Отчет по археологической рекогносцировке в Лужском уезде Ленинградской губернии сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Г. П. Гроздилова и Н. Н. Чернягина в 1927 г. На 122 л.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 101: Лужский округ Ленинградской обл. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д.д. Пятчино, Плюса, Полосы, Сквородка, Страшево Плюсского района. Обследования П. Шульца и Г. Гроздилова в 1927 г. На 18 л.
- Плавінскі, 2017 — Плавінскі У. А. Тыпа-храналагічная эвалюцыя жалезных наканечнікаў стрэл X–XV стст. з тэрыторыі Паўночнай Беларусі // *Часопіс Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя*. 2017. № 4. С. 115–128.
- Платонова, 2002 — Платонова Н. И. О погребальном обряде верхнелужских сопки (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 181–195.
- Платонова и др., 2007 — Платонова Н. И., Желлова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 142–194.

- Плохов, 2005 — Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 74–81.
- Полубояринова, 1994 — Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород: б. и., 1994. С. 75–82.
- Рябинин, 1995 — Рябинин Е. А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь: Чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г.). СПб.: СЛИААМЗ, 1995. С. 56–61.
- Рябинин, 2001 — Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 260 с.
- Сениченкова, 1998 — Сениченкова Т. Б. Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИИМК РАН. СПб.: б. и., 1998. 29 с.
- Соболев, 2015 — Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI века) // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: Санкт-Петербургский Институт истории РАН; Новгородский ГУ; НМЗ, 2015. Вып. 15 (25). С. 4–32.
- Соболев, 2016 — Соболев В. Ю. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX — начале XX в. // АВ. 2016. Вып. 22. С. 238–245.
- Соболев, 2019 — Соболев В. Ю. Константин Дмитриевич Трофимов. Материалы к биографии // АИППЗ. Вып. 35: Материалы 65-го заседания семинара им. акад. В. В. Седова / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М., Псков: ИА РАН, 2020. С. 516–527.
- Соболев, 2020 — Соболев В. Ю. Отчет об археологических разведках на территории Плюсского и Стругокрасненского районов Псковской области и Лужского, Всеволожского районов Ленинградской области в 2018–2019 гг. СПб., 2020 // НОА ИА РАН.
- Соколов, 1879 — Соколов Н. И. Журнал курганных раскопок, произведенных их императорскими высочествами Великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами, Константином и Дмитрием Константиновичами в Лыбутской местности (в даче дер. Ерусалимской Сидоровской волости Псковского уезда) июля 11 дня 1878 года. Псков: Тип. Губ. Правл., 1879. 36 с.
- Френкель, 2007 — Френкель Я. В. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексного исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб.: Альфарет, 2007. С. 78–117.
- Хвоцинская, 2018 — Хвоцинская Н. В. К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе // АВ. 2018. Вып. 24. С. 182–189.
- Шмидехельм, 1959 — Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии / Под ред. С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции; Т. 1). С. 154–185.
- Щапова, 1956 — Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М., 1956 (МИА; № 55). Т. 1. С. 164–179.
- Arbman, 1940 — Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1940. 282 s.
- Biermann et al., 2020 — Biermann F., Posselt N., Roskoshinski Ph., Ulrich J. Liutizische Inselsiedlung mit Zentralfunktionen — Forschungen am Schulzenwerder bei Babke in Mecklenburg // Polska — Pomorze — sąsiedzi (X–XI w.). W kręgu studiów nad początkami średniowiecznej cywilizacji europejskiej / Red. St. Rosik. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2020 (Scripta Historica Europaea; № 4). P. 93–119.
- Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. 2nd ed. Helsinki: Weilin & Göös, 1973. 290 s.
- Kotowicz, 2018 — Kotowicz P. N. Early Medieval Axes from the Territory of Poland. Kraków: Polish Academy of Arts and Sciences, 2018. 268 s.
- Mikhaylova, 2014 — Mikhaylova E. R. Kotorsky Pogost — a local Centre in the western Part of Novgorod Land // Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th — 13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson / Ed. H. Valk. Tartu: Tartu Ülikool, 2014 (Muinasaja Teadus; Vol. 24). P. 209–237.

Müller, 1970 — *Müller A.* von. Karneolperlen aus Haithabu (Ausgrabung 1963–1964) // Das archäologische Fundmaterial I der Ausgrabung Haithabu 1963–1964. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1970 (Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu; Bericht 4). S. 53–55.

Petré, 1984 — *Petré B.* Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del 2. Fornlämning RAÄ 27, Lunda. Stockholm:

Almqvist & Wiksell International (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studies in North-European Archaeology; Vol. 8). 1984. 404 p.

Tõnisson, 2008 — *Tõnisson E.* Eesti muinaslinnad (Muinasaja teadus, 20). Toimetanud ja täiendanud: Ain Mäesalu ja Heiki Valk. Tartu: Tartu Ülikool, Ajaloo ja Arheoloogia Instituut, 2008. 357 c.

Complex of archaeological sites near the village of Skovorodka. History of investigations and the present state

E. R. Mikhaylova, V. Yu. Sobolev⁷

Keywords: Middle Ages, Novgorod Land, Skovorodka, complex of archaeological sites, hillfort, settlement, burial sites.

This paper considers a complex of sites near the village of Skovorodka situated in Strugo-Krasnensky District of Pskov Oblast. The sites on the bank of Lake Barskoye (Plotishno) were noted by archaeologists in 1909. There students headed by K. D. Trofimov and V. A. Gorodtsov from the Moscow Archaeological Society recorded a fortified settlement and burial sites of different periods and investigated a sopka and three zhalnik graves. In 1927, the complex was examined during the palaeoethnological investigation of the district by G. P. Grozdilov and N. N. Chernyagin who draw a visual plan of the sites. The next investigation was conducted in 1986 by S. L. Kuzmin who also draw a visual plan. In 1988, he excavated two sopkas in the group of Skovorodka II and dug exploratory trenches at a settlement site revealed by him. In the opinion of S. L. Kuzmin, this complex was constituted by a synchronous fortified site, an unfortified settlement and high cult-memorial mounds — sopkas.

On the basis of analysis of materials from the excavations and the topographical situation, the authors made a supposition about a non-simultaneous character of the abovementioned sites and a relation of the fortified settlement with a different earlier cultural community having parallels in Eastern Estonia.

⁷ Elena R. Mikhaylova, Vyacheslav Yu. Sobolev — Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage named after Prof. G. S. Lebedev, St. Petersburg State University; 1/3 ul. Smol'nogo, St. Petersburg, 191060, Russia; e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com; vlad.sobolev@gmail.com.

Церковные осветительные приборы в древнерусском городе (по материалам из раскопок Большого Шепетовского городища)¹

А. А. Пескова, А. Ю. Кононович²

Аннотация. В материалах из раскопок Большого Шепетовского городища³ конца XII — первой половины XIII в. было выделено 23 металлических фрагмента осветительных приборов, относящихся к церковному убранству. Конструктивный и стилистический анализ этих предметов показал, что они принадлежали светильникам разного типа.

Ключевые слова: древнерусский город, церковь, осветительные приборы, византийская и западноевропейская традиции.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-182-197

Большое Шепетовское городище изучалось экспедицией М. К. Каргера в течение восьми лет, исследованиями была охвачена большая часть памятника (площадью 3,6 га), но фундамента или других непосредственных следов присутствия в городе храма не было зафиксировано. Однако среди многочисленных вещественных материалов, собранных на памятнике, присутствуют богослужебные предметы, а также находки, являющиеся элементами церковного убранства, в том числе фрагменты осветительных приборов, выполненные из металла и относящиеся, как выяснилось в результате их изучения, к разным группам светильников.

Отдельные детали церковных осветительных приборов встречаются при раскопках древнерусских поселений довольно часто и, как правило,

в небольшом количестве. Сводной работы по их систематизации пока не существует, хотя первые шаги в этом направлении уже сделаны⁴. Основными ориентирами для исследователей при их атрибуции уже более 100 лет являются единичные находки целых светильников (два паникадила, три лампадофора и пять подсвечников), происходящие из Киева (рис. 1, 1), с городищ Девичья гора и Княжая гора в Киевской губернии и из летописного Вщижа в Орловской губернии (Древности Приднепровья, 1902. С. 31, 32, табл. VII, 244; IX, 242, 243; 1907. С. 33, 42, табл. XLI, 598; Уваров, 1910. С. 386–388). Целых древнерусских хоросов до сих пор не найдено⁵, но во Вщиже были выявлены выразительные фрагменты — хрестоматийно известные «вщижские арки», которые уже в первой научной публикации были определены как «две стороны осмоугольного медного

¹ А. А. Песковой работа выполнена в рамках темы государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Пескова А. А. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Кононович А. Ю. — Отдел истории русской культуры, Государственный Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия.

³ Городище у с. Городище Шепетовского р-на Хмельницкой обл., Украина.

⁴ Имеем в виду исследования Е. И. Архиповой по материалам из раскопок Десятинной церкви в Киеве и храмов Переяслава-Хмельницкого (ныне г. Переяслав, Украина) (Архипова, 2008; 2019).

⁵ Вопрос о том, использовались ли в древней Руси настоящие хоросы византийского типа (сложные светильники многоугольной конструкции большого размера, несущие как свечи, так и лампы, и размещаемые в подкупольном пространстве храма), все еще является дискуссионным (Плешанова, 1987. С. 347; Игошев, 2006. С. 141; Архипова, 2008. С. 247, 248).

Рис. 1. Древнерусское паникадило и отдельные детали паникадил: 1 — паникадило (Киев, ул. Хоревая — Древности Приднепровья..., 1907. С. 42, табл. XLI, 598); 2-5 — фрагменты кронштейнов подсвечников (2, 4 — Волковыск, НА ИИМК РАН, ФО. О. 2202.51-52; 3, 5 — Шепетовское городище, фото А. И. Корниенко); 6-11 — чашечки для стекающего воска, Шепетовское городище (фото А. И. Корниенко). 1-11 — медный сплав. 1 — без масштаба

Fig. 1. Mediaeval Russian church chandelier and separate parts of chandeliers: 1 — church chandelier (Kiev, Khorevaya Str. — Древности Приднепровья..., 1907. С. 42, табл. XLI, 598); 2-5 — fragments of candlestick brackets (2, 4 — Volkovysk, НА ИИМК РАН, ФО. О. 2202.51-52; 3, 5 — fortified Settlement near Shepetovka, photo by A. I. Kornienko); 6-11 — cups for the flowing candle-wax, Fortified Settlement near Shepetovka (photo by A. I. Kornienko). 1-11 — copper alloy. 1 — without scale

паникадила, коего форма доселе еще попадает часто во многих церквах Греции и Афона и известна под именем хороса» (Уваров, 1910. С. 186, табл. СХХ, 172, 173). Однако по сей день обсуждаются вопросы их назначения и датировки (Рыбаков, 1971. С. 81; Bouras, 1982. Р. 481; Стерлигова, 2000. С. 367–373; Пуцко, 2002. С. 133–142; Жилина, 2018. С. 91–104). При этом паникадила, как прежде, так и теперь, тоже носят в литературе название «хорос» или даже «паникадило-хорос», как и определяемые по ним фрагменты из новых раскопок.

В 1954 г. еще одно (третье) паникадило и один высокий напольный подсвечник были собраны реставраторами из бронзовых деталей, извлеченных из руин Спасской церкви-усыпальницы в г. Переяславе-Хмельницком (ныне г. Переяслав, Украина) (Каргер, 1954. С. 17, рис. 7). А в 2007 г. в ближайшей округе Вщижа был обнаружен еще один ажурный диск лампадофора с центральной чашей и оплавленными краями (Чубур, 2014. С. 228–231, рис. 2). Есть упоминания о находках фрагментов лампадофора на Семьинском городище и на Троицком раскопе в Великом Новгороде (Родина, 2004. С. 55, рис. 22).

Наконец, в 2009 г. было опубликовано впервые, а в 2019 г. воспроизведено повторно архивное изображение четвертого древнерусского паникадила, дошедшего до нас во фрагментах и происходящего из раскопок «при расчистке средней части» Спасской церкви в Старой Ладоге, произведенных еще в 1886–1887 гг. Н. Е. Бранденбургом (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 17. Л. 105; ИАК, 2009. С. 853; ИАК, 2019. С. 1136, 1139; Бранденбург, 1896. С. 46–48, 127, 128)⁶. Исследователь датировал открытый им храм XIII в., а паникадило — не позже XV или начала XVI в. (Бранденбург, 1896. С. 127). Позднее П. А. Раппопорт на основании анализа плана церкви и строительной техники отнес ее к XII — первой половине XIII в. (Раппопорт, 1982. С. 76, 77, табл. 15, кат. 121). Детальный анализ паникадила еще впереди, но уже сейчас можно сказать, что его конструктивные и декоративные особенности настолько близки трем другим вышеназванным древнерусским

паникадилам, что это позволяет, на наш взгляд, датировать его не позднее конца XIII — XIV в. Там же были найдены два «железные трехножные подсвечника с острями для насадки вощаниц, обломки самих вощаниц и проч.» (Бранденбург, 1896. С. 127; ИАК, 2009. С. 853; ИАК, 2019. С. 1139).

Реконструкция переяславского паникадила была подвергнута пересмотру Е. И. Архиповой в 2008 г.: тщательный анализ всего комплекса находок, в том числе и не использованных при реставрации 1954 г. элементов, показал, что они являются деталями не одного, а нескольких разных светильников (Архипова, 2008. С. 244–257). Особенно важно, что в материалах из раскопок одного этого храма автору впервые удалось выделить элементы всех основных видов светильников, какие могли освещать древнерусский храм в XII — первой половине XIII в.: «Под куполом здесь висел многоугольный бронзовый хорос, в боковых алтарях и приделах — паникадила на несколько свечей; эпистилий алтарной преграды венчал бронзовый светильник, а перед ней стоял напольный подсвечник; лампы и паникадила висели перед чтимыми иконами и на могилах ктиторов» (Там же. С. 255). Параллельное сопоставление изученных деталей с византийскими памятниками показало, что система освещения древнерусского храма ничем не отличалась от синхронной византийской⁷. В этой же работе на основании письменных источников были проанализированы названия древнерусских осветительных приборов и сопоставлены с типологией светильников средневизантийского периода, разработанной Л. Бурас (Bouras, 1982. Р. 479–491; Архипова, 2008. С. 244–257).

Анализируемые здесь находки, происходящие из раскопок Шепетовского городища, представлены в основном элементами паникадил — деталями подсвечников (отроги/кронштейны — 4 экз., стержни/штыри — от 1 до 5 (?) экз., чашечки/тарелочки для стекающего воска — 14 экз.), а также фрагментом крестовидной бронзовой пластины с круглыми окончаниями (предположительно от подсвечника) и тремя лампадами. Рассмотрим их подробнее.

⁶ Фрагменты паникадила были сразу переданы в Исторический музей в Москве и хранятся там по настоящее время уже в собранном виде (номер по книге поступлений ГИМ: 17551). Благодарим С. Ю. Каинова, С. С. Зозулю и А. О. Шевцова за помощь в обнаружении этого памятника и ознакомлении с ним.

⁷ Принимая в целом этот вывод, необходимо отметить спорность отнесения переяславского напольного подсвечника к византийскому импорту (ср.: Даркевич, 1966. С. 16–17, табл. 10, 4–8).

Отроги/кронштейны подсвечников

Сохранилось четыре фрагмента, два из них длиной 5,0–5,5 см (ГД-58/7919; ГП-61/12) украшены стилизованными головками драконов, называемых исследователями по-разному, в том числе головками верблюдов, грифонов (рис. 1, 5; 2, 1). На двух других, длиной 4 и 10 см (ГП-60/48; ГП-60/58), сохранились лишь шаровидные на кольцевидном основании выступы (рис. 2, 4, 5). Находки рассредоточены по всему поселению: один фрагмент обнаружен на территории детинца, три — в разных местах окольного города на значительном расстоянии друг от друга.

Фрагмент кронштейна первого вида с головкой дракона (рис. 1, 5) имеет очень близкие аналогии в материалах из раскопок Нижней церкви в Гродно (вторая половина XII в.), храма на территории окольного города древнего Волковыска (вторая половина XII в.) (рис. 1, 4) и в Гомеле (Воронин, 1954. Рис. 64, 4; НА ИИМК РАН. ФО. О. 2202.51; Лавыш, 2008. Рис. 327). Они дают достаточно полное представление о конструкции нашего кронштейна, возможно даже, что все три были отлиты по одной модели. Кронштейны этого типа в виде изогнутого стержня с драконьей головкой на конце и штырем для свечи с чашечкой на вершине изгиба имели на нижнем конце круглую площадку, с помощью которой устанавливались сверху на горизонтальную плоскость диска паникадила, как, например, на паникадилье из раскопок Спасской церкви в Переяславе (конец XI — 20–30-е гг. XII в.) (Каргер, 1954. С. 17, рис. 7; Архипова, 2008. Рис. 1, 1). Кронштейны такого типа известны по отдельным находкам на Девичьей горе (у с. Сахновка Каневского уезда Киевской губ.) (Древности Приднепровья, 1902. С. 31, 32, табл. IX, 238; VII, 244; Архипова, 2019. Ил. 2, 6), в материалах из раскопок в Киеве церкви Богородицы Пирогощей (1131–1136 гг. или позднее) (Ивакин, 1989. Рис. 7, средний ряд, слева) и церкви на ул. Юрковской, 3 (XII в.) (Сергеева, 2012. С. 27, рис. 1, 2), на усадьбе Десятинной церкви, усадьбе Трубецкого и на Замковой горе, а также в коллекции В. В. Хвойки (Архипова, 2019. С. 21, ил. 4, 10–12, 15).

В землях Северо-Восточной Руси — из Успенского собора во Владимире-на-Клязьме (1185–1189 гг.) (Воронин, 1956. С. 17, 18, рис. 7) и из раскопок в Юрьеве-Польском (Родина, 1997. С. 12, 13, рис. 1). Приведенные аналогии показывают, что интересующий нас тип кронштейнов был широко распространен на Руси в XII–XIII вв.

Фрагменту кронштейна второго вида с головкой фантастического животного (рис. 2, 1) удалось подобрать только одну достаточно близкую аналогию — фрагмент из раскопок около Нижней церкви в Гродно (рис. 2, 2) (Воронин, 1954. Рис. 64, 3; Лавыш, 2008. Рис. 329). Оба экземпляра со схожими головками и необычным изгибом кронштейна имеют характерные дополнительные шаровидные выступы на кольцевидном основании. Существует частичная реконструкция гродненского экземпляра, на которой к шаровидному выступу добавлен штырь для свечи (Вагнер, 1960. Рис. 10, 5). По рисунку трудно судить, насколько она обоснована, но для шепетовского экземпляра, не имеющего следов слома в этом же месте (выступ совершенно гладкий), такая реконструкция невозможна. Однако наличие шаровидных выступов также сближает данный фрагмент с двумя другими, не имеющими (или утратившими?) декоративных стилизованных головок фрагментами (рис. 2, 4, 5). Они однотипны, но разной сохранности, длиной в одном случае 4 см, в другом — 10 см. Более длинный украшен на втором сгибе еще и зубчатым выступом мягкого рельефа. Достаточно близких аналогий этим фрагментам среди осветительных приборов найти не удалось. Функциональное и весьма отдаленное сходство можно было бы усмотреть в крупном кронштейне (длиной 41 см), предназначенном для подвешивания к стене лампы или лампадофора, происходящем из раскопок в Херсонесе и датированном XIII в. (Наследие..., 2011. С. 223, 509, кат. 171; Ryzhov, Yashaeva, 2019. Fig. 9, 4). Но наши фрагменты и по размерам, и по ряду других признаков имеют больше общего с предметом иного назначения — ручкой бронзового сосуда, происходящей тоже из раскопок в Херсонесе, из слоя разрушения XIII в., отнесенной исследователями к изделиям Ирана (?) XI–XII вв. (рис. 2, 3) (Наследие..., 2011. С. 261, 551, кат. 252). Бросаются в глаза общий прием декорирования изогнутого стержня шаровидными выступами на кольцевидном основании, сам характер изгиба и выбор места расположения этих выступов, а также очень условная символическая головка животного с раскрытой пастью. Есть и заметные отличия — ручка из Херсонеса имеет дополнительный рельефный, а местами и гравированный декор и круглое сечение, а шепетовские фрагменты более просты по оформлению и слегка уплощены. На основании частичного совпадения отмеченных признаков мы не готовы назвать рассматриваемые предметы фрагментами

Рис. 2. Фрагменты кронштейнов осветительных приборов (1, 2, 4, 5) и ручка сосуда (3): 1, 4, 5 — Шепетовское городище (фото А. И. Корниенко); 2 — Гродно (Лавыш, 2008. Рис. 329); 3 — Херсонес (Наследие..., 2011. С. 261, 551, кат. 252). 1–5 — медный сплав

Fig. 2. Fragments of brackets for lighting appliances (1, 2, 4, 5) and a vessel handle (3): 1, 4, 5 — fortified Settlement near Shepetovka (photo by A. I. Kornienko); 2 — Grodno (Лавыш, 2008. Рис. 329); 3 — Chersonese (Наследие..., 2011. С. 261, 551, кат. 252). 1–5 — copper alloy

ручек бронзовых сосудов восточного облика, но считаем возможным отнести к такому предположению как к одной из рабочих версий, не оставляя, однако, поисков убедительных аналогий среди элементов осветительных приборов.

Штыри для свечей

В материалах из раскопок городища штыри опознаются с трудом вследствие их фрагментарности, из-за которой стержни с утраченным профилированным основанием можно отнести не только к свечным штырям, но и к булавкам и даже к писалам. Из шести выделенных бронзовых фрагментированных стержней (ГП-59/6627, ГП-61/2, ГП-61/166, ГП-61/189, ГП-62/726, ГП-62/2975) только один несомненно являлся обломком свечного штыря круглого сечения (длина фрагмента 3,5 см), на что указывает конический уступ, предназначенный для фиксации чашечки-поддона (ГП-62/726) (рис. 1, 3). Ближайшими ему аналогиями являются фрагменты кронштейнов, украшенных не головкой дракона, а растительными завитками. Таковы кронштейны, обнаруженные на Замковой горе в Киеве, на Княжей горе под Каневом, в Торопце, в Волковыске при раскопках

храма XII в. (рис. 1, 2), в Смоленске у Васильевской церкви (около 1191 г.) на территории Борисоглебского монастыря на Смядыни, в Спасской церкви в Старой Ладоге (Архипова, 2019. Ил. 4, 9; Мезенцева, 1968. Табл. VIII, *средний в левом ряду*; Малевская, Фоянков, 2000. Рис. 52, 4; НА ИИМК РАН. ФО. О. 2579.52; Кренке, Ершов, 2018. С. 131, рис. 3, 8; ИАК, 2009. С. 853; ИАК, 2019. С. 1139). На волковыском и смоленском экземплярах полностью сохранились штыри сходной формы высотой 6 см (до уступа). Профилированные основания штырей, помещенных на кронштейнах с головками драконов, обычно имеют два-четыре уступа (общая высота — 10–12 см) (Родина, 1997. Рис. 1; Архипова, 2019. Ил. 4, 11, 12, 15), хотя встречаются и модифицированные варианты с одним уступом⁸. На шепетовском стержне мы видим только один уступ. Следовательно, фрагменты кронштейна с драконьей головкой и рассматриваемого свечного штыря, скорее всего, относятся к кронштейнам разных типов и, возможно, даже к разным светильникам, поскольку известные целые древнерусские паникадила из Киева и с городища Девицья гора украшены однотипными кронштейнами.

Чашечки-поддоны для стекающего воска

В материалах городища выделено 13 чашечек (целых и фрагментированных). Четыре из них, представленные сильно оплавившимися фрагментами, диаметром от 7 до 9 см, оказались беспарными. Все остальные имеют форму блюдца или маленькой тарелочки с отогнутыми горизонтально краями и отверстиями в центре, но в литературе и в описях их чаще называют чашечками. Одна из них найдена на детинце, все остальные находки беспорядочно рассредоточены по территории окольного города, две чашечки происходят из одного квадрата.

По форме они могут быть подразделены на две группы — чашечки с широким и узким краем. В *первую группу* входят два экземпляра с узким, слегка профилированным сверху краем, диаметром 6,5 см и центральным отверстием диаметром 0,8 см, отлитые из бронзы, имеющие тонкие стенки и несущие на себе следы дополнительной обработки в виде параллельных концентрических линий, полученных путем обтачивания после отливки (ГП-60/5; б/№) (рис. 1, 9, 11). Чашечки *второй группы* (7 экз.) имеют диаметр

⁸ Таковы кронштейны с драконьими головками, экспонируемые в музеях Торжка и Казани (наблюдения А. Ю. Кононович, по состоянию на 2018 г.).

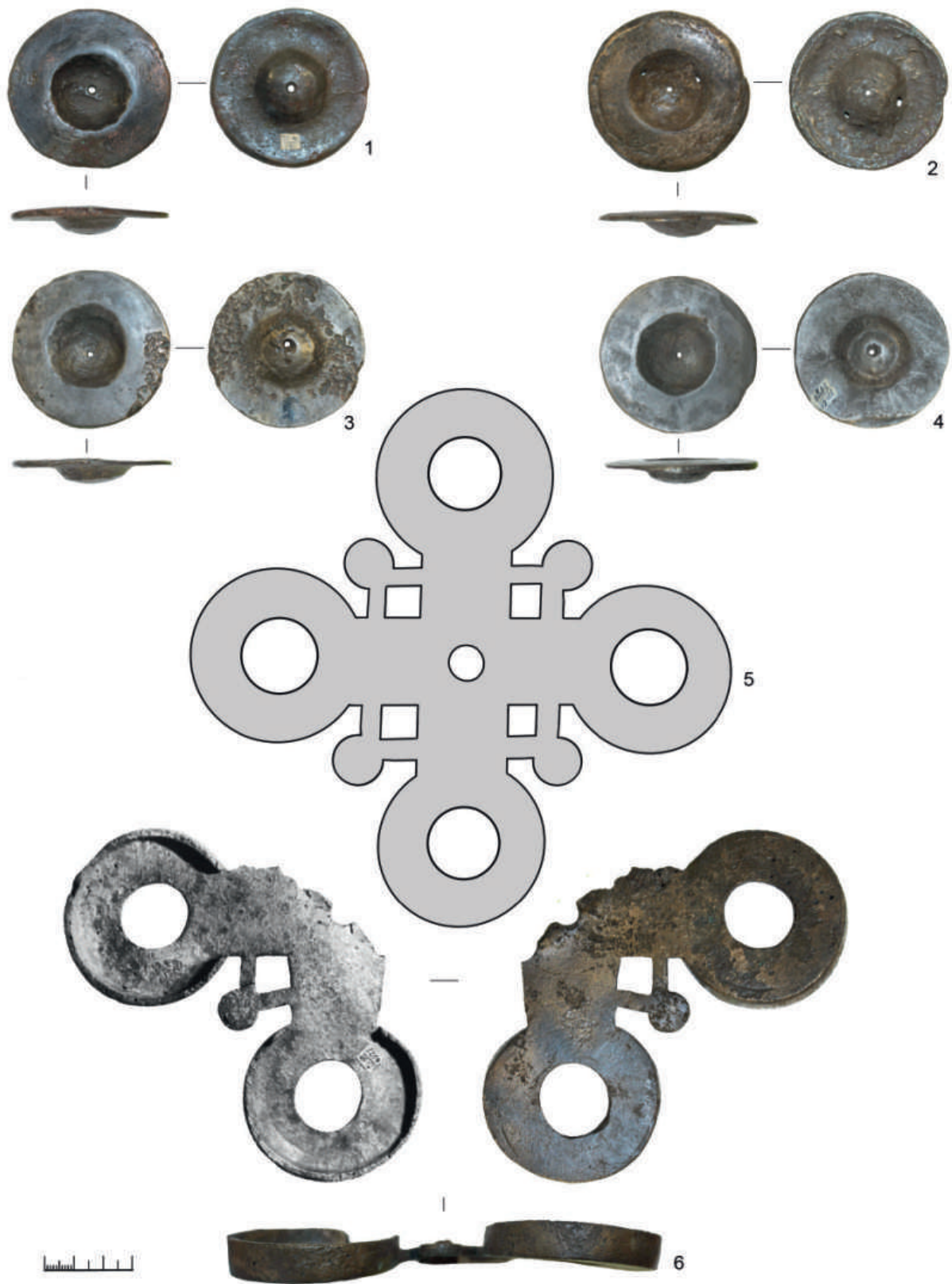

Рис. 3. Детали подсвечника из раскопок на Шепетовском городище: 1-4 — чашечки для воска; 5, 6 — фрагмент пластины подсвечника (реконструкция и фото А. Ю. Кононович). 1-4, 6 — медный сплав

Fig. 3. Parts of a candlestick from excavations at the fortified Settlement near Shepetovka: 1-4 — cups for flowing wax; 5, 6 — fragmentary candlestick plate (photo and reconstruction by A. Yu. Kononovich). 1-4, 6 — copper alloy

от 5 до 6 см, широкий и гладкий край и маленькое центральное отверстие диаметром 0,3–0,5 см (рис. 1, 6, 8, 10; 3, 1–4). Они отлиты из медного сплава, определяемого визуально как свинцово-оловянный, покрыты многочисленными кавернами (погрешности, возникшие в процессе литья) и имеют более толстые, чем у чашечек первой группы, стенки (ГП-60/12, ГП-60/18, ГП-61/191, ГП-61/197, ГП-64/1080, ГП-64/1081, 6/№). На двух из них (ГП-61/197, ГП-64/1080) снаружи видны следы плохо читающегося рельефного орнамента, полученного в процессе отливки (рис. 1, 6; 3, 4). Следов последующего обтачивания не прослеживается.

Отдельного внимания заслуживает чашечка диаметром 5 см с отверстием в центре 0,3–0,5 см, с обеих сторон орнаментированная в процессе отливки (ГД-58/7920) (рис. 1, 7). Изнутри она декорирована в углубленной части концентрическими бороздками, а по горизонтально отогнутому краю — рельефным бордюром, состоящим из прямоугольных ячеек с неясными фигурами внутри. Снаружи по краю идет такой же бордюр, а выступающая часть покрыта рельефными розетками. В описи она значится как «бронз. предмет (позолоч.)», но позолота не прослеживается. Вообще чашечка, несмотря на ее декоративность, производит впечатление бракованной отливки (есть отверстия, образовавшиеся, очевидно, в результате недолива металла). Среди древнерусских материалов мы можем назвать только одну относительно близкую находку — маленький фрагмент чашечки диаметром около 8 см, сплошь орнаментированной, но в иной манере, обнаруженный в суздальском кремле (Родина, 1997. С. 15, 16, рис. 3).

Аналогии чашечкам подсвечников *первой группы* можно увидеть на кронштейнах паникадил из Киева, с Девичьей горы и из Переяслава (Древности Приднепровья, 1902. С. 32, табл. VII, 244; 1907. Табл. XLI, 598; Каргер, 1958. Рис. 84; 1954. Рис. 7; Архипова, 2008. Рис. 1, 1). Большинство отдельных находок чашечек подсвечников, обнаруживаемых в древнерусских городах, а иногда и на территории крупных сельских поселений, тоже относятся к этому типу и обычно рассматриваются исследователями как элементы паникадил/хоросов (Мезенцева, 1968. С. 82, 150, табл. IV, 4; Гуревич, 1981. Рис. 80, 1; Лысенко, 1985. С. 266, 270, рис. 180, 6; Ивакин, 1989. Рис. 7, *верхний правый*; Родина, 1997. Рис. 1; Пивоваров, 2001. Рис. 16, 11; Черненко, 2007. С. 43,

рис. 28, 2–4⁹; Веремейчик, 2010. С. 350, 351, рис. 5, 3; Архипова, 2019. С. 21, рис. 4, 16–20; НА ИИМК РАН. ФО. О. 2202.50). Размеры известных нам экземпляров варьируют от 4,5 см до 10,0 см в диаметре (преобладают чашечки диаметром 5,0–6,5 см), что зависит, очевидно, от размеров диска паникадила, элементом которого они являлись и должны быть ему соразмерны. Самым большим из известных древнерусских паникадил на сегодняшний день является переяславское, диаметром 79 см (Архипова, 2008. С. 245, 248). Более крупным, чем переяславское, по мнению М. К. Каргера, могло быть паникадило/хорос, фрагменты от цепей которого обнаружены при раскопках Софийского собора в Киеве в 1940 г. (Каргер, 1958. С. 380, рис. 85). Стандартная форма и, как правило, высокое качество изготовления деталей таких паникадил, где бы они ни были найдены, указывают на их налаженное производство в крупных городах¹⁰. Находки таких чашечек на Шепетовском городище, хоть и немногочисленные (два целых и четыре оплавленных фрагмента), как и рассмотренные выше фрагмент кронштейна с головкой дракона и фрагмент свечного штыря, свидетельствуют о том, что на исследуемом поселении использовались осветительные приборы типа паникадила, возможно киевского изготовления. Исходя из размеров городищенских чашечек (6 и 9 см в диаметре), можно предположить, что они принадлежали двум разного размера паникадилам.

Чашечки подсвечников *второй группы*, более грубой отливки, встречаются реже. Отдельные подобные экземпляры нам удалось найти в публикациях материалов из раскопок древнего Волковыска (Зверуго, 1975. С. 40, 49, рис. 12, 5), Берестья (Лысенко, 1985. С. 270, рис. 180, 7, 8), Звенигорода (Гупало, 2020. С. 445–447, рис. 13, 1, 2), городища Княжая гора (Черненко, 2007. Рис. 28, 1), а также

⁹ При раскопках на Княжей горе было обнаружено 19 чашечек для воска, сохранились 17 экз., опубликованы только 4 экз. (Черненко, 2007. С. 43, рис. 28, 1–4), поэтому судить о реальном соотношении в этой подборке чашечек с узким и широким краем мы не можем.

¹⁰ В Старой Рязани, например, фрагмент обруча паникадила был обнаружен в производственном помещении на усадьбе «А», определяемой исследователями как двор ювелира (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 61, 1). В Ветчаном городе Владимира на территории усадьбы священника, где работала мастерская по изготовлению предметов культового назначения, среди прочих находок также упоминаются «обломки хороса» и подсвечник (Жарнов, 2003. С. 55).

Киева (Архипова, 2019. С. 21, рис. 21, 22). Примечательно, что на внешней (нижней) стороне чашечек из Берестья отмечено присутствие орнамента (Лысенко, 1985. С. 270), как и на двух выше упомянутых экземплярах из раскопок Шепетовского городища. Возможно, к этому типу относятся также чашечки подсвечников с менее выраженными признаками из Мстиславля и из раскопок церкви XII в. на Подоле в Киеве (Алексеев, 1993. С. 230, рис. 4, 7; Сергеева, 2012. С. 27, рис. 1, 4).

Грубое качество отливки чашечек второй группы указывает на большую вероятность их местного изготовления. Такие чашечки подходят как для оснащения свечных штырей паникадил, так и для светильников иного рода. Какими могли быть эти светильники? Один из возможных ответов на этот вопрос находим в необычной находке среди материалов Шепетовского городища.

Подсвечник

Речь идет о сохранившейся наполовину бронзовой крестовидной пластине (15 × 15 см, толщиной 0,25–0,30 см) с круглыми окончаниями и центральным отверстием (диаметром 1,2 см) (ГП-59/6527) (Миролюбов, 1983. С. 52, кат. № 240) (рис. 3, 5, 6; 4). Круглые завершения на концах пластины (диаметром 7,5 см) имеют отверстия большого диаметра (3,0 см), вследствие чего представляют собой своеобразные рамки с широкими полями и невысоким вертикальным бортиком по краю (высотой 0,5–0,7 см). Стороны креста соединены узкими полосками металла (шириной 0,5–0,7 см), образующими между собой почти прямой угол, с небольшим круглым выступом на вершине, что придает конструкции в целом форму квадрифолия. Фрагмент пластины имеет неровный, «рваный» край на месте слома, наблюдается деформация металла. Пластина утончается к центральному отверстию, где она едва заметно вдавлена. Круглые окончания крестовидной пластины довольно массивны по сравнению с толщиной центральной части и прямоугольных выступов. Композиция в целом не строго симметрична. На нижней стороне крестовидной пластины видны следы от углубленных концентрических линий.

Отверстия-рамки на концах пластины могли бы служить гнездами для ламп, а устройство в целом можно было бы реконструировать как подвесной светильник необычной формы, если бы не отсутствие на нем петель для подвешивания. В то же время наличие центрального отверстия диаметром 1,2 см предполагает возможность

насаживания этой пластины на штырь, а вместе с тем и атрибуции ее как элемента подсвечника/ канделябра на пять свечей (одной в центре и четырех в круглых гнездах).

Почему свечи, а не стеклянные лампы? Дело в том, что городищенские чашечки подсвечников второй группы с широкими гладкими краями оказались соразмерны круглым рамкам на концах крестовидной пластины и легко вставляются углубленной частью в их отверстия, как будто именно для них и были сделаны (рис. 4), а подходящих для этой цели стеклянных конусообразных сосудов (ламп) на городище не обнаружено. Фрагменты стеклянных сосудов, найденные при раскопках (свыше 40 экз.), представлены либо не поддающимися реконструкции очень мелкими осколками стенок и краев венчиков диаметром 8–10 см, либо фрагментами придонных частей сосудов с вогнутым внутрь донцем диаметром от 3 до 4 см, в том числе на кольцевом поддоне. Полифункциональность византийских и древнерусских стеклянных сосудов на кольцевом поддоне, включающая их употребление как в светском, так и церковном обиходе, доказанная, в том числе и на археологических материалах (Пастернак, 1998. С. 183, 184, рис. 48; Щапова, 1972. С. 37, 38, 58, 59, рис. 4, 1; 8, 5, 6; 11, 16, 17; Тесленко, Мусин, 2015. С. 182, 184, рис. 4.3, 161; 4.4, 161; 4.5; Журухина, 2019. С. 79–83, ил. 2, 3; 3, 2, 3; 6; 9), позволяет предположить, что часть найденных на городище стеклянных сосудов на кольцевом поддоне могла использоваться для освещения местной церкви, возможно, даже в комплекте с интересующим нас подсвечником. Теоретически это допустимо, но маловероятно. В то же время полная соразмерность чашечек подсвечников второй группы и гнезд крестовидной пластины показывает, что они могли быть элементами единой конструкции — подсвечника, рассчитанного на пять свечей.

Находки целых подсвечников, как и паникадил, и лампадофоров, на древнерусской территории единичны. Наиболее известный собранный из крупных фрагментов подсвечник был найден в алтарной части Спасской церкви в Переяславе (откуда происходит и упомянутое выше реконструированное паникадило), по два целых экземпляра происходят с городища Княжая гора и из Вщижа, а также более простой по конструкции подсвечник — из раскопок в Минске (Каргер, 1954. С. 17, 18, рис. 8а, 8б, 8в; Мезенцева, 1968. Табл. VII, 1, 2; Уваров, 1910. С. 186; Загоруйский, 1982. С. 285, рис. 187). Есть упоминание фрагмента

Рис. 4. Фрагмент пластины подсвечника с чашечками для воска из раскопок на Шепетовском городище (реконструкция) (фото П. А. Титова). Медный сплав

Fig. 4. Fragments of a candlestick plate with cups for melted wax, from excavations at the fortified Settlement near Shepetovka (reconstruction) (photo by P. A. Titov). Copper alloy

ножки в виде звериной лапы, происходящего из раскопок во Владимире-на-Клязьме (Родина, 1997. С. 15). Основание подсвечника с подобными ножками-лапами было найдено в Старой Рязани (Avdusina, 2019. P. 23, fig. 12). Два небольших подсвечника («треножника») были обнаружены при раскопках Спасской церкви в Старой Ладогге (Бранденбург, 1896. С. 127; ИАК, 2019. Ил. на с. 1139; Avdusina, 2019. P. 23, fig. 13). В эту же группу можно включить еще два маленьких подсвечника на коротких ножках-столбиках (высотой 3,0–3,5 см без учета свечного штыря) из раскопок на Княжей горе и на селище Овраменков круг в Черниговском Полесье (Мезенцева, 1968. Табл. IV, 4; Черненко, 2007. Рис. 27, 1; Вермейчик, 2010. С. 350, рис. 5, 7).

Пять подсвечников, известных к 1966 г., были включены В. П. Даркевичем в состав свода произведений западного художественного ремесла в Восточной Европе и датированы XII — первой третью XIII в. (Даркевич, 1966. Кат. № 17, 18, 29, 36, 37). Такая их атрибуция прочно утвердилась на долгие годы (Пуцко, 2004. С. 115–124). И только западное происхождение переяславского подсвечника было подвергнуто сомнению (Архипова, 2008. С. 251–253, рис. 3). Неудивительно, что и минский экземпляр, не имеющий выраженных западных признаков, также был отнесен к предметам западноевропейского импорта (Загоруйский, 1982. С. 285). Ножка бронзового подсвечника в виде звериной лапы, обнаруженная в домонгольском слое Владимира-на-Клязьме, тоже рассматривалась в контексте привозных романских подсвечников (Родина, 1997. С. 15), хотя такие ножки в равной мере характерны и для византийских подсвечников начиная с ранневизантийского периода (Xanthopoulou, 2010. S. 231–278;

Móτσιανος, 2011. Ек. 519–521; Наследие..., 2011. С. 512, кат. 176, 177).

Единственной аналогией шепетовской пластине среди названных древнерусских находок является романский подсвечник из Переяслава, точнее, его заметная деталь — квадрифолийная пластина с бортиками по краю (Каргер, 1954. С. 17, 18, рис. 8а) (рис. 5, 1а, 1б). Е. И. Архипова, опровергая романскую атрибуцию этого подсвечника, акцентировала внимание на ряде его признаков, имеющих многочисленные параллели среди подсвечников ранневизантийского времени, повторяющих в переработанном виде формы античных канделябров, в том числе такие, как форма подставки, опирающейся на звериные лапы, и квадрифолийная пластина (Архипова, 2008. С. 251–253, рис. 3). Из средневековых аналогий переяславскому экземпляру был назван низкий, грубого исполнения подсвечник на четырех ножках из Херсонеса, найденный в помещении XIII–XIV вв. в составе клада бронзовой литургической утвари и отнесенный к изделиям, выполненным местным мастером в Херсонесе или в Малой Азии (Залеская, 1988. С. 100, 101, рис. 9, 10; Наследие..., 2011. С. 511, кат. 175)¹¹ (рис. 5, 2). Его основание по форме аналогично квадрифолийной пластине переяславского подсвечника, что для Е. И. Архиповой является одним из аргументов в пользу того, что у них должен быть общий византийский прототип (Архипова, 2008. С. 253). Мы не вполне разделяем мнение о византийском происхождении переяславского подсвечника (очень уж выразительно его романское завершение в виде капители с масками), но не сомневаемся в исконно византийском происхождении херсонесского подсвечника, который является достаточно близкой аналогией и для шепетовской пластины.

Дополнительным подтверждением византийских истоков квадрифолийного херсонесского светильника могут служить четыре диска подсвечников (?) из храма св. апостола Тита в Гортине на Кипре (рис. 6, 1), а также подвесной светильник из Музея византийского искусства в Берлине

¹¹ Опубликовавшая херсонесский светильник В. Н. Залеская пришла к выводу, что он был выполнен в подражание романскому образцу, на том основании, что форма квадрифолия была характерна для романских изделий Лотарингии XII–XIII вв. (Залеская, 1988. С. 100, 101, рис. 9–11), однако она была не менее характерна и для произведений византийских мастеров этого времени.

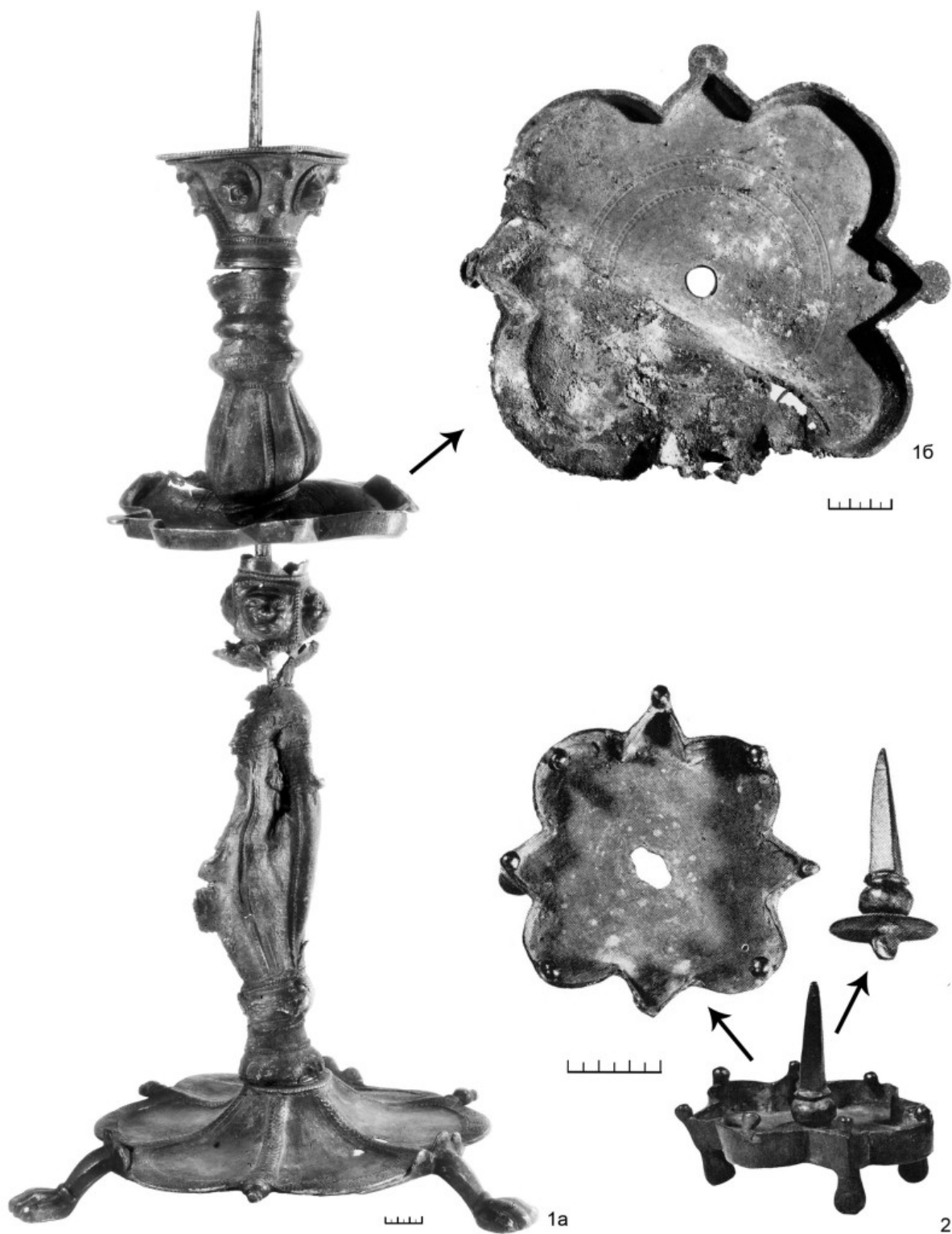

Рис. 5. Средневековые подсвечники: 1а, 1б — Переяслав (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. 2202.37; neg. III 16310); 2 — Херсонес (Залеская, 1988. С. 100, 101, рис. 9, 10). 1, 2 — медный сплав

Fig. 5. Mediaeval candlesticks: 1а, 1б — Pereyaslav (SA IHMC RAS. Photo Dep. Print. 2202.37; neg. III 16310); 2 — Chersonese (Залеская, 1988. С. 100, 101, Fig. 9, 10). 1, 2 — copper alloy

(рис. 6, 3) (*Xanthopoulou*, 1998. S. 107, 111, fig. 14–16, 25; 2010. S. 309, no. LU 5.028, fig. 83). Кипрские диски, очень близкие между собой конструктивно и стилистически, входят в состав значительного комплекса осветительных приборов, датированных предположительно X–XII вв. (*Xanthopoulou*, 1998. S. 107). Семь из них представляют собой ажурные диски с простым растительным декором, дополненные снаружи полукружиями (от трех до восьми) и остроугольными выступами между ними (максимальный диаметр — от 19–20 до 33 см), в том числе четыре диска (с четырьмя полукружиями) по сути являются квадрифолиями. Все они не имеют петель для подвешивания, но у всех в центре есть круглое отверстие (диаметром 1,5–2,0 см, по фото), что позволило атрибутировать их как свечные диски (*disques à cierges*) (*Ibid.* S. 106–108). Какими были стоян и подставка таких подсвечников — неизвестно.

Квадрифолийная пластина-основание подвесного светильника из берлинского музея (диаметром 23,8 см) с четырьмя гнездами для лампад дополнена в центре цилиндрической ажурной чашей с растительным декором, аналогичным кипрским свечным дискам. В настоящее время его датируют неопределенно — как раннехристианский или средневековый (в каталоге 1983 г. этот светильник был отнесен к изделиям константинопольских мастеров XI–XII вв. (*Ibid.* S. 107)). Его пластина-основание (без учета чаши) по внешним очертаниям еще более близка фрагменту из раскопок Шепетовского городища, нежели ажурные кипрские диски.

Приведенные аналогии — это тоже только отдельные элементы светильников; к сожалению, и они не дают достоверных материалов для полной реконструкции интересующего нас фрагмента. Но они убедительно показывают, что форма квадрифолия с прямо- или остроконечными

Рис. 6. Византийские светильники: 1 — Гортина (Кипр) (*Xanthopoulou*, 1998. S. 107, 111, fig. 16); 2 — частное собрание в Мюнхене (*Die Welt von Byzanz...*, 2004. S. 100, no. 133); 3 — Музей византийского искусства в Берлине (*Xanthopoulou*, 2010. S. 309, no. LU 5.028)

Fig. 6. Byzantine lamps: 1 — Gortyna (Cyprus) (*Xanthopoulou*, 1998. S. 107, 111, fig. 16); 2 — private collection in Munich (*Die Welt von Byzanz...*, 2004. S. 100, no. 133); 3 — Museum of Byzantine Art in Berlin (*Xanthopoulou*, 2010. S. 309, no. LU 5.028)

выступами между лепестками квадрифолия была востребована средневековыми мастерами при изготовлении церковных осветительных приборов не только на Западе, но и в византийском мире.

Характерной особенностью пластины из раскопок Шепетовского городища, сближающей ее с византийскими светильниками квадрифолийной конструкции, являются прямоугольные выступы в средокрестии, завершающиеся маленькими кружками. Однако конструктивно близкие остроконечные выступы присутствуют и в средокрестии подвесного светильника с крестовидной пластиной-основанием VI в. из частного собрания в Мюнхене, не имеющей ничего общего с квадрифолием (*Die Welt von Byzanz...*, 2004. S. 100, no. 133) (рис. 6, 2). То есть данный элемент сам по себе также является характерным для византийских светильников, имеющих пластины-основания не только квадрифолийной, но и крестовидной формы (*Xanthopoulou*, 1998. Fig. 13–16; *Die Welt von Byzanz...*, 2004. S. 100, no. 132; *Μότσιανος*, 2011. Ек. 378, 814, 815).

Таким образом, несмотря на отсутствие прямых и полных аналогий, можно предположить, что рассматриваемая пластина была частью подсвечника на пять свечей, созданного местными мастерами в византийских традициях изготовления церковных осветительных приборов, но трансформированных в соответствии с местными возможностями и навыками.

Квадрифолий как разновидность креста, зачастую усложненного вписанным в него квадратом, форма, насыщенная глубокой христианской символикой, пронизывает все области древнерусского христианского искусства. Она нередко применялась как при создании крестов-энколпионов и богослужебных предметов, таких как новгородские кратиры и рипида, или близкие кратирам по форме лампы квадрифолийного сечения из Киева и Гродно, Херсонеса, элементов облачения священнослужителей, так и ряда украшений светского драгоценного убора (*Стерлигова*, 1996. С. 109–116, кат. № 1, 2, 18; *Каргер*, 1950. С. 25; *Воронин*, 1954. С. 119, рис. 65, 2; *Ryzhov, Yashaeva*, 2019. Fig. 6, 1, 2; *Пескова*, 2017. С. 361–375; *Макарова*, 1975. Табл. 9–11, 24, 25; 1986. Рис. 65, 91–100, 103). Поэтому появление необычного для древнерусской археологии светильника с квадрифолийной пластиной-основанием, изготовленного в древнерусском городе местным мастером, представляется вполне возможным, несмотря на то что прямого прототипа найти пока не удалось.

Лампады

На городище были найдены три бронзовые лампы, две — на территории детинца (ГД-58/7967; ГД-58/8221) и одна, с фрагментами 8-образных цепочек, — в околном городе (ГП-59/9351)¹². На значительном от нее расстоянии был обнаружен фрагмент аналогичной цепочки (сохранилось два звена) (ГП-59/6543). Лампадки однотипные, представляют собой простые неглубокие полусферические чашечки диаметром 7,9 и 10,0 см, высотой 2,5–3,0 см, на кольцевом поддоне, украшенные по краю параллельными врезными линиями.

Аналогичные находки часто встречаются при раскопках древнерусских поселений, как городских, так и сельских, в отличие от очень редких орнаментированных лампад сложной формы из Киева, Гродно и из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (*Каргер*, 1950. С. 25; *Воронин*, 1954. С. 119, рис. 65, 2; *Древности Приднепровья...*, 1907. Табл. XL, 597). Среди простых по оформлению преобладают находки лампадок диаметром 8 см (Гродно, Берестье, Мстиславль, Ярополч-Залесский, Слободка) (*Воронин*, 1954. С. 119, рис. 64, 2; *Лысенко*, 1985. С. 266, 270, рис. 185, 2; *Алексеев*, 1993. С. 230, рис. 4, 4; *Седова*, 1978. С. 122, 123, рис. 35; *Никольская*, 1987. С. 142, рис. 75, 1). Немного реже встречаются экземпляры диаметром от 10 до 12 см (Киев, Княжая гора, селище Шумлай в Черниговском Полесье, Воишь, Волковыск) (*Архипова*, 2019. Ил. 1, 2; *Черненко*, 2007. С. 45, рис. 28, 5; *Веремейчик*, 2010. С. 350, 351, рис. 5, 8; *Довженко и др.*, 1966. Табл. 15, 3, 4; *Зверуго*, 1975. С. 40, 49, рис. 12, 7). На цепочках, аналогичных шепетовским фрагментам, подвешивалась лампада, обнаруженная в «клетки-церкви» Райковецкого городища (*Гончаров*, 1950. Табл. XXI, 4).

В редких случаях находки бронзовых лампадок связаны с погребальным контекстом, как, например, в Ярополче-Залесском (*Седова*, 1978. С. 122, 123, рис. 35), чаще — с церковными сооружениями или жилищами состоятельных горожан. Из шепетовских лампадок только две можно предположительно соотнести с определенными объектами. Одна из них (ГП-59/9351) найдена поблизости от клетки на южной линии обороны

¹² Здесь приводятся данные по состоянию на конец 1980-х гг. (записи А. А. Песковой). В настоящее время в коллекции удалось опознать только одну лампадку (ГП-59/9351). В каталоге 1983 г. она была ошибочно присоединена к «тарелочкам» подсвечников (*Миролюбов*, 1983. Кат. № 241).

окольного города (Об. 127-кл). Лампадка обнаружена на значительной глубине (1,4 м) рядом с человеческим скелетом примерно в 5 м к юго-западу от остатков сгоревшей клетки. Это единственная сохранившаяся на данном участке клеть¹³. По составу находок (обычные предметы домашнего обихода, включая керамику, а также отдельные детали костюма и украшений), зафиксированных описью в границах сруба и непосредственно около него, этот объект мало отличается от аналогичных сооружений. Но в 4–5 м к северу и северо-западу от той же клетки были найдены фрагменты вышеописанной крестовидно-квадрифолийной пластины от подсвечника, обломок колокола и писало. Фрагменты колоколов рассредоточены по всей площадке городища, и в данном случае один фрагмент не может быть индикатором церковной постройки. Приуроченность к объекту таких находок, как лампада, подсвечник и писало,

¹³ Место расположения клетки установлено по косвенным данным, так как на рабочем плане отсутствовали обозначения квадратов.

и их сочетание выделяют его из общего ряда, но и этого недостаточно, чтобы соотносить данную постройку с церковью.

Другая лампадка (ГД-58/8221) входит в комплекс находок, обозначенный как Об. 77-кс, состоящий из целых керамических сосудов и других предметов домашнего обихода (топора, ножа, петли железной), а также пряжки и двух фрагментов стеклянных браслетов. Однако жилых или хозяйственных конструкций рядом не было зафиксировано.

Подводя итог аналитическому обзору металлических элементов церковных осветительных приборов из раскопок на Большом Шепетовском городище, можно сказать, что из 23 выделенных фрагментов три экземпляра представляли собой лампадки, остальные относились, по меньшей мере, к двум традиционным на Руси подвесным паникадилам, украшенным подсвечниками на кронштейнах, и одному подсвечнику/канделябру необычной конструкции, рассчитанному на пять свечей.

Алексеев, 1993 — Алексеев Л. В. Проблема становления культово-оборонительного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле // РА. 1993. № 4. С. 217–238.

Архипова, 2008 — Архипова Е. Церковные осветительные приборы XI–XIII вв. из Переяслава Южного // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей / Гол. ред. В. П. Коцур. Переяслав-Хмельницький: ТзОВ «Видавництво Астон», 2008. Вип. 20. С. 245–257.

Архипова, 2019 — Архипова Е. Бронзові світильники Десятинної церкви в Києві // *Opus mixtum*. Київ, 2019. № 7. С. 16–29.

Бранденбург, 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб.: Тип. Гл. Управления Уделов, 1896. 512 с.

Вагнер, 1960 — Вагнер Г. К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 25–30.

Веремейчик, 2010 — Веремейчик Е. М. Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. научной конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Ред. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 344–354.

Воронин, 1954 — Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М.: Изд-во АН СССР, 1954 (МИА; № 41). 240 с.

Воронин, 1956 — Воронин Н. Н. Археологические заметки // КСИА. 1956. Вып. 62. С. 17–32.

Гончаров, 1950 — Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 219 с.

Гупало, 2020 — Гупало В. Релігійне життя княжого Звенигорода: релікти храмів і монастирів, предмети християнського культу // Духовна культура населення Прикарпаття, Волині і Закарпаття від найдавніших часів до середньовіччя (вибрані проблеми) / Відп. ред. Н. Булик. Львів: НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2020. С. 429–493.

Гуревич, 1981 — Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981. 160 с.

Даркевич, 1966 — Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М.: Наука, 1966 (САИ; Е1-57). 148 с.

Даркевич, Борисевич, 1995 — Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ, 1995. 448 с.

Довженок и др., 1966 — Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Давньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка, 1966. 147 с.

Древности Приднепровья, 1902 — Древности Приднепровья. Собр. Б. И. Ханенко и В. Н. Ханенко. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1902. Вып. V. 64 с. + 40 табл.

- Древности Приднепровья..., 1907 — Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Собр. Б. И. Ханенко и В. Н. Ханенко. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1907. Вып. VI. 44 с. + 42 табл.
- Жарнов, 2003 — Жарнов Ю. Э. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 48–58.
- Жилина, 2018 — Жилина Н. В. Загадка вщижских арок: назначение, конструкция, стилистика орнаментации // Археология античного и средневекового города: Сб. ст. в честь С. Г. Рыжова / Под ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаевой. Севастополь; Калининград: Издательский дом «РОСТ-ДООАФК», 2018. С. 91–104.
- Журухіна, 2019 — Журухіна О. Скляні кубки з давньоруських поховань Києва // *Opus mixtum*. Київ, 2019. № 7. С. 79–83.
- Загорульский, 1982 — Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1982. 358 с.
- Залеская, 1988 — Залеская В. Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. / Ред. А. В. Банк, В. Г. Луконин. СПб.: Искусство, 1988. С. 93–104.
- Зверуго, 1975 — Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.
- ИАК, 2009 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- ИАК, 2019 — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): История первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 728 (1616) с.
- Ивакин, 1989 — Ивакин Г. Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь / Под ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1989. С. 168–180.
- Игошев, 2006 — Игошев В. В. Экспертиза фрагментов четырех меднолитых «решетчатых» паникадил из Исторического, Русского и Костромского музеев // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства. Вып. VIII: Материалы X науч. конф. М.: Магnum Арс, 2006. С. 141–146.
- Каргер, 1950 — Каргер М. К. Археологические исследования Древнего Киева (1938–1947 гг.). Киев: Изд-во АН УССР, 1950. 252 с.
- Каргер, 1954 — Каргер М. К. Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952–1954 гг. // СА. 1954. Т. XX. С. 5–30.
- Каргер, 1958 — Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 580 с.
- Кренке, Еришов, 2018 — Кренке Н. А., Еришов И. Н. Новые исследования урочища Смядынь в Смоленске // РА. 2018. № 3. С. 123–133.
- Лавыш, 2008 — Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск: Белорусская наука, 2008. 208 с.
- Лысенко, 1985 — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
- Макарова, 1975 — Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 136 с.
- Макарова, 1986 — Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Малевская, Фоняков, 2000 — Малевская М. В., Фоняков Д. И. Древний Торопец. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2000. Т. 2: Иллюстрации и приложения. 187 с.
- Мезенцева, 1968 — Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень (Княжа гора). Київ: Видавництво Київського університету, 1968. 184 с.
- Миролюбов, 1983 — Миролюбов М. А. Древнерусский город Изяславль: Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л.: б. и., 1983. 64 с.
- Наследие..., 2011 — Наследие византийского Херсонеса / Авт.-сост. Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев. Национальный заповедник «Херсонес Таврический» и др. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.
- Никольская, 1987 — Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 184 с.
- Пастернак, 1998 — Пастернак Я. Старий Галич: археологічно-історичні дослідження у 1850–1943 рр. Івано-Франківськ: Плай, 1998 (2-е вид.). 348 с.
- Пескова, 2017 — Пескова А. А. К вопросу о традиции изготовления квадрифолийных энколпионов на Руси // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2017. № 5. С. 361–375.
- Пивоваров, 2001 — Пивоваров С. Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Пруту та середнього Дністра. Чернівці: Зелена Буковина, 2001. 152 с.

- Плешанова, 1987 — Плешанова И. И. Новгородские хоросы в собрании Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1985. М., 1987. С. 345–356.
- Пуцко, 2002 — Пуцко В. Г. Вщижский бронзовый хорос // Деснинские древности. Брянск, 2002. Вып. II. С. 133–142.
- Пуцко, 2004 — Пуцко В. Г. Подсвечники из Вщижа: западная средневековая церковная утварь в древнерусском храме // Деснинские древности. Брянск, 2004. Вып. III. С. 115–124.
- Раппопорт, 1982 — Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л.: Наука, 1982 (САИ; Вып. Е1-47). 136 с.
- Родина, 1997 — Родина М. Е. Древнерусские осветительные приборы из археологических коллекций музея-заповедника // Материалы исследований Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Сост. А. А. Тенеткина. Владимир: б. и., 1997. С. 10–17.
- Родина, 2004 — Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Владимир: Аркаим, 2004. 208 с.
- Рыбаков, 1971 — Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971. 128 с.
- Седова, 1978 — Седова М. В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
- Сергеева, 2012 — Сергеева М. С. Вироби з кольорових металів (мідь, бронза) з ділянки по вул. Юрківська, 3 (Київ, Поділ) // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії: Матеріали Десятої Міжнародної наукової конференції. Київ, 2012. С. 26–29.
- Стерлигова, 1996 — Стерлигова И. А. Памятники серебряного и золотого дела в Новгороде XI–XII вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV века / Под ред. И. А. Стерлиговой. М.: Наука, 1996. С. 26–68.
- Стерлигова, 2000 — Стерлигова И. А. Драгоценное убранство алтарей древнерусских храмов XI–XIII веков (по данным письменных источников) // Иконостас. Происхождение — развитие — символика / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 360–381.
- Тесленко, Мусин, 2015 — Тесленко И. Б., Мусин А. Е. Стекланные сосуды // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / Ред.-сост. И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин. Киев: ИД «Антиквар», 2015 (Археологический альманах; № 32). С. 179–188.
- Уваров, 1910 — Уваров А. С. Древний храм во Вщижском городище // Сборник мелких трудов / Под ред. гр. П. С. Уваровой. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. Т. 1. 408 с.+ СХХ табл.
- Черненко, 2007 — Черненко Е. Е. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1948 рр.). Чернігів: б. и., 2007 (Скарбниця української культури: Збірник наукових праць / Гол. ред. О. Коваленко. Вип. 9 (Спецвипуск 1)). 136 с.
- Чубур, 2014 — Чубур А. А. Из средневековой церковной археологии Чернигово-Северской земли: Лампадофоры древнерусского Вщижа // Археология и охрана археологического наследия Центральной России / Ред. А. П. Медведев. Воронеж: Воронежский ГУ, 2014. С. 226–231.
- Щапова, 1972 — Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 216 с.
- Avdusina, 2019 — Avdusina S. Medieval Lighting Devices from the Collection of the State Historical Museum of Russia // Glass, Wax and Metal. Lighting technologies in Late Antique, Byzantine and medieval times / Eds. I. Moutsianos, K. S. Garnett. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2019. P. 20–27.
- Bouras, 1982 — Bouras L. Lighting Devices // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. Wien, 1982. Vol. 32, no. 3. P. 479–491.
- Die Welt von Byzanz..., 2004 — Die Welt von Byzanz-Europas Ostliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur / Herg. L. Wamser. Archaischen Staatssammlung Munchen — Museum fur Vor-und Fruhgeschichte. Munchen: Theiss, 2004. 476 S.
- Μότσιανος, 2011 — Μότσιανος. Ιωάννης Κ. Φως ιλαρόν: Ο τεχνητός φωτισμός στο Βυζάντιο. Διδακτορική Διατριβή Πανεπιστήμιο Θεσσαλίας Τμήμα Ιστορίας Αρχαιολογίας και Κοινωνικής Ανθρωπολογίας. Βόλος, 2011. 652 σ.
- Ryzhov, Yashaeva, 2019 — Ryzhov S., Yashaeva T. Church Lighting in Byzantine Cherson // Glass, Wax and Metal. Lighting technologies in Late Antique, Byzantine and medieval times / Eds. I. Moutsianos, K. S. Garnett. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2019. P. 138–148.
- Xanthopoulou, 1998 — Xanthopoulou M. Le mobilier ecclésiastique métallique de la basilique de Saint-Tite à Gortyne // Cahiers Archéologiques. 1998. 46. P. 103–119.
- Xanthopoulou, 2010 — Xanthopoulou M. Les lampes en bronze à l'époque paléochrétienne. Turnhout: Brepols, 2010. Series XXXII (Bibliothèque de l'Antiquité tardive; Vol. 16). 320 p.

Church lighting appliances in Old-Russian towns (after materials from excavations of the Large Fortified Settlement near Shepetovka)

A. A. Peskova, A. Yu. Kononovich¹⁴

Keywords: Early Russian town, church, lighting appliances, Byzantine and West-European traditions.

Among the finds from excavations of the Large Fortified Settlement near Shepetovka of the late 12th — first half of the 13th century, 23 metal fragments of lighting appliances related with church interiors have been identified. Construction and stylistic analysis of these objects showed that they belonged to lamps of different kinds. Some are elements of at least two church chandeliers of different size and manufacturing quality going back to the Byzantine tradition (parts of candlesticks: prongs/brackets — 4 items; rods/studdings — from 1 to 5 (?) items and cups/plates for the flowing candle-wax — 10 items). Another part of finds (a half of a cross-shaped/quadrifoliate bronze plate with cut slots and four cups of the corresponding size for melted wax) served as the basis for reconstruction of a candlestick uncommon in the Old-Russian archaeology and manufactured by a local artisan using in his own way elements typical of Byzantine lamps of a quadrifoliate structure. The third assemblage is constituted by three chandeliers — single-type hemispherical shallow cups on a ring base.

---

¹⁴ Anna A. Peskova — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: peskovaaa@rambler.ru. Alexandra Yu. Kononovich — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 190000, Russia; e-mail: kononovich.a.u@gmail.com.

«Финны» в «Саге о Кетиле Лососе»

Т. Н. Джаксон¹

Аннотация. Статья посвящена «финнам» древнеисландской «Саги о Кетиле Лососе» (XIII в.). Под «финнами» автор саги и его аудитория понимали не обитателей современной Финляндии, а саамов, жителей Финнмарка и соседних регионов Севера, которых они наделяли чертами, присущими мифическим существам — троллям и великанам.

Ключевые слова: древнеисландские саги, саги о древних временах, саамы, Финнмарк, тролли, миф.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-198-204

And Lapland sorcerers inhabit here.
W. Shakespeare

Анатолий Николаевич Кирпичников был многогранным исследователем. Он занимался древнерусским оружием, каменными средневековыми крепостями, русско-скандинавскими связями периода образования древнерусского государства. Но для меня он однозначно ассоциируется со Старой Ладогой, раскопкам, осмыслению исторической роли и сохранению которой он посвятил долгие годы и вложил в это всю душу. Выбирая тему для статьи в сборник, посвященный памяти Анатолия Николаевича, я поняла, что про *Альдейгьюборг* исландских саг уже написала все, что могла на своем материале (и о происхождении топонима, и о месте Старой Ладоги на ментальной карте средневекового скандинава, и об отразившихся в сагах пропускных функциях Ладоги на «пути из варяг в греки» (см.: Джаксон, 2001)). Тогда мои мысли обратились к финнам в сагах, поскольку почти полвека Анатолий Николаевич возглавлял Отдел славяно-финской археологии.

Этноним *Finnar* («финны»), однако, по преимуществу относится в сагах не к финнам, обитателям юга и юго-запада современной Финляндии, а к саамам, жителям Финнмарка и соседних с ним регионов Севера. Саамы отличались от норвежцев по внешнему виду, языку, одежде, образу

жизни, верованиям. Саамское этнокультурное пространство было для норвежцев чужим и малознакомым. Исландские авторы саг творили этот «образ чужого», наделяя финнов-саамов, живших за северной границей обитания норвежцев, магическими свойствами и умениями. Но в те же неосвоенные и незаселенные регионы их воображение помещало диковинных существ, летающих драконов, мифических персонажей — разного рода великанов и троллей. Последние, весьма недружественные по отношению к людям, тем не менее вступали с ними в близкие отношения и производили потомство.

В этой связи интерес представляют четыре «саги о древних временах», известные под общим названием «саги о людях с Хравнисты», то есть с острова Рамста в устье Фолла-фьорда в Намдале, на севере Трэнделага в Норвегии. Это «Сага о Кетиле Лососе», «Сага о Гримере Мохнатая Щека», «Сага об Одде-Стреле» и «Сага об Ане Сгибателе Лука» (MSE, 1993. P. 16, 17, 243, 244, 352, 353, 744). Им посвящено большое число исследований (например: Mitchell, 2009; Leslie, 2010; Robinson, 2015; Barraclough, 2020), в которых основной акцент делается на их мифологической составляющей.

В четырех перечисленных сагах упоминаются или фигурируют представители шести поколений данного рода. Чисто мужская линия представлена Ульвом Бесстрашным (*Úlfr óargi*), его сыном Халльбьёрном Полутроллем (*Hallbjörn hálftröll*), его сыном Кетилем Лососем (*Ketill hængr*),

¹ Отдел истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН; Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия; e-mail: Tatjana.Jackson@gmail.com.

которому посвящена первая сага; Гримом Мохнатая Щека (*Grímr loðinkinni*), героем второй саги; Оддом-Стрелой (*Örvar-Oddr*) и его сыном Вигниром (*Vignir*), фигурирующими в третьей саге. Четвертая сага этого цикла посвящена праправнуку Кетиля Лосося через его дочь Хравнихильд (*Hrafnhildr*), ее сына Бёдмода (*Böðmóðr*) и его дочь Торгерд (*Þorgerðr*) — Ану по прозвищу Сгибатель Лука (*Án bogsveigir*).

Следует отметить, что «люди с Хравнисты» не были лишь плодом воображения авторов саг о древних временах, поскольку о них и их потомках не раз заходит речь в «Книге о занятии земли», называющей более 400 родов первопоселенцев в Исландии, и в исландских родовых сагах. Так, в главе 18 «Книги о занятии земли» говорится об Ульве, внуке Ульва Бесстрашного с Хравнисты от его дочери Халльберы, которого звали Квельдульв (*Lnb.*, 1968. Bls. 68). Квельдульва, как и названных тут же его сыновей Торольва и Скаллагрима, знает «Сага об Эгиле Скаллагримссоне» (скальд Эгиль был внуком Квельдульва) (*Eg*, 2003. Bls. 1); Квельдульв и Скаллагрим упоминаются в «Саге о Гуннлауге Змеином Языке» (*Gunnl*, 1908. Bls. 1). В главе 90 «Книги о занятии земли» мы встречаем человека по имени Кетиль Лосось, внука Кетиля Лосося, сына Халльбьёрна («Кетилем Лососем звался выдающийся человек в фюльке Наумдаль, сын Торкеля, ярла Наумдаля, и Хравнихильд, дочери Кетиля Лосося с Хравнисты». — *Lnb.*, 1968. Bls. 346), а также его родича Торольва Квельдульвссона; читаем о старшем сыне Кетиля Хравне, который был рожден уже после того, как его родители переселились в Исландию, и который был первым исландским законоговорителем (о чем сообщает и «Сага о Грими Мохнатая Щека» — *GrL*, 1954. Bls. 197), а также об огромном потомстве Кетиля, из которого многие люди являются персонажами саг об исландцах (*Lnb.*, 1968. Bls. 346–348). Как отмечает М. Крузе, согласно источникам, к числу его потомков относится целый ряд знаменитых исландцев: Гицур Белый, активный сторонник принятия христианства в Исландии, и его сын, первый исландский епископ в 1056–1080 гг. Ислейв, воспитатель Снорри Стурлусона Йон Лофтссон (1124–1197), и многие другие (*Kruse*, 2019. S. 39). Р. Крузе высказала вполне обоснованное предположение, что истории о «людях с Хравнисты» рассказывались как раз среди потомков первопоселенца Кетиля (*Kroesen*, 1993), которого М. Клунис Росс, на основании «Книги о занятии земли» и «Саги об Эгиле», считает самым

влиятельным поселенцем наравне с его двоюродным братом Скаллагримом, поскольку от них пошли два наиболее значительных клана конца эпохи народовластия в Исландии — жителей усадьбы Одди и Стурлунгов (*Clunies Ross*, 1998. P. 189).

Несмотря на то что к их потомкам относятся выдающиеся исландцы, сами «люди с Хравнисты», вследствие заключения браков за пределами своего людского сообщества, а именно с великанами и троллями, как о том повествуют саги, оказались самой «экзогамной легендарной династией германского мира». По подсчетам С. Б. Страубхар, Ан Сгибатель Лука, представитель шестого поколения, на 29/32 был не человеком, как родоначальник династии Ульв Бесстрашный, а «чудовищем или этнически иным», и только на 3/32 — обычным человеком (*Straubhaar*, 2012. P. 112–114).

Мне бы хотелось подробнее остановиться на том, как воспринимались авторами саг и саговой аудитории именно финны-саамы: были они просто «другими, чужими» людьми либо их выводили за рамки человеческого сообщества. И в этой статье я сосредоточусь на первой из четырех названных саг — «Саге о Кетиле Лососе», относительно которой имеются свидетельства того, что она существовала уже в первой трети XIII в., поскольку автор «Саги об Эгиле», как кажется, был с ней знаком (*Baldur Hafstað*, 1995; *Torfi Tulinius*, 2005. P. 452).

Сын Ульва Бесстрашного, Халльбьёрн, носил прозвище «Полутроль» (*hálftröll*). «Сага о Кетиле Лососе», его сыне, открывается такими словами: «Человек звался Халльбьёрн. Его называли Полутролем. Он был сыном Ульва Бесстрашного. Он жил на острове Хравниста, что лежит возле Раумсдаля. Он был могущественным человеком и имел большое влияние на бондов, [живших] к северу отсюда. Он был женат, и у него был сын, которого звали Кетиль. Он был человеком большого роста и мужественным, и некрасивым» (*Ket*, 1954. Bls. 151). С представления двоюродного брата Кетиля начинается родовая «Сага об Эгиле», и там Халльбьёрн фигурирует под тем же прозвищем: «Ульвом звали человека, сына Бьяльви и Халльберы, дочери Ульва Бесстрашного. Она была сестрой Халльбьёрна Полутроля с Хравнисты, отца Кетиля Лосося. Ульв был человеком настолько высоким и сильным, что не было никого ему равного» (*Eg*, 2003. Bls. 1).

Итак, Кетиль с самого начала повествования представлен как на 1/4 тролль. Троль (др.-исл. *tröll*) — это сверхъестественное существо в германской мифологии и скандинавском фольклоре. Тролли обитают в отдаленных скалах, горах или

пещерах, живут небольшими семьями и достаточно недружественны по отношению к людям. Троллям в сагах посвящено большое число работ. Исследователи сходятся на том, что тролль в сагах не всегда и не совсем тролль. Р. Меркельбах собрала самые яркие высказывания о троллях в литературе последних лет. Так, М. Арнольд заявляет, что термин «тролль» используется для «описания некоторых тревожных или ненормальных черт человека» (Arnold, 2005. P. 112). А. Якобссон перечисляет те категории саговых персонажей, к которым может быть применен этот термин: «тролль может быть великаном или обитателем гор, ведьмой, непомерно сильным, большим или уродливым человеком, злым духом, призраком, *blámaðr* (черным человеком), волшебным кабаном, языческим полубогом, демоном, *brunnmigi* (отравителем источников) или берсерком» (Ármann Jakobsson, 2008. P. 52). Дж. Линдоу заявляет, что «мы не можем по-настоящему знать троллей — если бы мы могли, они не были бы троллями» (Lindow, 2014. P. 143). Сама Р. Меркельбах утверждает, что термин «тролль» используется для описания не того, что это за существо (потому что тролли могут быть разными), а того, как данное существо себя ведет (антисоциально) и какой эффект (разрушительный) имеют его действия (Merkelbach, 2017. P. 110, 111).

М. Арнольд (Arnold, 2010. P. 99) вполне обоснованно обратил внимание на то, что смысл такой категории существ, как тролль, в «сагах о людях с Хравнисты» довольно подвижен, и категория может включать в себя настоящих монстров, но также саамов-финнов, а потому, по его мнению, лучше всего понимать, вслед за А. Якобссоном, что «тролль» обозначает «нечто странное и своеобразное, превосходящее каким-то образом нормальное» (Ármann Jakobsson, 2008. P. 46). Меня такая формулировка удовлетворяет в целом, поскольку параллельно с основными персонажами в этих сагах появляются страшные великаны и женщины-тролли, с которыми герои вступают в борьбу.

Титульный персонаж саги Кетиль, сын «полутролля», получается «троллем» на 1/4. Высказывалось мнение, что «полутролль» означало то же, что и «полуфинн» (а именно констатировало наличие саамской матери), только с уничижительным оттенком (Hermann Pálsson, 1999. P. 31). Действительно, в северном регионе и магические, и звериные черты с легкостью переносились на саамов, которые для скандинавов

были чем-то экзотическим, так что, по мнению А. Якобссона, Халльбьёрн мог быть и полусаамом, но быть, как и тролли, странным, чужим, враждебным существом (Ármann Jakobsson, 2011. P. 35). Так кем же был Кетиль, сын Халльбьёрна, — троллем или финном-саамом? Мифическим персонажем или человеком? Посмотрим на его характеристики в саге.

Прежде всего, мы знаем, что он был высоким, мужественным и некрасивым. Его недюжинная сила проявилась еще в детстве, когда он за день мог перевезти всё сено, работая не покладая рук с утра до вечера, так что грузить сено приходилось восьмерым, а обе повозки к концу дня сломались. Он мог, бросив пойманную им рыбешку в голову того, кто насмеялся над его малым уловом, разбить тому череп. Трижды, в возрасте не старше 11 лет, Кетиль выдерживает испытание, которое, как можно понять из текста, устраивал ему отец. Взяв у отца огромный топор, он рубит на части напавшего на него дракона, прилетевшего с севера из скал, а на вопрос отца, не заметил ли он каких-нибудь неприятных существ на севере острова, отвечает, что зарубил лосося, чем и заслужил свое прозвище. Спуская лодку на воду, он толкает ее так сильно, что лодка не останавливается, пока не выходит в открытое море, а отец говорит, что, желая испытать его силу, он препятствовал ему как только мог. Встретив во время рыбной ловли двух человек, покусившихся на его хороший улов, он дубиной свалил одного за борт, второго же напугал так, что тот бежал, а на вопрос отца, не встретил ли он каких-нибудь людей, он рассказал, как было дело. В дальнейшем он не раз еще проявит силу и умение вести бой: убьет двух великанов, Сурта и Кальдрани; конунга финнов-саамов Гусира (хотя тут и не обойдется без колдовства брата этого конунга Бруни); женщину-тролля, а затем разбойника по имени Сотти в труднопроходимом лесу между Гестрекаландом и Хельсингьяландом и победит в поединке конунга викингов Фрамара, которого по воле Одина не разит железо. Впрочем, три последних подвига он совершит при помощи волшебного меча Дрангвендиль и стрел с именами Полет, Коготь и Пушица, которые он забрал у мертвого конунга финнов Гусира. Единственное его магическое умение — вызывать поднятием парусов попутный ветер. Все свои подвиги он совершает в северных областях. Север упоминается с большой настойчивостью: остров Хравниста возле Ромсдала сам по себе воспринимается как северная территория

(ближе к концу саги про Кетилья говорится, что он «был самым могущественным человеком там, на севере»), дракона он убивает «на севере острова», куда тот прилетает «с севера из скал», с «севера фьорда» его бурей уносит «к скалам севернее Финнмарка», там же на его пути возникают женщины-тролли и т. д.

Итак, Кетилья происходит из Северной Норвегии. Он велик ростом и некрасив лицом, чрезвычайно силен и владеет искусством воина, как и искусством стихосложения (с различными диковинными существами он обменивается репликами в форме эддического стиха). Его огромный рост и сила отличают его от других людей. В трудных ситуациях он пользуется полученным от конунга финнов волшебным оружием, но сам колдовство и магию не практикует. Оружие, которым он владеет, — топор, меч, копьё, лук и стрелы. Будучи типичным героем из «древних времен» (*fornöld*), он не верит в Óдина. В этом мире, по формулировке Ф. Феррари, «древним богам места нет; они не участвуют в развитии сюжета, но лишь служат героям мишенью для ненависти и полемики» (*Ferrari*, 2006. P. 242). Ст. Митчелл, вслед за Л. Лённротом, отмечает, что саги о древних временах нередко изображают героев древности как критически настроенных по отношению к дохристианской религии (*Lönnroth*, 1969; *Mitchell*, 2009. P. 287, n. 21).

А еще Кетилья прекрасно ходит на лыжах (преодолеывает, согласно саге, расстояние от Рамсдаля в Северо-Западной Норвегии до Хельсингланда в Швеции на побережье Ботнического залива) и одет зимой в меховой плащ. Пропитание он добывает охотой и рыболовством. Как полагал К. Ф. Тиандер, за фантастическими и традиционно литературными элементами рассказа скрываются реальные факты: неоднократные поездки Кетилья на рыбную ловлю — вынужденные, его гонит голод. В одном месте саги так и говорится, что когда однажды «случился большой голод, потому что рыба отошла от берега, а зерно не уродилось», Кетилья отправился на рыбную ловлю (*Ket*, 1954. Bls. 168). В 1906 г. К. Ф. Тиандер указывал: «земледелие и в наши дни не процветает в Галогланде, и теперь оно не может прокормить всех жителей, а в то время и подавно» (*Тиандер*, 1906. С. 185, 186; ср.: *Hermann Pálsson*, 1999. P. 48). Рассказы о столкновениях с великанами Суртом и Кальдрани исследователь справедливо воспринимал как литературное отражение трудностей и приключений, сопровождавших подобные плавания.

На мой взгляд, все саговые характеристики Кетилья никак не позволяют рассматривать его как чудовище, не-человека. Для сравнения, Э. Барраклаф называет его *the human hero*, «человеческим персонажем» (*Barraclough*, 2020. P. 82). Все приписываемые Кетилью свойства лишь указывают на его инаковость, но лишь такую инаковость, которая отличает саамов от норвежцев и исландцев.

Перечень этих присущих саговым «финнам» черт дает Х. Палссон. Во-первых, они были очень умелыми волшебниками и колдунами (у некоторых из них можно было получить уроки магического мастерства). Одни тексты демонстрируют восторг и уважение перед таким умением, а другие — страх и трепет. По крайней мере норвежские законы запрещали верить в колдовство «финнов» (*NGL*, 1846. S. 350, 351, 362, 372, 376). Во-вторых, «финны» воспринимались как искусные лыжники, стрелки из лука и охотники. В-третьих, они носили одежду из звериных шкур, а их жилища назывались *gammar* (др.-исл. *gammi* — одно из многих заимствованных в скандинавские языки саамских слов). Согласно этнографическим данным, это обиталище было стационарным и представляло собой усеченную пирамиду из жердей, крытых древесной корой, шкурами, дёрном и хворостом. В-четвертых, «финны» очень любят масло и животный жир. В-пятых, «финнов» безжалостно эксплуатировали норвежские торговцы, а еще они были вынуждены платить дань королю Норвегии. Наконец, в-шестых, в ряде текстов присутствует откровенный расизм: «финны», то есть саамы, объявляются стоящими ниже по уровню развития, чем норвежцы (*Hermann Pálsson*, 1999. P. 29.). Э. Мундаль перечисляет те стереотипные литературные мотивы, в которых фигурируют в сагах «финны» (саамы). В первую очередь, это истории о норвежцах или исландцах, отправляющихся в Финнмарк для сбора налогов от имени норвежского короля или для торговли с саамами. Далее, это рассказы о браке норвежца и саамки, чаще — дочери местного конунга. В нескольких саговых текстах имеется описание саамского шаманизма. Еще один мотив: мудрый язычник предсказывает приход новой и несравнимо лучшей религии. Особенно часто подчеркивается в сагах саамское искусство магии и волшебства (*Mundal*, 1996).

Сын Кетилья и продолжатель рода Грим Мохнатая Щека произведен на свет Хравнхильд, дочерью Бруни. Хравнхильд выглядит именно так, как согласно сагам должна выглядеть саамка: она «была весьма большого роста и даже мужеподобной;

Гравюра на дереве из кн. 4, гл. 3 *Historia de gentibus septentrionalibus* Олауса Магнуса (1555 г.): «Три саама в одежде из меха, едущие на лыжах и держащие луки со стрелами, копье и некое подобие меча»

Woodcut from Book. 4, ch. 3 of *Historia de gentibus septentrionalibus* by Olaus Magnus (1555): “Three Lapps in fur clothing, riding on skis and holding bows and arrows, a spear and some kind of a sword”

говорят, что лицо ее было шириной в локоть» (Ket, 1954. Bls. 159). По утверждению С. Б. Страубхаар, герои саг нередко вступают в отношения с женщинами за пределами своей собственной группы, чьи необычайно широкие лица могут для аудитории служить указанием на их принадлежность к саамам, но также маркировать их как троллей или великанш. Впрочем, и сегодня, отмечает исследовательница, широкие лица по-прежнему выделяют саамов как этнически иных на фоне остальных не-саамов Севера (Straubhaar, 2001. P. 107). Правда, когда Хравнхильд с сыном приплывает на Хравнисту, отец Кетиля Халльбьёрн (тот, который носит прозвище «Полутроль») сердится на сына и спрашивает, почему тот приглашает пожить у них «этого тролля», имея в виду именно ее. Арманн Якобссон обнаруживает, что термин «троль» нередко используется героями саг уничтожительно по отношению к своим противникам, и полагает, что даже в устах полутролля он не теряет своей язвительности (Armann Jakobsson, 2008. P. 50; Straubhaar, 2001. P. 107). Может быть, иного объяснения тут и не требуется, особенно если учесть, что Халльбьёрн присмотрел другую невесту своему сыну.

Отец Хравнхильд Бруни финном напрямую не назван, но, во-первых, Кетиль на приглашение остаться у него высказывает предположение, что погоду (отчего разбилась его лодка) испортило «колдовство финна» (Ket, 1954. Bls. 159), явно намекая на Бруни. Финны, действительно, знамениты своим колдовством, и в древнескандинавской литературе, как отмечает Р. Пейдж, волшебники-финны играют заметную роль, а эта их слава

сохраняется в литературных сочинениях на века (Page, 1962–1965). Во-вторых, в дом Бруни Кетиль попадает, разбив лодку в каких-то шхерах севернее Финнмарка, то есть в местах обитания саамов. Как подмечает К. Тиандер, «раз Бруни принял его так радушно, то можно думать, что Кетиль захал далеко на север, где туземцы еще не питали вражды к норманнам» (Тиандер, 1906. С. 186). Там, где живет Бруни, зимой настолько холодно, что Кетилю, оставшемуся у него, не удастся зимой уехать оттуда из-за суровой зимы и плохой погоды. В-третьих, вскоре выясняется, что Бруни — брат «конунга финнов» Гусира, который занимается разбоем по лесам. Что еще «выдает» Бруни как «финна»? В-четвертых, он, вероятно, обладает чем-то вроде дара ясновидения, потому что знает, что к нему приплыл именно Кетиль, — в стихотворном обращении к гостю он называет его «Лосось» и приглашает того остаться на зиму. В-пятых, у него есть друзья финны, которые приходят в его дом за тем маслом, что было с собой в лодке у Кетиля. В-шестых, Бруни обладает колдовской силой: в битве Кетиля и своего брата Гусира он делает так, что Гусиру его последняя стрела кажется изогнутой, и, выпрямляя ее, тот ее портит, за счет чего уступает Кетилю в поединке. К. Тиандер усматривает в противостоянии братьев «спор двух соперничающих лапландских родоначальников», на что, по его мнению, указывает то, что Бруни сам проводил Кетиля до леса, где проезжал Гусир, да и убив этого последнего, Кетиль, ничего не опасаясь, вернулся к Бруни (Тиандер, 1906. С. 186).

К каким выводам приводят меня все эти рассуждения? Думаю, что, как и норвежцы, для которых короли из династии Харальда Сурового Правителя имели среди своих предков саамскую девушку, а ярлы Хладира прослеживали свою семью до Сэмिंगа, вероятно, протосаама, что было важно, по крайней мере, как символическое выражение общности и того, что правящие дома Норвегии имели семейные корни у обоих народов королевства (Mundal, 2009. P. 25), исландцы с уверенностью утверждали саамов как родоначальников своих знатных родов, что соответствовало истине, ибо было зафиксировано в «Книге о занятии земли». Север, как он описан в саге, был реальностью для саговой аудитории (Vesteinn Ólason, 1994. P. 112). А все избыточные волшебные истории просто были необходимой составляющей поздних саг, так называемых саг о древних временах.

- Джаксон*, 2001 — *Джаксон Т. Н.* Austr i Gorðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 207 с.
- Тиандер*, 1906 — *Тиандер К. Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб.: Тип. И. Н. Скороходов, 1906 (Записки Ист.-фил. ф-та Имп. Санкт-Петербургского ун-та; Ч. 79). 450 с.
- Arnold*, 2005 — *Arnold M.* Hvat er tröll nema þat? The Cultural History of the Troll // *The Shadow-Walkers. Jacob Grimm's Mythology of the Monstrous* / Ed. by T. Shippey. Arizona, 2005. P. 111–155.
- Arnold*, 2010 — *Arnold M.* Við þik sættumsk ek aldri. Qrvar-Odds saga and the meanings of Qgmundr eyþjófsbani // *Making history. Essays on the fornaldarsögur* / Ed. by M. Arnold and A. Finlay. London: Short Run Press Limited, Exeter, 2010. P. 85–104.
- Ármann Jakobsson*, 2008 — *Ármann Jakobsson.* The Trollish Acts of Þorgrímr the Witch: The Meanings of troll and ergi in Medieval Iceland // *Saga-Book of the Viking Society*. 2008. Vol. 32. P. 39–68.
- Ármann Jakobsson*, 2011 — *Ármann Jakobsson.* Beast and Man: Realism and the Occult in “Egils saga” // *Scandinavian Studies*. 2011. Vol. 83. P. 29–44.
- Baldur Hafstað*, 1995 — *Baldur Hafstað.* Die Egils saga und ihr Verhältnis zu anderen Werken des nordischen Mittelalters. Reykjavík: Rannsóknarstofnun Kennarahaskola Íslands, 1995. 201 S.
- Barraclough*, 2020 — *Barraclough E. R.* The Ice Giant Cometh: The Far North in the Old Norse-Icelandic Sagas // *Myths and Magic in the Medieval Far North: Realities and Representations of a Region on the Edge of Europe* / Ed. by St. Figenschow, R. Holt, M. Tveit. Turnhout: Brepols Publishers, 2020. P. 71–94.
- Clunies Ross*, 1998 — *Clunies Ross M.* Prolonged echoes: Old Norse myths in medieval Northern society. Odense: Odense University Press, 1998. Vol. 2: The reception of Norse myths in medieval Iceland. 222 pp.
- Eg*, 2003 — *Egils saga* / Ed. by B. Einarsson. London: Viking Society for Northern Research, 2003. 318 pp.
- Ferrari*, 2006 — *Ferrari F.* Gods, Warlocks and Monsters in Qrvar-Odds saga // *The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature. Sagas and the British Isles: Preprint Papers of The Thirteenth International Saga Conference*. Durham: The Centre for Medieval and Renaissance Studies, Durham University, 2006. Vol. 1. P. 241–247.
- GrL*, 1954 — *Gríms saga loðinkinna* // *Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson gaf út. Akureyri: Íslendingasagnaútgáfan*, 1954. Bd. 2. Bls. 183–198.
- Gunnl*, 1908 — *Gunnlaugs saga ormstungu* / Hrsg. E. Mogk. Halle a. S.: Verlag von M. Niemeyer, 1908. XXV + 66 s.
- Hermann Pálsson*, 1999 — *Hermann Pálsson.* The Sami people in Old Norse literature // *Nordlit*. 1999. Nr. 5. P. 26–53.
- Ket*, 1954 — *Ketils saga hængs* // *Fornaldar sögur Norðurlanda / Guðni Jónsson gaf út. Akureyri: Íslendingasagnaútgáfan*, 1954. Bd. 2. Bls. 149–181.
- Kroesen*, 1993 — *Kroesen R.* Qrvar-Odds saga // *Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia* / Ed. by Ph. Pulsiano et al. New York; London: Garland Publishing Inc., 1993. P. 774.
- Kruse*, 2019 — *Kruse M.* Troll und Mensch — Die Darstellung des “Mischlings” (blendingr) in der altisländischen Literatur // *Nordeuropaforum. Zeitschrift für Kulturstudien*. Jhg. 2019. S. 34–54.
- Leslie*, 2010 — *Leslie H. F.* “The Matter of Hrafnista” // *Quaestio Insularis*. 2010. Vol. 11. P. 169–208.
- Lindow*, 2014 — *Lindow J.* Trolls: An Unnatural History. London: Reaktion Books, 2014. 160 pp.
- Lnb.*, 1968 — *Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík*, 1968 (Íslenzk fornrit; Bd. I: 1). Bls. 29–397.
- Lönnroth*, 1969 — *Lönnroth L.* The Noble Heathen: A Theme in the Sagas // *Scandinavian Studies*. 1969. Vol. 41. P. 1–29.
- Merkelbach*, 2017 — *Merkelbach R.* “He has long forfeited all kinship ties”: Monstrosity, Familial Disruption, and the Cultural Relevance of the Outlaw Sagas // *Gripla*. 2017. Árg. 28. P. 103–137.
- Mitchell*, 2009 — *Mitchell S. A.* The Supernatural and the fornaldarsögur. The Case of Ketils saga hængs // *Fornaldarsagaerne, myter og virkelighed* / Red. af A. Ney et al. København: Museum Tusulanum Press, 2009. P. 281–291.
- MSE*, 1993 — *Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia* / Ed. by Ph. Pulsiano et al. New York; London: Garland Publishing Inc., 1993. 792 pp.
- Mundal*, 1996 — *Mundal E.* The Perception of the Saami People and their Religion in Old Norse Sources // *Shamanism and Northern Ecology* / Ed. by J. Pentikäinen. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996 (Religion and society (Hague, Netherlands); Vol. 36). P. 97–116.
- Mundal*, 2009 — *Mundal E.* The Relationship between Sami and Nordic Peoples Expressed in Terms of Family Associations // *Journal of Northern Studies*. 2009. Vol. 2. P. 25–37.
- NGL*, 1846 — *Norges gamle Love indtil 1387* / Udg. ved R. Keyser, P. A. Munch. Christiania: Gröndahl, 1846. Vol. 1: Norges Love aeldre end Kong Magnus Haakonssöns Regjerings-Tiltraedelse i 1263. 463 s.

- Page, 1962–1965 — Page R. “Lapland sorcerers” // *Saga-Book of the Viking Society*. Vol. XVI. London: University College, 1962–1965. P. 215–232.
- Robinson, 2015 — Robinson Ch. *Ketils saga hængs, Gríms saga loðinkinna* and the narrative of survival: Ritgerð til MA-prófs í íslenskum miðaldafræðum. Reykjavík: Háskóli Íslands, 2015. 91 pp.
- Straubhaar, 2001 — Straubhaar S. B. Nasty, Brutish, and Large: Cultural Difference and Otherness in the Figuration of the Trollwomen of the *Fornaldar sögur* // *Scandinavian Studies*. Carbondale: Southern University of Illinois Press, 2001. Vol. 73. P. 105–124.
- Straubhaar, 2012 — Straubhaar S. B. Iarpskamr: Tribal Taxonomy and Transgressive Exogamy in the *Fornaldarsögur* // *The Legendary Sagas: Origins and Developments* / Ed. by A. Lassen, A. Ney, Ármann Jakobsson. Reykjavík: University of Iceland Press, 2012. P. 103–119.
- Torfi Tulinius, 2005 — Torfi H. Tulinius. *Sagas of Icelandic Prehistory (fornaldarsögur)* // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / Ed. by R. McTurk. Oxford: Blackwell, 2005. P. 447–461.
- Vesteinn Ólason, 1994 — Vesteinn Ólason V. The Marvellous North and Authorial Presence in the Icelandic *fornaldarsaga* // *Contexts of Pre-Novel Narrative: The European Tradition* / Ed. by E. Roy. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994. P. 101–134.

“Finnar” in “Ketil Trout’s Saga”

T. N. Jackson²

Keywords: Old Norse-Icelandic sagas, *fornaldarsögur*, the Sami, Finnmörk, Trolls, myth.

The ethnic name *Finnar* in sagas mostly is related not with the Finns who are natives of the south and south-west of modern Finland but with the Saami who live in Finnmarksvidda and regions of the North neighbouring upon it. The Saami differed from the Norwegians in their appearance, language, clothes, life mode and beliefs. The Saamian ethno-cultural space was foreign and little known to the Norwegians. Icelandic authors created this “image of an alien” endowing with magic qualities and skills the Finns-Saami living beyond the northern boundary of the land inhabited by the Norwegians. However, in the same undeveloped and unsettled regions, their imagination placed strange creatures, flying dragons and mythic figures — giants of different kinds and trolls. The present author puts forth the goal of understanding more closely how the Finns-Saami were interpreted by the authors and the audience of the sagas: whether they were simply “alien, foreign” people or were considered altogether beyond the limits of the humankind. As a source for this study, the *Ketil Trout’s Saga* is used which belongs to the genre of *fornaldarsögur* and was composed in the first third of the 13th century. The saga narrates about Ketil, a native of the Ramstad Island in the north of Trøndelag in Norway, the son of Hallbjorn nicknamed “Half troll” (most possibly meaning a “Half Finn”, i.e. born by a Saami woman). His descendants are mentioned in *The Book of Settlements* which listed more than four hundred clans of the first settlers in Iceland, and in Icelandic family sagas. Having analysed all the saga characteristics of Ketil, the author of this article comes to the conclusion that this character was not a monster or a half-human for the saga audience. All the features ascribed to Ketil indicate his foreignness but only that foreignness that differs the Saami from the Norwegians and Icelanders. It was important for the Norwegians that the kings from the dynasty of Harald the Harsh Ruler had a Saami girl among their ancestors while the earls of Lade traced their family from Seming (Sæmingr), i.e. possibly a Proto-Saami. This fact served as a symbolic expression of the commonness — i.e. of the fact that the ruling houses of Norway had their familial roots among the both peoples of the kingdom. The Icelanders also named with confidence the “Finns” (*Finnar* or Saami) as forefathers of their noble families and this is real because this fact is registered in the *Book of Settlements*. Accordingly, all the additional fairy stories were just a necessary constituent of the later sagas, or so-called “sagas about ancient times” (*fornaldarsögur*).

² Tatjana N. Jackson — Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; 32a Leninsky pr., Moscow, 119991, Russia.

Еще раз о латных перчатках в комплексе вооружения древнерусского воина XIV–XV вв.

Ю. А. Кулешов, О. М. Олейников, П. В. Усольцев, А. Н. Каменский¹

Аннотация. В представленной работе публикуются новые находки фрагментов латных перчаток на территории Древней Руси. Данный элемент защитного снаряжения был известен в XIV–XV вв. не только в северо-западной, но и в центральной части. Этот факт имеет большое значение в свете дискуссии об ориентализации в позднесредневековом древнерусском комплексе защитного вооружения.

Ключевые слова: Древняя Русь, военное дело, ориентализация, доспех, латные перчатки.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-205-209

Несколько лет назад один из авторов данной работы, А. Н. Каменский, опубликовал пять фрагментов латных перчаток, обнаруженных в ходе многолетних археологических исследований Великого Новгорода (Каменский, 2014). До этого среди исследователей военного дела Древней Руси длительное время бытовало мнение, что подобные элементы были нехарактерны для древнерусского комплекса защитного снаряжения (Шиндлер, 2015. С. 364, 365; Алексинский и др., 2005. С. 265). И это при том, что еще в 1976 г. А. Н. Кирпичников в своей монографии, посвященной русскому военному делу XIII–XV вв., выявил среди археологического материала первую подобную находку (Кирпичников, 1976. С. 36).

Несколькими годами позже выхода работы А. Н. Каменского другой автор данной публикации, Ю. А. Кулешов, опубликовал исследование, ставящее под сомнение ориентализацию в русском военном деле эпохи позднего средневековья (Кулешов, 2017). Признание факта существования

данного процесса поддерживалось отечественными оружейниками и военными историками еще начиная с генерала Н. Е. Бранденбурга (Бранденбург, 1871. С. 90–97).

Однако статья А. Н. Каменского не нашла отклика у сторонников версии ориентализации (Пенской, 2018. С. 212, 213). Вполне возможно, это было обусловлено тем, что весь представленный материал происходит из одного региона, граничащего с носителями западноевропейских традиций, в том числе и оружейных, которые интенсивно посещали область обнаружения находок. Более того, автор работы указывает, что две найденные вещи (из пяти) с большой долей вероятности могли принадлежать иностранным гостям, а еще одна является депаспортизированной. В свою очередь это приводит к мысли о региональном узком заимствовании.

Ввиду сложившейся ситуации мы еще раз решили вернуться к данной теме в свете появившегося нового материала.

В 2021 г. в ходе охранных археологических работ, проводимых Институтом археологии РАН при реконструкции Ильиной улицы в Великом Новгороде, в шурфе КЗШ1/1 на глубине 1,6–1,8 м была обнаружена пластина от латной перчатки (рис. 1, 1). В полевых условиях находка была верно атрибутирована П. В. Усольцевым, который руководил работами на объекте, как деталь защитного вооружения. По форме и

¹ Кулешов Ю. А. — ГМЗ «Куликово поле»; пр. Ленина, 47, г. Тула, 300041, Россия; e-mail: yurahl@mail.ru. Олейников О. М., Усольцев П. В. — Институт археологии РАН; ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru; usoltsev.pavel@yandex.ru. Каменский А. Н. — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник; Кремль, 11, Великий Новгород, 173007, Россия; e-mail: kamenskiyan@gmail.com.

конструкции данное изделие аналогично находкам, выявленным ранее, в 1972 г., на Кировском (Славенском) раскопе (Каменский, 2014. С. 30, 31) (рис. 1, 2, 3).

Пластина, обнаруженная на Ильиной улице, так же как и схожие детали с Кировского (Славенского) раскопа, имеет ближайшую аналогию в шведских материалах, полученных в ходе исследования братской могилы воинов, погибших в битве при Висбю на острове Готланд (1361 г.). В конструкции защитной перчатки № 2 аналогичные пластины выполняли функцию прикрытия фаланг пальцев (Thordeman, 1939. P. 422, fig. 412, 1, 12, 32, 33, 40, 41, 51). Указанные детали попали в захоронение непосредственно после битвы 1361 г. При этом нижняя хронологическая граница появления металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин, по мнению шведского исследователя Бенгта Тордемана (Thordeman Bengt), относится ко второй четверти XIV в. (*Ibid.* P. 243).

Найденные на Кировском (Славенском) раскопе детали перчаток датированы схожим временем — первой половиной XIV в. (Каменский, 2014. С. 31). В свою очередь пластина, найденная во время работ на Ильиной улице, обнаружена в слоях XV в. (Гайдуков, 2022. С. 39, рис. 609).

В нашем распоряжении имеется еще один фрагмент латных перчаток, но уже из другого региона. Речь идет о находке 2007 г. из раскопок на Подоле Московского Кремля (Курмановский, Панова, 2018. С. 212, рис. 12, № 20). Предмет является защитным элементом проксимальной фаланги пальца (рис. 1, 4). Он был опубликован уже после выхода статьи А. Н. Каменского. Ближайшей аналогией находке служит пластина № 4, имеющая небольшие утраты, от фрагментированной латной перчатки № 9 из братских могил при Висбю (Thordeman, 1939. P. 431, fig. 423, 4) (рис. 1, 5). Бенгт Тордеман, опубликовавший находку, считает, что это фрагмент ее краги (*Ibid.* P. 428). Между тем на приведенных прорисовках деталей хорошо видно, что они имеют изгиб в другой плоскости. Более того, на этих элементах присутствует только один ряд заклепок (*Ibid.* P. 431, fig. 423, 2, 3). Но самое интересное, что в данном случае, видимо, мы имеем дело с каким-то редким типом латных перчаток, так как Бенгт Тордеман затруднился отнести ее к какому-то из выделенных им типов (*Ibid.* P. 414–434). Нет прикрытий кистей рук с крагами,

набранных из горизонтальных полос, и в публикации немецкого исследователя Хольгера Грюнвальда (Grönwald Holger), который собрал 71 экземпляр перчаток XIV–XV вв. от Скандинавии и Великобритании до Апеннинского полуострова (Grönwald, 2012. S. 136, 137, 148–150, fig. 12, 13).

Что касается хронологии кремлевской находки, то в публикации датировка не указана, но со слов одного из авторов, В. С. Курмановского, слой, из которого она происходит, датируется в рамках XV в.²

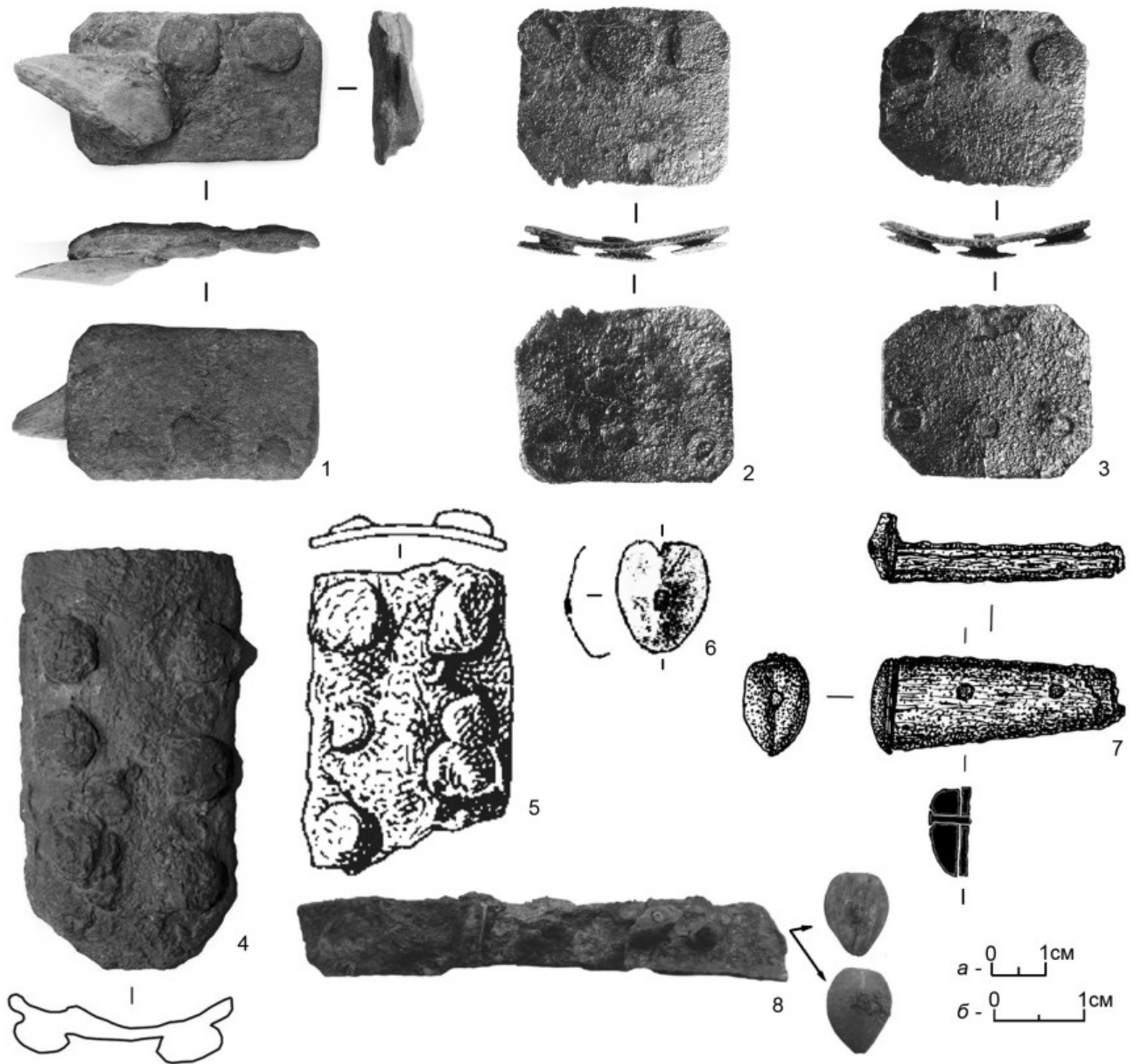
В заключение мы хотели бы обратить внимание на важный нюанс. В статье А. Н. Каменского был упомянут один фрагмент латной перчатки, происходящий из Пскова (Каменский, 2014. С. 27). Речь идет о предмете, обнаруженном в 2006 г. на Завеличье, в Ольгинском I раскопе. Исследователи идентифицировали его как деталь латной перчатки (Салмина, Салмин, 2008. С. 48, рис. 18, 14) (рис. 1, 6). Сейчас назрела необходимость исправить ошибку, так как предложенная атрибуция не прошла проверку временем. Спустя почти 10 лет после выхода работы псковских исследователей появилась целая серия публикаций, где представлены точные аналогии псковской находке, которые являются тыльниками рукоятей ножей (Кирсанов, 2017. С. 182, рис. 1, 2–7; Милаев, Горлов, 2020. С. 182, рис. 8, 10) (рис. 1, 7, 8).

Из вышепредставленного материала становится очевидным, что находки элементов латных перчаток не ограничиваются только Великим Новгородом, их количество продолжает расти, а число регионов увеличивается, при этом расширяются также их хронографические рамки. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует скорее в пользу высказанных Ю. А. Кулешовым предположений в отношении процессов ориентализации древнерусского военного дела.

Однако подтверждение данной гипотезы осложняется тем, что до сих пор остается острой проблема атрибуции элементов защитного снаряжения среди археологического материала. Прежде всего это касается деформированных и фрагментированных предметов из черного и цветных металлов. Очень часто идентификация

² Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить научного сотрудника Отдела средневековой археологии ИА РАН канд. ист. наук В. С. Курмановского за предоставленную информацию.

Рис. 1. 1 — защита фаланги пальцев, XV в. (Великий Новгород, Ильина улица, 2021 г.); 2, 3 — пластины от пальцев латных перчаток, первая половина XIV в. (Великий Новгород, Кировский (Славенский) раскоп); 4 — фрагмент защиты фаланги пальца, XV в. (Московский Кремль, Подол, 2007 г.); 5 — пластина № 4 от латной перчатки № 9, 1361 г. (Висбю, Готланд); 6 — тыльник рукояти ножа, XV–XVII вв. (Псков, Завеличье, 2006 г.); 7 — рукоять ножа с тыльником, начало XVII в. (Старая Ладога, Земляное городище); 8 — рукоять ножа с тыльником, XV–XVI вв. (селище Микулино 7). Масштаб: а — для 1–4, 6; б — для 7; 5, 8 — без масштаба

Fig. 1. 1 — guard of finger phalanx, 15th cen. (Veliky Novgorod, Ilyina Street, 2021); 2, 3 — plates from fingers of gauntlets, first half of the 14th cen. (Veliky Novgorod, Kirovsky/Slavensky Excavation); 4 — fragment of a guard for finger phalanx, 15th cen. (Moscow Kremlin, Podol, 2007); 5 — plate No. 4 from gauntlet No. 9, 1361 (Visbu, Gotland.); 6 — rear of a knife hilt, 15th–17th cen. (Pskov, Zavelichye, 2006); 7 — knife hilt with the rear part, early 17th cen. (Staraya Ladoga, Zemlyanoye Gorodishche); 8 — knife hilt with the rear, 15th–16th cen. (settlement of Mikulino 7). Scale: a — to 1–4, 6; b — to 7; 5, 8 — without scale

этих находок крайне сложна без специальных реставрационно-консервационных работ по очистке от почвенных и коррозионных загрязнений. Далеко не последнюю роль в атрибуции указанных предметов играет сравнительно-типологический анализ с привлечением максимально широкого круга аналогий. По-видимому, просмотр музейных собраний позволит выявить еще

некоторое количество ранее неопознанных предметов, относящихся к комплексу древнерусского защитного снаряжения, имеющих важное значение для отечественного оружиеведения. Вероятно, в ближайшее время нас ждут новые свидетельства использования латных перчаток на территории Древней Руси в виде находок и ранее не атрибутированных материалов.

Алексинский и др., 2005 — Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. СПб.: Полигон, 2005. Кн. 1. 568 с.

Бранденбург, 1871 — Бранденбург Н. Е. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник. СПб.: Тип. Артиллерийского журнала, 1871. № 4. С.76–97.

Гайдуков, 2022 — Гайдуков П. Г. Отчет по проведению археологических работ (раскопки) на месте реконструкции ул. Ильина (участок от Большой Московской ул. до церкви Спаса Преображения на Торговой стороне) по адресу: г. Великий Новгород, ул. Ильина в 2021 г. Открытый лист: №1188-21 от 28 июня 2021 г. М., 2022. Т. 4. 235 с. // НОА ИА РАН. Б/н.

Каменский, 2014 — Каменский А. Н. Латные перчатки из раскопок в Великом Новгороде // Вестник Новгородского гос. университета. 2014. Серия: Гуманитарные науки. № 83, ч. 2. С. 26–34.

Кирпичников, 1976 — Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. 135 с.

Кирсанов, 2017 — Кирсанов А. В. Находки из цветного металла на селище Микулино 7 (XV–XVI вв.) // КСИА. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 249, ч. 2. С. 179–191.

Кулешов, 2017 — Кулешов Ю. А. К вопросу о доспешной моде на Руси в так называемый период ориентализации, 2-я половина XV — 1-я половина XVI в. Постановка вопроса // История военного дела: исследования и источники. СПб.: Milhist.info, 2017. Специальный выпуск V: Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. III. С. 740–766.

Курмановский, Панова, 2018 — Курмановский В. С., Панова Т. Д. Предметы вооружения из раскопок

2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор) // Военная археология: Сб. материалов науч. семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 4. С. 202–232.

Миляев, Горлов, 2020 — Миляев П. А., Горлов К. В. Постройки с золотыми голландскими дукатами начала XVII в. на Земляном городище в Старой Ладого (по материалам раскопок Староладожской археологической экспедиции 1948–1949 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2020. Вып. 13. С.170–198.

Пенской, 2018 — Пенской В. В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

Салмина, Салмин, 2008 — Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // АИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 г.). Псков: ИА РАН, 2008. С. 29–52.

Шиндлер, 2015 — Шиндлер О. В. Защита рук и ног, щиты и другие «необязательные по уложению» русские доспехи XVI века // История военного дела: исследования и источники. СПб.: Milhist.info, 2015. Т. VI. С. 352–403.

Grönwald, 2012 — Grönwald H. Old iron — iron fists and other finds from the medieval castle of Cucagna // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Rzeszów; Sanok: Historical Museum in Sanok, 2012. Т. VIII. S. 127–176.

Thordeman, 1939 — Thordeman B. Armour from the battle of Wisby. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1939. Vol. I: Text. 480 p.

Once more on the gauntlets in the complex of weaponry of a Medieval Russian warrior in the 14th–15th cen.

Yu. A. Kuleshov, O. M. Oleynikov, P. V. Usoltsev, A. N. Kamenskiy³

Keywords: Medieval Russia, medieval weapons, “orientalism”, armour, gauntlets.

Here a fragment of a gauntlet is scientifically published. This object was intended to protect the finger phalanx. It was found during archaeological investigations in 2021 in Ilyina Street in Veliky Novgorod.

The subject of gauntlets itself is not a new one for the present authors. Some time ago, they considered previous finds from Veliky Novgorod in their studies. Those were the first evidence of the use of such an element in the complex of armour of a Medieval Russian warrior. However, after their paper saw the light, beyond the boundaries of the Novgorod Land a series of objects have been revealed and published.

Having examined the new finds the authors arrived at the conclusion that this material suggests a wider scope of use of gauntlets in Old Rus both in terms of the territorial and chronological aspects. In turn, this fact can present an additional testimony to the argument between the opponents and supporters of the orientalism in the late mediaeval Russian complex of protective armour.

---

³ Yuri A. Kuleshov — State Museum Reserve “Kulikovo Pole”; 47 ul. Lenina, Tula, 300041, Russia; e-mail: yurah1@mail.ru. Oleg M. Oleynikov, Pavel V. Usoltsev — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 19 ul. Dmitry Ulyanov, Moscow, 117292, Russia; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru; usoltsev.pavel@yandex.ru. Anton N. Kamenskiy — Novgorod State United Museum-Reserve: 11 Kremlin, Veliky Novgorod, 173007, Russia; e-mail: kamenskiyan@gmail.com.

«...а около полисадъ окладывали с обѣих сторон дерном»: археологическое изучение куртины земляной крепости 1700–1702 гг. в Пскове

С. А. Салмин, Е. В. Салмина

Аннотация. В ходе спасательных археологических работ в Пскове был произведен разрез участка укреплений земляной крепости (XVIII–XIX вв.). Были изучены составляющие линию обороны инженерные сооружения: гласис, палисад, банкет, фронтальная стена каземата/потерны и выход из нее на стрелковые позиции. Сделаны наблюдения по этапам формирования сооружений и особенностям хода земляных работ 1701–1702 гг.

Ключевые слова: земляная крепость, куртина, гласис, каземат, палисад, Псков.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-210-219

В 2014–2015 гг. в Пскове проводились спасательные археологические раскопки при реконструкции набережной р. Псковы от Троицкого моста до Советского моста (рис. 1). При перекладке и устройстве новых коммуникаций, а также обновлении дорожного покрытия неизбежно затрагивались культурные отложения XII–XIX вв., вследствие чего были проведены работы на 14 археологических раскопах суммарной площадью около 1000 кв. м.

Территория, где велись раскопки, находилась на левом берегу р. Псковы в непосредственной близости к стенам Среднего и Окольного городов Пскова. На значительной площади в толще культурных напластований здесь были зафиксированы разновременные фортификационные сооружения².

¹ Салмин С. А. — ГБУК «Археологический центр Псковской области»; ул. Герцена, 1/1, Псков, 180019, Россия; e-mail: solvarg@yandex.ru. Салмина Е. В. — Лаборатория социо-гуманитарной регионики, Псковский ГУ, пл. Ленина, 2, Псков; Научно-экспертный отдел, ГБУК «Археологический центр Псковской области»; ул. Герцена, 1/1, Псков, 180006, Россия; e-mail: muntrik102@yandex.ru.

² Более подробный обзор разновременного комплекса сооружений, раскрытых в 2014–2015 гг. при раскопах на ул. Воровского, приводится нами в статье «400 лет псковских фортеций в раскопах на ул. Воровского», которая в настоящее время готовится к печати.

Подчеркнем, что практически каждый эпизод обнаружения археологами участков каменных конструкций на планируемых трассах сетей приводил к корректировке трасс, переносам технических колодцев и т. п. Нельзя не отметить, что имели место и отдельные случаи самоуправства строителей, когда новые работы начинались без присутствия археологов, что приводило к частичным разрушениям древних сооружений, однако в основном позиция застройщика соответствовала требованиям охраны памятников.

На довольно большой площади в западной части комплекса раскопов 2014 г. (у пересечения ул. Воровского и Карла Маркса) был раскрыт в плане массив каменных укреплений 1309 г. («стена посадника Бориса»), включавший в себя основание мысовой башни и участок фланковой стены. Здесь же в профиле канализационной траншеи 1960-х гг., где велись наблюдения за перекладкой новых труб по старым трассам, были выявлены валуны основания фронтальной стены укреплений этого же фортификационного комплекса, нарушенной при строительных работах прошлых лет. В небольших по площади раскопах напротив церкви Петра и Павла с Буя были зафиксированы участки основания стены 1374–1375 гг.³

³ Из раскопов прошлых лет наиболее близко к участку работ 2014 г. располагались раскопы у церкви Петра

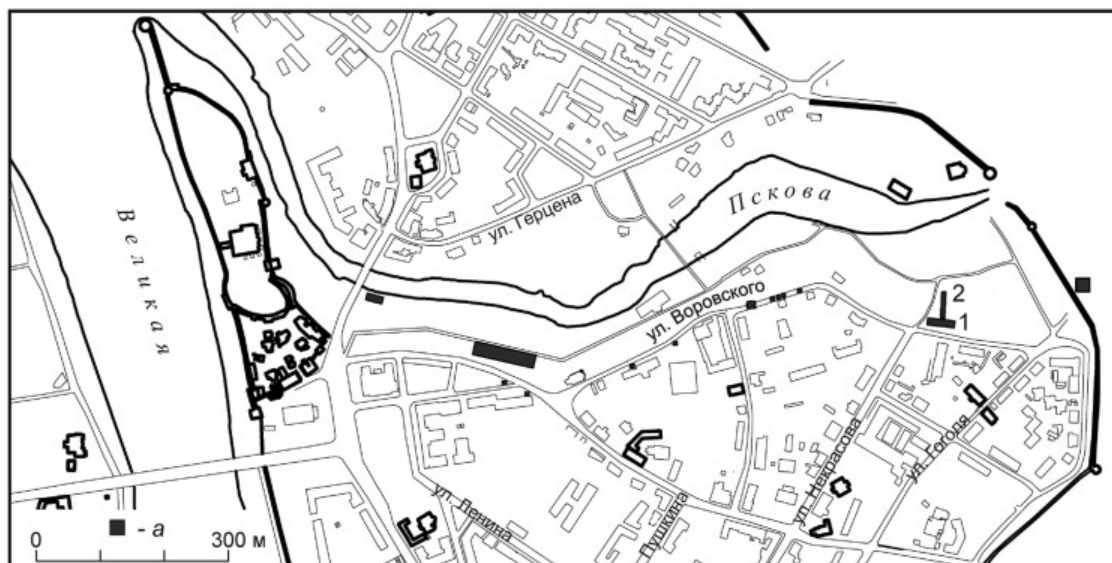

Рис. 1. План исторической части Пскова с указанием местоположения раскопов 2014–20215 гг. (1 — раскоп Никольский-5; 2 — раскоп Никольский-6) на ул. Воровского. Условные обозначения: а — раскопы
 Fig. 1. Plan of the historical part of Pskov with indication of the positions of the excavations of 2014–2015 (1 — excavation site Nikolsky-5; 2 — excavation site Nikolsky-6) in ul. Vorovskogo: Keys: a — excavations

Многие из раскрытых объектов попадали в поле зрения археологов впервые. Так, в восточной и центральной частях комплекса раскопов 2014 г. (на берегу р. Псковы, напротив пересечения ул. Воровского и Гоголя) были раскрыты остатки предворотных «раскатных» укреплений XVI в. в районе Верхних решеток на р. Пскове, представляющие собой основания деревянных клетей, забутованных камнем. На участке раскопа между улицами Красных Партизан и Некрасова были выявлены каменные конструкции примыкавшего к стене XVIII в. вспомогательного (возможно, караульного) помещения, сложенного из известняковых плит на глинисто-известковом растворе.

Наиболее полные и выразительные результаты были получены при работе на куртине Псковской земляной крепости петровского времени, где археологические раскопки были необходимы в связи с планом прокладки нового отрезка линии ливневой канализации и установки колодцев очистных устройств. Первоначально здесь предполагался только раскоп Никольский 5 на верхней террасе берега (котлован под установку очистных

и Павла с Буя 1991–1995 гг., где фиксировались участки стен, отнесенные авторами раскопок к 1309 и 1374/1375 гг. (Шуньгина, 1997. С. 21–28). В настоящее время следы этих фортификационных сооружений на большей части своей протяженности отсутствуют на поверхности (Лабутина, 2011. С. 50; Яковлева, 1992. С. 125, 126).

емкостей), сама же трасса канализации, идущая вниз по склону, должна была прокладываться методом горизонтального бурения. Однако после начала работ выяснилось, что проектировщик не учел особенности материкового основания (известняковая плита), и запланированное бурение оказалось невозможным. В результате археологические исследования (раскоп Никольский 6, 2015 г.) были продолжены на эскарпированном склоне.

Раскопы Никольский 5 и Никольский 6 располагались на куртине Псковской крепости XVIII в. между Саввинской и Благовещенской батареями, восточнее современной ул. Некрасова, общая площадь их составила 270 кв. м. Полученный разрез отложений начинался на верхней террасе берега, спускаясь по эскарпированному склону до уровня первой береговой террасы (рис. 2; 3). Общая протяженность разреза составила 43 м от верхней террасы до площадки второго эскарпа.

Рассматриваемая территория в первой половине XX в. использовалась жителями домов на углу улиц Воровского (бывш. Верхне-Петропавловская) и Некрасова (бывш. Губернаторская) как хозяйственная зона. Состав находок из заглубленных в тело куртины мусорных ям, зафиксированных при начале раскопок (погонные звездочки, имперская жестяная кокарда, игрушечный оловянный корабль-канонерка под Андреевским флагом —

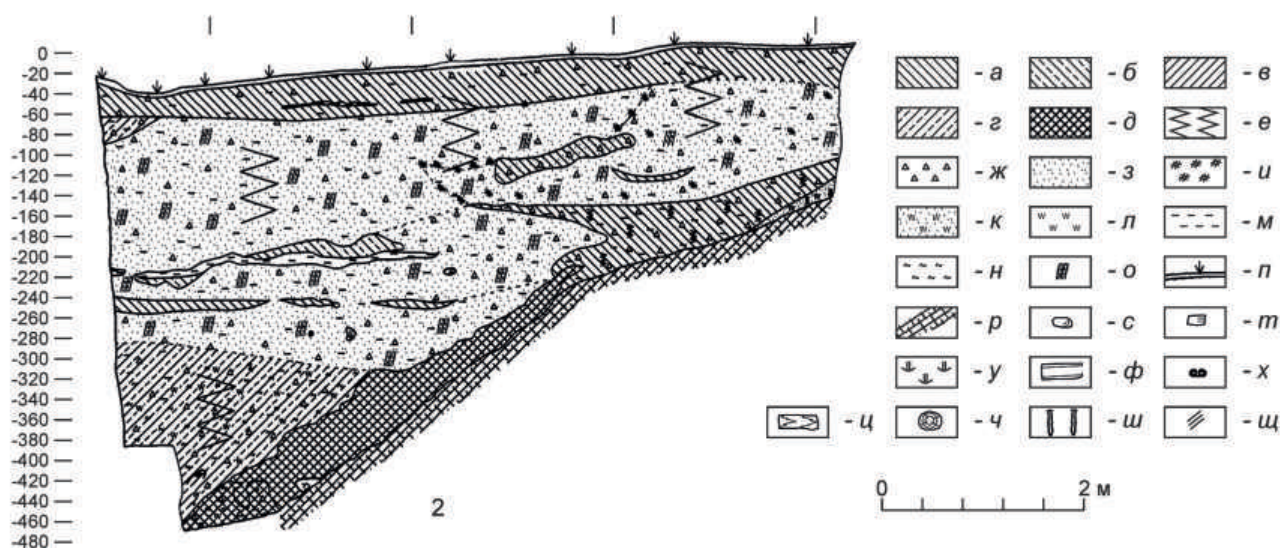
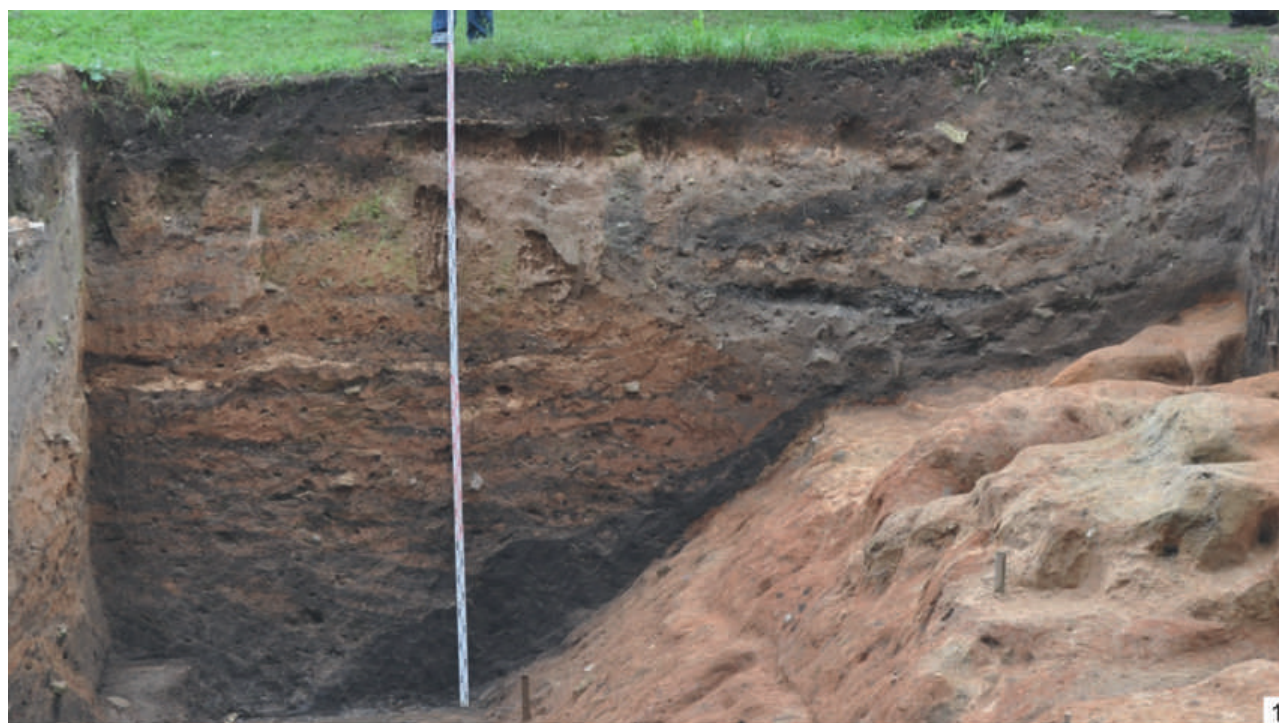

Рис. 2. Раскоп Никольский 5. Разрез вторичного гласиса в восточной стенке: 1 — вид с запада (фото Е. В. Салминой); 2 — чертеж. Условные обозначения для рис. 2, 8: а-д — грунты (а — темно-серый; б — серый; в — коричневый; г — светло-коричневый; д — черный гумусированный); е — знак перемешанности; ж — щебень; з — песок; и — уголь; к — гумусированный песок; л — частицы гумуса; м — глина; н — древесный тлен; о — линза темно-коричневого грунта; п — современная дневная поверхность и современный дерн; р — материковый суглинок; с — валунный камень; т — известняк; у — дерн в плане; ф — бревно; х — береста; ц — доска; ч — столб; ш — колышки; щ — линза коричневого грунта

Fig. 2. Nikolsky (St Nicholas) Excavation 5. Section of the secondary glacial deposit in the eastern wall: 1 — view from the west (photo by E. V. Salmina); 2 — drawing. Keys to Fig. 2, 8: a-d — soils (a — dark grey; b — grey; v — brown; g — light brown; d — black humic); e — mark of the mixed condition; ж — detritus; з — sand; и — charcoal; к — humic sand; л — particles of humus; м — clay; н — decayed wood; о — lens of dark brown soil; п — modern surface and modern turf; р — virgin loam; с — boulders; т — limestone; у — turf in the plan; ф — wooden log; х — birchbark; ц — wooden board; ч — pillar; ш — pegs; щ — lens of brown soil

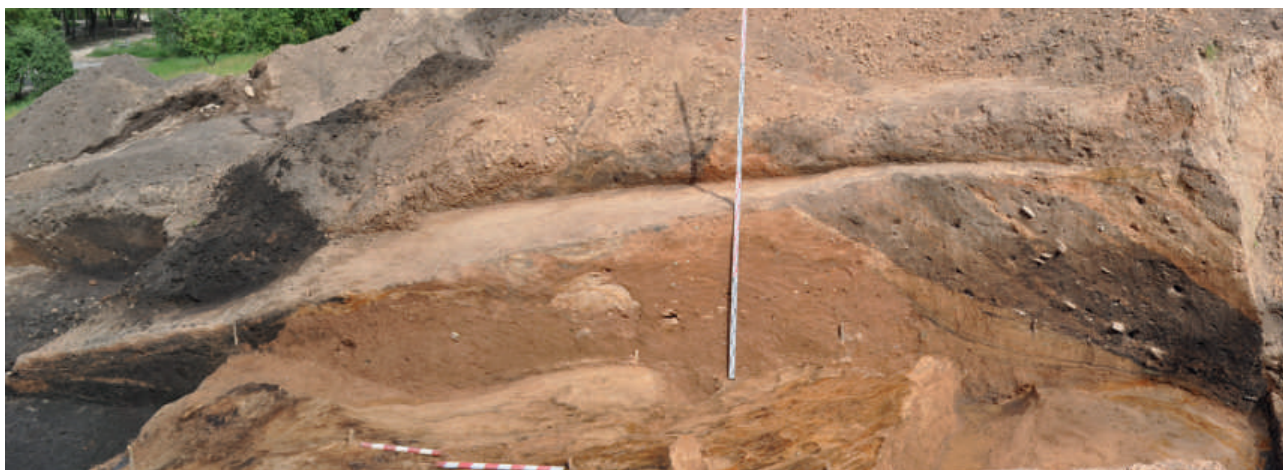

Рис. 3. Раскоп Никольский 5. Разрез насыпи первоначального гласиса. Вид с запада (фото Е. В. Салминой)

Fig. 3. Nikolsky Excavation 5. Section of the embankment of the initial glacis. View from the west (photo by E. V. Salmina)

фишка для игры в «морской бой», значительное количество осколков фарфоровой и фаянсовой посуды производства «Товарищества Кузнецова»), позволяет датировать период заполнения ям первой четвертью XX в. Тогда же или немного ранее (во второй половине XIX — начале XX в.) было выполнено укрепление оврага-спуска с ул. Некрасова на территорию Милицейского Островка (бывш. Островок). Известняковая стена оврага и булыжное замощение спуска фиксировались у южной границы раскопа Никольский 5.

С первой половины XIX в. территория бывшей куртины являлась прогулочным пространством внутри города (Левин, 2009. С. 81). Видимо, с этим связано практически полное отсутствие в раскопах вещевых находок, связанных с этим периодом. На протяжении XIX в. линия эскарпа застраивалась жилыми строениями, частично сохранившимися до нашего времени. Котлован одного из жилых домов, предположительно построенных на рубеже XVIII–XIX вв., прорезал фасовый склон гласиса. В пределах раскопа Никольский 6 были выявлены юго-восточный угол фундамента и часть северной стены этого здания. Пространство котлована между обрезаем гласиса и стенами дома было заполнено дерновой «подушкой», составленной дерновыми пластинами, предположительно нарезанными на берегу р. Псковы, в заболоченной ее части, о чем свидетельствуют отсутствие в конструкции сооружения массовых и индивидуальных находок, высокая сохранность корневых переплетений, прослойки сфагновых мхов внутри дернового пакета. Пластины были скреплены деревянными спицами. При заполнении котлована постройки были использованы те

же приемы, что и при устройстве дернового банкета в верхней части укреплений (см. далее). Возможно, что подвальное помещение было врезано во внешнюю дерновую обкладку куртины.

Возникновение укреплений на рассматриваемом участке связано с возведением псковской земляной крепости после разгрома русских войск под Нарвой в конце ноября 1700 г. Опасение, что шведы двинутся на Псков и Новгород, заставило без промедления заняться реконструкцией мощных, но в значительной мере руинированных псковских крепостных сооружений. Основное внимание было уделено внешнему кольцу укреплений (по трассе стен Окольного города), однако вероятность прихода шведов по льду Псковско-Чудского озера сделала необходимым возведение оборонительных конструкций и на левом (восточном) берегу р. Псковы, внутри основной линии укреплений. Таким образом, дополнительные фортификационные сооружения земляной крепости прошли по верхней береговой террасе, параллельно р. Пскове (вернее, ее небольшой протоке, называемой сейчас Милицейским ручьем).

Этот участок за пределами Среднего города изначально не имел капитальных оборонительных сооружений, и в ходе подготовки к шведскому наступлению укрепления возводились без опоры на фортификационные конструкции более раннего времени. Непосредственно земляными работами в Пскове руководили «инженеры саксонцев Вильгельм Адам Киршенштейн, Ломота де Шампи и Андрей Брыл» (Макеенко, 2011. С. 184–191). Несмотря на второстепенное значение этой линии обороны, в Пскове было проведено масштабное

Рис. 4. Раскоп Никольский 5. Сооружения куртины на уровне выявления кольев палисада. Вид с запада (фото Е. В. Салминой)

Fig. 4. Nikolsky Excavation 5. Structures of the curtain wall at the level of discovery of the stakes of the palisade. View from the west (photo by E. V. Salmina)

строительство, приведшее к значительному изменению первоначального рельефа местности. Одним из характерных приемов было превращение в земляные артиллерийские батареи церквей, располагавшихся на берегу р. Псковы. В числе засыпанных оказались церкви Благовещения Богородицы в Песках и св. Саввы, по которым впоследствии и были именованы батареи.

О ходе работ сообщает в своих «Записках» И. А. Желябужский: «А Новгородъ и Псковъ в томъ же году дѣлали, рвы копали и церкви ломали, полисады ставили с бойницами, а около полисадъ окладывали с обѣихъ сторон дерномъ, также и роскаты дѣлали, а кругомъ окладывали дерномъ. А на работе были драгуны, и солдаты, и всякихъ чиновъ люди, и священники, и всякого церковного чину, мужского и женского полу. А башни насыпали землю, а сверху дернъ клали. Работа была насуменная (?). А верхи с башенъ деревянные, и с города кровлю деревянную все сломали» (Записки Желябужскаго..., 1840. С. 174).

В раскопах период строительства крепости хорошо маркирован слоистым бруствером, в составе которого чередуются слои суглинка и темно-коричневого грунта (рис. 2; 4; 5). В составе бруствера также встречены человеческие кости, нательные крестики и фрагменты лампадных цепочек, что, вероятно, связано с использованием для его возведения земли с территории близлежащих прицерковных кладбищ XVI–XVII вв. Здесь же зафиксированы расположенные в анатомическом порядке кости лошадиной ноги, что, скорее всего, свидетельствует о подобном перемещении грунта из городского скотомогильника или с располагавшейся рядом «Кожевенной нивы».

Отметим, что в насыпи присутствовало крайне незначительное количество фрагментов керамических сосудов. Это связано с тем, что для сооружения укреплений грунт преимущественно брался с нежилой территории города. Причем сосуды в основном датируются XVII в., следовательно, перемещению подвергались в основном верхние слои культурных напластований, что вполне

Рис. 5. Раскоп Никольский 5. Начальный этап выявления вторичного гласиса. Вид с запада (фото Е. В. Салминой)
 Fig. 5. Nikolsky Excavation 5. The initial stage of the discovery of the secondary glacis. View from the west (photo by E. V. Salmina)

объяснимо в условиях зимних земляных работ⁴. Состав вещевых находок однообразен: основную массу составляют оружейные и кресальные кремни, фрагменты штофного стекла, обувные подковки, фрагменты кожаной обуви.

В южной (верхней) части раскопов была раскрыта фасовая стена сооружения, сложенного из крупноразмерных известняковых плит, скрепленных глинистым раствором, а также часть узкого фланкированного прохода, обращенного к реке и выходящего к банкету и палисаду (рис. 3; 6; 7). Основной объем сооружения остался за пределами исследованного участка, что не позволяет уверенно датировать период его возведения. Толщина стен сооружения конструкции значительна и составляет от 0,90 до 1,15 м (север–северо-восток), 0,6 м (северо-запад–запад) и 1 м (юго-вос-

ток–восток). В северо-северо-восточной стене существует «проход» шириной 0,78–0,82 м. Он был замощен плитами-ступенями с перепадом высот 0,05–0,10 м. Сохранились откосы дверного проема, рассчитанные на установку массивной дверной деревянной «колоды», которые имеют глубокие выемки (до 0,12–0,13 м) с внешней стороны стены. Это позволяет предполагать, что двери сооружения открывались наружу. Глубина выемок проемов указывает на то, что колода должна была нести утяжеленное («казематированное») дверное полотно, рассчитанное на сопротивление попыткам выбить его с внешней стороны.

Поскольку кроме приспособления стен к новым методам обороны (переоборудования в куртины), сноса верхних частей башен и пристенных храмов (и заполнения грунтом их объемов) в Пскове были проведены работы по дополнительному усилению циркумвальных сооружений в виде устройства казематированных объемов — кофров, капониров и потерн, то фрагменты сооружения, открытого в раскопе Никольский 5, с высокой долей вероятности могут являться частью подобной конструкции (скорее всего, проходом в каземат или внешним выходом потерны).

⁴ Упомянем здесь о наблюдении, сделанном на материалах близлежащего Новоторговского-10 раскопа (руководители Т. Е. Ершова, А. В. Яковлев), о практическом отсутствии на территории «Гостиного двора гостей московских» отложений, датируемых XVII в. Возможно, это также объясняется использованием верхнего слоя грунта на открытой общественной территории для сооружения земляных укреплений.

Рис. 6. Раскоп Никольский 5. Проход в фасовой стене каземата/потерны. Вид с северо-запада (фото Е. В. Салминой)
 Fig. 6. Nikolsky Excavation 5. Gap in the face wall of the casemate/postern. View from the north-west (photo by E. V. Salmina)

Кроме бруствера и «каземата» на раскопе зафиксированы остатки дополнительных укреплений предстенной территории — банкета, насыпного возвышения для размещения пехоты, и палисада, брусчатого частокола, служившего для укрытия стрелков (рис. 8).

Банкет представлял собой деревоземляную конструкцию высотой до 0,8 м и шириной до 1,0 м. Он состоял из дерновых пластин (предположительно, нарезанных на городских выгонах или пустырях, о чем свидетельствуют высокая сохранность корневых переплетений и практически полное отсутствие находок в массиве сооружения). Толщина формирующих пластин — около 0,15 м. Между собой они соединены деревянными спицами-кольшками, толщиной около 0,02 м и длиной до 0,75 м, забитыми через 0,10–0,25 м. Нижние концы спиц заточены конусообразно, длина «острий» — до 0,1 м. Наибольшая мощность банкета — до 0,95 м — наблюдалась у выхода из потерны, где он перекрывал трубу деревянного дренажа (диаметром около 0,37 м), обернутую листами бересты для улучшения гидроизоляции.

Траншейка палисада сохранилась в виде ступеньки шириной до 0,1 м на суглинистом склоне. Выявлено значительное количество кольев палисада, сброшенных вниз по склону при сооружении более позднего глиняного панциря куртины (полностью сохранились 15 шт., фрагментарно — еще 12 шт.). Наиболее целые колья палисада представляют собой брусья длиной около 2,40–2,45 м и толщиной около 0,08 м. Нижние концы заострены «пирамидкой» на длину около 0,2 м. Кроме того, в конструкцию входили более мощные бревна, на которые опирались звенья палисада. В раскопе выявлено одно такое бревно-связка, диаметром 0,23 м, его длина в пределах раскопа — около 1,2 м.

Основная часть брусьев, открытых в раскопе, лежала на склоне заостренными концами вниз. В нижней части раскопа они располагались поперек, что может свидетельствовать о двойной линии палисада.

Ниже по склону была раскопана насыпь глассиса (преддровной насыпи) куртины, прикрывавшего палисада (рис. 2; 8). Его высота на момент

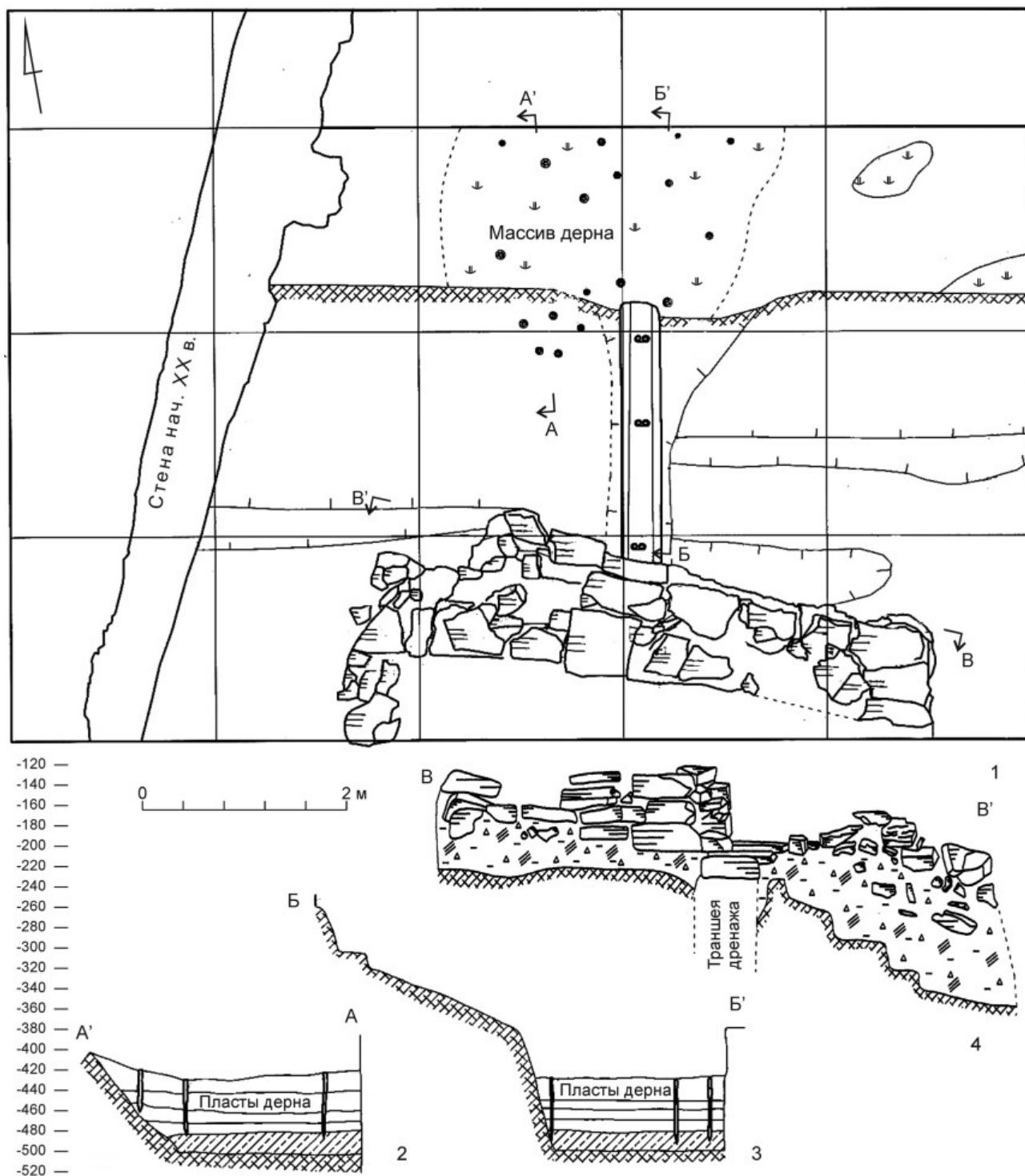

Рис. 7. Раскоп Никольский 5. Каземат и банкет в северо-западной части: 1 — план; 2-4 — разрезы А-А'; Б-Б'; В-В'
 Fig. 7. Nikolsky Excavation 5. Casemate and banquette in the north-western area: 1 — plan; 2-4 — sections A-A'; B-B'; B-B'

Рис. 8. Раскоп Никольский 5. Коля палисада и эскарп. Вид с юго-востока (фото Е. В. Салминой)

Fig. 8. Nikolsky Excavation 5. Stakes of the palisade and escarp. View from south-east (photo by E. V. Salmina)

раскопок составляла около 3,7 м. Верхний слой гласиса был сформирован темно-серым грунтом, перемешанным с глиной. Основной массив тела гласиса представлял собой вал из темно-рыжей глины, насыпанный и утрамбованный в один этап в зимнее время — об этом можно судить по полному отсутствию органических прослоек в глине. Возможно, темно-серый грунт верхнего слоя укрепления образовался в результате укрытия глинобитной насыпи дерновой подушкой. Описанные выше слои содержали значительное число человеческих костей, поэтому с высокой долей вероят-

ности можно предположить, что основным источником материала для создания насыпи в данном случае тоже являлась земля с городских кладбищ.

Ниже уровня гласиса были выявлены две траншеи, идущие параллельно друг другу и линии берега, имеющие ширину около 2 м (южная) и около 0,8 м (северная). Заполнение траншей не содержало вещевых материалов, что затрудняет возможность их датировки. Однако представляется возможным связать их с сообщением ПИЛ от 7011 г.: «а се бы не тот господинъ князь Иван (Иван Горбатый. — Авт.) велѣл стеноу древяноую поставити около Полонища и Бродей, ино все то бы дымом взялося и до старой стены» (ПСРЛ, 2003. С. 88). Заполнение траншей представляет собой сильно гумусированный коричневый грунт, очень влажный, неплотный, в нем встречаются обломки досок, не образующие конструкций.

В 1710–1720-х гг., когда переоборудование псковской крепости было завершено, земляная куртина с идущими вдоль нее банкетом и палисадом была перекрыта мощным панцирем из красного утрамбованного суглинка. В конце XVIII в. на этом участке уже началось строительство жилых и хозяйственных зданий, подвальные части которых, прорезавшие гласис, оказались зафиксированы в пределах раскопа Никольский 6.

Рассматриваемый участок города располагается вне зоны потенциальной новостроечной активности, возможности же проведения исследовательских раскопок в настоящее время здесь маловероятны. Поэтому, информация, полученная в результате работ на Никольских 5 и 6 раскопах, представляет собой уникальный источник сведений об инженерных сооружениях внутренней линии обороны псковской земляной крепости. Важным результатом исследований мы считаем также изменение проекта новых технических трасс таким образом, что траншеи не затронули зафиксированные каменные конструкции. Прошедший через куртину разрез после установки емкостей-отстойников и прокладки труб засыпан песком и утрамбован, поверхность бывшей площади раскопа задернована, исторический рельеф участка полностью восстановлен.

Записки Желябужскаго..., 1840 — Записки Желябужскаго съ 1682 по 2 июля 1709 / [Предисл. Д. Языков]. СПб.: Тип. Имп. Рос. наук, 1840. 314 с.
Лабутина, 2011 — Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XVI вв. М.: Наука, 2011. 342 с.

Левин, 2009 — Левин Н. Ф. Раскопки в Пскове на Лапиной горке // АИППЗ. Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 54 заседания / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков: ИА РАН, 2009. С. 71–82.

- Макеенко*, 2011 — *Макеенко Л. Н.* Инженеры Ламот де Шампии и Вильгельм Адам Киршенштейн — во главе строительства фортификационных сооружений Пскова в 1701 году // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 г.) / Сост. Е. В. Анисимов и др. СПб.: Европейский дом, 2011. С. 184–191.
- ПСРЛ, 2003 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. V, вып. I: Псковские летописи. 256 с.
- Шуньгина*, 1997 — *Шуньгина С. Е.* К вопросу о крепостных сооружениях Древнего Пскова (по материалам раскопов у церкви Св. Петра и Павла с Буя) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал / Ред. кол. В. Н. Лещиков и др. Псков: Псковский ГУ, 1997. № 6. С. 21–28.
- Яковлева*, 1992 — *Яковлева Е. А.* Разведочная траншея на ул. Ленина по трассе стены 1309 г. // АИППЗ: Материалы семинара 1991 г. Псков: б. и., 1992. С. 125–126.

**“...and the palisade was faced with turf on both sides”:
archaeological investigation of the curtain wall of the earthen fortress of 1700–1702
in Pskov**

S. A. Salmin, E. V. Salmina⁵

Keywords: earthen fortress, curtain, glacis, casemate, stockade, Pskov.

In 2014–2015, an area of 270 sq. m between the Savina and Blagoveshchenskaya batteries of the curtain wall of the Pskov earthen fortress was investigated through rescue archaeological excavations. After the defeat of the Russian army in the battle of Narva (1700) the Russian command took measures for strengthening and modernization of the Pskov fortress situated on the route of the potential Swedish offensive. In the course of these activities, additional works were constructed within the main line of the defensives of the city of Pskov on the left (eastern) bank of the Pskova River.

The excavations revealed two glacises of different times and a stone structure (passage to a casemate/gallery) and an adjoining banquette constructed of beds of turf fastened with wooden spikes and a stockade from wooden beams sharpened at both ends. It was established that the structures of the original curtain (1701) were piled up simultaneously while the used volumes of earth were transported from the open urban areas during the cold season of the year. This fact is suggested by the presence of parts of human and animal skeletons remained in the anatomical order. Probably the finds of cross pendants and fragments of icon lamp chains also were related with the use of the soil from the area of the nearby church cemeteries of the 16th–17th centuries. The fragments of the ceramic ware are dated mostly to the 17th century suggesting that in the conditions of the winter earth-moving works, mostly the upper layers of the deposits were possible to use. The main composition of the found artefacts is monotonous: gunflints and firestriker flints, fragments of shtof (bottle) glass, footwear tips and fragments of leather footwear.

Along with the obtaining of the scientific data proper, we can consider as an important result of the investigations of 2014–2015 also the construction alterations of the project of the new technical tracks so that the trenches would not disturb the stone structures of the 18th century buried under the deposits. The historical relief of the area after the completion of the investigations has been restored.

⁵ Sergey A. Salmin — Autonomous non-profit organization “Pskov Archaeological Centre”; 1/1 ul. Herzena, Pskov, 180019, Russia; e-mail: solvarg@yandex.ru. Elena V. Salmina — Laboratory of Socio-Humanitarian Regional Studies, Pskov State University, 2 pl. Lenina, Pskov; Scientific and Expert Department, the State Budgetary Institution of Culture of the Pskov region “Archaeological Centre of the Pskov region”; 1/1 ul. Herzena, Pskov, 180006, Russia; e-mail: muntrik102@yandex.ru.

Кякисалми — Корела (Корельский город). Этапы истории¹

А. И. Сакса²

Аннотация. Статья посвящена истории и результатам археологических раскопок крепости Корела в г. Приозерске на Карельском перешейке, ее эволюции от средневекового племенного городка карел 1294/1295 г. до крепости бастионного типа нового времени. Разные этапы истории «Старой крепости» со всеми изменениями в этническом составе ее жителей наглядно представлены в культурных слоях крепостного двора.

Ключевые слова: крепость Корела, Вуокса, раскопки, культурный слой, материальная культура, карелы, новгородцы, шведы.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-220-232

Крепость Корела в г. Приозерске Ленинградской области находится на берегу Вуоксы примерно в 3 км от Ладожского озера. На противоположном берегу узкой в этой части протоки возвышаются бастионы Новой крепости Спасского острова (рис. 1).

Самое раннее упоминание Корелы относится к 1294/1295 г.: «В лето 6803. Поставиша Свея с воеводою своим Сигом город в Кореле; новгородцы же, шедши, город разгребоша, а Сига убиша, не пустиша ни мужа» (НПЛ, 1950. С. 328; *Кочуркина и др.*, 1990. С. 37). Шведская рифмованная Хроника Эрика дополняет своим рассказом о событиях в Карелии (основание Выборгского замка, поход к Кексгольму) сведения русских летописей новыми подробностями похода на крепость в устье Вуоксы: «Карелов тогда оттеснить он (*наместник в Выборге.* — А. С.) сумел. Все, что имели они, разделил он на области, коих четырнадцать было (*карельские новгородские погосты.* — А. С.) — больших и малых. Кексгольм потом взяли. Город сжигать христиане не стали.

Решили в то время русские мстить — свое поражение им не забыть. В крепости людям еды не хватало. А русское войско внезапно напало. <...> Все же христиане тогда полегли. <...> Сигурд Локке был там убит. <...> Вот как русские крепость ту взяли. Сами ее с той поры укрепляли. Оставили в крепости мудрых людей, чтоб христиан рядом не было с ней» (Хроника Эрика..., 1994. С. 47, 48).

Из этих источников можно сделать заключение, что к приходу шведов у карел в Приладожской Карелии уже был «город» — укрепленное поселение, которое скандинавы разрушать не стали. О постройке ими своих укреплений источники прямо не говорят, однако считается, что шведы, по крайней мере, его укрепили.

Эта попытка шведов взять под свой контроль приладожскую (восточную) часть Карельской земли, центром которой являлась небольшая островная крепость Кякисалми (Корела новгородских источников), не удалась, и новгородцы, осознав опасность, в том же 1294/1295 г. значительно укрепили отвоеванную крепость. В 1310 г. на реке Узерве (Уусиярви — Новая река) они срубили на порогах новый город: «В лето 6818. Ходиша новгородцы в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на порозе нов, ветхыи сметавше». В этом источнике отмечается нахождение «старого города» на порогах и наличие в нем обветшавших укреплений (*Кирпичников*, 1984. С. 125; НПЛ, 1950. С. 92, 93, 333; *Кочуркина и др.*, 1990. С. 40).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: saksa@mail.natm.ru.

Рис. 1. Крепость Корела. Вид с севера (со Спасского острова)

Fig. 1. Fortress of Korela. View from the north (from Spassky Island)

Оставалось неясным само место расположения городка 1294/1295 г. и его связь с Корелой 1310 г. (*Schvindt*, 1898. S. 1; *Громов и др.*, 1963. С. 5–8; *Громов, Шаскольский*, 1976. С. 3; *Кирпичников*, 1979. С. 52–57; 1984. С. 119–128; *Taavitsainen*, 1990. P. 240–242; *Saksa*, 1992; 1998. S. 107–109; *Uino*, 1997. P. 261–269; *Suhonen*, 2004; *Сакса*, 1997; 1999; 2010. С. 220–234). Что касается похода шведов к Кексгольму, то в более раннем переводе Хроники Эрика так говорится об острове: «После того островом там владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к нему» (*Рыдзевская*, 1978. С. 112). Спустя 15 лет строится новая крепость, уже новгородская. При этом «ветхие», по-видимому, отмеченные в источниках 1295 г. укрепления разобрали. Вопрос о том, была ли новая крепость построена на прежнем месте, долгое время оставался открытым, хотя и выдвигались различные предположения.

Летописные известия и рассказ шведской хроники о событиях в Карелии вызвали дискуссию о местоположении первоначального карельского поселения 1295 г. Его помещали как на самом острове, где и поныне находится «Старая крепость» и где с конца XIX в. археологически известны слои с вещами карельских типов,

так и на различных островах в районе устья Вуоксы на территории современного города Приозерск (*Громов, Шаскольский*, 1976. С. 6; *Кирпичников*, 1979. С. 55, 56; 1984. С. 124–126; *Schvindt*, 1898. S. 1; *Taavitsainen*, 1990. P. 240–242; *Uino*, 1997. P. 263, 264; *Saksa*, 1998. S. 108, 109; *Сакса*, 2010. С. 220).

Несмотря на наличие этих дискуссионных вопросов, неясность строительной биографии, планировки, отсутствие данных о первоначальных укреплениях и, наконец, времени основания, планомерные археологические исследования на территории «Старой крепости» в Приозерске были предприняты лишь в 1972–1973 и 1975–1976 гг. А. Н. Кирпичниковым (*Кирпичников*, 1979; 1984. С. 119–144; *Сакса*, 2010. С. 220–223) (рис. 2). До этого в центральной части внутреннего двора крепости в 1891 г. провел небольшие раскопки Т. Швиндт, который нашел «вещи различного времени, из которых нижние относились к формам, обычным для времени язычества в Карелии» (*Schvindt*, 1898. S. 119; *Uino*, 1997. P. 262, 263). После Второй мировой войны, по некоторым данным в 1948 г., в крепости небольшое обследование провела Н. Н. Гурина, найдя при этом фрагменты керамики, бытовавшей приблизительно в X в. Однако о них нет сведений, да и сама

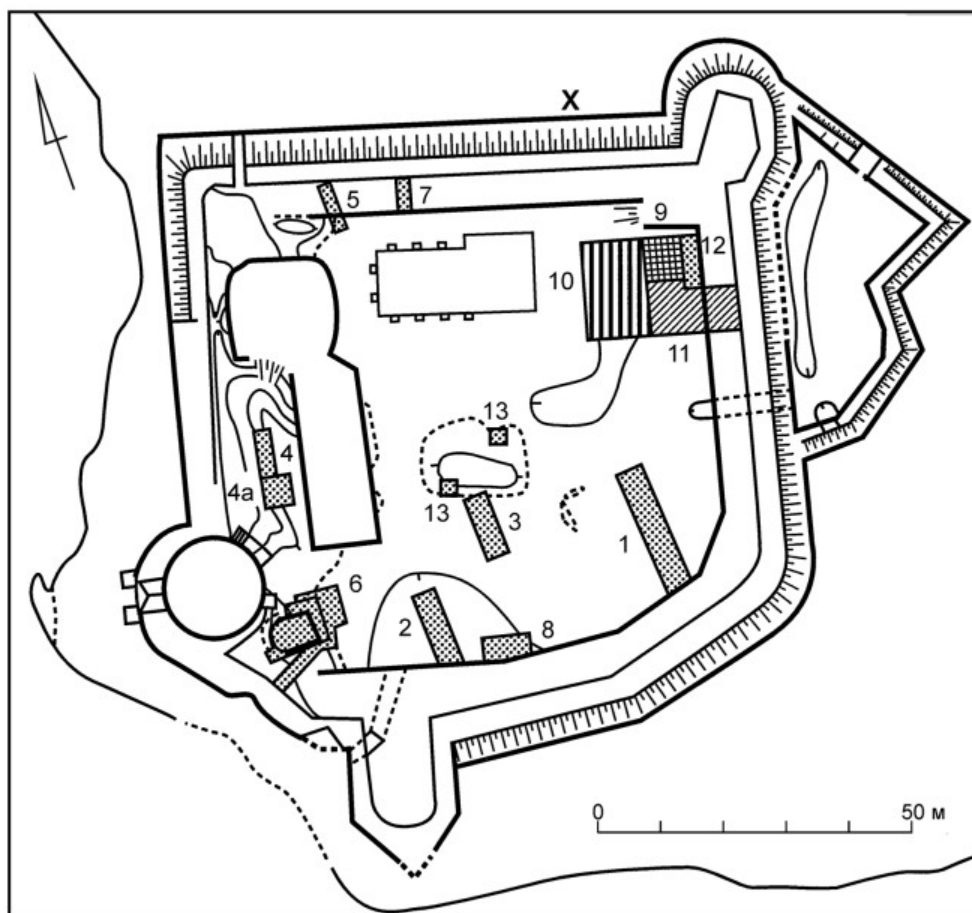

Рис. 2. Крепость Корела. План по А. Н. Кирпичникову (1979 г.): 1–10 — раскопы 1970-х гг.; 11 — раскоп 1989–1990 гг.; 12 — раскоп 1992 г. (куртина); 13 — раскопы 1993 г.; × — шурф за северной стеной крепости

Fig. 2. Fortress of Korela. Plan after A. N. Kirpichnikov (1979): 1–10 — excavations of the 1970s; 11 — excavation of 1989–1990; 12 — excavation of 1992 (wall curtain); 13 — excavations of 1993; × — test pit behind the northern wall of the fortress

исследовательница не подтвердила приписываемое ей открытие (Кирпичников, 1984. С. 121, 122).

Целью работ 1972–1973 и 1975–1976 гг. было дополнить археологическими материалами данные письменных источников по истории города на Вуоксе, изучить культурные напластования, выявить различные этапы строительства крепости и этнический состав ее населения, получить достоверные сведения о постройках и материальной культуре периода средневековья, найти ответ на вопрос о расположении крепости 1294/1295 г. и ее связи с Корелой 1310 г. Раскопы А. Н. Кирпичникова 1970-х гг. охватили значительную часть внутренней площадки крепости (рис. 2). Наиболее перспективный участок обнаружился в северо-восточном углу крепостного двора, где раскопки проводились в течение 1972, 1975 и 1976 гг. (раскопы 2, 9, 10) (Кирпичников, 1979. Рис. 1; 1984. С. 125–134; Сакса, 2010. С. 220, 221, рис. 64).

В 1972 г. в различных частях двора были заложены лишь небольшие раскопы, с помощью которых исследовали стратиграфию культурных слоев. На следующий год в юго-восточном углу крепости изучались остатки построенной в 1364 г. посадником Яковом каменной башни, расположенной у Круглой башни 1582–1585 гг. (рис. 2). В 1975 и 1976 гг. исследовался северо-восточный угол крепостного двора. В результате работ 1970-х гг. выявлено, что культурные остатки, связанные с периодом средневековья, подразделяются на два утолщающихся к краям острова строительных горизонта общей мощностью 0,5–2,6 м. Толщина верхнего горизонта, зафиксированного на глубине 0,5–0,7 м (у края острова на глубине до 1,5–2,6 м от дневной поверхности), составляла 0,2–0,9 м. Его дендрохронологическая дата — 1360–1380 гг. Границей между ним и лежащим ниже горизонтом является углистый слой,

сопоставимый с упомянутым в летописи пожаром 1360 г.

Общая толщина нижнего горизонта 0,3–1,0 м. Дендрохронологически он относится к 1310–1360 гг. Дерево в культурном слое значительно лучше сохранилось в окраинной части «города». При разборке нижнего строительного горизонта в разных местах острова обнаружено восемь срубных жилищ со сторонами 3,5–5,0 м и печами в одном из углов. Для увеличения площади острова строители возвели по его краю подкладочную деревянную платформу, на которой установили дома и, вероятно, круговые укрепления из городней. По расчетам А. Н. Кирпичникова, в крепости 1310 г. было построено 100–110 изб с населением — включая женщин и детей — 300–330 человек (Кирпичников, 1979. С. 59, 60). При исследовании нижнего строительного горизонта в соседстве с русскими изделиями встречены вещи карело-финского облика, что приводит к заключению, что наряду с новгородцами в «городе» проживало также местное карельское население, что согласуется с известиями летописи и хорошо видно по составу вещевых находок (Кирпичников, 1979. С. 52–57; 1984. С. 126; Кирпичников, Сакса, 2002. С. 137–139; Сакса, 2010. С. 221–223).

Постройки верхнего горизонта сохранились хуже. Подавляющее большинство изделий, обнаруженных в нем, бесспорно связано с русским городским ремеслом. Первоначальные укрепления Корельского городка при раскопках выявлены не были; они, вероятно, перекрыты трассой фортификационных сооружений позднейшей поры. Из летописи известно, что после тотального пожара 1360 г. городские укрепления были усилены боевой каменной башней — «костром», открытой при раскопках 1972 г. в юго-западном углу крепости (Кирпичников, 1979; 1984. С. 122–144, рис. 57–60).

Ниже горизонта 1310–1360 гг. следовал слой крупнозернистого песка, принятый автором раскопок за материк. А. Н. Кирпичников, рассматривая вопрос о соотношении первоначально упомянутой в летописи карельской крепости Кякисалми (1294/1295 г.) и построенного новгородцами в 1310 г. «города», приходит к выводу, что «Корельский городок» (Корела) был заново построен на новом месте и, следовательно, предшествующую карельскую крепость надо искать на иной территории. Строительство 1310 г. осуществлялось по единому плану и в течение короткого срока (Кирпичников, 1979. С. 56–57; 1984. С. 126).

Исследователь полагал, что карельский «город» Кякисалми мог находиться в устье Вуоксы на месте сожженного шведами в 1573 г. деревянного монастыря Иоанна Предтечи, упомянутого в неопубликованной записи в писцовой книге Водской пятины 1568 г., в которой упоминается «городище»: «...Да под Ивановским же монастырем на усть реки Узервы у городища монастырская мельница» (Кирпичников, 1984. С. 124).

В 1989 г. экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством автора данной работы приступила, по инициативе А. Н. Кирпичникова, к новому циклу исследований на территории крепости в Приозерске. В 1989 и 1990, 1992 и 1993 гг. нами были проведены археологические раскопки в северо-восточном углу крепости, к западу от раскопа А. Н. Кирпичникова (Сакса, 1997; 1999; 2010. С. 220–234; Kankainen ja muut, 1995; Saks ja muut, 1990; Uino, Saks, 1993; Vuorela ja muut, 1992; Zetterberg ja muut, 1995) (рис. 2, 11, 12). В 1992 г. исследовалась примыкающая к раскопу с восточной стороны куртина, а в 1993 г. — фундамент кордегардии 1780 г. (рис. 2, 11–13).

Целью работ было получение новых данных о культурном слое и, прежде всего, наиболее древних его напластованиях, учитывая опыт и материалы раскопок 1970-х гг. и оставшиеся невыясненными при раскопках 1970-х гг. вопросы, относящиеся главным образом к наиболее ранним горизонтам. Начиная свои исследования, я исходил из предположения, что старые крепостные укрепления были разобраны новгородцами именно потому, что на их месте предполагалось построить новые, отвечающие современным на то время требованиям. Иначе зачем тогда нужно было уничтожать уже находящиеся в плохом состоянии старые укрепления? Поэтому одной из задач исследований было найти лежащие непосредственно на бесспорном материке остатки построек и датировать их. По этой причине раскоп площадью 50 кв. м заложили в северо-восточном углу крепостного двора, с западной стороны от участка, изученного в 1975 и 1976 гг., то есть между раскопом 10 А. Н. Кирпичникова 1976 г. и куртиной крепости (рис. 2, 11). С северной стороны он примыкал к раскопу 9 1975 г.

Площадь исследования 1989–1990 гг. делилась на две части, большую из которых занимали остатки массивной каменной шведской постройки второй половины XVII в., стены которой толщиной 2 м сохранились на высоту 0,8–2,0 м. Ее восточная часть осталась внутри куртины. Вход

в нее был с западной стороны, и от него остался большой плоский камень. Время строительства этого мощного каменного дома можно определить по картам шведского времени. Соответствующее сооружение видно на плане 1680 г. На предыдущей по времени карте 1650 г. его еще нет, так же как и на более поздней — 1697 г. Следовательно, рассматриваемую постройку соорудили между 1651 и 1680 г. Именно в эти годы в крепости производились масштабные строительные работы, спрямлялись линии стен, менялись формы бастионов, во дворе появились новые дома (*Schvindt*, 1898. S. 89, 91; *Сакса*, 2010. С. 225). Эта деятельность продолжалась и позднее, потому что восточная куртина новой крепости перекрыла стену этой постройки, сооруженной до 1697 г., которая была поставлена непосредственно на бревна выявленного в западной половине раскопа горизонта дерева. Это был настил из толстых бревен, уложенных в направлении северо-северо-запад-юго-юго-восток, под которыми лежали несколько поперечин (*Сакса*, 2010. Рис. 69, вкладка), датируемый дендрохронологически серединой — второй половиной XIV в. Внутри каменной постройки расчищены нижняя часть сруба с полом из тонких стволов ели и досок, а также нижний венец другой постройки, ушедшей за пределы раскопа. Доски пола датируются концом XIII в., а расчищенное под ними толстое бревно — первой половиной этого столетия. Оно находилось в самой нижней части культурных напластований на поверхности слоя крупнозернистого песка и было установлено на больших камнях. Упомянутое бревно представляет, вероятно, предшествующий концу XIII в. строительный горизонт (*Zetterberg ja muut*, 1995; *Сакса*, 2010. С. 226, 227).

В западной части раскопа (за пределами шведской постройки XVII в.) под строительным мусором расчищен слой темной влажной земли мощностью 0,2–0,4 м с древесной щепой. В нем найдено большое количество керамики, костей домашних животных и вещи: четырехконечный нательный крест из янтаря, на поверхности которого процарапан православный крест, игральная фишка и восемь вислых свинцовых печатей (*Сакса*, 2010. С. 225–231, рис. 67; 71–73). Последние найдены в пределах одного квадрата и относятся к наместникам новгородского владыки, утверждавшим акты землевладения. Они являются остатком небольшого «семейного» архива и датируются серединой — третьей четвертью XV в. (*Сакса*, *Янин*, 1996; *Сакса*, 2010. С. 225, 226,

рис. 67). Никаких остатков построек в этом слое не было. Они, очевидно, были уничтожены при строительных работах в этой части крепостного двора в конце XVI — XVII в. Их следы были нами зафиксированы в самом начале работ в виде темной земли с большим количеством камней, кусков застывшего известкового раствора, обломков кирпичей, стекла, фрагментов посуды, костей животных, гвоздей. В юго-западном углу раскопа, на месте находки печатей, зафиксирована линза глины диаметром 1,0 м и толщиной 0,2 м. Там же были камни, уголь и зола — вероятные остатки печи. Обращает на себя внимание факт отсутствия слоев московского времени (последняя четверть XV — XVI в.). При раскопках куртины в 1992 г. эта загадка раскрылась — эти слои составили ее заполнение.

Объектом исследований 1992 г. была восточная куртина: раскоп этого года (30 кв. м) стал продолжением участка исследований 1989–1990 гг. к востоку (рис. 2, 12). Проведенное нами изучение этого фортификационного сооружения показало, что внутри него сохранилась более ранняя каменная стена толщиной до 2 м, которая и служила восточной (задней) границей рассмотренной нами постройки (*Сакса*, 2010. Рис. 68, вкладка) (рис. 3). Эта стена прослежена также на месте северо-восточного бастиона крепости. Когда появилась необходимость (вероятно, в конце XVII в., но, судя по шведским картам, до 1697 г.) построить на ее месте новые укрепления бастионного типа, пришлось разобрать это массивное каменное сооружение до уровня дневной поверхности того времени.

В связи с вновь открытой стеной интересно отметить, что выявленный в раскопе 1989–1990 гг. горизонт дерева XIV в. продолжался не только под каменной постройкой, но и под этими укреплениями. Под их основание были положены лишь толстые продольные бревна, то есть массивная каменная стена XVII в. была поставлена на бревенчатую платформу XIV в.!

Следовательно, ограниченная куртинами территория не соответствует площади крепости новгородского времени. Она в этой части выходила за пределы укреплений конца XVII в. В 1990 г. с внешней стороны северной куртины, у ее основания и напротив раскопа, нами был заложен шурф размерами 2 × 2 м. В нем был выявлен отчетливый культурный слой: темная земля, дерево, камни и керамика. Значит, и в эту сторону он продолжался в средневековье,

Рис. 3. Крепость Корела. Каменная стена XVII в. Вид с севера

Fig. 3. Fortress of Korela. Stone wall of the 17th cen. View from the north

за пределы стен фортификационных сооружений нового времени. Но ведь известно, что это был остров, полностью окруженный водой, которая, судя по картам XVII–XVIII вв. и гравюрам XIX в., подходила непосредственно к стенам Кексгольмской крепости. В этой связи встает вопрос об уровне р. Вуоксы в средневековье и более позднее время, до искусственного спуска воды в реке на месте современного пос. Лосево (Кивиниеми) в 1857 г. Проведенные нами в конце июля 1990 г. замеры показали, что разница в уровнях нижнего, находящегося на глубине около 3 м от современной дневной поверхности, горизонта и воды в Вуоксе на это время составляет 0,34 м. Другими словами, гидрологическая ситуация здесь в XIII и XIV вв. была близка к современной, то есть на месте полноводной реки XVII — первой половины XIX в. в средневековье были пороги, что полностью соответствует летописным известиям — «и срубиша город на порозе нов». Остается добавить, что упомянутая в новгородских летописях Узерва переводится как Ууси ярви — Новое озеро (имеется в виду расположенное у крепости озеро Вуокса). И лишь с поднятием и наклоном

придавленной ледником земной поверхности Вуокса все в большей степени наполнялась водой. Оставалось только найти предшествующий новгородской Кореле XIV в. карельский Кякисалми XIII в.

Работы 1993 г. носили прикладной характер. Следовало определить состояние фундамента здания кордегардии 1780 г., которое предполагалось восстановить. Исследованы были юго-западный (12 кв. м) и северо-восточный (8 кв. м) углы основания здания (рис. 2, 13).

Основным, давшим стратиграфию всех культурных напластований, хорошо сохранившиеся горизонты дерева и большое количество предметов материальной культуры, был раскоп 1989–1990 гг. (рис. 2, 11; 4). Он и являлся полигоном, на котором использовались и отработывались методы полевой археологии и естественных наук, принятые в России и Финляндии. Результаты работы этой Российско-Финляндской междисциплинарной экспедиции подробно представлены на международных и региональных конференциях и опубликованы в различных изданиях (см.: *Saksa*, 1998. S. 107–125; *Сакса*, 2010. С. 220–234; *Uino*, 1997. P. 261–269).

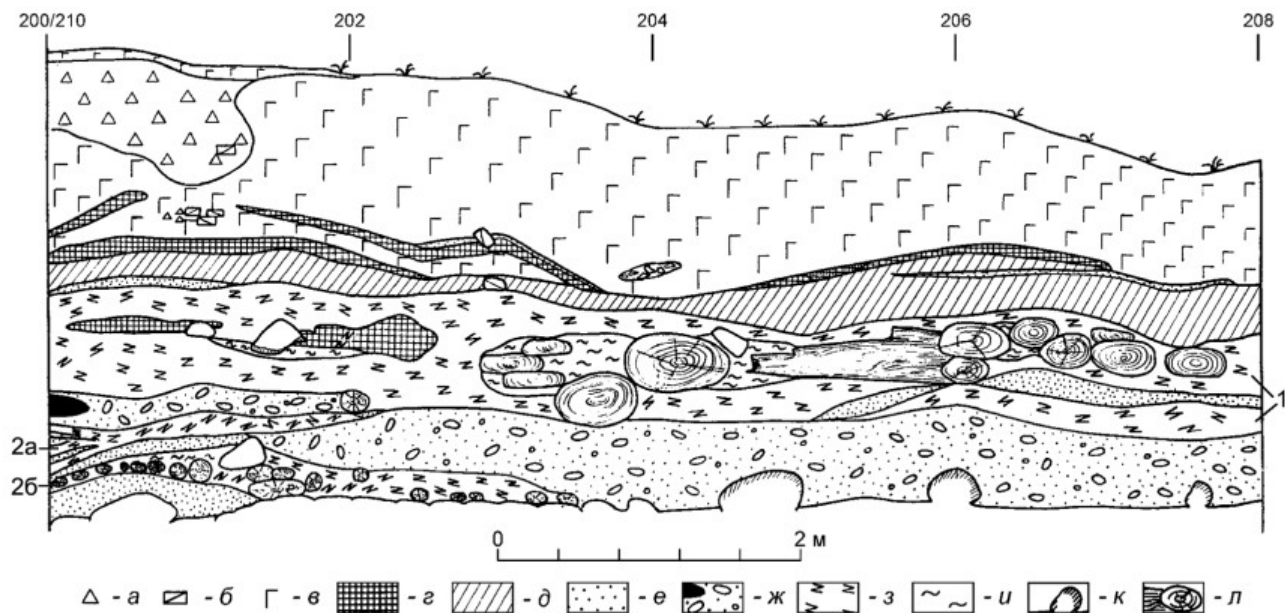

Рис. 4. Крепость Корела. Стратиграфия раскопа 1989–1990-х гг. по западной стенке раскопа: а — куски извести; б — обломки кирпичей; в — строительный мусор; г — глина; д — черный «жирный» гумус; е — песок мелкозернистый; ж — песок крупнозернистый с включениями мелких камней и угля (линза); з — щепа; и — древесный тлен; к — крупные камни на материке; л — бревна. 1 — горизонт деревянной застройки новгородской Корелы со слоями древесной щепы (XIV в.); 2а, 2б — остатки строительной деятельности на горизонте первоначального карельского укрепленного поселения Кякисалми (XIII в.)

Fig. 4. Fortress of Korela. Stratigraphic scheme of the excavation of the 1989–1990s along the western edge of the excavation: а — lumps of lime; б — brick debris; в — construction trash; г — clay; д — black “fat” humus; е — fine-grain sand; ж — coarse-grain sand with inclusions of small pieces of stone and charcoal (lens); з — wood chips; и — decayed wood; к — large stones over the virgin layer; л — logs. 1 — horizon of wooden buildings of Novgorodian Korela with layers of wooden chips (14th cen.); 2а, 2б — remains of building activities over the horizon of the initial Karelian fortified settlement of Käkisalmi (13th cen.)

Остановимся кратко на основных результатах работ. Вся верхняя часть земли в раскопе состояла из строительного мусора — остатков находившихся здесь ранее, но впоследствии разобранных построек XVII–XVIII вв. Под ним фиксировались тонкие слои и линзы глины, ниже которых следовал слой черной «жирной» земли толщиной 0,2–0,4 м, в котором было много древесной щепы. В нем встречены обломки гончарных сосудов и упомянутые вещи (крестик, фишка и свинцовые печати) (Сакса, 2010. С. 225–231, рис. 67; 71–73). Большую часть раскопа занимала каменная постройка шведского времени, отмеченная на карте 1680 г. (Schvindt, 1898. S. 91, приложения).

Ниже слоя черной земли на глубине 2,3–2,5 м (от дневной поверхности) был выявлен горизонт дерева, представлявший собой в западной части раскопа настил из толстых бревен, на который была поставлена каменная постройка (Сакса, 2010. Рис. 69, вкладка) (рис. 5, 1). Однако внутри этой постройки зафиксирована нижняя часть

сруба с полом из тонких стволов и досок, а также угол второго, уходящего под куртину, схожего сооружения. Для этого горизонта имеется серия дендрохронологических и радиоуглеродных дат. Датирование произведено в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, в лаборатории Геологической службы Финляндии и в отделе экологии Университета Йоенсуу (дендрохронология). В общей сложности, датированные семь спилов относят его ко времени 1330–1370-х гг., и, учитывая, что кора не сохранилась и бревна могли утратить по различным причинам верхние кольца, эту дату можно еще омолодить (Zetterberg ja muut, 1995). Внутри каменной постройки при разборке основания сруба с полом ниже его на слое крупнозернистого песка прослежено одно отдельное бревно. Поскольку составляющие нижний венец сруба бревна были плохой сохранности, для радиоуглеродного датирования был взят образец дерева из пола, давший дату — конец XIII в. (Kankainen ja muut, 1995; Saks, 1998. S. 115; Saks

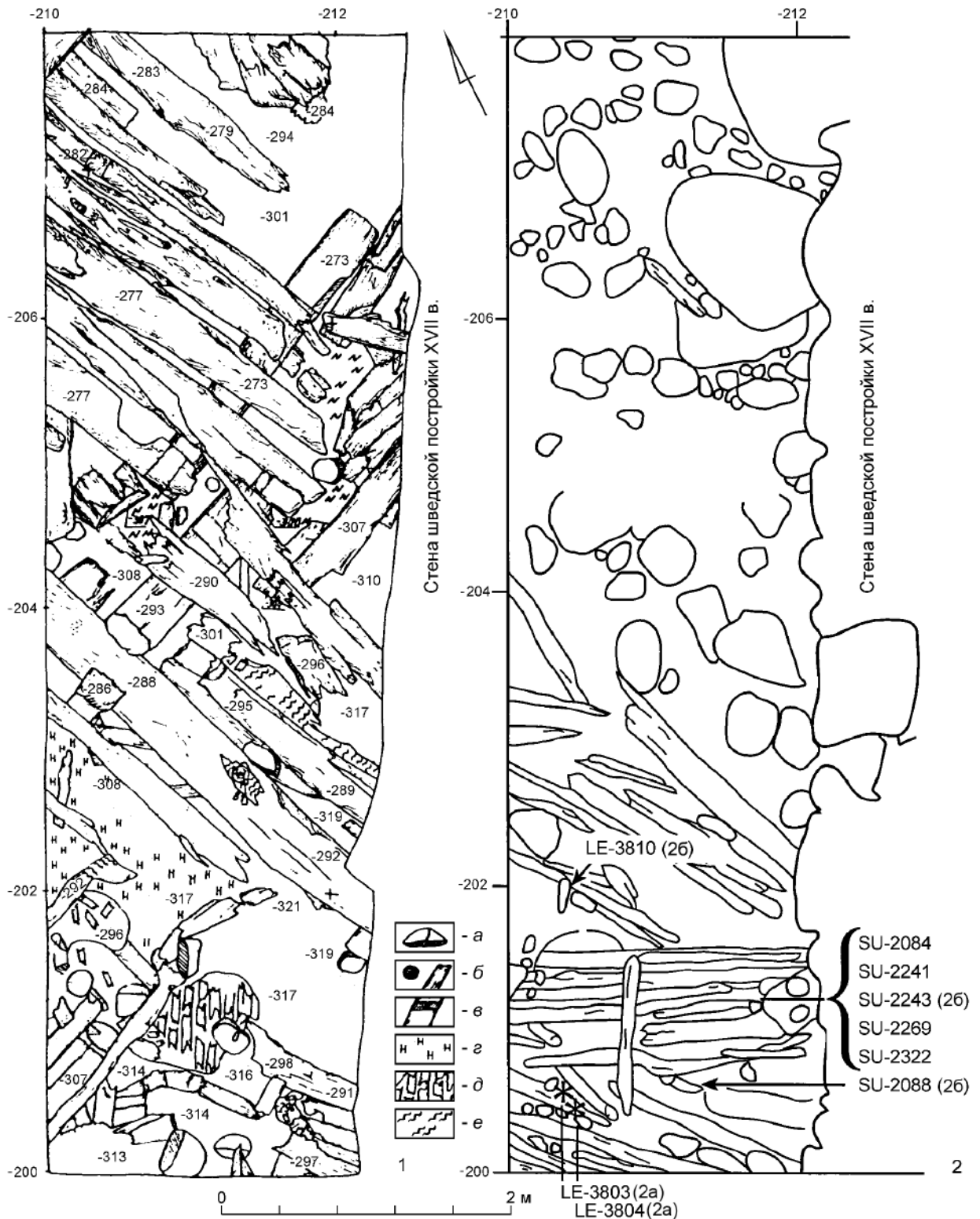

Рис. 5. Крепость Корела. Раскопки 1990 г.: 1 — горизонт дерева XIV в., план (а — камень; б — дерево; в — сруб; г — труха; д — щепки; е — древесный уголь); 2 — нижний горизонт дерева, план, с обозначением мест взятия образцов для радиоуглеродного датирования. В скобках — горизонты на рис. 4

Fig. 5. Fortress of Korela. Excavations of 1990: 1 — horizon of wood of the 14th cen., plan (a — stone; б — wood; в — wooden framework; г — rotten wood; д — wooden chips; е — charcoal); 2 — the lower horizon of wood, plan with indication of the spots of sampling for radiocarbon dating. In parentheses are the horizons in Fig. 4

ja muut, 1990; *Uino*, 1997. P. 265, 266). Налицо противоречие в датировке лежащих на одном уровне бревен в разных частях раскопа. Его можно объяснить использованием двух методов датирования, если бы конструктивно эти участки не различались. В западной стороне участка бревна составляли платформу, а внутри постройки за каменной стеной обнаружены были срубы, поставленные на слои крупнозернистого песка. Под платформой прослеживался слой щепы и песка, а лишь затем следовал пласт такого же песка с включением мелких камней. В этом горизонте дерева были найдены грузила и поплавок от рыболовных сетей, пряслица, обломки кремня, донышко от берестяного туеса, поясная пряжка. Есть основания полагать, что на этом небольшом участке мы столкнулись со следами отраженных в новгородской летописи и шведской хронике событий 1294/1295 и 1310 гг., связанных с переходом уже существующей на то время карельской крепости к шведам, а затем вскоре — к новгородцам, ее укреплению и, наконец, с постройкой новгородцами нового «Карельского городка».

Чрезвычайно интересным оказался слой крупнозернистого песка толщиной 0,4–0,6 м, ранее принимаемый за материк. Он начинался на глубине 1,8–2,2 м от дневной поверхности (*Сакса*, 2010. С. 224, рис. 66). В этом слое зафиксированы прослойки древесной щепы, а также обнаружено значительное количество различных предметов, изделий из металла, дерева, кожи. Среди находок преобладают пряслица, грузила для сетей, точильные камни, обломки пластин и капли застывшего медного сплава. Много керамики, бус, украшений из бронзы, в том числе и карельских типов (*Там же*. С. 227–229, рис. 70–72) (рис. 6). Из бытовых предметов выделяются два цилиндрических замка. Никаких деревянных конструкций в этом горизонте не обнаружено. Слои щепы, наиболее интенсивный из которых зафиксирован в средней части слоя крупнозернистого песка (толщиной 0,05–0,10 м), а также вертикально стоящие кольца свидетельствуют о какой-то деятельности на острове в момент возникновения этого слоя. Об этом же свидетельствует более мощная прослойка щепы и обрезков дерева в юго-западном углу раскопа, выступавшая своеобразным клином, основная часть которого скрыта за пределами участка исследований.

Анализ находок из верхней и нижней частей слоя песка показывает, что между ними нет какой-либо значительной разницы во времени.

Песок также не различается по структуре и происходит из одного места. Наличие в нем украшений карельских типов (рукоятей ножей (рис. 6, 1–3), овально-выпуклых и подковообразных фибул (рис. 6, 5, 7), крестовидных цепедержателей и их фрагментов (рис. 6, 11)) и керамики, среди которой имеется характерная именно для карельских городищ форма с прямым венчиком и тремя валиками на внешней стороне, приводит к предположению, что песок на окраинную часть острова был привнесен с территории, на которой уже существовали культурные отложения.

В средней части острова находилось возвышение, где, по-видимому, и располагалось первоначальное карельское поселение, а еще ранее, вероятно, был могильник. Предположение основывается на находке в слое вещей последней четверти I — начала II тыс. н. э. (равноплечных фибул эпохи меровингов (рис. 6, 12) и эпохи викингов; обломков пластинчатых браслетов с тремя рельефными валиками на поверхности; топора; некоторых типов бус; подковообразной фибулы типа 10, по Х. Сальмо (рис. 6, 5)) (*Salmo*, 1956. S. 46–54; *Сакса*, 2010. С. 229–231, рис. 71, 1–5, 7–13; рис. 72, 6–8, 12; 73, 7, 12–13), а также на отсутствии в слое лепной керамики, что нехарактерно для культурного слоя поселения, но обычно для могильников VII–XI вв. в Восточной Финляндии и Карелии. Ниже этого слоя, на глубине 2,6 м от дневной поверхности, в юго-западной части раскопа выявлен еще один горизонт дерева, лежащий непосредственно на материке — голубой глине, неровности которого сnivelированы подсыпкой из мелкозернистого песка (*Сакса*, 2010. С. 229–232, рис. 66, 74). Это край первоначального поселения, представленный лежащими в направлении запад–восток бревнами, составляющими прибрежную платформу. Этот нижний горизонт был поставлен на камни и синюю материковую глину древней поверхности острова (рис. 5, 2). В раскопе фиксируется самый край этого первоначального поселения, которое было значительно меньшим по размерам относительно более поздних строительных горизонтов. Целая серия радиоуглеродных дат относит время его существования к XIII в. (AD 1225±12) (*Сакса*, 2010. С. 232, рис. 74; *Kankainen ja muut*, 1995; *Saksa*, 1992. S. 16, 17; 1998. S. 116–125; *Сакса*, 2010. С. 229; *Uino*, 1997. P. 266, 267).

Раскопки 1989–1990 гг. выявили еще одну особенность, связанную с этой островной крепостью. Общий характер гидрологической ситуации в районе реки Вуоксы рассмотрен ранее,

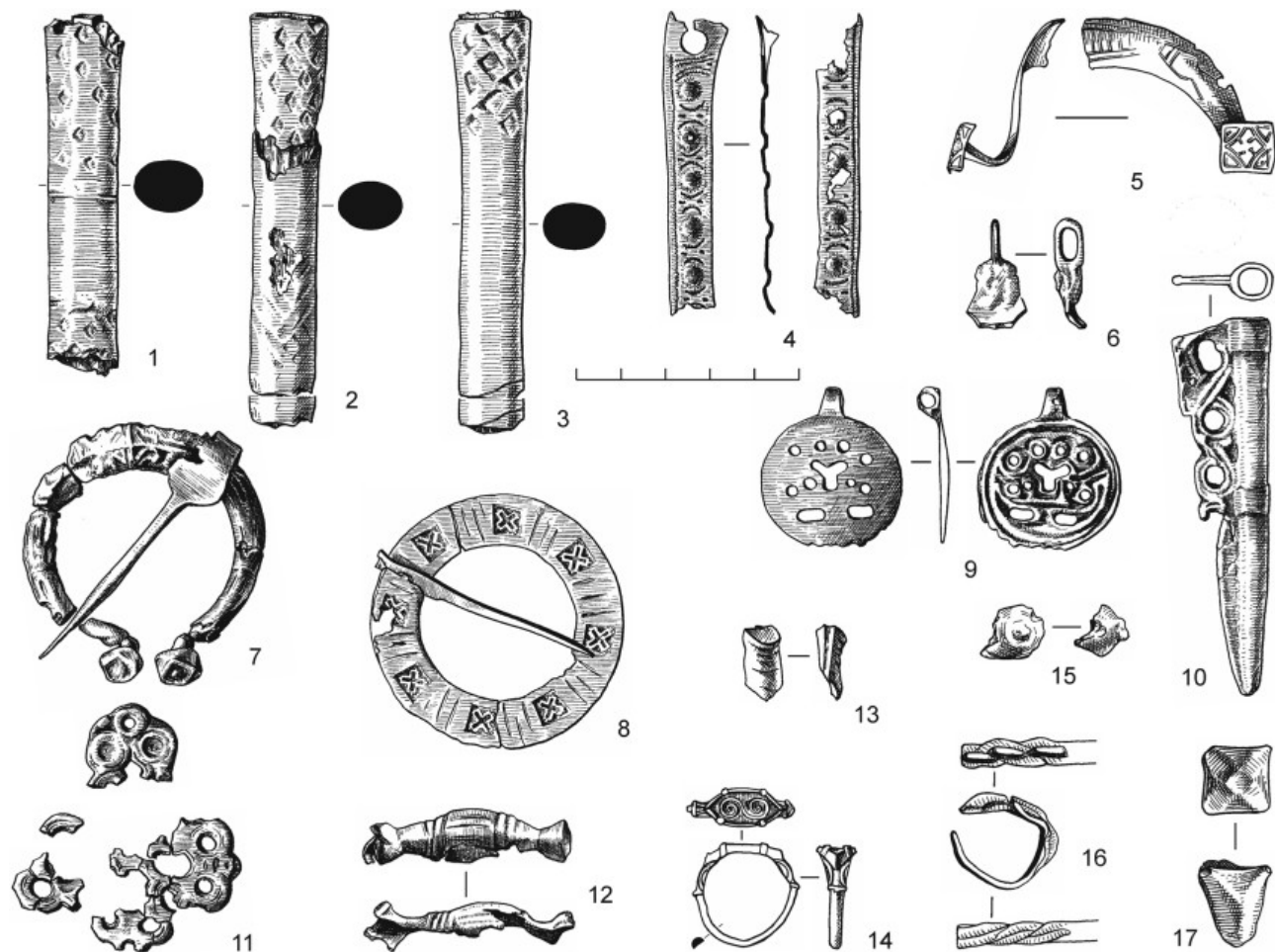

Рис. 6. Крепость Корела. Раскопки 1990 г. Находки из нижних горизонтов: 1-3 — рукояти ножей; 4 — орнаментированная пластина; 5, 7, 8, 12 — фибулы; 6 — ушко подвески; 9, 10 — подвески; 11 — крестовидный цепедержатель; 13, 15, 17 — фрагменты предметов; 14, 16 — перстни

Fig. 6. Fortress of Korela. Excavations of 1990. Finds from the lower horizons: 1-3 — knife grips; 4 — decorated plate; 5, 7, 8, 12 — brooches; 6 — suspension eye of a pendant; 9, 10 — pendants; 11 — cross-shaped chain holder; 13, 15, 17 — fragmentary objects; 14, 16 — signet rings

здесь лишь подчеркнем, что на момент возникновения первого поселения на острове уровень реки был близок к современному и на этом участке находились пороги, отмеченные новгородской летописью. Таким образом, совершенно ясно, что вся история древнего Корельского городка связана с этим островом. Постоянный подъем уровня воды Вуоксы, связанный с наклоном и поднятием земной коры на территории Финляндии и Карельского перешейка, а также вражеские набеги вынуждали укреплять и расширять остров, поднимая его берега и сооружая деревянные настилы. Следы этой деятельности, отмеченные также летописью под 1294/1295 и 1310 гг., хорошо выявились при раскопках 1989–1990 гг.

В итоге можно заключить, что цикл проведенных в 1970-х гг. под руководством А. Н. Кирпичникова раскопочных работ и исследования средневековых напластований в древней Кореле не только раскрыл характер застройки города и его материальной культуры, но и определил узловые моменты будущих раскопок. Последние, в свою очередь, поставили целый ряд новых вопросов: происхождение вещей VIII–XI вв. в культурном слое; размеры и особенности застройки нижнего горизонта XIII в.; занятия его жителей; последовательность строительных этапов и связанной с ними динамики расширения острова; особенности материальной культуры на каждом из них; изменение гидрологической обстановки

на протяжении всей истории существования крепости на Вуоксе. В настоящий момент можно все же утверждать, что главными в занятиях жителей первоначального карельского поселения наряду с рыбной ловлей были ремесло и торговля. Достаточное развитие получило и сельское хозяйство, в окрестностях крепости, как явствует из последних палеоботанических исследований, уже в XIII в. существовали постоянно обрабатываемые поля (*Lempäinen*, 1995; *Uino*, 1997. Р. 156–164; *Сакса*, 2010. С. 229–234). Эта ориентация на сложение и развитие торгово-ремесленного и укрепленного племенного центра сохранялась на протяжении всего средневековья.

Факт возникновения к концу XII — XIII в. на Вуоксе новой системы крепостей, ориентированных также и на торгово-ремесленную деятельность, фиксирует этап сложения качественно нового территориального и этнокультурного образования — Карельской (Корельской) земли. В основе жизнедеятельности ее населения лежали в значительной мере определяющиеся географическим положением факторы: удобные водные

пути, возможности пушной охоты и торговли, плодородные земли. Системообразующую роль играла озерно-речная система Вуоксы, на территории которой и концентрируется основной массив средневекового населения. Основным элементом системы расселения была деревня, как правило, однодворная, с прилегающими к ней земельными и прочими угодьями, а также находящимся рядом кладбищем. Общими могли являться наиболее богатые рыбой места ловли, оборона, торговые операции и другие формы экономической деятельности, требующие больших усилий. В основе безопасности этой экономически и культурно процветающей системы помимо рассмотренных выше укреплений и поголовного вооружения мужского населения лежали также хорошо отлаженные политические и торгово-экономические взаимовыгодные связи с Новгородом. С последней четверти XIII в. их характер меняется в сторону наибольшей зависимости от Новгорода в связи с изменившейся внешнеполитической ситуацией — Карелия стала порубежной территорией.

Громов, Шаскольский, 1976 — *Громов В. И., Шаскольский И. П.* Приозерск. Л.: Лениздат, 1976 (Города Ленинградской области). 160 с.

Громов и др., 1963 — *Громов В. И., Потемкин Л. П., Шаскольский И. П.* Приозерск. Исторический очерк. Корела–Кексгольм–Приозерск. Л.: Лениздат, 1963. 147 с.

Кирпичников, 1979 — *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Карелы // Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (15–17 ноября 1976 г.) / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979. С. 52–73.

Кирпичников, 1984 — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.

Кирпичников, Сакса, 2002 — *Кирпичников А. Н., Сакса А. И.* Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 134–144.

Кочуркина и др., 1990 — *Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск: Карелия, 1990. 140 с.

НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 612 с.

Рыдзевская, 1978 — *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М.: Наука, 1978. 240 с.

Сакса, 1997 — *Сакса А. И.* Город Корела — центр приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии / Под ред. А. Н. Кирпичникова и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 179–185.

Сакса, 1999 — *Сакса А. И.* Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 192–205.

Сакса, 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.

Сакса, Янин, 1996 — *Сакса А. И., Янин В. Л.* Свинцовые печати из раскопок в Кореле // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 1996. Вып. 10. С. 187–194.

Хроника Эрика..., 1994 — *Хроника Эрика* / Пер. со шведского А. Желтухина; послесловие и коммент. А. Желтухина и А. Сванидзе. Выборг: Фантакт, 1994. 240 с.

Kankainen ja muut, 1995 — *Kankainen T., Saksa A., Uino P.* The Early History of the Fortress of Käkisalmi,

- Russian Karelia — Archaeological and Radiocarbon Evidence // *Fennoscandia archaeologica*. Helsinki, 1995. Vol. XII. S. 41–47.
- Lempiäinen*, 1995 — *Lempiäinen T.* Medieval Plant Remains from the Fortress of Käkisalme, Karelia (Russia) // *Fennoscandia arhaeologica*. Helsinki, 1995. Vol. XII. S. 83–94.
- Saksa*, 1992 — *Saksa A. I.* Käkisalmen maasta esiin kaivettu historia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Lahti, 1992. Vol. 10. S. 5–17.
- Saksa*, 1998 — *Saksa A. I.* Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1998 (*Studia Carelica Humanistica*; Vol. 11). 258 s.
- Saksa ja muut*, 1990 — *Saksa A., Kankainen T., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P.* Käkisalmen linna 1200-luvulla // *Geologi*. Helsinki, 1990. Vol. 42. S. 65–68.
- Salmo*, 1956 — *Salmo H.* Finnische Hufeisenfibeln. Helsinki, 1956 (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; Vol. 56). 106 s.
- Schvindt*, 1898 — *Schvindt P. T.* Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun kaupungin rakennushistorian aineksia. Helsinki: Arkeologinen toimisto, 1898 (*Analecta Archaeologica Fennica*; Vol. II, is. 2). 127 s.
- Suhonen*, 2004 — *Suhonen M.* Käkisalmen vanha linna. Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia. Jyväskylä, 2004. T. II. S. 78–79.
- Taavitsainen*, 1990 — *Taavitsainen J.-P.* Ancient Hillforts of Finland: Problems of Analysis, Chronology and Interpretation with Special Reference to the Hillfort of Kuhmoinen. Helsinki, 1990 (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; Vol. 94). 294 p.
- Uino*, 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Muinais-Karjala. Arkeologisia tutkimuksia. Helsinki, 1997 (Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja; T. 104). 426 p.
- Uino, Saksa*, 1993 — *Uino P., Saksa A. I.* Results and perspectives of archaeological investigations at the castle of Käkisalme (Kexholm) // *Castella Maris Baltici*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1993 (*Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*; I). S. 213–217.
- Vuorela ja muut*, 1992 — *Vuorela I., Saksa A., Lempiäinen T., Saarnisto M.* Pollen and macrofossil data on deposits in the wooden Fortress of Käkisalme, dated to about AD 1200–1700 // *Annales Botanici Fennici*. Helsinki, 1992. Vol. 29, no. 3. S. 187–190.
- Zetterberg ja muut*, 1995 — *Zetterberg P., Saksa A., Uino P.* The early history of the fortress of Käkisalme, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // *Fennoscandia archaeologica* XII. Helsinki, 1995. P. 215–220.

Kyakisalmi — Korela (Korelian town). Stages of the history

A. I. Saksa³

Keywords: *Fortress of Korela, Vuoksa, excavations, cultural layer, material culture, Karelians, Novgorodians, Swedes.*

First information about Korela is dated to 1294/1295 when the Swedes attempted to seize a small insular Karelian fortress of Kyakisalmi in the mouth of the Vuoksa River. Novgorodians drove away the Swedes and in the same year considerably strengthened the fortress. In 1310, on the Uzerve River (Uusijärvi, i. e. the New River) they built of logs a new wooden town on the rapids having “destroyed the old one”. The chronicle information induced a discussion about the location of the fortress of 1294/1295. It was placed either on the island itself where even now the “Old Fortress” is situated or on the islands in the region of the mouth of the Vuoksa in the area of the modern town of Priozersk.

With the purpose of finding the answer to this question and to obtain data on the cultural deposits of the *Korelsky Gorodok* (“Korela Townlet”), A. N. Kirpichnikov in the 1970s undertook excavations at different parts of the fortress. The author of the excavations when considering the question about the relation between the fortress of Kyakisalmi, originally mentioned in the chronicle (1295), and the “new town” built by the Novgorodians in 1310 arrives at the conclusion that the newly built “Korelsky Gorodok” (Korela) was founded in a new place. The construction of 1310 was conducted according to a single plan and during a short term. The excavations revealed that the mediaeval cultural remains are divided into two building horizons with the general thickness of 0,5–2,6 m growing towards the edges of the isle. The upper horizon according to the dendrochronological evidence is dated to 1360–1380.

³ Aleksander I. Saksa — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: saksa@mail.natm.ru.

The boundary between this horizon and the layer lying beneath is constituted by a charry which can be corresponding to the fire of 1360 mentioned in the chronicle. The lower horizon is dated to 1310–1360. Along with Novgorodians, also Karelians lived in the “town” according to the information mentioned in the chronicle. Below, the horizon of 1310–1360 was underlain by a layer of coarse-grained sand which was taken by the archaeologists for the virgin soil. The conclusion of the author was that on the island there was the fortress of Korela newly built by the Novgorodians in 1310 and hence the precedent Karelian fortress should be sought for in another place.

In 1989, 1990 and 1992, we conducted excavations (80 sq. m) in the north-eastern corner of the fortress, to the west from the excavations by A. N. Kirpichnikov of 1975 and 1976. The most of the excavated area was occupied by the lower part of a massive stone Swedish building of the 17th cen. Inside the latter, on a layer of sand, two lower rows of constructions of the 13th cen. were cleared out. In 1989–1990, in the western section of the excavation, under a thick layer of the building debris and lenses of clay there were recorded a layer of black soil with wood splinters and finds of pottery, bones of domestic animals and different artefacts including eight lead seals belonging to deputies of the Novgorod church hierarch of the middle — third quarter of the 15th cen. Beneath, at a depth of 130–150 cm, a horizon of wood dated to the 1330–1370s was revealed. Under it, at a depth of 180–220 cm from the modern surface, a layer of coarse-grain sand began which previously had been considered as virgin soil. In it, intercalations of wooden chips were recorded as well as a considerable number of different artefacts. The presence of ornaments of Karelian types and pottery, as well as earlier wares and ornaments of the 8th–11th cen. lead to the supposition that the sand was brought to the edge of the island in order to expand its area from a place where possibly a settlement of the 13th cen. and a still earlier burial ground of the 8th–11th cen. were located. At the depth of 260 cm in the south-western section of the excavation, still another horizon of wood was revealed lying immediately on the virgin soil of blue clay. This was the very edge of the initial settlement represented by logs laid in the west–east direction and constituting the bank platform. It was occupied in the 13th cen. and was considerably smaller in dimensions. Thus in the territory of the island, the both fortresses under consideration were situated. At this small excavated area we found traces of the events of 1294/1295 and 1310 reflected in the Novgorod chronicle and the Swedish *Erik's Chronicle*. These events were probably related with the presence of the Swedes in the already existing Karelian fortress soon afterwards occupied by the Novgorodians, its strengthening and, finally, with the construction of the new “town” of Korela— “Korelsky Gorodok” by the Novgorodians.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Дискуссионные вопросы ранней истории Турова X — начала XI в.¹

О. В. Иов (†)

Аннотация. В статье исследуется вопрос о локализации летописного Турова X — начала XI в. На основании анализа археологического и картографического материала автор предлагает рассматривать в его качестве археологический комплекс у дер. Юровичи Калинковичского района Гомельской области.

Ключевые слова: Туров, Юровичи, Киевская Русь, Ярослав Мудрый, Святополк Ярополчич.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-233-243

Летописный Туров впервые в письменных источниках появляется под 980 г., когда «Рогволод перешел из заморья имяше волость свю Полотыске, а Тур Турове, от него же Туровцы прозвашася» (ПСРЛ, 1962. С. 63, 64).

Учитывая тот факт, что на Полесье, на территории современного Житковичского района Гомельской области, существует город Туров с богатой письменной историей XII–XX вв., то и локализация Турова X–XI вв. никогда ни у кого не вызывала сомнений. Ранний Туров также локализовали на территории города XII–XX вв., что нашло отражение в многочисленных и популярных изданиях и научных монографиях, опирающихся на археологические и письменные источники (Лысенко, 1974. С. 33–69; 2004).

Летописный Туров, состоящий из детинца (110 × 120 м) и окольного города (100 × 200 м), в 1961 и 1962 гг. исследовали российские археологи (Лысенко, 1974. С. 39, 40; Полубояринова, 1963; Каргер, 1965), с 1962 г. на протяжении нескольких сезонов его широкомасштабные раскопки проводил П. Ф. Лысенко. Всего на детинце было исследовано 768 кв. м, а на территории окольного города вскрыто 406 кв. м. В результате исследований на детинце П. Ф. Лысенко выделил пять стратиграфических слоев, из которых предматериковые пласты, слабо насыщенные находками, по его мнению, датируются редкими фрагментами керамики конца X — начала XI в. (Лысенко, 2004. С. 33).

Как следует из опубликованной таблицы расположения датируемых предметов, в нижнем пласте 5-го стратиграфического слоя найдены восемь стеклянных браслетов, общепринятая датировка которых — XII–XIII вв. (Лысенко, 1974. С. 44, рис. 5, 3). Здесь же найдены северопричерноморские амфоры, которые в Древней Руси были распространены в XI–XIII вв. Из других наиболее ранних находок 5-го стратиграфического слоя П. Ф. Лысенко выделяет три костяных наборных односторонних гребня и бусы X–XI вв. (Там же. С. 45). Причем в тексте не уточняются типы найденных бус и их количество, а также не приводятся их изображения.

Судя по таблице «типологической классификации» керамики детинца, представленной П. Ф. Лысенко, для последнего пласта культурного слоя характерна керамика четвертого типа (Там же. С. 62, 63). Однако горшки подобного облика на большинстве древнерусских памятников появляются только в XII в. В Турове, учитывая региональные особенности керамики Восточного Полесья, нижнюю границу их бытования можно условно опустить до середины XI в. Таким образом, археологический материал на детинце современного Турова если и показывает наличие там поселения X–XI вв., то лишь на начальном этапе, а не на стадии развитого города с княжеской властью.

Археологические материалы из окольного города Турова, надежно датируемые X–XI вв., также немногочисленны. Большинство находок с нижней датой XI в. имеют широкие хронологические рамки бытования вплоть до конца XIII в. Наиболее ранний массовый материал — керамика —

---

¹ Публикация статьи подготовлена А. А. Метельским — Институт истории НАН Беларуси; ул. Академическая, 1, Минск, 220072, Республика Беларусь.

Рис. 1. Фрагмент карты Сарницкого 1570 г. с городом Dorow на месте современного Турова

Fig. 1. Fragment of the 1570 map by Sarnitskiy with the town of Dorow at the place of modern Turov

в основном относится ко второй половине XI в., что также ставит вопрос о существовании Турова на общепринятом историками и археологами месте в X в.

Наличие только немногочисленных фрагментов подправленной на гончарном круге лепной керамики, оставшихся, кстати, за рамками публикаций, красноречиво свидетельствует об отсутствии в современном Турове X в. какого-то поселения, но П. Ф. Лысенко поясняет: «Само городище в этот период слабо возвышалось над прилегающей местностью, и в половодье высокие воды разливающихся Припяти и Язды вплотную подходили к его подножью. От этого не сохранилось остатков его застройки, жилых и хозяйственных сооружений, не выявлены его древнейшие оборонительные сооружения. Но, несомненно, к этому периоду относится одно из древнейших и интереснейших его сооружений — языческое святилище — капище» (Лысенко, 2004. С. 98).

Таким образом, по результатам археологических раскопок Туровское городище, на наш взгляд, является столицей князя Изяслава Ярославича и представителей его династии (середина XI — XIII в.), но, несомненно, не стольным градом дреговичей X в. и не летописным Туровом X в.

В то же время обращает на себя внимание факт, что большинство древнейших городов на восточнославянских просторах ведут свое название от малой реки, на которой они располагаются: Полоцк — от речки Полоты, Витебск — от речки Витьбы, Минск — от речки Менки. Но возле житковичского Турова нет речки с корнем «Тур» — Тур, Турейка, Турица, а есть только

большая река Припять и впадающая в нее небольшая речка Язда. Исключение из общего правила? Или Туров X в. надо искать в другом месте?

В списке рек Днепровского бассейна, составленного П. Л. Маштаковым еще в начале XX в. (Маштаков, 1913. С. 159), отмечается, что с левой стороны, ниже Мозыря, в Припять впадает р. Тур, память о которой в настоящее время сохранилась только в названии малой канализированной речки Турьи длиной около 46 км, впадающей в Припять ниже дер. Юровичи Калинковичского района Гомельской области. Но еще на картах XVI в. — С. Сарницкого 1570 г. (рис. 1), В. Градецкого 1570 г. и Г. Меркатора 1595 г. — в этом месте показана относительно крупная река (сравнимая с реками Птичь или Случь) с соответствующим названием Тур (*Buczec*, 1963. Map. XV; XXI; *Alexandrowicz*, 1989. Map. 13; *Александрович*, 2021. С. 254, 255, 262, 263).

В связи с этим привлекает внимание археологический комплекс, расположенный в дер. Юровичи Калинковичского района, находящийся между летописными Мозырем и Брагином, который непонятно по каким причинам обошел своим вниманием П. Ф. Лысенко, основной исследователь древностей Туровского княжества.

Археологический комплекс расположен на краю Мозырской гряды, возвышающейся над долиной Припяти на 30 м, и имеет сложную планировку (рис. 2). Он состоит из детинца площадью около 1,5 га, укрепленного мощным подковообразным валом высотой около 5 м и рвом глубиной до 4 м, окольного города площадью около 5 га, который со стороны поля также был укреплен валом (частично снесен) и рвом (частично засыпан). За окольным городом культурный слой прослеживается на площади около 10 га.

Культурный слой имеется также на расположенном рядом холме с крутыми склонами и плоской вершиной под названием Церковище (0,7 га) и у его подножия — на огородах вдоль улицы, которая называется Видоличи. Южнее городища сохранился и курганный могильник, который в 1930-х гг. насчитывал 14 насыпей.

Таким образом, площадь археологического комплекса у дер. Юровичи охватывает не менее 17 га, из которых более 7 га приходится на его укрепленную часть, что изначально свидетельствует о значении этого комплекса в прошлом.

В литературе памятник известен с XVIII в. В книге Ф. Колерта, изданной в 1755 г. и посвященной чудотворной Юровичской иконе Божией

Матери, говорится об остатках на Юровичских холмах мощного древнего замка, ранее называющегося Видоличи, окруженного тройным валом, и приводится легенда о его осаде и разрушении Тамерланом, о наличии возле памятника многочисленных больших могил (курганного могильника?) (Kolert, 1755. S. 17, 18). И хотя этот завоеватель в Восточной Европе никогда не был, существующее предание позволяет предположить, что какое-то трагическое событие, действительно, произошло здесь в древности.

В 1931 г. городище и курганный могильник обследовали А. Н. Лявданский и К. М. Поликарпович, в 1965 и 1975 гг. — В. Ф. Исаенко. Последний раскопал четыре курганных насыпи с труположением на горизонте.

Археологические исследования памятника начались в 2004 г. с работ на детинце. К настоящему времени изучено 404 кв. м культурного слоя, прошурфован окольный город, посад, начаты исследования урочища «Церковище» (72 кв. м). Стратиграфия культурного слоя на всех частях памятника проста: на всю глубину он имеет интенсивно черный цвет. Лишь в нескольких сантиметрах от материка слой светлеет. Его мощность колеблется в пределах 0,45–0,75 м. Деревянные конструкции на городище не сохранились, найдены следы наземных срубных построек с печами-каменками и подпечными ямами, ограды усадеб, землянка (?) с почти нетронутой глинобитной куполообразной печью.

Для датировки Юровичского комплекса важным источником является массовый материал — бытовая керамика. Его типология и хронология разработаны на основе материалов раскопок хорошо датированных памятников Полесья и соседних регионов: Городище на Ясельде-Пине (Пинский район), Франополь (Брестской район), Хотомель (Столинский район), Лискове-1 (Черниговщина) и др.

Керамика типа I (14,8 %) с Юровичского комплекса представлена сосудами с простым плавно отогнутым наружу венчиком, верхний край которого прямо или косо срезан и иногда оттянут вверх или вниз. Изготовлена она из бело-серой и коричневой (редко) грубой глины разных оттенков с примесью крупнозернистой дресвы. Основные элементы орнамента — зигзагообразные прочерченные линии и многорядные расчески, которыми покрывались, как правило, шейка, плечико и часть тулова. Данный тип сосудов датируется IX–X вв. (рис. 3, 1–5). Однако по толщине стенок,

Рис. 2. Юровичи. План древнерусского археологического комплекса

Fig. 2. Yurovichi. Plan of the mediaeval Russian archaeological complex

грубости теста и степени применения гончарного круга можно выделить более ранний вариант — очень грубые толстостенные темно-коричневые горшки IX — первой половины X в. В нашем случае, учитывая, что лепной керамики в раскопе выявлено крайне мало, следует отнести эти горшки к последней стадии его бытования.

Тип II (18,9 %). Тесто этих горшков также грубое, с примесью крупной дресвы, имеет коричневый и бело-серый цвет. Верхний край их венчиков чуть закруглен, а с внешней стороны имеется подтреугольный выступ. Бытовали одновременно с горшками типа I, исключая их раннюю стадию, до середины XI в. Орнамент тот же, но встречаются также месяцеподобные зашпы, овальные тычки по плечикам (рис. 3, 6, 7) (Ioу, 2009).

Тип III (4,7 %)². Горшки так называемого курганного типа. Венчик имеет острый верхний край

² Керамика типов III, IV, VII отображена на рис. 5 маловыразительными фрагментами венчиков, а форма подачи материала не дает представление о реальном облике сосудов. К сожалению, со смертью автора статьи невозможно было доработать данную иллюстрацию, согласно требованиям нашего журнала (ред.)

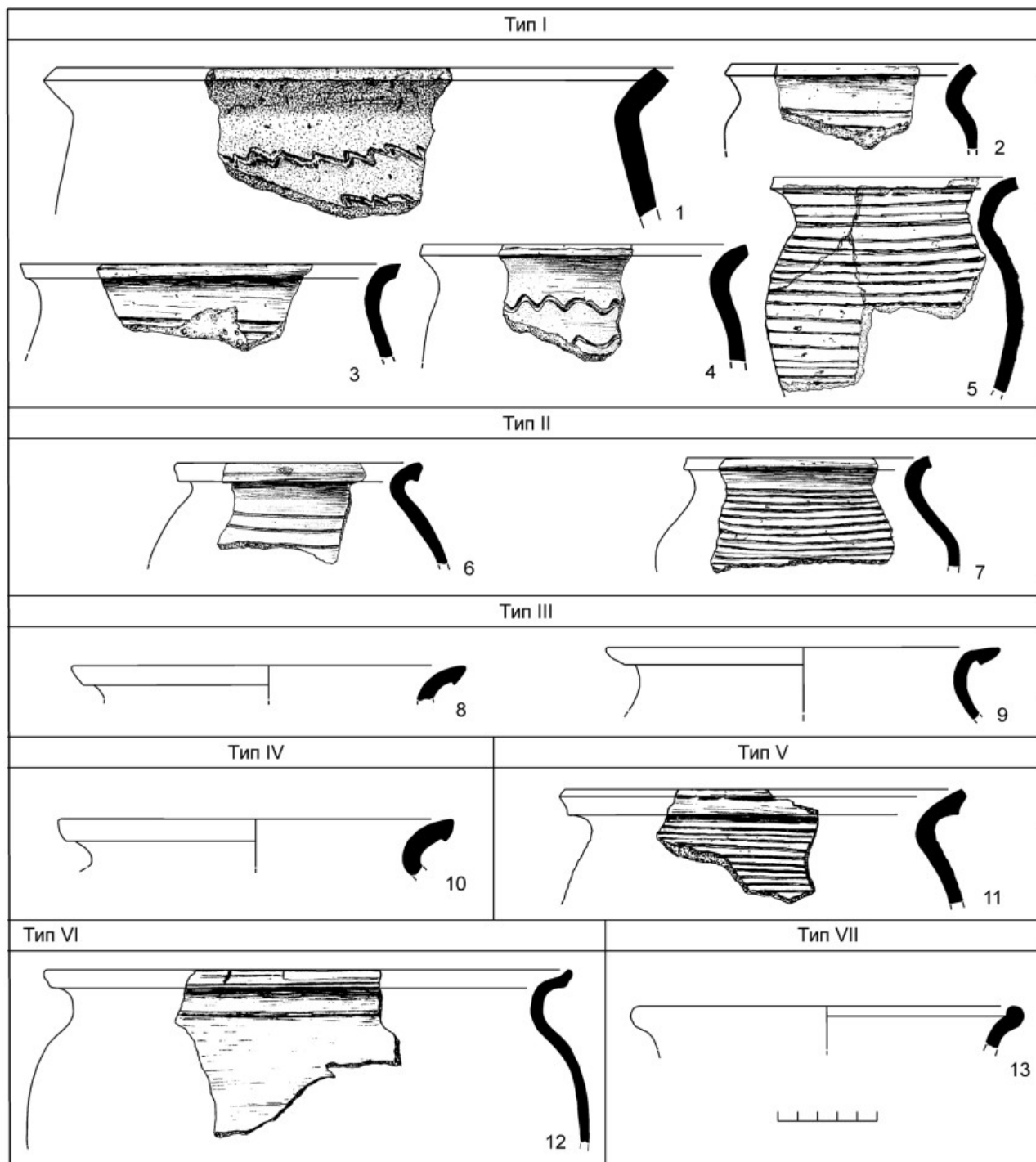

Рис. 3. Юровичи. Классификация керамики из детинца
 Fig. 3. Yurovichi. Classification of the pottery from Detinets

и манжетовидное утолщение, плоскость которого наклонена наружу от вертикали. Цвет горшков бело-серый и красный, в тесте примесь крупной и средней дресвы. Датируются X — первой половиной XI в. (рис. 3, 8, 9).

Тип IV (5,4 %). Горшки светло-коричневого и бело-серого цвета с манжетовидным венчиком и примесью в тесте песка. Верхний край этих сосудов — острый или слегка округлен, а манжета расположена в большинстве случаев вертикально, имеет выпуклую поверхность и характерную подрезку в нижней части. Украшались линейным орнаментом. В Киеве и Шестовицах такие горшки датируются X в. Это наиболее распространенный тип керамики в Хотомеле и Городище Пинского района (рис. 3, 10).

Тип V (15,5 %). Горшки серо-белого и коричневого цвета с примесью в тесте дресвы и песка. Для них характерен плавно отогнутый венчик с косо срезанным краем и треугольным выступом с внешней стороны. Орнаментирован в основном прямыми линиями. Такая керамика характерна для Городища Пинского района, Франополя. На поселении Лискове-1 часто встречается в комплексах, датируемых авторами раскопок серединой X — серединой XI в. (рис. 3, 11).

Тип VI (24 %). Горшки серо-белого, иногда розового и коричневого цвета с примесью в тесте песка и дресвы. Имеют сложнопрофилированный фигурный венчик. В отличие от предыдущего типа верхняя его часть округлена и имеет изнутри округлый или треугольный выступ. На поселении Лискове-1 характерна для комплексов середины X — середины XI в., во Франополе и Хотомеле ее нет, а в Городище Пинского района встречается редко и объединена в один тип с предыдущим (рис. 3, 12).

Тип VII (16 %). Глина этих горшков аналогична предыдущему типу. Венчики отогнуты наружу, а их край оформлен сверху в виде валика или треугольного выступа (рис. 3, 13). Традиционно в Беларуси их датируют XII–XV вв. Характерно, что в раскопе нет более поздних вариантов этого типа — с ребром на плечике, вертикальной высокой шейкой, рельефным ломким профилем, очень короткой шейкой или без нее вовсе. На поселении Лискове-1 эти горшки характерны для комплексов, датируемых серединой XI — началом XII в. (*Шекун, Вермейчик, 1999*).

В пользу более ранней датировки керамики этого типа в Юровичах свидетельствует то, что на детинце пока не было зафиксировано ни одной находки фрагментов стеклянных браслетов,

характерных для XII — первой половины XIII в. Остальные типы горшков в коллекции представлены всего 2 % экземпляров венчиков. В целом они также датируются в пределах X–XI вв.

Среди индивидуальных находок выделяются предметы импорта и изделия, принадлежавшие скандинавам. К группе наиболее ранних изделий из сердолика относится 14-гранная бусина в виде куба со срезанными углами (X — первая половина XI в.). Она сильно обгорела, ее поверхность испещрена мелкими трещинками, а цвет большей части поверхности — серовато-белый. Известно, что наиболее крупные и древние запасы сердолика находятся в Индии и на Аравийском полуострове. Зафиксированы и местные мастерские по обработке камня в г. Кулура (Индия) и Саны (Южная Аравия). В Беларуси такие бусины немногочисленны. Выявлены, главным образом, в курганах нижнего Посожья, междуречье Днестра и Березины. Почти цилиндрическую форму имеет коралловая бусина темно-красного цвета. Ее поверхность не обработана. Возможно, заполированы торцовые части. Аналоги нам неизвестны, скорее всего, коралл поступил из Средиземноморья.

Нагрудный крест-энколпион хорошей сохранности (без оглавия) найден в качестве подъемного материала (рис. 4, 3). Согласно классификации Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой, он относится к типу III.3.1 — рельефным миниатюрным энколпионам с Распятием и Богородицей с ладонями, раскрытыми перед грудью (с закругленными концами) (*Пескова, Корзухина, 2003. С. 132–138*). Его длина 4,36 см, ширина 2,35 см, толщина 0,5 см. Крест литой, с резьбой. Рельефное изображение Распятия на лицевой створке и Богородицы на обороте четкие. Над головой Христа и Богородицы изображения нечеткие. Обе створки окаймлены кантиком с насечками. По сторонам от изображения Богородицы угадываются надписи «MP» и «ΘY». Края ее мафория опускаются от рук по бокам и образуют в центре глубокую ложбинку.

С. С. Ширинский в статье, посвященной этим крестам, утверждает, что главный период их распространения приходится на XI в. (*Ширинский, 1999. С. 131–141*). Г. Ф. Корзухина и А. А. Пескова считают это маловероятным, так как большинство изображений на энколпионах этого типа представляют собой лишь схематическое упрощенное отражение подробно разработанных рельефов малых энколпионов. По их сведениям, четкий рельеф имеют лишь два экземпляра из Вацлевице (Чехия). Поэтому периодом их

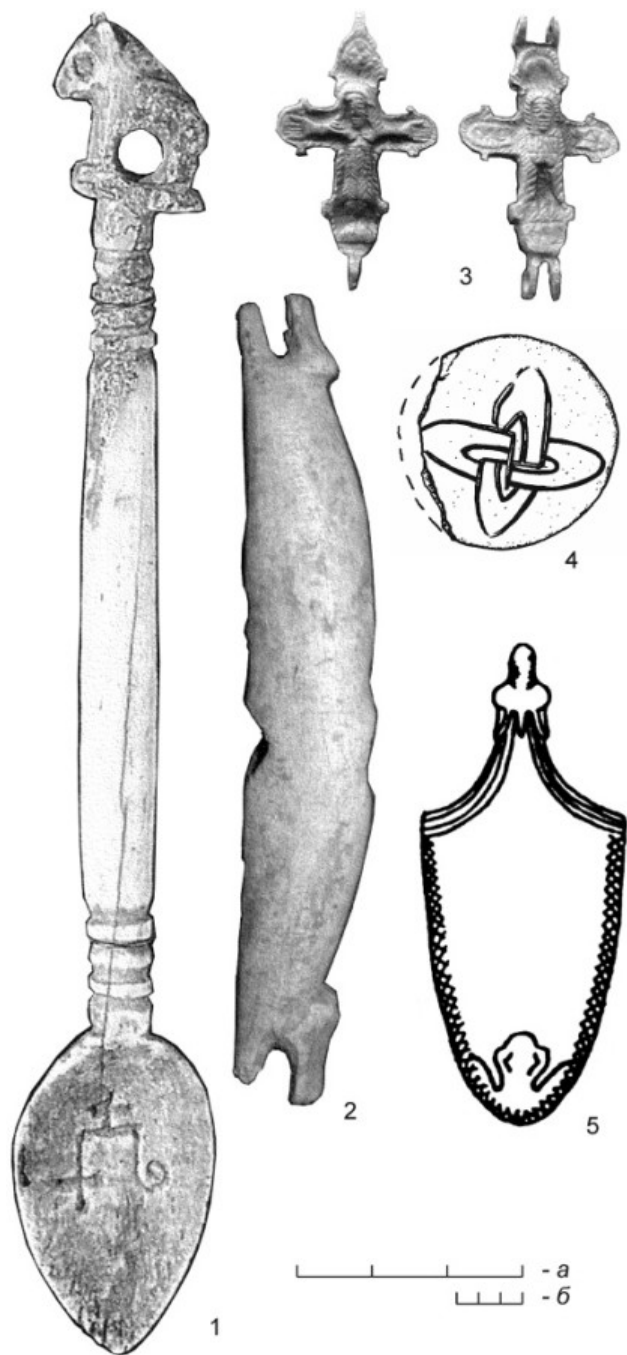

Рис. 4. Юровичи. Индивидуальные находки:
 1 — костяная ложечка для причастия; 2 — роговой псалий; 3 — бронзовый крест-энколпион; 4 — днище керамического горшка с клеймом; 5 — наконечник ножен меча из медного сплава.
 Масштаб: а — 1-3; б — 4; без масштаба — 5

Fig. 4. Yurovichi. Individual finds: 1 — small bone spoon for communion; 2 — horn cheek-piece; 3 — bronze reliquary cross; 4 — bottom of a clay pot with a stamp; 5 — copper alloy sword scabbard chape.
 Scale: a — 1-3; б — 4; without scale — 5

бытования авторы считают весь XII в., не исключая вероятности возникновения типа во второй половине XI в. Учитывая, что на городище в Юровичах отсутствуют материалы XII–XIII вв., наша находка подтверждает выводы С. С. Ширинского.

Из медного сплава изготовлена ременная бляшка, характерная для финно-угорских племен, особенно поволжских и прикамских, где такие вещи датируются VII–X вв. (Мурашева, 2000. С. 50, рис. 70).

Интересная находка — роговой псалий длиной 10,4 см (рис. 4, 2). Оба конца изделия украшены довольно схематичными изображениями голов драконов (отчетливо изображены раскрытые пасти и уши). В средней части просверлены два отверстия. Прямых аналогов находке мы не знаем, однако функциональные известны: железные псалии, украшенные конусовидными головками на концах и сквозными отверстиями в центре (например, находка в Биляре). Изображение дракона («Большого змея») характерно для материальной культуры скандинавов эпохи викингов.

К изделиям, изготовленным для скандинавов или непосредственно скандинавами, относится также горшок с клеймом на днище в виде правой стороны свастики, образованной при пересечении двух дисков (рис. 4, 4). Этот сюжет для Восточной Европы уникален и напоминает клейма кузнецов на некоторых скандинавских мечах. Следы местного ремесленного производства зафиксированы в находках кусков розового сланца и распиленных рогов оленя, косули, лося и других животных, а также полуфабрикатов некоторых изделий из кости и рога.

Очевидно, что перед нами самое крупное поселение в Белорусском Полесье X — первой половины XI в., общая укрепленная площадь которого составляет 8 га. Культурный слой памятника имеет характерные черты раннего средневекового города, который по своим масштабам сопоставим на территории Беларуси лишь с древним Полоцком. Однако до настоящего времени он окончательно не идентифицирован ни с одним из летописных городов. На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с предшественником Турова и можем высказать предположение, что, помня о существовании Турова в современном Житковичском районе, мы напрямую столкнулись с таким явлением как «перенос города».

О вероятности этого говорит не только тот факт, что археологический комплекс в Юровичах находится на бывшей речке Тур и имеет

характерные черты раннего средневекового города, но и то, что есть еще несколько косвенных свидетельств, которые позволяют поставить таким образом этот вопрос.

Во-первых, предание, записанное в книге Ф. Колерта, косвенно говорит о нем как о древнем крупном центре христианизации. Речь идет о «голосе с небес», который дал понять иезуитскому миссионеру Мартину Тыравскому, возившему в 1673 г. по Литовскому Полесью чудотворную икону Божией Матери, чтобы она избрала Юровичи местом для своего дальнейшего пребывания. «Возле валов древнего замка», на мысу «Юровичских гор», хорошо просматриваемом из деревни, монах построил для иконы деревянную каплицу (археологическими раскопками это место уже определено). В 1680 г. в Юровичах была устроена иезуитская миссия, а затем построен монастырь. Возникает вопрос: почему именно простая деревня, какой были Юровичи в XVII в., была избрана для создания своеобразной иезуитской «базы» в регионе, а не центр повета Мозырь, например? Может быть, иезуитский орден заранее определил маршрут М. Тыравского, и он прибыл в деревню неслучайно?

Ф. Колерт, говоря о горе Церковище, отмечает, что она названа так благодаря монастырю и «епископов резиденции славной». Но монастырь, основанный в XVIII в., расположен в другой стороне от городища, в 200 м на северо-северо-запад от него, а «Церковище» — на юго-юго-запад.

На наш взгляд, название холма — отражение значительно более ранних реалий. Вспомним, что именно у подножия Церковища была найдена ложечка для причастия со знаком Рюриковичей (Исаенко, 1967) (рис. 4, 1), и, скорее всего, здесь находился религиозный центр не только древнего города, но и всего региона.

Ведь согласно Киево-Печерскому патерику, изданному под редакцией Иосифа Тризны, Туровская епархия была образована в 1005 г. и первым ее епископом был Фома (Щапов, 1965. С. 271–273). Возможно, Церковище и было местом дислокации первого православного туровского епископа Фомы, здесь располагался первый монастырь на территории современных Юрович, память о котором и сохранилась в предании, записанном Ф. Колертом.

Кроме того, конец X — начало XI в. — это время, когда на восточнославянских просторах еще мирно проповедовали католические и православные миссионеры. Нельзя исключить, что и католический епископ Рейнберн, который прибыл к Святополку не только как «духовный

наставник» его жены и дочери польского короля Болеслава Храброго, но, главным образом, для продолжения своей чрезвычайно удачной миссионерской деятельности, начатой в Померании, также жил здесь (Kolert, 1755. S. 17, 18).

О том, что Туров был ранним центром христианизации в X в., свидетельствует и сохраняющееся в современном Турове предание о мученике Дионисии, который проповедовал во времена летописного Тура и был убит язычниками из соседнего поселения, названными михновцами, — вероятно, жителями современной деревни Михновичи Калинковичского района (Мельнікаў, 1997. С. 18). Эта деревня расположена ближе к Юровичам, чем к современному Турову, и поэтому сохранившиеся в предании события относятся к юровичскому Турову, но память о нем сохранилась в нынешнем Турове.

Предание о Дионисии, возможно, имеет под собой основу еще и потому, что в Турове, вероятно, уже имелась небольшая христианская община со времен княгини Ольги. Равноапостольная княгиня, может быть, посещала юровичский Туров, хотя об этом не сообщается в Ипатьевской летописи, но косвенно свидетельствует сохранившееся в современном Турове духовное пение: «О, пришла еси к нам Божая княжна Ольга» (Там же).

О том, что и ранее Туров был культовым языческим центром, свидетельствует старое, легендарное название местечка, сохраненное у Ф. Колерта, и название современной юровичской улицы Видоличи, проходящей возле Церковища, которое можно объяснить с позиции лингвистики — производное от «в идолище», или «в капище». Эта современная улица, вероятно, проходит по трассе старой дороги, которая ранее вела к языческому капищу.

Косвенным подтверждением существования Турова X — начала XI в. на месте современных Юрович может служить и карта Киевского Полесья Даниеля Звицкера, созданная в 1650 г., на которой на левом берегу Припяти, ниже Мозыря, показан населенный пункт Tarow (Buczek, 1963. Map. XXIX), что созвучно Турову (рис. 5), то есть еще в середине XVII в. память о старом названии населенного пункта сохранялась.

Что стало причиной переноса Турова X — начала XI в. на новое место — письменные источники не сообщают, но гипотетически это можно восстановить, исходя из общего хода событий, описание которых сохранилось.

Святополк, рожденный около 980 г. от брака великого киевского князя Ярополка с «грекиней», получил туровское княжение в 988 г. от великого

Рис. 5. Юровичи. Фрагмент карты Киевского Полесья Даниеля Звицкера 1650 г. с населенным пунктом Tarow
 Fig. 5. Yurovichi. Fragment of the 1650 map of Kievian Polesye by Daniel Switcker with the settlement of Tarow

киевского князя Владимира Святославича, своего отчима и убийцы отца. В начале XI в. Святополк готовит против него заговор, но вскоре оказывается в киевской тюрьме вместе со своей женой, дочерью польского короля Болеслава Храброго, и сопровождавшим ее епископом из г. Кольберга (Колобжега) Рейнберном. Угроза войны с Болеславом заставила Владимира выпустить заговорщиков. Вначале они по принуждению остались жить в Киеве, а потом — в Вышгороде. После смерти Владимира (1015 г.) Святополк стал княжить в Киеве.

Далее в летописи описаны события, из-за которых Святополку было дано прозвище Окаянный. В борьбе за сохранение киевского княжения он руками наемных убийц избавляется от своих конкурентов — сыновей Владимира Бориса, Глеба и Святослава. В ответ новгородский князь Ярослав Владимирович собрал войско и выступил против Святополка. В битве около Любеча дружина туровского князя терпит поражение, а Святополк бежит в Польшу.

В 1018 г. войско Святополка и Болеслава Храброго встречается с дружиной Ярослава возле Берестья и наносит киевлянам и новгородцам сокрушительное поражение. Святополк возвращается

в Киев, однако и на этот раз ненадолго. Неожиданно большое новгородское войско Ярослава подошло к Киеву и принудило Святополка бежать. В 1019 г. опальный туровский князь ведет на Киев войска печенегов. Решающая битва произошла на реке Альте: «...и бысть сеча зла, такова не бывала в Руси, за руки емлючися сечахуся, и ступишася трижды, яко по удолюем крови текущи, к вечеру же одолеша Ярослав...» (ПСРЛ, 1962. Стб. 63). Святополк снова возвращается в Польшу, но по дороге умирает.

Интересное сообщение приводит «Хроника» Титмара, епископа Мерзебургского, человека, который являлся современником описываемых им событий. Для нашей темы важно отметить, что «Хроника» Титмара — единственный источник, где сказано о захвате Ярославом «какого-то» принадлежавшего Святополку города «силой» и «увводе» всех его жителей. В изложении епископа это событие произошло после поражения войск Ярослава «возле какой-то реки» (битва у Берестья, 1018 г. — О. И.) (Титмар, 2009. VIII, 32). Очевидно, это был большой и очень важный для Святополка город, так как Титмар в своем труде больше не упоминает и не называет ни одного древнерусского города, кроме Киева. Возможно,

Рис. 6. Юровичи. Индивидуальные находки с Церковища (1, 2) и детинца (3а, 3б): 1 — вислая печать; 2 — печать в виде усеченной пирамидки; 3а, 3б — булла Ростислава Мстиславича, лицевая (с изображением Архангела Михаила) и оборотная (с изображением Феодора Тирона) стороны. 1–3 — свинец

Fig. 6. Yurovichi. Individual finds from Tserkovishche (1, 2) and Detinets (3a, 3b): 1 — pending seal; 2 — seal in the form of a truncated pyramid; 3a, 3b — bulla of Rostislav Mstislavich (3a — front side, image of Archangel Michael; 3b — flip side, image of St Theodore Tiron). 1–3 — lead

именно к юровичскому Турову и относится это скупое сообщение Титмара, и в этом случае реальную основу приобретает также вышеупомянутая местная легенда о завоевателе Тамерлане, осаждавшем и разрушившем мощный замок на юровичских холмах (Kolert, 1755. S. 17, 18).

Возможно, именно тогда Ярослав, желая навсегда стереть из памяти не только этот сюжет своей длительной борьбы со Святополком, но и уничтожить старый племенной центр дреговичей, каковым, учитывая наличие тут керамики IX в., скорее всего и являлся Туров, увел из юровичского Турова большинство населения и переселил его на новое место, жители которого сохранили старое название поселения, дошедшее до наших дней. Во всяком случае, как свидетельствуют археологические материалы, ближе к середине XI в. жизнь в юровичском Турове стала загухать, зато появляется Туров на новом месте, который и стал центром княжества второй половины XI — XIII в. Таким образом, можно утверждать, что известный по летописям XII–XIII вв. Туров начал свое развитие только с 20-х гг. XI в.

Тем не менее на месте юровичского Турова, как показывают археологические материалы, жизнь продолжалась, но уже не так интенсивно, как ранее. Хотя керамика XII–XIII вв. на поселении присутствует, но она представлена в незначительном количестве VII типом. В культурном же слое детинца пока не зафиксировано ни одного объекта, сооруженного в XII в.

Во второй половине XI — XII в. жизнь продолжалась в основном на территории «Церковища». Здесь найдены не только керамика VII типа,

но и стеклянные и металлические браслеты, наконечники стрел, шиферные пряслица, две вислые печати с изображением князя.

Первая печать, найденная на «Церковище», выполнена в виде усеченной пирамидки высотой 2,5 см, с наклепным валиком в средней части (1 см), расширенной нижней частью, на которой имеется штемпель с печатью не совсем ровного диаметра около 1,1–1,4 см. Сама печать плохо читается (рис. 6, 2), поэтому ее принадлежность не определяется.

Вторая печать относится к категории вислых. Она имеет диаметр около 2 см, на одной из сторон просматривается лицо человека (рис. 6, 1).

Кроме того, к этому времени относится свинцовая булла, найденная в качестве подъемного материала в центральной части детинца. По типологии В. Л. Янина, она относится к печатям с патрональным изображением двух святых на обеих сторонах кружка. На лицевой стороне буллы изображен архангел Михаил в полный рост, с жезлом в правой руке и со сферой — в левой. Над ним по ободку кириллическая надпись (не прочитана) (рис. 6, 3а). Вокруг точечный ободок. На оборотной стороне — св. Феодор в полный рост, с копьем в правой и щитом в левой руке. По сторонам надпись в три колонки: «ФЕ//О//ДО//РЪ». Перед надписью буква «а» в круге, после нее — непонятный знак. Над изображением — кириллическая надпись (не прочитана). Вокруг точечный ободок. Диаметр кружка — 2,2 см (рис. 6, 3б).

Согласно каталогу В. Л. Янина и П. Г. Гайдуркова, печати с изображением архангела Михаила и св. Феодора известны в 64 экз. с девятью

разновидностями штемпелей. Они разделены авторами на две группы. В первую группу (47 экз.) вошли печати диаметром 2,1–2,2 см. Фигура архангела на них богато декорирована, надписи по сторонам фигуры святого воина отличаются полнотой и размещены так, что в одной колонке полностью изображено слово ОАГЮС, а в другой — также полностью имя св. Феодора.

Во второй группе диаметр кружка не превышает 1,8 см. Фигуры архангела и святого непропорциональны. Надпись св. Феодора распределена по колонкам так, что начало и конец имени находятся в разных колонках, по сторонам.

Авторы считают, что первая группа булл принадлежит Ростиславу Мстиславичу (ок. 1108–1167), князю смоленскому (1127–1167), новгородскому (1154) и великому князю киевскому (1154–1155, 1159–1161), а вторая — его сыну Мстиславу Ростиславичу (умер 1180), князю новгородскому (Янин, 1970. С. 197, № 152–155; Янин, Гайдуков, 1998. № 152–155).

Юровичский экземпляр занимает промежуточное положение между этими группами и демонстрирует 10 пар штемпелей таких печатей. По своим размерам и манере изображения фигур он относится к первой группе, а имя св. Феодора написано в две колонки, как на буллах второй группы. Непрочитанная надпись над архангелом Михаилом не имеет аналогов.

Таким образом, исходя из имеющихся на сегодняшний день данных, булла, найденная в Юровичах, принадлежала, скорее всего, князю Ростиславу Мстиславичу, причем в период его княжения в Киеве. Вряд ли можно предположить какую-то связь Юровичей с Новгородом или Смоленском. По этой же причине мы

не рассматриваем в качестве владельца печати и князя новгородского Мстислава Ростиславича.

Находка последней позволяет предположить, что после захвата Турова и вывода его жителей поселение продолжало использоваться не только как религиозный объект, но, вероятно, и как центр налогообложения Киевской Руси на землях дреговичей, то есть в качестве погоста. Однако поселение так и не смогло возродиться до уровня крупного городского центра, чему препятствовали начавшие свое развитие расположенные рядом новые административные центры — Брагин и Мозырь.

Откуда могло взяться на территории бывшего Турова современное название Юровичи? Ярослав Мудрый, как и Александр Македонский, был склонен называть города в свою честь. Ярославом он назвал город на Волге и город в Польше (теперь Jaroslaw).

А Георгий (Юрий) — имя, которое Ярослав получил при крещении. Им он также активно пользовался при переименовании поселений. Захваченное в 1030 г. эстонское городище Тарбату он переименовал в город Юрьев (ныне Тарту). Вероятнее всего, после захвата Ярославом в 1019 г. Турова на р. Тур оставшееся поселение-погост на Церковище было переименовано в Юрьев, хотя память о первоначальном Турове сохранялась на картах еще в середине XVII в. Со временем к новому названию Юрьев было добавлено традиционное белорусское окончание «-ичи» — Юревичи, и только в XX в. название деревни преобразовалось в Юровичи. Память о локализации здесь первоначального Турова X — начала XI в. окончательно стерлась. Туров с 20-х гг. XI в. начал развиваться уже на новом месте, где находится и до сегодняшнего дня.

Аляксандравіч, 2021 — Аляксандравіч С. Картаграфія Вялікага Княства Літоўскага ад XV да сярэдзіны XVIII стагоддзя: пераклад з польскай. Мінск: Тэхналогія, 2021. 304 с.

Іоў, 2009 — Іоў А. В. Асноўныя тыпы керамічнага посуду X–XI ст. на Беларускім Палессі // Древняя история Восточной Европы: Сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. Э. М. Загоруйского / Ред. А. А. Егорейченко. Минск: Беларуская навука, 2009. С. 68–78.

Исаенко, 1967 — Исаенко В. Ф. Находка со знаком Рюриковичей // СА. 1967. № 2. С. 250–252.

Каргер, 1965 — Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. 1965. Вып. 100: Важнейшие археологические открытия. С. 136–138.

Лысенко, 1974 — Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск: Наука и техника, 1974. 197 с.

Лысенко, 2004 — Лысенко П. Ф. Древний Туров. Минск: Беларуская навука, 2004. 180 с.

Маиштак, 1913 — Маиштак П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб.: Изд-е сост. при Имп. Акад. наук Комиссии по вопросу географической номенклатуре, 1913. 292 с.

Мельнікаў, 1997 — Мельнікаў А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыцце, спадчына, светапогляд. Мінск: Беларуская навука, 1997. 459 с.

Мурашова, 2000 — Мурашова В. В. Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

- Пескова, Корзухина*, 2003 — *Пескова А. А., Корзухина Г. Ф.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. VII). 432 с.
- ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись. 938 с.
- Полубояринова*, 1963 — *Полубояринова М. Д.* Раскопки древнего Турова // КСИА. 1963. Вып. 96: Исследования памятников средневековья. С. 44–47.
- Титмар, 2009 — Титмар Мерзебургский. Хроника: В 8 кн. 2-е изд., испр. М.: Русская панорама, 2009. 254 с.
- Шекун, Веремейчик*, 1999 — *Шекун О. В., Веремейчик О. М.* Давньоруське поселення Ліскове. Чернігів: Десянянська правда, 1999. 183 с.
- Ширинский*, 1999 — *Ширинский С. С.* Кресты-энколпионы с обратной надписью как источник для истории церкви в древней Руси // Тр. VI Международного конгресса славянских археологов. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1999. Т. 5. С. 131–141.
- Щапов*, 1965 — *Щапов Я. Н.* Туровские уставы XIV века о десятине // Археографический ежегодник за 1964 год. М.: Наука, 1965. С. 252–273.
- Янин*, 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1. 327 с.
- Янин, Гайдуков*, 1998 — *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 503 с.
- Alexandrowicz*, 1989 — *Alexandrowicz S.* Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Wyd. 2. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1989 (Seria “Historia”). 278 s.
- Buczek*, 1963 — *Buczek K.* Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wyd-wo PAN, 1963. 119 s.
- Kolert*, 1755 — *Kolert F.* Krynice cudotwornych łask Maryi z Jurowickich Gór wynikające... Nieśwież, 1755. 252 s.

Arguable questions of the early history of Turov of the 10th — early 11th cen.³

O. V. Iov (†)

Keywords: Turov, Yurovichi, Kievan Rus, Yaroslav the Wise, Svyatopolk Yaropolchich.

The archaeological investigations conducted in Turov in the second half of the 20th cen. showed that the city began to be actively developed there only since the mid-11th cen. that posed the question of where the town was located in the 10th — beginning of the 11th cen.

Analysis of the archaeological and cartographic evidence, written documents and other indirect sources suggested the hypothesis that Turov of the 10th — early 11th cen. was located in the area of the modern village of Yurovichi of the Kalinkovich district of Gomel Oblast where there is an archaeological complex (a detinets or kremlin, surrounding fortifications, suburbs, a kurgan burial ground and a separate hillfort ‘Tserkovishche’) dated to the 10th — early 11th cen.

Turov of the 10th — early 11th cen. in the area of the modern village of Yurovichi was destroyed by Prince Yaroslav the Wise in the course of the struggle against Svyatopolk Yaroslavich. Afterwards its population was moved to a new place where Turov is now situated and which has retained the name of the precedent city. Occupation of the settlement in the place of Turov of the 10th — early 11th cen. continued in the second half of the 11th — 13th cen. but it had not reached the flowering of the old Turov because the beginning of the development of the towns of Bragin and Mozyr situated nearby.

After the devastation of Turov of the 10th — beginning of the 11th cen. by Yaroslav the Wise the remaining settlement was renamed by him in his own honour to Yuryev which was his name by baptism. This name with time was transformed to Yurovichi.

³ The publication of this article was prepared by A. A. Metel'skiy; Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus; 1 Akademicheskaya ul., Minsk, 220072, Republic of Belarus.

Крепость Ниеншанц в первой половине — середине XVII в.¹

П. Е. Сорокин²

Аннотация. В статье рассказывается о фортификационных сооружениях крепости Ниеншанц до середины XVII в., изученных на основе историко-археологических сведений, связи ранних земляных укреплений Ниеншанца с Ландскроной и незавершенном проекте их перестройки. Подробно рассматриваются конструктивные элементы: крепостные рвы, фоссебрея, частоколы, мост, каменное основание замковой постройки.

Ключевые слова: крепость, Ниеншанц, замок, цитадель, частокольные заграждения, фоссебрея, оборонительный ров, бастион, куртина, дерновые кладки, крепостной мост.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-244-263

Строительство и модернизация Ниеншанца, основанного в 1611 г. на мысу при впадении р. Охты в Неву, продолжались до самого начала Северной войны. Основу его укреплений в первой половине XVII в. составляла первоначальная крепость. Планировавшиеся с 1630-х гг. фортификационные сооружения для защиты всего города Ниена, построенные только в 1666 г., быстро пришли в упадок, а дополнительные укрепления на мысу, начатые в те же годы, так и не были завершены. Кардинальной перестройке в середине столетия подверглась только первоначальная крепость — цитадель Ниеншанца, но по документам не удается полностью выяснить, как происходил этот процесс. По письменным и картографическим данным, в строительстве укреплений Ниеншанца выделялись два основных периода: 1-й — с основания до взятия его русскими войсками в 1656 г.; 2-й — с постройки новой крепости после окончания войны до ее падения в 1703 г. (*Гиппинг*, 1909; *Bonsdorff*, 1891. S. 3–23; *Сорокин*, 2001. С. 37–39).

Возникновение и развитие укреплений Ниеншанца на раннем этапе в меньшей степени освещено историческими документами. Культурные слои и сооружения этого времени сохранились на отдельных участках, так как оказались в значительной мере повреждены при перестройке крепости в середине столетия и в более позднее время. Археологические исследования 2007–2010 гг. позволили уточнить конструктивные особенности и строительную историю крепости и выделить три периода, характеризующихся кардинальной перестройкой ее укреплений (*Сорокин*, 2010. С. 362–364; *Сорокин и др.*, 2017)³.

Исторические сведения об укреплениях Ниеншанца первой половины XVII в.

Согласно отрывочным сведениям из шведских документов, Охтинский мыс после разрушения Ландскроны в 1301 г. мог служить в качестве опорного пункта во время шведских походов на Неву до основания Ниеншанца. Упоминания о старых укреплениях на Неве при нападениях на Орешек короля Магнуса в 1348–1349 гг., Якова Багге в 1555 г. и Германа Флеминга в 1573 г. имеются в шведских документах. Планы возобновления прежних укреплений на Неве сохранялись

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: petrsorokin@yandex.ru.

³ В раскопках крепостных сооружений этого периода принимали участие археологи: О. В. Андреева, М. А. Ахмадеева, В. Д. Гукин, А. В. Иванова, Б. С. Короткевич, И. П. Лазаретов, К. А. Михайлов, А. В. Поляков, С. Г. Попов, С. А. Семенов.

и во время войны в 1583 г. Шведские исследователи К. Бонсдорф и Л. В. Мюнте полагали, что Ниеншанц был построен на месте Ландскроны (*Bonsdorff*, 1891. S. 4, 5; *Munthe*, 1902. S. 97, 98). Шведское королевство не оставляло планов захватить эту территорию. Нева как водная преграда между Ладогой и Финским заливом, с расположенными на ней крепостями Нотеборг (Орешек) и Ниеншанц, должна была стать главным оборонительным рубежом на русской границе. Планы его создания, как и строительство новой крепости, задумывались еще в конце XVI в. Реально они начали осуществляться в 1609 г., хотя военные действия на этой территории начались только в 1611 г., а официально война была объявлена в 1613 г., и только по ее результатам Столбовский мир 1617 г. закрепил Приневье за Швецией.

Строительство шведской крепости на Неве началось весной 1611 г., а в сентябре «недавно поставленный Ниеншанц уже настолько окреп благодаря насыпям, валу и рвам, что в его укреплениях могло укрыться 500 человек» (*Видекинд*, 2000. С. 212). К концу 1611 г. новая крепость в основном была завершена (*Гиппинг*, 1909. С. 258).

Схематичные изображения ранних укреплений Ниеншанца на мысу при впадении Охты в Неву имеются на шведских картах 1640-х гг., но они дают лишь самую общую информацию об их виде и расположении (рис. 1). На картах Эрика Нильса Аспегрена, составленных около 1650 г., показано прямоугольное сооружение или дом, обозначенный как *konungsgarden* — королевский двор (*Bagrow, Kohlin*, 1953. VI.I; *Эренсверд*, 1998. С. 20; *Сорокин*, 2001. С. 40, 41; 2010. С. 364).

На карте устья Невы 1643 г. (*Riksarkivet*. O. 1652. LK № 474; *Bagrow, Kohlin*, 1953. IV.I; *Возгрин, Шаскольский*, 1981) мысовая крепость изображена с двумя линиями укреплений (рис. 1, 1). Прямоугольный замок, обозначенный как *Schanzen*, был обнесен внешними укреплениями, названными *Nyenschanz*, которые напоминали полевые укрепления и имели вид неправильного шестиугольника с тремя бастионами с южной, напольной, стороны и с восточной — со стороны Охты. Восточная куртина изгибалась под тупым

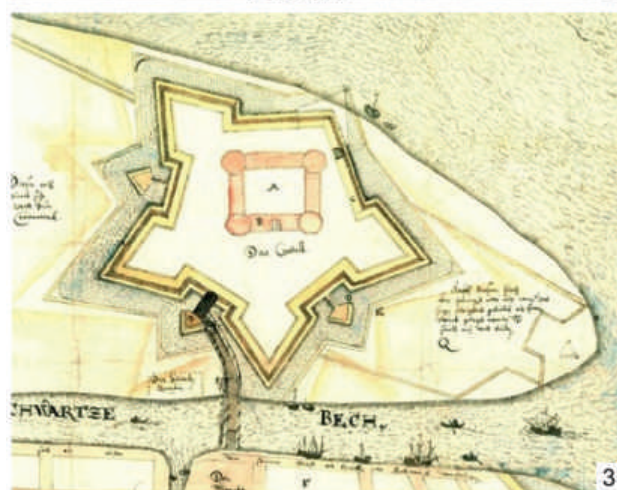

Рис. 1. Планы цитадели Ниеншанца: 1, 2 — 1643 г.; 3 — 1644 г. (1, 2 — Шведский государственный архив; 3 — Шведский военный архив)

Fig. 1. Plans of the fortress of Nyenskans: 1, 2 — 1643; 3 — 1644 (1, 2 — Swedish State Archives; 3 — Swedish Military Archives)

углом внутрь крепости, а западная — вдоль берега Невы, напротив, была выгнута наружу. Северо-восточная и юго-восточная куртины были прямыми. Двое крепостных ворот выходили на северо-восток, к мосту через Охту, и на запад, к Неве. Регулярный замок в центре укреплений в виде каре вокруг центрального двора показан в развертке. С его южной, восточной и западной сторон располагались три постройки с трубами — вероятно, казармы и дом коменданта, северная часть ограждалась стеной. Снаружи замок окружал ров, показанный штриховкой. Среди построек за пределами замка одна, возможно, караулка, находилась непосредственно перед воротами. Другая — у дороги, ведущей в город, с крестами на фронтонах, видимо, крепостная часовня. Согласно археологическим данным, вблизи этого места в первой половине XVII в. существовало крепостное кладбище. Постройка, увенчанная крестом, на берегу Охты имеется и на другом плане Аспегрена того же времени. Она показана рядом с двухэтажным замком с печными трубами, обращенным трехчастным фасадом с окнами и арочными воротами в сторону моста через Охту (рис. 1, 2). Общие черты в форме и расположении крепости, прослеживаемые на отдельных планах, несмотря на различные изобразительные приемы и ракурсы, свойственные картографии того времени, указывают на то, что это одно и то же сооружение, показанное с различной степенью точности и детализации. Величина первоначального Ниеншанца, по сведениям А. И. Гиппинга, достигала 120 × 100 шведских локтей (72 × 60 м), а толщина стен составляла 15 локтей (около 9 м)⁴ (Гиппинг, 1909. С. 168).

Замок (Castell) и позднее изображался на проектных чертежах в центре планируемой новой бастионной крепости. Он показан на планах Георга Швенгеля 1644 г. (рис. 1, 3) и Генриха Зойленберга 1652 г., но различается на них по форме, расположению и ориентировке. На первом плане прямоугольное сооружение показано ближе к берегу Невы, но, в отличие от карты 1643 г., с замкнутыми внешними стенами, восьмигранными башнями — бастеями — по углам и с воротами, выходившими к Охте. В проекте Г. Зойленберга 1652 г. замок Т-образной формы, развернутый в направлении юго-запад–северо-восток, с выступом к Неве, показан схематично в центре бастионной крепости.

⁴ Шведские единицы измерения: aln — 59,38 см, famn — 1,78 м, fot — 29,69 см.

Судя по планам, первоначальная четырехугольная крепость была вытянута в меридиональном направлении. Она напоминает по конструкции описание деревоземляного замка, планировавшегося на Неве еще в 1573 г. в виде комбинированного укрепления с элементами деревянного замка и земляной бастионной крепости. Герман Флеминг, возглавлявший вторжение в Неву шведского флота, в целях «подчинения всего лена Нотебург шведской короне», получил приказ возвести на одном из островов деревянный замок с бастионом таких размеров, чтобы он мог вместить гарнизон в 500–600 человек. Он должен был быть трех-, четырех- или шестиугольным, в зависимости от особенностей острова. «Больверк должен быть не менее 3½ фамнов толщиной и 9 альнов высотой (6,23 и 5,34 м). На углах следует построить башни одинаковой высоты с самим укреплением, четырех- или шестиугольные, чтобы в них можно было найти укрытие. После того как больверк будет заполнен землей, над ним следует возвести бруствер из торфа, как в башнях, так и во всей крепости, не менее 4-х альнов высотой и 5-ти толщиной (2,37 и 2,96 м. — П. С.), а над ним затем следует построить ограждение высотой в один фамн (1,78 м. — П. С.), внутри которого следует разместить небольшие корзины высотой 2½ фута (75 см. — П. С.). Внутри двора замка нужно построить для кнехтов низкие деревянные дома, стены и крыши которых полностью покрыть торфом; всю внешнюю сторону больверка также нужно покрыть торфом не менее 1 альна толщиной (0,59 м. — П. С.), чтобы неприятель не смог его поджечь» (Munthe, 1902. S. 97, 98). Однако это распоряжение не было выполнено, или сделано что-то незначительное.

Из приведенного описания становится понятен принцип строительства такого рода сооружений. Основу его, вероятно, составляли рубленые стены высотой около 5,3 м и толщиной 6,2 м, заполненные землей, с башнями по углам. Поверх них устраивался бруствер из торфа высотой 2,37 м и толщиной 2,96 м, с ограждением высотой 1,78 м из туров, заполненных землей. С внешней стороны укрепления обкладывались дерном толщиной около 0,6 м. Внутри крепостного двора располагались перекрытые дерном солдатские казармы.

Исторические сведения об укреплениях Ниеншанца середины XVII в.

Распоряжение Государственного совета Швеции о разметке на местности города Ниена было дано в 1638 г. (Munthe, 1902. S. 534). В 1642 г.

Военная коллегия, рассмотрев вопрос об укреплении Ниена, поручила генерал-инженеру Лифляндии и Ингерманландии Иоганну фон Роденбургу⁵ подготовку проектных чертежей. В следующем 1643 г. И. Роденбург и Г. Швенгель составили планы укрепления Ниеншанца. Проект Ниена Швенгеля 1643 г. с пятибастионной крепостью на мысу не был согласован. Роденбург предложил развернуть цитадель и сместить ее ближе к оконечности мыса (*Munthe*, 1906. S. 23–25). Сводный чертеж этого времени, авторство которого приписывается Роденбургу, показывает оба проекта-предложения (KrA. SFP O. N. № 2; *Ahlberg*, 2005. S. 730–732), отличающихся в основном городскими укреплениями (рис. 2).

В 1644 г. Г. Швенгель, назначенный инженером Ингерманландии и лена Кексгольм, подготовил исправленный проект. Надпись на нем указывает на связь его с более ранним планом 1633 г.: «Здесь в 1633 году, я по милостивому повелению Вашего Королевского Величества наметил поселение для обывателей, Бог в помощь» (KrA. SFP O. N. № 1). Таким образом, разметка города и его новых укреплений была начата всего спустя год после королевского указа об основании города Ниена — в 1633 г. Новый проект предусматривал строительство пятиугольной цитадели с четырьмя бастионами, рavelинами и замком. Бастионы планировались с удлиненными фасадами с острыми исходящими углами (около 70°) и укороченными фланками, расположенными перпендикулярно куртинам, что характерно для староголландской системы укреплений (рис. 1, 3).

В 1652 г. генерал-губернатор Ингерманландии Эрик Стенбок послал в Стокгольм новый план городских укреплений Ниена, составленный генерал-квартирмейстером И. Роденбургом. В сопроводительном письме сообщалось, что в отличие от города «...крепость к этому времени была укреплена и могла выдержать осаду», но «план укрепления замка и города, составленный Швенгелем в 1644 г., должен быть продолжен, поскольку старое укреп-

⁵ Иоганн фон Роденбург — голландский инженер-фортификатор, находившийся с 1631 г. на русской службе, участвовал в строительстве Ростовской крепости, а также Белгородской засечной черты. С 1637 г. перешел на службу к шведской королеве. С 1639 г. был в должности генерал-инженера Лифляндии и Ингерманландии и занимался проектированием и строительством крепостей: Рижской, Неумюнде, Коброн, Киркхольм, Вольмар, Нарва, Кексгольм, Ниеншанц. Умер около 1657 г.

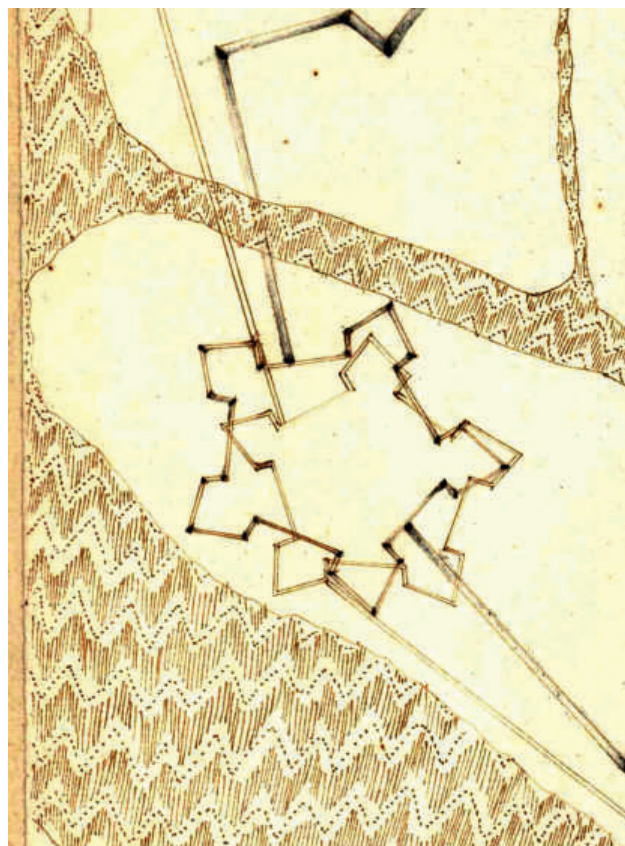

Рис. 2. Ниеншанц. Сводный план проектов крепости, предположительно принадлежащих Швенгелю и Роденбургу. Шведский военный архив

Fig. 2. Nyenskans. Composite plan of projects of the fortress which presumably belonged to Georg von Schwengeln and Juhan von Rodenburg. Swedish Military Archives

пление — сканцен к этому времени пришло в упадок, почти разрушилось» и до сих пор не восстановлено (*Bonsdorff*, 1891. S. 5; *Blees*, 1938. S. 76–78).

В том же году правительство утвердило обновленный генерал-квартирмейстером И. Роденбургом проект укреплений Ниена. После доработки Ю. Верншельдом он был послан в Ниен для выполнения. Разметкой укреплений на местности руководил инженер Г. Зойленберг, надзор за работами поручался И. Роденбургу. На плане Г. Зойленберга 1652 г., с припиской, что он предложен И. Роденбургом, мысовая цитадель изображена в форме звезды с пятью бастионами ближе к оконечности мыса. Вероятно, за основу был взят проект Роденбурга, зафиксированный на сводном чертеже 1643 г. (*Ahlberg*, 2005. S. 730–732). На новом чертеже окружающий цитадель ров заполнен водой, а два бастиона выходят в русла Невы и Охты, что стало следствием смещения крепости

ближе к узкой оконечности мыса и увеличения ее в размерах. С северо-востока и юга к ней примыкали городские укрепления, а крепостные ворота без рavelина выходили на юго-восток, к мосту через р. Охту. По внутреннему периметру цитадели, вдоль валов, планировались постройки, трапециевидные в плане. Всю ее центральную часть занимал Schloss — Т-образный замок, ориентированный в меридиональном направлении (Riksarkivet, O. 1652. L. K. № 2). Если на чертеже Г. Швенгеля, восходящего к 1633 г., вероятно, предлагалось включение в состав новой крепости старых укреплений, то план 1652 г., возможно, предусматривал строительство нового замка, так как крепость смещалась к северу, а он с измененными конфигурацией и ориентировкой оставался в ее центре.

Работы по возведению новой крепости вскоре были приостановлены из-за нехватки средств и рабочих (Blees, 1938. S. 76, 77). Новый генерал-губернатор Ингерманландии и лена Кексгольм Густав Горн в 1655 г. писал в Стокгольм, что «крепости Нотеборг, Кексгольм, Ивангород, Нарва пребывают в упадке... У многих мужиков в деревнях ворота лучше тех, что я видел в крепостях Короны. В Швеции на бумаге показывают грандиозные планы и чертежи, но ничего не выполняется» (Mynthe, 1902. S. 226, 227). Укрепления Ниеншанца также, вероятно, не были готовы к началу русско-шведской войны 1656–1661 гг. и летом 1656 г. без боя сданы русским войскам. Шведские войска покинули Ниеншанц, были сожжены около 500 домов, значительные запасы хлеба и захвачено восемь пушек. Однако вскоре он был оставлен русскими войсками, и шведы вновь закрепились в нем (Гиппинг, 1909. Т. 2. С. 86; Blees, 1938. S. 78).

В 1659 г., после заключения перемирия в войне, новый генерал-губернатор провинции Симон Гельмфельт получил приказ об укреплении Ниена — «весьма значительного и важного населенного пункта», в соответствии с прежним планом. В сентябре 1661 г. он рапортовал о том, что строительство укреплений цитадели почти полностью завершено. Однако в том же году Якоб Штааль фон Гольштейн разработал новый план укрепления Ниена, относившийся, вероятно, именно к цитадели, поскольку в 1663 г. было приказано продолжить работы по ней. Строительство ее было завершено 7 сентября 1665 г, а в следующем, 1666-м, году окончено сооружение городских валов (Munthe, 1906. S. 225–227, 521–526). О какой крепости шла речь в послевоенных документах, видно из сохранившегося плана Ниеншанца 1665 г., который был

подготовлен Юханом Шталем, вероятно, на основе чертежей начала 1660-х гг. его сводного брата Якоба Шталя (Ahlberg, 2005. S. 736, 737). На плане показано новое расположение крепостных укреплений, смещенных южнее, на более широкую часть мыса. Размещение крепости на узкой оконечности мыса, объясняемое правилами фортификации, являлось и ее существенным недостатком, так как сказывалось на размерах укреплений, ограниченных береговыми линиями рек. Вероятно, это противоречие и стало главной проблемой, решавшейся строителями во второй период. Это означает, что строительство крепости третьего периода — в начале 1660-х гг. — велось по обновленному плану и на новом месте, по сравнению с довоенными укреплениями, хотя чертеж самой крепости близок проекту И. Роденбурга и Г. Зойленберга.

Генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг, посетивший Ниеншанц в 1681 г., писал о более удаленной от окончания мыса новой крепости: «...вершины двух бастионов (Мельничного и Мертвого. — П. С.) поднимаются с одной стороны до самой реки Невы, а с другой — до Черной речки (Охты. — П. С.), а эти реки переполнены водой и льдом не только весной и имеют сильное течение. При сильном западном, северном или юго-западном шторме течение гонит воду из Балтийского моря в Неву и Черную Речку на 7–8 футов выше ее ординара <...> течение вызывает большие волны, которые при ледоходе и весеннем половодье совершенно неистовствуют, смывая и разбрасывая все по пути, поскольку почва состоит из глины и смешанной с песком земли, которая не может сопротивляться воде. Это приводит к тому, что ров обоих бастионов соединяется с Невой и Черной Речкой, и хотя до сего дня его удавалось укрепить прочными больверками и шпунтами, чтобы сохранить их, вода ежедневно причиняет ущерб и есть опасность, что эти бастионы будут совершенно разрушены водой» (Кальюнди, Киртичников, 1975. С. 78, 79). На карте течения Невы, приложенной к этому донесению, также отмечалось, что «...при буре с запада, севера и юго-запада вода у Ниена поднимается на 4 локтя выше обыкновенного и причиняет находящемуся там укреплению большой убыток...» (Лаппо-Данилевский, 1913. № 9).

Сооружения раннего Ниеншанца (1611–1643 гг.) по археологическим данным

Изучение территории крепости показало, что ко времени ее основания на мысу существовало сельское поселение, но оставались заплывшие

рвы Ландскроны, окружавшие ее возвышенную полуразрушенную деревоземляную платформу. Старые рвы сохранялись весь начальный период, и это обстоятельство во многом определило структуру строившихся укреплений, названных Ньюенсканс, что в переводе со шведского могло означать как Невское, так и новое укрепление. Последняя версия и, следовательно, двойственный смысл этого названия находят подтверждение как в историческом ландшафте мыса, где старые укрепления Ландскроны по-прежнему явственно читались, так и в шведских документах XVI — начала XVII в. о планах строительства крепости на Неве на месте прежней. В ранней шведской историографии эта преемственность всячески подчеркивалась (*Bonsdorff*, 1891. S. 5, 6; *Blees*, 1938. S. 74).

Рвы Ландскроны. Две линии рвов окружали квадратную в плане площадку Ландскроны в центральной части мыса размерами около 114 × 114 м. Третий ров, пересекавший мыс в широтном направлении, располагался в 40 м южнее. Все они имели плоское дно и трапециевидную форму, с наклоном стенок у первого рва до 60°, у второго и третьего — около 45–50°. Первый ров был шириной около 11 м, глубиной до 2,8 м, второй, удаленный от него на 14–15 м, — шириной около 15 м и глубиной 2,4 м, возможно, замыкался с западной стороны на берег Невы. Все они частично были перекрыты слоем разрушения и намывными песчаными отложениями, но в основном оставались открытыми и, вероятно, подновлялись в начальный период строительства Ниеншанца.

К началу XVII в. мощность аллювиального (наносного) песка, отложившегося в средневековый период в заполнении первого рва, составляла около 1 м, второго и третьего — в основном не более 0,5 м. Слои засыпки рвов в середине XVII в. отличаются по своему составу. Заполнение первого рва представляет собой супесь пестрого цвета с включениями комков дерна, глины, органики и истлевшей древесины — остатков деревянных конструкций Ландскроны, перемещенных при выравнивании площадки крепости. Второй ров был засыпан однородным слоем желтой супеси, видимо, в результате нивелировки пространства между рвами. В слоях засыпки обоих рвов с юго-восточной стороны было найдено около 200 переотложенных погребений (раскопы 7, 8/2009) (*Сорокин и др.*, 2013. С. 104, 105). Если в первом рву они были рассредоточены, то во втором их скопления в двух местах носили явные следы перезахоронения (рис. 3). Их

появление здесь связывается с разрушением кладбища на берегу Охты при строительстве новых укреплений. Многочисленные находки в засыпке рвов предметов XVII в. (фрагментов керамической посуды, изразцов, стекла, курительных трубок) указывают на относительно продолжительный период их существования в открытом виде в этом столетии. Время засыпки первого и второго рвов уточняют найденные в их заполнении, а также между рвами три монеты королевы Кристины (1632–1654 гг.), отчеканенные не ранее середины 1630-х гг. В третьем, сохранявшемся в виде ложбины за пределами крепостных укреплений Ниеншанца и во второй половине столетия, в гумусных прослойках на дне помимо них найдены и монеты Карла XI (1660–1697 гг.). Таким образом, два основных рва Ландскроны сохранялись на поверхности и выполняли, особенно второй, оборонительные функции до середины XVII в. Их окончательно засыпали только во втором и третьем строительных периодах, а третий ров сохранялся и позднее.

Ранние сооружения Ниеншанца оказались значительно повреждены при возведении новых укреплений начала 1660-х гг. (третий период) и строительстве XIX–XX вв. Остатки шести построек и хозяйственных сооружений первой половины — середины XVII в. оказались перекрыты валами новой крепости. Еще столько же находились ближе к Охте — на северо-восточной и северной оконечностях мыса — за ее пределами. Крепостные постройки, за редким исключением, не сохранились, остались лишь их заглубленные в грунт на 1,2–1,5 м основания. Их расположение на периферийной части мыса и под укреплениями Ниеншанца середины XVII в. позволяет связывать их с ранней застройкой крепости, чему не противоречат и обнаруженные в них находки.

Основание одной из построек (№ 3–11⁶) изучено в месте локализации по историческим планам замка первоначального Ниеншанца. Она располагалась в южной части крепостной площадки Ландскроны, в 8 м севернее ее первого рва. Котлован постройки, прослеженный с уровня около 3,70 БС⁷, прорезал деревоземляную платформу Ландскроны, погребенную под ней почву и песчаные слои на глубину до 0,8 м, однако его первоначальная глубина могла достигать около

⁶ Постройка № 3–11 (нумерация в соответствии с полевой документацией — постройка № 3, раскоп 11).

⁷ Здесь и далее уровни — нивелировочные отметки — даются в Балтийской системе высот (БС).

Рис. 3. Ниеншанц. Массовое перезахоронение человеческих останков во внешнем рву Ландскроны

Fig. 3. Nyenskans. Mass reburial of human remains along the external ditch of Landskrona

1,5 м. Подземная часть сооружения сохранилась в виде остатков каменного фундамента стен и выложенного булыжником пола. Пятиугольная постройка состояла из двух помещений — западного и восточного, разделенных каменной стеной. Максимальные размеры стен по внешнему контуру достигали 10,3–10,4 м. Площадь постройки (с фундаментами) составляла около 96 кв. м, внутренняя — полезная площадь — около 65,5 кв. м (рис. 4). Фундаментная кладка стен, сложенных из грубо обработанной известковой плиты, шириной 0,7–0,9 м, изнутри помещения имела лицевую обработку. Пол, на отметках 3,14–3,27, вымощен плотно подогнанным, калиброванным булыжником, размером 0,15–0,20 м. В западном помещении у середины внутренней стены находилась небольшая плавильная печь, овальная в плане и грушевидная в разрезе, размерами 0,64 × 0,48 м и высотой 0,41 м.

Стратиграфические наблюдения не дают надежных оснований для уточнения времени существования постройки, впущенной в край деревоземляной платформы Ландскроны из переотложенных слоев. Коллекция находок из заполнения, включавшая печные коробчатые изразцы с растительным орнаментом, покрытые темно-зеленой

поливой, белоглиняные курительные трубки, сосуды из керамики и каменной массы, датируется в пределах XVII в. Однако расположение постройки не совпадает с планиграфией поздней крепости, строения которой располагались вдоль куртин, по периметру крепостного двора. Поэтому, вероятно, она строилась до разрушения Ниеншанца в 1656 г. Основание подвальной части было выложено из камня, с сохранившимися в фундаментной кладке прямоугольными гнездами для деревянных столбов, которые могли служить для крепления опалубки при возведении каменных стен подвального помещения в котловане с оплывающими песчаными стенками. Другим объяснением этих столбов могла быть фахверковая конструкция ее наземной части. Подвальный этаж, в котором была устроена плавильная мастерская и найдены жернова, вероятно, использовался в качестве хозяйственного помещения. В южной части на основе столбов, остатки которых сохранились, могла быть устроена межэтажная деревянная лестница, а также настилы. На втором этаже находилось отопляемое помещение с изразцовой печью. Изученное сооружение, возможно, было частью королевского двора — замка, располагавшегося на этой территории в первой

Рис. 4. Ниеншанц. Подвальный этаж постройки XVII в. с каменным фундаментом и полом
 Fig. 4. Nyenskans. Basement storey of the 17th century building with a stone foundation and a floor

половине — середине XVII в. Других археологических объектов, которые могли бы к нему относиться, не выявлено.

Крепостной мост. В центре восточной части второго рва Ландскроны со стороны р. Охты обнаружена срубная конструкция — остатки моста, ведущего в город Ниен (рис. 5). Сруб длиной 7,6 м и шириной 6 м располагался поперек рва, при его общей ширине около 15 м. Он был установлен поверх гумусной прослойки, отложившейся до начала XVII в., и перекрыт слоем засыпки рва середины этого столетия. Пролет моста, срубленный из бревен диаметром до 30 см «в чашку», сохранился на высоту в шесть венцов до уровня 2,59, причем нижние бревна сохранились хорошо, а верхние (после 1,90) — в полуистлевшем виде. Основание сруба имело уклон до 5° в восточном направлении — к середине рва. Западная его стенка опиралась на внутренний склон на уровне 1,90, а восточная — на его дно, на отметке 1,07. Продольные бревна четырех нижних венцов вследствие этого имели соответствующий уклон к центру рва, а пятый и шестой венцы лежали горизонтально. При этом концы верхних бревен, обращенные

к середине рва, выступали по отношению к нижним, нависая над ними. Нижний венец выступал на 0,8 м за фасад восточной стенки, второй — на 0,6 м по отношению к первому, а третий — на 0,8 м — ко второму. В середине северной и южной стенок изнутри сруба, вплотную к ним, в дно рва были вкопаны на глубину до 35 см (отметка 0,93) деревянные столбы диаметром 30 см, обеспечивавшие поперечное крепление конструкции.

Место примыкания сруба к западной стенке рва оформлено дерновой обкладкой склонов на уровне 1,90–2,50, служившей для их закрепления и предотвращения оплывания. С противоположной — внешней — стороны рва по древесному тлену прослеживались следы бревенчатой стенки, установленной вдоль рва. Возможно, она является остатками второго, разводного, пролета моста, который впоследствии был разобран. Следы древесного тлена имелись в нижней части заполнения рва, между прослойками гумуса и в слое оплывания стенок. Таким образом, изученный сруб представляет собой основание главного крепостного моста через оборонительный ров первоначальных укреплений Ниеншанца.

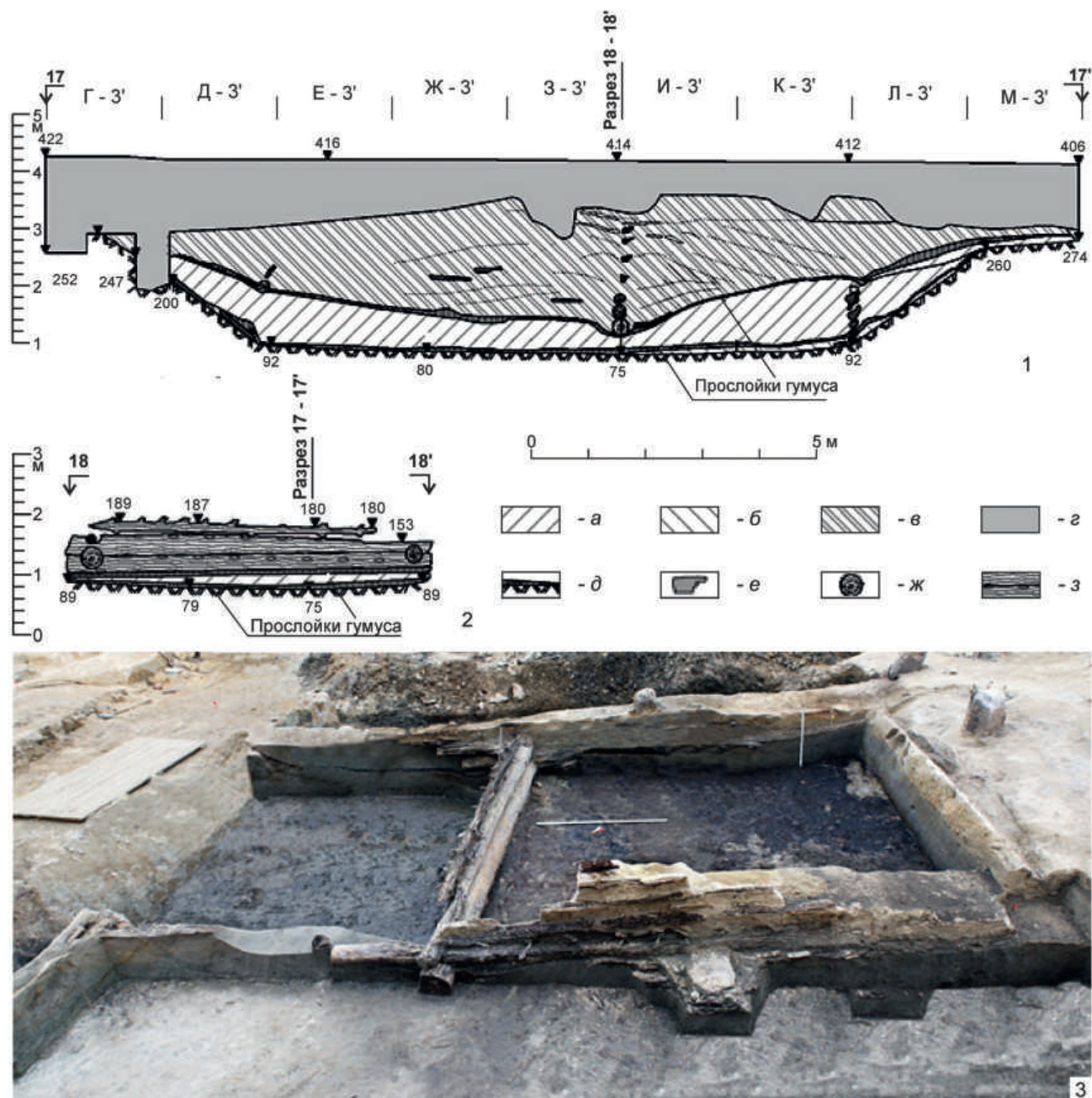

Рис. 5. Ниеншанц. Крепостной мост первого периода во втором рву Ландскроны. 1633 г.: 1, 2 — разрезы 17-17' и 18-18' (а — слой штурма и дефортификации Ландскроны; б — слой разрушения Ландскроны XIV-XVI вв.; в — слой строительства Ниеншанца первой половины XVII в.; г — слой конца XIX — XX в. с остатками сооружений и строительным мусором; д — подстилающие песчаные слои; е-з — дерево); 3 — вид с юго-востока

Fig. 5. Nyenskans. Fortress bridge of the first period in the second ditch of Landskrona. 1633: 1, 2 — sections 17-17' and 18-18' (a — the layer of the storm and defortification of Landskrona; б — the layer of the destruction of Landskrona in the 14th-16th cen.; в — layer of the construction of Nyenskans in the first half of the 17th cen.; г — layer of the late 19th – 20th cen. with the remains of buildings and construction trash; д — underlying sand layers; е-з — wood); 3 — view from south-east

Использование внешнего рва Ландскроны в начале XVII в. подтверждается стратиграфическими наблюдениями при разборке его заполнения. На дне и склонах рва, а также за его пределами, с внешней стороны, отложились гумусные прослойки с находками этого времени, перекрывающие позднесредневековые наносные песчаные отложения мощностью 0,5–1,0 м. В гумусной прослойке имеются включения древесного тлена и щепы, отложившиеся в процессе строительства моста. Под срубом и рядом с ним в прослойке наблюдалась концентрация находок: фрагменты плосковидных изразцов, белоглиняной курительной трубки, различных гончарных сосудов — поливных треножников и тарелок, кухонных красноглиняных и сероглиняных горшков, осколки тонкостенных и граненых стеклянных сосудов, бутылки, оконного стекла и кованый гвоздь. Среди находок из органики имеются: клепки деревянного ведра, берестяные изделия — части короба и сумки, отдельные куски бересты, а также фрагменты берестяной и кожаной обуви.

Стратиграфические наблюдения позволяют связывать возникновение моста с временем до середины XVII в., однако установка его на поверхности прослойки с многочисленными находками этого времени указывает на его появление позднее первоначальных укреплений Ниеншанца в 1611 г. Время его строительства уточняет дендродатирование трех венцов сруба, указывающее, что они были срублены не ранее 1633 г. (Сорокин, Тарабардина, 2012. С. 86). Судя по всему, мост использовался вплоть до начала нового крепостного строительства в начале 1650-х гг., когда часть его была разобрана, другая засыпана вместе со рвом.

Частокольные заграждения — палисады первой половины XVII в. были выявлены со стороны Охты на подступах к основным укреплениям крепости с восточной и северной сторон. Не исключено, что они существовали и на южном, напольном, направлении, а возможно, и со стороны Невы — на западе крепости, но эта территория не раскапывалась. В центральной части они примыкали к крепостному мосту, выходившему к Охте и связывавшему крепость с центром города Ниена. Палисады располагались вдоль второго рва Ландскроны на удалении до 14 м от него. В южной части заграждение пересекало третий ров этой крепости, вырытый между Охтой и Невой. Севернее оно, видимо, продолжалось вдоль реки и огибало оконечность мыса, защищая его возвышенную часть. На плане 1644 г. здесь по всему ее периметру показан горнверк — вспомогательное

наружное укрепление, служившее для усиления основного крепостного фронта, к которому оно примыкало (рис. 1, 3).

В лучшем состоянии сохранились остатки частокола в пределах третьего рва Ландскроны, оставшегося в виде ложбины в юго-восточной части мыса в XVII в. Здесь, на пониженном участке, на протяжении около 11,5 м, изучены два ряда частокола из кольев диаметром 12–20 см (рис. 6). Они были установлены в специально вырытые канавки, пересекавшие ров в меридиональном направлении (азимут 340°) на расстоянии 1,75–1,90 м друг от друга. Интервалы между кольями в ряду составляли 3–6 см. В донной части рва канавки, шириной 0,2–0,4 м, были заглублены в материк, на склонах — в засыпку рва на 0,4–0,8 м. Основания кольев были срезаны горизонтально, верхние их части, выше уровня канавок, не сохранились. Сверху они оказались перекрыты слоем прокаленного песка с включениями прослоек древесного угля и находок XVII в., связанным с разрушением крепости и пожаром 1656 г. Судя по серии дендродат (раскоп 18/2009, образцы № 24–26, 34), это заграждение было сделано около 1638 г. (Сорокин, Тарабардина, 2012. С. 87).

Следующий участок частокольных заграждений протяженностью около 40 м, ориентированный в меридиональном направлении (азимут 340°), сохранился в центральной части Мертвого бастиона (раскоп 14/2009). С южной и северной сторон он перерезался крепостным рвом Ниеншанца второй половины XVII в. Частокольные канавки шириной 0,25–0,35 м были проложены с интервалами 0,6–0,9 м. Восточная — прослеживалась на протяжении 35 м по прямой линии и далее перерезалась поздними перекопами. Проходившая параллельно ей западная канавка в северной части, в 8 м перед мостом, поворачивала под прямым углом ко рву и продолжалась 7 м, затем в 6 м от него вновь поворачивала на север и через 2 м обрывалась перекопами. Вероятно, частокольное заграждение примыкало в этой части к воротам или каким-то иным сооружениям, закрывавшим проход к крепостному мосту.

Глубина восточной канавки достигала около 0,6 м от дневной поверхности середины XVII в., а западной — 0,75 м, дно их было на уровне около 3,00 и 2,85 соответственно. Обе они оказались заполнены гумусированной супесью с включением дерна. Основания частоколов сохранились на отдельных участках в заполнении в виде истлевших, местами обуглившихся кольев диаметром 0,12–0,15 м, установленных вплотную друг к другу.

Рис. 6. Ниеншанц. Частокольное заграждение в юго-восточной части мыса. 1638 г.

Fig. 6. Nyenskans. Palisade barrier in the south-eastern section of the cape. 1638

В северной части вблизи примыкания моста они носили следы горения.

Еще одна сходная по устройству частокольная канавка прослежена в восточной части мыса — севернее рва Ниеншанца середины XVII в., окружавшего Мертвый бастион (раскоп 53/2010). Она сохранилась на участке протяженностью свыше 15 м в наносных песчаных слоях оплывшего рва Ландскроны и перерезалась с западной стороны поздним рвом Ниеншанца. Частокольная канавка шириной 0,45 м и глубиной 0,9 м, с остатками столбов диаметром 12–17 см, на этом участке, в отличие от предыдущих, ориентирована в направлении, близком к широтному (азимут 175°). Канавка связывалась авторами раскопок с ограждением земельного участка, примыкавшего к обнаруженной поблизости постройке XVII в. (Соловьева, 2010. Т. 45. С. 10, 11).

Участок частокольной канавки, ориентированный в меридиональном направлении (азимут 340°), протяженностью свыше 10 м, шириной 0,35 м, глубиной до 0,9 м (0,9 БС), с остатками частокола диаметром 0,12–0,17 м, изучен у северо-восточного угла второго рва Ландскроны по его внешней границе (раскоп 25+/2010) (Там же. Т. 25. С. 11). В 32 м к западу от этого места с внутренней стороны того же рва, на его северном участке, вдоль середины склона выявлен участок частокола длиной 5–6 м и шириной 0,38 м, ориентированный в широтном направлении (раскоп 48/2010).

В нем был установлен частокол диаметром около 0,1 м (Там же. Т. 41. С. 11).

Сходная ситуация была прослежена и на восточном участке второго рва Ландскроны — в 20 м севернее крепостного моста, где у основания внутреннего склона, на отметках 1,40–1,50, обнаружена линия частокола (азимут 340°) из восьми вкопанных деревянных столбов диаметром 10–15 см. Основания столбов на уровне около 1,20 были прямо срезаны и чуть расплющены, возможно, из-за большой механической нагрузки. Эти частокольные линии, обнаруженные в двух местах на внутренней стороне второго рва Ландскроны, назначение которых пока не выяснено, видимо, были локальными и могли относиться к укреплениям как этой крепости, так и раннего Ниеншанца.

Двойные частокольные канавки, прорытые с интервалом 1,0–1,5 м, ориентированные в направлении юго-восток–северо-запад (азимут 320°), были обнаружены и в северной части мыса (раскоп 52/2010). Ширина их составляла 0,34–0,40 м. В материке на глубине 0,20–0,22 м в виде пятен сохранились основания кольев диаметром 0,10–0,14 м (Соловьева, 2010. Т. 44. С. 12). Далее, на северной оконечности мыса (раскоп 30+/2010), выявлена еще одна линия из двух параллельных цепочек столбовых ям, ориентированных в широтном направлении (азимут 250°). В них сохранились 11 столбов диаметром 0,13–0,27 см. В одном месте частокольная канава оказалась перебита погребением XVII в.

(Там же. Т. 27. С. 21), относящимся, вероятно, ко времени штурма крепости в 1703 г. Это позволяет предполагать, что к этому времени ограждения уже не было, и, соответственно, связывать его с более ранними укреплениями.

Двойные частокольные заграждения в южной, центральной и северной частях мыса, ориентированные вдоль Охты, судя по расположению и конструктивным особенностям, могут относиться к оборонительной линии со стороны этой реки на подступах к основным укреплениям крепости первой половины XVII в. Она располагалась вдоль восточного крепостного рва Ландскроны, на удалении до 14 м от него, в направлении юго-восток–северо-запад (азимут 340–320°). В центральной части, у моста через ров, от которого дорога выходила прямоком на Охтинский мост, ограждение стояло вдоль нее, образуя открытую площадку перед крепостным мостом, что соответствует плану 1643 г. Ограда также отделяла крепость от кладбища на берегу Охты, примыкавшего к ней с юго-восточной стороны. Еще три участка однорядного частокола в центре и на севере мыса, ориентированные в широтном направлении, видимо, представляют собой разновременные защитные сооружения на северных подступах к крепости. Частокольные ограды другого назначения, вблизи укреплений, противоречат принципам обороны, так как любые сооружения могли служить прикрытием для неприятеля при их штурме. Создание восточной оборонительной линии на основе дендрохронологического датирования южного участка может быть отнесено ко времени около 1638 г., а прекращение ее существования связано с разрушением Ниеншанца в 1656 г. и со строительством новых укреплений начала 1660-х гг. Следы пожара частокола прослежены в его южной и центральной частях. Севернее частокольные заграждения могли сохраняться как дополнительные укрепления оконечности мыса в середине и второй половине XVII в.

Остатки четырех построек и хозяйственных сооружений первой половины XVII в. находились внутри ограды, пять других — за ее пределами, ближе к реке. Из них три на севере, вероятно, были прикрыты дополнительной заградительной линией. Все эти постройки были заглублены в грунт и имели подвалы или цокольные этажи. Одна из них (4-1), со срубом размерами 5,8 × 5,8 м, опущенным в котлован глубиной 1,4 м, на месте Мертвого бастиона середины XVII в., погибла в пожаре перед его сооружением. Судя по обнаруженным в ней находкам — печным изразцам,

керамике, курительным трубкам и монетам — она была жилой (Сорокин и др., 2017. С. 70–78).

Земляные укрепления Ниеншанца 1643–1656 гг. обнаружены в процессе раскопок с восточной и южной сторон мыса. При зачистке насыпной песчаной поверхности на уровне 3,4–4,6 м были выявлены общие контуры укреплений — три параллельные полосы грунта черного цвета, перемежавшиеся песчаным заполнением, общей шириной около 11 м. В результате их расчистки обнажились три линии кладок, сложенных из пластов дерна, ориентированные в основной части в направлении, близком к меридиональному (рис. 7). Исследования показали, что восточная кладка является облицовкой эскарпа крепостного рва, а две другие сделаны с наклоном друг к другу и соединены дерновым слоем в основании, маркируя некую траншею позади эскарпа.

Внутренняя стенка рва восточной куртины крепости, ориентированная в меридиональном направлении, прослежена на протяжении около 37 м (раскоп 7/2008). На окончаниях с обеих сторон к ней примыкали фланки бастионов, и стенка рва в этих местах поворачивала под прямым углом в восточном направлении. С северной стороны куртины (правый фланк восточного бастиона) она продолжалась на протяжении около 10 м, пересекая ров Ландскроны под углом около 40° и заканчивалась на его внешнем склоне. Эскарповая стенка нового рва в основании фланка, облицованная дерновой кладкой, возводилась на дне второго рва Ландскроны до верха его бортов, и пространство за ней внутри новых укреплений засыпалось песчаным грунтом. Она проходила в широтном направлении в 12 м южнее старого крепостного моста, оказавшегося в результате засыпки в теле строящегося бастиона. Однако новый ров за пределами старого, в соответствии с конфигурацией планируемых укреплений, почти не был вырыт. Исключение составляют подрезки его бортов и небольшой участок с внутренней стороны восточной куртины, фланка и фаса юго-восточного бастиона, отодвинутых до 8 м от стенки существовавшего рва к западу. Контрэскарп нового рва на этом участке вообще не был оформлен, и, таким образом, ров не был завершен.

С южной стороны восточной куртины, на левом фланке юго-восточного бастиона, эскарп рва продолжался под прямым углом на протяжении 9 м. Далее он поворачивал под углом около 100° в южном направлении, переходя в основание фаса бастиона, край которого прослежен на протяжении свыше 57,4 м. В северной части он оформлялся

Рис. 7. Ниеншанц. Дерновые обкладки рва и фоссебреи крепости второго периода на участке примыкания левого фланка юго-восточного бастиона к восточной куртине на уровне выявления

Fig. 7. Nyenskans. Turf facings of the ditch and fausse-braie of the fortress at the area of junction of the left flank of the south-eastern bastion and the eastern curtain at the level of discovery

с подрезкой внутреннего склона рва Ландскроны, а далее прослежен между рвами (раскопы 5, 8/2008). В центре этого участка он был перерезан крепостным рвом Ниеншанца 1660-х гг. Самый южный участок дерновых кладок на этом направлении был зафиксирован в теле Карлова бастиона середины XVII в. (раскопы 38, 44, 44+/2010), на удалении 5–8 м от стенки его левого фаса на уровне 4,17 (Соловьева, 2010. Т. 17, 23, 33). Общая протяженность изученных оборонительных линий восточных и юго-восточных укреплений крепости 1640-х гг. составила около 116,5 м.

Эскарповая стенка крепостного рва, сохранившаяся на высоту до 3,6 м, опускалась с уровня 4,06–3,74 до 1,3–1,5. С отметок 3,30–3,50 ров был вырыт в материковом песке, а верхняя часть его эскарпа была насыпной. В местах пересечения старых рвов стенки нового целиком формировались насыпным грунтом. Снаружи они облицовывались дерновой кладкой. В одних местах она

примыкала с тыльной стороны к стенке котлована, в других — пространство между ними заполнялось чередующимися слоями дерна и песка. Ширина кладки из уложенных горизонтально пластов дерна по верху составляла около 0,5 м, в основании стенки — 0,90–1,15 м. Угол эскарпа также менялся — в нижней части (до отметки 2,8) он достигал 80°, а выше уменьшался до 45–50°. Эта конструктивная особенность связана с распределением нагрузки верхней части кладки между дном, склоном и основанием дерновой стенки, опущенной для усиления в канавку глубиной до 0,15 м, вырытую в материке (рис. 8).

Две внутренние линии дерновых кладок, находившихся за рвом и в плане повторявших его конфигурацию, сохранились только в нижних частях (рис. 9). Они являлись облицовкой стенок фоссебреи — дополнительного пониженного вала — и эскарпа главного крепостного вала. В пределах изученной восточной куртины вторая кладка

Рис. 8. Ниеншанц. Ров крепости второго периода: 1 — общий вид; 2 — разрез дерновой стенки

Fig. 8. Nyenskans. The ditch of the fortress of the second period: 1 — general view; 2 — section of the turf wall

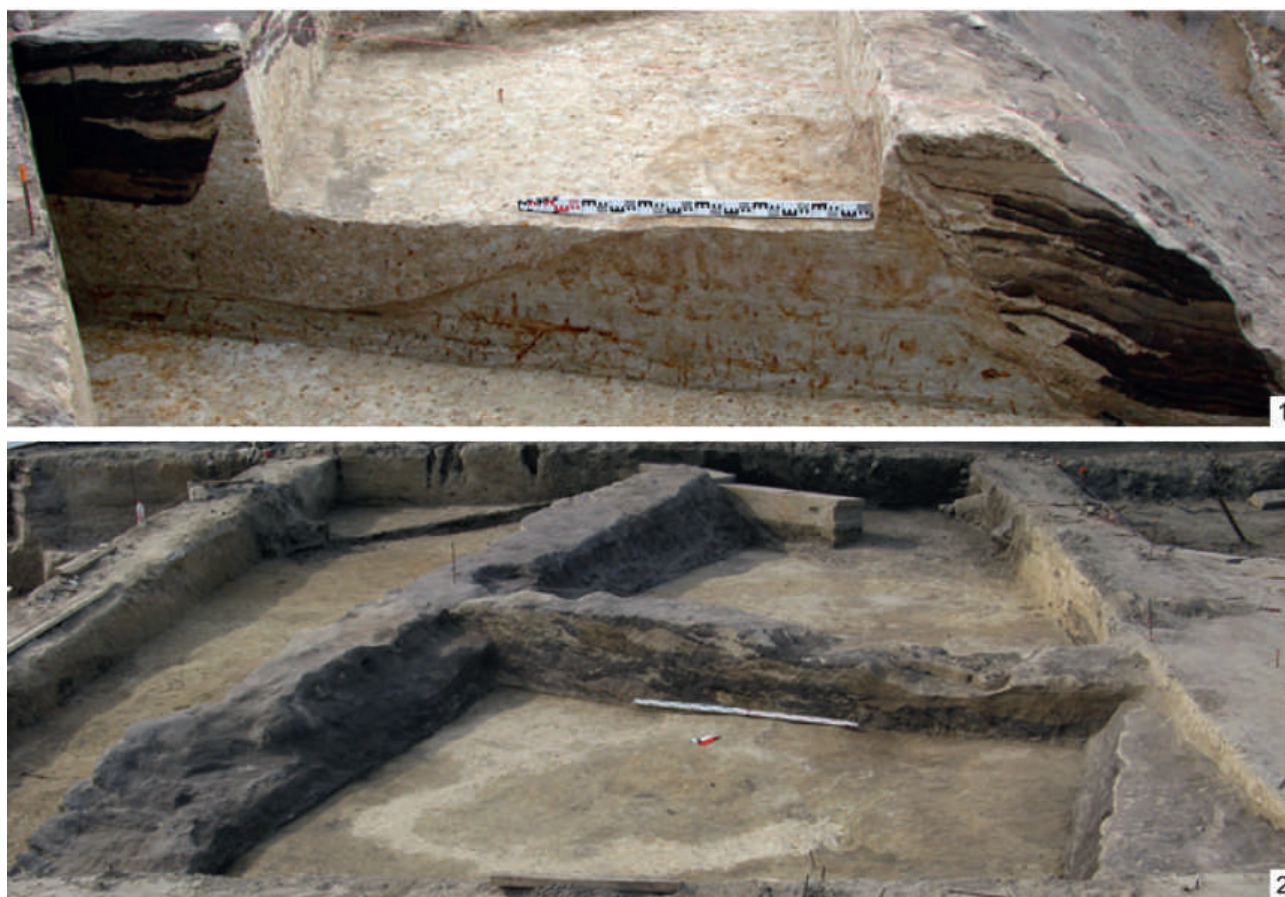

Рис. 9. Ниеншанц. Фоссебреи крепости второго периода: 1 — участок между рвом и траншеей; 2 — участок между валом фоссебреи и крепостным валом

Fig. 9. Nyenskans. Fausse-braies of the fortress of the second period: 1 — area between the ditch and the trench; 2 — area between the bank of the fausse-braie and the defensive rampart

Рис. 10. Фоссебреи крепости Кастеллет (Копенгаген) первой половины XVII в.

Fig. 10. Fausse-braies of the fortress of Kastellet (Copenhagen) of the first half of the 17th cen.

находилась в 2,5–2,8 м к западу от границы рва, а третья, являвшаяся одновременно основанием эскарпа крепостного вала, — в 3,8–4,0 м от второй. Внутренние дерновые кладки шириной около 1,1 м, а в основании до 1,4–1,7 м, сделанные из пластов дерна, уложенных один на другой со смещением в сторону наклона, сохранились на высоту до 0,85 м в северной части (раскоп 7; отметки — 3,55–4,4) и до 1,3 м — в южной (раскоп 8; отметки — 3,3–4,9). Их основания также были заглублены в канавки, врезанные в песчаную подсыпку и материк на 0,15 м. Облицовочные кладки имеют наклон в противоположные стороны от плоского дна, создавая трапециевидную в разрезе форму траншеи. Угол наклона второй кладки — валганга фоссебреи — ко дну составляет около 115°, при крутизне склона около 65°, кладки эскарпа крепостного вала, соответственно, 130° и 50°. В основании, на уровне около 3,65–3,75, дно траншеи шириной около 3,8–4,0 м также было перекрыто дерном. Учитывая, что в верхней части траншея расширялась, ширина ее достигала 5 м (раскоп 8/2008) и более.

Соответственно с фронта она примыкала к краю рва, будучи отделенной от него узким 1,5–2,0-метровым валом, высотой в человеческий рост, и бермой, а с тыльной стороны — к основанию эскарпа крепостного вала, в облицовку которого переходила в верхней части третья кладка.

Вероятно, по проекту фоссебреи должны были опоясывать крепость по периметру, создавая дополнительный рубеж обороны между рвом и валом. Часто они устраивались на флангах и куртинах, образуя единую позицию, как это видно на примере крепости Кастеллет (Копенгаген) первой половины XVII в. (рис. 10).

С южной стороны крепости между первым и вторым рвами Ландскроны (раскоп 10/2009) сохранился участок дерновой кладки протяженностью около 12 м, вытянутый в широтном направлении. Здесь также к началу фортификационного строительства первой половины XVII в. сформировалась гумусная прослойка мощностью до 0,1 м. Ее перекрывали песчаные подсыпки на уровне 3,15–4,80, повышавшиеся от рвов к центру

Рис. 11. Ниеншанц. Разрез крепостных укреплений на плане Швенгеля 1644 г.

Fig. 11. Nyenskans. Section of the defences on the 1644 plan by von Schwengeln

межровного пространства до 1 м. На поверхности их была возведена дерновая стенка шириной до 2,2 м, сохранившаяся на высоту около 0,5 м — до отметки 4,90. Она сложена из дерновых пластов размером 0,6 × 0,3 × 0,2 м (рис. 11). В разрезе она трапецевидная, двухчастная, как в облицовке эскарпа рва. Ее эскарповая дерновая кладка, имевшая уклон более 60°, шириной около 0,5 м в верхней и 0,8 м в нижней частях, обращена на юг, в сторону внешнего рва Ландскроны, удаленного от нее на 6–7 м. За ней следует дерновая кладка, перемежающаяся песчаными прослойками. Выявленный участок по своему положению может быть частью конструкции недостроенного основания эскарповой стены крепостного вала левого фаса юго-западного бастиона крепости. Разрушение его связано с перестройкой крепости в середине XVII в., когда происходила засыпка второго рва Ландскроны, в заполнении которого, вдоль ближайшего эскарпового склона, обнаружено скопление дерновых пластов. К первому периоду строительства Ниеншанца относится бревно, использованное вторично в укреплении эскарпа рва расположенного поблизости Гельмфельтова бастиона середины XVII в., которое датировано дендрохронологическим методом 1625 г. Это показывает, что при перестройках сохранившиеся конструкции могли использоваться в новом качестве.

Сравнение выявленных остатков оборонительных сооружений крепости середины 1640–1650-х гг. с проектными чертежами показывает, что они не совпадают по конструкции с разрезом укреплений на плане Швенгеля 1644 г., где также перед основным валом высотой около 5 м показана фоссебрея (рис. 12). Она отделяется от рва бермой глубиной всего 1,8 м и шириной по дну около 9 м и насыпью высотой около 2 м и толщиной до 3 м. При этом ширина самой траншеи фоссебреи по дну, равная толщине главного вала, достигает около 5,4 м. Названные параметры рва значительно — более чем в два раза — уступают

аналогичным параметрам крепости второй половины XVII в., у которой не было фоссебреи.

Заключение

По результатам исследований выделяются три основных периода строительства Ниеншанца: первый — 1611–1643 гг., второй — 1643–1656 гг., третий — 1658–1703 гг., характеризующиеся полной перестройкой и изменением конфигурации основных крепостных сооружений. Укрепления первой половины и середины XVII в. сохранились преимущественно за пределами более поздних. Крепость первого периода (1611–1643 гг.) сохраняла определенную планиграфическую преемственность с Ландскроной. Это обстоятельство и определило систему строившихся шведами укреплений, в основу которых была положена оборонительная структура предшествующего периода. Судя по историческим планам 1640-х гг., основой фортификационных сооружений раннего Ниеншанца был королевский двор, построенный как регулярный замок в центральной части Охтинского мыса на месте деревоземляной платформы Ландскроны. Его сооружения располагались в форме каре и, судя по имеющимся данным, могли быть деревоземляными, с отдельными каменными подвальными помещениями. С внешней стороны крепость была защищена сохранявшимися в ландшафте тремя линиями средневековых рвов.

Первый ров был частично засыпан, а через второй с восточной стороны устроен крепостной мост, выходящий к мосту через Охту и кратчайшим путем связывавший крепость с центром Ниена. Строительство его около 1633 г. последовало вскоре после распоряжения Густава II Адольфа в 1632 г. об основании этого города. Около 1638 г. с восточной и северной сторон крепости, за вторым рвом, было возведено частокольное заграждение, продолжавшееся, видимо, и с других сторон по всему ее периметру. Выявленные линии частокольного совпадают по расположению с внешними

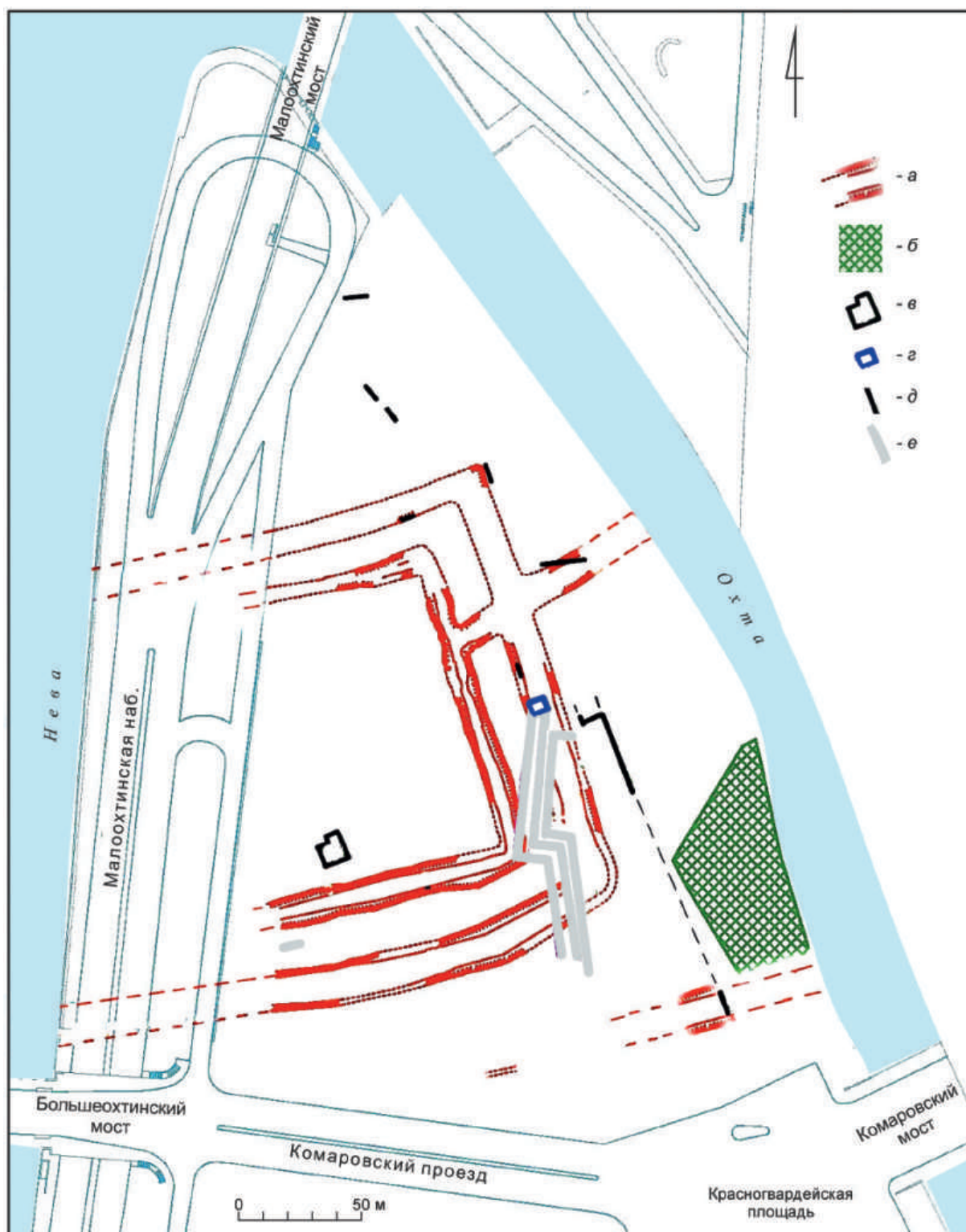

Рис. 12. Сооружения первого и второго периодов строительства крепости Ниеншанц. Условные обозначения: *a* — рвы Ландскроны; *b* — кладбище первой половины XVII в.; *v* — каменная постройка; *z* — крепостной мост; *d* — частокольные заграждения; *e* — сооружения крепости второго периода

Fig. 12. Installations of the first and second periods of the construction of the fortress of Nyenskans: *a* — ditches of Landskrona; *b* — cemetery of the first half of the 17th cen.; *v* — stone building; *z* — fortress bridge; *d* — palisade barriers; *e* — installations of the fortress of the second period

крепостными укреплениями с тремя бастионами, изображенными на карте 1643 г., и, видимо, являются их остатками после разрушения в 1656 г. Высота внешних укреплений вдоль берега Охты могла достигать более 3 м над землей. Пространство между рядами частокола, видимо, заполнялось землей, и второй ряд, меньший по высоте, служил в качестве опоры и устройства площадки для стрельбы. С наружной стороны основание частокола также могло засыпаться грунтом и задерновываться в виде невысокого вала.

Сохранение внутри строящихся бастионных крепостей старых укреплений — средневековых каменных замков, утративших в новое время свое оборонительное значение, было широко распространено в европейской фортификации в XVI–XVII вв. Фортификационные сооружения комбинированного типа, объединявшие в себе черты традиционной замковой и новой бастионной фортификации, были характерны в переходный период в Северной Европе преимущественно для небольших крепостей. Одной из отличительных черт их являются бастеи, предшественники бастионов, — относительно невысокие деревоземляные башни округлой и восьмигранной формы для размещения артиллерии. В русской традиции они назывались раскатами. В Ниеншанце мы имеем дело с деревоземляным замком начала XVII в., окруженным внешними дерево-земляными оборонительными сооружениями с частоколом. Крепость, построенная в условиях военного времени, для выполнения конкретных военно-тактических задач, имела достаточно архаичное устройство, характерное для временных и малых укреплений, и, по-видимому, не была предназначена для длительного использования. Но в условиях мирного времени она сохранялась в несколько модернизированном виде до середины XVII в. На плане 1643 г., вероятно, показан еще первоначальный замок, построенный около 1611 г., который по проекту 1644 г. предполагалось приспособить к новым условиям, тогда как на плане 1652 г., видимо, изображен уже проект нового замка. О ветхости старого к этому времени говорится в документах.

Второй период строительства крепостных сооружений Ниеншанца относится к 1643–1656 гг. Строительство на мысу новой крепости с четырьмя или пятью бастионами начинается с разработки ее проектов И. Роденбургом и Г. Швенгелем в 1643–1644 гг. Начало их реализации было связано с проведением работ по перепланировке территории мыса: выравниванием центральной площадки, засыпкой или частичным использованием

рвов Ландскроны, частичным перезахоронением погребений кладбища на берегу р. Охты, попадающего в зону строительства. По-видимому, таким образом старые оборонительные сооружения постепенно заменялись новыми, что позволяло сохранять обороноспособность крепости в процессе строительства и обеспечивало экономию времени и трудозатрат.

Протяженность сохранившейся восточной куртины крепости по верху эскарпа рва и по фоссебрее достигала 37–42 м, фланков, соответственно, — около 9–10 м. Сохранившаяся длина левого фаса юго-восточного бастиона составила около 57,4 м, причем оконечность его не была зафиксирована. Крепостной ров сохранился на глубину до 3,6 м, однако его первоначальная глубина могла достигать 4 м и более. Участок дерновой стенки, относящийся, вероятно, к левому фасу юго-западного бастиона, обнаружен с южной стороны мыса, между первым и вторым рвами Ландскроны. Остатков укреплений этого периода с других сторон не выявлено. Вероятное место их расположения на значительной площади оказалось перекрыто более поздними рвами, что не позволяет оценить реальные масштабы строительства на этом этапе. На проектном плане 1644 г. по периметру северной оконечности мыса показаны заграждения в виде горнверка — вспомогательного наружного укрепления, служившего для усиления основного крепостного фронта, к которому оно примыкало. В определенной части оно совпадает с выявленными здесь частокольными заграждениями и может восходить к предшествующему периоду.

Строительство новых укреплений, которое, вероятно, начиналось на наименее защищенных направлениях — южном и восточном — было прервано войной. На изученных участках строительство новых укреплений было не завершено. Учитывая, что рвы не были полностью вырыты, под сомнением и насыпка оборонительных валов на проектную высоту. При этом фоссебреи по их периметру, видимо, были оборудованы. Это подтверждают и события 1656 г., когда крепость была сдана без боя. Русские войска почти не задерживались на территории захваченного Ниеншанца, и у них отсутствовали силы и время для его масштабной дефортификации. После окончания военных действий, в начале 1660-х гг., строительство возобновилось, но уже по новому проекту, со смещением крепости к югу, на более широкую часть мыса, позволявшую увеличить размеры ее оборонительных линий и таким образом повысить обороноспособность.

- Видекинд, 2000 — Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С. А. Аннинский и др. М.: Памятники ист. мысли, 2000. 652 с.
- Возгрин, Шаскольский, 1981 — Возгрин В. Е., Шаскольский И. П. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // ВИД. Л.: Наука, 1981. № 12. С. 271–280.
- Гиппинг, 1909 — Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. Т. 2. 472 с.
- Кальюнди, Кирпичников, 1975 — Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник. Таллинн: Ээсти раамат, 1975. Т. XX. С. 68–79.
- Лаппо-Данилевский, 1913 — Лаппо-Данилевский А. С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1913. 27 с.
- Соловьева, 2010 — Соловьева Н. Ф. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических мероприятий по договору № 006/2010 (заключительный). Т. 17, 23, 25, 25+ 27, 30+, 33, 41, 44, 44+, 45. Санкт-Петербург, 2010 // Архив КГИОП Санкт-Петербурга, без номера.
- Сорокин, 2001 — Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. 128 с.
- Сорокин, 2010 — Сорокин П. Е. Крепость Ниеншанц. Некоторые итоги историко-археологического изучения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 361–378.
- Сорокин, Тарабардина, 2012 — Сорокин П. Е., Тарабардина О. А. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2012. Вып. 26. С. 84–92.
- Сорокин и др., 2013 — Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И. Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. С. 103–113.
- Сорокин и др., 2017 — Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г. Археологические исследования в устье реки Охты. СПб.: КультИнформПресс, 2017 (Археологическое наследие Санкт-Петербурга; Вып. 5). Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. 237 с.
- Эренсверд, 1998 — Эренсверд У. Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы: Сб. ст. / Ред. Б. Останин, Б. Япггелдт. Стокгольм: Шведский институт, 1998. С. 18–25.
- Ahlberg, 2005 — Ahlberg N. Stadsgrundningar och planförändringar. Svensk stadsplanering 1521–1721. Doctoral diss. Dept. of Landscape Planning, Ultuna, SLU. Uppsala: Institutionen för landskapsplanering, Sveriges lantbruksuniversitet, 2005 (Acta Universitatis Agriculturae Sueciae. Agraria. Vol. 2005: 94). 1056 p.
- Bagrow, Kohlin, 1953 — Bagrow L., Kohlin H. Maps of Neva river and adjacent areas in Swedish archives. Malmö: AB Malmö Ijustrycksanstalt; AB Håkan Ohlssons Boktryckeri (Lund), 1953.
- Blees, 1938 — Blees J. Nyenskans och Nyen / Norrlands: Årsskrift utgiven av Föreningen för Norrlands fasta försvar. Stockholm, 1938. P. 67–96.
- Bonsdorff, 1891 — Bonsdorff C. G. Nyen och Nyenskans, Historisk skildring // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingfors: [Suomen Tiedeseura], 1891. T. XVIII. S. 350–504.
- KrA. SFP O. N. № 1 — Krigsarkivet SFP Östersjöprovincerna Nyen № 1.
- KrA. SFP O. N. № 2 — Krigsarkivet SFP Östersjöprovincerna Nyen № 2.
- Munthe, 1902 — Munthe L. W. Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: Kungl Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, 1902. Del I. Svenska fortifikationsväsendet från nyare tidens början till inrättandet af en särskild fortifikationsstat år 1641. 643 s.
- Munthe, 1906 — Munthe L. W. Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: Kungl Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, 1906. Del II. Fortifikationsstaten under Örneufwudh och Wårnschiöldh 1641–1674. 635 s.
- Riksarkivet. O. 1652. LK № 2 — Riksarkivet, Östersjöprovincerna. 1652. Livonika kartor № 2.
- Riksarkivet. O. 1652. LK № 474 — Riksarkivet, Östersjöprovincerna. Ingermanland. Nyen. (Noteb. 1). Nyen o. Sten v. Stenhusens gods. 1640. Livonika № 474.

The fortress of Nyenskans in the first half/middle of the 17th cen.

P. E. Sorokin⁸

Keywords: fortress, Nyenskans, castle, citadel, palisade barriers, fausse-braie, defensive ditch, bastion, curtain wall, turf masonry, fortress bridge.

Through the results of the investigations, three major building periods of Nyenskans are distinguishable: I — 1611–1643, II — 1643–1656, and III — 1658–1703. They are characterized by a complete reconstruction and changes in the configuration of the main fortifications. The fortifications of the first period (1611–1643) retained the planigraphic continuity from the defences of Landskrona. This circumstance defined the system of fortifications built by the Swedes basing on the defensive structure of the previous period. Judging through historical plans of the 1640, the basis of the defensive installations of early Nyenskans was represented by a regular castle — the royal court built in the central part of the Okhta promontory in the place of the half-destroyed wood and earth platform of Landskrona. Its buildings were arranged in the form of a square and, judging through the archaeological evidence, were wood-and-earthen with a stone basement. From the outside, the fortress was protected by three lines of the mediaeval ditches which had remained in the locality.

Evidently, the construction was far from being completed, as the events of 1656 demonstrated when the fortress was seized by Russian forces without striking a blow. After the cease of the war activities in the early 1660s, the construction was resumed but already according to a new project moving the fortress to the south onto a broader part of the promontory that allowed to expand the dimensions of its defensive lines and thus to raise the defence capacity.

---

⁸ Peter E. Sorokin — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., Saint Petersburg, 191186, Russia; e-mail: petr sorokin@yandex.ru.

Результаты ландшафтно-археологических наблюдений на территории Ладожского Земляного городища и перспективы дальнейших исследований¹

С. А. Васильев, Н. В. Григорьева, М. С. Павлова, С. А. Семенов, К. В. Семенов²

Аннотация. В ходе работы по изучению современного ландшафта территории Земляного городища была выявлена ошибка в разметочной сетке центральной и южной частей раскопов В. И. Равдоникаса, которая сохранялась и при исследованиях А. Н. Кирпичникова в южной части памятника. Это важные наблюдения, при верификации которых существует возможность подкорректировать и уточнить существующие схемы планиграфии застройки древнего поселения.

Ключевые слова: Старая Ладога, средневековье, Земляное городище, В. И. Равдоникас, междисциплинарные исследования.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-264-271

В 2022 г. исполняется 50 лет Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН (ранее ЛОИА АН СССР), руководителем которой долгие годы был Анатолий Николаевич Кирпичников. Несмотря на то что Анатолия Николаевича с нами нет, команда экспедиции продолжает его дело по изучению Старой Ладоги — первого города на территории Северной Руси, крепости, торгово-ремесленного центра, скандинавского *emrogium*.

Одной из важнейших задач является введение в научный оборот обширной коллекции находок и новых данных, собранных в ходе работ

А. Н. Кирпичникова на Земляном городище в последние годы, а также соотнесение полученных материалов с данными раскопок предшествующего времени, на основе которых были выделены основные этапы жизни поселения и построена хронология бытования предметов материальной культуры.

Земляное городище — деревоземляная крепость, построенная в конце XVI в., располагается с юга от каменной цитадели Ладоги, появившейся еще в раннем средневековье. В период нового времени два названных укрепления составили единый фортификационный комплекс. До Земляного города около крепости располагался посад, который и стал сосредоточением многолетних археологических исследований.

Первые разведочные работы на городище-поселении в 1909–1910 гг. произвел Н. И. Репников. С 1911 по 1913 г. на средства Этнографического отдела Русского музея исследователь осуществил раскопки памятника широкой площадью (Старая Ладога, 1948. С. 9, 16–28). Результатом археологических изысканий Н. И. Репникова стало открытие «мокрого» культурного слоя Ладоги.

В 1938 г. исследование Земляного городища начала Староладожская археологическая экспедиция ЛГУ (с участием ИИМК АН СССР, а в 1950-х гг. — Гос. Эрмитажа) под руководством В. И. Равдоникаса. Работы продолжались

¹ Работа выполнена в рамках тем государственного задания: Н. В. Григорьевой и М. С. Павловой — «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015), С. А. Васильевым и С. А. Семеновым — «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии» (FMZF-2022-0016).

² Васильев Ст. А., Григорьева Н. В., Павлова М. С., Семенов С. А. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: stasilein@mail.ru, mak-kon4@yandex.ru, marler@inbox.ru, s.s.a.g@mail.ru; Семенов К. В. — сотрудник Староладожской экспедиции ИИМК РАН.

с перерывами до 1959 г. Подробнее с историей археологической деятельности экспедиции В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге можно ознакомиться в издании «Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования» (Новое в археологии..., 2018. С. 5–65) и обратившись к многочисленным архивным документам (Рукописный отдел НА ИИМК РАН).

В ходе работ была разработана единая разметочная сетка квадратов площадки городища со стороной 2 м. Линии квадратов, ориентированные с запада на восток, получили буквенное обозначение, а с севера на юг — цифрами. Тогда же был установлен единый нулевой уровень. При разметке новых площадей в первый год исследований В. И. Равдоникас ориентировался на направление северной границы раскопа Н. И. Репникова 1911–1912 гг. (*Гроздилов*, 1938. Л. 6.), имевшей значительное отклонение от севера и развернутой под прямым углом к фундаменту Климентовской церкви. Принятая система разметки используется при работах на городище до сих пор. Следует отметить, что с 1939 г. пикетным являлся юго-западный угол квадрата (Новое в археологии..., 2018. С. 74, прим. 6), а с начала раскопок А. Н. Кирпичникова в южной части поселения — северо-западный. Раскопы экспедиции В. И. Равдоникаса в центральной части городища остались незасыпанными, что отражается в рельефе современной дневной поверхности памятника.

В 1970-х и начале 1980-х гг. раскопки продолжились Четвертым отрядом Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в северо-западной части городища под руководством Е. А. Рябина. Исследователь привязывался напрямую к границам и объектам раскопок В. И. Равдоникаса (*Рябинин*, 1985. С. 27, 28).

В начале 1970-х гг. А. Н. Кирпичников осуществлял общее руководство Староладожской экспедицией и проводил исследования на территории Ладожской каменной крепости. С 1984 г. он начинает изучение культурного слоя Земляного городища у северной куртины — раскоп 1. В 1992 г. с северной стороны к нему был прирезан раскоп 2, что позволило получить полный разрез вала городища.

После исследований в северной части поселения в 1999 г. работы продолжились в его южной части. Вдоль южной куртины городища по направлению с запада на восток под руководством А. Н. Кирпичникова последовательно были исследованы: раскоп 3 (1999–2005 гг.), раскоп 4 (2006–2010 гг.) и раскоп 5 (2011–2013 гг.).

Несмотря на то что раскопы 1–5 не были связаны границами с раскопами предыдущих лет, для их привязки и при разбивке использовалась сетка квадратов, разработанная в ходе работ экспедиции В. И. Равдоникаса (*Кирпичников*, 2000. Л. 3).

В 2021–2022 гг. Староладожская археологическая экспедиция и Ленинградская областная экспедиция ИИМК РАН провели совместные работы на Земляном городище по определению границ памятника, который фигурирует в Едином государственном реестре объектов культурного наследия под названием «Земляное городище и основание каменной церкви Климента» (№ 471540356080006). В результате полевых исследований снят актуальный топографический план Земляного городища (рис. 1), сделан ортофотоплан (рис. 2) и получена цифровая модель его современного рельефа (рис. 3). Площадь памятника по внешней границе валов Земляного города составила 21 786 кв. м. Важно напомнить, что площадь городища не соответствует размерам средневекового поселения, которое, как известно из раскопок и разведочных работ, занимало гораздо большую территорию (*Бессарабова*, 1995; *Волковицкий и др.*, 2007; *Петренко*, 1985).

К сожалению, в настоящее время какие-либо реперные точки, актуальные для всех исследованных площадей, на дневной поверхности городища отсутствуют, что существенно затрудняет работу по сведению раскопов. Осыпавшиеся углы и стенки раскопов не могут служить достоверной привязкой. По цифровой модели рельефа удалось локализовать месторасположение центральной апсиды и фундамента нартекса церкви св. Климента, законсервированной грунтом (*Раннопорт*, 1979. С. 8, 9). Данное наблюдение в сочетании с видимыми границами незасыпанных раскопов дало возможность с допустимой степенью точности восстановить по чертежам, на которых нанесен контур фундамента церкви, сетку квадратов раскопа В. И. Равдоникаса 1938–1940 гг. Далее «идеальная» разметочная сетка, как она представлена в отчетах, была расширена на всю изученную площадь городища (рис. 4). В ходе реконструкции сетки учитывалось, что при многолетних раскопках ограниченными участками в рамках большой площади разметка не могла сохраниться в первоначальном виде, происходили сдвиги и накапливались ошибки, которые сразу обнаружались в ходе работы. В свете продолжающихся исследований в южной части городища нам представляется особенно интересным

Рис. 1. Топографический план Земляного городища. Съемка С. А. Васильева, 2021 г. Условные обозначения: а — ямы, траншеи, обрывы; б — контур Земляного городища; в — огороды; з — жилое строение; д — забор; е — фундамент; ж — зеленые насаждения; з — высотные отметки

Fig. 1. Topographic plan of Zemlyanoye Gorodishche. Surveys by S. A. Vasilyev, 2021: а — pits, trenches, precipices; б — outline of Zemlyanoye Gorodishche; в — vegetable gardens; з — dwelling building; д — fence; е — foundation; ж — forest planting; з — height marks

Рис. 2. Ортофотоплан Земляного городища. Съемка С. А. Васильева, 2021 г.

Fig. 2. Orthophotoplan of Zemlyanoye Gorodishche. Surveys by S. A. Vasilyev, 2021

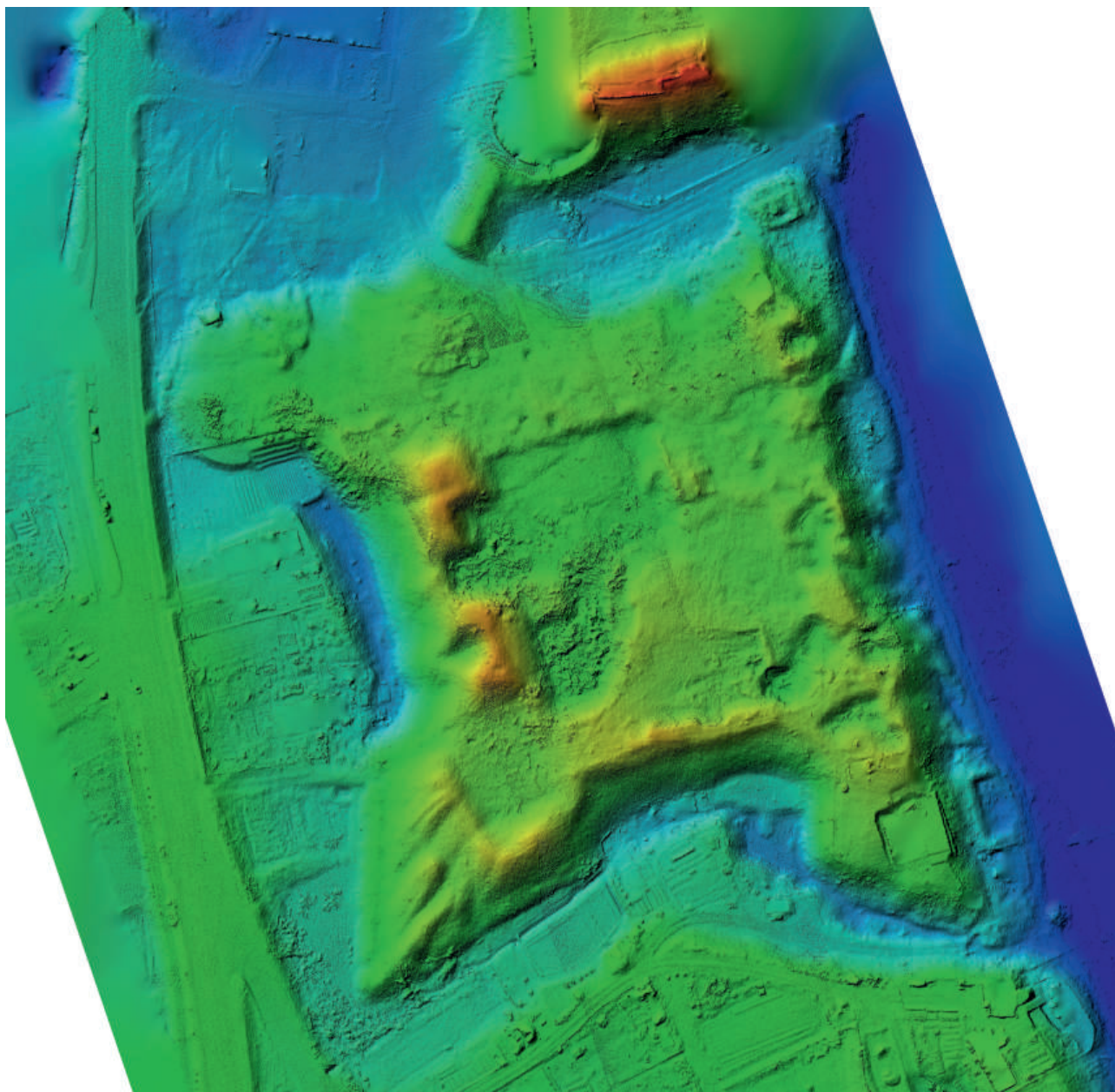

Рис. 3. Цифровая модель рельефа Земляного городища на основе данных воздушного лазерного сканирования. Съемка С. А. Васильева, Е. К. Блохина, 2022 г.

Fig. 3. Digital model of the relief of Zemlyanoye Gorodishche based on the data of air laser scanning. Surveys by S. A. Vasilyev, and E. K. Blokhin. 2022

и важным сопоставить результаты анализа разметки раскопов В. И. Равдоникаса 1957–1959 гг. и Е. А. Рябина 1970–1980-х гг. с площадью исследований А. Н. Кирпичникова 1999–2013 гг.

Прежде всего обращает на себя внимание выявленное отклонение в направлении сетки квадратов, а также наложение углов раскопов, не отраженное в стратиграфии стенок. Как видно на топоплане (рис. 1), абрис восточной границы

раскопа В. И. Равдоникаса уже показывает отклонения от направления разметочной сетки центральной части исследованной площади. Предполагаем, что это может быть связано с шестилетним перерывом в раскопках, при возобновлении которых в 1957 г. точно восстановить разметку юго-западного участка не удалось.

При разметке в 1999 г. видимых ориентиров, кроме осыпавшегося края старого раскопа,

Рис. 4. Реконструкция «идеальной» сетки квадратов раскопов разных лет на Земляном городище. Условные обозначения: *а* — ямы, траншеи, обрывы; *б* — контур Земляного городища; *в* — граница исследованных до материка участков в площади раскопов В. И. Равдоникаса (по Г. Ф. Корзухиной); *z* — разметка раскопов экспедиции В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябинина (без учета возможных погрешностей); *д* — разметка раскопов 3, 4, 5 экспедиции А. Н. Кирпичникова (без учета возможных погрешностей); *е* — граница раскопа Н. И. Репникова 1911 и 1912 г. (по Г. Ф. Корзухиной)

Fig. 4. Reconstruction of the “ideal” grid of excavations of different years at Zemlyanoye Gorodishche. Keys: *a* — pits, trenches, precipices; *b* — outline of Zemlyanoye Gorodishche; *v* — boundary of areas investigated down to the virgin soil within the scope of excavations by V. I. Ravdonikas (after G. F. Korzukhina); *z* — markings of excavations by the expedition of V. I. Ravdonikas and E. A. Ryabinin (with no regard of the possible errors); *d* — markings of excavations 3, 4 and 5 by expeditions of A. N. Kirpichnikov (with no regard of the possible errors); *e* — boundary of N. I. Repnikov’s excavation in 1911 and 1912 (after G. F. Korzukhina)

не было, и новый раскоп, заложенный по его направлению при соблюдении метража оказался под углом относительно центрального участка.

Упомянем, что расхождение впервые было выявлено в 2005 г., когда повторно был вскрыт локальный участок в границах раскопа

В. И. Равдоникаса 1947 г. и обнаружена обводная канавка, вырытая в материке вокруг одной из построек и зафиксированная на чертежах (Кирпичников, 2006. Рис. 62–64).

Надо отметить еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание при работе

с опубликованными материалами. По принятой В. И. Равдоникасом методике раскопок, остатки деревянных сооружений, уходящих в стенки, не перерубали, а оставляли на своих местах и консервировали (Новое в археологии..., 2018. С. 51), из-за чего реальная площадь раскопок в ходе работ уменьшалась. По этой причине на многих иллюстрациях, посвященных планиграфии городища, например на планах Г. Ф. Корзухиной (*Там же*. С. 55, рис. 2.2) и О. И. Давидан (*Давидан*, 1976. Рис. 1–4), отсутствует самая южная, XVII, линия квадратов раскопа. В публикации сводного плана построек горизонта Д в статье Е. Н. Рябинина и Т. Б. Черных эта линия показана, но не пронумерована; стоит также учесть, что на рисунке у авторов пропущена XIII линия квадратов (*Рябинин, Черных*, 1988. Рис. 11).

Границы нераскопанных участков показаны на сводном плане построек Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1969; Новое в археологии..., 2018. С. 55, рис. 2.2). Если эти границы, при всей условности используемого плана, наложить на современный топографический план с «идеальной» разметкой,

то между исследованными до материка площадями в раскопах разных лет останется бровка шириной до 2,5 м. Опираясь на план Г. Ф. Корзухиной, также можно предположить, что с севера до границы раскопов Н. И. Репникова в самом узком месте остается около 2,5 м.

Благодаря проделанной работе было выявлено несоответствие направлений разметочной сетки раскопов на разных участках Земляного городища, истоки которого связаны с работами В. И. Равдоникаса конца 1950-х гг. При продолжении работ ошибки накапливались. Выявленная погрешность не учитывалась при составлении существующих в историографии планиграфических схем застройки поселения, которые с учетом полученных данных нуждаются в дополнительной проверке.

Применение в археологической практике современных методов междисциплинарных исследований уже не раз доказало свою эффективность, открывающую новые горизонты при работе с археологическими памятниками. По возможности, их следует использовать при обращении к результатам работ предшествующего времени.

Бессарабова, 1995 — *Бессарабова З. Д.* Новые сведения о древнем Ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI) // *НиНЗИиА. Новгород: НМЗ*, 1995. Вып. 9. С. 54–65.

Волковицкий и др., 2007 — *Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В.* Охранные раскопки в Старой Ладоге в 2004 году (предварительное сообщение) // *АИППЗ: Материалы 52 заседания семинара им. акад. В. В. Седова. М.; Псков: ИА РАН*, 2007. С. 288–298.

Гроздилов, 1938 — *Гроздилов Г. П.* Дневник раскопок в Старой Ладоге за 6.07–19.08. 1938 г., сост. Г. П. Гроздиловым // *НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1938. № 192.*

Давидан, 1976 — *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // *АСГЭ. Л.: Аврора*, 1976. Вып. 17: Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы. С. 101–117.

Кирпичников, 2000 — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в июле–августе 1999 г. в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // *НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1999. Д. 38.*

Кирпичников, 2006 — *Кирпичников А. Н.* Отчет о раскопках Староладожской археологической

экспедиции в 2005 г. // *НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 2005. Д. 28–34.*

Корзухина, 1969 — *Корзухина Г. Ф.* Ладога [иллюстрации к работе «Ладожские постройки горизонта Е₃»] // *НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. 1969 г. № 70.*

Новое в археологии..., 2018 — Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 535 с.

Старая Ладога, 1948 — *Старая Ладога. Л.: Тип. им. Ивана Федорова*, 1948. 141 с.

Петренко, 1985 — *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // *Средневековая Ладога. Л.: Наука*, 1985. С. 81–116.

Раппопорт, 1979 — *Раппопорт П. А.* Отчет о работе архитектурно-археологической экспедиции в 1979 г. // *НА ИИМК РАН. Ф. 35. 1979. Д. 1.*

Рябинин, 1985 — *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука*, 1985. С. 27–75.

Рябинин, Черных, 1988 — *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // *СА. 1988. № 1. С. 72–100.*

Results of landscape-archaeological studies of the area of Staraya Ladoga Zemlyanoye Gorodishche and prospects of further investigations

S. A. Vasilyev, N. V. Grigoryeva, M. S. Pavlova, S. A. Semenov, K. V. Semenov³

Keywords: Staraya Ladoga, Middle Ages, Zemlyanoye Gorodishche, V. I. Ravdonikas, interdisciplinary investigations.

In 2022 we celebrate the 50th anniversary of the Staraya Ladoga Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IHMC, formerly the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR). The expedition was headed for many years by Anatoliy Nikolaevich Kirpichnikov. The archaeological investigations at Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) have been continued with some interruptions already for over a hundred years, in the course of which more than 2000 sq m of the old settlement have been investigated. In 2021–2022, the Staraya Ladoga Archaeological Expedition and the Leningrad Oblast Expedition of IHMC RAS conducted joint studies at Zemlyanoye Gorodishche. The field investigations have resulted in drawing of an actual levelling plan of Zemlyanoye Gorodishche (Fig. 1), an orthophotoplan (Fig. 2) and obtaining of a digital model of its modern relief (Fig. 3). Through comparison of the features of the modern landscape of the site and drawings of the excavation areas by expeditions of precedent years, it has been succeeded to reconstruct the marking grid of excavations by the expedition of V. I. Ravdonikas. The direction of the latter excavation areas does not correspond to the outlines of the unfilled excavation pit of 1957–1959 in the south-western section of the hillfort (Fig. 4). Also excavation 3 conducted by A. N. Kirpichnikov in 1999 has been referenced against the edge of that old excavation. This fact produced erroneous marking for the newly investigated areas. The revealed error has not been accounted for in creation of the plan of the old settlement so that now the latter needs an additional check.

---

³ S. A. Vasilyev, N. V. Grigoryeva, M. S. Pavlova, S. A. Semenov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: stasilein@mail.ru, mak-kon4@yandex.ru, marler@inbox.ru; s.s.a.g@mail.ru; K. V. Semenov — employee of the Old Ladoga expedition IHMC RAS.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Страницы семейной хроники. Неизвестное фотографическое наследие Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Воронина¹

М. В. Медведева, Д. А. Кукина²

Аннотация. Статья вводит в научный оборот неизвестные ранее фотографии из личного семейного архива археологов Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Воронина. На основании ряда фактов и деталей устанавливается возможная датировка снимков 1920–1930-ми гг., воссоздается контекст, в котором они были сделаны: аспирантская жизнь и научная работа семейной пары.

Ключевые слова: Г. Ф. Корзухина, Н. Н. Воронин, история науки, ГАИМК, аспирантура в СССР в 1920-е гг., фотографии, архив ИИМК РАН, археология.

DOI: 10.31600/1817-6976-2022-36-272-290

В наши дни фотография, бесспорно, занимает важнейшее место в археологических исследованиях. Объективный, быстрый и достоверный способ документации и сохранения информации о памятнике древности стремительно вошел в археологическую практику и стал неотъемлемой частью полевой методики. С первых шагов применения фотографии в археологии основными ее объектами неизменно становились археологические находки — уникальные свидетели древних эпох. С появлением мобильных камер и усовершенствованием технологий началась активная фотофиксация процесса археологических раскопок. Современные археологические работы уже немыслимы без использования цифровой фотосъемки.

Намного реже в объектив камеры попадали и попадают сами исследователи. Ведь чаще всего

они находятся по другую сторону аппарата, фотографируя рабочие моменты, находки, детали и особенности изучаемого объекта. Даже специально нанятые в экспедицию профессиональные фотографы прежде всего призваны снимать «портрет» раскопа, а не археологов. Фотографии личного состава экспедиции в очень небольшом количестве сдаются в архивы на государственное хранение, оставаясь в основном в персональных коллекциях участников раскопок.

Еще хуже обстоит дело с фотографиями наших предшественников. В архивных фондах в лучшем случае сохранились их строгие официальные портреты, сделанные в процессе оформления рабочего пропуска, или кадры постановочной съемки, запечатлевшие их часто уже в зрелом возрасте, когда они стали состоявшимися учеными. На групповых фотографиях участников различных научных мероприятий очень редко атрибутированы все персоналии, а кабинетные и семейные снимки археологов в архивах учреждений и вовсе единичны, даже в личных коллекциях они встречаются далеко не всегда. Поэтому зачастую нам хорошо известны научные заслуги и печатные труды выдающихся археологов предыдущих поколений — основателей целых научных школ, но при этом мы совершенно не представляем, как они выглядели в молодости, не можем узнать их

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022–0015).

² Медведева М. В., Кукина Д. А. — Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marriyam@mail.ru; daria_kukina@mail.ru.

на снимках раскопок без соответствующей подписи, даже если абсолютно точно знаем из списков участников экспедиции, что они там должны быть. Тем более практически не сохранилось фотодокументов, запечатлевших их повседневные занятия и увлечения. Уходят из жизни сами ученые, их коллеги-ровесники, друзья и ученики, которые еще могли бы определить лица на фотографиях, и архивные снимки становятся лишь безмолвными свидетелями археологической науки. Поэтому порой достаточно сложно найти изображение того или иного исследователя в молодости, если не сохранился его личный или семейный архив. Сопоставить существующие снимки позднего периода жизни с архивными фотографиями студенческих и аспирантских лет бывает довольно непросто, если отсутствуют точные подписи. Наиболее критическая ситуация в определении запечатленных сложилась в отношении археологов, чья молодость пришлось на 1920–1930-х гг., так как для довоенного поколения ученых сохранилось ничтожное количество портретных фотографий. Кроме того, фотографии репрессированных исследователей целенаправленно изымались из архивов учреждений в специальное секретное хранение, а подписи к ним старательно вычеркивались из списков описей. Местонахождение этих фотографий до сих пор неизвестно. Мало сохранилось и снимков археологов, погибших во время Второй мировой войны. Все это привело к тому, что временами буквально по крупницам приходится собирать информацию, как в молодости выглядели ученые, оказавшие большое влияние на развитие российской археологической и исторической науки.

Такая ситуация долгое время была характерна и в отношении археологов, историков древнерусского искусства Гали Федоровны Корзухиной (1906–1974) и Николая Николаевича Воронина (1904–1976), имена которых прекрасно знакомы любому исследователю, занимающемуся средневековой археологией и архитектурой России (Вагнер, 1964; Гуревич, 1987; Формозов, 2004; Медведева, 2008; Славяно-русское ювелирное дело..., 2010. С. 14–23, 24–30, 31–62). Молодость исследователей прошла в стенах Академии истории материальной культуры во второй половине 1920-х и в 1930-е гг., однако до начала 2000-х гг. в основном были доступны их снимки послевоенного периода. Самые ранние из известных архивных фотографий Н. Н. Воронина датировались 1940–1941 гг. (Медведева, 2008. С. 168, 169). Один из

первых портретов Г. Ф. Корзухиной сохранился на ее удостоверении для бесплатного проезда по железной дороге в начале 1930-х гг. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308. Л. 85) (рис. 1). Фотографию удалось выявить лишь в 2006 г., к столетнему юбилею исследовательницы, по случаю которого проводилась посвященная ей научная конференция. Портрет был опубликован в материалах конференции (Славяно-русское ювелирное дело..., 2010. Л. 5) и теперь тиражируется во всех биографических статьях и электронных ресурсах. Совсем недавно появились в сети Интернет интереснейшие довоенные фотографии семьи Корзухиных из семейного архива, предоставленные племянником Г. Ф. Корзухиной, где в том числе можно увидеть снимки Гали Федоровны с отцом, матерью и сестрами в 1925 г. (Корвенкюля и др., 2015).

И наконец в неразобранных материалах фотоотдела архива ИИМК РАН в 2020 г. обнаружился настоящий клад — целая серия стеклянных негативов из личной фотоколлекции семейной пары Н. Н. Воронина и Г. Ф. Корзухиной (тогда Ворониной) (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126870–126893) (рис. 2–6). Фотографии относятся к периоду конца 1920–1930-х гг. На одной из них на стене висит перекидной календарь, открытый на листе марта 1929 г. (рис. 3), а на нескольких снимках Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина запечатлены с их маленьким сыном Николаем (рис. 5, 6), родившимся в 1934 г. Таким образом, удалось приблизительно определить хронологические границы фотосъемки.

Судьба свела главных героев фотографий — Г. Ф. Корзухину и Н. Н. Воронина (рис. 4; 7) — еще в студенческие годы, когда они вместе учились в Ленинградском университете на отделении археологии и истории искусств (1923–1926 гг.) (Славяно-русское ювелирное дело..., 2010. Л. 5). В автобиографиях, сохранившихся в личном деле, Н. Н. Воронин сообщал, что они были женаты с 1926 г. На протяжении многих лет они практически были неразлучны: Г. Ф. Корзухину и Н. Н. Воронина связывали не только семейные отношения, но и общие научные интересы. Муж и жена были настоящими единомышленниками. После окончания университетской учебы они одновременно поступали в аспирантуру Академии истории материальной культуры в 1927 г., их научные темы были посвящены истории русской архитектуры, они ездили вместе в экспедиции, у обоих был один и тот же научный руководитель — профессор архитектуры, блестящий специалист в этой области К. К. Романов.

Рис. 1. Фрагмент из личного дела Г. Ф. Корзухиной. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308. Л. 85

Fig. 1. Fragment from the personal file of G. F. Korzukhina. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 2. In. 3. F. 308. Sh. 85

Н. Н. Воронин (рис. 8) поступил в аспирантуру только со второй попытки и был официально зачислен аспирантом в ГАИМК 1 января 1928 г. К. К. Романов, курировавший обучение Н. Н. Воронина и привлекавший его к практическим работам руководимого им Разряда русского зодчества Академии еще в студенческие годы, составил отзыв о работе Н. Н. Воронина после неудачной сдачи им экзаменов в 1926 г., рекомендовав своего ученика самым лучшим образом (орфография и пунктуация сохранены).

«Н. Н. Воронин — уроженец и исследователь Владимирской Губернии уже в течение двух периодов летних каникул получал поручения от Г[осударственной] Академии Истории Материальной культуры по Разряду русского зодчества и Комиссии по охране регистрации памятников.

Обследовав собор б. Княгинина Успенского монастыря во Владимире Воронин установил

позднейшие переделки его и доказал, что памятник считавшийся образцом кирпичного зодчества Владимиро-Суздальской области начала XIII ст. во всех своих кирпичных частях является достройкой начала XVI ст. на старую белокаменную основу, т. е. технически совпадающую с обычными приемами памятников Владимиро-Суздальской области XII–XIII вв.

Большой интерес представляет также работа Н. Н. Воронина по изучению следов древнего собора б. Боголюбова монастыря, перестроенного в новейшее время (XVIII в.); причем внимательным наблюдением Воронину удалось, хотя и предположительно наметить линию соединения старых кладок и новых достроек. Обе работы показывают в Н. Н. Воронине хорошего наблюдателя над памятником в натуре, а сравнительный анализ форм собора б. Успенского монастыря с доказательством принадлежности их началу XVI в. — хорошего исследователя форм зодчества.

Рис. 2. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126877

Fig. 2. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126877

Рис. 3. Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина и неизвестный (слева). Март, 1929 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126879

Fig. 3. N. N. Voronin, G. F. Korzukhina and Unknown (left). March 1929. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126879

Рис. 4. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина, 1929 г.
НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126880

Fig. 4. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina. 1929 г.
SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126880

Рис. 5. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина с сыном Николаем
на набережной у Мраморного дворца. НА ИИМК РАН. ФО.
Нег. I 125871

Fig. 5. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina with son Nikolay on
the embankment near the Marble Palace. SA IHMC RAS.
Photo Dep. Neg. I 125871

Рис. 6. Н. Н. Воронин с сыном. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126888

Fig. 6. N. N. Voronin with son. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126888

Назначенный к оставлению при Ленинградском Гос[ударственном] Университете Н. Н. Воронин не выдержал, однако, положенных испытаний в специальной Комиссии; но утрата дельного работника мне казалась бы мало целесообразной, и новое представление его к аспирантуре с допущением к новым экзаменам мне, казалось бы крайне желательным. Представление же к аспирантуре через Гос[ударственную] Академию Истории Материальной культуры мне, казалось бы, естественным вследствие как указанных работ Воронина по поручению Академии, так [и] хорошо выполненных докладов о них в Разряде Русского зодчества.

I.VI.1927 г. К. Романов»
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. Л. 4).

В итоге осенью 1927 г. Н. Н. Воронин успешно прошел испытания и стал аспирантом ГАИМК. Основная научная тема во время обучения — «История материальной культуры средней России в эпоху перелома первая половина XVI в. — вторая половина XVIII в. по памятникам зодчества», а специальная исследовательская проблема — «Русское зодчество первой половины XVII в.». Над выполнением своих научных обязательств аспирант трудился старательно, неизменно получая положительные оценки научного руководителя К. К. Романова и сотрудников Разряда русского зодчества, где он часто выступал с докладами. В 1929 г. К. К. Романов назвал работы Н. Н. Воронина «ценными и интересными», особенно высоко оценив летние научные поездки молодого специалиста: «Результатом явилась находка ряда новых весьма интересных памятников (например, первоклассной по значению в истории зодчества церкви Благовещенского погоста Александровского уезда), а некоторые уже известные были подробно изучены и являются впервые в новом освещении» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 77. Л. 140, 141).

В том же году «тройка по проверке академической успешности аспирантов» в составе профессора К. К. Романова, руководителя Семинария по историческому материализму И. С. Плотникова

Рис. 7. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126875

Fig. 7. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126875

Рис. 8. Н. Н. Воронин. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126887

Fig. 8. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126887

и аспиранта М. И. Артамонова признала работу Н. Н. Воронина удовлетворительной: «Живой интерес к изучению памятников на местах и введение в науку нового материала на основании большой предварительной работы вместе с умелым подходом к исследованию их в связи с культурно-историческими отношениями — делают работы Н. Н. Воронина ценными и интересными в научном отношении. Особо отмечается удачная попытка связать реставрацию „русского стиля“ с классовыми отношениями...» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 77. Л. 179, 179об.).

Первое время в аспирантуре Н. Н. Воронин занимался сбором и изучением библиографии и архивных материалов. Документальные источники для своей работы он нашел в Академии среди богатейшего архивного наследия Императорской археологической комиссии. Особое внимание исследователь уделил просмотру метрик старинных церквей — паспортов архитектурных памятников, переданных из Академии художеств в конце XIX в. После анализа литературных и документальных источников Н. Н. Воронин наметил круг наиболее интересных с точки зрения его научной темы районов для изучения, к которым отнес Переславль-Залесский, Муром, Александров, Рязань и Зарайск: «...за основной материал принимается круг памятников провинциальных центров и деревни — совершенно неизвестных или очень мало изученных; рассмотрение его должно вестись под углом зрения социально-экономических и культурно-бытовых связей с центром и при учете исторического своеобразия каждого данного района» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. Л. 21).

По результатам начального этапа своей работы Н. Н. Воронин прочитал доклад об архитектуре Богородице-Рождественского монастыря XII в. во Владимире в Разряде русского зодчества и подготовил на материалах своих исследований за предшествующие аспирантуре годы ряд докладов по памятникам зодчества XII–XIII вв. во Владимирском крае для прочтения во Владимирском краеведческом обществе (*Там же*).

В июне–сентябре 1928 г. Н. Н. Воронин занимался изучением памятников в выделенных им районах на местах. В Переславле-Залесском, Александрове и вокруг него были сделаны замеры и фотографии пяти памятников XVI в., в Муроме произведен обмер одного памятника XVI в. и зарисованы в схемах два здания XVII в., в Рязани, ее области и во Владимире сделаны три обмера и

зарисованы в схемах 14 памятников XVII в. Еще одним архитектурным объектом изучения летом 1928 г. для Н. Н. Воронина стал Смоленский кремль. Командировке в Смоленск предшествовала специальная «учебная поездка» в Полоцк и Витебск, где аспирант осмотрел древнюю архитектуру XII–XIII вв. Всего за четыре месяца в 1928 г. Н. Н. Ворониным были обмерены девять памятников преимущественно XVI в., зарисованы в схемах 23 памятника XVII в., сделано 126 фотографических снимков. Обследование зодчества Суздаля и Рязанской области, а также Ростова, Углича и Ярославля было перенесено на следующее лето.

По итогам летних обследований 1928 г. Н. Н. Воронин решил расширить изначальные хронологические рамки своей аспирантской работы: «В результате поездки определилось почти полное отсутствие памятников первой половины XVII века, хотя в литературе и были указания на ранние даты. Это обстоятельство заставляет не ограничивать тему первой половиной века, поставив ее хронологические рамки шире» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. Л. 37). Таким образом, Н. Н. Воронин наметил для дальнейшей работы весь XVII в. Другим выводом стало определение круга опорных для исследования памятников: церковь Козьмы и Демьяна на Муроме, церковь Благовещенского погоста 1501 г. и соборы XVI в. Переславля-Залесского. Результаты своей поездки Н. Н. Воронин изложил в Разряде русского зодчества ГАИМК, где им были сделаны пять докладов: «Отчет об исследовании на местах памятников зодчества XVI–XVII веков Средней России», «Церковь Благовещенского погоста в Александровском уезде Владимирской губернии», «Церковь Козьмы и Демьяна на Муроме», «Памятник зодчества XVI в. в Переславле-Залесском: Данилов и Федоровский соборы», «Памятники зодчества XVI века в Переславле-Залесском: Никитский собор». Доклады о церквях Благовещенского погоста и Козьмы и Демьяна были опубликованы в сжатом виде в сборнике работ аспирантов (*Воронин*, 1929. С. 83–93; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128. Л. 20–30, 37–37об.).

В летние месяцы 1929 г. Н. Н. Воронин продолжал заниматься изучением и обмером памятников зодчества. В этот раз он работал в Тверском районе и в Ростове Великом. Кроме того, в ноябре 1929 г. он совершил еще одну «учебную» поездку на Украину и во Псков, а в 1930 г. — по городам Поволжья (Тутаев, Нижний Новгород,

Ярославль, Кострома). По итогам летних выездов были сделаны чертежи, фотографии и зарисовки, а также в Разряде русского зодчества ГАИМК прочитан доклад. Основная рабочая тема этого периода научной деятельности Н. Н. Воронина — «Ростовский кремль XVII века и работа ростовского зодчего Григория Борисова». Он уже сделал несколько докладов по этой теме, когда его научный план, как, впрочем, и у других аспирантов ГАИМК, потребовал корректировки в соответствии с новыми идеологическими задачами науки. Вот что сам молодой ученый писал об этом в отчете: «В конце 1929 года, с пересмотром индивидуальных планов аспирантов, и мой план был в корне поменян — последний год работы предложено было перевести на изучение зодчества, как строительного производства, в целях приближения установки моей работы к установкам ГАИМК» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 73. Л. 369). В качестве итога работы за предыдущие два года аспирантуры Н. Н. Воронин представил основательный доклад «О тверской архитектуре XIV–XVI вв.». Параллельно с этим он начал собирать материал для новой темы и для вводной части выпускной аспирантской работы, которую предполагал посвятить «классовому содержанию изучения русских древностей в XIX веке». Помимо этого Н. Н. Воронин все время обучения в ГАИМК активно занимался учебной и общественной деятельностью: участвовал в работе аспирантского семинара по истмату, состоял в группе по языкам и в семинаре П. П. Ефименко по изучению славянских древностей, в группе Ф. В. Кипарисова по составлению «Введения в историю материальной культуры», в бригаде по организации работы феодального сектора, занимался созданием стенгазеты ГАИМК, был членом аспирантского бюро, представителем аспирантов в президиуме ГАИМК, членом академической Комиссии по подготовке кадров, делегатом Академии на Ленинградской конференции музеев и I конференции вузов и научно-исследовательских учреждений и т. д. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 73. Л. 369–370; Ф. 2. Оп. 3. Д. 129. Л. 4).

В сентябре 1930 г. Н. Н. Воронин ездил на раскопки во Псков, где вел чертежи раскопа и делал топографическую съемку Кремля. Осенью 1930 г. уже была закончена работа над вводной частью диссертации и на ее основе сделан доклад: «Изучение русских древностей и так называемый русский стиль в ряду реакционных идеологий XIX века». В это же время была написана и часть

работы по строительному производству «Проблема рабочего чертежа в строительном производстве XVII века», доработаны предыдущие научные темы, а в начале зимы успешно завершена вся диссертационная работа (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 73. Л. 369, 370).

Во время обучения в аспирантуре Н. Н. Воронин ездил в научные командировки в Центральночерноземную область, Поволжье, Белоруссию и на Украину, в рамках подготовки диссертационного исследования он опубликовал несколько научных работ по истории архитектуры (*Воронин*, 1929. С. 83–93; 1930. С. 5–34). По окончании аспирантуры в январе 1931 г. Н. Н. Воронин представил диссертацию «Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв.», которая в 1934 г. была опубликована в «Известиях ГАИМК» (*Воронин*, 1934), а степень кандидата наук Н. Н. Воронину присудили в конце 1935 г., сразу, как только восстановили систему ученых званий в России (Из научного наследия..., 2002. С. 143; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 129. Л. 2об.–3, 4).

Г. Ф. Корзухина проходила обучение в аспирантуре Академии с 1926 по 1930 г. при Разряде русского зодчества III Художественно-исторического отделения ГАИМК. Сначала она была зачислена сверх штата, но довольно быстро ее перевели в штатные аспиранты с получением стипендии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 358. Л. 75). Основной темой ее аспирантских занятий стала «Материальная культура Владимиро-Суздальского края XII–XIII вв.», по которой она проделала огромную работу под руководством профессора К. К. Романова. Еще до аспирантуры Г. Ф. Корзухина изучала отдельные памятники Владимиро-Суздальского зодчества этого периода как по литературе, так и на местах. В 1925 г. К. К. Романов привлек ее и Н. Н. Воронина к работе в архитектурной экспедиции Академии. Практиканты обследовали Успенский собор и Золотые ворота XII в. во Владимире, Рождественскую церковь в Боголюбове и палаты Андрея Боголюбского (*Фармаковский*, 1926. С. 15), причем Г. Ф. Корзухиной были сделаны чертежи на основании произведенных обмеров, а также фотографии памятников. Уже во время учебы в аспирантуре Г. Ф. Корзухина исследовала церковь Георгия XVIII в. во Владимире, где нашла основание с частично сохранившимися стенами, относящимися ко времени первоначальной постройки (1152 г.). В южной стене храма ею были обнаружены следы перспективного портала — первого во Владимиро-

Суздальском крае. Георгиевская церковь была обмеряна, и на основании обмеров изготовлены чертежи. В то же время она приступила и к разработке тем по «смежным культурам» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 358. Л. 57, 58).

В 1927 г. Г. Ф. Корзухина проработала по литературе архитектуру западнорусских памятников домонгольского периода в Витебске и Полоцке, но поехать и изучить памятники на месте ей удалось только в последующие годы. В связи с невозможностью намеченной поездки аспирантка занялась изучением Рязанского княжества и области камско-волжских болгар, исторически связанных с Владимиро-Суздальским краем. В результате Г. Ф. Корзухина написала работу «О Великокняжеских постройках Старой Рязани», где рассмотрела архитектурные памятники Рязани и установила взаимосвязь ранних рязанских храмов с южнорусской строительной традицией и усиление влияния на них Владимиро-Суздальской архитектуры к концу XII в. Доклад по этой теме она сделала в Разряде русского зодчества ГАИМК в мае 1928 г., а собранные материалы вошли в ее статью, опубликованную в сборнике статей аспирантов (*Корзухина-Воронина*³, 1929).

Вторая исследовательская работа, выполненная Г. Ф. Корзухиной за первый академический год (1927–1928), была посвящена Болгару. Ей удалось побывать там летом 1927 г. с целью собирания строительных материалов (известняков, известковых растворов, песчаников), а также образцов, дающих представление о способе обработки камня для сравнения с такими же во Владимиро-Суздальской земле. Кроме того, в поездке Г. Ф. Корзухина изучала технические и конструктивные приемы местного строительства и работала с коллекциями музея «Черная палата» в Болгарах, Университетского музея в Казани и Центрального музея Татарской республики в Казани. По итогам в 1928 г. она написала и прочитала в Разряде русского зодчества работу «К вопросу о культурных взаимоотношениях Владимирской области и Среднего Поволжья», где отрицала возможность «говорить о влиянии болгарской архитектуры на Владимиро-Суздальскую как в конструктивном, так и в техническом отношении, так как

существующие болгарские памятники относятся к эпохе позднемонгольской». Там же Г. Ф. Корзухина предлагала «осторожнее подходить к вопросу о привозе камня для Владимиро-Суздальских построек из Булгар» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 358. Л. 62, 63).

Летом 1927 г. Г. Ф. Корзухина ездила также в экспедиции профессора К. К. Романова в Суздаль и Псков. Во время первой экспедиции она принимала участие в обследовании суздальского Рождественского собора, что дало ей возможность лучше изучить приемы точного обмера плана архитектурных памятников. Во время второй экспедиции Г. Ф. Корзухиной удалось на практике освоить метод точного вертикального обмера. В свободное от занятий время она самостоятельно знакомилась с памятниками псковской архитектуры.

В 1928 г. Г. Ф. Корзухина занималась обследованием архитектуры домонгольского периода в Средней России и Белоруссии. В Переславле-Залесском она обмеряла Спасо-Преображенский собор; в Рязани — работала с музейными коллекциями по памятникам великокняжеского периода, изучала на месте Старую Рязань и Ольгово городище, а также собрала коллекцию строительных материалов (кирпичи, известняки, растворы); в Боголюбове — сфотографировала и обмерила разрушающуюся капитель XII в., взяла образцы камня; в Смоленске, Витебске и Полоцке знакомилась с храмами XII–XIII вв., музейными коллекциями, собирала образцы строительного материала. Всего там было обмеряно девять храмов. В 1929 г. Г. Ф. Корзухина с теми же целями вновь посетила Среднюю Россию, а также исследовала памятники южнорусской архитектуры.

Помимо основной темы своей аспирантской работы Г. Ф. Корзухина прорабатывала и смежные дисциплины. По теме «История материальной культуры Сасанидской Персии и Средневекового Кавказа» она прослушала курс К. В. Тревер о персидском искусстве (архитектуре, пластике, торевтике и глиптике) на основе эрмитажных коллекций, а по линии изучения архитектуры и прикладного искусства Кавказа посетила курс профессора А. И. Орбели «Материальная культура Кавказа и мусульманского Ирана X–XIII веков», а также курс по мусульманской археологии и специальный курс по городу Ани, имеющему решающее значение для материальной культуры всего Кавказа. Главное внимание аспирантки привлекала техническая сторона строительного искусства в возможной связи с памятниками

³ В годы замужества в документах и публикациях Г. Ф. Корзухина подписывалась Г. Ф. Воронина либо двойной фамилией. В разном написании ее фамилия встречается в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и на страницах официальных документов, в отзывах о ее работе, характеристиках и т. д.

Владимирского края, а также типологическое изучение конструктивных и декоративных форм. Дополнительной темой по «Западно-Романской пластике» Г. Ф. Корзухина занималась недолго и сконцентрировала свое внимание на архитектуре. По теме «Памятники древнерусской письменности в применении к истории древнерусского искусства» прилежной аспиранткой была проделана большая работа по изучению летописей. За время аспирантуры Г. Ф. Корзухина выступила с несколькими докладами в Разряде русского зодчества ГАИМК, в том числе «Золотые ворота во Владимире XII в.», «Георгиевская церковь во Владимире XII в.», «Великокняжеские постройки Старой Рязани», «К вопросу о культурных взаимоотношениях Владимирской области и Среднего Поволжья», «Преображенский собор в Переславле-Залесском»⁴.

Кроме аспирантских занятий Г. Ф. Корзухина деятельно помогала своему руководителю К. К. Романову в качестве ассистентки на Высших государственных курсах искусствоведения и при кафедре русского искусств ГАИМК, где она вела семинарии второго курса. Как писала сама исследовательница, подготовка к занятиям по Киевскому, Владимиро-Суздальскому и Новгородскому искусству домонгольской поры значительно способствовала расширению ее собственных знаний литературы по отдельным памятникам (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 358. Л. 69).

В «исследовательской учебной работе» аспирантам была «предоставлена самостоятельность» и одновременно «возможность в любое время иметь указания и советы» от старших коллег. В отчете об аспирантуре Г. Ф. Корзухина «считала эту постановку руководства рациональной, так как вырабатывается устойчивость метода и сознание ответственности за выполненную научную работу», а также отметила, что ее исследования «совпадали с кругом работы Разряда русского зодчества». Помощь Академии выражалась и в предоставлении аспирантам возможности без ограничения «пользоваться вспомогательными материалами» в архиве, библиотеке, фототеке и картотеке, где тоже они всегда встречали «полную поддержку со стороны сотрудников» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 358. Л. 70, 71). Г. Ф. Корзухина окончила аспирантуру ГАИМК

в 1930 г. без защиты диссертации, что в тот момент и не требовалось.

Тройка в составе действительного члена ГАИМК Н. П. Сычева, профессора И. С. Плотникова и аспиранта М. И. Артамонова вполне удовлетворительно оценила академическую деятельность Г. Ф. Корзухиной в аспирантуре: «Работы Ворониной Г. Ф. по изучению основы культуры Суздальской земли преимущественно по архитектурным комплексам, представляют интерес и научную ценность, причем архитектурные памятники Рязанской области впервые привлечены ею к сравнительному изучению с памятниками Владимиро-Суздальскими.

Анализ строительных материалов, занимающий важное место при изучении строительного процесса, имеет существенное значение в ее работах. Стремление к изучению культур Романских и Ближнего Востока увязано с основными исследовательскими задачами.

Вполне можно признать, что работы Ворониной Г. Ф. построены строго методологически, причем основное внимание уделяется изучению культурно-исторических процессов в изучаемых областях. Нужно отметить также тщательность в проработке материалов и осторожность в выводах.

В результате участия в экспедициях и самостоятельного выполнения работ владеет методом точных архитектурных обмеров. Успешно выполняет обязанности ассистента на Высших Государственных курсах искусствоведения» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308. Л. 73).

В 1931 г. молодым специалистам, недавно закончившим аспирантуру ГАИМК, в том числе Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Воронину, дана была еще одна дополнительная характеристика, но уже не в аспекте научных достижений, а со стороны идеологической и методологической составляющих их деятельности: «Аспиранты Воронин Н. Н., Динцес Л. А., Козловская Е. Б. и Корзухина Г. Ф., оканчивающие свою аспирантуру к 1.1.1931 г., были приняты в ГАИМК Приемочной Комиссией РАНИОНа (г. Москва) и затем направлены в ГАИМК. Все четверо не могут быть признаны вполне отвечающими требованиям, которые предъявляются к молодым специалистам со стороны советской общественности ни в общественно-политическом, ни в методологическом отношении. Наиболее подготовленным в научно-академическом отношении является Н. Н. Воронин, который одновременно обладает большим навыком в применении марксистской методологии.

⁴ Тексты докладов сохранились в личном фонде исследовательницы в Научном архиве ИИМК РАН (Щеглова, 2010. С. 39).

Рис. 9. Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина и неизвестный. Март, 1929 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126878
 Fig. 9. N. N. Voronin, G. F. Korzukhina and Unknown. March 1929. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126878

Считать Воронина марксистом, тем более законченным, однако, преждевременно. Специальностью Воронина является русская материальная культура, преимущественно архитектура XVI–XVII вв. По имеющимся в ГАИМК дополнительным сведениям по социальному происхождению Воронина отец последнего в дореволюционное время был преподавателем (в технических школах), в этой же области работает теперь в г. Владимире. В общественно-политическом отношении Воронин не проверен. Общественную нагрузку имеет, но характер последней не дает оснований выявить его политическую физиономию. Подлежит в этом отношении дальнейшей тщательной проверке и особого доверия пока не заслуживает. <...> Аспирантка Г. Ф. Корзухина в методологическом отношении подготовлена слабо. В области марксизма почти совершенно беспомощна. Специальность — русская материальная культура, преимущественно архитектурные памятники XVI–XVIII столетий, в области которых обладает знаниями формального порядка. Перестроиться на историю материальной культуры, понимаемой как материальное производство, не сумела и вряд ли сумеет в дальнейшем. По своему социальному происхождению — дочь архитектора

(по непроверенным сведениям, из мещан). В общественно-политическом отношении вполне пассивна. Использование на научной и преподавательской работе сомнительно» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 73. Л. 64, 64об.).

Естественно, такая невысокая оценка «марксистских» навыков молодых ученых и их недостаточная политическая подкованность явно не способствовали рекомендации Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Воронина к оставлению их на работе в ГАИМК по окончании аспирантуры. Только через некоторое время им удалось вернуться в Академию истории материальной культуры. В 1932 г. Н. Н. Воронина приняли на должность научного сотрудника в Феодальный сектор, а в марте 1934 г. Г. Ф. Корзухину — на должность научного сотрудника архива Академии. Приблизительно этим периодом и завершается обнаруженная в Научном архиве ИИМК РАН серия семейных фотографий Корзухиной и Воронина.

Снимки позволяют посмотреть на жизнь аспирантов и сотрудников Академии истории материальной культуры второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. со всеми их горестями и радостями, почувствовать обстановку той эпохи, увидеть счастливые лица молодых ученых,

Рис. 10. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина среди аспирантов и сотрудников ГАИМК. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126885

Fig. 10. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina among postgraduate students and staff scientists of SAHMC. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126885

Рис. 11. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина с родственниками. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126889

Fig. 11. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina with relatives. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126889

Рис. 12. Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина с родственницей. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126890

Fig. 12. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina with a relative. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126890

Рис. 13. Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина с семьей. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126892

Fig. 13. N. N. Voronin and G. F. Korzukhina with the family. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126892

Рис. 14. На балконе Мраморного дворца: 1 — Г. Ф. Корзухина и Н. Н. Воронин, 1929–1930 гг.?; 2 — Г. Ф. Корзухина, Т. И. Милова, В. К. Быстржинский, П. Н. Третьяков (слева направо). НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 125876 (1), I 125872 (2)

Fig. 14. On the balcony of the Marble Palace: 1 — G. F. Korzukhina and N. N. Voronin, 1929–1930?; 2 — G. F. Korzukhina, T. I. Milova, V. K. Bystrzhinskiy, P. N. Tretyakov (from left to right). SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 125876 (1), I 125872 (2)

Рис. 15. Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина и неизвестный. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126893

Fig. 15. N. N. Voronin, G. F. Korzukhina and Unknown. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126893

Рис. 16. Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина и неизвестная (слева). НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126874
 Fig. 16. N. N. Voronin, G. F. Korzukhina and Unknown (left). SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126874

которых ждала непростая судьба. К сожалению, к негативам не сохранилось описания, поэтому не все персоналии пока возможно установить. С 1926 г. Г. Ф. Корзухина и Н. Н. Воронин жили в квартире на Дворцовой набережной, где вместе с ними проживала тетка Г. Ф. Корзухиной (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 129. Л. 3об.). Часть фотографий сделана дома у Корзухиной и Воронина в разные годы (рис. 9–13), несколько — на балконе Мраморного дворца (рис. 14), где располагалась в те годы Академия истории материальной культуры, еще ряд изображений зафиксировали Г. Ф. Корзухину и Н. Н. Воронина во время поездок к родственникам или в кругу друзей (рис. 15; 16).

Вместе с Г. Ф. Корзухиной и Н. Н. Ворониным в аспирантуре ГАИМК учились М. И. Артамонов, С. Н. Замятнин, А. А. Иессен, П. Н. Шульц, М. Г. Худяков, В. А. Богусевич, Л. А. Динцес, составившие блестящую плеяду российских археологов

и историков. Некоторые из них присутствуют на фотографиях из семейного архива Ворониных, в их определении помогли снимки аспирантов из архивного собрания Академии истории материальной культуры, а также групповой снимок аспирантов и сотрудников ГАИМК, сделанный 26 мая 1930 г. во время поездки в Петергоф и хранившийся в личном рукописном фонде Г. Ф. Корзухиной (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101. Л. 2) (рис. 17). Все присутствующие на нем подписаны на обороте рукой Г. Ф. Корзухиной. Снимок с этой же прогулки оказался и во вновь обнаруженных изображениях (рис. 18). Последний, скорее всего, сделан Н. Н. Ворониным. Отгаливаясь от атрибуции этих фотографий, совершенно точно опознаются наши герои и на других кадрах 1920–1930 гг. — на двух групповых снимках студентов археологического отделения во время учебы в Университете (рис. 19, 20), происходящих из фонда Петроградского археологического института.

Рис. 17. Сотрудники и аспиранты ГАИМК в Петергофе, 26 мая 1930 г. Нижний ряд (слева направо): В. К. Быстржинский, А. Н. Карасев, Н. Н. Воронин; средний ряд (слева направо): Е. Б. Козловская, Е. И. Леви, М. В. Морозова, П. Н. Третьяков, Г. Ф. Корзухина, А. К. Супинский, В. А. Головкина, Т. И. Милова, А. М. Золотарев; верхний ряд: П. Н. Шульц и сестра его жены В. А. Головкиной. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. Д. 101. Л. 1

Fig. 17. Staff scientists and postgraduates of SAHMC in Peterhof, May 26, 1930. The lower row (from left to right): V. K. Bystrzhinskiy, A. N. Karasev, N. N. Voronin; middle row (from left to right): E. B. Kozlovskaya, E. I. Levi, M. V. Morozova, P. N. Tretyakov, G. F. Korzukhina, A. K. Supinskiy, V. A. Golovkina, T. I. Milova, A. M. Zolotarev; upper row: P. N. Schultz and sister of his wife V. A. Golovkina. SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 77. F. 101. Sh. 1

Рис. 18. Сотрудники и аспиранты ГАИМК на прогулке в Петергофе, 26 мая 1930 г. (слева направо): А. К. Супинский, П. Н. Третьяков, Е. Б. Козловская, В. К. Быстржинский, Е. И. Леви, М. В. Морозова, П. Н. Шульц, сестра его жены, Г. Ф. Корзухина, А. Н. Карасев, А. М. Золотарев, Т. И. Милова, В. А. Головкина. Фото Н. Н. Воронина. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 126870

Fig. 18. Staff scientists and postgraduates of GAIMK in Peterhof, May 26, 1930 (from left to right): A. K. Supinskiy, P. N. Tretyakov, E. B. Kozlovskaya, V. K. Bystrzhinskiy, E. I. Levi, M. V. Morozova, P. N. Schultz, sister of his wife, G. F. Korzukhina, A. N. Karasev, A. M. Zolotarev, T. I. Milova, V. A. Golovkina. Photo by N. N. Voronin. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. I 126870

Рис. 19. Студенты отделения археологии и истории искусств Ленинградского университета. В нижнем ряду справа сидит Г. Ф. Корзухина; в верхнем ряду третьим справа стоит Н. Н. Воронин. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 98854

Fig. 19. Students of the Department of Archaeology and the History of Art of the Leningrad University. In the lower row, on the right, G. F. Korzukhina seated. In the upper row, the third from the right, N. N. Voronin standing. SA IHMC RAS. Photo Dep. Neg. II 98854

Рис. 20. Студенты отделения археологии и истории искусств Ленинградского университета с преподавателями. В нижнем ряду слева сидят Г. Ф. Корзухина и Н. Н. Воронин (?). НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 293/2

Fig. 20. Students of the Department of Archaeology and History of Art of the Leningrad University with the lecturers. In the lower row G. F. Korzukhina and N. N. Voronin (?) seated. SA IHMC RAS. Photo Dep. Print Q 293/2

Г. Ф. Корзухина и Н. Н. Воронин были потрясюще красивой парой. Семейные портреты, где они запечатлены вдвоем или с сыном, пронизаны теплотой и любовью. В дальнейшем их жизненные пути разошлись, но они сохранили добрые отношения до конца жизни (Славяно-русское ювелирное дело..., 2010. С. 17). Серия архивных фотоснимков берегла для нас документальные свидетельства их лучших лет семейной истории на фоне эпохи 1920–1930-х гг. и работы в Академии истории материальной культуры.

Глядя на эти фотодокументы ушедших лет, хочется призвать всех современных археологов делать побольше собственных снимков и портретов, чаще фотографировать участников экспедиций, а главное, передавать такие фотографии на хранение в архивы, чтобы будущим поколениям исследователей оставалась не только сугубо научная информация о раскопках и о кабинетных штудиях ученых, но и бесценные кадры, запечатлевшие всех, кто потрудился на благо нашей отечественной археологической науки.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 77: Об аспирантах. Переписка, программа и отчеты.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 73: Аспиранты. Переписка, планы работ и отзывы.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 128: Дело Н. Н. Воронина.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 129: Личное дело Н. Н. Воронина.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 308: Дело Г. Ф. Ворониной (Корзухиной).

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 358: Личное дело. Корзухина Гали Федоровна. Кандидат исторических наук. ИИМК АН СССР. Мл. научный сотрудник.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 101: Личные документы.

Вагнер, 1964 — Вагнер Г. К. К 60-летию Н. Н. Воронина // СА. 1964. № 4. С. 60–64.

Воронин, 1929 — Воронин Н. Н. К истории русского зодчества XVI века // Сборник работ аспирантов ГАИМК. Л.: ГАИМК, Бюро по делам аспирантов, 1929. С. 83–93.

Воронин, 1930 — Воронин Н. Н. Крестьянское движение в XVIII веке во Владимирской губернии // Из прошлого Владимирского края. Владимир: Владимирское окр. науч. краевед. общ-во, 1930. С. 5–33.

Воронин, 1934 — Воронин Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934 (Известия ГАИМК; Вып. 92). 129 с.

Гуревич, 1987 — Гуревич Ф. Д. Гали Федоровна Корзухина (к 80-летию со дня рождения) // СА. 1987. № 2. С. 291–293.

Из научного наследия..., 2002 — Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С. А. Жебелева (публикация и примечания И. В. Тункиной) // Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2002. Вып. III. С. 142–195.

Корвенкюля и др., 2015 — Корвенкюля П., Рогалева Н., Браво А. Старые дачи. Ушково (бывш. Тюрисея). Дача Ф. А. Корзухина. URL: https://terijoki.spb.ru/old_dachi/ushkovo_korzuhin.php (дата обращения: 25.12.2021).

Корзухина-Воронина, 1929 — Корзухина-Воронина Г. Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII веков // Сборник работ аспирантов ГАИМК. Л.: ГАИМК, Бюро по делам аспирантов, 1929. С. 69–82.

Медведева, 2008 — Медведева М. В. Документальное наследие Николая Николаевича Воронина в Научном архиве ИИМК РАН // АВ. 2008. Вып. 15. С. 165–172.

Славяно-русское ювелирное дело..., 2010 — Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной / Ред.-сост. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. 624 с.

Фармаковский, 1926 — Фармаковский Б. В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 гг. с приложениями // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 1–36.

Формозов, 2004 — Формозов А. А. Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. 2004. № 2. С. 173–180.

Pages of the family chronicles. Unknown photographic heritage of G. F. Korzukhina and N. N. Voronin

M. V. Medvedeva, D. A. Kukina⁵

Keywords: G. F. Korzukhina, N. N. Voronin, history of science, GAIMK, postgraduate courses in the USSR in the 1920s, photographs, Archives of IHMC RAS, archaeology.

Among the visual sources for archaeology, photographic portraits of the researchers are represented by rather rare examples. Still more infrequently we find photos of archaeologists in their young years in the times of their first expeditions and studies at postgraduate courses. In 2020, at the photographic department of the Scientific Archives of IHMC RAS, an interesting series of glass negatives was revealed among the family photocollection of the well known mediaeval archaeologists Nikolay Nikolaevich Voronin and Gali Feodorovna Korzukhina. These photos belong to the period of the late 1920s–1930s.

G. F. Korzukhina and N. N. Voronin married in 1926. They were united not only through the family life but also by common scientific interests. They were taught together in the Leningrad State University and then almost simultaneously entered the postgraduate courses at GAIMK (State Academy for the History of Material Culture); they both studied the history of Russian architecture with one and the same supervisor of studies, Prof. of Architecture K. K. Romanov, and together went to expeditions.

N. N. Voronin, taken to the postgraduate courses at GAIMK in 1928, was occupied mostly with monuments of the Russian architecture of the 16th–17th century. During the years of his training he actively participated in expeditions and business trips, was occupied with measurements and photographing of already known sites and new ones just discovered. The scientific interests of G. F. Korzukhina during the postgraduate courses were concentrated on the architecture of the Vladimir-Suzdal region of the 12th–13th century. The supervisor of studies invariably highly estimated the work of the postgraduate students. The two researchers both successfully graduated from the courses and after some time became workers of GAIMK.

The photographs here published reflect the life of the postgraduate students and workers of the Academy of the History of Material Culture in the second half of the 1920s — early 1930s and allow us to feel the situation in that epoch. The photos supplement much our views of N. N. Voronin and G. F. Korzukhina presenting documentary evidence about the best years of their family history.

---

⁵ Maria V. Medvedeva, Darya A. Kukina — Scientific Archives, Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marriyam@mail.ru; daria_kukina@mail.ru.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. Вып. 1–13 — СПб., ИИМК РАН; 14, 15 — М., Наука; 16–21 — СПб., Дмитрий Буланин; 22 и далее — СПб., ИИМК РАН
- АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
- АН — Академия наук
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БГУ — Белорусский государственный университет
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГМЗ — Государственный музей-заповедник
- ГРБ ОД — Государственная Российская библиотека. Отдел диссертаций
- ГУ — Государственный университет
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
- КарНЦ РАН — «Карельский научный центр Российской академии наук»
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л.; М.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии РАН
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НА — Научный архив
- НАН — Национальная академия наук
- НиНЗИиА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
- НМЗ — Новгородский музей-заповедник
- НОА — Научно-отраслевой архив
- НПГКМЗ — Национальный Полоцкий государственный историко-культурный музей-заповедник
- РА — Российская археология. М.
- РАН — Российская академия наук
- РО — Рукописный отдел
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников
- Сб. ст. — сборник статей
- СЛИААМЗ — Старо-Ладожский историко-археологический и архитектурный музей-заповедник
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- Тр. — труды
- ФНИ ГАН — Фундаментальные научные исследования государственных академий наук
- ФО — Фотоотдел
- ЧНПУ ім. Т. Г. Шевченка — Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка
- A. G. — archive group
- F. — fund
- In. — inventory
- Man. Dep. — Manuscript Department
- Neg. — negative
- Photo Dep. — Photo Department
- Pr. — print
- SA IHMC RAS — Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
- Sh. — sheet

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 36**

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 19.08.2022. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 36,5. Тираж 300 экз. Заказ 2760.
Дата выхода: 2 сентября 2022 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 36 —

